

38!

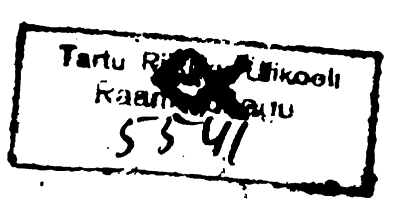
ИСТОРІЯ

80-го ПѢХОТНАГО КАБАРДИНСКАГО

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛА

КНЯЗЯ БАРЯТИНСКАГО ПОЛКА.

(1726—1880).

ТОМЪ II.

А. Зиссермана.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Граціанскаго. Невскій, № 46.
1881.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

I.

Новый періодъ кавказской войны, вслѣдствіе адріанопольскаго трактата.—Проэкты покоренія горцевъ.—Служба Кабардинскаго полка до 1834 года.—Происшествія и отличія.—Переформированіе полка въ 5 бат. и выступленіе двухъ бат. въ Закубанскій отрядъ. 1

II,

Общее положеніе на Кавказѣ.—Отсутствіе системы и послѣдовательности въ дѣйствіяхъ.—Возникновеніе мюридизма.—Выступленіе на сцену Кази-муллы.—Его дѣйствія и привлеченіе народа къ новому ученію.—Безуспѣшная атака имъ Хунзаха 9

III.

Прибытіе въ Дагестанъ русскаго отряда и призрачная покорность горцевъ.—Возобновленіе враждебныхъ дѣйствій и пораженіе Кази-муллы.—Проэкты Паскевича и Вельяминова.—Мнѣніе императора Николая и предположенія барона Розена.—Споръ о лучшемъ времени дѣйствій въ Чечнѣ.—Взятіе Гимры и смерть Кази-муллы.—Новый имамъ Гамзатъ-бекъ.—Обложеніе Хунзаха и истребленіе аварскихъ хановъ. — Смерть Гамзатъ-бека. — Его преемникъ Шамиль.—Пораженіе горцевъ русскими отрядами въ Гоцатлѣ 20

IV.

Рѣшительныя дѣйствія на западномъ Кавказѣ.—Экспедиція 1834 года.—Распри бар. Розена съ Вельяминовымъ.—Зимнее расположеніе батальоновъ.—Участіе въ набѣгахъ генерала Засса.—Экспедиція 1835 года.—Набѣги Засса.—Предположенія на 1836 годъ для занятія морского берега.—Экспедиція 1836 года.—Набѣги Засса и происшествія на линіи.—Результатъ экспедиціи . . . 39

V.

Экспедиція 1837 года и ея цѣль.—Закладка береговыхъ укрѣпленій и ихъ устройство.—Пріѣздъ императора Николая въ Геленджикъ.—Роспускъ отряда на зимнія квартиры 61

СТРАН.

VI.

Происшествія на восточномъ Кавказѣ съ 1834 по 1838 годъ.—Экспедиція генерала Фези въ Аварію.—Увольненіе барона Розена, смерть Вельяминова, назначеніе генераловъ Головина и Граббе.—Поступленіе Кабардинскаго полка въ отрядъ генерала Крюкова и работы по обезпеченію Военно-Грузинской дороги.—Выступленіе 3-хъ батальоновъ въ кр. Внезапную.—Происшествія въ южномъ Дагестанѣ.—Движеніе отряда ген. Крюкова въ горы и обратно.—Взятіе аула Міатлы.—Роспускъ отряда на зимнія квартиры.—Возобновленіе волненій и безрезультатность нашихъ предшествовавшихъ дѣйствій.—Мнѣніе императора Николая о предстоящихъ дѣйствіяхъ.—Окончательныя указанія для дѣйствій въ 1839 году 70

VII.

Приготовленія къ дѣйствіямъ 1839 года.—Вторженіе Шамиля въ мирные аулы.—Сборъ отряда генерала Граббе и дѣйствія его въ Ичкеріи.—Взятіе Ахметъ-Тала и Саясани.—Отступленіе отряда изъ Ичкеріи 83

VIII.

Планъ экспедиціи въ Ахульго.—Выступленіе отряда изъ Внезапной.—Занятіе съ боя Буртуная.—Движеніе къ Аргуани.—Рекогносцировка этого укрѣпленнаго аула.—Штурмъ Аргуани.—Дѣйствія генерала Головина.—Дальнѣйшее движеніе отряда и занятіе Чирката.—Занятіе Ашильты и устройство моста на Койсу.—Начало блокады и осады Ахульго 96

IX.

Описаніе Ахульго.—Расположеніе войскъ и осадныя работы.—Появленіе непріятеля въ тылу отряда.—Его пораженіе.—Движеніе къ Сагрытло и разсѣяніе горцевъ.—Продолженіе осадныхъ работъ.—Отбитый штурмъ Сурхаевой башни 114

X.

Продолженіе осады.—Вторичный неудавшійся штурмъ башни.—Занятіе ея ночью.—Усиленіе работъ противъ Новаго Ахульго.—Прибытіе подкрѣпленій.—Отбитый штурмъ 16 іюля.—Устройство переправы чрезъ Койсу и обложеніе Ахульго со всѣхъ сторонъ.—Новыя работы.—Вступленіе Шамиля въ переговоры.—Ихъ безплодность и вторичный штурмъ 18 августа.—Возобновленіе переговоровъ и напрасная потеря времени 127

XI.

Послѣдній штурмъ 22 августа.—Кабардинцы занимаютъ Новое Ахульго, вскорѣ вмѣстѣ съ Апшеронцами и Старое Ахульго.—Семидневный бой до совершеннаго очищенія отъ непріятеля взя-

СТРАН.

той позиціи.—Бѣгство Шамиля.—Выступленіе изъ Ахульго.—Награды полку.—Движеніе къ Чиркею и вѣроломное нападеніе на авангардъ отряда.—Движеніе къ Инчхе и возвращеніе во Внезапную.—Взглядъ на результаты взятія Ахульго.—Военныя происшествія на правомъ флангѣ. 143

XII.

Ошибочные взгляды на результаты дѣйствій.—Разнорѣчіе между генералами.- Начало волненій въ Чечнѣ и участіе Шамиля въ ихъ возбужденіи.—Неожиданность возмущенія Чечни.—Сборъ и дѣйствіе отряда генерала Галафѣева.—Смѣлые набѣги чеченцевъ за Терекъ.—Дѣйствія Шамиля въ Дагестанѣ 160

XIII.

Занятія войскъ на Лабинской линіи и движеніе оттуда Кабардинскихъ батальоновъ въ Чечню.—Набѣги за Лабу.—Дѣйствія Чеченскаго отряда по 7-е ноября въ Малой Чечнѣ. — Дѣйствія въ Большой Чечнѣ.—Роспускъ отряда на зиму.—Послѣдствія 1840 г. 169

XIV.

Предположенія о дѣйствіяхъ въ 1841 году.—Происшествія въ Аваріи вслѣдствіе бѣгства Хаджи-Мурата и неудачнаго дѣла подъ Цельмесомъ. — Набѣгъ Ахверды-Магома на Военно-Грузинскую дорогу.—Нападеніе Шамиля на Назранъ.—Начало дѣйствій отрядовъ и движеніе Чеченскаго къ Внезапной.—Выступленіе въ Салатавію и взятіе съ боя Хубарскихъ высотъ.—Неудавшаяся переправа Дагестанскаго отряда чрезъ Сулакъ у Ахатлы.—Соединеніе обоихъ отрядовъ и занятіе вторыхъ Хубарскихъ высотъ.—Занятіе Чиркея и выступленіе Чеченскаго отряда въ Аухъ.—Отзывъ Головина о Граббе 177

XV.

Дѣла съ горцами при разореніи Ауховскихъ ауловъ.—Выступленіе отряда въ Грозную.– Движеніе къ Чахъ-Кири.—Отступленіе для постройки укрѣпленій на Сунжѣ.—Выступленіе къ Заканъ-Юрту и работы здѣсь.—Окончаніе постройки укрѣпленій и движеніе за Сунжу.—Прибытіе въ Казакъ-Кичу и закладка втораго укрѣпленія. — Набѣги за Сунжу и дѣла съ чеченцами. — Окончаніе постройки и движеніе въ Малую Чечню.—Разореніе здѣсь ауловъ.—Выступленіе въ Большую Чечню.—Дѣла съ непріятелемъ.—Роспускъ отряда.—Зимніе набѣги изъ Грозной и Назрана.—Неудачное вторженіе Ахверды-Магомы.—Плѣнная чеченка-амазонка . 187

XVI.

Положеніе сѣвернаго Дагестана.—Безрезультатность предшествовавшихъ дѣйствій нашихъ. — Предположенія ген. Граббе и взглядъ императора Николая.—Соображенія генерала Головина.—Отношенія его къ Граббе.—Окончательныя распоряженія на 1842 г. 204

СТРАН.

XVII.

Неожиданныя волненія въ южномъ Дагестанѣ. — Возмущеніе Акуши и средняго Дагестана.—Неудачное дѣло въ Аваріи.—Пререканія между Головинымъ и Граббе. — Движеніе послѣдняго къ Дарго и несчастныя дѣла въ Ичкеринскихъ лѣсахъ.—Донесеніе Граббе и отвѣтъ на него. — Движеніе отряда въ Дагестанъ и безплодное дѣло у Игали.—Отступленіе къ Цатаниху.—Результаты экспедиціи.—Роспускъ отряда и награды полку 217

XVIII.

Перемѣна начальствующихъ лицъ.—Работы по возведенію Куринскаго укрѣпленія и дѣйствія противъ насъ Шамиля. — Расположеніе батальоновъ полка на зиму 1842—43 г. — Взглядъ на положеніе дѣлъ.—Результаты поѣздки кн. Чернышева на Кавказъ.—Переводъ штабъ-квартиры полка во Внезапную. — Назначеніе князя Чернышева шефомъ полка съ присвоеніемъ его имени.—Расположеніе батальоновъ и занятія работами.—Назначеніе полковника Козловскаго командиромъ полка.—Характеристика прежнихъ командировъ и И. М. Лабынцова 232

XIX.

Взглядъ на положеніе кавказскихъ дѣлъ въ 1843 году. — Прибытіе новаго главнокомандующаго Нейдгарда и тревожныя извѣстія о предпріятіяхъ Шамиля 243

XX.

Начало наступательныхъ дѣйствій Шамиля. — Нападеніе на Унцукуль.—Движеніе на помощь колонны подполковника Веселицкаго и гибель ея.—Паденіе водяной башни.—Два отбитыхъ штурма.—Переходъ жителей къ Шамилю.—Отчаянная защита остатковъ гарнизона.—Сдача укрѣпленія.—Распоряженія Шамиля.—Несчастное дѣло маіора Зайцева въ Харачи. — Прибытіе 3-хъ ротъ Кабардинскаго полка и дальнѣйшія событія 256

XXI.

Сосредоточеніе войскъ къ Хунзаху. — Атака Шамилемъ другихъ мелкихъ укрѣпленій. — Паденіе Балаканы. — Взятіе Моксохской башни.—Истребленіе гарнизона Цатаниха и захватъ парка.—Появленіе непріятеля въ окрестности Хунзаха, измѣна аварскихъ ауловъ и сдача горцамъ укрѣпленія Ахальчи. — Паденіе Гоцатлинскаго укрѣпленія. — Прибытіе Самурскаго отряда въ Аварію. — Нерѣшительныя дѣйствія подъ Танусомъ. — Отступленіе Шамиля изъ Аваріи.—Потери русскихъ войскъ. 270

XXII.

Положеніе дѣлъ на плоскости.—Мѣры къ усиленію войскъ въ Дагестанѣ.—Внезапное появленіе Шамиля подъ Внезапной.—Бли-

СТРАН.

стательная защита полковника Козловскаго.—Отступленіе Шамиля и роспускъ его скопищъ. — Прискорбное происшествіе съ штабсъ-капитаномъ Жданъ-Пушкинымъ. — Прибытіе генерала Клугенау съ частью отряда изъ Хунзаха. — Предположенія о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій. — Рѣшеніе удержать Хунзахъ и распредѣленіе войскъ 282

XXIII.

Обстоятельства предшествовавшія описаннымъ событіямъ и ихъ дальнѣйшее развитіе. — Разнорѣчивыя свѣдѣнія о намѣреніяхъ Шамиля. — Появленіе непріятеля предъ Гергебильскимъ укрѣпленіемъ. — Отвлеченіе нашихъ резервовъ ложными слухами отъ Дагестана. — Нападенія на Гергебиль и взятіе его послѣ геройской защиты. — Безплодное движеніе отряда генерала Гурко на выручку и вынужденное отступленіе его въ Шуру.—Распоряженія къ оставленію Аваріи.—Очищеніе разныхъ пунктовъ на плоскости. — Расположеніе войскъ — Распоряженіе Шамиля къ прекращенію сообщеній нашихъ съ Дербентомъ. — Общее возстаніе всего дагестанскаго населенія 292

XXV.

Блокада Шамилемъ Темиръ-Ханъ-Шуры. — Нападенія горцевъ на укр. Низовое.—Геройская защита гарнизона и освобожденіе его генераломъ Фрейтагомъ.—Оставленіе Низоваго и отступленіе отряда въ Казіюртъ. — Положеніе Шуры и Аварскаго отряда.— Очищеніе Сулакской линіи. 308

XXVIII.

Отступленіе Аварскаго отряда изъ Хунзаха. — Мѣры Шамиля къ его задержанію. — Подробности отступленія и сидѣніе въ Зырянахъ.—Прибытіе на выручку отряда генерала Гурко и соединеніе съ нимъ 320

XXIX.

Событія происходившія во время описанныхъ въ предыдущей главѣ происшествій.—Прибытіе въ Дагестанъ отряда ген. Фрейтага.— Пораженіе горцевъ: у Мусслимъ-аула и Казанищи. — Движеніе на выручку отряда Пассека.—Соединеніе отрядовъ и отступленіе изъ Зыряны.—Возвращеніе въ Темиръ-Ханъ-Шуру.—Распредѣленіе войскъ на зиму. — Потери наши съ августа мѣсяца. — Набѣги Козловскаго въ Аухъ. 336

XXX.

О причинахъ событій 1843 года. — Ихъ послѣдствія и вызванныя новыя предположенія о дѣйствіяхъ на Кавказѣ. — Собственноручное письмо императора Николая къ генералу Нейдгарту. — Отвѣтъ Нейдгарта и измѣненіе предположеній.—Дополнительныя и политическія мѣры 346

СТРАН.

XXXI.

Открытіе Шамилемъ наступательныхъ дѣйствій.—Движеніе его къ Андреевой и пораженіе горцевъ Кабардинскими ротами.—Прибытіе ген. Нейдгарта съ войсками и препятствія встрѣченныя къ начатію дѣйствій. — Неудачное движеніе въ М. Чечню. — Дѣла въ Дагестанѣ.—Нерѣшительность нашихъ дѣйствій. — Частные успѣхи.—Начало общихъ наступательныхъ движеній.—Отступленіе Шамиля отъ Буртуная.—Раздѣленіе отрядовъ и дѣйствія въ Акушѣ 356

XXXII.

Новыя предположенія ген. Нейдгарта.—Занятіе Акуши и движеніе къ Карадахскому мосту. — Отступленіе отрядовъ безъ результата.—Измѣненіе прежнихъ предположеній. — Выступленіе Чеченскаго отряда изъ Дагестана обратно за Сулакъ. — Движеніе на Аргунъ и постройка кр. Воздвиженской. — Набѣги въ окрестностяхъ.—Роспускъ отряда на зимнія квартиры 367

XXXIII.

Дѣятельность Кабардинскаго полка въ 1844 г.—Убійство Шуаибъ-муллы и его послѣдствія.—Наступательныя движенія всѣхъ отрядовъ.—Обзоръ результатовъ 1844 года.—Окончательный планъ дѣйствій на 1845 г. и приготовленія къ нему. — Мнѣніе новаго главнокомандующаго кн. Воронцова 382

XXXIV.

Экспедиція 1845 года.—Первый ея періодъ, отъ начала выступленія отрядовъ до занятія Андіи включительно. 398

XXXV.

Второй періодъ экспедиціи 1845 года. — Затрудненія въ доставкѣ продовольствія.—Движеніе въ Дарго и занятіе его. — Несчастная экспедиція за сухарями 416

XXXVI.

Отступленіе изъ Дарго. — Прибытіе на позицію въ Шаухалъ-Берды.—Критическое положеніе отряда.—Появленіе генерала Фрейтага и соединеніе съ нимъ. — Прибытіе въ Герзель-аулъ и роспускъ войскъ. 436

XXXVII.

Донесенія и письма князя Воронцова.—Взглядъ на дѣйствительное значеніе похода 1845 г.—Записка кн. Чернышева.—Рѣшеніе перейти къ систематическимъ дѣйствіямъ.—Положеніе Чечни до экспедиціи 1845 г.—Происшествія въ Веденѣ и распоряженія Шамиля.—Мелкія дѣла 1845 г.—Награды полку. 457

Генералъ отъ инфантеріи

ИВАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ЛАБЫНЦЕВЪ.

I.

Новый періодъ кавказской войны, вслѣдствіе адріанопольскаго трактата.— Проэкты покоренія горцевъ.— Служба Кабардинскаго полка до 1834 года.— Происшествія и отличія.—Переформированіе полка въ 5 бат. и выступленіе двухъ бат. въ Закубанскій отрядъ.

Съ настоящей главы я приступаю къ разсказу объ эпохѣ намъ болѣе близкой, болѣе интересной, но и менѣе извѣстной. Всѣ событія, которыхъ мнѣ пришлось коснуться въ исторіи Кабардинскаго полка, начиная персидскимъ походомъ Петра и кончая войной 1828—29 годовъ въ Азіатской Турціи, уже имѣли свои, болѣе или менѣе подробныя исторіи или по крайней мѣрѣ очерки, изданные не только на русскомъ, но и на иностранныхъ языкахъ. Въ промежуткѣ между ними были эпизоды: походъ графа Зубова въ Дагестанъ и Персію, присоединеніе Грузіи, движеніе туда нашихъ войскъ и вызванныя этимъ дѣйствія противъ горцевъ, персіянъ и нѣкоторыхъ мусульманскихъ хановъ, не имѣющія еще отдѣльныхъ исторій, но описанія ихъ, хотя и безъ послѣдовательности, отрывками, все же разбросаны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и другихъ сичиненіяхъ. Эпоха же, къ которой я приступаю теперь, составляющая исключительно новѣйшую тридцати пяти лѣтнюю войну съ горцами Западнаго и Восточнаго Кавказа, еще ожидаетъ историка, а небольшія отрывочныя свѣдѣнія, въ видѣ отдѣльныхъ эпизодическихъ описаній или воспоминаній, такъ разсѣяны по разнымъ изданіямъ и съ такимъ трудомъ могутъ быть собраны, что составить изъ нихъ хотя нѣчто связное, дающее цѣльное понятіе о возникновеніи, развитіи и конечныхъ результатахъ послѣдней кавказской войны (1830—1864) можетъ быть плодомъ только продолжительной, усидчивой работы. Желаніе представить ее даже въ самомъ сжатомъ очеркѣ становится от-

части труднѣе, чѣмъ описаніе событій, столѣтіемъ ранѣе происходившихъ, не взирая на то, что для этого новѣйшаго періода нашей исторіи матеріалъ гораздо обильнѣе, доступнѣе по своему слогу и почерку, который въ рукописяхъ старыхъ иногда ставитъ чрезвычайныя затрудненія.

Но здѣсь, такъ сказать, самое обиліе матеріала составляетъ затрудненіе для человѣка, имѣющаго ограниченную спеціальную рамку: не вдаваясь въ подробности, относящіяся вообще до исторіи войны и завоеванія Кавказа, ознакомить читателя съ условіями и причинами тѣхъ дѣйствій, которыя выпали на долю описываемаго полка. Ограничиваться же однимъ сухимъ перечнемъ фактовъ и изложить нѣчто въ родѣ дневной записки о движеніяхъ и занятіяхъ полка, значило бы написать книгу, которой никто не сталъ бы читать. Я, поэтому, съ самаго начала настоящаго труда далъ немного большій объемъ программѣ, и всякому событію, связанному съ участіемъ въ немъ боевой дѣятельности Кабардинскаго полка, старался придать достаточное освѣщеніе, чтобы тѣмъ читателямъ, которымъ военная исторія Россіи въ послѣдніе полтора вѣка незнакома въ подробностяхъ (а такихъ читателей можно предполагать въ большинствѣ), стали понятны и причины, породившія событія, и послѣдствія ихъ для нашего отечества *).

Адріанопольскій трактатъ передалъ окончательно во власть Россіи весь Кавказскій перешеекъ. Закубанскій край съ восточнымъ берегомъ Чернаго моря считался до того принадлежащимъ Турецкой имперіи и, такимъ образомъ, населявшія всю эту западную часть Кавказа племена, извѣстныя подъ общимъ именемъ черкесъ (Адиге), считались за враждебныхъ намъ *сосѣдей*, дѣлавшихъ набѣги на наши поселенія по Кубани и въ тылу ея.

Для возмездія этимъ хищнымъ племенамъ, при безплодности жалобъ турецкимъ пашамъ, находившимся въ Анапѣ въ качествѣ номинальныхъ правителей ихъ, наши небольшіе отряды иногда проникали въ ихъ земли, сжигали ихъ аулы

---

*) Это побуждало меня дѣлать и длинныя выписки изъ соотвѣтствующихъ книгъ, въ родѣ исторій турецкой войны 1769—75 г. или 1828—29 годовъ и нѣкоторыхъ другихъ.

и угоняли скотъ, теряя, впрочемъ, не мало людей убитыми и ранеными, чтó едва ли вознаграждалось нанесеннымъ непріятелю вредомъ.

Съ этого же времени, т. е., съ заключенія Адріанопольскаго договора, племена черкесскія уже поступали въ число нашихъ подвластныхъ и становились *не* враждебными *сосѣдями*, а непокорными *подданными*. Само собою, подобное положеніе не могло быть терпимо и первою заботою правительства, послѣ окончанія войны съ Турціею, было усмиреніе закубанскихъ племенъ и прекращеніе сношеній ихъ съ Турціею, съ которою у нихъ съ незапамятныхъ временъ происходила торговля, главнымъ товаромъ коей были невольники. Этотъ живой товаръ черкесы добывали набѣгами на русскія поселенія, отчасти и на другія кавказскія же племена; кромѣ того, продавали дѣтей, прижитыхъ въ аулахъ плѣнными, а нерѣдко и собственныхъ. За этотъ главный продуктъ торговли черкесы получали хлѣбъ, соль и, что было важнѣе всего для нихъ,—порохъ, свинецъ, оружіе; при этомъ являлись къ нимъ эмисары турки для религіознаго фанатизированія, а англичане и другіе европейцы для возбужденія фантастическихъ надеждъ на помощь ихъ правительствъ, султана турецкаго и египетскаго паши въ сопротивленіи русскимъ войскамъ...

Съ цѣлью прекратить такое положеніе дѣлъ, въ 1830 году, графъ Паскевичъ съ отрядомъ совершилъ движеніе за Кубань со стороны Черноморіи, обозрѣлъ мѣстность и направленіе дорогъ къ Анапѣ и составилъ предположеніе объ устройствѣ линіи отъ одной изъ кубанскихъ переправъ, прямо чрезъ хребетъ, къ морскому берегу, въ убѣжденіи, что та часть Закубанскаго и прибрежнаго края, которая будетъ замкнута между новою укрѣпленною линіею, приморскими укрѣпленіями: Геленджикомъ и Анапою и низовьями Кубани, очутится совершенно въ нашихъ рукахъ, а населяющее ее значительное племя натухайцевъ вынуждено будетъ покориться. Тѣмъ же способомъ, занявъ опять извѣстное пространство предгорій и пройдя имъ до берега моря, съ устройствомъ тамъ укрѣпленій, графу Паскевичу казалось возможнымъ окончательно покорить весь

этотъ край, отрѣзавъ ему всякую возможность сношеній съ турками.

Отозванный вскорѣ для командованія арміею въ Польшѣ, графъ Паскевичъ уже не имѣлъ случая лично приводить въ исполненіе свои предположенія; но назначенному на мѣсто его на Кавказъ, генералъ-адъютанту барону Розену было вмѣнено въ обязанность немедленно заняться осуществленіемъ мысли графа Эриванскаго и этому дѣлу посвятить преимущественное вниманіе.

Въ 1831 и 1832 годахъ баронъ Розенъ вынужденъ былъ однако предпринять дѣйствія на восточномъ Кавказѣ, гдѣ первый глава мюридизма, Кази-мулла, поставилъ насъ въ критическое положеніе.

Покончивъ же здѣсь дѣла, баронъ Розенъ съ 1833 года обратился къ исполненію вышеозначенной задачи въ Закубанскомъ краѣ, возложивъ ее на командовавшаго войсками на Кавказской линіи генерала Вельяминова.

Въ этотъ промежутокъ времени, т. е. въ 1831, 32 и 33 годахъ, Кабардинскій полкъ продолжалъ исполнять свою спеціальную обязанность, съ такимъ успѣхомъ имъ уже выполнявшуюся въ 1820—27 годахъ. Онъ занималъ центръ Кавказской линіи: Нальчикъ, Екатериноградъ, Баксанъ, Пятигорскъ, разныя станицы и мелкіе посты—Прохладную, Бѣломечетку, Солдатскую и проч., охраняя всѣ окрестности и главную почтовую дорогу отъ набѣговъ закубанцевъ и кабардинскихъ абрековъ, составлявшихъ долгое время грозу центра и праваго фланга линіи. Обязанность, лежавшая на трехъ баталіонахъ полка, была весьма тяжелая и людямъ приходилось быть въ постоянной готовности бѣжать по тревогѣ или для защиты угрожаемаго пункта, или для преслѣдованія уходящихъ хищниковъ. Въ тѣ годы, при недостаткѣ у насъ кавалеріи, мелкія партіи не давали намъ покоя; какъ назойливыя осы лѣтомъ, кружились абреки надъ станицами, дорогами и вообще мѣстами, гдѣ только можно было преслѣдовать появленіе русскаго человѣка, и пользовались малѣйшею оплошностію, неравенствомъ силъ, чтобы убить, захватить кого нибудь въ плѣнъ, угнать скотъ. Каждый шагъ за ограду

станицы или укрѣпленія, хотя бы въ ближайшей окрестности, всякое хозяйственное предпріятіе внѣ дома, сопряжены были съ крайнею опасностью для жизни и свободы нашихъ людей. Тогдашнія донесенія о происшествіяхъ на Кавказѣ показываютъ, что не проходило почти дня, чтобы въ одномъ или другомъ мѣстѣ не произошло какого нибудь кроваваго случая.

Нѣтъ возможности исчислить всѣ подобныя происшествія, хотя бы онѣ и относились къ полку. Только для примѣра я привожу нѣкоторыя изъ нихъ.

Такъ, въ ночь на 23-е августа 1831 года, 3-й гренадерской роты унтеръ-офицеръ Токаревъ, рядовой Роговъ и барабанщикъ Косяковъ ѣхали на артельной повозкѣ изъ Георгіевска и остановились въ 2-хъ верстахъ отъ Старо-Маріевки ночевать, имѣя при себѣ ружья. На нихъ напали около 40 человѣкъ кабардинцевъ-абрековъ, но солдаты наши засѣли за повозку и такъ молодецки защищались, что хищники, за раною ихъ предводителя князя Тамбатъ-Бесленева и потерею 4-хъ лошадей, должны были уйти, успѣвъ захватить 2-хъ артельныхъ лошадей, испугавшихся выстрѣловъ и бросившихся въ степь. Абреки были увѣрены, что имѣли дѣло съ сильною командою и не хотѣли вѣрить, когда впослѣдствіи черезъ лазутчиковъ узнали, что команда была изъ 3-хъ человѣкъ. Императоръ Николай повелѣлъ Токареву производить треть добавочнаго жалованья на крестъ *), а Рогову и Косякову пожалованы георгіевскіе кресты.

Въ этомъ же году горцы осадили крѣп. Внезапную. Слабый гарнизонъ держался уже 16-ть дней, страдая жестоко отъ недостатка воды; половина людей была перебита и переранена, а непріятель все усиливался вновь прибывающими толпами. Минута приближалась рѣшительная...

Командовавшій войсками на Кавказской линіи, генералъ Эмануэль спѣшилъ на помощь, собравъ отовсюду что только можно было, мелкими командами, въ томъ числѣ 5-ю мушкетерскую роту Кабардинскаго полка. Для ускоренія движенія

---

*) Тоже что теперь крестъ съ бантомъ.

забиралъ въ станицахъ подводы, верховыхъ лошадей, на которыхъ везли то ранцы, то самихъ людей. Рота сдѣлала въ сутки около ста верстъ и присоединилась къ нѣсколькимъ ротамъ, уже бывшимъ впереди съ генераломъ Эмануэлемъ. На другой день выступили и сдѣлали въ сутки 80 верстъ до Ташкичу, затѣмъ въ полночь 28 іюня отрядъ, составлявшій 8 сводныхъ ротъ, при 5-ти пушкахъ и нѣсколькихъ сотняхъ казаковъ, уже въ боевомъ порядкѣ тронулся къ Внезапной. Въ авангардѣ двигались: рота Кабардинскаго полка съ однимъ орудіемъ и 200 гребенскихъ казаковъ.

На дорогѣ аулъ Байрамъ былъ занятъ непріятелемъ. Къ нему двинули колонну: въ 1-й линіи 4 роты (въ томъ числѣ наша 5-я) съ 3-мя орудіями, во 2-й линіи баталіонъ Севастопольскаго полка, и взяли аулъ штурмомъ, а 29 числа къ 8 часамъ вечера наконецъ подошли къ Внезапной. Кази-мулла снялъ осаду, отступивъ въ урочище Чумлы, въ 8-ми верстахъ отъ крѣпости *).

30-го числа изъ Ташкичу двигались еще двѣ роты Севастопольскаго полка съ транспортомъ продовольствія и снарядовъ; для обезопасенія ихъ отъ нападеній были посланы изъ отряда на встрѣчу двѣ роты (5-я Кабардинская и одна Севастопольская) съ 200 казаковъ и двумя орудіями. Во время пути имѣли они перестрѣлку съ горцами и возвратились благополучно. Затѣмъ наша рота оставалась цѣлый мѣсяцъ въ резервѣ у Внезапной и возвращена назадъ въ Кабарду, гдѣ постоянно опасались за сообщенія съ Россіею.

Въ 1832 г., 9 августа, состоялся слѣдующій приказъ барона Розена по корпусу: «9 рядовыхъ Кабардинского пѣх. полка, слѣдуя изъ Екатеринограда въ Урухское укрѣпленіе и бывъ атакованы партіею хищниковъ, въ числѣ 30 человѣкъ, подъ предводительствомъ бѣглыхъ кабардинскихъ князей: Атажукина и Докшукина, съ примѣрнымъ мужествомъ отразили нѣсколько рѣшительныхъ нападеній, при чемъ, убивъ у горцевъ 2-хъ человѣкъ и ранивъ 3-хъ, принудили партію сію

---

*) Интересно, что на отнятомъ у горцевъ во время дѣла значкѣ была надпись: «vive le roi».

удалиться въ горы. По доведеніи мною о семъ до высочайшаго свѣдѣнія, государь императоръ всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать: Павлу Кащенко знакъ отлич. военнаго ордена и произведенъ въ унтеръ-офицеры; Степану Крастелеву, Николаю Душкину знаки отличія военнаго ордена; Мартыну Алексѣеву, Евдокиму Невдалову, Филипу Васильеву, Алексѣю Кракову, Григорію Грязеву и Никитѣ Гущину—по 25 рублей ассигнац. каждому.

Въ 1833 году, 20 февраля, начальникъ укрѣпленія Урухъ, штабсъ-капитанъ Балашъ съ четырьмя офицерами: поручики Двигубскій и Покусаевъ, прапорщики Чаплыгинъ и Гавриловъ (всѣ Кабардинскаго полка) съ 17 донскими казаками поѣхали изъ Минарета въ Урухъ, гдѣ стояли наши роты. Около р. Змѣйки напала на нихъ партія кабардинскихъ абрековъ; поручика Двигубскаго и двухъ казаковъ убили, Гаврилова и шесть казаковъ тяжело ранили, а Балашъ, Чаплыгинъ и шесть казаковъ взяты въ плѣнъ; только два казака успѣли спастись. Предводители этой шайки былиизвѣстные бѣглецы изъ Кабарды Хамурзины, продолжавшіе свои набѣги безъ устали.

Однако—«повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить». Въ маѣ того же года партія Хамурзиныхъ, захваченная при переправѣ чрезъ Терекъ казаками, была истреблена до единаго почти человѣка. Родственники ихъ рѣшили, въ отмщеніе, убить нашихъ плѣнныхъ Балаша и Чаплыгина. Узнавъ объ этомъ наканунѣ дня казни, они бѣжали. Балашъ, истощивъ всѣ силы и чувствуя невозможность дальше двигаться, зашелъ въ какой-то непокорный чеченскій аулъ и отдался первому чеченцу, обѣщавъ ему извѣстную сумму, если онъ его доставитъ въ ближайшее русское укрѣпленіе; а Чаплыгина догнали и вернули опять въ тотъ аулъ, изъ котораго онъ бѣжалъ. Но должно быть родственники Хамурзиныхъ передумали и, вмѣсто казни офицера, рѣшились, напротивъ, просить у русскаго правительства прощенія и дозволенія возвратиться въ Кабарду, а въ доказательство своего раскаянія представили плѣннаго Чаплыгина. Балаша же чеченецъ доставилъ въ Грозную и получилъ условленную сумму.

Послѣ бѣгства изъ Курага, онъ скрывался въ Вольной Табасарани, гдѣ съ успѣхомъ проповѣдывалъ мюридизмъ, семейство же его и родные проживали, между тѣмъ, спокойно въ селеніи Ярагъ. Новое доказательство недобросовѣстнаго въ этомъ случаѣ распоряженія Асланъ-хана, и новое доказательство въ подтвержденію предположенія, что онъ вполнѣ повѣрилъ коварнымъ внушеніямъ муллы Магомета, который старался убѣдить его, что только до тѣхъ поръ онъ сохранитъ свои владѣнія, пока будутъ продолжаться волненія въ горахъ.

Гази-мулла гимринскій *), принявъ отъ мюршуда благословеніе на казаватъ, возвратился въ Гимры и началъ мало-по-малу приготовлять жителей этого селенія къ принятію новаго ученія. Онъ старался имъ доказать, что они живутъ безъ вѣры и не имѣютъ понятія о шаріатѣ, что употребляя горячіе напитки, граби другъ у другъ имущество и проливая кровь мусульманскую, вообще преданы разврату, воровству и разбоямъ. Онъ передалъ имъ въ своихъ толкованіяхъ наставленія муллы Магомета, и со всею восторженностью, свойственною фанатику-честолюбцу, развилъ смыслъ и цѣль казавата. Гимринцы, увлеченные его словами, клялись во всемъ слѣдовать его совѣтамъ и безпрекословно исполнять его волю.

Заручившись содѣйствіемъ гимринцевъ, Кази-мулла обратился къ чиркеевцамъ, послѣ къ владѣніямъ шамхала Тарковскаго. Сначала онъ дѣйствовалъ осторожно, выставляя единственно религіозныя цѣли, входилъ съ недовѣрявшими ему и опасавшимися русскаго гнѣва въ компромиссы; пріобрѣтая все болѣе и болѣе приверженцевъ, онъ сталъ уже дѣйствовать рѣшительнѣе, въ нѣкоторыхъ аулахъ прибѣгалъ къ насилію надъ упорствовавшими въ принятіи его ученія, и гдѣ не дѣйствовало убѣжденіе, замѣнялъ его страхомъ. Многіе благоразумные старшины и вліятельные люди гласно внушали народу ложность новаго ученія и гибельныя послѣдствія отъ возбужденія вражды противъ русскихъ, но ихъ мало слушали, а въ нашихъ властяхъ поддержки они не находили, и потому Кази-мулла исподоволь преодолѣлъ своихъ противниковъ и распро-

*) Впослѣдствіи столь извѣстный у насъ подъ именемъ Кази-муллы.

странилъ свое вліяніе почти на весь Дагестанъ и большую часть Чечни. Одна Аварія, составляющая главное центральное владѣніе въ горахъ Дагестана, еще не поддавалась ему, и когда въ февралѣ 1830 года Кази-мулла съ толпами мюридовъ, до 8-ми тысячъ человѣкъ, подошелъ къ столицѣ ханства, Хунзаху, и требовалъ, чтобы аварцы прервали всѣ сношенія, съ русскими, содѣйствуя его намѣренію уничтожить Дербентъ и Внезапную то они, предводимые своимъ ханомъ и ободряемые его матерью, разбили мюридовъ и прогнали ихъ въ горы.

[illegible]

Отозваніе въ 1827 году съ Кавказа генерала Ермолова, хорошо знакомаго съ дѣлами Дагестана и, безъ сомнѣнія, съумѣвшаго бы исправить свою ошибку, благодаря которой было допущено въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ свободное развитіе ученія ярагскаго муллы, затѣмъ отвлеченіе войскъ и главнаго вниманія на кампаніи въ Персіи и Турціи были причиною совершеннаго бездѣйствія съ нашей стороны въ періодъ лихорадочной дѣятельности Кази муллы, когда еще легко можно было остановить развитіе фанатизма и захватить главныхъ проповѣдниковъ. Это тѣмъ болѣе было возможно, что въ теченіе первыхъ годовъ распространенія мюридизма было много вліятельныхъ туземцевъ, настойчиво противившихся Кази-муллѣ и успѣвавшихъ привлекать на свою сторону цѣлыя общества, такъ что междуусобныя враждебныя дѣйствія не прекращались то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ Дагестана и многіе аулы неоднократно колебались, переходя на сторону Кази-муллы и опять на сторону его противниковъ. Подробности всѣхъ этихъ перипетій весьма интересны и довольно подробно описаны офицерами генеральнаго штаба Невѣровскимъ и Прушановскимъ. Я не могу излагать ихъ въ систематическомъ порядкѣ, потому

что это отвлекло бы меня далеко отъ прямой задачи. Ограничиваюсь краткими указаніями для уясненія начала и развитія послѣдняго кроваваго періода кавказской войны,—періода, источникомъ котораго слѣдуетъ считать с. Ярагъ и его муллу Магомета.

Послѣ пораженія подъ Хунзахомъ, Кази-мулла съ трудомъ поддерживалъ въ гимринцахъ упавшія нравственныя силы, прибѣгая къ разнымъ фанатическимъ казуистическимъ толкованіямъ и проч. Въ это время, благодаря окончанію турецкой войны, наши власти нашли возможнымъ собрать отрядъ изъ 4-хъ тыс. пѣхоты, 500 кавалеріи и 26 орудій, который, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Розена, (не главнаго начальника Кавказскаго края, а другого, бывшаго начальникомъ 21-й дивизіи) долженъ быть водворить порядокъ въ Дагестанѣ.

Какъ только войска наши появились на высотахъ противъ Гимры, койсубулинцы (т. е. группа ауловъ по р. Койсу) выдали аманатовъ и прислали старшинъ для принятія присяги на вѣрность Россіи.

Генералъ-лейтенантъ Розенъ, къ сожалѣнію, поддался этимъ льстивымъ уловкамъ коварныхъ горцевъ и счелъ присягу искреннею, а аманатовъ вѣрнымъ залогомъ. Онъ возвратился съ войсками на линію...

Кази-мулла приписалъ милости провидѣнія удаленіе русскаго отряда и объяснилъ народу, что, при видѣ помощи свыше, нечего бояться оружія гяуровъ, а нужно смѣло идти на Тарки, на Внезапную, освободить своихъ братьевъ отъ ига невѣрныхъ и дѣйствовать далѣе, какъ Богъ укажетъ. Увлеченные койсубулинцы послѣдовали за Кази-муллой, который избралъ урочище Чумкескентъ своею резиденціею и укрѣпилъ эту лѣсистую трущобу разными искусственными средствами весьма сильно.

Въ Дагестанѣ, кромѣ гарнизона крѣпости Бурной, былъ единственный батальонъ, расположенный въ видѣ резерва въ селеніи Большія Казанищи. Начальствовавшій въ шамхальствѣ нашими войсками, генералъ-маіоръ князь Бековичъ Черкасскій, двинулся съ этимъ баталіономъ къ Чумкесъ-Кенту,

съ цѣлью разсѣять толпу Кази-муллы, но убѣдясь въ недоступности сильно укрѣпленной позиціи, не рѣшился съ своими слабыми средствами, безъ всякаго резерва, на штурмъ и, ограничившись рекогносцировкой, отступилъ. Это обстоятельство чрезвычайно подняло духъ горцевъ, а Кази-мулла разослалъ тотчасъ воззваніе ко всѣмъ жителямъ Дагестана о томъ, что самъ Аллахъ ему покровительствуетъ, что русскія войска не рѣшаются на него нападать, что онъ приглашаетъ всѣхъ присоединиться къ нему, отвергнувъ всѣ власти и повинуясь только Богу.

Воззваніе имѣло успѣхъ. Со всѣхъ сторонъ начали прибывать толпы въ Чумкескентъ, и князь Бековичъ вынужденъ былъ вывести батальонъ даже изъ Казаницци, гдѣ близость непріятеля и мѣстность давали возможность внезапнаго нападенія. Затѣмъ послѣдовали дерзкія предпріятія Кази-муллы — осада Бурной, Дербента *), Внезапной, раздробленіе Кизляра, пораженіе отряда генерала Эмануэля въ Аухѣ и проч., о чемъ не разсказываю здѣсь, потому что Кабардинскій полкъ не былъ на этомъ театрѣ дѣйствій въ то время.

Не взирая, что всѣ эти предпріятія частью были для мюридовъ безуспѣшны, вліянія Кази-муллы это не подорвало, а фанатическое ученіе, такъ удачно принаровленное къ характеру горскихъ, воинственныхъ племенъ, пускало все глубже и глубже свои корни, ослѣпляя и увлекая толпы по пути ненависти къ русской власти и вообще ко всему, стѣснявшему необузданную волю обитателей дикихъ, грозныхъ ущелій, вся природа которыхъ вполнѣ соотвѣтствовала такому нравственному настроенію. Къ тому же Кази-мулла былъ какъ бы созданъ для той роли, которую онъ взялъ на себя. Пылкій, энергическій, рѣшительный, неунывающій при неудачѣ, замѣчательный партизанъ, вполнѣ знакомый съ тѣми струнами своихъ соотечественниковъ, игра на коихъ извлекаетъ требуемые звуки, онъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ для распространенія своего вліянія. Какъ только

---

[1] Объ осадѣ Бурной и Дербента см. мою подробную статью въ Русскомъ Вѣстникѣ 1864 г., октябрь.

онъ видѣлъ неуспѣхъ въ одномъ мѣстѣ, не теряя времени, кидался въ другое, гдѣ его не ждали. Онъ волновалъ, напримѣръ, Табасарань, но движеніе туда отряда русскихъ тотчасъ поколебало жителей; замѣтивъ это и уже не разсчитывая здѣсь на успѣхъ, онъ бросился въ шамхальство; испытавъ и тутъ неудачу, Кази-мулла спѣшитъ въ Чечню и, пока генералъ Вельяминовъ занятъ взятіемъ и наказаніемъ аула Чиръ-Юрта на Сулакѣ, онъ вдругъ нападаетъ въ тылу нашемъ на Кизляръ и удачей здѣсь поднимаетъ духъ горцевъ, воспламеняетъ поколебавшихся и уже смирившихся...

Въ 1831 году, генералъ-адъютантъ Панкратьевъ, остававшійся за старшаго въ краѣ послѣ отъѣзда графа Паскевича и до прибытія барона Розена, собралъ въ декабрѣ отрядъ, выступилъ для усмиренія возмутившихся дагестанскихъ обществъ и дѣйствовалъ съ большимъ успѣхомъ, а особая колонна полковника Миклашевскаго штурмовала Чумкескентъ и взяла его, хотя и съ большою потерею. Кази-мулла бѣжалъ въ Гимры.

Всѣми этими дѣйствіями однако не были довольны въ Петербургѣ. Тотчасъ по окончаніи войны съ Турціей, императоръ Николай писалъ Паскевичу, чтобы воспользоваться соединеніемъ войскъ въ Кавказскомъ корпусѣ и рѣшительнымъ ударомъ положить конецъ грабежамъ и разбоямъ горцевъ, завладѣть важнѣйшими пунктами ихъ земель, особенно низменностями, и, такимъ образомъ, лишивъ ихъ средствъ пропитанія, заставить покориться. Начать дѣйствія указывалось противъ живущихъ вблизи Кубани и Терека.

Тогда графъ Паскевичъ представилъ двоякій планъ покоренія Кавказа: 1) *«войдя стремительно въ горы*, пройти оныя во всѣхъ направленіяхъ», 2) подаваться постепенно впередъ, покоряя одну область послѣ другой. Пользоваться же обоими планами, смотря по обстоятельствамъ. Въ другомъ рапортѣ онъ подробно развилъ свой планъ и предполагалъ: провести одну линію отъ Усть-Лабы чрезъ Длинный лѣсъ къ Черному морю, другую отъ Ольгинскаго форта къ Геленджику, третью отъ р. Гудермеса въ Чечнѣ чрезъ Мичикъ до Шуры, четвертую изъ Абхазіи на Кубань и къ Геленджику по берегу моря,

наконецъ изъ Телава чрезъ Хевсурію, по Аргуну, до Грозной; и все это въ *одно лѣто*, имѣя въ первыхъ трехъ мѣстахъ по шести батальоновъ, а въ послѣднихъ двухъ по три съ 4 орудіями (!?) *Неповинующихся туземцевъ выслать за Волгу*; а на ихъ мѣста селить Черноморскихъ казаковъ.

Таковы то были понятія объ условіяхъ кавказской борьбы!..

Первый пунктъ, по меньшей мѣрѣ, страненъ:—если бы даже оказалось возможнымъ пройти горы во всѣхъ направленіяхъ, то отъ такого прохожденія никакой пользы не могло оказаться.

Генералъ Вельяминовъ, на требованіе соображеній на счетъ мѣръ къ улучшенію нашего положенія или покоренія горцевъ, представилъ слѣдующее мнѣніе: перенести линію за Кубань, постепенно вытѣсняя черкесъ съ плоскости; въ важнѣйшихъ пунктахъ устраивать крѣпости, на плоскостяхъ селить станицы; у сопротивляющихся туземцевъ истреблять посѣвы и жилища. Для выполненія этого, Вельяминовъ находилъ нужнымъ въ теченіе 6-ти лѣтъ имѣть шесть отдѣльныхъ отрядовъ, каждый въ составѣ 6-ти батальоновъ пѣхоты, 1,000 казаковъ, при 24 орудіяхъ и 2-хъ ротахъ саперъ; денегъ на все время 14 милліоновъ рублей ассигнаціями, кромѣ обыкновенныхъ интендантскихъ и другихъ средствъ, слѣдуемыхъ дѣйствующимъ войскамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находилъ нужнымъ обратить деревни государственныхъ крестьянъ по тракту между Ставрополемъ и Георгіевскомъ въ казаковъ. Независимо же отъ этого, для достиженія главной цѣли, указанной императоромъ Николаемъ, на счетъ прекращенія всякихъ сношеній черкесъ съ турками, Вельяминовъ проэктировалъ устройство черноморской береговой линіи.

На сколько первая часть его плана была основательна и единственно практически примѣнимая,—доказали позднѣйшія событія; но вторая часть, т. е. устройство береговой линіи, къ крайнему сожалѣнію, понравившаяся Николаю Павловичу и настойчиво приведенная въ исполненіе, привела только къ громаднымъ издержкамъ, къ ужаснымъ жертвамъ людьми и не принесла никакой пользы, между тѣмъ, какъ при энергическихъ дѣйствіяхъ по первому пункту плана Вельяминова,

черкесы, дѣйствительно, или должны были покориться, или, вытѣсненные въ горы къ берегу моря, погибать и спасаться въ Турцію, какъ это и случилось тридцатью годами позже.

На предположенія генерала Вельяминова государь отозвался, что требуемыя средства чрезмѣрны, обременительны для казны и арміи, которую нельзя ослаблять и отвлекать отъ западныхъ границъ.—Однако въ теченіе многихъ лѣтъ было издержано гораздо больше средствъ безъ пользы и, наконецъ, пришлось дать гораздо больше того—что требовалъ Вельяминовъ.

Съ назначеніемъ барона Розена на Кавказъ, императоръ Николай такъ опредѣлилъ цѣль нашу на Кавказѣ: «она заключается въ пріобрѣтеніи границъ безопасныхъ со стороны азіатскихъ сосѣдей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ средство къ большему развитію народной торговли и промышленности. Перенесеніемъ рубежа нашего на берегъ Аракса и признаннымъ по послѣднему мирному договору съ Портою владычествомъ Россіи надъ Абхазіею и всѣми горскими народами, положено основаніе для того и другого. За симъ, всѣ распоряженія на Кавказѣ должны клониться къ упроченію пріобрѣтенныхъ выгодъ, посредствомъ усмиренія полудикихъ племенъ, постепеннаго введенія между ними и вообще гражданскаго управленія, раскрытія всѣхъ источниковъ промышленности и торговли, для обоюдной пользы пріобрѣтенныхъ земель и имперіи, такъ чтобы современемъ они связывались взаимными выгодами и нуждами и представляли одно цѣлое, безъ всякихъ слѣдовъ насильственнаго присоединенія».

Это мнѣніе государя не могло, само собою, служить собственно программою для военныхъ дѣйствій, — оно не было для этого достаточно ясно и категорично. Уже одно слово „усмиреніе“ не выражало вполнѣ конечнаго результата дѣйствій, ибо требовалось не усмиреніе, а полное покореніе и занятіе соотвѣтствующихъ мѣстъ нашими крѣпостями и поселеніями; безъ этого, какъ показали послѣдствія, никакого усмиренія не могло быть достигнуто; но и послѣ совершеннаго покоренія, мы еще далеки отъ прекраснаго желанія связать Кавказъ съ Россіей взаимными выгодами, дабы пред-

ставлялъ онъ одно цѣлое съ имперіей, безъ всякихъ слѣдовъ насильственнаго присоединенія.

Послѣ этого понятно, что донесенія о дѣйствіяхъ различныхъ отрядовъ, усмирявшихъ возставшія общества, наказывавшихъ враждебные аулы и т. п., не удовлетворяли правительство. 11 января 1832 года графъ Чернышевъ писалъ барону Розену, что государь ожидаетъ общаго *покоренія* горцевъ и *конечнаго усмиренія ихъ*, а частныя экспедиціи и разореніе только раздражаютъ, не способствуя къ достиженію цѣли. Вслѣдъ затѣмъ, 5 апрѣля, выражено строгое высочайшее неудовольствіе Вельяминову за экспедицію въ Чечню, тогда какъ уже не разъ было указано дѣйствовать не врозь, а по общему плану, для прочнаго покоренія края.

Такъ смѣшивались совершенно различныя понятія—усмиренія и покоренія, и каждый генералъ толковалъ ихъ по своему. Одинъ, разгромивъ какой нибудь аулъ, жители коего большею частью бѣжали заранѣе и только часть отстрѣливалась, считалъ ихъ наказанными и усмиренными; другой, проходя съ сильнымъ отрядомъ, принималъ являвшихся къ нему съ изъявленіемъ покорности старшинъ, приводилъ ихъ къ присягѣ на вѣрноподданство, заставляя прикладывать печати къ присяжнымъ листамъ, и былъ увѣренъ, что покорилъ, не подозрѣвая, что, какъ только онъ съ отрядомъ уйдетъ, исчезнетъ и покорность, хотя бы даже были выданы нѣсколько байгушей въ аманаты, принимавшихся у насъ на вѣру за членовъ знатнѣйшихъ фамилій.

Незнаніе характера туземнаго населенія вводило нашихъ генераловъ въ крайнюю довѣрчивость и во многія ошибки. Такъ, напримѣръ, въ началѣ 1832 г. генералъ Кахановъ серьезно вѣрилъ, что гимринцы готовы выдать намъ Казимуллу, и доносилъ объ этомъ. Тогда какъ осенью того же года, они, не жалѣя своей крови, защищали его и скорѣе рѣшились подвергнуть себя гибели, чѣмъ измѣнить своему духовному вождю. До чего доходило отчаяніе фанатиковъ, можно судить по такимъ примѣрамъ: въ томъ же 1832 году, при взятіи отрядомъ главнокомандующаго барона Розена чеченскаго аула Герменчика, мулла Абдурахманъ съ 60 человѣками

заперся въ одномъ домѣ, не сдавался, продолжая отстрѣливаться; въ трубу были брошены нѣсколько гранатъ и пылающіе дрова; домъ наконецъ былъ зажженъ, и когда уже не было возможности въ немъ оставаться—Абдурахманъ съ 49 человѣками бросились съ кинжалами на окружавшую роту и погибли до единаго на штыкахъ,—только 11 человѣкъ раненыхъ сдались.

И когда фанатизмъ уже такъ овладѣлъ воинственнымъ населеніемъ, когда краснорѣчивыя воззванія Кази-муллы и проповѣди его ловкихъ агентовъ кипятили кровь привыкшихъ къ необузданной вольности лезгинъ и чеченцевъ, наши генералы вѣрили въ изъявленія покорности, въ раскаяніе, въ присягу и т. п.

Отъ барона Розена тоже требовалось представленіе плана дѣйствій для покоренія Кавказа. Представляя различныя предположенія, между прочимъ провести дорогу изъ долины Алазани отъ Бѣлоканъ чрезъ горы, на Гергебиль, къ берегу Каспійскаго моря, а также объ открытіи сообщенія по Аргуну чрезъ Хевсурію въ крѣп. Грозную (о чемъ Паскевичъ еще въ 1830 году предполагалъ), баронъ Розенъ требовалъ прислать ему изъ Россіи на пять лѣтъ 36 бат. пѣхоты, 3 бат. саперъ и 60 орудій, причемъ объяснялъ, что его предположенія основаны на убѣжденіи, что никакія снисхожденія и благодѣянія не могутъ доставить общей привязанности кавказскихъ жителей. «Между частными людьми рѣдко встрѣчаются благодарные, а между народами нѣтъ признательности,—все опредѣляется силою, благоустройствомъ и узами общихъ выгодъ». Противъ этого замѣчанія Николай Павловичъ собственноручно написалъ: «величайшая истина», а противъ требованія 36-ти баталіоновъ: «и думать нельзя». Хотя чрезъ двѣнадцать лѣтъ, послѣ многихъ потерь, вынуждены же были послать на Кавказъ 5-й корпусъ, всего 38 бат., кромѣ многихъ сформированныхъ на мѣстѣ линейныхъ и проч.

Къ этой эпохѣ относится и споръ—когда лучше дѣйствовать въ Чечнѣ: лѣтомъ или зимою. Ставилось на видъ, что къ зимѣ непріятель успѣетъ собрать запасы хлѣба и сѣна, а намъ придется терпѣть недостатокъ; лѣтомъ же трудно дѣй-

ствовать въ лѣсахъ. Генералъ Вельяминовъ полагалъ дѣйствовать лѣтомъ, императоръ и графъ Чернышевъ думали удобнѣе всего въ концѣ іюля и въ августѣ, чтобы захватить у населенія жатву на корню, а баронъ Розенъ, приводя примѣръ военныхъ дѣйствій лѣтомъ въ Имеретіи и Осетіи, доказывалъ, что никакой опасности нѣтъ и въ Чечнѣ дѣйствовать лѣтомъ, сжигая при томъ лѣса. Противъ этого Николай Павловичъ собственноручно отмѣтилъ: «мудрено, и зимою не горѣли». Какъ извѣстно, споръ этотъ до несчастной даргинской экспедиціи 1845 г. оставался нерѣшеннымъ и только послѣ этого уже окончательно остановились на зимѣ.

Въ 1832 году, не взирая на всѣ неудачи, Кази-мулла опять сталъ во главѣ значительныхъ полчищъ и дѣлалъ набѣги за Терекъ, поднявъ противъ насъ всю Чечню. Это вызвало съ нашей стороны усиленныя мѣры. Самъ новый главнокомандующій баронъ Розенъ прошелъ съ отрядомъ чрезъ земли непокорныхъ обществъ, прилегающія къ Военно-Грузинской дорогѣ, чрезъ Чечню, вездѣ поражая и наказывая населенія, и въ половинѣ октября явился наконецъ предъ Гимры. Не взирая на упорную защиту, аулъ былъ взятъ штурмомъ, мюриды потерпѣли полное пораженіе, а самъ глава ихъ Кази-мулла, съ 60 лучшихъ своихъ приверженцевъ, былъ убитъ въ башнѣ, закрывавшей доступъ къ аулу.

Казалось, такой погромъ и смерть самого Кази-муллы должны были положить конецъ дѣлу; казалось, что населеніе, понеся такія потери и видя отсутствіе помощи свыше, на которую проповѣдники внушали имъ надѣяться, должно бы убѣдиться въ ложности ученія, въ несбыточности своихъ мечтаній на счетъ изгнанія русскихъ съ Казказа; однако вышло не такъ. Религіозный фанатизмъ, успѣвъ пустить корни среди воинственныхъ племенъ, не могъ такъ легко исчезнуть, тѣмъ болѣе, что онъ для честолюбиваго духовенства сталъ обаятельною приманкою, и надежда явиться преемникомъ погибшаго имама кружила голову не одного муллы.

Былъ распущенъ слухъ, что тѣло Кази-муллы было найдено въ такомъ положеніи, что одною рукою онъ держался за бороду, а другой указывалъ на небо; по мнѣнію мусульманъ,

это есть именно то самое положеніе, въ которомъ можетъ быть только праведникъ въ минуту самыхъ горячихъ молитвъ, когда онъ возносится духомъ до постиженія могущества Всевышняго. Эта легенда подѣйствовала на воображеніе горцевъ: они начали раскаяваться, что не подали помощи гимринцамъ и оставили на произволъ ихъ святого предводителя...

Преемникомъ Кази-муллы оказался одинъ изъ ближайшихъ его мюридовъ, Гамзатъ-бекъ, человѣкъ тоже весьма предпріимчивый и смѣлый *). Блистательное дѣло барона Розена въ Гимры дало основаніе самымъ твердымъ надеждамъ на окончательное усмиреніе Дагестана и потому, не предпринимая тамъ никакихъ дальнѣйшихъ дѣйствій, а ограничиваясь надзоромъ и водвореніемъ нашимъ на Шамхальской плоскости, посредствомъ устройства въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ штабъ квартиры Апшеронскаго пѣхотнаго полка, правительство рѣшилось возвратиться къ пріостановленному въ исполненіи предпріятію за Кубанью и на берегу Чернаго моря, гдѣ покореніе черкесовъ и прекращеніе сношеній ихъ съ турецкими судами составляло первенствующее значеніе. Главныя средства и преимущественное вниманіе были обращены въ ту сторону.

Въ теченіе 1833 года, впрочемъ, особенно важнаго здѣсь еще ничего не было сдѣлано; работа была, такъ сказать, подготовительная. Устраивалась укрѣпленная переправа, дорога, свозились запасы и проч. Кабардинскій полкъ все еще оставался на своемъ мѣстѣ, въ Кабардѣ, и потому мнѣ нѣтъ необходимости входить въ подробности происходившаго въ этой части Кавказа, тѣмъ болѣе, что оно не имѣло никакого особаго значенія и въ общемъ ходѣ событій, между тѣмъ какъ происшествія въ Дагестанѣ, хотя Кабардинскій полкъ и тамъ тогда не былъ, не могутъ быть пройдены молчаніемъ по своей чрезвычайной важности и рѣшительному вліянію на весь послѣдовательный періодъ кавказской войны. Это и вынуждаетъ меня возвратиться къ нимъ и изложить главные эпизоды въ самомъ сжатомъ очеркѣ.

---

*) Желающимъ ближе познакомиться съ этою личностью и его дѣлами совѣтуемъ обратиться къ брошюрѣ генеральнаго штаба полковника Невѣровскаго: «Истребленіе аварскихъ хановъ» 1847 г.

Новый имамъ Чечни и Дагестана Гамзатъ-бекъ, не теряя времени, принялся энергически дѣйствовать, возмущая противъ русской власти жителей ауловъ, изъявившихъ покорность, заставляя ихъ присоединяться къ мюридизму и жестоко наказывая неповиновавшихся ему. Баронъ Розенъ получалъ объ этомъ частыя свѣдѣнія и, въ свою очередь, доносилъ въ Петербургъ; но никакихъ особыхъ мѣръ къ прекращенію дѣятельности новаго имама не принималъ, хотя по свѣжему примѣру Кази-муллы, можно было судить о возможныхъ послѣдствіяхъ. Наконецъ осенью былъ отправленъ въ Дагестанъ, въ видѣ подкрѣпленія, *одинъ* батальонъ, да въ Чечню къ генералу Вельяминову изъ Грузіи два батальона; но это были слишкомъ ничтожныя средства и дать дѣлу другой оборотъ такими мѣрами нечего было и думать. Нужны были болѣе значительныя силы, болѣе самостоятельныя начальствующія лица, больше энергіи и рѣшимости не ограничиваться паліативами, а всего этого не было. Мы даже не поддержали тѣхъ жителей Дагестана, которые сопротивлялись Гамзатъ-беку, напримѣръ гергебильцевъ, напрасно ждавшихъ нашей помощи и вынужденныхъ, послѣ довольно жаркаго дѣла и потери нѣсколькихъ человѣкъ, покориться имаму, выдать ему заложниковъ, принять ученіе мюридовъ.

Въ числѣ самыхъ завѣтныхъ желаній Гамзатъ-бека было исполненіе мысли Кази-муллы на счетъ овладѣнія Аварскимъ ханствомъ, этимъ центромъ всего Дагестана, имѣвшимъ чрезвычайное значеніе и по своему географическому положенію, и по исконному вліянію аварскаго ханскаго дома не только на населеніе Дагестана, но и всего восточнаго Кавказа, не исключая даже Грузіи и закавказскихъ мусульманскихъ провинцій *).

---

*) Говорили, что къ овладѣнію Аваріею болѣе всего подстрекалъ Гамзата Асланъ-ханъ казикумыкскій, пылавшій местью къ аварской ханшѣ за отказъ выдать свою дочь Султанету за сына его. Можетъ быть это и такъ отчасти, но вѣрнѣе всего сознаніе Гамзатомъ важности для его дѣла обладанія Аваріею, къ чему стремился его учитель Кази-мулла, а впослѣдствіи его преемникъ Шамиль. Во всякомъ случаѣ, Асланъ-ханъ казику-

Для исполненія этого плана, Гамзатъ-бекъ рѣшился прежде подчинить своей власти общества, окружающія Аварію, и потомъ уже вторгнуться въ это ханство со всѣхъ сторонъ. Къ койсубулинцамъ, гумбетовцамъ, андійцамъ, карахцамъ были разосланы пылкія воззванія, и жители откликнулись на зовъ имама; въ новый Гоцатль (постоянное пребываніе Гамзата) явились значительныя толпы, съ которыми онъ выступилъ въ Андаляль, гдѣ главные аулы Корода и Куяда тотчасъ къ нему присоединились, но остальные, не желая терять свою независимость, оказали сопротивленіе. Смѣло атакованные Гамзатомъ, они были разбиты и вынуждены подчиниться, выдать аманатовъ, лучшее оружіе и проч.

Эта побѣда тотчасъ же отозвалась въ горахъ, увеличила обаяніе имама и дала ему новыхъ приверженцевъ. Затѣмъ онъ двинулся далѣе въ глубь горъ двумя партіями, и къ нему пристали всѣ остальныя мелкія общества, вокругъ Аваріи лежащія. Скопище его возросло до 20 тыс. человѣкъ и онъ наконецъ рѣшилъ приступить къ главной задачѣ. Представивъ народу преступность аварцевъ противъ религіи, тѣмъ что они поддерживаютъ мирныя отношенія съ русскими, и убѣдивъ толпу въ необходимости наказать ихъ за это, Гамзатъ-бекъ вторгнулся въ ханство, и всѣ аулы покорились ему, за исключеніемъ небольшаго числа жителей, оставшихся вѣрными своему владѣтелю и удалившихся въ столицу ханства, Хунзахъ, для защиты его.

Въ началѣ августа 1834 г. изъ всей Аваріи одинъ только Хунзахъ не признавалъ власти Гамзата, а потому онъ обложилъ его и послалъ преданныхъ ему мюридовъ къ ханшѣ Паху-бике для переговоровъ. Предложенія имъ сдѣланныя состояли въ томъ, чтобы ханша со всѣми подвластными приняла

мыкскій былъ типъ кавказскаго вліятельнаго человѣка, коварнаго, предательски служившаго и нашимъ и вашимъ, умѣвшаго вкрасться въ довѣріе даже къ Ермолову. Арестованный впослѣдствіи въ Джарскомъ округѣ и отправленный въ Тифлисъ, Гамзатъ-бекъ, по ходатайству этого Асланъ-хана, былъ выпущенъ на родину!..

Первымъ дѣломъ Гамзата по возвращеніи въ Дагестанъ было начать новое наступленіе въ Джарскій округъ...

новое ученіе, прервала всякія сношенія съ русскими и заставила своихъ сыновей дѣйствовать противъ невѣрныхъ.

Устрашенная огромными силами своего противника и неожидая скорой помощи, Паху-бике находилась въ тяжкой нерѣшимости. Она поздно раскаявалась въ упрямствѣ своемъ, оказанномъ вь 1832 году, когда, не смотря на настоятельныя требованія барона Розена, не рѣшилась выдать Гамзатъ-бека, считая его родственникомъ своимъ, и дозволила ему жить въ своихъ владѣніяхъ и предпринимать явно враждебныя общему спокойствію дѣйствія. Однако всѣ эти раскаянія были уже неумѣстны и потому на общемъ совѣщаніи рѣшено было послать къ Гамзату хунзансхаго кадія Нуръ-Магомета, съ изъявленіемъ согласія принять новое ученіе и съ просьбою прислать для его истолкованія свѣдущаго муллу. Казаватъ же съ русскими ханша отвергла, обѣщая, впрочемъ, не содѣйствовать невѣрнымъ, въ случаѣ дѣйствій имама противъ нихъ. Гамзатъ-бекъ съ подобающею важностью выслушалъ отвѣтъ, привезенный его прежнимъ наставникомъ Нуръ-Магометомъ; но ему вѣдь нужно было не присоединеніе Паху-бике къ мюридизму, а овладѣніе ханствомъ, и потому онъ прибѣгъ къ слѣдующему средству. Помня, какъ назадъ тому четыре года хунзахцы, одушевленные ханшею и предводимые старшимъ ея сыномъ Абу-Нунцалъ-ханомъ, отразили толпы Кази-муллы и не надѣясь на успѣхъ открытой атаки, Гамзатъ рѣшился хитростью захватить юнаго, отважнаго хана, послѣ чего паденіе Хунзаха было бы уже несомнѣннымъ. Проявившееся со стороны ханши колебаніе убѣждало его въ существованіи страха, внушеннаго присутствіемъ его большаго скопища, и служило ему ручательствомъ въ исполненіи его требованій. Отправляя къ ханшѣ присланныхъ ею съ Нуръ-Магометомъ почетныхъ жителей, Гамзатъ-бекъ велѣлъ сказать ей, что готовъ послать свѣдущаго муллу для истолкованія мюридизма, если только она выдастъ въ аманаты меньшаго сына своего Булачъ-хана. При этомъ, съ тонкимъ лицемѣріемъ, приказалъ передать, что если Абу-Нунцалъ-ханъ приметъ титулъ имама Дагестана и рѣшится дѣйствовать противъ русскихъ, какъ дѣйствовалъ отецъ его, то въ такомъ случаѣ онъ, Гам-

затъ, будетъ служить при немъ по примѣру своего отца Алискендеръ-бека, служившаго вѣрою и правдою покойному Али-султанъ-Ахметъ-хану.

Для произведенія большаго впечатлѣнія на умы хунзахцовъ, Гамзатъ-бекъ съ чисто лезгинскимъ варварствомъ, велѣлъ подстричь присланнымъ почетнымъ жителямъ усы, проколоть имъ ноздри и продѣть чрезъ нихъ нитки съ привязанными къ нимъ кусочками хлѣба, запретивъ, подъ страхомъ смертной казни, вынимать прежде прибытія въ Хунзахъ...

Доставленный отвѣтъ смутилъ ханшу, и она считала себя вынужденною согласиться на требованіе сильнаго врага, полагая, къ тому же, скорымъ исполненіемъ требованій смирить его. На другой день она отослала къ Гамзатъ-беку Булачъ-хана съ нѣсколькими почетными жителями. Онъ былъ принятъ съ почестями, ружейными выстрѣлами, и въ тотъ же день отправленъ въ Новый Гоцатль.

Имѣя въ своей власти одного сына ханши, коварный Гамзатъ уже не сомнѣвался въ достиженіи цѣли и съ настойчивостью приступилъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. Онъ послалъ нѣсколько мюридовъ къ ханшѣ съ требованіемъ прислать обоихъ старшихъ сыновей: Абунунцала и Умма-хана, для весьма якобы важныхъ переговоровъ, отъ коихъ зависитъ спокойствіе Аваріи и выгоды ихъ дома.

Паху-бике, опасаясь за жизнь младшаго сына, объявила старшимъ о новомъ требованіи противника, полагая необходимымъ покориться. Но Абунунцалъ-ханъ замѣтилъ, что было бы неблагоразумно обоимъ ѣхать въ непріятельскій лагерь, гдѣ ихъ могутъ задержать и лишить Хунзахъ защитниковъ, и потому не лучше ли ѣхать одному Умма-хану. Ханша согласилась съ этимъ и Умма-ханъ, съ пятью почетными жителями, отправился въ лагерь мюридовъ, гдѣ былъ тоже встрѣченъ съ почестями, а Гамзатъ-бекъ, въ присутствіи своихъ главныхъ сообщниковъ, обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: «Я не сдѣлалъ вашему дому никакого зла и не намѣренъ его дѣлать; я даже не имѣлъ мысли отнимать у васъ ханства. Все это ложные слухи, распущенные моими врагами. Моя просьба только въ томъ, чтобы не искали моей

смерти; я, по принятой на себя обязанности и званію, буду заниматься распространеніемъ мюридизма. Какъ отецъ мой служилъ твоему отцу, такъ и я желаю служить нынѣшнему хану, въ распоряженіе коего отдаю все мое войско. Дѣйствуйте по собственному усмотрѣнію, а я буду жить у васъ въ домѣ и помогать моими совѣтами и опытностью, когда встрѣтится надобность».

Молодой Умма-ханъ не нашелъ, что отвѣтить на эти льстивыя слова, а сопровождавшимъ его старшинамъ Гамзатъ-бекъ презрительно не далъ высказать какого либо возраженія и повелъ своего гостя смотрѣть стрѣльбу въ цѣль.

Между тѣмъ Паху-бике, безпокоясь долгимъ отсутствіемъ Умма-хана, стала просить старшаго сына поѣхать къ Гамзатъ-беку для личныхъ объясненій; но Абунунцалъ-ханъ отказался отъ поѣздки, до возвращенія брата. Чрезъ нѣсколько часовъ мать опять настоятельно потребовала исполнить ея желаніе, потому что неопытный Умма не въ состояніи будетъ отвѣчать на предложенія противника. Но когда Нунцалъ и въ этотъ разъ отказался, ханша, какъ бы увлекаемая рокомъ, прибѣгла къ средству, ускорившему развязку драмы: она попрекнула сына трусостью. Этого уже, конечно, онъ не могъ снести.

— Ты хочешь, гордо сказалъ Абунунцалъ, лишиться и послѣдняго сына? Изволь, я ѣду.

Взявъ двадцать нукеровъ, онъ отправился въ непріятельскій лагерь. Гамзатъ-бекъ лишь только завидѣлъ ѣдущаго хана и еще неожидавшій такого скораго стеченія благопріятныхъ для него обстоятельствъ, поспѣшилъ навстрѣчу и принялъ его съ рабскою почтительностью. Ханъ дружески его привѣтствовалъ и вошелъ къ нему палатку, вмѣстѣ съ братомъ Умма-ханомъ и нѣсколькими почетными хунхазцами. Угощая дорогихъ гостей, Гамзатъ повторилъ свои слова, что отнынѣ все скопище въ распоряженіи хана и самъ онъ отдается въ его власть, лишь бы не препятствовали ему заниматься распространеніемъ мюридизма въ Аваріи.

Абунунцалъ-ханъ, тронутый такими знаками уваженія, искренно благодарилъ Гамзата, обѣщая ему вѣчную дружбу.

Вслѣдъ затѣмъ Гамзатъ вышелъ изъ палатки съ своими приближенными мюридами. Хотя его желаніе осуществилось, и оба хана, изъ коихъ одного онъ особенно страшился, находились въ его власти, однако честолюбіе не совсѣмъ еще заглушило въ немъ присущее горцамъ понятіе о неприкосновенности хановъ аварскихъ и имъ овладѣла перѣшительность. Тогда Шамиль, пользовавшійся особымъ вліяніемъ, какъ одинъ изъ приближеннѣйшихъ мюридовъ Кази-муллы, сказалъ ему: «Гамзатъ, куй желѣзо, пока оно горячо, иначе будешь раскаяваться въ своей слабости»! Поощренный этими словами, Гамзатъ рѣшился на гнусное, предательское убійство и приказалъ сдѣлать залпъ по ханскимъ нукерамъ... Когда большая часть этихъ вѣрныхъ людей была уничтожена, одинъ изъ мюридовъ подбѣжалъ къ палаткѣ и выстрѣломъ изъ ружья нанесъ смертельную рану Умма-хану. Выхвативъ кинжалъ, онъ бросился на враговъ, но лишившись силъ упалъ у палатки. Между тѣмъ Абунунцалъ-ханъ, выскочивъ вслѣдъ за братомъ, вступилъ въ отчаянную борьбу съ убійцами. Первый встрѣтившійся ему былъ братъ Гамзата, — онъ его уложилъ однимъ ударомъ; той же участи подвергся шуринъ Гамзатъ-бека, поднявшій руку на хана; за нимъ палъ мертвымъ какой-то джарскій мюридъ, успѣвшій ранить хана выстрѣломъ въ лѣвое плечо. Видя невозможность одиночной борьбы, кучка мюридовъ бросилась на хана разомъ и одинъ разсѣкъ ему лѣвую часть лица... Прихвативъ рукою отрубленную щеку, Абунунцалъ выхватилъ шашку и нанесъ ею еще нѣсколько смертельныхъ ударовъ. Отчаяніе и храбрость его достигли въ эту роковую минуту невѣроятной степени; всѣ, къ кому онъ приближался, бѣжали отъ него. Очевидцы разсказывали, что Абунунцалъ-ханъ походилъ на разъяреннаго льва, нечувствовавшаго своихъ страданій; онъ убилъ и ранилъ до 20 человѣкъ, пока наконецъ изнеможенный, обезсиленный потерею крови, онъ упалъ на трупъ одного изъ своихъ убійцъ...

13-го августа 1834 года аварскихъ хановъ не стало. Желаніе Гамзатъ-бека исполнилось. Нѣсколько успѣвшихъ спастись изъ свиты хановъ прискакали въ Хунзахъ съ страш-

нымъ извѣстіемъ. Все это такъ подѣйствовало на хунзахцевъ, что они безъ сопротивленія впустили мюридовъ...

Гамзатъ-бекъ выслалъ ханшу въ ближайшій аулъ и, обагренный кровью законныхъ владѣтелей, принялъ титулъ хана и помѣстился въ ихъ домѣ. Чрезъ нѣсколько дней узурпаторъ арестовалъ аварца Сурхай-хана, полковника русской службы, нѣсколько лѣтъ управлявшаго Аваріею, боясь его соперничества; а затѣмъ казнилъ его. Послѣ призвалъ ханшу Паху-бике, вѣроятно съ цѣлью допросить ее о состояніи ханскаго имущества. Убитая горемъ, потерявшая вдругъ сыновей и все свое положеніе, несчастная женщина вошла твердыми шагами въ комнату ханскаго дома, занятую Гамзатъ-бекомъ, и безъ смущенія, съ презрительной ироніей, поздравила его съ полученіемъ новаго сана. Злодѣй злобно усмѣхнулся, сдѣлалъ знакъ стоявшему позади ханши мюриду — и голова несчастной женщины покатилась къ ногамъ убійцы.

Этотъ поступокъ не понравился даже самымъ приближеннымъ къ Гамзатъ-беку людямъ, потому что азіатцы, при всемъ своемъ варварствѣ, рѣдко рѣшаются поднять руку на женщинъ. Чувствуя гнусность своего поступка, имамъ оправдывался тѣмъ, что ханша вѣроятно стала бы просить защиты у русскихъ и тѣ не отказали бы ей въ помощи.

Но не долго пришлось Гамзатъ-беку торжествовать въ своей высокой роли. Недовольные насильственными поступками новаго владыки и его опричниковъ, нѣкоторые хунзахцы составили заговоръ и рѣшились избавить отъ него Хунзахъ, отомстивъ вмѣстѣ съ тѣмъ за смерть своихъ хановъ и многихъ родственниковъ, павшихъ при ихъ гибели.

Одинъ изъ мюридовъ успѣлъ узнать о заговорѣ и предупредилъ Гамзатъ-бека; но онъ, съ одной стороны, какъ истый мусульманинъ—фаталистъ, съ другой, ослѣпленный удачами и увѣренностью въ своей счастливой звѣздѣ, счелъ доносъ нелѣпостію и отвѣтилъ мюриду: «что опредѣлено Богомъ, того не избѣгнешь, и если мнѣ завтра назначено умереть, то завтрашній день и будетъ днемъ моей смерти».

19-го сентября былъ большой праздникъ и Гамзатъ-бекъ имѣлъ намѣреніе идти въ мечеть. Рано утромъ къ нему снова

явился тотъ же мюридъ, клятвенно подтверждая свой доносъ и предваряя, что его убьютъ въ мечети во время молитвы; главнымъ заговорщикомъ онъ назвалъ нѣкоего Османли-Гаджіева, дѣда двухъ братьевъ: Османа и Хаджи-Мурата, бывшихъ эмджеками (молочными братьями) убитыхъ хановъ.

Поколебленный Гамзатъ потребовалъ къ себѣ Гаджіева. Хитрый старикъ, не взирая на пристальный взглядъ, вперенный въ него, умѣлъ съ такимъ спокойнымъ лицомъ приблизиться къ имаму и такъ простодушно сталъ просить его помощи и содѣйствія къ обученію внука арабскому языку, что Гамзатъ совершенно успокоенный обѣщалъ ему исполнить его просьбу. На всякій случай однако приказалъ, чтобы никто изъ жителей не смѣлъ входить въ мечеть въ буркѣ, дабы можно было видѣть вооруженныхъ и отнять оружіе.

Въ полдень 19 ч. раздался голосъ муллы и толпы поклонниковъ Магомета начали сходиться въ мечеть. Вооруженный тремя пистолетами и предшествуемый 12-ю мюридами съ обнаженными шашками, вошелъ въ храмъ Гамзатъ-бекъ съ нѣсколькими своими приближенными. Онъ уже готовился къ молитвѣ, какъ, замѣтивъ нѣсколько человѣкъ въ буркахъ, остановился. Тогда Османъ (внукъ Гаджіева) громко обратился къ собравшимся: «что же вы не встаете, когда великій имамъ пришелъ молиться съ вами»? Гамзатъ почувствовалъ что-то зловѣщее въ этихъ словахъ и сталъ отступать къ дверямъ, но Османъ вдругъ выхватилъ пистолетъ и нанесъ ему тяжелую рану; за этимъ сигналомъ послѣдовали еще нѣсколько выстрѣловъ, и коварный убійца хановъ палъ на коверъ мечети, прострѣленный нѣсколькими пулями...

Его мюриды успѣли убить Османа, но атакованные ободрившимися хунзухцами понесли большой уронъ и обратились въ бѣгство. Хунзахъ былъ освобожденъ. Главный сообщникъ Гамзатъ-бека, Шамиль, былъ въ это время въ отсутствіи. Узнавъ о происшествіи съ имамомъ, онъ не отважился идти въ Хунзахъ, но съ партіею самыхъ отчаянныхъ мюридовъ отправился въ Новый Гоцатль, вытребовалъ у тестя Гамзатъ-бека все собранное имъ имущество и младшаго изъ сыновей несчастной ханши Паху-бике, Булачъ-хана, содержавшагося

здѣсь все это время подъ присмотромъ. Этого десятилѣтняго мальчика Шамиль, въ отмщеніе за смерть имама, приказалъ убить и тѣло бросить съ кручи въ аварское Койсу *).

Всѣ эти событія наконецъ вызвали со стороны русскихъ властей болѣе энергическія мѣры. Полковнику Клюки фонъ Клугенау былъ данъ отрядъ изъ 10 батальоновъ при 14 орудіяхъ, съ которыми въ октябрѣ 1834 года онъ двинулся въ Гоцатль, взялъ его и разорилъ, не взирая на упорное сопротивленіе мюридовъ, которые понесли большую потерю и обратились въ бѣгство. Дѣло это навело такой страхъ на окрестныхъ жителей, что чрезъ нѣсколько дней они явились въ лагерь отряда и, при громѣ пушекъ, на алкоранѣ присягнули на вѣрноподданство Россіи... Тутъ были и аварцы, и андаляльцы, гумбетовцы и проч. Они обѣщали даже заставить скрывшагося въ аулѣ Ашильта Шамиля явиться вскорѣ къ русскимъ съ повинною головою.

Удовлетворенный такимъ блистательнымъ результатомъ, отрядъ нашъ возвратился въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Мы опять повѣрили клятвамъ на алкоранѣ и успокоились...

Съ этого времени во главѣ мюридизма очутился Шамиль и начался новый періодъ кавказской исторіи.

---

*) Весь разсказъ этотъ взятъ изъ брошюры полков. Невѣровскаго и вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности событій, неоднократно слышанныхъ мною отъ туземцевъ и русскихъ офицеровъ, служившихъ въ то время въ Дагестанѣ. Я одного не могъ себѣ достаточно объяснить: какъ старые, почтенные, вліятельные люди Хунзаха, преданные дому своихъ хановъ, и нежелавшіе подчиниться шайкѣ мюридовъ, могли такъ слѣпо подчиниться очевидно ограниченной женщинѣ, каковою была ханша Пахубике? Какъ они не уговорили ее не посылать своихъ сыновей на явную гибель?..

IV.

Рѣшительныя дѣйствія на западномъ Кавказѣ.—Экспедиція 1834 года.—Распри бар. Розена съ Вельяминовымъ.—Зимнее расположеніе батальоновъ. Участіе въ набѣгахъ генерала Засса.—Экспедиція 1835 года.—Набѣги Засса.—Предположенія на 1836 годъ для занятія морского берега.—Экспедиція 1836 года.—Набѣги Засса и происшествія на линіи.—Результатъ экспедиціи.

Въ то время, когда въ Дагестанѣ происходили описанныя выше, вовсе непредвидѣнныя нашими властями событія, въ западной части Кавказа наконецъ приступили къ энергическимъ дѣйствіямъ, для приведенія въ исполненіе воли Государя на счетъ устройства линіи отъ Кубани, чрезъ Абинъ, до Геленджика и покоренія значительнаго черкесскаго племени натухайцовъ и частью шапсуговъ, населявшихъ уголъ между устьями Кубани, Анапой и Геленджикомъ. Въ составъ отряда генералъ-лейтенанта Вельяминова, изъ 10 батальоновъ, входили 2, 3 и 4-й батальоны Кабардинскаго полка, принимавшіе весьма дѣятельное участіе во всѣхъ движеніяхъ, работахъ и дѣлахъ съ упорно защищавшимися черкесами.

Лагерь отряда былъ расположенъ въ видѣ каре, задній фасъ котораго составляла рѣка; правый занималъ Тенгинскій, лѣвый Кабардинскій, а передній Навагинскій полкъ. Внутри, кромѣ казаковъ, милиціи, обозовъ и проч., была разбита походная церковь Кабардинскаго полка, отличающаяся богатымъ иконостасомъ—подаркомъ графа Апраксина. Пунктомъ переправы на Кубани и базисомъ для дальнѣйшаго наступленія былъ избранъ Ольгинскій редутъ. Въ 1833 году, какъ уже выше было сказано, здѣсь были произведены предварительныя

работы по устройству плотинъ на плавняхъ, образующихся отъ ежегоднаго разлива Кубани и таянія снѣговъ въ низменной мѣстности, тянущейся за рѣкою на десятокъ верстъ. Движеніе здѣсь для войскъ, особенно съ тяжестями, чрезвычайно затруднительно, а устройство дороги встрѣчало препятствіе въ совершенномъ отсутствіи вблизи камня.

Отрядъ только 30 іюля могъ переправиться чрезъ Кубань; а транспортъ съ провіантомъ переправлялся въ теченіе пяти дней. Въ это время войска были заняты заготовленіемъ кольевъ, хвороста и другихъ необходимыхъ матеріаловъ, для устройства переправы на болотистыхъ мѣстахъ. 4 августа двинулись къ р. Абину, перейдя въ слѣдующіе два дня Аушедцкія и Тлахафижскія болота. Съ 7 августа показался непріятель и партіи его со всѣхъ сторонъ тянулись за отрядомъ, поддерживая перестрѣлку.

8 числа отрядъ прибылъ къ Абину и занялся устройствомъ вагенбурговъ. Непріятель нѣсколько разъ нападалъ на обозъ и фуражировъ, а ночью стрѣлялъ по лагерю изъ пушекъ. Для захвата ихъ дѣлались засады, но безуспѣшно. Въ теченіе трехъ дней мы потеряли 2-хъ офицеровъ и 21-го солдата ранеными.

Оставивъ вагенбургъ у Абина, генералъ Вельяминовъ 11 числа двинулся для обозрѣнія удобнѣйшаго съ Кубанью сообщенія, по верхней дорогѣ, къ Великолагерному посту. Здѣсь, запасшись провіантомъ и снарядами, отрядъ пошелъ опять по прежней дорогѣ назадъ къ Абину, куда и прибылъ 21-го числа. Во время движенія непріятель во многихъ мѣстахъ атаковалъ боковыя цѣпи и аріергардъ, а въ одномъ дѣлѣ даже ворвался въ обозъ и отхватилъ нѣсколько повозокъ, но съ значительной потерей былъ отброшенъ. Мы потеряли въ теченіе этихъ дней 2-хъ офицеровъ и 12 нижнихъ чиновъ убитыхъ, 1-го офицера и 49 рядовыхъ раненыхъ, 1 унтеръ-офицеръ пропалъ безъ вѣсти.—Затѣмъ было приступлено къ пойстройкѣ у Абина укрѣпленія. Каждый день войска назначались частью на работы, на фуражировки или заготовленіе лѣсныхъ матеріаловъ, кромѣ того постоянно отправлялась колонна изъ 2-хъ баталіоновъ съ нѣсколькими стами казаковъ и артиллеріею въ Ольгинскій редутъ, для своза запасовъ продовольствія и дру-

гихъ потребностей, чтобы обезпечить на зиму гарнизонъ Абинскаго укрѣпленія.

Всѣ эти занятія сопровождались ежедневными перестрѣлками и потерями, составлявшими въ совокупности значительную цифру. Такъ, транспортная колонна, возвращаясь 9 сентября изъ Ольгинскаго, имѣла на Кунипсѣ перестрѣлку, стоившую намъ 1-го убитаго и 17 раненыхъ; 14-го числа на колонну, двигавшуюся изъ Абина, сдѣлано было шапсугами сильное нападеніе, при чемъ у насъ убито 8, ранено 33 человѣка, въ томъ числѣ офицеръ. Для обезпеченія обратнаго слѣдованія этого транспорта, 18-го сентября были посланы на встрѣчу три роты Кабардинскаго полка съ двумя орудіями. На Кунипсѣ непріятель опять сильно атаковалъ колонну. При этомъ убиты нашего полка 1 офицеръ (къ сожалѣнію нѐ поименованъ) и 3 рядовыхъ, ранены: маіоръ Ивановъ (умершій на другой день) и 11 нижнихъ чиновъ, все нашего же полка.

Между тѣмъ работы по постройкѣ Абина дѣятельно продолжались и за все время здѣсь потеряно 11 человѣкъ убитыхъ и 40 раненыхъ нижнихъ чиновъ, да 5 офицеровъ, въ числѣ которыхъ флигель-адъютантъ Безобразовъ раненъ въ ногу.

10-го октября, оставивъ въ новомъ укрѣпленіи гарнизонъ, генералъ Вельяминовъ выступилъ къ Геленджику. Сильный дождь, трудная дорога, изнуренныя транспортныя лошади и быки замедляли движеніе, такъ что на 9-й верстѣ уже пришлось остановиться. Непріятель провожалъ отрядъ перестрѣлкой, стоившей намъ 12 раненыхъ.—11 числа авангардъ встрѣтилъ непріятеля, занявшаго прилегающій къ дорогѣ оврагъ. Шапсуги, сдѣлавъ залпъ, бросились на цѣпь въ шашки, но были отбиты съ потерею нѣсколькихъ человѣкъ. Для обезпеченія дороги были посланы на правую сторону р. Абина двѣ роты Кабардинскаго и двѣ Тенгинскаго полковъ, съ двумя орудіями. Проходя мимо аула Бгана-хабль, они были встрѣчены непріятелемъ, но прогнали его, заняли аулъ и сожгли. Отрядъ на 9-й верстѣ опять долженъ былъ остановиться на ночлегъ, потому что боковыя цѣпи дѣлали большіе обходы по лѣсистымъ горамъ, задерживаемыя непріятелемъ, и главная

колонна часто останавливалась разработывать дорогу. Въ этотъ день у насъ убитъ офицеръ, ранено 3 офицера и нижнихъ чиновъ 24.

12 октября отрядъ продолжалъ движеніе вверхъ по р. Атакуафъ. Цѣпи двигались по чрезвычайнымъ крутизнамъ, постоянно останавливаемыя засѣвшимъ въ оврагахъ и искусственныхъ завалахъ непріятелемъ, съ которымъ приходилось вести не только неумолкаемую перестрѣлку, но переходить въ наступленіе и выбивать изъ заваловъ. За весь день сдѣлали только до 4-хъ верстъ и у подошвы горы Гуйберъ остановились на ночлегъ, потерявъ 7 убитыхъ и 49 раненыхъ.

13 числа отрядъ въ движеніи своемъ уже почти не выходилъ изъ огня; непріятель со всѣхъ сторонъ окружалъ насъ и, пользуясь малѣйшимъ закрытіемъ, упорно держался, производя сильный огонь и съ отчаянною дерзостью бросаясь на цѣпи съ шашками. Отбиваемый въ одномъ мѣстѣ, онъ чрезъ нѣсколько минутъ опять собирался въ другомъ и повторялъ тотъ же маневръ. Въ этотъ день мы уже потеряли 10 человѣкъ убитыхъ и 96 раненыхъ, 1 безъ вѣсти пропалъ, да убитъ адъютантъ генералъ-кригсъ-комисара, гвардіи капитанъ Заварыкинъ, ѣхавшій съ приказаніями въ стрѣлковую цѣпь. Пройдя опять только 4 версты, отрядъ остановился близь урочища Шедогопса, гдѣ оканчивалась повозочная дорога.

Затѣмъ, съ 14 по 23 октября, отрядъ рекогносцировалъ окрестности для избранія лучшаго направленія колесной дороги, разрабатывалъ ее по руслу Шедогопса чрезъ перевалъ Маркотхъ и, преодолѣвъ большія трудности, 23 ч. прибылъ въ Геленджикъ. Въ это время непріятель уже не такъ горячо насѣдалъ, и потеря за девять дней ограничилась 1 убитымъ инженернымъ офицеромъ и 3 нижними чинами; раненъ и взятъ въ плѣнъ 1 офицеръ Навагинскаго полка, да 19 солдатъ.

Возобновивъ въ Геленджикѣ запасы и сдавъ всѣхъ больныхъ и раненыхъ, генералъ Вельяминовъ 27 октября выступилъ обратно по направленію къ Суджукъ-Кале и чрезъ хребетъ Накхо, а въ Абинъ прибылъ 2-го ноября. При этомъ движеніи у насъ убитъ 1 и ранено 18 человѣкъ.

Экспедиція 1834 года на этомъ окончилась; войска были распущены, за исключеніемъ нѣкоторой части, оставленной на время для починки дороги и вырубки просѣки у Кунипса, на пути отъ Ольгинскаго въ Абинъ. Батальоны Кабардинскаго полка размѣщены по Кубани въ станицахъ *).

При отрядѣ генерала Вельяминова находился адъютантъ графа Чернышева баронъ Вревскій, писавшій частыя, весьма обстоятельныя письма (по французски), которыя графомъ докладывались государю. Въ этихъ письмахъ было много интересныхъ свѣдѣній и не мало дѣльныхъ замѣчаній. Между прочимъ баронъ Вревскій, отдавая полную справедливость выносливости и неустрашимости нашихъ войскъ, говорилъ, что наши ружья и стрѣлки, сыпящіе безъ толку массы патроновъ, никуда не годятся, и только картечь, да штыки, когда представится случай пустить ихъ въ дѣло, имѣютъ преимущество надъ горцами. Изъ его же писемъ узнаемъ, что англійскій капитанъ Лайонсъ пріѣзжалъ на яхтѣ къ берегу, былъ у черкесовъ, передалъ имъ какія то бумаги отъ Сафиръ-бея, извѣстнаго агитатора, жившаго въ Константинополѣ подъ протекціей Блистательной Порты; что посланная, предварительно движенія отряда, къ черкесамъ прокламація наша, приглашавшая ихъ покориться, не доводя себя до раззоренія, была доставлена въ нашу цѣпь изорванная въ куски...

Баронъ Розенъ не благоволилъ къ генералу Вельяминову, потому что онъ входилъ въ прямыя сношенія съ военнымъ министромъ, отъ котораго тоже получалъ прямо передаваемые взгляды и повелѣнія государя, что не могло правиться командиру кавказскаго корпуса, которому Вельяминовъ, какъ командующій войсками на Кавказской линіи, былъ прямо подчиненъ. Поэтому, не особенно результатный исходъ экспедиціи 1834 года

*) За экспедицію 1834 года наши батальоны получили 26 георгіевскихъ крестовъ. Капитанъ Рудаковъ, штабсъ капитанъ Базилевичъ, подпоручикъ Березанцевъ, прапорщикъ Мещеряковъ произведены въ слѣдующіе чины; маіоръ Новицкій, капитанъ Германсъ получили Владиміра 4-й степени, капитанъ Мацкевичъ, поручикъ Бугримовъ, подпоручики Сервіяновъ, Гладковъ и прапорщикъ Билимовъ—Анну 3-й ст., поручикъ Билимовъ 1 Станислава 4-й степени, съ бантами.

далъ возможность барону Розену обвинять Вельяминова въ своемъ донесеніи государю за отступленіе отъ утвержденнаго плана, за промедленіе въ открытіи дѣйствій, за безполезное движеніе изъ Абина къ Кубани на Великолагерный постъ по дорогѣ уже извѣстной, вмѣсто движенія къ Геленджику и т. д. Обвиненія эти, судя по собственноручнымъ отмѣткамъ государя, раздѣлялись имъ и были высказаны Вельяминову въ бумагѣ военнаго министра. На это, отъ 15 ноября, Вельяминовъ отвѣчалъ, что ни одинъ полководецъ не могъ еще выполнить первоначальнаго плана кампаніи въ точности, что время, мѣстность, дѣйствія непріятеля вынуждаютъ отступать, особенно въ землѣ почти неизвѣстной, или когда предположенія составлены не самимъ начальникомъ войскъ. Планы австрійскаго гофсъ-кригсрата, коимъ обязаны были слѣдовать полководцы, потому и не имѣли никогда ни малѣйшаго успѣха.

При чтеніи этого объясненія Николай Павловичъ надписалъ: «нахожу основательнымъ».

Въ концѣ 1834 года батальонамъ Кабардинскаго полка пришлось еще принять участіе въ набѣгахъ столь извѣстнаго въ свое время начальника Кубанской линіи генерала Засса. 4 ноября онъ раззорилъ Тамовскій аулъ; въ колоннѣ были двѣ роты нашего полка, потерявшія изъ общаго числа убитыхъ и раненыхъ тринадцати человѣкъ—6. Затѣмъ, 6 декабря, совершенъ болѣе серьезный набѣгъ на р. Бѣлую; при этомъ въ 1 и 3 батальонахъ Кабардинскаго полка убито 2 и ранено 9 человѣкъ изъ общей потери отряда въ 21 человѣкъ. Движеніе было чрезвычайно затруднено массою снѣга и переправами въ бродъ, при холодномъ рѣзкомъ вѣтрѣ. Успѣли отбить барановъ и нѣсколько скота; но самый аулъ, бывшій цѣлью набѣга, остался нераззореннымъ, потому что движеніе было открыто, непріятель собрался въ большомъ числѣ и отступленіе въ густомъ лѣсу могло стоить большихъ жертвъ, почему и поторопились отступить.

Къ хроникѣ 1834 года нужно отнести еще два происшествія въ полку. Во 1-хъ, въ началѣ года въ полковой канцеляріи былъ пожаръ, о чемъ производилось слѣдствіе, и корпусный командиръ рѣшилъ: полковаго адъютанта Кузьмина за

безпечность по обязанности своей и несправедливыя объясненія арестовать на двѣ недѣли. Во 2-хъ, маіоръ Денисенко по какому-то поводу повздорилъ съ штабсъ-капитаномъ Тенгинскаго полка Свягинымъ (какъ видно за кутежомъ), и вышли на дуэль на сабляхъ, нанеся другъ другу раны. Корпусный командиръ баронъ Розенъ конфирмовалъ: въ уваженіе отличной службы обоихъ, выдержать по три мѣсяца въ крѣпости на гауптвахтѣ, подъ строгимъ арестомъ, не производить въ слѣдующіе чины иначе какъ за особыя отличія и занести штрафъ въ формулярный списокъ.

Въ 1835 году съ 10 на 11 февраля генералъ-маіоръ Зассъ собралъ отрядъ въ Вознесенскомъ укрѣпленіи (въ томъ числѣ баталіонъ Кабардинскаго полка) и сдѣлалъ набѣгъ за Лабу, чрезъ Каладжинскую переправу. Отступленіе по скользкой тропинкѣ чрезъ лѣсъ и по обрывамъ было чрезвычайно трудно. Не взирая на глубокій снѣгъ, войска сдѣлали въ сутки до 80 верстъ! Послѣ суточнаго отдыха, неугомонный партизанъ опять двинулся на р. Ходзъ къ Баговскому аулу; но жители, очевидно предупрежденные, заранѣе успѣли скрыть семейства и скотъ, а при отступленіи насѣли на аріергардъ. Въ обоихъ этихъ движеніяхъ потери было до 30 человѣкъ, въ томъ числѣ 9 Кабардинцевъ.

Генералъ Зассъ въ донесеніи объ этихъ набѣгахъ писалъ, что тутъ русскія войска еще никогда не были и что на жителей наведенъ ужасный страхъ. Въ подробной исторіи кавказской войны, безъ сомнѣнія, будутъ разобраны и дѣйствія Засса; я ограничиваюсь только въ нѣсколькихъ словахъ моимъ личнымъ объ нихъ мнѣніемъ: всѣ эти громко расписанные набѣги имѣли результатомъ утомленіе войскъ и немалыя потери; крайнее озлобленіе туземцевъ, особенно потому, что нерѣдко раззорялись такіе, которые заявляли желаніе покориться и долго жили совершенно мирно; пользы, въ смыслѣ утвержденія власти русской въ краѣ, никакой не принесли и служили только предлогомъ къ болѣе или менѣе звонкимъ реляціоннымъ фразамъ, которымъ вѣрилъ не только баронъ Розенъ, но даже и столь опытный Вельяминовъ, а послѣ генералъ Граббе былъ въ особенности отъ нихъ въ восхищеніи.

Наступившій 1835 годъ засталъ Кабардинскій полкъ въ слѣдующемъ расположеніи: штабъ съ пятымъ батальономъ, по прежнему, въ Нальчикѣ, 1-ый бат. въ Ставрополѣ для карауловъ*), 2-ой въ Прочномъ Окопѣ, 3-ій въ Невинномыской и 4 въ станицѣ Васюринской. Въ маѣ 2, 3 и 4 батальоны соединились въ дѣйствующій отрядъ у Ольгинскаго редута. Цѣль предстоявшей экспедиціи была все та же, что и въ предшествовавшемъ году: устройство линіи отъ Кубани до Геленджика, покореніе живущихъ на этомъ пространствѣ черкесъ, затѣмъ, главное, занятіе восточнаго берега Чернаго моря нашими укрѣпленіями, построивъ ихъ при устьяхъ рѣчекъ, въ которыя турки входили съ своими кочермами для торговли и сношеній съ черкесами. Кромѣ того отряду предстояло довершить устройство Абинскаго укрѣпленія, улучшить съ нимъ сообщенія и обезпечить его необходимыми запасами, которые не могли доставляться туда безъ прикрытія сильныхъ колоннъ.

Еще въ мартѣ командовавшій войсками въ Черноморіи, генералъ-лейтенантъ Малиновскій ходилъ съ отрядомъ (въ томъ числѣ 4-ый бат. Кабардинскаго полка) за Кубань, гдѣ, заготовивъ на нѣсколько сотъ подводъ дровъ для екатеринодарскаго госпиталя и отправивъ ихъ назадъ къ Кубани, двинулся дальше по ущелью р. Догай, для нападенія на черкесскіе аулы, въ которыхъ въ то время, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, собрались старшины разныхъ племенъ и, подстрекаемые прибывшими изъ Константинополя агентами съ письмами отъ Сафиръ-бея, увѣрявшаго, что лѣтомъ прибудетъ турецкій флотъ съ войсками для ихъ поддержки, дали клятву не покоряться русскимъ, упорно защищаться и дѣйствовать всѣмъ общими силами, подъ страхомъ взысканія тяжкихъ штрафовъ.

---

*) По полученіи въ Петербургѣ росписанія войскъ на Кавказѣ, весьма основательно замѣтили, что для содержанія карауловъ нельзя употреблять батальоны, болѣе соотвѣтствующіе дѣйствіямъ противъ непріятеля, и поэтому приказали тотчасъ отправить 1 батальонъ въ отрядъ, или на линію для защиты отъ набѣговъ, а въ Ставрополѣ обходиться линейнымъ батальономъ; въ крайнемъ случаѣ вызвать пѣшій Черноморскій казачій полкъ. Такимъ образомъ нашъ 1 батальонъ въ концѣ мая былъ отправленъ изъ Ставрополя въ укрѣпленія Хумару, Усть-Джегутинское и Невинномыское.

Ущелье Догая оказалось неудобнымъ для внезапнаго нападенія, и хотя большой туманъ скрылъ сначала движеніе, но не доходя двухъ верстъ до ауловъ уже раздались выстрѣлы, стали собираться большія партіи, и пришлось отступать. Черкесы, по обыкновенію, насѣли на аріергардъ и мы потеряли 10 человѣкъ убитыми, 4 офицеровъ и 53 нижнихъ чиновъ ранеными, да около 20 лошадей. Главнокомандующій баронъ Розенъ объявилъ генералу Малиновскому выговоръ за это безполезное движеніе и особенно обратилъ вниманіе на чрезвычайную трату патроновъ, которыхъ, напримѣръ, одинъ батальонъ Тенгинскаго полка въ 700 человѣкъ выпустилъ 31 тыс.

Въ маѣ генералъ Малиновскій опять ходилъ за Кубань для поправки на Аушедскихъ болотахъ плотинъ и для доставки продовольствія въ Абинъ. При этомъ были перестрѣлки и нашъ батальонъ имѣлъ 3 раненыхъ. Судьба этого Абинскаго укрѣпленія была вообще самая печальная: чтобы сообщаться съ нимъ, нужно было назначать всякій разъ не менѣе 4½ батальоновъ пѣхоты, 4 сотни казаковъ и 10 орудій, а движенія никогда не обходились безъ жаркой перестрѣлки и потери. Гарнизонъ же страдалъ отъ цынги и находился постоянно въ состояніи блокады, не имѣя возможности выходить дальше гласиса и даже доставлять себѣ дровъ изъ близь лежащаго лѣса.

Послѣ долгихъ приготовленій, генералъ Вельяминовъ только въ половинѣ іюля выступилъ изъ Ольгинскаго. Для командованія тремя батальонами Кабардинцевъ былъ вызванъ изъ Нальчика полковой командиръ, который, пользуясь давно извѣстностью отличнаго боевого штабъ-офицера, постоянно получалъ отдѣльныя колонны и командировки. Въ 3-хъ батальонахъ было 3 штабъ-офицера, 39 оберъ-офицеровъ и 2,100 нижнихъ чиновъ; гвардейскихъ офицеровъ, прикомандированныхъ къ полку, было 4.

Движеніе отряда стѣснялось громаднымъ транспортомъ въ 3 тысячи подводъ, на которыхъ везлось не только продовольствіе, но и строительные матеріалы для новыхъ укрѣпленій, боевые запасы и проч. Обозъ растягивался на 6 верстъ и двигался какъ въ ящикѣ изъ войскъ; самый опасный лѣвый фасъ

прикрытія составляли три Кабардинскіе батальона; каждыя 15 минутъ происходили остановки отъ безпрестанныхъ поломокъ; такъ, на второй день движенія, ихъ было счетомъ до 200, а чрезъ одну сломанную телѣгу останавливался весь отрядъ...

По прибытіи къ Абину, каждый день наряжались колонны рубить дрова, косить сѣно и проч., при чемъ не обходилось безъ перестрѣлокъ и всякій разъ нѣсколько раненыхъ увеличивали лазаретное населеніе.

Между тѣмъ порожнія подводы отправлялись назадъ въ Ольгинское, забирали тамъ новую пропорцію припасовъ, возвращались и опять уходили; въ прикрытіе имъ назначались по очереди батальоны.

Наконецъ, 16 августа отрядъ двинулся далѣе въ Атакуафъ, гдѣ и заложено промежуточное укрѣпленіе между Абиномъ и Геленджикомъ, названное Николаевскимъ. Переходы дѣлались не болѣе 3-хъ—4-хъ верстъ въ день; дороги были труднопроходимыя, обозъ едва двигался, а перестрѣлки задерживали на каждомъ шагу. 18 числа былъ раненъ прикомандированный къ Кабардинскому полку Преображенскаго полка поручикъ Бельгардъ.

Когда укрѣпленіе было на столько возведено, что гарнизонъ въ немъ могъ достаточно закрыться, отрядъ, оставивъ въ Николаевскомъ нашъ 2-й батальонъ съ частью казаковъ и артиллеріи, двинулся для истребленія непріятельскихъ ауловъ въ ближайшихъ окрестностяхъ и, начиная съ 11 сентября, каждый день сопровождался жаркими перестрѣлками. Съ 11 на 12-ое число нашего полка прапорщикъ Ржевскій занималъ съ 30 человѣками пикетъ. Шапсуги внезапно бросились на нихъ съ шашками, но были встрѣчены штыками и, при помощи скоро подоспѣвшихъ двухъ ротъ, прогнаны съ урономъ. У насъ ранено шашками три человѣка. 21 сентября полковникъ Пирятинскій былъ посланъ раззорить аулъ Бгана-Хабль. При отступленіи завязалось упорное дѣло; изъ лагеря были высланы въ подкрѣпленіе 1 батальонъ и 4 сотни черноморскихъ казаковъ. Въ лѣсу были пущены частью спѣшенные казаки, подъ начальствомъ корнета Гатчинскаго кирасирскаго полка князя Барятинскаго (впослѣдствіи фельдмаршалъ), ко-

торый тутъ же былъ тяжело раненъ пистолетнымъ выстрѣломъ въ бокъ. Потеря, впрочемъ, ограничилась 3-мя офицерами и 19 нижними чинами. Здѣсь-то въ первый разъ завязалось боевое товарищество князя Барятинскаго съ Кабардинцами, съ которыми ему суждено было впослѣдствіи связать навсегда свое имя.

Въ такихъ дѣлахъ прошла вся осень до ноября мѣсяца. Разработывались дороги, уничтожались аулы, рекогносцировалась мѣстность къ берегу моря и т. п. Кабардинскія роты большею частью назначались для занятія лѣсовъ, въ стрѣлковыя цѣпи и вообще въ легкія колонны, потому что онѣ были егеря и предполагалось, что это ихъ прямое назначеніе; другіе же батальоны все были мушкетерскіе, Тенгинскаго и Навагинскаго полковъ. Въ сущности, само собою, различія не было никакого, но такъ уже какъ то завелось и поддерживалось все время.

Изъ числа выдававшихся за это время дѣлъ слѣдуетъ еще упомянуть о бывшемъ 26 октября, когда колонна полковника Пирятинскаго двигалась по ущелью Куафа. Здѣсь особенно отличился нашъ маіоръ Рудаковъ съ 3-мъ батальономъ, отбиваясь въ аріергардѣ отъ большой партіи насѣдавшихъ на него шапсуговъ; въ батальонѣ раненъ штабсъ-капитанъ Губановъ и 20 человѣкъ, а унтеръ-офицеръ нашего полка Голицынъ, за убылью большей части артиллерійской прислуги, помогалъ гвардіи поручику Баранцеву (нынѣ графъ, товарищъ фельдцехмейстера) заряжать орудія. Въ этомъ дѣлѣ въ первый разъ выступилъ на сцену въ роли дѣйствующаго лица дивизіонный адъютантъ 20 дивизіи, гвардіи штабсъ-капитанъ Лабынцевъ *), который начальствовалъ всею стрѣлковою цѣпью. 7 го ноября отрядъ возвратился на Кубань и батальоны распущены по квартирамъ въ станицахъ черноморскихъ казаковъ.

Изъ другихъ происшествій, связанныхъ съ Кабардинскимъ полкомъ, въ теченіе 1835 года, можно указать на набѣгъ, сдѣланный генераломъ Зассомъ на аулъ богатаго кабардин-

---

*) Впослѣдствіи командиръ нашего полка, начальникъ дивизіи и одинъ изъ лучшихъ боевыхъ генераловъ на Кавказѣ.

скаго князя Докшукова 29 октября; аулъ былъ взятъ и разоренъ. У насъ была потеря 9 человѣкъ, въ томъ числѣ и изъ роты нашего 1-го батальона.

Какова была жизнь войска на Кавказѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: 16 сентября два человѣка изъ роты, расположенной въ Хумаринскомъ укрѣпленіи, вышли на рѣку помыть бѣлье. Вдругъ съ противнаго берега изъ-за камней раздался залпъ нѣсколькихъ винтовокъ и оба солдата пали мертвыми. Такъ каждый шагъ сопровождался опасностью *).

На 1836 годъ опять назначены были дѣйствія въ этой же мѣстности, съ тѣмъ, чтобы закончить устройство Геленджикской линіи, обозрѣть берегъ между Геленджикомъ и Джубою, гдѣ предполагалось построить укрѣпленіе и разработать береговую дорогу, а затѣмъ осенью дѣйствовать противъ шапсуговъ и натухайцевъ.

24 февраля 1836 года графъ Чернышевъ писалъ Вельяминову, что государь положительно отвергаетъ мысль объ охраненіи восточнаго берега Чернаго моря посредствомъ *отдѣльныхъ укрѣпленій, между собою несвязанныхъ*.

Устройство береговой дороги не только при тогдашнихъ обстоятельствахъ, среди непокорнаго населенія, но даже и теперь, когда никакого непріятеля тамъ нѣтъ, безспорно дѣло

---

*) За походъ 1835 года полкъ получилъ слѣдующія награды: нижнимъ чинамъ 39 георгіевскихъ крестовъ; полковникъ Пирятинскій Анну 2-й степ. съ короною; маіоръ Судаковъ, капитанъ Мацкевичъ, штабсъ-капитанъ Балашъ Владаміра 4-й ст., капитанъ Базилевичъ золотую саблю «за храбрость», штабсъ-капит. Губановъ, поруч. Демьяновскій Анну 3-й ст., поруч. Хайновскій, Власьевскій и подпор. Бочкаровъ Анну 4-й ст. за храбрость, штабсъ-кап. Астафьевъ, Бартошевичъ, поручикъ Бекинъ, Наттеръ, прапор. Дятьковъ Станислава 4-й ст. съ бантами. Подполковникъ Тиммерманъ и подпор. Романовскій слѣдующіе чины: унтеръ-офицеры Черевинъ, Лукинъ и Акуловъ произведены въ офицеры. Прочіе офицеры удостоились высочайшаго благоволенія, и нѣсколько рядовыхъ изъ разжалованныхъ, обратившихъ на себя особое вниманіе, произведены въ унтеръ-офицеры.

Кромѣ того за набѣги съ ген. Зассомъ въ 1834 г. и 1835 г. получили Владиміра 4-й ст. штабсъ-кап. Яготинскій-Ясковинъ, Анну 3-й ст. поруч. Каревъ, Анну 4-й ст. за храбрость подпор. Струковъ и прапор. Мануйловъ, Станислава 4-й ст. поруч. Верхоланцевъ и подпор. Поченцовъ; унтеръ-офицеръ Дятловъ произведенъ въ прапорщики.

въ высшей степени трудное и исполнимое развѣ при огромныхъ средствахъ; но, имѣя это въ виду послѣ осмотра мѣстности, генералъ Вельяминовъ обязанъ былъ самымъ категорическимъ образомъ представить о безполезности укрѣпленій и, подтвердивъ мысль самого государя, вовсе не приступать къ ихъ устройству. Онъ однако этого не сдѣлалъ и, желая непремѣнно выполнить главную цѣль императора Николая—о прекращеніи всякихъ сношеній горцевъ съ турками—настаивалъ на постройкѣ цѣлаго ряда укрѣпленій (числомъ 19) при устьяхъ впадающихъ въ море рѣчекъ. Укрѣпленія эти, почти безъ исключенія, были только гибелью для занимавшихъ ихъ гарнизоновъ; лихорадки и цынга изнуряли и губили людей; совершенное бездѣйствіе, за невозможностью выходить за стѣны крѣпости, постоянныя перестрѣлки при добываніи дровъ и фуража, необезпеченность и внутри укрѣпленій, большею частью подверженныхъ выстрѣламъ съ окружающихъ командующихъ высотъ, скука и тоска по родинѣ, весьма рѣдкое сообщеніе исключительно посредствомъ судовъ черноморскаго флота, уныніе овладѣвало людьми, развивались пороки, усиливались физическія болѣзни... А пользы не было почти никакой, потому что гарнизоны не смѣли дѣлать вылазокъ и нѣкоторыя укрѣпленія были уничтожены горцами. Когда же въ 1854 году появился въ Черномъ морѣ непріятельскій флотъ, всѣ эти укрѣпленія, послѣ 17—18 лѣтъ жалкаго существованія, должны были быть внезапно брошены!..

Между тѣмъ, употребивъ половину тѣхъ огромныхъ жертвъ людьми и деньгами, которыхъ стоила черноморская береговая линія, на дѣйствія со стороны Кубани, какъ самъ же Вельяминовъ еще въ 1833 году предполагалъ, занимая постепенно линіи по теченію рѣкъ и заселяя оставляемыя черкесами мѣста казачьими станицами, мы по крайней мѣрѣ 20-ю годами ранѣе покончили бы дѣло, сохранивъ не одну тысячу людей и не одинъ милліонъ денегъ, имѣли бы съ плоскости дороги къ берегу моря, да были бы во время первой Восточной войны въ другомъ положеніи.

А. А. Вельяминовъ былъ безспорно одинъ изъ дѣльнѣйшихъ генераловъ, оказавшихъ на Кавказѣ не мало важныхъ

услугъ, но въ вопросѣ о черноморской бареговой линіи онъ положительно виноватъ, тѣмъ болѣе, что, пользуясь особымъ благоволеніемъ государя Николая Павловича, имѣлъ полную возможность и письменно, и словесно представлять безъ стѣсненія положеніе дѣлъ и мѣстныхъ обстоятельствъ.

Наконецъ, нѣсколько разъ графъ Чернышевъ писалъ ему, что государь твердо держится мысли о пользѣ береговыхъ укрѣпленій, но требуетъ, чтобы занятіе было прочное, съ *непремѣннымъ условіемъ береговаго сообщенія* по проложеннымъ дорогамъ и съ покореніемъ жителей. Этихъ то двухъ условій не выполнили и, сами по себѣ, укрѣпленія оказались громадной, безплодной жертвой. Да и въ Петербургѣ недостаточно категорически ставили вопросъ и допустили отступленіе отъ означенныхъ условій.

Въ 1836 году отрядъ собрался гораздо ранѣе. 14 апрѣля войска уже были въ Ольгинскомъ редутѣ, но вся дорога за Кубанью была залита водою. Въ теченіе трехъ недѣль войска были заняты работами по устройству плотинъ чрезъ болота. 9 мая выступили и 10 прибыли въ Абинъ, имѣя на дорогѣ, по обыкновенію, перестрѣлку и нѣсколько раненыхъ. Изъ нашихъ батальоновъ одному приказано занять тремя ротами Абинъ, а одной ротой смѣнить несчастный гарнизонъ Николаевскаго укрѣпленія, страдавшій тамъ въ теченіе всей зимы отъ цынги. Для сопровожденія роты въ Николаевское и доставленія туда различныхъ припасовъ ходила колонна, которая имѣла, особенно на возвратномъ пути, сильныя перестрѣлки съ значительной потерей.

За тѣмъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, отрядъ оставался нѣкоторое время при Абинѣ, посылая колонны съ транспортами къ Ольгинскому и заготовляя дрова и сѣно. Въ іюнѣ двинулись впередъ и 23-го числа прибыли на р. Дообу, гдѣ должно было строить укрѣпленіе. Каждый день происходили перестрѣлки, стоившія отъ 2 до 5 человѣкъ.

29 іюня, нашего полка двѣ роты, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Евдокимова, были посланы въ Геленджикъ за рогожами. На дорогѣ, замѣтивъ въ сторонѣ скотъ, Евдокимовъ послалъ подпоручика Китаева и прапорщика Шалаева съ

командами отбить скотъ и зажечь близь лежавшій аулъ. Мигомъ добѣжали наши егеря до аула, зажгли его въ нѣсколькихъ мѣстахъ и, захвативъ 74 штуки скота, погнали, но черкесы успѣли собраться и бросились съ ожесточеніемъ на нашихъ; однако скота назадъ отбить не могли. При этомъ прапорщикъ Шалаевъ на глазахъ всѣхъ изрубилъ двухъ черкесовъ и самъ былъ раненъ; кромѣ того одинъ солдатъ убитъ и двое ранены.

Вскорѣ послѣ этого была послана колонна въ Абинъ; въ аріергардѣ шелъ нашъ 3-й батальонъ, на который насѣла большая партія, но была съ большимъ урономъ отбита. При этомъ особенно отличились капитанъ Базилевичъ, штабсъ-капитанъ Астафьевъ и поручикъ Бибиковъ.

19-го іюля заложили укрѣпленіе Александрійское. Каждый день колонны ходили за лѣсомъ, хворостомъ и фуражемъ, а также для разработки дороги чрезъ хребетъ Нако. Все это сопровождалось перестрѣлками, изъ коихъ болѣе значительная была 29 числа, когда большая партія напала на нашъ 2-й батальонъ, возвращавшійся съ дровами; бывшая въ аріергардѣ 2-я карабинерная рота штабсъ-капитана Балаша молодецки отбивалась и наконецъ прогнала непріятеля, потерявъ 5 человѣкъ.

1-го августа въ колоннѣ посланной въ Ольгинское былъ нашъ 4-й батальонъ. На пути туда и обратно горцы близь укр. Николаевскаго нападали на цѣпи и аріергардъ, при чемъ у насъ была потеря до 10 человѣкъ. Начальникъ колонны, полковникъ Горскій, особенно хвалилъ нашего капитана Мацкевича, который съ своею ротою былъ въ аріергардѣ и отлично распоряжался.

28-го августа опять такая же колонна ходила въ Ольгинское и во 2-мъ батальонѣ нашего полка въ перестрѣлкѣ убито 2 и ранено 3 человѣка.

Затѣмъ, окончивъ постройку Александрійскаго укрѣпленія, оставивъ въ немъ гарнизонъ изъ 3-хъ ротъ прибывшаго изъ Геленджика линейнаго батальона, отрядъ 12 сентября выступилъ назадъ къ Кубани. Послѣ нѣсколькихъ дней отдыха и пополненія запасовъ, 24 сентября генералъ Вельяминовъ

выступилъ для дѣйствій противъ натухайцевъ. (Въ 3-хъ баталіонахъ Кабардинскаго полка было подъ ружьемъ до 1900 человѣкъ,—составъ весьма значительный послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ похода и рѣдко встрѣчаемый въ военное время, особенно на Кавказѣ).

25-го числа отрядъ пришелъ въ Абинъ, а 26 двинулся къ Анапѣ, имѣя на дорогѣ жаркую перестрѣлку, при коей въ числѣ убитыхъ были двое нашего полка.

4-го числа, сдавъ въ Анапѣ больныхъ и раненыхъ, отрядъ выступилъ чрезъ Гостогай къ Кубани. При этомъ посылались особыя колонны по сторонамъ для раззоренія ауловъ, истребленія запасовъ и проч. Въ числѣ колонныхъ начальниковъ, отличавшихся распорядительностью, упоминается и Кабардинскаго полка подполковникъ Забродскій.

11-го октября опять выступили къ Цемесу и Суджукъ-Кале, раззоряя множество ауловъ по дорогѣ и въ боковыхъ ущельяхъ, производя осмотръ и съемку мѣстности. Все сопровождалось безпрерывными перестрѣлками и потерями. 18 числа было особенно жаркое дѣло въ аріергардѣ, гдѣ находился 4-й батальонъ Кабардинскаго полка, потерявшій 6 человѣкъ убитыхъ. Генералъ Вельяминовъ, рѣдко упоминавшій въ своихъ реляціяхъ кого-либо изъ офицеровъ и вообще скупой на похвалы, въ этотъ разъ особенно хвалилъ поручика Билимова, командовавшаго ротой въ 4-мъ батальонѣ.

Пройдя до Джемитейскаго ущелья, отрядъ 23 октября остановился здѣсь. Во всѣхъ движеніяхъ за это время было сожжено 45 ауловъ, истреблено множество запасовъ и проч. Непріятель упорно защищался, пользовался всякимъ перелѣскомъ и скрытою мѣстностью для засадъ, и жаркія перестрѣлки, иногда рукопашныя схватки, были ежедневными явленіями. Генералъ Вельяминовъ съ особенною похвалою отзывался о капитанахъ Кабардинскаго полка Мацкевичѣ и Базилевичѣ.

26-го числа колонна была двинута по другому направленію, съ тою же цѣлью. Два черкеса явились къ начальнику отряда съ просьбою пріостановить военныя дѣйствія, потому что они получили письмо отъ турецкаго султана о *производствѣ Натухая въ особое королевство*... Когда имъ отказали,

они убѣдительно просили хотя одинъ день перемирія, чтобы собрать общій совѣтъ и доставить намъ на показъ письмо султана.

Такъ все время дурачили легковѣрно-невѣжественное населеніе западнаго Кавказа разные турецкіе и англійскіе эмиссары и польскіе авантюристы, поддерживая его упорство въ сопротивленіи самымъ благопріятнымъ предложеніямъ съ нашей стороны, пока не довели это несчастное, полумилліонное храброе населеніе до совершенной почти гибели на далекой чужбинѣ.

27-го октября колонна была направлена въ ущелье рѣчки Псекяге для истребленія ауловъ. Что бы обезпечить правый флангъ нашъ, на лѣсистую высоту былъ посланъ маіоръ Яковенко съ 5-ю и 6-ю ротами Кабардинскаго полка. Большая партія атаковала эти роты и завязалось жаркое дѣло; 5-я рота съ поручикомъ Бибиковымъ ударила въ штыки и рукопашный бой длился нѣсколько минутъ, пока подоспѣли еще три наши роты съ орудіемъ и окончательно прогнали черкесъ. Мы потеряли при этомъ ранеными двухъ офицеровъ: прикомандированнаго лейбъ-гвардіи егерскаго полка подпоручика Дудицкаго-Лишина и нашего полка прапорщика Перепелицына, да 11 человѣкъ рядовыхъ. Начальникъ колонны, артиллеріи полковникъ Брюммеръ, доносилъ, что «поведеніе егерей достойно всякаго уваженія».

Генералъ Вельяминовъ предполагалъ еще нѣкоторое время оставаться въ землѣ натухайцевъ и довести ихъ совершеннымъ раззореніемъ до необходимости пощады, но 5 ноября получено свѣдѣніе, что между натухайцами появилась чума и потому генералъ поспѣшилъ возвратиться за Кубань, куда и прибылъ 10 ноября. Въ послѣдней перестрѣлкѣ, при отступленіи, мы еще потеряли 11 человѣкъ.

На этомъ окончились дѣйствія отряда за Кубанью; 2 и 4 батальоны были распущены на зимнія квартиры въ прикубанскія станицы черноморскихъ казаковъ; а 3-й—одной ротой занималъ укрѣпленіе Николаевское и тремя — Абинъ, гдѣ они оставались всю зиму, до мая 1837 года *).

*) Зимнія стоянки однако нельзя было считать отдыхомъ послѣ 6—7

Въ томъ же 1836 году начальникъ Кубанской линіи генералъ Зассъ дѣлалъ, по обыкновенію, набѣги въ землю Абадзеховъ и въ составъ его колонны входили роты оставшагося на линіи 1-го батальона Кабардинскаго полка. Изъ болѣе выдающихся дѣлъ этого рода привожу здѣсь три: 25 января ген. Зассъ отправился наказать абадзеховъ за разграбленіе Боргустанской станицы. Нужно было сдѣлать весь переходъ въ одну ночь, чтобъ на разсвѣтѣ внезапно напасть на аулъ; но глубокій снѣгъ, покрытыя тонкимъ льдомъ болота, крутые подъемы и спуски чрезъ глубокія балки такъ затруднили движеніе, что одни казаки, двинутые впередъ, могли подойти къ аулу только въ 9 часовъ утра. Медленность эта была причиной, что абадзехи успѣли скрыться съ семействами въ лѣса, и всего въ трехъ аулахъ было захвачено отставшихъ 26 душъ, нѣсколько штукъ скота, да едва успѣли зажечь аулы, какъ по тревогѣ уже стали собираться партіи изъ окрестностей и завели перестрѣлку. Отступивъ нѣсколько верстъ на открытое мѣсто и соединясь здѣсь съ пѣхотою, генералъ Зассъ простоялъ 12 часовъ, для необходимаго отдыха до изнеможенія уставшимъ войскамъ, а затѣмъ двинулся обратно. Какъ только вступили въ лѣсъ, горцы по обыкновенію насѣли на аріергардъ, состоявшій изъ батальона Кабардинскаго полка, подъ командою подполковника Короткова, которому и выпала обязанность вынести на себѣ единственно серьезную опасность всѣхъ подобныхъ движеній, когда кавказскій непріятель только выжидалъ нашего отступленія для своихъ атакъ. Дѣло это было уже привычное нашимъ батальонамъ: стрѣлковыя цѣпи медленно подвигались среди лѣсной чащи, отстрѣливаясь и производя больше шуму и треску своей немѣткой пальбой изъ плохихъ старыхъ ружей, чѣмъ вреда непріятелю, съ ловкостью дикой кошки перепрыгивавшему изъ за одного дерева къ дру-

---

мѣсячныхъ походныхъ трудовъ: необходимо было приготовляться къ предстоящему новому походу, что вызывало усиленную работу не только всѣхъ мастеровыхъ, но и вообще всѣхъ людей: заготовленіе сухарей, сушеной капусты, рыбы, которую ловили массами въ Кубани, солили, вялили, все это требовало не мало труда.—Для ученій и строевыхъ занятій оставалось мало времени, да и охоты было не много...

гому, изъ одной балочки въ другую. Но за то стоило ему только собраться кучкой, приблизиться и выказать намѣреніе ударить въ шашки, или вообще съ близкой дистанціи поражать насъ, какъ съ нашей стороны умолкала безцѣльная пальба, раздавался крикъ ура! люди бросались впередъ, держа ружья на руку, и изъ двадцати разовъ девятнадцать горцы въ паническомъ страхѣ обращались въ бѣгство... Дружное ура и приближеніе штыковъ, не обращавшихъ вниманія на меткій огонь и падающихъ товарищей, производили обаяніе ужаса на самыхъ отважныхъ джигитовъ. Когда же случалось, что горцы съ обнаженными шашками и кинжалами успѣшно бросались на наши ряды, нанося дѣйствительный, чувствительный уронъ, то, почти безъ исключенія, только въ случаѣ крайней оплошности нашей, или какого нибудь замѣшательства, вслѣдствіе внезапности удара и несоразмѣрной вдругъ потери, особенно командующихъ офицеровъ. И стоило въ такомъ случаѣ только одной ротѣ, или даже взводу, неразстроенному замѣшательствомъ, крикнуть ура! и рѣшительно броситься впередъ; всѣ эти отчаянные головорѣзы, не взирая на упоеніе удачей, въ одно мгновеніе ока испытывали приступъ паники и бѣжали въ чащу лѣсную... Въ первый періодъ нашей войны на Кавказѣ такое обаяніе страха на горцевъ производила артиллерія, особенно картечь, съ звономъ проносившаяся между кустовъ орѣшника; впослѣдствіи же, послѣ несчастныхъ экспедицій 1840—42—45 годовъ въ Чечнѣ, пушки уже утратили 50% своего престижа и только молодецкое ура, да замелькавшіе кончики штыка производили свое всегдашнее обаяніе. Теперь эта роль должна перейти къ берданкамъ, при которыхъ едвали съ азіатцами можетъ еще дойти до штыка, развѣ при штурмахъ укрѣпленныхъ мѣстъ.

Всей потери въ упомянутомъ набѣгѣ 25 января было 16 человѣкъ, изъ коихъ въ Кабардинскомъ батальонѣ убито 4 и ранено 5 солдатъ.

27 февраля опять былъ набѣгъ на аулы бѣглыхъ кабардинцевъ, но въ этотъ разъ, за разливомъ рѣкъ, пѣхота уже на половинѣ пути должна была остановиться, по совершенной невозможности двигаться; ей нѣсколько разъ пришлось почти

вплавь переходитъ рѣчки и образовавшіяся отъ таянія снѣговъ озера, иногда на пространствѣ болѣе версты, и можно себѣ представить, каково это должно быть въ концѣ февраля, когда къ ночи прихватитъ вѣтеръ съ 3—4° мороза...

Въ сентябрѣ того же 1836 года очень большая партія абадзеховъ, съ чрезвычайной ловкостью и дерзостью, пробралась между разными нашими постами и станицами и напала на Кисловодскъ. Перебивъ нѣсколько человѣкъ постовыхъ донскихъ казаковъ и поселянъ, захвативъ нѣсколько бабъ и мальчиковъ въ плѣнъ, разграбивъ нѣсколько домовъ, абадзехи начали поспѣшно отступать, зная, что безъ преслѣдованія не обойдется. И дѣйствительно, по распространившейся тревогѣ, съ разныхъ ближайшихъ мѣстъ начали стекаться казаки, мирные нагайцы и пѣхотныя команды. Самъ генералъ Зассъ прискакалъ и повелъ преслѣдованіе такъ, что, не говоря о пѣхотѣ, даже половина казаковъ и нагайцевъ отстали. Сдѣлавъ 150 верстъ въ 35 часовъ, генералъ Зассъ узналъ, что непріятель успѣлъ уже уйти за Кубань... Не останавливаясь, онъ бросается въ горы къ верховьямъ рѣки, захватываетъ съ собою 60 человѣкъ при офицерѣ изъ роты Кабардинскаго полка, занимавшей Хумаринское укрѣпленіе, идетъ на перерѣзъ абадзеховъ и у подножія снѣговаго хребта наконецъ преграждаетъ имъ дорогу. Но непріятеля оказалось болѣе 1,000 человѣкъ, а у Засса 60 егерей и около 300 казаковъ, на лошадяхъ, уже отказавшихся двигаться. Не взирая однако на такое неравенство силъ, генералъ вступилъ въ дѣло. Абадзехи, опасаясь ежеминутно подхода новыхъ подкрѣпленій къ русскимъ, дрались отчаянно и пробились, оставивъ плѣннаго донскаго казака и нѣсколько лошадей. Съ нашей стороны потеря была значительная: убитъ 1 офицеръ и 8 человѣкъ, ранены 1 штабъ-офицеръ, 5 оберъ-офицеровъ и 26 нижнихъ чиновъ, большею частью казаковъ. Лошадей убитыхъ и павшихъ отъ изнуренія было 65 *).

---

*) За дѣйствія въ 1836 году полкомъ получены слѣдующія награды: полковникъ Пирятинскій золотую табакерку съ изображеніемъ имени Государя и 3 тысячи руб.; полковнику Тиммерману на воспитаніе 2-хъ доче-

Результатомъ экспедиціи 1836 года однако не вполнѣ остались довольными, и Вельяминову были посланы изъ Петербурга нѣсколько указаній, какъ дѣйствовать. На это онъ въ письмѣ къ графу Чернышеву писалъ: «въ войнѣ мудрено назначить предѣлы возможнаго,—это почти всегда зависитъ отъ способности начальника. Находя въ образѣ дѣйствій, мнѣ указанномъ, препятствія, которыя совершенно для меня неодолимы, я ни мало не увѣренъ, чтобы другой, болѣе меня способный, не нашелъ способовъ превозмочь ихъ. Я считаю обязанностью признаться, что исполненіе свыше силъ моихъ и я былъ бы недостоинъ милостей государя, если бы взялъ на себя порученіе, котораго исполнить не могу».

Дѣло шло о болѣе энергическомъ дѣйствіи для покоренія натухайцевъ и проложеніи дороги по берегу моря между укрѣпленіями; но на требованія увеличить число войскъ и вообще средствъ—слѣдовали отказы. Генералъ Вельяминовъ, въ одномъ изъ своихъ донесеній, совершенно вѣрно указывалъ, какъ на Кавказѣ уменьшеніе въ одномъ какомъ либо пунктѣ числа войскъ всякій разъ вызывало возмущенія, усиленные набѣги и потери результатовъ прежнихъ побѣдъ. Какъ только въ 1822 году вывели часть войска съ лѣваго фланга и Дагестана въ Кабарду, тамъ начались волненія, убили генераловъ Лисаневича и Грекова; пришлось на-скоро стягивать войска съ Кубани, изъ Грузіи и опять начинать усмиреніе чеченцевъ. Отвлеченіе въ персидскую и турецкую войну войскъ дало возможность Кази-муллѣ на свободѣ приготовить катастрофы 1830—31 годовъ. Въ 1832 году его уничтожили, но

рей по 500 руб. ежегодно; штабсъ-капитану Балашу 800 р. единовременно, поручику Демьяновскому Владиміра 4-й ст., штабсъ-капитану Сергѣеву, поручику Бѣлановичу и подпоручику Дятькову Анны 3-й ст., подпоручику Першину, прапорщикамъ Векилову, Энгману и Ильину 3-му Анны 4-й ст. за храбрость, подполковнику Забродскому, капитану Базилевичу Станислава на шею. Поручику Власьевскому, подпоручику Китаеву, Кареву, прапорщикамъ Шалаеву, Перепелицину и Бибикову, лекарю Дейбелю Станислава 2-й ст., фонъ-Дистерло и штабъ-лекарю Кривецкому слѣдующіе чины. Унтеръ-офицеры Кириленко, Федоровъ 1-й, Федоровъ 2-й, Голицинъ и Устиновъ произведены въ офицеры; нижнимъ чинамъ 23 георгіевскихъ креста.

какъ только войска изъ Дагестана ушли—Гамзатъ-бекъ имѣлъ возможность довести дѣло до истребленія аварскихъ хановъ и общаго возмущенія, и опять пришлось на-скоро со всѣхъ сторонъ собирать туда войска и т. д.

На сколько такой взглядъ былъ вѣренъ, доказали послѣдующія событія, до которыхъ Вельяминовъ не дожилъ. Главнѣйшимъ образомъ такой образъ дѣйствій вызывался рѣшительнымъ недостаткомъ войскъ, разбросанныхъ на громадныхъ тысячеверстныхъ разстояніяхъ на и за Кавказомъ, при трудныхъ первобытныхъ путяхъ сообщенія и съ желаніемъ быть одинаково сильными на всѣхъ пунктахъ обширнѣйшаго театра войны, каковымъ въ тѣ времена долженъ былъ считаться весь край отъ Керченскаго пролива до береговъ Аракса.

V.

Экспедиція 1837 года и ея цѣль.—Закладка береговыхъ укрѣпленій и ихъ устройство.—Пріѣздъ императора Николая въ Геленджикъ.—Роспускъ отряда на зимнія квартиры.

Наступилъ 1837-й годъ. Сначала рѣшено было продолжать дѣйствія отрядомъ генерала Вельяминова, съ тѣмъ чтобы въ первомъ періодѣ экспедиціи заниматься постройкою береговыхъ укрѣпленій къ югу отъ Геленджика, во второмъ усиленно дѣйствовать противъ натухайцевъ и уже не въ прежнемъ порядкѣ, со стороны Кубани, а обратно, отъ Геленджика къ Анапѣ, и вгоняя ихъ въ уголъ, образуемый этими крѣпостями и устьями Кубани, заставить изъявить покорность.

Кабардинскій полкъ былъ расположенъ частью на зимнихъ квартирахъ,—2-й и 4-й батальоны въ Корсунской, Васюринской, Плотнировской станицахъ,—1-й на постахъ, на громадномъ протяженіи отъ Усть-Джегутайской станицы до Григорополиса на Кубани и въ укр. Вознесенскомъ на Лабѣ, 3-й въ гарнизонѣ закубанскихъ укрѣпленій—Абинѣ и Николаевскомъ, а 5-й, по обыкновенію, въ штабъ-квартирѣ полка Нальчикѣ и ближайшихъ постахъ. Къ маю—времени сбора отряда въ Ольгинскій редутъ — туда прибыли 2-й и 4-й батальоны, въ составѣ около 1,500 человѣкъ, имѣя прикомандированными изъ разныхъ полковъ гвардіи и арміи 1 штабъ и 10 оберъ-офицеровъ, присылаемыхъ тогда на Кавказъ для практики въ горной войнѣ.

Тотчасъ съ прибытіемъ отряда въ Абинъ бывшія тамъ роты, а также и та, которая находилась въ Николаевскомъ

укрѣпленіи, смѣнены другими войсками; такимъ образомъ и 3-й батальонъ поступилъ въ составъ дѣйствующаго отряда, послѣ ужасной зимы, проведенной въ гарнизонѣ, что было тогда гораздо труднѣе и сопряжено съ несказанно большими опасностями и лишеніями, чѣмъ участіе въ дѣйствіяхъ отрядовъ, или нахожденіе на работахъ. Трудно себѣ представить положеніе гарнизоновъ этихъ закубанскихъ и береговыхъ укрѣпленій, въ которыхъ все, начиная убійственнымъ климатомъ и кончая постоянной опасностью, какъ бы соединилось во вредъ занимавшимъ ихъ войскамъ. Ни въ Дагестанѣ, ни въ Чечнѣ, или вообще на Восточномъ Кавказѣ, ничего подобнаго не было и никогда гарнизоны не чувствовали себя такими отрѣзанными отъ живаго міра, какъ въ этихъ—печальной памяти—фортахъ!

Однако, какъ уже сказано выше, непремѣнная воля императора Николая была, чтобы рядъ приморскихъ укрѣпленій былъ доведенъ до конца и прекращеніе всякихъ сношеній горцевъ съ турками и разными эмисарами интригующихъ противъ Россіи западныхъ державъ достигнуто, и потому, хотя главное условіе—на счетъ устройства сухопутнаго сообщенія между укрѣпленіями очевидно не могло быть выполнено, постройка новыхъ фортовъ продолжалась, и послѣ самъ императоръ Николай уже допускалъ, что «гарнизоны ихъ должны себя почитать имѣющими единственное сообщеніе моремъ, *такъ какъ бы они находились на островахъ,* а дальнѣйшее продолженіе сообщенія вдоль берега между сими гарнизонами будетъ зависѣть отъ средствъ, кои для этого будутъ употреблены и будутъ производиться съ сѣвера отъ Геленджика къ Пшаду, а на югѣ отъ Гагръ къ ближайшему береговому гарнизону».

Главная ошибка въ томъ и состояла, что проложенію береговаго сообщенія придали характеръ второстепенный, между тѣмъ какъ отъ этого зависѣлъ успѣхъ всего плана. Цѣль дѣйствій преимущественно должна была заключаться въ томъ, чтобы, отрѣзавъ всякое сообщеніе горцевъ съ турками моремъ, заставить ихъ обратиться къ намъ для полученія всего имъ необходимаго, къ чему и привлекать ихъ всевозможными средствами. Въ этихъ видахъ на графа Воронцова, какъ Одес-

скаго генералъ-губернатора, было возложено сообразить мѣры къ лучшему устройству торговли черкесъ съ нашими портами—Керчью и Ѳеодосіею.

Графъ, въ сопровожденіи супруги и генерала графа Витта, совершилъ въ 1836 году на пароходѣ поѣздку по всему восточному берегу и представилъ интересную записку; но особыхъ результатовъ все это не имѣло и сношеній черкесовъ съ турками мы никакъ преградить не могли, а форты частію были взяты горцами, частью находились въ безпрестанной блокадѣ.

Съ 21 апрѣля по 9 мая 1837 г. весь отрядъ былъ исключительно занятъ транспортированіемъ въ Абинъ запасовъ продовольствія, снарядовъ и строительныхъ матеріаловъ. Всякій разъ движеніе колонны, прикрывавшей транспортъ, сопровождалось, по обыкновенію, перестрѣлками и потерею двухъ, трехъ раненыхъ. 9-го выступилъ наконецъ весь отрядъ (10 батальоновъ, 35 орудій и мортиръ, 2,000 пѣшихъ черноморскихъ казаковъ и—по совершенному недостатку фуража, да и по гористой мѣстности, неудобной для дѣйствій кавалеріи—только полсотни конныхъ казаковъ), двигаясь къ Абину по новой дорогѣ, лѣвѣе обыкновенной, чрезъ рѣчки Антхыръ и Бугундыръ. Шапсуги дрались упорно въ каждомъ представлявшемъ малѣйшее удобство мѣстѣ, особенно 10 числа, когда толпа ихъ значительно увеличилась подоспѣвшими абадзехами. Въ этотъ день у насъ была большая потеря: убитъ 1 штабъ-офицеръ и 11 рядовыхъ, раненъ командиръ Тенгинскаго полка храбрый полковникъ Кашутинъ, 8 оберъ-офицеровъ и 47 нижнихъ чиновъ. 11 числа выступилъ отрядъ изъ Абина къ Николаевску, упорно преслѣдуемый по дорогѣ толпами горцевъ, при чемъ убиты 1 офицеръ и 2 рядовыхъ; ранены 1 штабъ-офицеръ, 3 оберъ-офицера и 10 рядовыхъ. 12, при движеніи къ Геленджику, раненъ Кабардинскаго полка поручикъ Верхоланцевъ, а нижнихъ чиновъ убито 4, ранено 14. 13 числа послана впередъ колонна для разработки дороги, а 14 числа пришли въ Александрійскій фортъ, при неумолкаемой перестрѣлкѣ, стоившей намъ 2 убитыхъ и 9 раненыхъ солдатъ 3-го батальона нашего полка. 15 числа достигли Ге-

ленджика. Слѣдовательно, переходъ отъ Кубани продолжался семь дней (безъ дневокъ) и стоилъ 9 офицеровъ и 99 нижнихъ чиновъ!

Военный журналъ объ этихъ движеніяхъ, представленный генераломъ Вельяминовымъ военному министру, былъ доложенъ Николаю Павловичу и 2 іюля состоялась слѣдующая резолюція: «увѣдомить генерала Вельяминова, что для избѣжанія излишней потери людей и тѣхъ препятствій, которыя встрѣчаются при слѣдованіи по труднымъ и непроходимымъ мѣстамъ, гораздо лучше перевозить водою войска на тѣ приморскіе пункты, которые предположено занять сколь можно поспѣшнѣе, потому что дѣло идетъ *не о завоеваніи края*, но о скорѣйшемъ прекращеніи всякаго сообщенія горцевъ моремъ съ иностранными землями; симъ однимъ способомъ можетъ быть достигнута важная цѣль добровольнаго покоренія горцевъ и доказать имъ всю лживость и ничтожность обѣщаній иностранныхъ агентовъ. Удобство и скорость перевозки войскъ моремъ доказывается убѣдительнымъ образомъ совершеннымъ успѣхомъ занятія мыса Адлера». При семъ Государь также замѣтилъ, что, уменьшивъ до крайней возможности число лошадей и артиллеріи, можно бы избѣгнуть большихъ фуражировокъ, доставляя для остальнаго числа лошадей сѣно морской перевозкой. Оставивъ въ Геленджикѣ лишнюю артиллерію и повозки, генералъ Вельяминовъ двинулся на р. Инаго. Отсюда 17 числа мая ходили на рекогносцировку къ уроч. Вардовій, гдѣ переночевавъ возвратились въ Инаго къ оставленному вагенбургу. Въ первый день у насъ было: 1 убитый и 9 раненыхъ; на обратномъ же пути непріятель атаковалъ большими толпами аріергардъ и правую цѣпь, которую успѣли прорвать; посланная въ подкрѣпленіе рота Кабардинскаго полка, обойдя по ущелью, атаковала черкесъ съ тыла и прогнала ихъ съ урономъ, но и мы потеряли 8 убитыхъ и 17 раненыхъ нижнихъ чиновъ. 21 и 22 занимались разработкой дороги на Вардовій, при чемъ непріятель велъ неумолкаемую перестрѣлку съ цѣпями, стоившую намъ 2-хъ убитыхъ и 5 раненыхъ. 23 ч. отрядъ двигался далѣе, до впаденія р. Дообъ въ Пшадъ, а 24 мая достигъ устья этой рѣки, гдѣ и предположено было устроить

укрѣпленіе. Въ оба дня горцы горячо насѣдали на цѣпи, пользуясь всякимъ удобнымъ мѣстомъ, а таковыхъ въ этой изрытой, гористой, лѣсами покрытой мѣстности на каждомъ шагу безчисленное множество; но и наши войска уже достаточно напрактиковались и, въ свою очередь, умѣли парализовать преимущества горцевъ,—природную воинственную ловкость, лучшее оружіе и знаніе мѣстности,—артиллерійскимъ огнемъ, обходными движеніями «на ура», заставлявшими всегда и вездѣ всѣхъ азіатцевъ обращаться въ бѣгство. Уронъ нашъ 23 и 24 ч. состоялъ изъ 2-хъ убитыхъ, 1 офиц. и 27 нижнихъ чиновъ раненыхъ. 25 занимались выгрузкою изъ судовъ тяжестей, при чемъ горцы съ ближайшихъ высотъ стрѣляли изъ фалконета и убили 1-го человѣка.

Въ это время между черкесами появились англійскіе агенты и такъ съумѣли возбудить ихъ нелѣпыми обѣщаніями скорой помощи отъ турецкаго султана и своего правительства, при чемъ, само собою, не жалѣли денегъ на подарки вліятельнымъ людямъ, что горцы напрягали всѣ усилія въ борьбѣ съ нами, поголовно явились на театръ дѣйствій и до крайности затрудняли всѣ движенія отряда. Каждая верста требовала часа времени и не мало жертвъ; на фуражировку уже оказывалось мало посылать по четыре баталіона, и всякій разъ потеря была значительная,—2 іюня убитъ 1, ранено 11 человѣкъ, и такъ ежедневно.

До чего доходили успѣхи англійскихъ агентовъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Разъ натухайцы, видя невозможность бороться съ успѣхомъ, собрались на общее совѣщаніе, желая изъявить покорность и прекратить свое разореніе; вдругъ является къ нимъ англичанинъ Стюартъ, показываетъ письма отъ Сэферъ-бея, воззванія отъ султана и англійской королевы, якобы обѣщающія въ самомъ непродолжительномъ времени помощь, и легковѣрные горцы отказываются отъ мысли покориться. Въ результатѣ еще 25-ти-лѣтнія жертвы Россіи и совершенная гибель полумилліона черкескихъ племенъ... И это поступки государства, безпрерывно увѣряющаго весь міръ, что оно защищаетъ свободу и цивилизацію, охраняетъ миръ и благоденствуетъ человѣчеству! Между тѣмъ императоръ Ни-

колай самымъ искреннимъ образомъ желалъ блага всѣмъ этимъ враждебнымъ намъ племенамъ и безпрестанно настаивалъ, чтобы, до начала дѣйствій оружіемъ, всегда посылались прокламаціи, приглашающія къ покорности, ради ихъ же выгоды. Дѣлались всякія попытки завязать съ ними мирныя сношенія, снабжать ихъ всѣми необходимыми товарами и припасами, вымѣнивать на ихъ произведенія и т. п., лишь бы только прекратить сношенія ихъ съ турками. Но, подстрекаемые извнѣ*), черкесы все отвергали, съ 1834 года дали клятву казнить смертью всякаго, кто заикнется о покорности, такъ что ни одинъ лазутчикъ ни за какія деньги не брался доставить имъ русскія прокламаціи, ни одинъ вліятельный человѣкъ не рѣшался заговорить объ условіяхъ покорности. Генералъ Вельяминовъ тогда же писалъ, что только крайность вынудитъ черкесъ изъявить покорность или бросить свой край. Слова его вполнѣ оправдались, и впослѣдствіи графу Евдокимову выпалъ жребій довести ихъ до этой крайности, за которую, впрочемъ, многіе гуманисты считали нужнымъ обвинять его въ безчеловѣчности...

6-го іюня, въ день св. Троицы, отряду сдѣланъ парадъ и послѣ молебна заложено укрѣпленіе Константиновское; но впослѣдствіи, по повелѣнію государя, оно названо Новотроицкимъ. Начались работы и ежедневное движеніе колоннъ, то за лѣсомъ, то за фуражемъ. 17 ч. при этомъ раненъ 1 офицеръ, убито 2 и ранено 5 нижнихъ чиновъ; затѣмъ, въ теченіе послѣдующихъ дней, по 6-е іюля, всего убыло: 1 офицеръ и 14 убитыхъ нижнихъ чиновъ, раненыхъ 2 офицера и 43 солдата.

Когда главныя работы были окончены, часть войскъ оставлена достраивать Новотроицкое, а отрядъ выступилъ 11 іюля дальше на р. Вуланъ, для возведенія и здѣсь укрѣпленія.

---

*) Внѣшнія подстрекательства и поддержки были безпрерывны. Однажды нашъ корветъ «Язонъ» (капитанъ Сундіо) захватилъ турецкое судно съ огромнымъ запасомъ пороха, пуль и прокламаціями къ черкесамъ; у шкипера же было свидѣтельство итальянскаго консула, что на суднѣ везется соль. Такихъ примѣровъ было множество, а сколько успѣло проникнуть къ черкесамъ судовъ безнаказанно, и приблизительно сказать трудно.

Въ первый день прошли 13 верстъ, потерявъ 3 убитыхъ и 11 человѣкъ раненыхъ. На слѣдующій день послана впередъ колонна для разработки дороги, крайне неудобной для прохода обоза и даже артиллеріи; непріятель съ неослабѣвающимъ упорствомъ отстаивалъ каждый шагъ, и мы потеряли 1 офицера и 12 рядовыхъ. При дальнѣйшемъ движеніи тяжело ранены артиллерійскій генералъ-маіоръ Штейбенъ, начальствовавшій колонною; гвардейскій офицеръ, 36 нижнихъ чиновъ и убито 9; пройдено всего 8-мь верстъ. Въ этотъ день, по свидѣтельству ген. Вельяминова, особенно отличились съ своими ротами Кабардинскаго полка капитанъ Сергѣевъ и поручикъ Козинцовъ. Наконецъ, 14-го іюля, въ 6 часовъ вечера, отрядъ дошелъ до устья р. Вулана, имѣвъ жаркое дѣло, стоившее 1 офицера и 3-хъ рядовыхъ убитыми, 1 офицера и 31 нижнихъ чиновъ ранеными.

15-го числа приступили къ расчисткѣ мѣста подъ укрѣпленіе. Въ теченіе трехъ недѣль здѣсь, какъ на Пшадѣ, производились работы, фуражировки, очистка окрестностей отъ лѣса и проч. При этомъ происходили ежедневныя дѣла, стоившія намъ 1 офицера и 1 унтеръ-офицера убитыми, 1 офицера и 15 человѣкъ ранеными. 23-го и 26-го чиселъ, по донесенію ген. Вельяминова, особенно выказали себя молодцами стрѣлки Кабардинскаго полка, подъ командою маіора Кіевскаго гусарскаго полка князя Волконскаго, а также аріергардныя роты (3-я карабинерная и 7-я егерская), при чемъ раненъ прикомандированный къ полку лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка поручикъ Насѣкинъ.

29-го іюля были церковный парадъ и молебствіе; укрѣпленіе названо Михайловскимъ *).

31-го іюля фуражировка сопровождалась жаркимъ дѣломъ, въ которомъ 2-му батальону нашего полка въ аріергардѣ пришлось выдержать самый запальчивый натискъ большой толпы горцевъ, бросившейся въ шашки на 4-ю егерскую роту, быв-

---

*) Михайловское, знаменитое впослѣдствіи подвигомъ рядоваго Тенгинскаго полка Архипа Осипова, взорвавшаго пороховой погребъ вмѣстѣ съ толпой черкесъ, овладѣвшихъ укрѣпленіемъ. (Мартъ 1840 г.).

шую въ командованіи лейбъ-гвардіи Московскаго полка поручика Головачевскаго, который повелъ людей въ рукопашную и прогналъ непріятеля съ урономъ. Особенно отличился при этомъ нашъ унтеръ-офицеръ Дмитрій Гончаровъ, который, не взирая на отрубленный шашкою палецъ, заколоъ на виду начальника колонны, полковника Полтинина, черкеса и, не дѣлая перевязки, продолжалъ съ ротой преслѣдованіе непріятеля.

Такого рода дѣла, какъ уже сказано, продолжались ежедневно; я упоминаю здѣсь собственно о тѣхъ, въ которыхъ участвовали батальоны Кабардинскаго полка. 2, 5, 7 и 18-го августа были особенно жаркія дѣла, въ которыхъ мы потеряли 2-хъ офицеровъ убитыми (нашего полка прапорщикъ Брянскій), тоже двухъ рядовыхъ и 26 нижнихъ чиновъ ранеными. Въ военномъ журналѣ ген. Вельяминовъ особенно хвалилъ 3-ю карабинерную роту и ея командира, штабсъ-капитана Балаша, а также поручика Бибикова и двухъ рядовыхъ: Урусова и Муравецкаго (вѣроятно изъ разжалованныхъ).

2-го сентября отрядъ выступилъ въ Геленджикъ. Горцы съ остервенѣніемъ насѣли на аріергардъ и заняли прилегающіе къ дорогѣ бугры, изъ-за которыхъ могли наносить большой вредъ. Кабардинскаго полка подполковнику Забродскому приказано было съ двумя ротами 4-го батальона выбить оттуда непріятеля. Безъ выстрѣла бросились они на бугры и ударомъ въ штыки мигомъ прогнали ошеломленныхъ черкесъ, схвативъ одного изъ нихъ въ плѣнъ. Начальникъ аріергарда, генералъ-маіоръ Гостомиловъ писалъ въ своемъ донесеніи: «присутствіе духа и благоразуміе распоряженій командировъ 4-й карабинерной и 10 егерскихъ ротъ, капитана Мацкевича и поручика Карева, а равно твердость и быстрота людей, сохранившихъ въ рукопашномъ бою полный порядокъ, заслуживаютъ особенной похвалы». При дальнѣйшемъ движеніи, въ одномъ мѣстѣ, гдѣ чрезвычайно испорченныя дороги задерживали ходъ, горцы опять насѣли на аріергардъ, и тѣ же роты ударили въ штыки, отразили непріятеля вторично, при чемъ раненъ гусарскій маіоръ князь Волконскій, все время служившій въ 4-мъ батальонѣ, и капитанъ Мацкевичъ. Вообще въ этотъ

день, 2 сентября, мы потеряли еще 1 убитаго и 3-хъ раненыхъ офицеровъ, 9 убитыхъ и 48 раненыхъ нижнихъ чиновъ.

3-го числа пришли на Пшадъ, гдѣ и остались два дня, 6-го дошли до урочища Вардовій, 7-го до Иного и 8-го вступили въ Геленджикъ. Непріятель не отставалъ и огонь не прекращался цѣлые дни; на этихъ переходахъ мы потеряли убитыми 6-ть человѣкъ, ранеными 3-хъ офицеровъ и 37 нижнихъ чиновъ. Особенно отличившимся здѣсь показаны командиръ нашего 2-го батальона маіоръ Шагановъ и подпоручикъ Першинъ.

Въ ожиданіи прибытія государя Николая Павловича, отрядъ оставался у Геленджика до 25 сентября. Послѣ совѣщанія съ генераломъ Вельяминовымъ, состоялось Высочайшее повелѣніе: втораго періода экспедиціи въ землю натухайцевъ не предпринимать, а возвратиться отряду за Кубань и распустить войска на зимнія квартиры.

25-го выступилъ отрядъ изъ Геленджика въ Абинъ и 29-го всѣ возвратились въ Ольгинскій редутъ, потерявъ на дорогѣ 8 чеовѣкъ ранеными. Отсюда батальоны разошлись по прикубанскимъ станицамъ.

Въ томъ же 1837 году изъ военныхъ происшествій на линіи, съ участіемъ Кабардинскаго полка, не было выдающихся; только 23 сентября въ верховьяхъ Лабы была разсѣяна партія хищниковъ, при чемъ находилась команда нашего 1-го батальона, да въ октябрѣ колонна ходила изъ Ольгинскаго въ Абинъ для прикрытія транспорта и, по обыкновенію, на дорогѣ имѣла перестрѣлку и потерю нѣсколькихъ человѣкъ раненыхъ, въ томъ числѣ и нашего 3-го батальона*).

---

*) За экспедицію 1837 г. свѣдѣнія о наградахъ оказались отрывочными. Изъ найденныхъ свѣдѣній видно, что 6 нижн. чиновъ получили именные георгіевскіе кресты, унтеръ-офицеры Лоринцевъ, баронъ Франкъ, Замойскій, Суринъ и Спиридоновъ произведены въ прапорщики; подполковникъ Забродскій слѣдующій чинъ, капитанъ Балашъ золотую саблю; штабсъ-капитаны Сергѣевъ, Бибиковъ и Билимовъ Владиміра 4-й степени; поруч. Власьевскій, Казанцевъ, подпоручикъ Каревъ — Анну 3-й степени; подпоручикъ Голубовскій, Щербаковъ и прапорщики Аксюкъ, фонъ-Кранцъ и Бесѣдинъ Анну 4-й степени за храбрость; поручики Кононовъ, Поповъ, Чаплыгинъ, подпоручики Ребринцевъ, Педашенко и Мещеряковъ Станислава 4-й степени. Нижн. чины вѣроятно получили неименныхъ крестовъ не менѣе 2-хъ или 3-хъ на каждую роту.

VI.

Происшествія на Восточномъ Кавказѣ съ 1834 по 1838 годъ. — Экспедиція генерала Фези въ Аварію.—Увольненіе барона Розена, смерть Вельяминова, назначеніе генераловъ Головина и Граббе. — Поступленіе Кабардинскаго полка въ отрядъ генерала Крюкова и работы по обезпеченію Военно-Грузинской дороги. — Выступленіе 3-хъ батальоновъ въ кр. Внезапную. — Происшествія въ южномъ Дагестанѣ. — Движеніе отряда ген. Крюкова въ горы и обратно.—Взятіе аула Міятлы.—Роспускъ отряда на зимнія квартиры.—Возобновленіе волненій и безрезультатность нашихъ предшествовавшихъ дѣйствій.—Мнѣніе императора Николая о предстоящихъ дѣйствіяхъ.—Окончательныя указанія для дѣйствій въ 1839 году.

Окончились четырехлѣтнія экспедиціи за Кубань къ Черному морю, въ которыхъ Кабардинскому полку, послѣ долгаго перерыва, пришлось выступить въ дѣятельной роли и освѣжить въ памяти всѣхъ свое старинное славное имя. Близилось время, когда событія опять выдвигали на первый планъ Восточный Кавказъ, гдѣ полку суждено было пріобрѣсти новые неувядаемые лавры. Къ разсказу объ этихъ событіяхъ мы теперь и перейдемъ, бросивъ сперва бѣглый взглядъ на происшествія, разыгривавшіяся въ Дагестанѣ въ то время, когда главное вниманіе было обращено на правый флангъ и прибрежье Чернаго моря.

Кровавое происшествіе въ Хунзахѣ (истребленіе хановъ), отозвавшееся на всемъ протяженіи Кавказскаго края въ крайне невыгодномъ для насъ смыслѣ, вынудило главнокомандовавшаго барона Розена рѣшиться на занятіе Хунзаха и устройство тамъ укрѣпленія для постояннаго гарнизона. Этотъ шагъ,

къ которому, впрочемъ, слѣдовало давно прибѣгнуть, поставилъ насъ въ Дагестанѣ въ совершенно новое положеніе, усложнивъ войну съ горцами въ значительной степени. Разъ утвердившись въ центрѣ горъ, мы должны были съ большими пожертвованіями содержать войска и въ другихъ пунктахъ горнаго Дагестана, для охраненія трудныхъ и опасныхъ сообщеній съ Хунзахомъ. Это вызвало необходимость построить рядъ мелкихъ укрѣпленій или редутовъ, для поддержанія коихъ слѣдовало имѣть достаточный резервъ; но его-то почти и не было, потому что на весь сѣверный Дагестанъ имѣлся только пяти-батальонный Апшеронскій полкъ, расположенный въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, и занимавшій укрѣпленія, работавшій надъ устройствомъ своей штабъ-квартиры, конвоировавшій транспорты, однимъ словомъ, несшій ту трудную, рабоче-боевую службу, которую знаютъ только люди, служившіе на Кавказѣ въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ.

Положеніе дѣлъ усложнилось еще тѣмъ, что и южный Дагестанъ, давно, съ начала двадцатыхъ годовъ, совершенно спокойный, сталъ волноваться и не только населеніе верховій Самура, но и сама Кубинская провинція, съ сосѣдними обществами Кайтагомъ и Табасаранью, вынуждали къ движенію военныхъ отрядовъ, ибо одинъ Ширванскій полкъ, составлявшій всю военную силу южнаго Дагестана, далеко не былъ достаточенъ для удержанія спокойствія въ этомъ столь важномъ по своему сосѣдству съ Закавказьемъ краѣ.

Въ видахъ укрѣпленія Хунзаха, водворенія въ горахъ спокойствія, наказанія обществъ, принявшихъ сторону Шамиля, и истребленія его самого съ ближайшими приверженцами, въ 1837 году былъ двинутъ отрядъ, подъ командой генерала Фези. Пройдя изъ Салатавіи, чрезъ Гумбетъ, въ Аварію, окруживъ наконецъ Шамиля въ Тилитлѣ, гдѣ имамъ укрѣпился съ партіею лучшихъ мюридовъ, Фези послѣ упорнаго боя почти уже овладѣлъ было этимъ ауломъ и могъ разсчитывать захватить Шамиля, но недостатокъ снарядовъ и продовольствія, а еще болѣе полученныя извѣстія о вспыхнувшемъ сильномъ возстаніи въ Кубинской провинціи были причиною,

что отрядъ нашъ отступилъ, удовольствовавшись изъявленіемъ Шамилемъ покорности, съ принятіемъ якобы въ присутствіи одного изъ преданныхъ намъ туземцевъ присяги на коранѣ, да нѣсколькими аманатами, изъ коихъ большая часть вскорѣ бѣжала. Шамиль и всѣ его главнѣйшіе сподвижники, уже бывшіе почти въ нашихъ рукахъ, отдѣлались весьма дешево и даже воспользовались этимъ случаемъ, чтобы распространить въ горахъ убѣжденіе объ очевидномъ покровительствѣ Аллаха, обратившаго силы гяуровъ въ бѣгство, не взирая на пріобрѣтенныя ими, съ большими жертвами, преимущества.

Мы не можемъ входить здѣсь въ подробности и критическую оцѣнку дѣйствій отряда генерала Фези, потому что Кабардинскій полкъ съ нимъ не былъ; мы вынуждены лишь вскользь упоминать объ этихъ чрезвычайно интересныхъ эпизодахъ войны въ Дагестанѣ, для связи съ послѣдующими событіями. Дѣйствія генерала Фези были довольно энергичны сначала, но вообще не вполнѣ соотвѣтствовали ожиданіямъ, хотя реляціи его отличались красотою слога и пылкостью воображенія, достойными сохраненія въ хроникѣ.

Еще до движенія къ Тилитлю, часть отряда имѣла встрѣчу съ Шамилевыми ополченіями у аула Ашильта и потерпѣла пораженіе, съ потерею двухъ орудій; только прибытіе въ критическую минуту батальона Апшеронскаго полка, съ извѣстнымъ своею распорядительностью командиромъ, спасло въ критическую минуту все дѣло и дало возможность вытащить изъ оврага сброшенныя туда горцами наши орудія; а между тѣмъ въ донесеніи было описано блистательное дѣло, совершенное разбитіе непріятеля и гибель многихъ жителей съ семействами въ пламени и развалинахъ зажженнаго аула Ашильта. Нужно знать, что Дагестанскій аулъ есть куча чисто-каменныхъ построекъ, который разрушить можно развѣ долгой канонадой изъ осадныхъ или хоть батарейныхъ орудій, а зажечь нельзя даже греческимъ огнемъ, если не считать сожженіемъ нѣсколько сгорѣвшихъ балокъ и дверей. Вообще, по донесеніямъ генерала Фези, выходило, что весь Дагестанъ покоренъ. Но 26 іюля 1837 года императоръ Николай писалъ барону Розе-

ну, что, по частнымъ свѣдѣніямъ, дѣйствія Фези вовсе не такъ блистательны, какъ онъ описываетъ, что онъ упустилъ случай захватить Шамиля и что впредь *повелѣвается доносить только правду, а не вымыслы...*

Въ томъ же году осенью, какъ извѣстно, государь предпринялъ путешествіе за Кавказъ и рѣшено было предложить Шамилю, чтобы онъ со своими ближайшими приверженцами воспользовался этимъ случаемъ явиться съ покорностью лично Его Величеству и этимъ доказать вѣрность принятой въ Тилитли присяги. Послѣ долгихъ письменныхъ переговоровъ, генералъ Клугенау предложилъ Шамилю личное свиданіе для улаженія этого дѣла и они встрѣтились 14 сентября у Гимринскаго родника. Результатомъ убѣжденій и увѣщаній былъ отвѣтъ имама, что онъ рѣшится поѣхать въ Тифлисъ, если на то послѣдуетъ согласіе Кибитъ-Магомы, Ташавъ-гаджи, Кади-Абдурахмана и другихъ главнѣйшихъ его помощниковъ. На этомъ кончилось это интересное свиданіе *) и генералъ Клугенау имѣлъ надежду на успѣхъ. Однако чрезъ нѣсколько дней отъ Шамиля было получено письмо съ извѣщеніемъ, что не только сказанные его помощники, но вообще всѣ горцы упрекаютъ его въ намѣреніи измѣнить мюридизму и имъ, послѣ того какъ онъ же втянулъ ихъ въ борьбу съ русскими, и потому онъ отказывается отъ поѣздки. Вотъ и все значеніе тилитлинской капитуляціи, съ присягою на вѣрноподданство; а между тѣмъ генералъ Фези и послѣ того еще продолжалъ въ разныхъ донесеніяхъ утверждать, что онъ въ 1837 году покорилъ весь Дагестанъ, но что борьба, вслѣдствіе религіознаго фанатизма, можетъ и опять возгорѣться. Къ такому положенію дѣлъ, къ крайнему сожалѣнію, присоединялись интриги и раздоры между начальствовавшими генералами, чрезвычайно вредившія дѣлу...

Въ пріѣздъ осенью 1837 г. императора Николая, баронъ

---

*) Оно описано мною подробно въ газетѣ «Кавказъ» отъ 5-го ноября 1861 г., по разсказу покойнаго графа Евдокимова, бывшаго вмѣстѣ съ генераломъ Клугенау при свиданіи его съ Шамилемъ.

Розенъ, при встрѣчѣ въ Редутъ-Кале, представилъ подробный обзоръ военной дѣятельности за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ, на которомъ государь хоть и написалъ, что «читалъ съ удовольствіемъ», однако вообще всѣмъ положеніемъ дѣлъ на Кавказѣ остался недоволенъ. Главнымъ начальникомъ края былъ назначенъ генералъ Головинъ. Вскорѣ послѣ того смерть лишила Кавказъ отличнаго генерала Вельяминова и на его мѣсто былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Граббе. Такимъ образомъ, съ перемѣной главнаго начальства, очевидно слѣдовало ожидать и перемѣну въ образѣ дѣйствій.

1838-ой годъ засталъ Кабардинскій полкъ разбросаннымъ частями: въ Ставрополѣ для карауловъ 1-й батальонъ, въ Пятигорскѣ и Есентукахъ для прикрытія Кисловодской линіи 2-й батальонъ, на Кубанской линіи—въ Григорополисѣ и Баталпашинскѣ 3-й и 4-й батальоны, а 5-й, по всегдашнему, въ штабѣ полка и на ближайшихъ постахъ.

Въ началѣ апрѣля абадзехи собирались за Бѣлою съ цѣлью вторженія въ наши предѣлы, но г. Зассъ ихъ предупредилъ и внезапно напалъ еще до перехода ихъ черезъ Бѣлую и нанесъ имъ сильное пораженіе. Болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ дѣлѣ я не нашелъ въ дѣлахъ и потому ограничиваюсь симъ краткимъ указаніемъ. Участвовали въ этомъ дѣлѣ двѣ роты 2-го и 3-го батальоновъ Кабардинскаго полка. Въ апрѣлѣ же первые четыре батальона были собраны въ Екатеринградѣ въ составъ особаго отряда генералъ-маіора Крюкова, имѣвшаго назначеніе прочно обезпечить Военно-Грузинскую дорогу, для чего рѣшено было водворить на ней военныя поселенія, а на правомъ берегу Терека построить два укрѣпленія: Елисаветинское и Константиновское. Въ теченіе лѣта поселены Александровское и Николаевское военныя поселенія женатыхъ солдатъ и Ардонская, Архонская, Пришибская и Урухская казачьи станицы, да за Терекомъ возведены означенные два редута, а также поселены два осетинскіе аула. По окончаніи всѣхъ этихъ работъ, три наши батальона выступили 27 августа въ крѣпость Внезапную, гдѣ собирался отрядъ, съ цѣлью дѣйствовать съ двухъ сторонъ, вопервыхъ, покорить

ичкеринцевъ, упрочить покорность Салатавіи и Гумбета, наказать аулъ Чиркатъ за преданность Шамилю, Міятлы за принятіе къ себѣ хищниковъ, а нѣсколько ближайшихъ ауховскихъ ауловъ за набѣги на Кумыкскую плоскость. За тѣмъ уже, вовторыхъ, если по мѣстнымъ условіямъ окажется возможнымъ, то овладѣть безъ большой потери укрѣпленнымъ Шамилевскимъ пристанищемъ Ахульго. Если же окажется невозможнымъ взять Ахульго, то двинуться на Аргунъ и покорить все населеніе вверхъ по этой рѣкѣ. Начальникомъ отряда назначенъ генералъ Фези.

Этого одного перечисленія уроковъ, заданныхъ отряду изъ нѣсколькихъ батальоновъ, за время между сентябремъ и ноябремъ, слѣдовательно въ теченіе какихъ нибудь двухъ мѣсяцевъ, достаточно, чтобы видѣть, какъ мало еще въ то время понимали истинное положеніе кавказскихъ дѣлъ, какъ слегка относились къ нимъ и поражали горцевъ—въ воображеніи. Уроки предшествовавшихъ шести-семи лѣтъ еще не достаточно были оцѣнены и нужны были болѣе убѣдительные, чтобы отрезвить насъ и заставить взглянуть на дѣло серьезно...

Въ теченіе лѣта въ сѣверномъ Дагестанѣ не происходило ничего особеннаго, было даже нѣчто въ родѣ перемирія между генераломъ Клугенау и Шамилемъ, уже разъ практиковавшемся въ 1836 году. Шамиль строго соблюдалъ условіе, и вотъ примѣры: небольшая партія горцевъ напала на команду Апшеронскаго полка, рубившую дрова въ Агачькале около Казанищи, 2-хъ солдатъ убили и 1-го увели въ плѣнъ. Генералъ Клугенау написалъ Шамилю письмо и послалъ ему съ мирнымъ жителемъ аула Эрпели въ Ашильту. Шамиль, согласно съ мнѣніемъ общества, наказалъ предводителя партіи палками, а плѣннаго солдата отослалъ въ Шуру.

Но въ южномъ Дагестанѣ, не взирая на усмиреніе осенью 1837 г. возстанія въ Кубинскомъ уѣздѣ, всю зиму на 1838 г. продолжались волненія въ верхнихъ аулахъ по Самуру, усилившіяся къ лѣту до того, что тамъ былъ собранъ особый отрядъ,

съ которымъ генералъ Фези долженъ былъ двигаться отъ Хазры вверхъ по рѣкѣ. Результатомъ его дѣйствій, послѣ нѣсколькихъ пораженій, нанесенныхъ горцамъ, было изъявленіе ими покорности, и тогда-то предполагалось, какъ выше сказано, соединеніе этого отряда съ войсками, собранными у Внезапной, для дѣйствій въ Чечнѣ и сѣверномъ Дагестанѣ. Въ августѣ дѣйствительно генералъ Фези уже передвинулся къ Хунзаху, снабдивъ его и промежуточныя укрѣпленія запасами, и прибылъ въ Шуру, готовясь начать предположенныя дѣйствія, какъ вдругъ неожиданное извѣстіе о вновь вспыхнувшихъ волненіяхъ на Самурѣ и чрезвычайно смѣлое вторженіе лезгинскихъ скопищъ въ Нуху, за Кавказомъ, въ сосѣдствѣ съ Грузіей, вынудили двинуть отрядъ Фези назадъ въ Кубу.

Между тѣмъ лезгины уже успѣли ворваться въ Нуху, гдѣ слабыя двѣ роты линейнаго батальона заперлись въ крѣпости, а непріятель началъ хозяйничать въ городѣ и окрестностяхъ. И только съ прибытіемъ изъ Царскихъ Колодцовъ батальона Тифлисскаго полка съ 4 орудіями, 2-хъ ротъ изъ Закаталъ и 4-хъ эскадроновъ драгунъ изъ Кара-агачь, полковникъ Безобразовъ, послѣ двухдневнаго боя, выгналъ горцевъ изъ Нухинскаго уѣзда назадъ на Самуръ, куда прибылъ отрядъ Фези, къ которому жители и явились, прося пощады и—были прощены...

Такимъ образомъ собранный у Внезапной отрядъ остался одинъ и, вмѣсто всѣхъ предположенныхъ дѣйствій, начальствовавшій имъ генералъ-маіоръ Крюковъ совершилъ нѣсколько недалекихъ движеній. Сначала онъ пошелъ къ Чиркату, но, простоявъ тамъ нѣсколько дней лагеремъ и видя, что Шамиль ничего не предпринимаетъ, двинулся назадъ во Внезапную; на дорогѣ близь Хубара произошла перестрѣлка, стоившая намъ 1 убитаго и 2-хъ раненыхъ, а горцы потеряли нѣсколько человѣкъ, и въ томъ числѣ 4-хъ взятыхъ въ плѣнъ. Здѣсь, за проливными дождями, отрядъ простоялъ до 11 числа октября въ намѣреніи двинуться въ Ичкерію, но

жители нѣкоторыхъ ауловъ сами явились съ покорностью, обѣщая выполнить всѣ условія, выдать аманатовъ и проч., только бы имъ простили ихъ хищничества. Генералъ Крюковъ, принимая въ соображеніе позднее время года, затруднительныя горныя дороги, испорченныя дождями, и не желая отталкивать ичкеринцевъ отъ насъ, согласился на ихъ предложенія.

Оставалась еще одна задача—наказаніе аула Міятлы. Отрядъ, бросивъ во Внезапной лишнія тяжести, 17 октября выступилъ въ 9 часовъ утра съ тремя батальонами Кабардинскаго и однимъ Куринскаго полковъ, съ 12 орудіями и нѣсколькими сотнями казаковъ къ Міятлы.

На разсвѣтѣ 18 числа подошли къ переправѣ; Куринскій батальонъ съ 3 орудіями и 300 казаковъ посланъ былъ занять лѣсистыя высоты вправо отъ аула, чтобы не допустить туда скрыться жителямъ, а батальонъ Кабардинцевъ съ сотнею казаковъ обошелъ аулъ съ лѣвой стороны, занявъ переправу и дорогу къ Зубуту. Полковникъ Пирятинскій съ другимъ батальономъ Кабардинскаго полка и 6 орудіями пошелъ въ атаку на аулъ съ фронта, а самъ Крюковъ, съ 3-мъ нашимъ батальономъ остался въ резервѣ.

Подъ покровительствомъ сильнаго артиллерійскаго огня на близкомъ разстояніи, Пирятинскій безъ выстрѣла бросился съ крикомъ «ура» въ аулъ, и жители, приготовившіеся начать перестрѣлку, были приведены въ такое смущеніе этимъ натискомъ, что пустились спасаться по зубутской дорогѣ. Но тутъ ихъ встрѣтилъ полковникъ Лабынцовъ съ другимъ батальономъ и казаками и заставилъ повернуть направо въ лѣсъ, гдѣ они наткнулись на Куринцевъ и понесли жестокую потерю. Аулъ былъ разоренъ, но сады были пощажены изъ уваженія къ вѣковымъ трудамъ, создавшимъ на камняхъ столь цѣнное достояніе, которое вмѣстѣ съ жителями, рано или поздно, должно же было остаться въ нашей власти. (Слова генерала Крюкова).

Чрезъ нѣсколько времени въ лагерь явились депутаты отъ міятлинцевъ съ повинною и просили дозволенія поселиться на своемъ пепелищѣ, на что генералъ маіоръ Крюковъ согласил-

ся, взявъ съ нихъ подписку, что они будутъ впредь жить мирно и не скрывать у себя мюридовъ. При взятіи аула и особенно при преслѣдованіи міятлинцы понесли очень большую потерю; въ числѣ взятыхъ въ плѣнъ было 6-ть мюридовъ изъ Гумбета, а въ числѣ убитыхъ одинъ абрекъ, не задолго предъ тѣмъ измѣннически убившій на переправѣ прапорщика Апшеронскаго полка Есипова. Всѣхъ захваченныхъ женщинъ, дѣтей и нѣсколько тяжело раненыхъ возвратили жителямъ и за тѣмъ, въ виду наступившей слякоти и общаго спокойствія на лѣвомъ флангѣ линіи, отрядъ былъ распущенъ. Въ донесеніи объ этомъ дѣлѣ, генералъ Крюковъ очень хвалилъ полковниковъ Пирятинскаго и Лабынцова за ихъ хладнокровныя, благоразумныя распоряженія.—Наша потеря при взятіи Міятлы была незначительна; батальонъ, атаковавшій аулъ, потерялъ 5 человѣкъ.

Этимъ окончились дѣйствія 1838 года и наши батальоны разошлись по своимъ зимнимъ квартирамъ, выдержавъ предварительно въ Амиръ-аджиюртѣ положенный карантинъ *).

Главнокомандующій на Кавказѣ генералъ Головинъ полагалъ, что наказаніе Міятловъ будетъ весьма полезнымъ примѣромъ, утвердитъ покорность населенія на лѣвомъ флангѣ и отзовется среди отдаленныхъ обществъ, а дарованная самурскимъ бунтовщикамъ пощада, когда они видѣли силу, готовую ихъ строго наказать, безъ сомнѣнія, удержитъ ихъ впередъ отъ подобныхъ покушеній. Но только что отряды были распущены, начались волненія и въ Дагестанѣ, и на лѣвомъ флангѣ... Шамиль и Ташавъ-Гаджи начали собирать людей, грозили прервать сообщенія Шуры съ Хунзахомъ, стараясь

---

*) За дѣла этого года Кабардинцы получили слѣдующія награды: полковникъ Тиммерманъ Анну 2-й ст. съ короной; маіоръ Шагановъ Станислава 3-й ст. (что теперь 2-й); подпоручикъ Струковъ слѣдующій чинъ; подпоручикъ Перепелицинъ Анну 4-й ст.; штабсъ-капитанъ Астафьевъ 1000 руб.—Унтеръ-офицеры: Бабичь, Казначеевъ, два брата Долинскіе, Степановъ, Оржевскій, Пулло, Вецеклисъ, Рукавишниковъ и Бородаевскій произведены въ прапорщики; нижнимъ чинамъ 18 георгіевскихъ крестовъ, изъ коихъ нѣкоторые получили вторую часть добавочнаго жалованья (что теперь съ бантомъ).

склонить на свою сторону Койсубулинцевъ, а помилованные Самурцы отказывались платить наложенную на нихъ подать, исполнять требованія приставовъ, принимали хищныя партіи горцевъ, дѣлавшихъ набѣги, и проч. Пришлось опять тревожить только что распущенныя войска и принимать разныя экстренныя мѣры...

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ жандармскимъ генераломъ Скалономъ (впослѣдствіи Тифлисскій губернаторъ) графу Бенкендорфу, оказывалось, что прокламаціи, явки въ Тифлисъ депутацій отъ горцевъ къ генералу Головину, клятвы ихъ въ покорности, рѣшительно никакого результата не имѣли и все это было коварство и обманъ. Напротивъ же, успѣхи горцевъ въ столкновеніи съ отрядомъ генерала Фези въ іюнѣ 1838 года, въ верховьяхъ Самура, гдѣ они захватили у насъ большіе запасы амуниціи и снарядовъ, чрезвычайно ободрили населеніе Дагестана, которое знать не хочетъ объ условіяхъ покорности, принятыхъ депутаціями. Вообще, по мнѣнію генералъ-маіора Скалона (очевидно имѣвшаго хорошіе источники), нужны будутъ большія усилія, чтобы усмирить край, ибо духъ въ войскахъ въ Дагестанѣ значительно упалъ, а дерзость жителей въ той же мѣрѣ возрасла. Слѣдовало бы назначить въ Дагестанъ правителемъ человѣка-воина, дипломата и администратора, а тамъ находился для военныхъ дѣйствій генералъ Фези, не возбуждавшій къ себѣ довѣрія, а для управленія никому неизвѣстный генералъ-маіоръ Лачиновъ.

И такъ приходится признать несомнѣннымъ, что всѣ предшествовавшія дѣйствія на лѣвомъ флангѣ и въ Дагестанѣ особыхъ серьезныхъ результатовъ въ нашу пользу не имѣли, хотя послѣдовало нѣкоторое усиленіе войскъ и умноженіе числа укрѣпленій. Шамиль все болѣе упрочивалъ свою власть въ горахъ, число приверженцевъ его возрастало; по первому его призыву стекались сильныя сборища, послушныя его распоряженіямъ. Аулы, не соглашавшіеся исполнять его волю, были строго наказываемы и примѣры эти держали въ страхѣ другихъ.

Все это заставило наконецъ подумать о рѣшительныхъ мѣрахъ. Генералъ Головинъ представилъ въ концѣ 1838 года

обширныя свои предположенія о дѣйствіяхъ въ 1839 году. Императоръ Николай, разсмотрѣвъ ихъ подробно, написалъ собственноручную резолюцію, которую я привожу здѣсь вполнѣ, какъ интересный историческій документъ.

«Въ военномъ отношеніи, для упроченія нашего владычества на Кавказѣ, предстоятъ два главныхъ предмета.

1) Покореніе горскихъ народовъ, т. е. черкесъ и проч., со всѣми мѣрами изъ сего истекающими.

2) Покореніе и усмиреніе горнаго Дагестана, или общимъ названіемъ лѣваго фланга.

Первое необходимо довершить и потому, что уже начато, и можно сказать успѣшно исполнится, если постоянно продолжится постепенное онаго довершеніе; и потому, что по удобству на сей край внѣшнихъ вліяній, требуетъ скорѣйшаго устраненія всѣхъ къ тому способовъ.

Второе равно необходимо, ибо безъ онаго ни покоя, ни вѣрнаго владычества имѣть на Кавказѣ не можемъ.

Мѣры къ исполненію первой цѣли не требуютъ перемѣны; требуютъ только постоянства и настойчивости въ исполненіи, и тогда можно, почти не ошибаясь, годами опредѣлить время, въ которое оное совершится.

Не такъ на лѣвомъ флангѣ; тамъ край намъ менѣе извѣстенъ, отчасти же мы никакихъ положительныхъ свѣдѣній не имѣемъ. Народы тамъ еще воинственнѣе и доступъ къ нимъ труднѣе, и, что всего важнѣе, они менѣе въ распряхъ и легче противъ насъ соединяются, и наконецъ населеніе горцевъ сильнѣе.

Изъ сего ясно истекаетъ, что должно зрѣло обдумать, что намъ разумѣть слѣдуетъ подъ покореніемъ или усмиреніемъ сей стороны? Мысль г. Головина, возводить укрѣпленія, снабжать гарнизонами, и ежегодно въ разныхъ направленіяхъ проводить сильные отряды, по моему мнѣнію, не только не удобна, но даже вредна, ибо потребуетъ прибавленія войскъ для постоянныхъ гарнизоновъ и тѣмъ уменьшитъ число полевыхъ войскъ, которыя со дня на день потребоваться могутъ противъ турокъ или персіянъ. Сверхъ того, пріучая мусульманъ видѣть, что противъ нихъ мы, вопреки стараго обычая, по-

казываться будемъ въ большихъ силахъ, увѣримъ, что они намъ опаснѣе прежняго; а нашихъ въ той же мѣрѣ можемъ увѣрить, что они не прежніе руссіе, которые съ Паскевичемъ, въ числѣ 11 т. человѣкъ, уничтожили Персію и проникли до Эрзерума».

«Но нѣтъ сомнѣнія, что нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ въ самомъ сердцѣ вольныхъ обществъ, на главныхъ соединеніяхъ сообщеній, занять должно и можно. Остается только рѣшить, какъ управлять покоренными областями. Я полагаю, что гдѣ мы встрѣтимъ покорность, тамъ полезно оставлять прежнихъ владѣтелей ихъ, ставить намъ покорныхъ или преданныхъ членовъ сихъ же обществъ. Но тамъ, гдѣ нужно проникнуть силою, тутъ предпочтительно ставить нашихъ чиновниковъ изъ военныхъ, самыхъ надежныхъ. Управлять, не измѣняя ни мѣстныхъ законовъ, ни обычаевъ, дань требовать только ту, которая платилась прежнимъ владѣльцамъ и отнюдь ни въ чемъ не обременять жителей; но требовать непремѣнно ихъ содѣйствія для покоренія другихъ, ближайшихъ. Духовенству оказывать особое покровительство, лаская и награждая ихъ и улучшивая содержаніе; *школы, гдѣ есть, тоже покровительствовать, а гдѣ нѣтъ —устраивать ихъ съ строгимъ и близкимъ надзоромъ*».

«Въ заключеніе: ничего на удачу не начинать, и лучше откладывать до времени, когда успѣхъ несомнѣненъ; словомъ, такъ вести дѣло, чтобы, сдѣлавъ шагъ впередъ, отнюдь назадъ нейти».

Послѣ нѣсколькихъ измѣненій и дополненій, рѣшено было наконецъ, военныя дѣйствія въ 1839 году производить одновременно въ трехъ пунктахъ Кавказа особыми отрядами: первый, десантный, генералъ-лейтенанта Раевскаго, для устройства трехъ новыхъ укрѣпленій на Черноморскомъ берегу; второй, дагестанскій, самого корпуснаго командира Головина, для окончательнаго покоренія верхнихъ самурскихъ обществъ и постройки укрѣпленія у с. Ахты; третій, чеченскій, гене-

6

рала Граббе, для дѣйствій противъ Шамиля въ сѣверномъ Дагестанѣ и Чечнѣ. Въ составъ этого отряда (всего 9 батальоновъ, 1 рота саперъ и 5 сотень линейныхъ казаковъ) входили два батальона Кабардинскаго полка, и потому я о дѣйствіяхъ его поведу подробный разсказъ.

VII *).

Приготовленія къ дѣйствіямъ 1839 года.—Вторженіе Шамиля въ мирные аулы.—Сборъ отряда генерала Граббе и дѣйствія его въ Ичкеріи.—Взятіе Ахметъ-Тала и Саясани.—Отступленіе отряда изъ Ичкеріи.

Чеченскому отряду предназначено было нанести пораженіе Шамилю въ самомъ Ахульго и разрушить это убѣжище, слывшее во мнѣніи горцевъ совершенно недоступнымъ. Затѣмъ, еслибъ по достиженіи этого главнаго предмета дѣйствій, оставалось еще довольно времени, то предполагалось осенью пройти черезъ Чечню и построить два укрѣпленія: одно на Кумыкской плоскости, при выходѣ рѣки Аксая изъ горъ, гдѣ существовалъ прежде аулъ Старый Аксай или Герзель-аулъ, а другое въ Чиркеѣ, главномъ Салатавскомъ селеніи, пунктѣ весьма важномъ по своему положенію: чиркеевскій мостъ на Сулакѣ открываетъ самый удобный доступъ въ средину салатавскаго общества и далѣе черезъ горы въ Гумбетъ.

Пока съ нашей стороны дѣятельно готовились къ предположеннымъ военнымъ предпріятіямъ, Шамиль также не оставался въ бездѣйствіи. Пользуясь зимнимъ и весеннимъ временемъ до сбора нашихъ отрядовъ, онъ рѣшился еще привлечь на свою сторону оставшіяся намъ покорными Койсубулинскія селенія, наказать тѣ изъ нихъ, которыя вздумали бы ему сопротивляться и раззорить пограничные Аварскіе аулы. Съ этою цѣлью собралъ онъ въ февралѣ мѣсяцѣ многочислен-

---

*) Въ описаніи дѣйствій 1839 года я пользовался, какъ уже упомянулъ въ предисловіи, прекраснымъ трудомъ Д. А. Милютина, дѣлая сокращенія и пополняя вставками, сообразно съ разными изученными мною источниками и матеріалами.

ное скопище изъ разныхъ лезгинскихъ племенъ, силою до 5 тысячь человѣкъ.

Въ это время правительство русское имѣло еще надежду отклонить бѣдствія кровопролитной войны миролюбивыми переговорами. Нѣкоторымъ изъ преданныхъ намъ горцевъ поручено было уговорить Шамиля смириться и отказаться отъ враждебныхъ замысловъ; но Шамиль задержалъ было посланныхъ къ нему людей; потомъ, отпустивъ ихъ, объяснилъ, что повѣситъ каждаго, кто еще осмѣлится явиться къ нему съ подобными предложеніями. Дерзкій этотъ отвѣтъ показывалъ, что Шамиль не только увѣрялъ другихъ, но и самъ былъ убѣжденъ въ безсиліи русскихъ предпринять что либо противъ него. Онъ разглашалъ, что вступленіе русскихъ въ долину Андійскаго Койсу будетъ несомнѣнно гибелью для нихъ, что отрядъ будетъ окруженъ, отрѣзанъ и лишенъ всѣхъ средствъ продовольствія.

Горцы охотно этому вѣрили или принуждены были вѣрить, потому что Шамиль жестоко наказывалъ каждаго, кто осмѣливался изъявлять опасенія на счетъ вторженія русскихъ. Въ глазахъ Шамиля и его приверженцевъ Ахульго было совершенно неприступно, внѣ всякой опасности.

Кромѣ того Шамиль началъ укрѣплять Гумбетовское селеніе Аргуани, на пути изъ Салатау въ Чиркатъ. Распустивъ свою партію въ февралѣ мѣсяцѣ, онъ взялъ со всѣхъ обществъ клятвенное обѣщаніе вновь собраться по первому призыву.

Въ половинѣ апрѣля онъ снова велѣлъ собраться многочисленному ополченію къ Чиркату. Въ ночь съ 3-го на 4-е мая Шамиль, перейдя Аварское Койсу въ Гимрахъ, внезапно напалъ на покорное намъ селеніе Ирганай и держался въ немъ до 10-го числа, пока вывелъ всѣхъ жителей въ горы. Малочисленный нашъ гарнизонъ сосѣдняго съ Ирганаемъ укрѣпленія Зыряны не въ состояніи былъ вытѣснить непріятеля изъ аула. Силы наши въ сѣверномъ Дагестанѣ были постоянно въ передвиженіяхъ, конвоируя транспорты, смѣняя гарнизоны, заготовляя запасы; поэтому нигдѣ не было достаточныхъ средствъ для противодѣйствія дерзкимъ предпрія-

тіямъ Шамиля. Милиція тарковская, мехтулинская и аварская уже не смѣли однѣ вступать съ нимъ въ дѣло, да и не особенно усердствовали.

Согласно предположенію, всѣ войска чеченскаго отряда соединились къ 1-му мая и расположились лагеремъ на правомъ берегу Акташа.

Выше было уже сказано, что по первоначальному общему плану предполагалось начать дѣйствія движеніемъ въ Дагестанъ противъ Шамиля, а потомъ уже, осенью, обратиться въ Чечню. Соображеніе это основано было на томъ, что лѣто есть самое невыгодное время для дѣйствій въ лѣсистой Чечнѣ, тогда какъ, напротивъ того, въ Дагестанѣ дѣйствовать невозможно въ позднее время года. Однакожъ съ перваго же шага оказалось нужнымъ отступить отъ первоначальнаго плана: причиною тому были свѣдѣнія, полученныя въ послѣднее время изъ Чечни.

Ташавъ-Хаджи, оставшись полновластнымъ въ этомъ краѣ, началъ собирать многочисленныя партіи еще въ мартѣ мѣсяцѣ, угрожая нападеніемъ на кумыковъ; тогда же къ нему на помощь прибыли лезгины, присланные Шамилемъ, подъ предводительствомъ Сурхая и Али-Бека. Встревоженные кумыки собрали милицію; но покушеніе непріятеля не состоялось, партіи разошлись; а самъ Ташавъ-Хаджи, занявъ Мискитъ, Ауховское селеніе на рѣкѣ Аксаѣ, началъ вблизи отъ него строить новое укрѣпленіе, среди густаго лѣса, на урочищѣ Ахметъ-Тала. Цѣль его состояла въ томъ, чтобъ имѣть вблизи отъ Кумыкской плоскости и Сунжи передовой опорный пунктъ, въ которомъ шайка его всегда была бы въ готовности броситься туда, гдѣ представится выгодная пожива. Узнавъ о сборѣ чеченскаго отряда, Ташавъ-Хаджи началъ снова собирать многочисленное скопище, не только изъ Ичкеріи, но и изъ Аргунскаго ущелья, и просилъ помощи у Шамиля. Зная, что чеченскій отрядъ назначенъ для дѣйствій въ Дагестанѣ и догадываясь, что онъ направится черезъ Салатау и Гумбетъ, Шамиль приготовлялся къ оборонѣ на этомъ пути, укрѣплялъ Аргуань, разрушилъ спускъ съ крутой горы Соукъ-Булакъ, на границѣ Салатау и Гумбета, и наконецъ, по призыву Салатавскаго се-

ленія Буртуная, обѣщалъ прибыть съ партіею своею, чтобъ встрѣтить русскихъ еще въ Салатавской землѣ. Между тѣмъ Ташавъ-Хаджи, оставаясь на флангѣ операціонной линіи чеченскаго отряда, намѣревался дѣйствовать ему въ тылъ: давъ войскамъ нашимъ углубиться въ горы, онъ могъ броситься на Кумыкскую плоскость и на линію.

Надобно согласиться что непріятель довольно искусно составилъ свой планъ дѣйствій. И въ самомъ дѣлѣ, мы не имѣли бы никакихъ средствъ отразить покушеніе Ташавъ-Хаджи, еслибъ чеченскій отрядъ углубился въ горы Дагестана, оставивъ такого сильнаго противника въ тылу своемъ. Вотъ почему генералъ Граббе счелъ необходимымъ первоначально обратиться въ Чечню и нанести пораженіе Ташавъ-Хаджи, чтобы потомъ уже безопасно двинуться черезъ Салатау и Гумбетъ противъ Шамиля.

Выступленіе отряда назначено было 9-го мая; но избранное для первыхъ дѣйствій направленіе сохранялось въ строгой тайнѣ.

Предпринимая движеніе въ Чечню на короткое время, отрядъ, собранный при крѣпости Внезапной, долженъ былъ выступить на-легкѣ, съ одними только вьюками *), съ провіантомъ на 10 дней. Весь лагерь, тяжести, паркъ, табунъ, оставлены были при крѣпости Внезапной. Чтобъ неожиданно напасть на укрѣпленіе Ахметъ-Тала, генералъ Граббе рѣшился сдѣлать скрытное движеніе въ ночь на 10-е мая. Удобнѣйшая дорога къ непріятельскому укрѣпленію вела отъ крѣпости Внезапной вдоль подошвъ Ауховскихъ горъ до рѣки Аксая, вверхъ по лѣсистой долинѣ рѣки, верстъ на 6, до выхода на возвышенную поляну, которая открывается влѣво и носитъ названіе Ахметъ-Тала. По этой дорогѣ было не менѣе 32-хъ верстъ отъ Внезапной до означеннаго урочища; но проводники взялись указать другую кратчайшую дорогу, отъ переправы на рѣкѣ Ямансу прямо черезъ лѣсъ. Однакожъ весь отрядъ съ артиллеріею и вьюками не могъ слѣдоватъ по этой узкой

---

*) Для раненыхъ взято было только по одной арбѣ на батальонъ; число это оказалось не совсѣмъ достаточнымъ.

лѣсной тропинкѣ; а потому по ней направленъ былъ только передовой летучій отрядъ, изъ двухъ батальоновъ (1-й и 2-й) Кабардинскаго егерскаго полка, двухъ горныхъ орудій и сотни отборныхъ конныхъ казаковъ, подъ начальствомъ полковника Лабынцова *); остальнымъ же войскамъ дано было направленіе черезъ старый Аксай.

9 мая, съ наступленіемъ совершенной темноты, войска тихо, безъ шума, снялись съ позиціи. До разсвѣта главныя силы достигли Стараго Аксая, гдѣ и остановились для привала; между тѣмъ передовой отрядъ полковника Лабынцова, скрытно приблизившись къ самому укрѣпленію Ташавъ-Хаджи, остановился среди густаго лѣса, въ ожиданіи разсвѣта. Непріятель, никакъ не предполагая, чтобъ русское войско двинулось по этой лѣсной тропинкѣ, не счелъ даже нужнымъ наблюдать ее, хотя бы карауломъ; поэтому предположенное скрытное движеніе и внезапное нападеніе на укрѣпленіе исполнилось съ совершеннымъ успѣхомъ. Укрѣпленіе построено было на вызвышенномъ холмѣ, между двумя глубокими и лѣсистыми оврагами или балками, въ разстояніи около полуторы версты отъ рѣки Аксая. Оно состояло изъ квадратнаго редута, среди котораго возвышалась бревенчатая башня, служившая жильемъ и редюитомъ. Наружная ограда была устроена изъ двухъ бревенчатыхъ стѣнъ, между которыми насыпана земля. Выходъ съ западной стороны былъ обороняемъ также небольшою башнею. На ружейный выстрѣлъ кругомъ этого укрѣпленія лѣсъ былъ вырубленъ. Изъ огромныхъ деревьевъ и пней устроены были въ нѣсколько рядовъ завалы, преграждавшіе всѣ доступы, особенно же поперекъ самой дороги, ведущей отъ рѣки Аксая мимо укрѣпленія къ селенію Балансу (на рѣкѣ Ярыксу).

Въ этомъ небольшомъ укрѣпленіи Ташавъ-Хаджи поселился съ нѣсколькими десятками самыхъ вѣрныхъ и отчаянныхъ сподвижниковъ своихъ. Долговременная борьба горцевъ съ русскими войсками, конечно, научила чеченцевъ не слишкомъ полагаться на силу искусственныхъ укрѣпленій, а преимуще-

---

*) Въ мартѣ 1839 г. принялъ полкъ отъ Пирятинскаго, произведеннаго въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ начальникомъ центра Кавказской линіи.

ственно пользоваться превосходствомъ своимъ въ нападеніяхъ среди густыхъ лѣсовъ, на растянутыя по узкимъ дорогамъ русскія колонны. Поэтому и Ташавъ-Хаджи, безъ сомнѣнія, заперся въ свое укрѣпленіе вовсе не съ тѣмъ, чтобъ выдержать въ немъ рѣшительное нападеніе русскаго отряда: ему нужно было убѣжище или опорный пунктъ, изъ котораго могъ бы онъ угрожать окрестному населенію, покорному Россіи, и дѣлать набѣги на самую линію; въ случаѣ же движенія русскихъ войскъ въ Ичкерію, по долинамъ Аксая или Ямансу, укрѣпленіе это оставалось бы на ихъ флангѣ и служило бы сборнымъ пунктомъ, къ которому стеклись бы мгновенно тысячи горцевъ. Но появленіе русскихъ войскъ передъ самымъ укрѣпленіемъ было такъ внезапно, что Ташавъ-Хаджи застигнутъ былъ совершенно врасплохъ, среди глубокаго сна. Еще лучи солнца не успѣли проникнуть въ густоту лѣса, когда егеря наши вышли на опушку и послѣ нѣсколькихъ картечныхъ выстрѣловъ смѣло полѣзли на завалы и стѣны укрѣпленія. Между тѣмъ, одна рота и спѣшенные казаки начали пробираться густымъ лѣсомъ, чтобъ окружить непріятеля и отрѣзать ему отступленіе. Горцы видѣли опасность своего положенія въ стѣнахъ укрѣпленія; они искали спасенія, перелѣзая черезъ стѣну и укрываясь въ лѣсу. Егеря почти мгновенно заняли укрѣпленіе и сейчасъ же зажгли его. Найденная въ башнѣ одежда и значекъ показывали, какъ неожиданно было нападеніе и какъ поспѣшно спасался непріятель.

Нашему отряду этотъ первый успѣхъ стоилъ не болѣе одного убитаго и двухъ раненыхъ рядовыхъ.

Густой дымъ, клубившійся надъ лѣсомъ, возвѣстилъ на дальнее разстояніе, что укрѣпленіе Ташавъ-Хаджи было уже въ рукахъ нашего передоваго отряда. Тогда и главныя силы отъ Стараго Аксая двинулись безпрепятственно вверхъ по долинѣ. Между тѣмъ, по первымъ выстрѣламъ въ лѣсу, начали сбѣгаться къ урочищу Ахметъ-Тапа окрестные вооруженные жители. Непріятель, скрывшись за своими завалами, постепенно усиливался. Передовой отрядъ полковника Лабынцова расположенъ былъ на открытой полянѣ, на самомъ близкомъ ружейномъ выстрѣлѣ отъ опушки, занятой непріятелемъ. На-

противъ того, горцы были совершенно скрыты густотою лѣса, непроницаемою даже для картечи двухъ нашихъ единороговъ. По обыкновенію своему, они одушевляли себя, громко распѣвая стихи изъ корана, а по временамъ фанатики выбѣгали кучками изъ лѣсу и съ шашками въ рукахъ бросались на стрѣлковъ нашихъ съ такою быстротою, что резервы не всегда успѣвали поддержать цѣпь.

Чтобъ выбить непріятеля изъ его позиціи, генералъ Граббе двинулся съ главными силами для атаки съ фронта, а между тѣмъ всю кавалерію послалъ вправо, въ обходъ лѣса. Обѣ колонны должны были выдти на Балансу. Пока пѣхота строилась въ боевой порядокъ на полянѣ, позади развалинъ непріятельскаго укрѣпленія, орудія, выдвинутыя на высоту въ самомъ близкомъ разстояніи отъ опушки лѣса, осыпали ее картечью. Войска наши рвались на бой: онѣ были исполнены отваги и мужества; большею частью батальоны состояли изъ старыхъ солдатъ, уже закаленныхъ въ кавказской войнѣ. «По истинѣ нельзя было не любоваться одушевленнымъ видомъ этихъ загорѣлыхъ лицъ, еще чернѣе казавшихся подъ бѣлыми чехлами ихъ шапокъ» (слова Д. А. Милютина). Но горцы не выждали штыковъ: обходное движеніе кавалеріи заставило ихъ поспѣшно очистить лѣсъ и спасаться бѣгствомъ, такъ что колонны наши, почти безъ всякой потери вступивъ въ лѣсъ, не видали уже ни одного непріятеля: лежавшія тѣла горцевъ показывали торопливость отступленія. Но дорога, по которой отрядъ слѣдовалъ къ Балансу, представляла на протяженіи около 4-хъ верстъ, непрерывную тѣснину среди непроницаемаго лѣса; огромные срубы деревъ были навалены поперекъ дороги, такъ что на каждомъ шагу предстояла тяжелая работа саперамъ, слѣдовавшимъ въ головѣ колонны. Во многихъ мѣстахъ среди лѣса, въ сторонѣ дороги, видны были боковые завалы, приготовленные горцами вѣроятно для засадъ: но они уже не посмѣли воспользоваться ими. Отрядъ прошелъ лѣсъ безъ выстрѣла и расположился у Балансу.

Потеря наша состояла изъ 12 убитыхъ и 35 раненыхъ нижнихъ чиновъ *); офицеровъ ранено три: гвардіи генераль-

*) Изъ коихъ 5-ть убитыхъ и 22 раненыхъ Кабардинскаго полка.

наго штаба поручикъ Д. А. Милютинъ легко, Кабардинскаго полка штабсъ-капитанъ Генушъ и поручикъ Китаевъ. Особенно хвалилъ начальникъ отряда нашихъ командировъ: полковаго—полковника Лабынцова и батальоннаго—маіора Рудакова.

Балансу, ближайшее къ покорной странѣ Ичкеринское селеніе, лежащее почти на самой границѣ Ауха, нерѣдко служило сборнымъ пунктомъ враждебнымъ партіямъ горцевъ при нападеніи ихъ на линію и на покорныя намъ племена. Отрядъ нашелъ его уже пустымъ; жители успѣли въ продолженіе дня спастись съ большею частью имущества. Лишь только войско расположились на бивакѣ, селеніе было зажжено. Вслѣдъ затѣмъ передовые отряды подожгли и другіе ближайшіе хутора: среди наступившей темноты всѣ горы кругомъ освѣтились заревомъ пожара. Тѣмъ началось наше вступленіе въ землю ичкеринцевъ.

На другой день (11-го мая), отрядъ двинулся впередъ. Пройдя версты три мѣстностью довольно разнообразною, то черезъ лѣсъ, то мимо засѣянныхъ полянъ, войска спустились къ самому руслу рѣки Ямансу (около ауловъ Нане-Юртъ и Цезынъ-Ирзау); хотя по дорогѣ встрѣчались довольно трудные подъемы и спуски, однако-жъ артиллерія и повозки вездѣ проходили свободно. Въ этой части горной Чечни природа богата и живописна: не только скаты горъ, но и самыя вершины ихъ покрыты роскошною и разнообразною растительностью; вѣковые лѣса, окаймляющіе долины рѣкъ, наполняютъ воздухъ сильнымъ ароматомъ; небольшіе аулы живописно разбросаны среди густой зелени и полей. Рѣка Ямансу течетъ по каменистому руслу, между высокими берегами, отвѣсными какъ стѣны; во многихъ мѣстахъ свѣтлыя струи падаютъ съ вершинъ ихъ каскадами. Теченіе Ямансу такъ мелко и извилисто, что главная колонна, съ артиллеріею и обозами шла по самому руслу, безпрестанно переходя съ одного берега на другой. Боковыя колонны, каждая въ два батальона съ горными орудіями, двигались по тропинкамъ нагорнаго берега, для прикрытія главной колонны съ фланговъ.

Къ 7-ми часамъ вечера отрядъ поднялся на поляну, близь самаго истока рѣки Ямансу и расположился для ночлега у

селенія Рагонкажъ. Всѣ аулы, лежавшіе на пути, найдены были пустыми и преданы огню *). Только лѣвая боковая колонна, при выходѣ уже на поляну, въ виду деревни Рагонкажъ, встрѣтила небольшую партію горцевъ, засѣвшихъ въ балкѣ, повидимому для прикрытія семействъ, бѣжавшихъ въ лѣсъ; храбрые егеря Кабардинскаго полка, не теряя времени на перестрѣлку, смѣло выбили непріятеля штыками. Противъ правой боковой колонны сдѣлано было только нѣсколько выстрѣловъ съ вершины хребта.

Отъ деревни Рагонкажъ ведетъ прямая дорога къ Саясани, гдѣ находился главный пунктъ Ташавъ-Хаджи. Разстоянія до этого мѣста—было не болѣе 8-ми верстъ, но путь лежалъ опять черезъ густой лѣсъ, покрывающій весь хребетъ между долинами Ямансу и Аксая.

Генералъ Граббе не счелъ нужнымъ двинуться туда со всѣмъ отрядомъ, чтобъ не увеличить напрасно своего пути отступленія и тѣмъ избѣгнуть потери, неизбѣжной при обратномъ слѣдованіи лѣсистою мѣстностію. Притомъ необходимо было удержать позицію у Рагонкажъ, для обезпеченія отступленія отъ Саясани.

Для атаки этого аула и построеннаго при немъ укрѣпленія назначенъ былъ небольшой отрядъ, изъ двухъ батальоновъ Кабардинскаго полка, двухъ ротъ Куринскаго, двухъ горныхъ орудій и горской милиціи, подъ начальствомъ полковника Лабынцова. 12-го мая, выступивъ съ разсвѣтомъ, колонна безпрепятственно прошла черезъ лѣсную тѣснину и только при спускѣ съ возвышеній, близь самаго аула, встрѣчена была сильнымъ ружейнымъ огнемъ.

Саясань лежитъ на открытой площадкѣ, круто возвышающейся надъ рѣкою Аксаемъ. Къ югу отъ него, на небольшомъ мысу, между двумя крутыми балками, выстроено было укрѣпленіе Ташавъ-Хаджи. Оно состояло изъ толстой бревен-

---

*) Въ сущности, чеченскіе аулы—жалкія постройки изъ плетней, обмазанныхъ глиной, и если въ нихъ не истреблялись запасы хлѣба и сѣна, то сожженіе ауловъ не наносило жителямъ почти никакого ущерба, ибо, по обилію лѣса, въ двѣ-три недѣли такой аулъ возстановлялся вновь.

чатой ограды, фланкированной башнями, съ бойницами; высокая башня въ нѣсколько ярусовъ возвышалась среди укрѣпленія. Рвы, завалы и засѣки въ нѣсколько рядовъ покрывали скаты; единственная тропинка, пролегавшая черезъ балку со стороны селенія, была во многихъ мѣстахъ перекопана, и находилась подъ перекрестными выстрѣлами.

Горцы не защищали селенія, а засѣли въ самое укрѣпленіе, частію же расположились по лѣсистымъ высотамъ позади его. Послѣ небольшой перестрѣлки, войска наши заняли балку передъ селеніемъ; здѣсь полковникъ Лабынцовъ оставилъ одинъ батальонъ и одно орудіе, двѣ роты направилъ влѣво, для занятія высотъ, а самъ съ остальнымъ батальономъ, орудіемъ и милиціею прошелъ черезъ аулъ, и послѣ непродолжительной перестрѣлки, бросился двумя ротами на штурмъ заваловъ, защищавшихъ подступы къ укрѣпленію. Егеря должны были пробираться почти по одиночкѣ, подъ мѣткими выстрѣлами горцевъ; но между тѣмъ посланныя влѣво роты Куринскаго полка уже заняли лѣсистыя высоты и сбили съ нихъ толпы горцевъ. Тогда непріятель, не выждавъ штурма, искалъ спасенія въ бѣгствѣ; только нѣсколько абрековъ, вмѣстѣ съ самимъ Ташавъ-Хаджи, пробовали еще держаться во внутренней башнѣ; но и тѣ, боясь быть окруженными, вскорѣ бѣжали изъ укрѣпленія и большею частью были переколоты. Укрѣпленіе было совершенно разрушено, а самое селеніе сожжено.

Однакожъ перестрѣлка продолжалась горячо на лѣвыхъ лѣсистыхъ высотахъ. Въ 8 часовъ вечера полковникъ Лабынцовъ приказалъ войскамъ начать отступленіе. Замѣтивъ это, непріятель, по своему обыкновенію, началъ самъ дѣйствовать смѣлѣе и бросился на аріергардъ, пока отрядъ втягивался въ дефиле. При этомъ не только егеря Кабардинскаго полка твердо удержали всѣ покушенія непріятеля, но и горская милиція съ честью поддерживала пѣхоту, прикрывая фланги ея. Преслѣдованіе горцевъ прекратилось только по выходѣ отряда изъ лѣса. Полковникъ Лабынцовъ возвратился къ главнымъ силамъ уже по наступленіи ночи, потерявъ (преимущественно при обратномъ движеніи) 10 чело-

вѣкъ убитыхъ, 6 офицеровъ, 5 милиціонеровъ и 47 рядовыхъ раненыхъ. Особенно отличились здѣсь нашего полка подпоручики Эйхманъ и Мачихинъ — оба раненые, а также рядовые изъ политическихъ преступниковъ Назимовъ и Вагелинъ.

Такимъ образомъ Ташавъ-Хаджи потерпѣлъ вторичное и рѣшительное пораженіе въ главномъ убѣжищѣ своемъ. Этимъ ограничивалась вся цѣль предпринятаго движенія въ Ичкерію. Исполнивъ успѣшно свое назначеніе, отрядъ не имѣлъ болѣе нужды оставаться въ горахъ; а потому вечеромъ 13-го числа, когда небольшая колонна, посланная для раззоренія селенія Белетли, исполнивъ это, возвратилась въ лагерь главнаго отряда, — рѣшено было выступить къ крѣпости Внезапной.

Отступленіе есть всегда самое трудное и опасное дѣйствіе въ виду непріятеля, но въ особенности въ войнѣ Кавказской. Даже послѣ удачнаго нападенія, обратное слѣдованіе черезъ ущелья и лѣса Чечни доставляли горцамъ такое выгодное прикрытіе, что они безнаказанно, почти невидимые, окружаютъ колонну, растянутую по узкой дорогѣ. Напирая дерзко на аріергардъ, они въ тоже время стараются съ фланговъ прорвать боковыя цѣпи, чтобы врѣзаться въ самую средину колонны, состоящую изъ обоза и артиллеріи.

Для обратнаго слѣдованія отъ Рагонкажъ избранъ былъ путь долиною Ямансу до Ауховской деревни Буна-Юртъ. Движеніе это, какъ и при наступательномъ слѣдованіи, прикрыто было съ обоихъ фланговъ боковыми колоннами, направленными по лѣсистымъ горамъ: лѣвая подъ начальствомъ полковника Пулло, изъ двухъ батальоновъ Куринскаго полка, двухъ горныхъ орудій и милиціи; правая—полковника Лабынцева, изъ двухъ батальоновъ Кабардинскаго полка, также съ двумя горными орудіями. Въ аріергардъ назначенъ былъ батальонъ Куринскаго полка съ двумя орудіями казачьей артиллеріи. Чтобы скрыть отъ непріятель по крайней мѣрѣ начало отступленія, приказано было отряду сняться съ позиціи ночью, съ соблюденіемъ совершенной тишины. Это было исполнено весьма удачно: обозы и потомъ весь отрядъ спокойно спустились отъ Рагонкажъ къ руслу рѣки Ямансу, и горцы замѣтили это

тогда только, когда солнце было уже высоко и войска въ порядкѣ двигались по тремъ назначеннымъ путямъ. Не смотря на то, непріятель стремительно бросился вслѣдъ за аріергардомъ и въ тоже время началъ обходить его съ фланговъ.

Жаркая перестрѣлка завязалась въ боковыхъ цѣпяхъ и въ аріергардѣ. При медленномъ слѣдованіи главной колонны по руслу рѣки, при безпрестанныхъ остановкахъ въ обозѣ, аріергарду приходилось часто выдерживать отчаянныя нападенія фанатиковъ, которые съ изступленіемъ бросались въ шашки, не смотря на картечный огонь орудій. Продолжительная остановка въ движеніи при подъемѣ около Балансу на правый нагорный берегъ рѣки, была въ особенности причиною довольно значительной потери съ нашей стороны. Однако-же всѣ три колонны, прикрывавшія движеніе съ тыла и съ фланговъ, держались съ тою хладнокровною стойкостью, которую можно ожидать только отъ опытныхъ, старыхъ войскъ, знакомыхъ уже съ войною этого рода. Пока отрядъ втягивался въ узкое дефиле, аріергардъ болѣе часа стоялъ неподвижно на мѣстѣ и самъ бросался въ штыки на дерзкаго непріятеля, наконецъ до того усилившаго свои атаки, что пришлось послать двѣ роты Кабардинцевъ на поддержку Куринцамъ, и тогда уже отбили чеченцевъ окончательно.

Послѣ того горцы прекратили преслѣдованіе; около 9 часовъ утра весь отрядъ собрался на открытой полянѣ, на берегу Ямансу, гдѣ и расположился для привала.

Отступленіе это стоило намъ 8 убитыхъ, 5 офицеровъ и 62 нижнихъ чиновъ раненыхъ, въ томъ числѣ Кабардинскаго полка поручикъ Кононовъ и прапорщикъ Ставицкій *).

Послѣ короткаго привала, отрядъ безпрепятственно слѣдовалъ уже далѣе одною колонною, по землѣ ауховцевъ, перешелъ на правую сторону Ямансу и расположился для ночлега у селенія Ярыксу-Аухъ на рѣкѣ Ярыксу **); на другой-

---

*) Изъ Петербурга была прислана за эти дѣла Высочайшая благодарность и 10 георгіевскихъ крестовъ.

**) Въ этомъ переходѣ кавалерія захватила 6 человѣкъ, стрѣлявшихъ изъ лѣса по войскамъ; и какъ эти люди оказались изъ мирныхъ ауховцевъ

же день, 15 мая, возвратился въ свой лагерь подъ крѣпость Внезапную *).

цевъ, то тутъ-же, на мѣстѣ ночлега, они прогнаны были сквозь строй, для примѣра прочимъ жителямъ селенія.

*) За этотъ походъ въ Ичкерію полковой командиръ Лабынцовъ получилъ золотую шпагу съ алмазами; маіоръ Рудаковъ Станислава 2-й степени со звѣздой; капитанъ Сервіяновъ Станислава 3-й степени; поручикъ Китаевъ, подпоруч. Мисостовъ и Щербаковъ Анну 3-й степени; поручикъ Канатовъ, подпоруч. Дятловъ, Шелаевъ, Энгманъ, Забѣлло, Афанасьевъ, прапорщ. Раевскій, Соинъ и Доманскій слѣдующіе чины; юнкера Качаловъ, Некрасовъ и унт.-офиц. Ковальскій произведены въ офицеры. Нижнимъ чинамъ въ два батальона 32 креста и одинъ именной.

VIII.

Планъ экспедиціи въ Ахульго. — Выступленіе отряда изъ Внезапной.—Занятіе съ боя Буртуная. — Движеніе къ Аргуани. — Рекогносцировка этого укрѣпленнаго аула. — Штурмъ Аргуани. — Дѣйствія генерала Головина.— Дальнѣйшее движеніе отряда и занятіе Чирката. — Занятіе Ашильты и устройство моста па Койсу.—Начало блокады и осады Ахульго.

Чтобы нанести рѣшительный ударъ Шамилю въ главномъ его убѣжищѣ Ахульго, можно было достигнуть этой цѣли двумя разными путями: или со стороны Темиръ-Ханъ-Шуры черезъ Аварію и Койсубу, или со стороны Внезапной черезъ Салатау и Гумбетъ. Этотъ послѣдній путь и былъ избранъ генераломъ Граббе для наступательнаго движенія къ Ахульго. Прежде однако необходимо было, такъ сказать, подготовить и облегчить побѣду нанесеніемъ пораженія горцамъ вездѣ, гдѣ только можно было встрѣтить ихъ скопища. Какъ бы ни были, по всѣмъ вѣроятіямъ, кровопролитны эти встрѣчи, какъ бы ни дорого обошлись онѣ нашимъ войскамъ, — только подобными успѣхами и предполагалось произвести нравственное вліяніе на умы горцевъ, поколебать ихъ довѣріе къ силѣ и и непобѣдимости Шамиля и тѣмъ разрушить основанія его могущества въ горахъ. Лишившись содѣйствія обществъ Дагестанскихъ лѣвой стороны Андійскаго Койсу, Шамиль не могъ бы держаться и въ Ахульго; напротивъ того, еслибъ русскій отрядъ подступилъ къ этому укрѣпленному притону его прямо со стороны Аваріи, то у Шамиля оставались бы въ тылу всѣ тѣ племена, которыя составляли главную опору его силы, и которыя утвердились бы въ своемъ убѣжденіи, что русскіе не смѣютъ проникнуть въ ихъ неприступныя горы.

И такъ, прежде чѣмъ подступить къ Ахульго—послѣднему предмету дѣйствій, слѣдовало не избѣгать, а напротивъ того, искать встрѣчи съ горцами.

При томъ, нанесеніе пораженія непріятелю именно въ Салатау и Гумбетѣ имѣло бы и результаты непосредственные: безопасность и спокойствіе на линіи, на Кумыкской плоскости и въ шамхальствѣ Тарковскомъ совершенно зависятъ отъ покорности этихъ ближайшихъ племенъ Дагестанскихъ.

На этихъ общихъ соображеніяхъ основанъ былъ весь планъ предпринятой генераломъ Граббе экспедиціи: отряду, собранному при крѣпости Внезапной, силою до 6 тысячъ человѣкъ, назначено было вступить въ Салатау прямо отъ Внезапной, черезъ хребетъ Гебекъ-Кала, отправивъ всѣ обозы кружною дорогою чрезъ Міатлы. Тою же переправою назначено было вступить въ Салатау и тремъ батальонамъ изъ войскъ, расположенныхъ въ шамхальствѣ Тарковскомъ.

О непріятелѣ не было свѣдѣній положительныхъ; лазутчики объявляли, что непріятельскій караулъ находился на горѣ Буюнъ-Башъ, не далѣе 6 верстъ отъ Внезапной, на границѣ Салатау; что Шамиль продолжаетъ возмущать это общество; но что одинъ только аулъ Буртунай открыто вооружился и призываетъ къ себѣ самого Шамиля; прочія же Салатавскія селенія находятся въ нерѣшимости, боясь русскаго отряда, и готовы разбѣжаться съ приближеніемъ его. Для успокоенія горцевъ отправлена была генераломъ Граббе прокламація, которая, какъ впослѣдствіи оказалось, произвела благопріятное дѣйствіе на большую часть селеній Салатавскихъ, успокоивъ ихъ на счетъ намѣреній и дѣйствій русскихъ войскъ при движеніи черезъ ихъ земли. Чиркей, съ всегдашнимъ коварствомъ, присылалъ увѣренія въ своей преданности.

21-го мая главный отрядъ, выступивъ изъ крѣпости Внезапной, безпрепятственно прошелъ по узкой и трудной дорогѣ чрезъ лѣсистый хребетъ, отдѣляющій Салатау отъ земли кумыковъ. Спустившись съ этого хребта въ долину рѣки Таласу, войска расположились лагеремъ между деревнями Инчхе и Костала. Здѣсь присоединилась къ отряду колонна, отправленная еще наканунѣ изъ крѣпости Внезапной черезъ

Болтугай и Міатлы. На другой день (22 числа) прибыли на ту же позицію изъ Темиръ-Ханъ-Шуры еще два батальона Апшеронскаго пѣхотнаго полка, съ четырьмя орудіями.

Такимъ образомъ къ вечеру 22 мая сосредоточились при Инчхе 8 батальоновъ пѣхоты, рота саперъ, 17 орудій, двѣ сотни конныхъ, четыре сотни пѣшихъ казаковъ и сотни двѣ горской милиціи, всего до 7,800 человѣкъ.

Лагерь при Инчхе окруженъ былъ лѣсистыми высотами. Каждую ночь происходила перестрѣлка въ цѣпи; но съ нашей стороны былъ убитъ только одинъ рядовой и три ранено.

23 числа отрядъ продолжалъ движеніе къ Хубару; но сдѣлалъ переходъ не болѣе 5 верстъ, по трудности подъема на лѣсистыя Хубарскія высоты. Непріятель нигдѣ не показывался, хотя мѣстность была весьма выгодна для обороны.

Отрядъ расположился за Хубаромъ, на возвышенной и открытой плоскости, продолжающейся постепеннымъ подъемомъ до самаго Соукъ-Булака, подъ именемъ Дюзъ-Тау. Жители Хубара, покинувшіе свои дома, начали мало по малу сходиться, когда увидѣли, что селеніе ихъ остается въ цѣлости. Они увѣряли, что не будутъ дѣйствовать противъ насъ; однакожъ о Шамилѣ не давали никакихъ положительныхъ извѣстій. Были даже слухи, будто бы онъ самъ въ Чиркатѣ, а на помощь Буртунаю прислалъ только небольшую партію.

24 числа утромъ, не смотря на густой туманъ, отрядъ двинулся впредъ на Гертме. Путь пролегалъ по открытой и ровной плоскости къ которой съ обѣихъ сторонъ примыкали глубокія и лѣсистыя балки. Въ особенности съ правой стороны тянулась недоступная балка Теренгулъ, за которою находится аулъ Буртунай. Дорога въ это селеніе спускается извилинами въ пропасть, между каменьями и среди густаго лѣса; потомъ столь же круто поднимается на противоположный край балки. Для спуска и подъема нужно пе менѣе часа времени.

Приближаясь къ этой балкѣ, передовые казаки замѣтили на высотѣ, въ недальнемъ разстояніи, нѣсколькихъ горцевъ. Они понеслись впередъ, надѣясь захватить непріятельскій караулъ, но приблизившись къ высотѣ, были встрѣчены сильнымъ огнемъ. Пасмурный день и густой туманъ скрывали не-

пріятеля; лишь только подошла пѣхота авангарда, горцы отступили и скрылись въ балку.

Вскорѣ туманъ началъ подниматься, тогда войска, занявшія высоты, внезапно увидѣли передъ собою многочисленнаго непріятеля. Толпы горцевъ, пѣшихъ и конныхъ, со множествомъ бѣлыхъ значковъ, занимали возвышенную плоскость за балкою Теренгулъ. Частые выстрѣлы изъ самой балки показывали, что она также занята была непріятелемъ.

Тутъ только открылось, что самъ Шамиль, съ партіею отъ 3 до 4 тысячъ человѣкъ, пришелъ на помощь Буртунаю. Расположившись за балкою Теренгулъ, онъ занялъ фланговую позицію, изъ которой могъ угрожать тылу отряда, еслибъ онъ продолжалъ движеніе прямо на Соукъ-Булакъ *). Не смотря на силу позиціи, избранной Шамилемъ, генералъ Граббе, нисколько не колеблясь, рѣшился немедленно атаковать непріятеля съ фронта: оставить его въ сторонѣ — значило бы при первой встрѣчѣ обнаружить въ глазахъ горцевъ слабость, ободрить ихъ и оставить Буртунай безъ наказанія.

Отдѣливъ два батальона въ прикрытіе вагенбурга, генералъ Граббе направилъ всѣ остальныя войска для атаки непріятельской позиціи. Артиллерія подъѣхала къ самому краю балки, открыла огонь, а вслѣдъ затѣмъ двинулись и пѣхотныя колонны; жаркая перестрѣлка завязалась на лѣсистыхъ крутизнахъ... Не смотря на всю трудность спуска и подъема подъ мѣткимъ огнемъ непріятеля, храбрые батальоны Кабардинскаго егерскаго полка, подъ начальствомъ полковника Лабынцова, двинулись смѣло въ штыки вверхъ по извилистой тропинкѣ; въ то же время начали взбираться на крутизны двѣ боковыя колонны. Замѣтивъ это, горцы разомъ прекратили перестрѣлку; изумленные рѣшительностью атаки, они поспѣшно отступили, чтобы не быть захваченными въ балкѣ. Съ необыкновеннымъ трудомъ поднявшись наконецъ на про-

---

*) Впослѣдствіи обнаружилось, что чиркеевцы вошли въ тайный заговоръ съ Шамилемъ и съ буртунайцами; въ полной надеждѣ на то, что русскимъ не удастся перейти балку Теренгулъ, они намѣревались при дальнѣйшемъ слѣдованіи отряда напасть на него съ тыла.

тивоположный край пропасти, Кабардинцы, не смотря на крайнюю усталость, выбѣжали на вершину съ крикомъ «ура!» Вслѣдъ затѣмъ втащили туда и два горныхъ орудія. Тогда густыя толпы горцевъ, провожаемыя выстрѣлами нашей артиллеріи, бѣжали къ Буртунаю, оставивъ на равнинѣ небольшое число убитыхъ, которыхъ не успѣли, по своему обыкновенію, унести. Прежде чѣмъ весь отрядъ могъ взобраться на высоту, генералъ Граббе, не упуская удобнаго случая довершить пораженіе непріятеля, двинулся вслѣдъ за нимъ съ передовыми войсками: тремя батальонами пѣхоты, двумя горными орудіями и небольшимъ числомъ казаковъ, составлявшихъ конвой главной квартиры. Но горцы бѣжали такъ поспѣшно, что не было возможности ихъ настигнуть: они разсѣялись по ближайшимъ балкамъ, не думая оборонять Буртунай. Селеніе найдено было пустымъ и занято передовымъ отрядомъ. Остальныя войска подходили постепенно къ селенію и располагались вокругъ него.

Генералъ Граббе описывалъ особенно движеніе полковника Лабынцова съ Кабардинцами, которые съ барабаннымъ боемъ пошли прямо «на ура» и, не взирая ни на что, лѣзли на крутой лѣсистый подъемъ. Потеря наша въ этомъ дѣлѣ была незначительна: всего 43 человѣка (въ томъ числѣ только 4 убитыхъ).

За это блистательное дѣло Государь пожаловалъ всему отряду по 1 руб., по фунту мяса и чаркѣ водки, и 12 георгіевскихъ крестовъ отличившимся.

На другой день послѣ боя (25 мая), отрядъ продолжалъ движеніе двумя колоннами: всѣ тяжести, подъ прикрытіемъ трехъ батальоновъ и 5 легкихъ орудій, подъ командою генерала Пантелѣева, продолжали слѣдовать по прямой дорогѣ, слѣва отъ балки Теренгулъ; по другой сторонѣ двинулись остальныя войска, собравшіяся у Буртуная. Обѣ колонны должны были соединиться уже на самой вершинѣ Соукъ-Булака.

Два дня колонны поднимались по отлогому и скрытому склону возвышенной плоскости Дюзъ-Тау. Постоянный этотъ подъемъ на протяженіи около 12 верстъ сильно утомлялъ войска и лошадей; удобныхъ мѣстъ для ночлега также не было,

по совершенному недостатку дровъ и отдаленности воды. По мѣрѣ подъема усиливался холодъ. Въ маѣ мѣсяцѣ лошади скользили отъ гололедицы, а на самомъ Соукъ-Булакѣ лежалъ еще снѣгъ.

Достигнувъ вершины Соукъ-Булака, отрядъ оставался тутъ двое сутокъ, пока продолжалась разработка спуска (называемаго Кирки). Дорогу высѣкали въ скалахъ, утесы рвали порохомъ. 29-го числа часть пѣхоты спустилась къ подошвѣ Соукъ-Булака, гдѣ и заняла лагерь; на другой день (28-го) спустили артиллерію и часть тяжестей.

Такимъ образомъ отрядъ уже ступилъ на землю гумбетовцевъ. Лагерь занималъ небольшую площадку, составлявшую одинъ изъ уступовъ южнаго склона хребта. Отсюда—вправо открывается долина, по которой дорога ведетъ въ Мехельту и Анди; передъ фронтомъ—площадка ограничивается крутою и глубокою балкою, а влѣво она постепенно съуживается и только узкая дорога по склону хребта ведетъ къ небольшому селенію Артлугъ. Дорога, по которой предстояло слѣдовать отряду, чрезъ Аргуани къ Андійскому Койсу, пролегаетъ первоначально по краю балки и вдоль подошвъ хребта, пересѣкающаго землю гумбетовцевъ между Мехельтою и Аргуани. Вершина этого хребта занята была горцами, которые могли засыпать каменьями пролегающую у подошвъ дорогу.

Мѣстность была извѣстна по однимъ разспросамъ, изъ которыхъ можно было только заключить, что войскамъ предстоялъ путь весьма трудный. При этомъ извѣстно было, что селеніе Аргуани, черезъ которое пролегаетъ дорога, сильно укрѣплено и занято самимъ Шамилемъ, съ многочисленною толпою мюридовъ.

Поэтому рѣшено было идти къ Аргуани только на-легкѣ, оставивъ всѣ тяжести у спуска Кирки, подъ прикрытіемъ одного батальона съ 5 легкими орудіями; для обезпеченія же этого вагенбурга, построено было наскоро временное укрѣпленіе, названное «*Удачнымъ*». Вмѣстѣ съ тѣмъ производилась разработка спуска Кирки и предстоявшаго пути, такъ что отрядъ оставался въ лагерѣ до 29-го мая. Въ продолженіе

этого времени отправленъ былъ летучій отрядъ для истребленія Артлуга и для доставленія изъ этого мятежнаго аула дровъ для отряда. Въ продолженіе 28 и 29 чиселъ весь обозъ спустился съ Соукъ-Булака и помѣстился въ неоконченномъ еще укрѣпленіи.

29-го числа, послѣ полудня, отрядъ двинулся къ Дануху, выславъ впередъ саперъ и одинъ батальонъ для разработки дороги. Непріятель, занявшій вершины хребта съ правой стороны колонны, приготовлялъ каменья, надѣясь забросать ими отрядъ. Чтобъ обезпечить колонну отъ такой опасности, выставлена была впереди бывшаго лагеря батарея изъ 5 полевыхъ единороговъ, которые начали бросать гранаты на вершину горы. Не смотря на чрезмѣрный уголъ возвышенія орудій, нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ мгновенно разогнали горцевъ, которые скрылись на противоположномъ скатѣ, а колонна безпрепятственно прошла по самымъ труднымъ мѣстамъ. Одинъ батальонъ обезпечивалъ ее съ лѣваго фланга, спустившись въ балку по тропинкѣ, едва проходимой даже для пѣхоты. Отрядъ, не встрѣтивъ въ этотъ день никакого сопротивленія со стороны непріятеля, дошелъ до перевала черезъ гору Шугу-Мееръ, верстахъ въ шести отъ Соукъ-Булака. Два батальона съ двумя орудіями отдѣлены были влѣво для занятія Дануха, оставленнаго жителями; оттуда отрядъ на ночлегѣ снабжался дровами и даже водою. Дорога, пройденная отрядомъ, была такъ узка, что, не смотря на незначительность перехода, хвостъ колонны прибылъ на мѣсто ночлега только съ наступленіемъ совершенной темноты. Ночью же саперы и команда рабочихъ были отряжены впередъ для разработки спуска съ горы Шугу-Мееръ и далѣе къ Аргуани. Работа спуска была окончена не прежде полудня слѣдующаго дня (30-го числа). Тогда весь отрядъ двинулся одною колонною къ Аргуани, отстоявшему не далѣе шести верстъ отъ мѣста ночлега. Но дорога была въ такомъ состояніи и кромѣ того такъ испорчена отъ безпрерывно шедшаго нѣсколько дней дождя, что отрядъ приблизился къ селенію только къ 4 часамъ по полудни. Полагаясь на неприступное положеніе селенія, котораго при томъ не было возможности обойти, Ша-

миль собралъ здѣсь большія скопища, простиравшіяся, по свѣденіямъ лазутчиковъ, до 16,000 человѣкъ. Это очевидное преувеличеніе, и его смѣло можно уменьшить до 10,000.

Часть непріятеля заняла селеніе, а прочіе (преимущественно андійцы), расположились на горахъ со стороны Мехельты. Еслибъ русскій отрядъ дѣйствительно встрѣтилъ неодолимое сопротивленіе отъ укрѣпленнаго аула, обороняемаго отчаянными мюридами, то былъ бы поставленъ въ затруднительное положеніе, имѣя въ тылу трудное дефиле. Такимъ образомъ, успѣхъ всей экспедиціи зависѣлъ отъ успѣшнаго штурма Аргуани.

Свѣдѣнія, собранныя предварительно о мѣстоположеніи селенія, также какъ и о непріятельскихъ намѣреніяхъ, были весьма не опредѣленны. Со стороны Дануха, Аргуани казалось съ перваго взгляда совершенно неприступнымъ: аулъ расположенъ на краю скалистаго, почти отвѣснаго обрыва, одна дорога, въ видѣ крутой аппарели, высѣчена между утесами. Наружныя сакли составляли сплошную стѣну, съ бойницами въ нѣсколько ярусовъ; надъ ними амфитеатромъ возвышались другія сакли, также каменныя, съ бойницами, плоскими крышами и башнями.

Для рекогносцировки селенія со всѣхъ сторонъ, генералъ Граббе сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: батарея изъ восьми орудій и конгревовыхъ ракетъ поставлена была на возвышенной площадкѣ, находившейся въ разстояніи хорошаго ружейнаго выстрѣла отъ аула, слѣва отъ дороги; край этой площадки, обращенной къ селенію, образовалъ какъ бы естественный брустверъ, въ которомъ стоило только прорѣзать амбразуры; въ прикрытіе батареи оставлены были одинъ батальонъ и спѣшенные казаки. Обозъ, подъ прикрытіемъ одного батальона и двухъ горныхъ орудій, былъ оставленъ близь самой дороги, внѣ ружейнаго выстрѣла отъ селенія. Одинъ батальонъ долженъ былъ привлекать вниманіе непріятеля, дѣйствуя по дорогѣ, то есть съ фронта, между тѣмъ вправо и влѣво направлены были колонны для осмотра аула съ прочихъ сторонъ: вправо — два Кабардинскихъ батальона съ двумя горными орудіями и горскою милиціею, подъ командою полков-

лиціи дѣйствовать на правомъ флангѣ штурмовой колоны полковника Лабынцова.

Въ продолженіе ночи непріятель не далъ войскамъ нашимъ спокойно отдохнуть и приготовиться къ предстоящему отважному предпріятію. Нѣсколько разъ Андійцы спускались съ горъ и бросались въ шашки на цѣпь оставленнаго противъ нихъ 1-го батальона Кабардинскаго полка; однакожъ были каждый разъ отражаемы. Съ другой стороны, показались шайки въ тылу отряда на самой дорогѣ изъ Дануха и перестрѣлка завязалась въ аріергардѣ, прикрывавшемъ вагенбургъ.

Передъ разсвѣтомъ начались передвиженія войскъ, согласно съ данною диспозиціею. Когда всѣ части заняли назначенныя имъ мѣста, артиллерія открыла сильный огонь. По данному сигналу, колонны двинулись на штурмъ съ тою твердостію и рѣшимостію, которыя съ самаго начала боя уже обѣщаютъ успѣхъ. Въ правой колоннѣ полковника Лабынцова два батальона (2-й Кабардинскій и 2-й Куринскій) бѣглымъ шагомъ бросились къ балкѣ, спустились въ нее и начали взбираться по крутости къ самому селенію, подъ убійственнымъ огнемъ изъ всѣхъ саклей. Въ то же время 1-й Куринскій батальонъ съ трудомъ пробрался низомъ, по лѣвой сторонѣ ручья, и бросился на передовые завалы, съ которыхъ непріятель поражалъ штурмовыя колонны съ фланга. Эти завалы были заняты самыми отчаянными мюридами, которые рѣшились здѣсь положить свои головы. Стремительное движеніе нашихъ колоннъ показало горцамъ, что ихъ не удержитъ самый жаркій огонь; тогда мюриды сами бросились на-встрѣчу колоннъ съ шашками и кинжалами въ рукахъ и гибли подъ русскими штыками. Нѣкоторые оставались въ передовыхъ сакляхъ до послѣдняго издыханія: отказавшись отъ всякихъ надеждъ на спасеніе, они хотѣли продать жизнь свою дорого. Не смотря на отчаянную оборону, колонна полковника Лабынцова ворвалась въ аулъ и заняла передніе ряды саклей, между тѣмъ какъ съ другой стороны вторглась и колонна полковника Пулло. Все это совершилось почти мгновенно... Но этимъ не было кончено дѣло: тутъ только начинался упорный бой вну-

три селенія, въ улицахъ и домахъ. Самые отважные мюриды, оставшись въ аулѣ, рѣшились защищаться до послѣдней крайности. Расположеніе лезгинскихъ ауловъ чрезвычайно благопріятствуетъ упорной оборонѣ: каменныя сакли, въ нѣсколько этажей, съ плоскими крышами; узкія извилистыя улицы иногда проходятъ въ ворота башенъ, подъ навѣсами и галлереями. Каждая сакля можетъ служить блокгаузомъ; каждый кварталъ—цитаделью.

Уже въ 9-ть часовъ утра войска наши занимали большую часть селенія и даже плоскія крыши тѣхъ самыхъ домовъ, гдѣ защищались мюриды: но цѣлый день, до наступленія темноты, продолжалось еще кровопролитіе. Чтобъ заставить горцевъ выдти изъ саклей—не было другаго средства, какъ пробивать отверстія въ крышахъ, бросать туда горючія вещества и зажигать деревянныя перекладины. Не смотря на то, мюриды оставались по нѣсколько часовъ въ каждомъ домѣ; иногда удавалось имъ пробивать себѣ выходы и скрываться потаенными сообщеніями изъ одной сакли въ другую; но много тамъ было найдено совсѣмъ обгорѣлыми. При всей невыгодѣ своего положенія, горцы успѣвали, однакожъ, наносить еще много вреда нашимъ войскамъ: фанатики довольны были и тѣмъ, что хоть сколько-нибудь истребляли «невѣрныхъ». Съ шашками и кинжалами отбивались они по одиночкѣ до тѣхъ поръ, пока издыхали на штыкахъ; нѣкоторые же бросались на десятки солдатъ безъ всякаго оружія. Только 15 человѣкъ, задыхавшихся внутри одной сакли отъ дыма бросаемыхъ туда ручныхъ гранатъ, согласились сдаться. Многіе солдаты погибли отъ собственной неосторожности, бросаясь во внутренность саклей; но гораздо значительнѣе было число жертвъ на сторонѣ непріятеля: улицы были завалены трупами.

Къ концу дня оставалась еще въ рукахъ мюридовъ значительная часть селенія; въ особенности стоила трудовъ башня, возвышавшаяся въ нѣсколько ярусовъ на восточной оконечности аула; тутъ всѣ усилія нашихъ егерей были напрасны. Къ вечеру принуждены были съ необыкновеннымъ трудомъ втащить въ аулъ два горныхъ и два казачьихъ орудія и поставить на крышахъ ближайшихъ домовъ, чтобы пробить брешь.

Не смотря и на то, горцы не сдавались; на ночь должно было принять самыя строгія мѣры къ совершенному обложенію всего аула и въ особенности тѣхъ саклей, въ которыхъ еще находился непріятель. Горцы только и ждали ночи. Съ наступленіемъ темноты, когда въ лагерѣ все утихло, они вышли потаенными выходами и бѣжали изъ селенія по разнымъ направленіямъ; нѣкоторые изъ нихъ были встрѣчены выстрѣлами нашей цѣпи и легли на мѣстѣ; иные вступили въ бой холоднымъ оружіемъ, но были заколоты; другіе въ темнотѣ неосторожно обрывались съ утесовъ; только немногіе успѣли невредимо пробраться между русскими войсками, обязанные чудеснымъ спасеніемъ своимъ, отчасти мѣстности, имъ однимъ хорошо извѣстной, отчасти же совершенной темнотѣ и дождливой погодѣ.

Такимъ образомъ, бой подъ Аргуани продолжался почти безпрерывно съ 4-хъ часовъ вечера 30-го мая, до разсвѣта 1-го іюня, т. е. 36-ть часовъ! Соображая всѣ затрудненія, которыя войска должны были преодолѣвать въ теченіе полутора сутокъ, нельзя не удивляться, что потеря съ нашей стороны не превышала 146 убитыхъ (въ томъ числѣ 6 офицеровъ) и 500 раненыхъ (въ томъ числѣ 30 офицеровъ *). Непріятелю, напротивъ того, нанесено сильное пораженіе; на мѣстѣ осталось въ нашихъ рукахъ до 500 труповъ, изъ коихъ болѣе 300 въ одной балкѣ, гдѣ кавалерія атаковала бѣжавшихъ горцевъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ впослѣдствіи, убито и ранено между горцами до 2,000 человѣкъ, такъ что изъ иныхъ селеній ни одинъ человѣкъ не вернулся домой. Болѣе всего потерпѣли Калаляльцы и Богуляльцы, которые защищались упорнѣе другихъ. Напротивъ того, Андійцы мало потерпѣли, оставаясь въ продолженіе всего дѣла бездѣйственными наблюдателями съ высоты горъ; они скрылись вовсе изъ виду, лишь только замѣтили, что успѣхъ начинаетъ клониться на сторону атакующаго.

---

*) Вообще съ 22-го мая по 6-е іюня въ Кабардинскомъ полку убито 2 офицера, 4 унтеръ-офицера, 27 рядовыхъ, ранено 3 офицера, 10 унтеръ-офицеровъ, 122 рядовыхъ, 4 музыканта и 2 нестроевыхъ.

Блистательное дѣло при Аргуани открыло русскому отряду свободный путь во всѣ стороны. Скопище Шамиля было разсѣяно и только незначительная часть успѣла чрезъ нѣсколько дней собраться на правой сторонѣ Андійскаго Койсу. Шамиль заперся съ ревностнѣйшими своими приверженцами въ Ахульго.

Генералъ Граббе, въ донесеніи о взятіи Аргуани, приписывая главнѣйшій успѣхъ дѣла необыкновенному мужеству Кабардинскихъ и Куринскихъ батальоновъ, говорилъ, между прочимъ, что «храбрѣйшій изъ храбрѣйшихъ полковникъ Лабынцовъ, для котораго нѣтъ ничего невозможнаго». Впереди на штурмъ шли Кабардинцы: поручики Дятьковъ, Чаплыгинъ, прапорщики Забѣлло, Долинъ и Соинъ. «Кабардинскій и Куринскій полки, доносилъ генералъ Граббе, явили здѣсь, какъ и всегда, примѣры истинной геройской стойкости и самоотверженія; это отличнѣйшіе полки, заслуживающіе особыхъ поощреній».

За Аргуани Лабынцовъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, подпоручикъ Щербаковъ, прапорщикъ баронъ Франкъ, Ставицкій и Казначеевъ въ слѣдующіе чины, всѣмъ людямъ пожаловано по 2 р., мясная и винная порціи; отличившимся 60 георгіевскихъ крестовъ.

Въ тоже время самъ корпусный командиръ Головинъ дѣйствовалъ успѣшно на Самурѣ, усмирилъ тамошнее населеніе, построилъ укрѣпленіе Ахты и вообще достигъ положительныхъ результатовъ, много содѣйствовавшихъ къ обезпеченію Закавказья. Въ одномъ изъ своихъ приказовъ по отряду, въ с. Хазры, генералъ Головинъ указалъ въ примѣръ своимъ войскамъ на егерей Куринскаго и Кабардинскаго полковъ, «которыми генералъ Граббе не можетъ нахвалиться». При чтеніи приказа предъ ротами, офицеры говорили: «какъ лестно заслужить подобный отзывъ». На это люди Тифлисскаго егерскаго полка отвѣчали: «ничего, дойдетъ до дѣла, объ насъ еще лучше напишутъ». Головинъ въ письмѣ къ военному министру говорилъ, что вообще кавказскія войска идутъ въ бой какъ на пиръ и что онъ за особое счастіе считаетъ ими командо-

вать.—Раненые офицеры въ отрядѣ генерала Граббе не хотѣли отправляться въ госпитали, чтобы не отстать отъ своихъ частей.

Взятіе Аргуани—одно изъ славныхъ дѣлъ, безспорно. При совершенномъ безсиліи горной и даже легкой артиллеріи противъ каменныхъ башенъ и саклей, при мало-дѣйствительномъ тогда ружейномъ огнѣ изъ старыхъ гладкоствольныхъ кремневыхъ ружей, бывшихъ въ рукахъ плохихъ стрѣлковъ, и къ тому же противъ непріятеля почти совсѣмъ закрытаго, только единое беззавѣтное мужество нашихъ солдатъ, увлекаемыхъ героями офицерами, грудью брало стѣны и побѣждало воинственныхъ, ловкихъ, лучше вооруженныхъ горцевъ. Но при всемъ томъ нельзя не сказать, что въ реляціи объ этомъ дѣлѣ неизбѣгнуты тѣ излишнія преувеличенія о результатахъ, которыя весьма вредно вліяли, порождая самоувѣренность, несбыточныя надежды и усыпленіе. «Боя этого никогда не забудутъ въ горахъ; результаты рѣшительны, скопища разсѣялись по всѣмъ направленіямъ; партіи Шамиля нанесенъ *конечный* ударъ; *подобный бой уже не возобновится; довѣріе* горцевъ *къ Шамилю исчезло безвозвратно*; страхъ будетъ препятствовать общему соединенію племенъ Дагестана», и тому подобными словами полны донесенія ген. Граббе. Ниже, при описаніи дальнѣйшихъ событій, читатель увидитъ, сколько преувеличенія было во всемъ этомъ.

По взятіи Аргуани, отрядъ остался еще четыре дня у этого селенія, въ ожиданіи возвращенія батальоновъ, отправленныхъ въ укрѣпленіе Удачное для конвоированія больныхъ и раненыхъ. Въ продолженіе того же времени войска были заняты разрушеніемъ аула, расчисткою черезъ него дороги и погребеніемъ тѣлъ, распространявшихъ уже смрадъ въ воздухѣ. Разрушеніе аула, состоявшаго изъ 500 толстостѣнныхъ каменныхъ домовъ, требовало много труда и времени,—такъ, что и въ три дня едва успѣли сжечь деревянныя части саклей, разрушить стѣны весьма немногихъ, и между развалинами проложить узкую дорогу для прохода отряда.

Выступивъ 4-го числа утромъ изъ Аргуани, отрядъ расположился на ночлегъ, не доходя 6-ти верстъ до Чирката, на краю крутаго уступа горъ. Подошвы его омывало Андійское

Койсу; влѣво виднѣлся Чиркатъ среди зелени винограниковъ; но отрядъ не могъ слѣдовать къ нему, не разработавъ спуска. На это нужно было болѣе двухъ сутокъ времени, такъ что артиллерія и тяжести не прежде могли двинуться къ Чиркату, какъ 7-го іюня.

Между тѣмъ, уже 5 числа, летучій отрядъ изъ двухъ батальоновъ Кабардинскаго полка, двухъ горныхъ орудій и конныхъ казаковъ, подъ командою генерала Лабынцова, спустившись съ большимъ трудомъ, двинулся къ Чиркату и, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ въ садахъ, занялъ селеніе. Оно найдено уже совершенно пустымъ; мостъ черезъ Андійское Койсу только что зажженъ горцами. Возстановленіе переправы было чрезвычайно важно; ибо на другой сторонѣ Андійскаго Койсу, на возвышенной Бетлетской плоскости, уже ожидалъ насъ транспортъ продовольственныхъ и военныхъ запасовъ, шедшій изъ Темиръ-Ханъ-Шуры черезъ Зыряны. Транспортъ этотъ былъ крайне нуженъ для отряда; съ удаленіемъ отъ Аргуани, нельзя уже было разсчитывать на прежнія сообщенія съ укрѣпленіемъ Удачнымъ и крѣпостью Внезапною; непріятельскія шайки бродили по этой дорогѣ и перехватили уже двухъ курьеровъ *). Поэтому необходимо было, какъ можно скорѣе, открыть новое сообщеніе черезъ Зыряны съ Темиръ-Ханъ-Шурою.

7-го числа, когда весь отрядъ соединился у Чирката и расположился въ садахъ кругомъ селенія, приняты были всѣ мѣры къ ускоренію постройки моста на Койсу; нѣсколько дней работы были безуспѣшны, по недостатку нужныхъ для этого матеріаловъ; а между тѣмъ отрядъ уже начиналъ терпѣть недостатокъ въ продовольствіи.

Рѣшено было отрядить колонну изъ двухъ батальоновъ съ двумя горными орудіями и всею кавалеріею вверхъ по лѣвому берегу Койсу, съ тѣмъ чтобы захватить переправу у такъ называемаго Сагритлохскаго моста, верстахъ въ 7 отъ Чирката, перейти тамъ на правую сторону Койсу и двинуться

---

*) Двѣ почты, перехваченныя горцами, найдены впослѣдствіи въ Ахульго, въ саклѣ Щамиля.

по той сторонѣ рѣки къ Ашильтѣ. Назначеніе этого отряда состояло въ томъ, чтобы войти въ непосредственное сообщеніе съ Ахметъ-ханомъ Мехтулинскимъ и шамхаломъ Тарковскимъ, стоявшими съ своими милиціями на высотахъ, ускорить движеніе транспорта, облегчить устройство моста въ Чиркатѣ занятіемъ противоположнаго берега, наконецъ разработать дорогу отъ этого моста къ Ашильтѣ.

8 іюня, утромъ, эта колонна двинулась, перешла Сагритлохскій мостъ, а на другой день заняла Ашильту и окрестные сады.

Такимъ образомъ, съ 9 числа русскія войска владѣли уже обоими берегами Андійскаго Койсу. На другой день (10 іюня) доставлено было къ мосту на вьюкахъ нѣсколько десятковъ кулей съ сухарями; но какъ мостъ не былъ еще готовъ, то ихъ перетаскивали на канатахъ.

10 числа произведена была рекогносцировка Ахульго по лѣвому берегу рѣки Койсу. Здѣсь получено было первое понятіе объ этомъ неприступномъ убѣжищѣ Шамиля. Въ тотъ же день и непріятель, сдѣлавъ вылазку изъ Ахульго, атаковалъ милицію и уже начиналъ вытѣснять ее изъ Ашильтинскихъ садовъ, но подоспѣвшія роты Куринцевъ снова заняли сады. Къ вечеру 11 числа наконецъ и мостъ былъ готовъ. Онъ построенъ былъ сходно съ тѣми, которые сами горцы обыкновенно строятъ въ Дагестанѣ черезъ свои быстрыя и довольно широкія рѣки; ширина Андійскаго Койсу въ Чиркатѣ болѣе 12 саженъ; по необыкновенной быстротѣ теченія необходимо было, чтобы мостъ исключительно упирался на оба берега, безъ всякаго промежуточнаго устоя. За недостаткомъ всякихъ матеріаловъ, употреблены были только брусья изъ разобранныхъ саклей и камни; изъ послѣднихъ устроены были съ обоихъ береговъ рѣки выступы, на которые положены были наклонно брусья въ нѣсколько рядовъ; такъ что каждый верхній рядъ выдавался нѣсколько далѣе нижняго. Концы послѣднихъ рядовъ брусьевъ съ обѣихъ сторонъ рѣки связаны также брусьями, на которые наложена настилка; такимъ способомъ образовалось нѣчто въ родѣ арки. По недостатку желѣза и даже канатовъ, употреблены для связки

брусьевъ виноградныя лозы. Очевидно, что такой мостъ не могъ быть проченъ, орудія нельзя было перевозить на лошадяхъ; ихъ перетаскивали канатами.

Не смотря на то, 12 числа отрядъ перешелъ на правую сторону Койсу; съ трудомъ поднявшись на нагорный берегъ, войска расположились въ садахъ за разоренным уже селеніемъ Ашильтай. У моста оставленъ былъ для охраненія его одинъ батальонъ съ двумя орудіями. Кромѣ того, на лѣвой сторонѣ оставлены были до времени тяжести и паркъ, подъ прикрытіемъ двухъ батальоновъ съ 3 орудіями. Впослѣдствіи тяжести были также переправлены на правую сторону Койсу; а батальоны съ артиллеріею расположились на высотахъ противъ Ахульго, для обстрѣливанія его съ лѣвой стороны рѣки.

Такимъ образомъ съ 12 іюня началась блокада и осада Ахульго. Въ три недѣли, со времени выступленія изъ Внезапной, отрядъ генерала Граббе прошелъ болѣе 80 верстъ по самой трудной мѣстности, разработалъ вновь дорогу на протяженіи болѣе 30 верстъ; нанесъ два рѣшительныхъ пораженія скопищу Шамиля, истребилъ 5 мятежныхъ Салатавскихъ и Гумбетовскихъ ауловъ *), и наконецъ подступилъ къ послѣднему убѣжищу Шамиля. Разрушеніе этого гнѣзда всѣхъ волненій и мятежей въ Дагестанѣ предназначено было главнымъ предметомъ дѣйствій отряда.

---

*) Буртунай, Артлугъ, Данухъ, Аргуани и Чиркатъ.

IX.

Описаніе Ахульго.—Расположеніе войскъ и осадныя работы.—Появленіе непріятеля въ тылу отряда.—Его пораженіе.—Движеніе къ Сагрытло и разсѣяніе горцевъ.—Продолженіе осадныхъ работъ.—Отбитый штурмъ Сурхаевой башни.

Старое и Новое Ахульго занимали два огромныхъ утеса, раздѣленныхъ между собою глубокимъ ущельемъ рѣчки Ашильта; оба вмѣстѣ они составляли полуостровъ, огибаемый съ трехъ сторонъ рѣкою Койсу. Верхнія площадки этихъ утесовъ, огражденныя кругомъ отвѣсными и каменистыми обрывами, съуживаясь къ югу, примыкаютъ къ окружающимъ горамъ только двумя узкими перешейками; отъ Стараго Ахульго тянется хребетъ вдоль берега Койсу; надъ Новымъ—высится почти отвѣсно-остроконечная вершина, занятая Сурхаевой башней. Обрывы обоихъ утесовъ къ рѣчкѣ Ашильтѣ и къ самому Койсу изрыты множествомъ пещеръ. Въ одномъ мѣстѣ оба утеса до того сближаются между собою, что для сообщенія между ними переброшено нѣсколько бревенъ, надъ пропастью глубиною саженъ 20 или болѣе; но спуски къ этому мостику съ обоихъ Ахульго чрезвычайно затрудниteленъ, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ перерываются деревянными подмостками. Рѣка Койсу, протекая между утесистыми берегами, также съуживается въ одномъ мѣстѣ (противъ Стараго Ахульго), такъ что горцы и чрезъ нее перебросили нѣсколько бревенъ вмѣсто моста. Вообще вся мѣстность вокругъ обоихъ Ахульго чрезвычайно сурова и дика; горы каменистыя, безплодныя, какъ будто всѣ въ трещинахъ. Горные потоки во многихъ мѣстахъ низвергаются въ пропасти съ отвѣсныхъ уступовъ. Об-

ширные, великолѣпные сады ашильтинскіе разведены на искусственно устроенныхъ террасахъ, покрытыхъ наносною землею и огороженныхъ каменными стѣнками. По всѣмъ террасамъ проведены канавы и водопроводы для орошенія сухой, каменистой почвы.

Не довольствуясь естественною неприступностью такого мѣстоположенія, Шамиль укрѣпилъ свое убѣжище еще искусственными средствами, весьма хорошо обдуманными. Оба мыса или узкихъ гребня, которыми Старое и Новое Ахульго примыкали къ окружающимъ горамъ—были глубоко перекопаны, надъ эскарпомъ находились каменныя постройки съ бойницами; въ Старомъ Ахульго, у котораго мысъ весьма узокъ, была только одна небольшая сакля, скрытая частью подъ поверхностью утеса; въ Новомъ же Ахульго за передовою башнею—было устроено нѣчто въ родѣ бастіоннаго фронта, въ маломъ размѣрѣ: двѣ каменныя постройки по сторонамъ, соединенныя траншеею, обстрѣливали перекрестнымъ огнемъ единственную точку, гдѣ можно было эскаладировать, еслибъ передняя башня была сбита.

По обоимъ Ахульго отъ передовыхъ построекъ проведены были углубленныя канавы, частію крытыя сверху; онѣ служили продольными ходами къ заднимъ частямъ обоихъ утесовъ, гдѣ помѣщались самыя жилья. На Новомъ Ахульго устроено было цѣлое селеніе *); дома были совершенно скрыты за покатостями и большею частію вкопаны въ землю. По сторонамъ продольныхъ ходовъ устроены были боковые ложементы; также по краямъ и скатамъ обоихъ утесовъ было множество заваловъ и подземныхъ саклей, изъ которыхъ сотни выстрѣловъ могли быть направлены на каждую точку, гдѣ бы наши войска ни показались. Наконецъ, впереди Новаго Ахульго,

*) Для снабженія селенія водою выкопанъ былъ среди его бассейнъ, въ который вода проведена была изъ рѣчки Ашильты, посредствомъ деревяннаго жолоба, переброшеннаго черезъ перекопъ передъ мысомъ Новаго Ахульго; жолобъ этотъ былъ снятъ горцами въ первый же день блокады и скоро вода въ бассейнѣ совсѣмъ исчезла. Осажденные снабжались тогда водою изъ Койсу или рѣчки Ашильты съ большимъ трудомъ, спускаясь къ нимъ по ночамъ.

какъ уже выше сказано, возвышалась остроконечная крутая гора, вершина которой была сильно укрѣплена каменною постройкою, названной Сурхаевой башней; постройка эта состояла изъ нѣсколькихъ отдѣленій различной высоты, но большею частію была скрыта за огромными каменьями и скалами.

Такимъ образомъ горцы умѣли воспользоваться всѣми естественными преградами: каменьями, террасами, скалами. Опытъ 1837 года *) послужилъ имъ урокомъ; вмѣсто прежнихъ высокихъ башенъ, Шамиль устроилъ углубленныя траншеи, и только въ немногихъ мѣстахъ употреблялъ такія постройки, которыя весьма трудно было сбить артиллеріею. Непріятель въ своихъ подземныхъ сакляхъ, траншеяхъ, завалахъ, пещерахъ и за утесами былъ совершенно скрытъ отъ нашихъ глазъ и выстрѣловъ; окружающая мѣстность почти нигдѣ не позволяла выгодно расположить значительныя батареи. Напротивъ того, наши войска на всѣхъ пунктахъ подвергались сосредоточеннымъ выстрѣламъ; изъ множества непріятельскихъ ложементовъ, открытыхъ и скрытыхъ, на всѣ подступы къ обоимъ Ахульго были направлены сотни перекрестныхъ выстрѣловъ. Принявъ при этомъ въ соображеніе мѣткость стрѣльбы непріятеля, упорство и фанатизмъ, съ которыми горцы должны были обороняться въ послѣднемъ убѣжищѣ Шамиля, можно только дивиться подвигамъ, предстоявшимъ войскамъ нашимъ, и твердой волѣ начальника, который рѣшился во что бы то ни стало истребить это гнѣздо мюридизма.

Шамиль заперся въ Ахульго со всѣми своими приверженцами, съ заложниками отъ покорныхъ ему племенъ, съ награбленною имъ добычею. Болѣе 4,000 душъ обоего пола заключено было на голомъ раскаленномъ утесѣ; вооруженныхъ было свыше 1,000; изъ нихъ человѣкъ сто самыхъ отчаянныхъ мюридовъ, предводимые Али-Бекомъ, заперлись въ Сурхаевой башнѣ. Послѣ пораженія въ Аргуани, ближайшія племена лезгинскія уже сильно поколебались въ своей приверженности къ Шамилю; но полагаясь еще на совершенную, по мнѣнію горцевъ, неприступность Ахульго, глава мюридовъ надѣялся

---

*) Осада отрядомъ генерала Феэи Тилитяя.

снова усилиться. Нѣсколько довѣренныхъ лицъ уже послано было въ разныя общества Дагестана для собиранія новыхъ скопищъ; Сурхай въ Игали, Галбацъ въ Анди. Присутствіе ихъ поколебало легковѣрныхъ горцевъ, имѣвшихъ уже намѣреніе покориться намъ.

Еслибъ русскія войска не могли взять Ахульго и принуждены были отъ него отступить, то подобная неудача имѣла бы самое вредное для насъ вліяніе въ цѣломъ краѣ. Горцы, не смотря на всѣ пораженія, уже нанесенныя имъ, окончательно убѣдились бы въ безсиліи нашемъ противъ Шамиля и тогда владычество его въ горахъ не только не было бы ослаблено, а напротивъ того, утвердилось бы прочнѣе, чѣмъ когда нибудь. Впрочемъ, и взятіе Ахульго не предупредило этого упроченія и распространенія власти имама...

Подступивъ къ Ахульго, генералъ Граббе предполагалъ сначала блокировать его съ обѣихъ сторонъ рѣки Койсу, и для того оставлены были на лѣвомъ берегу три батальона съ пятью орудіями (изъ коихъ часть занимала самую переправу), такъ что на правой сторонѣ было всего 5 батальоновъ; изъ нихъ по крайней мѣрѣ одинъ нуженъ былъ для наблюденія за высотами со стороны Игали; затѣмъ только четыре батальона съ пятью горными орудіями должны были занимать растянутую линію вокругъ всего Ахульго.

Первоначально не было подробныхъ и точныхъ свѣдѣній ни о мѣстности, ни о непріятелѣ. 13 числа произведена была рекогносцировка, которая показала, что доступъ къ Старому Ахульго не менѣе труденъ, чѣмъ къ Новому; не было физической возможности перейти черезъ перекопъ сажень въ 10 глубиною. О штурмѣ открытою силой нельзя было и помышлять; а для полной блокады съ обѣихъ сторонъ рѣки, силы отряда оказались совершенно недостаточными.

Мѣстность была столь пересѣчена, что войска не могли имѣть безпрепятственнаго между собою сообщенія, а потому не могли и взаимно другъ друга подкрѣплять въ случаѣ вылазки. Положеніе двухъ батальоновъ, оставленныхъ на лѣвой сторонѣ рѣки, казалось даже опаснымъ по отдаленности переправы.

И такъ рѣшено было перевести на правую сторону рѣки оба батальона Кабардинскаго полка, съ бывшими при нихъ полевыми орудіями, которыя въ особенности нужны были для дѣйствія противъ непріятельскихъ укрѣпленій. Въ продолженіе 14 числа всѣ тяжести были перевезены къ Ашильтѣ. У переправы черезъ Койсу оставлены только двѣ роты Апшеронскаго полка; имъ приказано было расположиться на правомъ берегу рѣки, прикрывъ себя завалами и снявъ съ моста настилку.

Въ это время, съ прибытіемъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры транспорта, подъ прикрытіемъ батальона Апшеронскаго полка, въ отрядѣ было уже 9 батальоновъ пѣхоты, съ ротою саперъ и 14 орудіями, силою всего до 6,000 человѣкъ, не считая милиціи.

На высотахъ къ сторонѣ Игали стояли оба батальона Кабардинскаго полка съ 2 горными орудіями. Генералу Лабынцову было сказано, что его колонна имѣетъ главнымъ назначеніемъ быть постоянно въ готовности явиться на тотъ пунктъ, гдѣ будетъ угрожать опасность сильнаго непріятеля. Во всѣ эти дни происходили болѣе или менѣе жаркія перестрѣлки, въ которыхъ съ 6 по 11 іюня въ нашемъ полку потеря ограничилась 1 убитымъ, 1 раненымъ рядовыми, да раненъ прапорщикъ Раевскій.

Съ 13-го числа начаты осадныя работы, устроено 5 батарей изъ туровъ, наполненныхъ камнями, за недостаткомъ земли. Весьма значительны были работы путей сообщенія: въ иныхъ мѣстахъ для провоза орудій необходимо было высѣкать дороги въ камнѣ и скалахъ. Особенно на лѣвомъ флангѣ много труда стоило сообщеніе съ двумя батареями № 1-й и 2-й, расположенными на гребнѣ, къ Старому Ахульго; путь этотъ необходимо было прикрыть турами, въ иныхъ частяхъ—со стороны Стараго Ахульго, въ другихъ — со стороны Новаго. Работы эти окончены были къ 18-му числу и въ тоже время на лѣвомъ флангѣ начата сапа отъ батареи № 2-й вдоль по гребню къ Старому Ахульго. Съ перваго-же дня блокады даны войскамъ подробныя наставленія; предписано было по всей линіи выставить цѣпь постовъ, а на ночь располагать секреты; по-

степенно подвигая посты впередъ и по мѣрѣ возможности прикрывая ихъ, смотря по мѣстоположенію, отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, предполагалось мало по малу стѣснять кругъ блокады. Между тѣмъ артиллеріи приказано съ устроенныхъ батарей постоянно днемъ и ночью безпокоить непріятеля, стрѣляя по укрѣпленіямъ, и даже по людямъ, еслибъ они показывались кучками. Отъ войскъ наряжаемы были каждую ночь рабочіе для осадныхъ работъ, подъ руководствомъ саперъ. Наконецъ изъ милицій приказано было ежедневно посылать въ наши секреты на передовые посты отборныхъ стрѣлковъ.

Мѣстность около Ахульго такъ разнообразна и пересѣчена, что войска долго не могли ознакомиться съ нею; а потому дѣйствовали, такъ сказать, ощупью. Каждая попытка къ постепенному стѣсненію блокады сопряжена была съ большею или меньшею потерею. Въ началѣ войска даже не умѣли пользоваться мѣстными преградами для прикрытія себя отъ выстрѣловъ; непріятель, сидя скрыто въ своихъ завалахъ, по цѣлымъ днямъ подстерегалъ неосторожныхъ, выказывавшихся изъ-за туровъ. Въ особенности вредила блокирующимъ войскамъ Сурхаева башня, которая командовала всею окружающею мѣстностію. По ночамъ обыкновенно перестрѣлка усиливалась, особенно когда горцы слышали въ близкомъ разстояніи стукъ рабочихъ, или когда сами спускались за водою къ рѣчкамъ Ашильтѣ и Бетлѣ. Защитники Сурхаевой башни вынуждены были каждую почти ночь ходить за водою, подъ самые выстрѣлы нашихъ постовъ.

Силы и средства отряда были недостаточны для совершеннаго обложенія Ахульго; не было никакой возможности оставить часть войскъ на лѣвой сторонѣ Койсу *), а лишь только батальоны Кабардинскаго полка перешли на правую сторону

---

*) Это только ошибочно такъ казалось; а впослѣдствіи лѣвый берегъ былъ занятъ и это дало сейчасъ всему дѣлу другой оборотъ. Хотя къ тому времени пришли въ отрядъ три батальона Ширванскаго полка, но они въ сущности едва-ли увеличили численность отряда, ибо потери со дня осады до занятія лѣваго берега уже почти равнялись самому подкрѣпленію.

рѣки, Шамиль устроилъ переправу и открылъ сообщеніе со всѣми обществами, отъ которыхъ могъ получать помощь и запасы,—чѣмъ главнымъ образомъ и держался такъ долго.

Чиркатъ былъ уже снова занятъ непріятельскими шайками, которыя каждую ночь заводили перестрѣлку съ войсками, охранявшими нашъ мостъ на Койсу. Для предпринятія систематическихъ осадныхъ работъ, отъ которыхъ можно было бы ожидать скораго результата, не было ни достаточнаго числа орудій надлежащаго калибра, ни довольно саперъ, ни нужныхъ матеріаловъ, ни инструментовъ. Хотя батареями нашими и были скоро сбиты верхнія части переднихъ башенъ на новомъ Ахульго, за то горцы устраивали новые завалы и скоро исправляли поврежденія, наносимыя легкими и горными орудіями. Такое бомбардированіе не обѣщало скораго результата; а между тѣмъ оно истребляло большое количество снарядовъ, доставка которыхъ была чрезвычайно затруднительна. Всѣ запасы продовольственные и военные подвозились къ отряду на вьюкахъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры по кружной дорогѣ черезъ Зыряны и Цатанихъ. Для конвоированія этихъ транспортовъ постоянно былъ въ откомандировкѣ изъ числа блокирующихъ войскъ цѣлый Апшеронскій батальонъ. По недостатку перевозочныхъ средствъ, запасы подвозились только малыми количествами на нѣсколько дней.

Къ счастію, Самурскій отрядъ въ то время уже окончилъ съ полнымъ успѣхомъ предположенныя дѣйствія противъ Ахты и Рутула; это дало возможность отправить оттуда въ сѣверный Дагестанъ три батальона съ 4-мя орудіями и частью заготовленныхъ для того отряда запасовъ. Но всѣ эти подкрѣпленія могли прибыть не скоро. Въ ожиданіи ихъ, необходимо было, по возможности, сблизить расположеніе войскъ, облегавшихъ Ахульго. По отдаленности переправы, устроенной у Чирката, положеніе двухъ ротъ у моста было довольно опасно, а потому и послано было имъ 18-го числа приказаніе, чтобы въ ночь они уничтожили мостъ и присоединились къ блокирующему отряду.

Между тѣмъ, пока всѣ эти распоряженія должны были постепенно приводиться въ исполненіе, неожиданное появленіе

непріятеля прервало на время однообразный ходъ блокады. Происки мюридовъ въ разныхъ лезгинскихъ обществахъ, грозныя воззванія и обѣщанія Шамиля—не остались безъ послѣдствій. Не только отдаленныя общества Дагестана, но даже гумбетовцы и андійцы рѣшились снова вооружиться, въ надеждѣ, что одно появленіе ихъ на высотахъ, въ тылу отряда, принудитъ насъ снять блокаду и отступить. И такіе разсчеты явились у горцевъ чрезъ 20 дней послѣ взятія Аргуани и увѣреній генерала Граббе, что довѣріе ихъ къ Шамилю исчезло *безвозвратно*!..

Ахверды-Магома, собравъ многочисленное скопище въ Каратѣ, выступилъ оттуда къ селенію Манны; здѣсь присоединились къ нему андійцы и гумбетовцы. Изъ послѣднихъ часть двинулась по лѣвой сторонѣ Андійскаго Койсу къ Чиркату съ тѣмъ, чтобы уничтожить тамъ мостъ (который и безъ того рѣшено было снять); вся же остальная толпа собралась 17-го и 18-го числа въ Игали, силою свыше 3 тысячъ человѣкъ.

Лишь только получены были, черезъ лазутчиковъ, неясныя свѣдѣнія о сборищахъ, образовавшихся въ верхнихъ обществахъ, предписано было Ахметъ-Хану Мехтулинскому двинуться съ своею милиціею къ Сагритлохскому мосту и наблюдать у этого пункта за Игали, выставивъ постъ въ Ахкентѣ. Ахметъ-ханъ нашелъ невозможнымъ двинуться къ Сагритлохскому мосту по нижней дорогѣ, а пошелъ на Бетлетскую гору къ Ахкенту, гдѣ и расположился для ночлега. Въ то самое время, какъ онъ спокойно здѣсь располагался, подъ глазами его скопище Ахверды-Магома двинулось отъ Сагритлохскаго моста по нижней дорогѣ къ Ашильтѣ, и такимъ образомъ внезапно явилось въ тылу блокирующихъ войскъ съ той именно стороны, съ которой отрядъ ошибочно считали обезпеченнымъ Аварскою и Мехтулинскою милиціею. Ахметъ-Ханъ не могъ даже извѣстить о движеніи горцевъ, прежде чѣмъ самое скопище появилось уже передъ отрядомъ.

Такимъ образомъ, въ ночь съ 18 на 19 іюня, Ахверды-Магома спокойно занялъ высоты надъ Ашильтою и началъ безпрепятственно укрѣпляться, вѣроятно съ тою цѣлью, чтобы

обезпечить свое отступленіе, въ случаѣ еслибъ предположенное нападеніе на русскій отрядъ было отражено.

Въ то самое время командующій отрядомъ, не подозрѣвая присутствія столь близкаго непріятеля, предположилъ на разсвѣтѣ сдѣлать новую усиленную рекогносцировку для осмотра доступа къ Старому Ахульго. Съ этою цѣлью ночью же придвинута была туда часть войскъ лѣваго крыла; только двѣ роты Кабардинскаго полка остались около Ашильты у подошвы горъ. Даже главная квартира осталась почти безъ прикрытія съ удаленіемъ Аварской и Мехтулинской милиціи.

И такъ всѣ обстоятельства способствовали нечаянному нападенію непріятеля; но горцы не съумѣли воспользоваться. Еще до разсвѣта начали они, по своему обыкновенію, приготовляться къ бою громкимъ пѣніемъ стиховъ корана; потомъ завязали перестрѣлку, не спускаясь еще съ высотъ и тѣмъ дали время ближайшимъ войскамъ мало по малу собраться къ угрожаемому пункту. Прежде чѣмъ толпы горцевъ успѣли спуститься съ высотъ, на встрѣчу имъ двинулись влѣво—двѣ роты Апшеронскаго полка съ двумя горными орудіями, и вправо—шесть ротъ Кабардинскаго полка съ однимъ орудіемъ. Занявъ сады, обѣ колонны начали сами взбираться на высоты, штыками опрокинули непріятеля и по слѣдамъ его ворвались въ завалы, сложенные горцами на скоро изъ каменьевъ и бревенъ.

Изумленные такимъ рѣшительнымъ напоромъ, горцы не оборонялись въ своихъ завалахъ и бѣжали, не успѣвъ даже убрать трупы товарищей своихъ, заколотыхъ штыками.

Пока происходило дѣло на высотахъ праваго берега Койсу, другая партія горцевъ съ разсвѣтомъ же явилась на лѣвомъ берегу рѣки противъ нашего моста, въ то самое время, когда роты, охранявшія переправу, получили приказаніе уничтожить мостъ и присоединиться къ отряду. Сильный огонь непріятельскій не помѣшалъ имъ исполнить это приказаніе.

Потеря наша въ этомъ дѣлѣ состояла изъ 7 убитыхъ, 84 раненыхъ и контуженныхъ (въ томъ числѣ 6 офицеровъ).

Скопище Ахверды-Магома отступило къ Сагритлохскому мосту. Генералъ Граббе не хотѣлъ оставить непріятеля въ та-

комъ близкомъ сосѣдствѣ съ блокирующимъ отрядомъ и, потому, оставивъ часть войскъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Галафѣева, самъ въ ночь на 22 іюня выступилъ къ Сагритлохскому мосту.

Эта часть отряда состояла изъ 4-хъ батальоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ два Кабардинскихъ), 4 горныхъ орудій, конныхъ казаковъ и горской милиціи.

Выступивъ на-легкѣ, безъ всякаго обоза, генералъ Граббе уже къ 8-ми часамъ утра дошелъ до спуска къ рѣчкѣ, которая беретъ начало около Ахкента и впадаетъ въ Койсу верстахъ въ 2-хъ ниже Сагритлохскаго моста. Здѣсь отрядъ остановился, пока съ высоты Ахкента спускалась милиція Ахметъ-Хана, получившаго приказаніе присоединиться къ отряду и атаковать непріятеля со стороны горъ.

Скопище непріятельское занимало балку, примыкая лѣвымъ флангомъ почти къ Сагритлохскому мосту, а правымъ прикрывая дорогу въ Игали. Позиція горцевъ была весьма растянута и занята большимъ скопищемъ, до 8 тысячъ человѣкъ. Не зная еще о предпринятомъ движеніи и полагая, что Ахметъ-Ханъ намѣренъ одинъ спуститься къ Сагритлохскому мосту, Ахверды-Магома хотѣлъ было самъ атаковать Аварскую и Мехтулинскую милицію. Чтобы отрѣзать ей отступленіе, непріятель началъ распространяться вправо по лѣсистымъ высотамъ, какъ вдругъ совершенно неожиданно увидѣлъ передъ собою русскую пѣхоту съ артиллеріею. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ горныхъ единороговъ, два батальона Кабардинскаго полка, съ барабаннымъ боемъ, бросились бѣглымъ шагомъ прямо къ балкѣ. Горцы, изумленные внезапнымъ появленіемъ егерей, не выждали нападенія и толпою бросились бѣжать по разнымъ направленіямъ: одна часть къ Сагритлохскому мосту, другая—по дорогѣ къ Игали. Первая, столпившись на переправѣ, сильно потерпѣла отъ выстрѣловъ артиллерійскаго огня; нѣсколько человѣкъ утонули въ рѣкѣ. Успѣхъ этотъ ничего не стоилъ нашимъ войскамъ: вся потеря состояла изъ нѣсколькихъ человѣкъ убитыхъ и раненыхъ въ милиціи Ахметъ-хана. Непріятель, опрокинутый за Андійское Койсу, увидѣлъ, что отрядъ русскій не только имѣетъ доста-

точныя силы для блокады Ахульго, но и въ состоянiи даже дѣйствовать наступательно. Послѣ того горцы не смѣли уже тревожить блокаду; сборищъ никакихъ не было, только наблюдательные посты непрiятельскiе оставались въ окрестностяхъ.

Войска простояли на мѣстѣ боя до слѣдующаго дня. Въ ту самую ночь, Шамиль, какъ можно было ожидать, узнавъ объ удаленiи части отряда отъ Ахульго, сдѣлалъ сильную вылазку. Значительная партiя горцевъ вышла по руслу рѣчки Ашильты къ батареѣ № 6-й, заложенной вновь противъ Стараго Ахульго. Стремительно бросившись на передовой постъ, состоявшiй всего изъ 25 человѣкъ, непрiятель опрокинулъ его, успѣлъ сбросить мантелетъ, прикрывавшiй осадныя работы и разбросать нѣсколько туровъ заложенной батареи. Рота, подоспѣвшая изъ резерва, заставила горцевъ немедленно отступить, оставивъ въ нашихъ рукахъ три тѣла; съ нашей стороны было два раненыхъ *).

Къ вечеру 23-го числа, съ возвращенiемъ войскъ отъ Сагритлохскаго моста, весь блокирующiй отрядъ расположился на прежнихъ мѣстахъ. Работы, разрушенныя во время вылазки 22-го числа, были немедленно возобновлены и продолжаемы по прежнему предположенiю.

Съ 21-го числа приступлено къ веденiю двойной крытой сапы къ Старому Ахульго. Постепенно блокирующiя войска подвигали впередъ линiю передовыхъ постовъ: съ 18-го числа уже выдвинутъ былъ постъ къ самому слiянiю рѣчекъ Ашильты и Бетли, откуда линiя слѣдовала по теченiю этой послѣдней рѣчки до самаго водопада, у подошвы Сурхаевой башни. Съ другой стороны, одна рота, мало-по-малу подвигаясь впередъ, въ одну ночь смѣло перешла на скатъ Сурхаевой башни и стала между нею и Новымъ Ахульго, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ два возвышенныхъ гребня прикрывали ее отъ выстрѣловъ и съ башни, и съ Новаго Ахульго.

Въ центрѣ передовые посты занимали крайнiе сады у по-

---

*) Въ дѣлахъ съ 15 по 23 iюня оба батальона Кабардинскаго полка потеряли: убитыми 3-хъ, ранеными и контуженными до 30 нижн. чиновъ и 2-хъ офицеровъ.

дошвы. Сурхаевой башни, которая такимъ образомъ была уже окружена со всѣхъ сторонъ. Однакожъ горцы, занимавшіе этотъ пунктъ, продолжали спускаться по ночамъ къ рѣчкѣ Бетли, пробираясь къ западному скату утеса; сообщеніе ихъ съ Новымъ Ахульго не было еще совершенно прервано, всякую ночь завязывалась перестрѣлка на рѣчкѣ Бетли, куда горцы спускались за водою. Вообще Сурхаева башня чрезвычайно затрудняла всѣ дѣйствія и самое расположеніе блокирующихъ войскъ. Это былъ такой передовой постъ непріятельской позиціи, которымъ во всякомъ случаѣ необходимо было сначала овладѣть, прежде чѣмъ предпринять что-либо рѣшительное противъ главныхъ укрѣпленій. Но вести противъ Сурхаевой башни осадныя работы не было никакой возможности: начальникъ отряда рѣшился овладѣть ею штурмомъ.

29-го іюня, съ разсвѣтомъ, батареи открыли сильный огонь противъ башни съ трехъ сторонъ; но выстрѣлы имѣли мало дѣйствительности. Въ 9-ть часовъ утра батальоны Куринскаго полка подошли къ самой подошвѣ горы; охотники смѣло бросились вверхъ по крутому склону утеса. Они быстро взобрались, не смотря на градъ каменьевъ и бревна, которыя горцы скатывали на нихъ. Но самая вершина скалы состояла изъ огромнаго, нависшаго камня, въ нѣсколько сажень высотою. Неустрашимые егеря и тутъ не остановились: подсаживая другъ друга, по одиночкѣ, пробовали они взбираться на утесъ; но каждый смѣльчакъ, которому удавалось показаться изъ-за скалы, подъ самыми стѣнами башни, платилъ жизнію. При томъ атакующіе были подъ фланговыми выстрѣлами изъ отдѣльнаго завала, устроеннаго горцами съ лѣвой стороны. Артиллеріи нашей никакъ не удавалось сбить эту часть укрѣпленія.

Въ надеждѣ облегчить егерямъ доступъ къ башнѣ, батареи по временамъ возобновляли огонь залпами; каждый выстрѣлъ срывалъ огромные обломки; каменья и бревна катились на штурмующихъ; но густой столбъ пыли, поднимавшійся надъ башнею, скрывалъ только на время исполинскія фигуры отчаянныхъ мюридовъ. Лишь только наши охотники снова бросались на утесъ, горцы въ ту же минуту опять выскакивали изъ башни, чтобы съ прежнею яростію и воплями забро-

путь распространенію пламени. При этомъ случаѣ отрядъ лишился одного офицера и нѣсколькихъ рядовыхъ.

Между тѣмъ, у подошвы горы, 200 человѣкъ охотниковъ вызванныхъ со всего отряда (въ ихъ числѣ прапорщикъ Данилевскій съ 65 челов. Кабардинцевъ) ожидали сигнала, чтобы въ первое благопріятное мгновеніе ворваться въ Сурхаеву башню. Для поддержанія ихъ готова была рота Куринскаго полка. Въ большемъ количествѣ войскъ не было надобности, какъ показалъ опытъ 29-го числа. Охотникамъ приказано было запастись деревянными щитами, подбитыми войлокомъ, для предохраненія головы и груди отъ каменьевъ, которымъ они подвергались, поднимаясь на скалу.

Въ 2 часа по полудни открыта была стрѣльба по Сурхаевой башнѣ. По новому расположенію батарей, дѣйствіе ихъ могло быть гораздо успѣшнѣе чѣмъ прежде. Перекрестные и мѣткіе выстрѣлы производили ужасное дѣйствіе въ башнѣ; съ каждымъ разомъ отваливались огромныя части; обломки катились съ вершины къ подножію скалы. Густая пыль и развалины представляли башню въ совершенномъ хаосѣ.

Опустошенія, наносимыя артиллеріею, давали всю надежду на успѣхъ; занимавшіе башню горцы вовсе исчезли въ грудѣ развалинъ и въ густой пыли. Но лишь только охотникамъ поданъ былъ сигналъ къ штурму, мюриды снова появились надъ обломками и съ неистовымъ ожесточеніемъ, вскочивъ на вершину, начали опять бросать на штурмующихъ каменья и бревна. Сцены 29-го числа повторялись нѣсколько разъ; но командующій отрядомъ, чтобы избѣгнуть новаго кровопролитія, приказалъ храбрымъ охотникамъ сойти съ вершины скалы, и, прикрывшись сколько можно отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, ожидать наступленія ночи.

Артиллерія продолжала разрушительное свое дѣйствіе.

Большая часть оборонявшихся мюридовъ была истреблена выстрѣлами или погребена подъ развалинами. Немногіе, оставшіеся еще въ живыхъ, не имѣли уже надежды удержаться: пользуясь темнотою, они скрытно ушли изъ башни и покушались пробраться мимо нашихъ секретовъ въ Новое Ахульго. Этого мгновенія и ожидали наши охотники, спрятавшись

за утесомъ: пока завязалась перестрѣлка въ секретахъ, они бросились вверхъ, ворвались въ башню и нашли въ ней только нѣсколько раненыхъ. Взятіе башни стоило намъ въ этотъ разъ 107 человѣкъ, изъ которыхъ убито 12 и 1 офицеръ, ранено и контужено 95 (въ томъ числѣ 4 офицера). Башня была немедленно занята карауломъ, приступившимъ къ разрушенію остатковъ укрѣпленія и къ сожженію непріятельскихъ труповъ *).

Взятіе Сурхаевой башни было важнымъ шагомъ въ ходѣ блокады; съ этого времени уже можно было обратить осадныя работы прямо на Новое Ахульго, какъ главную часть непріятельской позиціи, значительно стѣснить линію блокады, устроить новыя батареи на такомъ близкомъ разстояніи отъ непріятельскихъ укрѣпленій, чтобы могли разбивать ихъ даже горныя орудія.

Большихъ трудовъ стоило проложеніе путей къ новымъ мѣстамъ расположенія войскъ. На извилистой тропинкѣ, пробитой въ скалахъ къ гребню впереди Сурхаевой башни, нужно было въ двухъ мѣстахъ поставить лѣстницы. Для спуска же орудій устроены были блоки у пункта, гдѣ въ полую воду низвергается водопадъ съ высоты сажень 20. Тутъ орудія и люди спускались въ ящикахъ на канатахъ...

Батарея № 10-й, вновь заложенная на скатѣ высотъ лѣваго фланга блокады, для обстрѣливанія западныхъ частей Новаго Ахульго, была покрыта съ верху блиндажами, для предохраненія отъ выстрѣловъ съ господствующихъ высотъ.

Всѣ эти работы были сопряжены съ большими затрудненіями. Непріятель по ночамъ дѣлалъ вылазки, подкрадывался къ осаднымъ работамъ, покушаясь уничтожить ихъ. Чтобы удерживать горцевъ отъ этихъ дерзкихъ попытокъ, батареи цѣлую ночь поддерживали огонь.

Между тѣмъ отрядъ получилъ значительное подкрѣпленіе: 12 іюня прибыли наконецъ изъ южнаго Дагестана три ба-

*) Всего въ дѣлахъ съ 23-го іюня по 5-е іюля Кабардинцы потеряли убитыми 2 офиц., 9 нижн. чиновъ, ранен. и контужен. камнями 8 офиц., 16 унт.-офиц. и 91 рядовыхъ. Охотники наши оказали чудеса храбрости.

тальона Ширванскаго пѣхотнаго полка съ 4 орудіями, подъ начальствомъ командира Ширванскаго полка полковника барона Врангеля *). Съ этого времени въ отрядѣ было уже 13 батальоновъ и 30 орудій **). Прибывшіе батальоны первоначально расположились въ резервѣ позади развалинъ Ашильты; послѣ дальняго похода имъ предполагалось дать три дня отдыха; но съ другого же дня уже ихъ взяли на работы и отдохнуть было некогда. 16-го же числа генералъ Граббе рѣшился произвести штурмъ.

Предпріятіе это, конечно, было отважно; за успѣхъ ручаться было нельзя; но войска, утомленныя однообразною блокадою и тяжелыми работами, жаждали покончить дѣло рѣшительнымъ боемъ. При томъ надобно было думать, что и непріятель, въ продолженіе столь долгаго времени заключенный на своемъ раскаленномъ утесѣ, въ душныхъ подземельяхъ и пещерахъ, изнуренный крайними лишеніями ***) и постоянною опасностью, среди атмосферы, зараженной гніющими трупами,— не могъ быть многочисленъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, не въ состояніи уже былъ защищаться съ большимъ упорствомъ. Лазутчики говорили, что жители Ахульго пришли въ совершенное уныніе и даже Шамиль намѣренъ былъ оставить это печальное убѣжище. (Свѣдѣнія эти оказались ложными, какъ обнаружилось вскорѣ). По другимъ же показаніямъ, онъ надѣялся получить новыя подкрѣпленія изъ верхнихъ обществъ и ожидалъ подвоза запасовъ. Всѣ эти обстоятельства побудили начальника отряда не откладывать долѣе штурма. На 16-е іюля дана была слѣдующая диспозиція:

---

*) Александръ Евстафьевичъ, впослѣдствіи командующій войсками на лѣвомъ флангѣ и въ Прикаспійскомъ краѣ, генералъ-адъютантъ, умершій 30 декабря 1880 г.

**) Не слѣдуетъ забывать, что увеличился счетъ батальоновъ гораздо болѣе, чѣмъ число штыковъ: убыль была очень значительная не только отъ непріятельскихъ пуль, но и отъ болѣзней.

***) Въ Ахульго пшеница получалась изъ сосѣднихъ ауловъ и мололась на ручныхъ жерновахъ. Весьма затруднительно было печь хлѣбъ и варить пищу за неимѣніемъ дровъ, а скотъ нельзя было держать по недостатку корма.

Штурмующія войска раздѣлены на три колонны:

Главная, подъ командою полковника барона Врангеля, изъ трехъ батальоновъ Ширванскаго полка назначена для штурма Новаго Ахульго съ передней его части, для чего приказано ей собраться на нижнемъ гребнѣ; для спуска съ него, также и для перехода черезъ ровъ, запастись лѣстницами. Вторая колонна, подъ командою полковника Попова, изъ батальона Апшеронскаго полка, назначена атаковать Старое Ахульго, чтобы развлечь вниманіе непріятеля.

Наконецъ, третьей колоннѣ, маіора Тарасевича, изъ шести ротъ Апшеронскаго же полка, приказано собраться у пещеры за батареею № 10-й и броситься по руслу рѣчки Ашильты въ ущелье между Старымъ и Новымъ Ахульго, чтобы прервать сообщеніе между двумя частями непріятельскихъ силъ; а въ случаѣ, еслибъ нашлась какая-нибудь тропинка отъ русла рѣчки на вершину утесовъ, то воспользоваться ею и тѣмъ облегчить успѣхъ главной атаки, направленной на переднюю часть Новаго Ахульго.

Всѣ три колонны должны были двинуться отъ сборныхъ пунктовъ въ одно время, по данному условному сигналу. Саперамъ приказано было изготовить туры и фашины, для устройства ложемента по занятіи передней части Новаго Ахульго.

Въ день, назначенный для штурма (16 числа) съ утра артиллерія со всѣхъ батарей открыла сильный огонь по передовымъ непріятельскимъ укрѣпленіямъ. Въ 2 часа пополудни войска начали движеніе къ сборнымъ пунктамъ; но всѣхъ нужныхъ приготовленій не успѣли сдѣлать прежде 5-ти часовъ пополудни, главнѣйше потому, что Ширванскіе батальоны прямо съ работъ должны были идти на штурмъ, проходя значительныя пространства по адской мѣстности. Когда къ 5-ти часамъ пополуди не успѣли еще собраться всѣ роты, полковникъ баронъ Врангель послалъ адъютанта доложить, что опоздали болѣе чѣмъ на три часа противъ назначеннаго времени и потому не отложить ли штурмъ до разсвѣта; но до возвращенія адъютанта послѣдовали условные сигналы, и онъ вынужденъ былъ начать штурмъ. Одна изъ его ротъ подошла къ концу, когда неуспѣхъ былъ непоправимъ; а часть

Апшеронцевъ попала подъ выстрѣлы своихъ же людей, принявъ невѣрное направленіе, по совершенному незнакомству съ мѣстностью. (Подробности эти, не вошедшія въ реляціи, извѣстны мнѣ отъ самого покойнаго барона Врангеля).

Въ 5 часовъ былъ выставленъ для сигнала бѣлый флагъ. Главная колонна смѣло начала спускаться съ нижняго гребня, по лѣстницамъ, подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ. Хотя войска должны были сходить по одиночкѣ, однакожъ они исполнили это такъ стремительно, такъ смѣло, что въ нѣсколько минутъ были уже на днѣ самаго рва и даже взобрались уже на передовыя укрѣпленія. Въ одно мгновеніе непріятель сбитъ штыками, и, съ крикомъ ура! занята вся передовая площадка... Но тутъ встрѣчено препятствіе неожиданное: за площадкою былъ еще второй глубокій перекопъ, обстрѣливаемый перекрестнымъ огнемъ изъ двухъ скрытыхъ блокгаузовъ или капонировъ...

Выстрѣлы изъ множества бойницъ и съ заваловъ сосредоточены были на тѣсную площадку, на которой столпилось болѣе шести-сотъ человѣкъ. Всѣ покушенія нѣкоторыхъ храбрецовъ проникнуть далѣе остались безуспѣшными. Спереди была непреодолимая преграда; сзади узкій путь заваленъ множествомъ раненыхъ; для устроенія ложемента на занятой части непріятельскихъ укрѣпленій саперы не имѣли возможности втащить ни одного тура; при томъ въ это время не оставалось уже въ колоннѣ ни начальника (баронъ Врангель, прострѣленный навылетъ въ грудь, слетѣлъ въ кручу) ни одного офицера; иные были ранены или убиты, другіе сброшены въ кручу.

Войска оставались, такимъ образомъ, до самой ночи на передовой площадкѣ, подъ самымъ жестокимъ огнемъ...

Другія двѣ колонны, предназначенныя собственно для отвлеченія вниманія непріятеля, вовсе и не могли ничего предпринять. Средняя, бросившись съ энтузіазмомъ впередъ, по самому руслу Ашильты, проникла довольно далеко въ ущелье; но встрѣченная убійственнымъ огнемъ съ укрѣпленій Стараго Ахульго, и подъ градомъ каменьевъ, которыми непріятель могъ завалить ее съ противоположнаго края ущелья, колонна эта

пріостановилась и далѣе уже двигаться не могла, видя безуспѣшность дѣйствій главной колонны.

Съ наступленіемъ темноты всѣ штурмующія части возвратились на сборные пункты. Неудача эта стоила весьма дорого: изъ строя выбыло 156 убитыхъ (въ томъ числѣ 7 офицеровъ), 719 раненыхъ и контуженныхъ, изъ нихъ 45 офицеровъ.

У непріятеля урону было гораздо менѣе (что вовсе не удивительно, такъ какъ горцы стрѣляли изъ закрытій въ беззащитную толпу нашихъ людей). По свѣдѣніямъ, доставленнымъ впослѣдствіи лазутчиками, горцы лишились будто бы 150 человѣкъ, да и это едва ли вѣрно.

Напріятель защищался въ Ахульго съ крайнимъ упорствомъ. Въ одно мгновеніе, когда русскія войска ворвались въ передовую часть укрѣпленій, мюриды, потерявъ голову, уже готовы были бѣжать; но тогда женщины съ малолѣтними дѣтьми бросились впередъ и остановили бѣжавшихъ. Многія изъ этихъ героинь, переодѣтыя въ мужскія платья, сами упорно дрались въ передовыхъ укрѣпленіяхъ.

Попытка овладѣть непріятельскимъ убѣжищемъ посредствомъ открытаго штурма показала всю трудность подобнаго предпріятія. Необходимо было изыскать другія мѣры, которыми можно было бы предварительно подготовить и облегчить успѣхъ новаго штурма. Самое важное въ этомъ случаѣ было то, что начальство отряда не имѣло достаточно вѣрныхъ свѣдѣній объ укрѣпленіяхъ, устроенныхъ непріятелемъ, и 16-го числа совершенно неожиданно штурмующіе наткнулись на неодолимое препятствіе, въ видѣ глубокаго втораго рва, бывшаго причиною неудачи и громадной потери.

Какъ ни тягостно было положеніе непріятеля въ Ахульго, однакожъ Шамиль могъ постоянно возобновлять свои силы и средства, пока имѣлъ сообщеніе съ лѣвымъ берегомъ рѣки Койсу. Больныхъ и раненыхъ, обращавшихся ему въ тягость, онъ высылалъ изъ Ахульго, а въ замѣнъ ихъ новыя партіи приходили къ нему на помощь. На другой же день послѣ штурма 16-го числа прибыло къ нему до ста человѣкъ чиркеевцевъ и столько же изъ разныхъ другихъ селеній. По показаніямъ лазутчиковъ, въ Ахульго было уже до 1800 чело-

вѣкъ вооруженныхъ мюридовъ. Сверхъ того 400 человѣкъ, пришедшіе съ Гальбацемъ изъ Андіи заняли Чиркатъ и окрестные сады. Сурхай отправился снова въ верхнія лезгинскія общества, чтобы набрать новое скопище. Ежедневно по лѣвому берегу рѣки Койсу приходили въ виду нашего отряда вьюки съ продовольствіемъ и порохомъ. Даже ближайшія къ намъ селенія, каковы напримѣръ Гимры, продолжали имѣть сношенія съ Шамилемъ и ободряли его къ продолженію упорной обороны. Послѣдняя неудачная попытка наша еще болѣе могла внушить увѣренности непріятелю. Полагая себя обезпеченнымъ на будущее время отъ рѣшительнаго штурма, онъ надѣялся, что рано или поздно русскія войска вынуждены будутъ наконецъ снять блокаду. И такъ генералъ Граббе увидѣлъ необходимость прежде всего лишить Шамиля сообщенія съ лѣвымъ берегомъ Койсу; оставалось только пріискать средства къ возстановленію переправы.

Нѣсколько дней прошло въ рекогносцировкахъ. Рѣка была тщательно осмотрѣна, какъ внизъ до самаго сліянія ея съ Аварскимъ Койсу, такъ и вверхъ. Наконецъ рѣшено было устроить переправу выше Ахульго, не смотря на то, что здѣсь приходилось исполнить это предпріятіе въ виду противника, занимавшаго противоположный берегъ. Собственно для построенія моста, ни одно мѣсто не было удобнѣе того, гдѣ прежде уже находился Чиркатскій мостъ; но мѣстность обоихъ береговъ давала тутъ всѣ выгоды непріятелю. Поэтому, нужно было предварительно отвлечь вниманіе горцевъ отъ избраннаго пункта.

Въ ночь съ 25 на 26 число, небольшая команда, съ офицеромъ генеральнаго штаба, спустилась къ рѣкѣ въ разстояніи не болѣе ружейнаго выстрѣла отъ Стараго Ахульго. Не смотря на чрезвычайно бурное теченіе рѣки,—теченіе, которое могутъ себѣ представить только бывавшіе въ горахъ, гдѣ рѣки скорѣе водопады,—нѣсколько хорошихъ пловцовъ переплыли на лѣвый берегъ и возвратились назадъ. Въ тотъ же день начали пролагать дорогу къ тому же мѣсту и заложили батареи на высотахъ праваго берега.

Въ ночь съ 30 на 31 число спущены были съ большимъ

трудомъ орудія; а утромъ открытъ огонь. Одинъ батальонъ Кабардинскаго полка спустился къ переправѣ: нѣсколько егерей опять переправились вплавь; натянутъ былъ канатъ черезъ рѣку; на другой день (1 августа) начали ставить туры. Всѣ эти приготовленія вполнѣ удостовѣрили непріятеля въ намѣреніи нашемъ устроить здѣсь переправу. Горцы съ своей стороны собрались въ прилежащихъ балкахъ и также начали строить завалы, разсчитывая напасть на первыя русскія войска, которыя рѣшатся переправиться.

Между тѣмъ въ лагерѣ приготовлялось все нужное для постройки моста, и скрытно, по ночамъ, производилась работа по дорогѣ къ прежнему Чиркатскому мосту. Въ ночь съ 1-го на 2-е августа построена противъ этого мѣста батарея и перевезены туда орудія. Два батальона Кабардинскаго полка спустились къ берегу со всѣми матеріалами и готовымъ уже срубомъ, который оставалось только установить на мѣстѣ. Къ этой работѣ приступлено съ разсвѣтомъ 2-го числа. Однакожъ горцы успѣли уже занять сады и балки противъ мѣста переправы. Для уменьшенія вреда отъ непріятельскихъ выстрѣловъ подступъ къ самому берегу прикрыли турами.

Установку моста облегчали уцѣлѣвшіе съ обоихъ береговъ устои прежняго моста. Съ праваго берега часть приготовленнаго сруба была установлена безъ всякихъ препятствій въ тотъ-же день; главное затрудненіе предстояло въ перенесеніи матеріаловъ на противоположный берегъ. Для этого устроена была первоначально длинная лѣстница; съ помощью нѣсколькихъ хорошихъ и смѣлыхъ пловцовъ она перекинута съ края установленной уже части сруба на устой лѣваго берега; по этой лѣстницѣ не только начали переходить люди, но и перетаскивали матеріалы. Все это исполнялось подъ выстрѣлами непріятеля. Огонь нашихъ батарей и стрѣлковъ, расположенныхъ за турами, по правому берегу рѣки, удерживалъ горцевъ въ почтительномъ разстояніи. Къ вечеру 3-го числа уже три роты Кабардинскаго полка заняли лѣвый берегъ, а въ ночь утвердились тамъ устройствомъ ретраншемента. Къ полудню 4 числа мостъ совсѣмъ былъ сложенъ; хотя конструкція его не очень была прочная, однакожъ достаточна для пе-

реправы не только пѣхоты, но даже горныхъ орудій и лошадей. 4-го числа оба батальона Кабардинскаго полка съ милиціею, переправившись на лѣвый берегъ Койсу, выгнали непріятеля изъ Чирката и расположились на высотахъ лѣваго берега, прямо противъ Ахульго. Съ наступленіемъ темноты пущено было туда нѣсколько гранатъ. Выстрѣлы эти были сигналомъ успѣшнаго исполненія предпріятія. Съ этого времени Ахульго было уже обложено со всѣхъ сторонъ. Дѣйствительно, въ тотъ же самый вечеръ, прибывшая партія андійцевъ уже не могла проникнуть въ Ахульго. Остановившись на высотахъ, она усилилась мало по малу всѣми бродягами, искавшими случая безнаказанно испытывать мѣткость своихъ ружей. Такимъ образомъ, батальоны Кабардинскаго полка, расположенные на лѣвой сторонѣ Койсу, почти постоянно имѣли перестрѣлку въ тылу; но всѣ покушенія горцевъ провести въ Ахульго транспорты съ продовольствіемъ оставались уже тщетными.

(Съ 25 іюля по 4 августа въ двухъ нашихъ батальонахъ потеря ограничивалась однимъ убитымъ и 15 ранеными нижними чинами).

Занятіе нашими войсками лѣваго берега Койсу—было сильнымъ ударомъ для непріятеля. Съ этого времени въ Ахульго не было почти мѣста, прикрытаго отъ выстрѣловъ нашихъ батарей; не было безопаснаго убѣжища для женщинъ и дѣтей. Даже спускъ къ рѣкѣ за водою былъ подъ выстрѣлами постовъ, занимавшихъ выходы изъ ущелій и балокъ противоположнаго берега. По мѣрѣ того, какъ войска знакомились ближе съ мѣстностію, посты выдвигались все болѣе и болѣе впередъ и стѣсняли линію блокады.

Мюриды, посланнные передъ тѣмъ отъ Шамиля въ сосѣднія лезгинскія общества, не успѣли въ намѣреніи своемъ собрать новыя толпы.

Въ теченіе этого времени, пока продолжались описанныя дѣйствія для занятія лѣваго берега Койсу, дѣятельно производились осадныя работы противъ Новаго Ахульго. Въ расположеніи батарей сдѣланы были нѣкоторыя измѣненія.

Самая важная работа, предпринятая въ этотъ періодъ

осады, состояла въ устроеніи крытой галереи отъ нижняго гребня къ контръ-эскарпу Новаго Ахульго; работа эта представляла въ исполненіи такія затрудненія, что первоначально они казались непреодолимыми; но наши саперы, подъ начальствомъ двухъ молодыхъ офицеровъ, совершили чудеса искуства и храбрости. При чрезвычайной ограниченности матеріальныхъ средствъ, при всѣхъ затрудненіяхъ отъ мѣстности каменистой, постоянно подъ выстрѣлами непріятеля, угрожаемые ежеминутно его вылазками, саперы настойчиво, неутомимо продолжали свои работы, придумывая на каждомъ шагу что-нибудь новое, чтобы преодолѣть встрѣчаемыя препятствія.

Устроеніе предположеннаго спуска отъ нижняго гребня—было новымъ и блестящимъ испытаніемъ ихъ находчивости и предпріимчивости. Прежде уже было объяснено, что означенный гребень къ сторонѣ непріятельскихъ укрѣпленій составлялъ почти отвѣсный уступъ, съ котораго не иначе можно было спускаться, какъ по высѣченнымъ въ камнѣ ступенямъ или по приставленной деревянной лѣстницѣ. Даже до контръ-эскарпа приходилось вести работы по острому мысу, круто понижавшемуся до самаго рва. На этой каменистой крутизнѣ не было даже возможности ставить туры. Саперы наши и тутъ придумали средство; они рѣшились строить галлерею изъ досчатыхъ щитовъ, связанныхъ плотно между собою; а чтобы вся эта система могла держаться на крутизнѣ, они вынуждены были на вершинѣ гребня утвердить въ утесѣ два прочныхъ столба, къ которымъ и прикрѣпили канатами всю постройку, такъ что галерея, можно сказать, должна была висѣть на канатахъ. Смѣлое это предположеніе облегчалось тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на протяженіи крутизны были небольшія площадки, которыя не только могли доставить упоръ галереѣ, но и способствовали устроенію ложементовъ для карауловъ, прикрывавшихъ производство работы.

Въ особенности затруднительно было начало этой необыкновенной работы, прежде, чѣмъ она могла быть прикрыта спереди карауломъ. Вылазки непріятеля каждую ночь не только останавливали работу, но и все, что было уже сдѣлано, уничтожали.

Съ 20 на 21 іюля, значительная партія мюридовъ бросилась по руслу рѣки Ашильты и между тѣмъ, какъ тамъ завязалась перестрѣлка, нѣсколько человѣкъ подползло изъ Новаго Аульго къ устраиваемой галереѣ. Вылазка эта была отражена и горцы оставили на мѣстѣ нѣсколько тѣлъ; но они успѣли въ главной своей цѣли: мантелетъ, прикрывавшій работу галереи и привязанный на канатахъ, былъ сброшенъ въ кручу. Прошло нѣсколько дней, пока изготовленъ былъ новый мантелетъ, который на этотъ разъ прикрѣпленъ былъ уже цѣпями. Такія же вылазки возобновлялись 22-го, 25-го іюля и 11-го августа. Каждый разъ непріятель былъ отражаемъ; тѣмъ не менѣе работа подвигалась весьма медленно.

Такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ (съ 10 іюля по 10 августа *). Мелкія перестрѣлки въ продолженіе этого времени стоили отряду до 10 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Кромѣ того, отъ продолжительности стоянки на одномъ мѣстѣ, отъ самаго воздуха, зараженнаго трупами, отъ удушливаго зноя на раскаленныхъ утесахъ, въ войскахъ усилились болѣзни. Конницу нельзя было держать при отрядѣ, по совершенному истребленію подножнаго корма въ окрестностяхъ. Поэтому казаки отправлены были на Шамхальскую плоскость, а волонтеры изъ горцевъ распущены по домамъ. Къ половинѣ августа въ отрядѣ было уже всего 6,200 человѣкъ въ строю. Между тѣмъ Шамиль, поставленный въ крайнее положеніе и видя настойчивость, съ которою осада продолжалась уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, старался разными путями войти въ переговоры. Еще гораздо прежде объ этомъ желаніи своемъ доводилъ онъ до свѣдѣнія генерала Граббе чрезъ чиркеевскаго старшину Джамала, который вызывался быть посредникомъ. Генералъ Граббе отвѣчалъ Джамалу, что не иначе вступитъ въ переговоры, какъ въ томъ случаѣ, если Шамиль намѣренъ покориться русскому правительству, и въ знакъ искренности этого намѣренія выдастъ предварительно сына своего въ аманаты. 27 іюля прибылъ въ отрядъ чиркеевскій житель Біакай, черезъ кото-

---

*) Въ продолженіе этого времени произведены были опыты отвода отъ Ахульго воды рѣчки Ашильты; но попытки эти остались безъ успѣха.

раго и начались переговоры. На нѣсколько часовъ объявлено было перемиріе и прекращена перестрѣлка; но Шамиль говорилъ такимъ языкомъ, который неприлично было слушать отъ него русскому генералу. Переговоры немедленно были прерваны.

Въ началѣ августа прибыла въ отрядъ при Ахульго депутація отъ Андаляльскаго общества съ письмомъ отъ Тилитлинскаго Кадія Кибитъ-Магомы. Этотъ ревностный поборникъ Шамиля вызвался теперь быть посредникомъ между нимъ и русскимъ начальствомъ. Генералъ Граббе отвергъ это новое посредничество, вразумивъ горца, что русское начальство не иначе можетъ смотрѣть на Шамиля, какъ на мятежника, испрашивающаго себѣ прощенія отъ великодушія Государя Императора. 12-го августа Шамиль выслалъ изъ Ахульго парламентера, черезъ котораго и начались переговоры о предварительной выдачѣ въ аманаты сына его. Два раза въ одинъ день прекращалась и снова начиналась перестрѣлка. Въ то же время прибылъ въ отрядъ и Джамалъ; но прибытіе его не только не содѣйствовало успѣху переговоровъ, а напротивъ того, замедлило ихъ. Джамалъ, по прежнему увѣрявшій въ преданности своей русскому правительству, въ своемъ желаніи скорѣйшаго окончанія военныхъ дѣйствій, въ то же время посылалъ помощь Шамилю и подстрекалъ не покоряться. Коварное поведеніе Джамала въ это время уже совершенно было извѣстно; были даже очевидныя улики, а потому онъ былъ арестованъ и впослѣдствіи осужденъ на ссылку *).

Переговоры, начавшіеся 12-го числа, тянулись четыре дня. Ясно было, что Шамиль хотѣлъ только продлить перемиріе и пользовался имъ для исправленія своихъ укрѣпленій. Наконецъ, 16-го числа, послѣ напрасно потерянныхъ трехъ дней, употребленныхъ горцами на исправленіе поврежденій и пополненіе запаса воды, ему объявлено, что если до наступленія ночи не выдастъ своего сына, то на другой же день будетъ штурмъ.

---

*) Вскорѣ однако его возвратили и опять считали полезнымъ человѣкомъ.

Дѣйствительно, въ ту же ночь сдѣланы были всѣ распоряженія, чтобы на разсвѣтѣ слѣдующаго дня (17-го августа) снова штурмовать Ахульго.

Диспозиція была почти та же, что и при первомъ штурмѣ: главная колонна противъ Новаго Ахульго составлена была изъ трехъ батальоновъ Куринскаго полка съ саперною ротою, подъ командою генералъ-маіора Пулло; а средняя опять подъ начальствомъ маіора Тарасевича, изъ одного батальона Апшеронскаго полка. Штурмующимъ войскамъ предписано было собраться на сборныхъ пунктахъ ночью, чтобы начать штурмъ съ разсвѣтомъ.

Съ первымъ лучемъ солнца артиллерія открыла со всѣхъ батарей сильнѣйшій огонь. 1-й Куринскій батальонъ, имѣя охотниковъ въ головѣ, спустился крытою галереею ко рву передъ Новымъ Ахульго, смѣло бросился черезъ ровъ, и также, какъ при первомъ штурмѣ, весьма скоро занялъ переднюю площадку Новаго Ахульго. Но тутъ опять встрѣчены были тѣ же непреодолимыя препятствія; войска также, какъ прежде, остановились подъ жестокимъ огнемъ, непріятель защищался упорно, бросался нѣсколько разъ въ шашки, однакожъ на этотъ разъ саперы успѣли продѣлать всходъ на занятую часть Новаго Ахульго, втащили нѣсколько туровъ, фашинъ и другихъ матеріаловъ, а къ полудню устроили довольно прочный ложементъ. Войска, занимавшія переднюю площадку, получили такимъ образомъ прикрытіе отъ непріятельскихъ выстрѣловъ; но мюриды упорно держались въ подземной саклѣ или капонирѣ, откуда обстрѣливали перекопъ, отдѣлявшій переднюю площадку отъ остальной части Ахульго. Отважные охотники пробовали обойти это препятствіе, перебѣгая по одиночкѣ по самому краю обрыва.

Но въ это время Шамиль, потерявъ уже надежду удержать Новое Ахульго, поспѣшилъ выставить бѣлый флагъ въ знакъ перемирія и выслалъ немедленно своего сына Джемалъ-Эдина въ аманаты *). Генералъ Граббе охотно согласился на

---

*) Того самаго, который поступилъ потомъ на воспитаніе въ 1-й кадетскій корпусъ, былъ офицеромъ Владимірскаго уланскаго полка и возвра-

перемиріе, тѣмъ болѣе что войска были чрезвычайно утомлены. На этотъ разъ потеря наша хотя и была значительна, однакожъ гораздо менѣе, чѣмъ при первомъ штурмѣ: выбыло изъ строя 102 убитыхъ, въ томъ числѣ 2 офицера, 162 раненыхъ (6 офицеровъ) и 293 контуженныхъ... На сторонѣ непріятеля былъ такой уронъ, что въ продолженіе болѣе сутокъ горцы убирали тѣла. Въ особенности тягостна была для Шамиля смерть Сурхая, который былъ главнымъ распорядителемъ во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ. Всѣ окружавшіе Шамиля до того упали духомъ, что сами уговаривали его скорѣе согласиться на всѣ требованія русскаго начальника. Переговоры начались въ тотъ же день. Для ускоренія ихъ рѣшено было, что исправлявшій въ отрядѣ должность начальника штаба, генералъ-маіоръ Пулло будетъ имѣть личное свиданіе съ Шамилемъ среди самаго Ахульго, то есть впереди расположенія русскихъ войскъ. Долго на это Шамиль не рѣшался, опасаясь какого нибудь злаго умысла съ нашей стороны. Наконецъ, утромъ 18 числа, генералъ Пулло съ небольшою свитою вошелъ въ Ахульго; Шамиль явился къ нему на встрѣчу; оба сѣли на коверъ и говорили съ полчаса; но Шамиль не соглашался въ главномъ: не имѣя силы вовсе отказаться отъ честолюбивыхъ видовъ, онъ настаивалъ на томъ, чтобы ему дозволено было жить въ горахъ, и даже чтобы сынъ его, отданный уже въ аманаты, находился въ Чиркеѣ, подъ присмотромъ Джамала. Такимъ образомъ и личное свиданіе, отъ котораго ожидали болѣе успѣха, осталось безполезнымъ. Переговоры опять длились нѣсколько дней. Генералъ Граббе получилъ два письма отъ Шамиля, но желанія его были таковы, что не было возможности на нихъ согласиться. Между тѣмъ условленный срокъ уже истекалъ; а Шамиль не только не уступалъ, но даже постепенно усиливалъ свои требованія. Изъ всѣхъ его дѣйствій было видно, что онъ перемѣнилъ свое намѣреніе и снова надѣялся продлить оборону. Снисходительное и велико-

---

щенъ отцу въ 1855 году въ обмѣнъ на плѣнныхъ княгинь Чавчадзе и Орбельяни. Въ 1858 году онъ зачахъ и умеръ въ чахоткѣ, въ аулѣ Карата.

душное обращеніе русскаго генерала имѣло послѣдствія совершенно противоположныя ожиданіямъ: оно только ободрило непріятеля. Снова надобно было взяться за оружіе. Осада Ахульго, стоившая уже столько крови, должна была имѣть развязку кровавую. Опять было потеряно драгоцѣнное время напрасно.

XI.

Послѣдній штурмъ 22 августа. — Кабардинцы занимаютъ Новое Ахульго, вскорѣ вмѣстѣ съ Апшеронцами и Старое Ахульго. — Семидневный бой до совершенія очищенія отъ непріятеля взятой позиціи. — Бѣгство Шамиля.— Выступленіе изъ Ахульго. — Награды полку. — Движеніе къ Чиркею и вѣроломное нападеніе на авангардъ отряда. — Движеніе къ Инчхе и возвращеніе во Внезапную. — Взглядъ на результаты взятія Ахульго. — Военныя происшествія на правомъ флангѣ.

21-го августа, съ разсвѣтомъ назначено было возобновить штурмъ. На смѣну Куринцевъ въ штурмующую колонну назначены Кабардинцы, а ихъ мѣсто на лѣвомъ берегу рѣки Койсу занято двумя батальонами Ширванскаго полка. Въ третій разъ возобновились попытки проникнуть черезъ перекопъ, отдѣлявшій передовую площадку, занятую войсками, отъ остальной части Новаго Ахульго. Всѣ средства были употреблены, чтобы выбить непріятеля изъ скрытаго капонира, который оборонялъ означенный перекопъ. Пробовали бросать на дно рва ручныя гранаты, заваливать фашинами и турами; но всѣ усилія оставались тщетными. Мюриды держались цѣлый день; ночью же саперы прибѣгли къ послѣднему средству: они начали устраивать мину, высѣкая галлерею въ сплошномъ камнѣ. Однакожъ въ ту же ночь Шамиль, видя гибель главныхъ своихъ приверженцевъ и упадокъ духа всей оставшейся толпы, рѣшился самъ оставить Новое Ахульго съ семействомъ и вѣрнѣйшими мюридами. Онъ скрылся въ одну изъ пещеръ надъ рѣкою Койсу, а остальнымъ горцамъ приказалъ переходить въ Старое Ахульго.

На разсвѣтѣ 22-го августа рота Кабардинскаго полка, по-

лучившая приказаніе двинуться на штурмъ, къ крайнему удивленію, не встрѣтила сопротивленія, перешла черезъ перекопъ, до сихъ поръ составлявшій такую непреодолимую преграду и въ нѣсколько минутъ большая часть верхней площадки Новаго Ахульго была занята.

Очистивъ всѣ траншеи и завалы, войска вскорѣ проникли до самаго аула, гдѣ оставалось небольшое число горцевъ, пока остальные еще перебирались на Старое Ахульго. Тутъ 1-ый баталіонъ Кабардинскаго полка полѣзъ на двухъэтажныя сакли и едва къ вечеру вытѣснилъ отчаянно защищавшагося въ нихъ Ахверды-Магому; завязался жестокій бой, даже женщины оборонялись съ изступленіемъ, бросаясь безъ всякаго оружія на цѣлый строй штыковъ. Между тѣмъ два горныхъ орудія поставлены были на Новомъ Ахульго противъ Стараго, гдѣ замѣтно было величайшее смятеніе; значительная часть горцевъ еще не успѣла перейти черезъ мостикъ и спускалась къ нему по весьма трудной тропинкѣ. Русскія войска съ Новаго Аульго бросились вслѣдъ за ними, между тѣмъ какъ съ другой стороны, начала уже подниматься къ тому же мостику колонна маіора Тарасевича съ ущелья рѣчки Ашильты.

Такимъ образомъ горцы не успѣли снять мостика и вовсе не приняли никакихъ оборонительныхъ мѣръ для защиты Стараго Ахульго, которое могло бы держаться еще долѣе, чѣмъ Новое. Они тогда замѣтили движеніе вслѣдъ за ними колонны маіора Тарасевича, когда войска перешли уже черезъ мостикъ и начинали выходить на вершину. Двѣ роты Кабардинскаго полка, предводимыя маіоромъ Денисенко, и двѣ роты Апшеринцевъ бросились съ крикомъ ура! къ аулу и тутъ только горцы, собравшись въ кучку, встрѣтили ихъ залпомъ, но уже было поздно; не отвѣчая на выстрѣлы, Денисенко съ егерями и Апшеронцами смѣло бросился на верхъ и штыками опрокинулъ непріятеля. Къ двумъ часамъ пополудни 22-го числа оба Ахульго были заняты русскими войсками.

Въ этомъ бою, продолжавшемся около полутора сутокъ, 21 и 22 августа, потеря съ нашей стороны состояла изъ 150 убитыхъ (въ томъ числѣ 6 офицеровъ), 494 раненыхъ и кон-

туженныхъ (15 офицеровъ *). Однакожъ дѣло не совсѣмъ еще было кончено: начинался упорный, одиночный бой, продолжавшійся цѣлую недѣлю, съ 22 по 29 число. Каждую саклю, каждую пещеру войска должны были брать оружіемъ; отвага нашихъ солдатъ не знала предѣловъ. Горцы, не смотря на неминуемую гибель, ни за что не хотѣли сдаваться и защищались съ изступленіемъ; женщины и дѣти съ каменьями или кинжалами въ рукахъ бросались на штыки или въ отчаяніи кидались въ пропасть, на вѣрную смерть. Трудно изобразить всѣ сцены этого ужаснаго, фанатическаго боя; матери своими собственными руками убивали дѣтей, чтобы только не доставались они русскимъ, цѣлыя семейства погибали подъ развалинами саклей. Нѣкоторые изъ мюридовъ, изнемогая отъ ранъ, и тутъ еще хотѣли дорого продать свою жизнь; отдавая уже оружіе, они коварно наносили смерть тому, кто хотѣлъ принять его **). Неимовѣрныхъ трудовъ стоило выгнать непріятеля изъ пещеръ, находившихся въ отвѣсномъ обрывѣ надъ берегомъ Койсу. Приходилось спускать туда солдатъ на веревкахъ. Не менѣе тягостно было для войскъ переносить смрадъ, наполнявшій воздухъ, отъ множества мертвыхъ тѣлъ. Въ тѣсномъ ущельи между обоими Ахульго войска не могли оставаться безъ смѣны болѣе нѣсколькихъ часовъ. Насчитано было свыше 1000 непріятельскихъ труповъ; большое число ихъ неслось по рѣкѣ. Въ плѣнъ взято до 900 человѣкъ, большею частью женщинъ, дѣтей и стариковъ, и тѣ, не смотря на свое изнуреніе и раны, еще въ плѣну покушались на самыя отчаянныя предпріятія. Нѣкоторые изъ нихъ, собравъ послѣднія силы свои, выхватывали штыки у часовыхъ и бросались на нихъ, предпочитая смерть унизительному плѣну... Эти порывы изступленія составляли рѣзкую противоположность съ стоическою твердостію нѣкоторыхъ другихъ мюридовъ: плачъ и стонъ дѣ-

---

*) Собственно въ двухъ Кабардинскихъ батальонахъ съ 4 по 24 августа потеря состояла убитыми: 1 офицеръ, 71 нижнихъ чиновъ, ранеными: 1 штабъ, 6 оберъ-офицеровъ, 141 нижнихъ чиновъ и контужено 2 офицера и 19 нижнихъ чиновъ.

**) Храбрый маіоръ Тарасевичъ былъ жертвою подобнаго вѣроломства.

тей, страданія физическія больныхъ и раненыхъ дополняли печальную сцену...

Съ каждымъ днемъ приводили изъ Ахульго новыхъ плѣнныхъ, находимыхъ въ подземельяхъ и пещерахъ. Пока однѣ войска осматривали и очищали эти послѣднія убѣжища, другія заняты были разрушеніемъ взятыхъ укрѣпленій. Нѣкоторыя части ихъ, въ томъ числѣ и Сурхаева башня, были взорваны порохомъ. Немалаго труда стоило также свезти всѣ орудія съ батарей и поднять тяжести на гору. Все это было окончено только къ 29-му числу. Въ Ахульго не оставалось уже ни одного лезгина; но самого Шамиля нигдѣ не нашли. Вскорѣ отъ лазутчиковъ получены были свѣдѣнія о томъ, какъ удалось ему спастись.

Шамиль, какъ уже было сказано, скрылся ночью съ 21-го на 22-е число въ одну изъ пещеръ, съ намѣреніемъ прорваться съ небольшимъ числомъ людей чрезъ линію блокирующихъ войскъ. Предпріятіе было смѣлое, можно сказать, отчаянное; однакожъ основано на вѣрномъ разсчетѣ. Посты блокирующихъ войскъ были расположены на мѣстности, столь пересѣченной и закрытой, что неибѣжно между ними должны были оставаться промежутки, а въ большей части пунктовъ передовые наблюдательные пикеты не могли получить скораго подкрѣпленія отъ резервовъ, особенно въ ночное время. Недовольствуясь этимъ, Шамиль, для большей еще вѣрности успѣха, употребилъ хитрость. Около полуночи съ 22-го на 23-е августа пустилъ онъ по Койсу плотъ, чтобы привлечь къ берегу рѣки вниманіе русскихъ постовъ, по близости расположенныхъ, а самъ между тѣмъ рѣшился пробраться по скаламъ, къ сторонѣ Гимры. Онъ взялъ съ собою, кромѣ семейства, только нѣсколько самыхъ надежныхъ мюридовъ. Плотъ дѣйствительно былъ замѣченъ постомъ, находившимся у берега рѣки, и пронесся мимо его подъ градомъ пуль, но и самъ Шамиль наткнулся также на другой небольшой постъ, расположенный нѣсколько назади въ ущельѣ. Завязалась жаркая перестрѣлка, самъ ротный командиръ былъ тутъ убитъ; но Шамилю удалось съ семействомъ пробраться стороною, не встрѣтивъ уже другихъ войскъ. При этомъ однакожъ, по слу-

хамъ, онъ самъ раненъ, также какъ одинъ изъ его родственниковъ и малолѣтній сынъ, котораго мать несла на спинѣ. Прорвавшись сквозь линію постовъ Шамиль до разсвѣта еще достигъ того мѣста, гдѣ Андійское Койсу сливается съ Аварскимъ, и гдѣ берега весьма близко сходятся между собою; перебросивъ тутъ бревно, бѣглецы перебрались на другой берегъ и кинулись въ лѣсистыя горы Салатау, откуда безопасно уже могли бѣжать далѣе въ Чечню.

30-го августа отряду назначено, наконецъ, выступить изъ-подъ Ахульго. Съ радостью неописанною весь отрядъ встрѣтилъ этотъ день, послѣ столь продолжительной и столь тягостной стоянки. Въ послѣднее время особенно сдѣлалось невыносимымъ пребываніе въ этой душной, скалистой котловинѣ, въ которой зараженная атмосфера начинала уже дѣйствовать убійственно на здоровье войскъ.

Блокада и осада Ахульго, въ продолженіе 80-ти дней, съ 12-го іюня по 30-е августа, стоила довольно дорого войскамъ. Кромѣ обыкновенной убыли отъ болѣзней и другихъ причинъ, отрядъ лишился до 500 человѣкъ убитыхъ, 1722 раненыхъ и 697 контуженныхъ (иныя контузіи, особенно камнями, были тяжелѣе ранъ); въ этомъ числѣ выбыло изъ строя 150 офицеровъ (24 убитыхъ, 93 раненыхъ и 33 контуженныхъ).

Но потеря эта нисколько не покажется удивительною для того, кто внимательно слѣдилъ за всѣми затрудненіями, которыя войска должны были преодолѣть на каждомъ шагу, чтобы наконецъ овладѣть неприступнымъ убѣжищемъ Шамиля, дѣйствовавшаго здѣсь умно и настойчиво; но русскія войска все преодолѣли и своею твердостью, своимъ постоянствомъ въ мужествѣ, готовностью послѣ неудачныхъ штурмовъ опять идти на смерть, поразили горцевъ!

Упоминая въ своемъ донесеніи объ особенно выдававшихся своими отличіями офицерахъ, генералъ Граббе изъ Кабардинцевъ назвалъ генералъ-маіора Лабынцова, «съ которымъ всѣ предпріятія удаются», маіора Денисенко, штабсъ-капитана Сервіанова, поручиковъ Македонскаго, Куликова, Переслегина, прапорщика Долинскаго. Всѣ они были произведены въ слѣдующіе чины, а Лабынцову даны ордена Владиміра 3-й и Станислава 1-й степени.

Отряду было прислано 150 георгіевскихъ крестовъ. Всѣмъ людямъ отъ Государя по 1 руб. и порціи. Кабардинскому и Куринскому полкамъ особыя знамена «за взятіе Ахульго», а всѣмъ участникамъ особая серебряная медаль на георгіевской лентѣ. Маіоръ Шагановъ *), капитанъ Сервіяновъ и поручикъ Дятьковъ получили Георгія 4-го класса. Именныхъ георгіевскихъ крестовъ нижніе чины получили 75. Семь офицеровъ: Викторовъ, Стандершельдъ, Козинцовъ, Македонскій, Долинскій, Раевскій и Соинъ—Владиміра 4-й степени; Канатовъ, Анофріевъ, Ларинцевъ—Анну 3-й степени; еще нѣсколько человѣкъ получили Станислава, слѣдующіе чины и денежныя награды. 18 юнкеровъ произведены въ офицеры; нѣкоторые получили по двѣ и по три награды за дѣла въ Ичкеріи, при Буртунаѣ, Аргуани и Ахульго.

Главный отрядъ генералъ-адъютанта Граббе двинулся 31-го августа черезъ Унцукуль въ Гимры, по весьма трудной дорогѣ, вновь разработанной войсками. Гимры постоянно былъ самымъ мятежнымъ ауломъ въ Дагестанѣ; какъ главное убѣжище мюридизма, какъ родина Кази-Муллы и Шамиля, онъ, по своей близости къ плоскости, имѣлъ самое вредное вліяніе на покорныя намъ племена. Однакожъ съ того времени, какъ отрядъ послѣ блистательнаго штурма Аргуани спустился съ Гумбетовскихъ горъ къ Андійскому Койсу, гимринцы увидѣли необходимость смириться, по крайней мѣрѣ на время, пока войска наши находились подъ Ахульго. Это не мѣшало имъ ходить туда и помогать Шамилю, но въ послѣднее время осады генералъ Граббе назначилъ для ближайшаго надзора за гимринцами особаго пристава, которому даны были всѣ средства, чтобы держать ихъ въ повиновеніи. Съ того времени наши транспорты и команды безопасно проходили черезъ Гимры по ближайшему пути въ Темиръ-Ханъ Шуру. Взятіе Ахульго, считавшееся между горцами совершенно невозможнымъ, устрашило послѣднихъ приверженцевъ Шамиля въ

---

*) Извѣстный въ 1843 году геройскою защитою и смертью въ укр. Гергебилѣ, гдѣ онъ командовалъ ротами Тифлисскаго егер. полка, перейдя въ этотъ полкъ изъ отставки.

Койсубулинскихъ селеніяхъ. Когда русскія войска проходили черезъ Унцукуль, то даже между женщинами и дѣтьми слышны были громкія восклицанія одобренія и удивленія.

Простоявъ одинъ день подъ Гимрами, отрядъ 2-го сентября поднялся на Каранайскія высоты, а 3-го расположился лагеремъ подъ Темиръ-Ханъ-Шурою. Между тѣмъ тяжести и полевая артиллерія, подъ прикрытіемъ двухъ батальоновъ, слѣдовали кружнымъ путемъ черезъ Зыряны и Бурундукъ-Кале. Въ ожиданіи ихъ, отрядъ оставался пять дней при Темиръ-Ханъ-Шурѣ.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ постояннаго пребыванія въ неприступныхъ горахъ, въ глубинѣ тѣсныхъ ущелій, войска имѣли крайнюю нужду въ отдыхѣ. Батальоны были уже чрезвычайно ослаблены: въ нѣкоторыхъ осталось въ строю не болѣе 200 штыковъ. Обувь была изношена. Особенно же лошади артиллерійскія и фурштатскія были чрезвычайно изнурены, и даже число ихъ недостаточно уже было на все число орудій и повозокъ въ отрядѣ.

Считая экспедицію вполнѣ оконченною, генералъ Граббе намѣренъ было распустить отрядъ, но предполагалъ пройти изъ Дагестана на Кумыкскую плоскость черезъ Чиркей и Салатау.

Нѣсколько уже разъ въ теченіе разсказа о военныхъ дѣйствіяхъ отряда было упоминаемо о Чиркеѣ. Селеніе это, не смотря на близость къ частямъ края, занятымъ нашими войсками, постоянно было въ сношеніяхъ съ Шамилемъ. Старшина чиркеевскій Джамалъ былъ арестованъ, и генералъ Граббе угрожалъ самому аулу строгимъ наказаніемъ, если онъ будетъ продолжать свои сношенія съ мюридами. Послѣ паденія Ахульго и бѣгства самого Шамиля изъ Дагестана, Чиркей не могъ и помышлять о сопротивленіи, тѣмъ болѣе, что лучшія пастбища чиркеевскихъ жителей находились на правомъ берегу Сулака. Поэтому чиркеевцы болѣе чѣмъ когда либо выражали свою преданность русскимъ; депутація, явившаяся отъ нихъ въ лагерь подъ Темиръ-Ханъ-Шурою, просила объ освобожденіи Джамала и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждала генерала Граббе пройти съ отрядомъ черезъ ихъ аулъ. Доселѣ Чиркей гор-

дился тѣмъ, что никогда еще русскія войска не бывали въ немъ, теперь приглашеніе съ ихъ стороны казалось самымъ положительнымъ изъявленіемъ покорности. Должно полагать, что дѣйствительно чиркеевцы имѣли искреннее намѣреніе смириться; но въ каждомъ горскомъ аулѣ есть буйная и воинственная молодежь, которая неохотно подчиняется приговору старшей и благоразумной половины населенія. Такъ называемые «джигиты» не могутъ безъ сожалѣнія пропустить какой-либо случай завести перестрѣлку или сдѣлать молодецкій наѣздъ.

Уже 7-го числа доходили слухи, что между чиркеевцами была какая-то ссора, даже перестрѣлка, и что нѣкоторыя семейства выселяются изъ аула. Эти слухи, конечно, могли бы уже подать нѣкоторое опасеніе на счетъ расположенія чиркеевцевъ; но присутствіе старшинъ, приглашенія ихъ, а въ особенности пребываніе большей части чиркеевскихъ стадъ на плоскости на правой сторонѣ Сулака, устраняли въ то время всякую недовѣрчивость.

9-го сентября отрядъ двинулся по дорогѣ къ Чиркею. Авангардъ, подъ командою генерала Клюки-фонъ-Клугенау, опередилъ главныя силы на нѣсколько верстъ и, подходя къ чиркеевскому мосту на Сулакѣ, встрѣченъ былъ старшинами селенія. Они поднесли виноградъ и другіе плоды въ знакъ своего гостепріимства. Между тѣмъ головной батальонъ авангарда перешелъ по мосту черезъ Сулакъ и потянулся длинною колонною по узкой углубленной дорогѣ, поднимающейся между густыми садами отъ моста къ селенію. Здѣсь также, какъ и въ другихъ аулахъ дагестанскихъ, скаты крутыхъ горъ обдѣланы въ видѣ террасъ, обнесенныхъ каменными стѣнками; надъ садами возвышается самое селеніе, состоящее изъ прочныхъ каменныхъ домовъ и башенъ съ узкими, извилистыми улицами.

Вслѣдъ за головнымъ батальономъ переправлены два горныхъ орудія, а за ними и другой батальонъ,—оба Ширванскаго полка. Между тѣмъ первый батальонъ уже приближался къ воротамъ селенія. Вдругъ раздался залпъ изъ прилежащихъ домовъ и съ крышъ. Войска вовсе неприготовлены

были къ подобной встрѣчѣ. Впереди ѣхалъ самъ генералъ Клюки-фонъ-Клугенау; за нимъ шли пѣсенники. Неожиданный залпъ остановилъ колонну; пока начали войска готовиться къ бою, пока генералъ Клюки приказалъ стрѣлкамъ разсыпаться по сторонамъ дороги, удальцы чиркеевскіе выбѣжали изъ домовъ и сами начали обходить колонну садами съ обоихъ фланговъ; нѣкоторые даже бросились къ Сулаку, подкрались незамѣтно между скалами къ мосту и подожгли его. Мостъ состоялъ изъ деревянныхъ перекладинъ, лежавшихъ на выдающихся утесахъ; онъ вспыхнулъ въ одно мгновеніе, такъ что перешедшіе два батальона подверглись опасности быть совсѣмъ отрѣзанными. Начальникъ отряда видѣлъ необходимость поспѣшно перевести ихъ обратно на правый берегъ; но отступленіе было уже чрезвычайно для нихъ затруднительно; не смотря на всѣ старанія ускорить переходъ войскъ по горѣвшему мосту, невозможно было избѣжать столпленія и безпорядка. Между тѣмъ чиркеевцы уже заняли всѣ сады и провожали колонну жаркимъ огнемъ. Къ довершенію безпорядка лошади подъ обоими горными орудіями были перебиты; одно изъ этихъ орудій успѣли перетащить на рукахъ черезъ мостъ, другое же осталось на лѣвомъ берегу. Цѣпь застрѣльщиковъ, разсыпанная по сторонамъ дороги, также не успѣла переправиться. Нѣкоторымъ солдатамъ удалось пробраться между скалами и скрыться; другіе же остались, вмѣстѣ съ двумя ранеными офицерами и однимъ орудіемъ, въ рукахъ измѣнниковъ. Кромѣ того при отступленіи и въ продолжавшейся послѣ того перестрѣлкѣ убито 55 человѣкъ, ранено и кунтужено 97.

Хотя несчастный этотъ случай и не могъ быть приписанъ измѣнѣ и предательству всего селенія, а объяснялся единственно необузданностью нѣкоторой части жителей, недостаткомъ твердой и законной власти въ горскихъ племенахъ, тѣмъ не менѣе поступокъ чиркеевцевъ не могъ быть оставленъ безъ наказанія Случайная эта неудача могла бы произвести самое неблагопріятное для насъ впечатлѣніе на горцевъ и уничтожить то нравственное вліяніе, подъ которымъ они въ то время находились послѣ взятія Ахульго. Старшины чиркеевскіе были тутъ же арестованы и остались аманатами; казакамъ,

бывшимъ при отрядѣ, приказано немедленно броситься на чиркеевскія стада, находившіяся на правой сторонѣ Сулака, и угнать ихъ на линію; самому Чиркею объявлено, что его ожидаетъ совершенное истребленіе.

Но селеніе это было со стороны Сулака почти неприступно, особенно по уничтоженіи моста; напротивъ того, съ западной стороны мѣстность понижается къ нему открыто и отлого; единственный способъ для атаки Чиркея состоялъ въ томъ, чтобы перейти черезъ Сулакъ ниже, по Міатлинской переправѣ, и двинуться въ Салатау черезъ Хубаръ и Гертме, по той же дорогѣ, по которой отрядъ слѣдовалъ въ началѣ экспедиціи.

Генералъ Граббе рѣшился на это движеніе. 10-го сентября отрядъ слѣдовалъ къ Міатлинской переправѣ двумя колоннами: по прямой дорогѣ направлены 9½ батальоновъ, съ 12-ю горными орудіями и съ одними вьюками, а всѣ тяжести и полевыя орудія, подъ прикрытіемъ двухъ батальоновъ, пошли кружнымъ путемъ. Міатлинская переправа состояла изъ одного парома, прикрытаго съ обоихъ береговъ башнями. Переправа цѣлаго отряда требовала много времени, а къ тому же нѣсколько дней сряду былъ такой сильный вѣтеръ съ проливнымъ дождемъ, что быстрота теченія нѣсколько разъ разрывала канаты и сносила паромъ. Такимъ образомъ переправа продолжалась три дня, и только 14-го сентября отрядъ двинулся отъ Міатловъ къ селенію Инчхе, — къ тому самому мѣсту, гдѣ прежде стоялъ лагеремъ 22-го мая. Здѣсь предположено было дождаться изъ крѣпости Внезапной транспорта съ продовольствіемъ и военными запасами. Отрядъ былъ въ такомъ положеніи, что уже не могъ предпринять движеніе въ горы, прежде чѣмъ получитъ свѣжихъ лошадей подъ артиллерію и обозы: дошло до того, что нѣкоторыя орудія возились на волахъ. Въ пѣхотѣ также необходимо было обновить аммуницію и одежду. При томъ съ наступленіемъ осенняго времени начались проливные дожди, вѣтры, а на горахъ выпадалъ снѣгъ. Для сбереженія людей необходимо было подвезти къ отряду зимнюю одежду и улучшить сколько можно пищу солдатъ.

Къ счастію, обстоятельства дали возможность избѣгнуть новаго, столь неблагопріятнаго и несвоевременнаго движенія въ горы. Большинство жителей чиркеевскихъ, какъ уже было сказано, ясно понимало, что открытое сопротивленіе русской власти было бы гибельно для селенія. Чиркеевцы вовсе не приготовлены были къ оборонѣ и не хотѣли, чтобы цѣлое селеніе пострадало за вину нѣсколькихъ сумасбродныхъ удальцовъ. Еще 10-го сентября прислали они къ генералу Граббе письменное изъявленіе покорности своей и просили помилованія. Въ доказательство того, что селеніе не имѣло вовсе враждебныхъ намѣреній, чиркеевцы, по требованію начальника отряда, отпустили 9-го сентября плѣнныхъ офицеровъ и солдатъ, обѣщая вслѣдъ затѣмъ привезти оставшееся въ ихъ рукахъ орудіе.

Дѣйствительно, 15-го числа, когда отрядъ находился при Инчхе, явилась въ лагерь депутація въ сопровожденіи означеннаго орудія. Генералъ Граббе, послѣ строгаго упрека, объявилъ имъ, что съ этого времени въ Чиркеѣ будетъ русскій приставъ, и что общія условія, предписываемыя покоряющимся народамъ, будутъ вполнѣ и безпрекословно распространены на всѣ салатавскія деревни. Депутаты чиркеевскіе на все изъявили согласіе и получили прощеніе.

18-го сентября отрядъ выступилъ къ Внезапной, и вслѣдъ затѣмъ войска были распущены въ назначенныя на зиму квартиры *).

Въ смыслѣ представленія полной, рельефной лартины военныхъ дѣйствій отряда генерала Граббе въ 1839 году прибавлять больше нечего. Подвиги войскъ въ этой экспедиціи составляютъ одну изъ блестящихъ страницъ русскихъ военныхъ лѣтописей. Но при критической оцѣнкѣ распоряженій начальника отряда и его выводовъ о результатахъ столь, повидимому, успѣшной экспедиціи, нельзя не придти къ слѣдующимъ заключеніямъ: во 1-хъ, подъ Аргуани первая атака

---

*) Въ двухъ Кабардинскихъ батальонахъ оставалось уже всего съ нестроевыми около 800 человѣкъ, слѣдовательно, выбыла почти половина.

хотя и названа рекогносцировкою, но очевидно не была таковою, когда батальоны, разрозненные, бросались занимать передовыя укрѣпленія непріятеля и напрасно потеряли много людей; во 2-хъ, подъ Ахульго сдѣлана важная ошибка — неоставленіемъ за собой переправы черезъ Андійское Койсу, ибо это давало возможность Шамилю получать безпрепятственно подкрѣпленія и запасы, что и было причиною всѣхъ неудачъ первой половины осады; между тѣмъ, какъ съ позднѣйшимъ занятіемъ, 30-го іюля, этой переправы колонною полковника Лабынцова, Ахульго наконецъ оказалось обложеннымъ со всѣхъ сторонъ и, лишенное всякой поддержки извнѣ, уже не могло такъ долго сопротивляться; въ 3 хъ, первый штурмъ былъ предпринятъ безъ знакомства съ мѣстностью и просто опрометчиво; въ 4-хъ, и это самое важное, генералъ Граббе слишкомъ увлекся увѣренностію въ чрезвычайности достигнутаго результата, привилъ эту увѣренность и высшимъ властямъ, и своимъ подчиненнымъ, пренебрегъ ускользнувшимъ Шамилемъ, голову коего цѣнилъ, въ насмѣшку, нестоющею 300 рублей, а это повело къ печальнымъ событіямъ 1840 года, породившимъ еще болѣе печальныя происшествія 1842—1843 годовъ, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго разсказа. Самоувѣренность генерала Граббе не ослабѣла даже послѣ несчастнаго приключенія въ Чиркеѣ, случившагося чрезъ нѣсколько дней послѣ взятія Ахульго, и онъ отнесся съ положительною слабостью къ коварнымъ измѣнникамъ чиркеевцамъ. Это было замѣчено императоромъ Николаемъ, лучше понимавшимъ характеръ азіатцевъ; но генералъ Граббе умѣлъ оправдывать свои дѣйствія весьма убѣдительно—на бумагѣ.

При полученіи перваго донесенія объ удавшемся наконецъ третьемъ штурмѣ на Ахульго, при чемъ генералъ Граббе говорилъ, что «дѣлу конецъ, хотя бы Шамиль успѣлъ скрыться; что нѣтъ ему болѣе вѣры въ горахъ, нѣтъ для него пристанища, ни на утесахъ, ни въ ущельяхъ; нигдѣ не можетъ онъ найти мѣста неприступнѣе Ахульго, и приверженцевъ храбрѣйшихъ, кои нынѣ пожертвовали за него своею жизнью. Партія его истреблена въ конецъ; мюриды, остав-

ленные своимъ главой, погибли одинъ за другимъ, одинъ возлѣ другаго».

Государь благодарилъ Граббе и выразилъ надежду, что въ этотъ разъ Шамиль однако не ускользнетъ.

Когда же было получено слѣдующее донесеніе, отъ 29-го августа, о послѣднихъ дѣйствіяхъ послѣ взятія Ахульго, гдѣ опять повторялось, что *дѣло съ горцами покончено* и т. д., но что Шамиль исчезъ, Николай Павловичъ написалъ собственной рукой: «Прекрасно; но жаль, что Шамиль ушелъ и, признаюсь, что опасаюсь новыхъ его козней, хотя неоспоримо, что онъ лишился большей части своихъ способовъ и своего вліянія. Посмотримъ, что дальше будетъ». При этомъ повелѣно потребовать дополнительное донесеніе, какимъ образомъ и куда успѣлъ Шамиль скрыться. А графъ Чернышевъ просто назвалъ бѣгство Шамиля неудачей.

Получивъ 4-го сентября свѣдѣнія о подробностяхъ его бѣгства и о томъ, что онъ раненъ, а также его жена, сестра и дядя, что одинъ сынъ убитъ, другой раненъ (не все это, однако, впослѣдствіи подтвердилось), что онъ скрылся у ичкеринцевъ и теперь *униженно проситъ о принятіи его покорности*, соглашается выдать въ аманаты остальнаго раненаго сына, обѣщается заставить покориться Шуаибъ-Муллу и Ташавъ-Гаджи съ ичкеринцами, генералъ Граббе повѣрилъ всѣмъ этимъ лукаво-лживымъ свѣдѣніямъ и велѣлъ передать Шамилю, что вѣритъ искренности его раскаянія, но сочтетъ дѣйствительною покорностью, если онъ переселится на жительство *въ одинъ изъ мирныхъ ауловъ на Сунжу* (?), по нашему назначенію. Донося объ этомъ военному министру, генералъ Граббе писалъ, что онъ потребовалъ аманатовъ отъ ичкеринцевъ и по одному хорошему ружью съ каждыхъ десяти дворовъ, и еще предложилъ имъ, а также гумбетовцамъ и андійцамъ, разныя условія покорности. «Сіи условія, сказано въ рапортѣ, должны совершенно измѣнить отношенія лезгинскихъ и чеченскихъ племенъ къ правительству. Такимъ только образомъ можно положить начало системѣ управленія мирными горскими племенами. Я рѣшительно отказался отъ всякихъ другихъ предложеній, полагая, что теперь настало время, ког-

да горцы не должны уже болѣе обманывать начальство призракомъ покорности»! Такова была увѣренность!

Читая донесеніе о происшествіи въ Чиркеѣ, императоръ Николай написалъ: «замѣтить генералу Граббе, что я не могу не сожалѣть, что онъ отложилъ устройство укрѣпленія въ Чиркеѣ до будущаго года, тѣмъ болѣе, что послѣ бывшей измѣны полагаться на ихъ покорность не должно. Сверхъ того, слѣдовало требовать выдачи намъ измѣнниковъ, какъ непремѣннаго условія покорности». Да, нужно сознаться, что Государь лучше понималъ сущность дѣла.

Въ своемъ военномъ журналѣ, съ 9 по 15 сентября, генералъ Граббе писалъ, между прочимъ: «Шамиль въ совершенномъ уныніи, не принимаетъ никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ, не думаетъ о возвращеніи къ лезгинамъ и единственнымъ условіемъ своей покорности полагаетъ то, чтобы выпустили 40 семействъ его приверженцевъ, находящихся у насъ въ плѣну». На предложенія г. Граббе, чтобы онъ поселился въ одномъ изъ мирныхъ ауловъ на Сунжѣ, Шамиль отказался подъ пустыми предлогами.

Императоръ Николай замѣтилъ, что мысль поселить Шамиля въ чеченскомъ аулѣ едва ли раціональна, не соотвѣтствовала бы безусловной покорности и не обезпечивала бы насъ отъ возмутительныхъ плановъ въ будущемъ. Но генералъ Граббе отвѣчалъ, что смерти Шамилю не желаетъ, чтобы не явился преемникъ, а поселивъ подъ русскимъ надзоромъ, лишилъ бы его всякаго вліянія на горцевъ. Вслѣдъ затѣмъ однако генералъ Граббе писалъ, что предложилъ 100 червонцевъ за его голову, ибо «болѣе того она теперь не стоитъ; кровь столькихъ горцевъ, которые за него погибли и коимъ онъ постыдно измѣнилъ своимъ бѣгствомъ изъ Ахульго,—эта кровь разстроитъ всѣ его замыслы. Экспедиція 1839 года доказала горцамъ, что борьба съ русскимъ оружіемъ невозможна». И это писано тотчасъ послѣ коварнаго нападенія въ Чиркеѣ на авангардъ отряда!... Увы, все это было лишь ужасное самообольщеніе! Не прошло полугода, какъ, быть можетъ, генералъ Граббе мысленно цѣнилъ голову Шамиля уже не въ 100 а въ 100 тысячъ червонцевъ.

Вполнѣ убѣжденный въ непогрѣшимости этихъ взглядовъ и слишкомъ много полагавшійся на совѣты ближайшаго мѣстнаго начальника Чечни, генералъ-маіора Пулло, человѣка не глупаго и опытнаго, но недостаточно разборчиваго въ средствахъ, генералъ Граббе еще болѣе повредилъ дѣлу установленіемъ нѣкоторыхъ условій покорности чеченцевъ, вызвавшимъ ихъ крайнее раздраженіе, тѣмъ болѣе, что они приводились въ исполненіе ген. Пулло, допустившимъ при этомъ если не вопіющія злоупотребленія, какъ увѣряли современники и какъ само военное министерство было убѣждено, то, по меньшей мѣрѣ, грубую безтактность въ отношеніяхъ къ народу, привыкшему вѣками къ необузданной свободѣ.

Напримѣръ, условіе насчетъ взятія съ каждыхъ 10 дворовъ по одному хорошему ружью. Императоръ Николай совершенно справедливо замѣтилъ, что у горцевъ столько оружія, что подобное требованіе едва-ли можетъ имѣть особое значеніе въ смыслѣ ихъ обезоруженія. Генералъ Граббе отвѣчалъ, что онъ вовсе не имѣетъ въ виду обезоруженія, во 1-хъ потому, что его и невозможно произвести повсемѣстно, во 2-хъ, это было-бы и безполезно, оставляя безоружныхъ жителей на жертву непокорнымъ вооруженнымъ ихъ сосѣдямъ, въ 3-хъ, наконецъ, что гораздо полезнѣе впослѣдствіи употребить ихъ въ качествѣ милиціи противъ другихъ непріятелей; но требованіе по одному ружью съ 10 домовъ онъ поставилъ только, какъ доказательство нашей сильной власти, могущей требовать отъ нихъ даже выдачу оружія, чего до сихъ поръ никто не осмѣливался требовать отъ кавказскихъ племенъ.

18-го сентября генералъ Граббе доносилъ, что поручилъ Пулло привести въ исполненіе всѣ предначертанія его насчетъ управленія горскими племенами и къ утвержденію спокойствія въ краѣ. Кончилось тѣмъ, что это требованіе оружія и самый сборъ его по ауламъ, посредствомъ военной силы, сопровождались дѣйствіями, возбудившими озлобленіе и вражду всѣхъ до того мирныхъ чеченцевъ, а послѣдствія такого положенія незамедлили обнаружиться. Съ тѣхъ поръ самое имя Пулло сдѣлалось въ Чечнѣ синонимомъ притѣсненія и несправедливости...

Къ числу другихъ происшествій 1839 года, связанныхъ съ Кабардинскимъ полкомъ, можно упомянуть о слѣдующемъ подвигѣ: 29 ноября партія закубанскихъ хищниковъ, до 40 человѣкъ, переправившись чрезъ рѣку у Жмуринскаго поста, напала на хуторъ и зажгла домъ казака, въ которомъ квартировали рядовые Ильинъ, Царюкъ, Аверинъ и Васильевъ. Они съ замѣчательною неустрашимостью изъ оконъ и дверей пылавшаго дома защищались, пока не прискакалъ изъ Баталпашинской станицы казачій резервъ, и хищники вынуждены были отступить, не уведя семейства казака въ плѣнъ, что и было собственно цѣлью ихъ набѣга.

Въ теченіе всего лѣта, во время постройки укрѣпленій по Лабѣ, генералъ Зассъ дѣлалъ частые набѣги за Лабу къ р. Бѣлой. Въ этихъ движеніяхъ всегда участвовалъ батальонъ или отдѣльныя роты Кабардинскаго полка, на которыхъ лежала важная обязанность прикрывать отступленія, сопряженныя, какъ извѣстно, съ главною опасностью и затрудненіемъ кавказскихъ движеній. При этомъ происходили болѣе или менѣе жаркія перестрѣлки и потери, ограничивавшіяся, впрочемъ, двумя—тремя человѣками и, въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ напримѣръ 2-го сентября (1839), батальонъ нашъ потерялъ 1 убитаго и 7 раненыхъ рядовыхъ. 16-го сентября большая партія абадзеховъ переправилась чрезъ Лабу на Кубань и напала на Тахтамышскій постъ въ Хоперскомъ полку, командиръ коего, маіоръ Игельстромъ, съ казаками и полуротой Кабардинцевъ, подвезенныхъ на конныхъ подводахъ, опрокинулъ непріятеля за р. Зеленчукъ и преслѣдовалъ дальше, а между тѣмъ, узнавшій объ этомъ генералъ Зассъ, съ нѣсколькими сотнями казаковъ и 3-й карабинерной ротой нашего-же полка, при одномъ орудіи, перешелъ за Лабу и встрѣтилъ партію на той сторонѣ при переправѣ. Черкесы, въ числѣ 400 человѣкъ, бросились въ ближайшій лѣсъ, наша рота за ними и здѣсь произошла жестокая сѣча. Непріятель, окруженный егерями и казаками, спасался во всѣ стороны, бросался съ кручи къ рѣкѣ, скрывался пѣшимъ въ чащу. Болѣе 60 тѣлъ, 73 осѣдланныхъ лошади, много оружія достались намъ. Наша потеря была 5 убитыхъ, 1 офицеръ и 12 нижнихъ чи-

новъ раненыхъ. За это дѣло въ нашу роту пожаловано три георгіевскихъ креста.

Въ это время находился на Кавказѣ флигель-адъютантъ полковникъ князь Бѣлосельскій, которому поручено было, участвуя въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказской линіи, все осматривать, наблюдать и подробно доносить въ Петербургъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ военному министру (всегда докладывавшему ихъ государю) князь Бѣлосельскій говоритъ: «Въ отрядѣ генерала Засса я видѣлъ 5-ть ротъ Кабардинскаго егерскаго полка; егеря имѣютъ видъ самый воинственный, широколицые, мужественные люди, одѣты и вооружены исправно»!

Въ теченіе лѣта 1839 года генералъ Зассъ устроилъ укрѣпленіе на р. Арджинѣ, въ которомъ на зиму осталась наша 4-я карабинерная рота и 250 казаковъ. Это укрѣпленіе государь въ благодарность генералу приказалъ назвать «Зассовскимъ».

XII.

Ошибочные взгляды на результаты дѣйствій.—Разнорѣчіе между генералами.—Начало волненій въ Чечнѣ и участіе Шамиля въ ихъ возбужденіи.—Неожиданность возмущенія Чечни.—Сборъ и дѣйствіе отряда генерала Галафѣева.—Смѣлые набѣги чеченцевъ за Терекъ.—Дѣйствіе Шамиля въ Дагестанѣ.

Наступилъ 1840 годъ при самыхъ успокоительныхъ признакахъ и, согласно вышеприведеннымъ донесеніямъ, власти были увѣрены почти въ совершенномъ достиженіи предположенныхъ цѣлей. Оптимизмъ царствовалъ всеобщій, а отъ него до самонадѣянности—уже одинъ шагъ...

Вообще, невольно бросаются въ глаза двѣ черты, красною нитью проходящія по всѣмъ оффиціальнымъ бумагамъ конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ. Одна: постоянное повтореніе стереотипной фразы—«должно надѣяться, слѣдуетъ полагать и нѣтъ сомнѣнія, что послѣ такого дѣла, набѣга или вообще какой-нибудь мѣры, результаты будутъ самые плодотворные», или «вліяніе на умы горцевъ неотразимое», или «потрясеніе значенія Шамиля совершенное» и т. п. Можно бы наполнить много страницъ примѣрами въ родѣ слѣдующаго: генералъ Головинъ 17-го февраля 1839 года доносилъ, что «лезгины—сосѣди Кахетіи, зависящіе совершенно отъ насъ въ способахъ своего существованія, вынуждены будутъ смириться. Одна лишь безнаказанность, съ которою они до сихъ поръ производили свои набѣги и грабежи въ Кахетіи, могли ихъ поощрять на столь дерзкіе поступки». Принятыя мѣры заключались въ томъ, что дидойцевъ и тлейсерухцевъ выгнали изъ Грузіи, у джурмутцевъ заарестовали 20 тысячъ барановъ съ пастухами и потребовали заложниковъ.

Какой же дѣйствительно результатъ былъ? Всѣ эти общества отправились за совѣтами къ Шамилю и послѣ того годъ отъ году усилились ихъ набѣги до такихъ размѣровъ, о какихъ уже давно Кахетія и не слыхала!.. А между тѣмъ эта слабость увѣрять и другихъ, и себя въ успѣхѣ—сначала усыпляла, затѣмъ ставила въ щекотливо-конфузное положеніе и лишала энергіи въ борьбѣ съ неудачами. Не правильнѣе ли было воздерживаться отъ всякихъ пророчествъ, а просто доносить о принятой или предполагаемой мѣрѣ, ожидая результата, безъ предвзятой мысли? Не говоримъ еще о совершенномъ незнаніи края, выразившемся въ убѣжденіи, что лезгины зависѣли отъ насъ въ способахъ существованія.

Другая черта—сплошь и рядомъ противорѣчить себѣ, собственнымъ взглядамъ и соображеніямъ, какъ въ бумагахъ, такъ и въ исполненіи. Такъ, напримѣръ, генералъ Головинъ, въ предположеніяхъ о дѣйствіяхъ на 1839 годъ, замѣчаетъ, что если послѣ взятія Ахульго не укрѣпиться въ Чиркатѣ, то напрасны будутъ жертвы. Да кромѣ того, нужно устроить прочное сообщеніе съ одной стороны къ Хунзаху, съ другой чрезъ Зыряны, Темиръ-Ханъ-Шуру во Внезапную. Тогда только польза будетъ отъ пораженія Шамиля въ его гнѣздѣ. Совершенно основательное замѣчаніе, но такъ замѣчаніемъ оно и осталось.

Еще лучше: самъ генералъ Граббе 4-го марта 1839 года писалъ Головину, что «даже сильное пораженіе Шамиля и взятіе Ахульго можетъ устрашить горцевъ и удержать ихъ *на время* отъ общаго противъ насъ возстанія. Если же не удастся нанести рѣшительнаго пораженія, то возмутитель можетъ найти убѣжище въ другомъ неприступномъ пунктѣ, напримѣръ: въ *Аргунскомъ ущельи, гдѣ новыя сношенія съ воинственными чеченцами сдѣлаютъ его еще болѣе для насъ опаснымъ*». Замѣчательно умный взглядъ и къ тому же такой пророческій, что нельзя отказать генералу Граббе въ своего рода геніальности, съ которою онъ, послѣ кратковременнаго пребыванія на Кавказѣ, умѣлъ вполнѣ понять мѣстныя условія. Но что же дальше? Самъ же генералъ идетъ на Ахульго, беретъ его съ неимовѣрными жертвами, и хотя возмутитель ускольз-

нулъ, однако, уже забыто пророчество объ Аргунскомъ ущельи, сношеніи съ чеченцами и проч., а вмѣсто того являются донесенія, какъ уже выше приведено, о жалкой судьбѣ Шамиля, осужденнаго скитаться безъ всякаго значенія, преслѣдуемаго проклятіями и презрѣніемъ, нестоющаго 300 рублей!..

Въ декабрѣ 1839 года и генералъ Головинъ, основываясь на свѣдѣніяхъ, доставленныхъ съ лѣваго фланга линіи, писалъ, что Шамиль потерялъ довѣренность, едва только находитъ себѣ убѣжище въ Аргунскомъ ущельи, у нѣкоторыхъ своихъ ревностныхъ приверженцевъ, *число коихъ видимо уменьшается*, что онъ не смѣетъ выходить изъ сакли, иначе, какъ въ сопровожденіи 4-хъ вооруженныхъ мюридовъ, что ичкеринцы и жители Аргунскаго ущелья постигаютъ уже бѣдствія, которыя навлечетъ на нихъ пребываніе Шамиля между ними, что другіе предводители, какъ Ташавъ-Гаджи, ничего не предпринимаютъ, вездѣ русскіе пристава, тихо, спокойно, «должно надѣяться», что возстановится порядокъ, и т. д.

Я привожу здѣсь всѣ эти выдержки изъ донесеній, какъ чрезвычайно поучительные примѣры, показывающіе, насколько вредны предвзятые взгляды и увлеченія предположеніями, возводимыми въ якобы уже осуществившіеся факты. Историческія изслѣдованія были бы совершенно безцѣльны, если бы изъ нихъ нельзя было извлечь уроковъ и данныхъ для сужденія о прошедшемъ, съ примѣненіемъ къ возможному будущему.

Можно прямо сказать: не будь въ 1839 году этой самоувѣренности, приведшей къ соблазнительно-пріятному отдыханію на лаврахъ, то можно было бы дѣйствительно упрочить плоды побѣдъ и жертвъ и предотвратить ужасныя событія, послѣдовавшія, такъ сказать, по пятамъ удалившихся побѣдителей.

Въ предположеніяхъ о дѣйствіяхъ на 1840 годъ, генералъ Головинъ совершенно справедливо замѣтилъ, что если вовсе пріостановить военныя дѣйствія, то горцы опомнятся отъ ужаса понесенныхъ ими пораженій, могутъ опять собраться съ силами, вынудятъ насъ къ новымъ большимъ жертвамъ, чтобы не потерять выгодъ пріобрѣтенныхъ въ Буртунаѣ, Аргуани и и Ахульго. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ же, генералъ Головинъ,

принимая во вниманіе, что войскамъ нуженъ отдыхъ, что есть нужныя работы въ крѣпостяхъ и особено въ полковыхъ штабъ-квартирахъ, гдѣ вслѣдствіе дурныхъ помѣщеній изнуренныя войска подвергаются болѣзнямъ и смертности, полагалъ заняться всѣми этими работами, и только въ Чечнѣ оставить небольшой отрядъ для предупрежденія покушеній возмутителей.

Въ числѣ работъ предположено возведеніе нѣсколькихъ станицъ на Лабѣ, для чего назначались туда 1, 2 и 3-й батальоны Кабардинскаго полка; но вмѣсто станицъ тамъ строились, предварительно, укрѣпленія. Вообще, вслѣдствіе совершеннаго разногласія корпуснаго командира Головина, начальника кавказской линіи Граббе и начальника черноморской береговой линіи Раевскаго происходило много противорѣчій, терялось время и страдали дѣла. Императоръ Николай съ большимъ вниманіемъ читалъ всѣ представленія этихъ генераловъ, по обыкновенію, собственноручно дѣлалъ пространныя замѣтки и разрѣшенія, но не поручилъ всего дѣла окончательно одному лицу.

Между тѣмъ, уже въ мартѣ 1840 года, бѣглый безпріютный Шамиль прекрасно воспользовался возникшими въ Чечнѣ противъ генералъ-маіора Пулло неудовольствіями жителей, вошелъ съ ними въ сношенія и возбудилъ явныя волненія, выразившіяся сборомъ вооруженныхъ людей для вторженій за Сунжу, изгнаніемъ русскихъ приставовъ и отказами исполнять приказанія русскаго начальства. Сначала генералъ-маіоръ Пулло, съ небольшими средствами, бывшими у него въ распоряженіи, предпринималъ движенія въ разныя стороны, чтобы разсѣять сборища и наказать возмутителей, но вскорѣ общее возстаніе 80-ти тысячнаго населенія показало, что съ двумя-тремя батальонами опасно пускаться далеко отъ кр. Грозной, и пришлось остаться въ бездѣйствіи. А возстаніе приняло такіе размѣры, о которыхъ и думать никто не могъ. Оно коснулось окрестности Владикавказа, поднялись назрановцы, карабулаки, галашевцы. Слѣдовало бояться за сообщеніе по военно-грузинской дорогѣ.

Всѣ эти происшествія грянули, какъ громъ съ чистаго

неба и были рѣшительною неожиданностью для всѣхъ мѣстныхъ властей. Въ декабрѣ генералъ-маіоръ Пулло расхаживалъ по Большой и Малой Чечнѣ съ отрядомъ изъ двухъ батальоновъ и нѣсколькихъ казаковъ для наказанія нѣкоторыхъ ауловъ, принимавшихъ къ себѣ извѣстнаго чиркеевца, бѣглеца Юнуса—приверженца Шамиля; вездѣ чеченцы встрѣчали отрядъ съ полною покорностью, исправно выплачивали штрафы, выдавали абрековъ, оружіе и захваченныхъ въ плѣнъ малороссійскихъ казаковъ. Самъ Юнусъ явился съ повинною головой. Чеченцы по наряду рубили лѣсъ въ Гехи и на Валерикѣ для прохода войскъ. Пристава вездѣ были приняты съ почетомъ. Даже изъ Аргунскаго ущелья жители явились въ Чахкири къ г. Пулло, увѣряя въ покорности и готовности весною вести насъ къ себѣ. Была составлена перепись чеченскихъ домовъ, собрано 3,779 руб. и 455 ружей, до 140 штукъ скота для отряда. Послѣ генералъ Пулло пошелъ къ качкалыковцамъ и на Мичикъ, и тамъ повторилось тоже, собрано 6,242 руб., 1,000 ружей, 330 штукъ скота, выручено 16 плѣнныхъ нашихъ. Однимъ словомъ, тишина была полная, удивительная! ни одного хищничества, даже мелкаго, по всей линіи, такъ что Пулло приказалъ уменьшить число казаковъ на постахъ и кордонахъ. Приказанія изъ Грозной разсылались по всей Чечнѣ и Ауху до Буртуная, какъ будто въ какой-нибудь внутренней губерніи.

Генералъ Граббе доносилъ въ началѣ февраля обо всемъ этомъ съ понятнымъ удовольствіемъ, какъ объ результатѣ его дѣйствій 1839 года, и присовокуплялъ, что лѣтомъ 1840 года онъ надѣется перевести линію въ Чечнѣ къ предгоріямъ, «а хотя Шамиль началъ опять посылать воззванія, но безъ малѣйшаго успѣха; доказательствомъ служило представленное генералъ-маіоромъ Пулло арабское письмо будто бы отъ Ибрагима-паши Египетскаго къ Шамилю и всѣмъ старшинамъ, переданное сими послѣдними нашему начальству». Въ этомъ курьезномъ письмѣ говорилось, что такъ какъ земли, на коихъ всѣ горцы живутъ, принадлежатъ ему, хедиву, то онъ и собирается съ несмѣтными войсками на Кавказъ для утвержденія единой вѣры и своихъ правъ, приглашаетъ всѣхъ соб-

раться въ верховьяхъ Терека и общими усиліями выгнать невѣрныхъ, отнявъ у нихъ Дербентъ, Астрахань и Анапу.

Нужно однако сказать, чти появившіяся посланія будто-бы отъ египетскаго паши могли имѣть нѣкоторую связь съ тогдашними событіями на востокѣ, когда Франція поддерживала хедива и тотъ дѣйствительно двигался къ Діарбекиру, съ намѣреніемъ проникнуть въ Малую Азію для уничтоженія власти султана, что могло отозваться и на нашемъ Закавказьѣ. У насъ по этому поводу были уже приняты нѣкоторыя мѣры, приказано укомплектовать Кавказскій корпусъ и 5-му быть въ готовности къ выступленію.

И вдругъ, среди этой тишины, среди совершенно убаюканнаго убѣжденія начальства въ прекрасномъ положеніи дѣлъ, въ мартѣ генералъ Пулло доноситъ, что ичкеринцы, аргунскіе жители и ауховцы, доведенные до отчаянія голодомъ, вслѣдствіе даннаго нами чеченцамъ запрещенія продавать имъ хлѣбъ, возмутились, собираются напасть на Чечню, и что кромѣ Шуаибъ-Муллы будто-бы и Шамиль съ ними; что на нихъ весьма ободрительно подѣйствовало извѣстіе о взятіи черкесами на Черноморскомъ берегу нашихъ укрѣпленій.

Это послѣднее обстоятельство дѣйствительно могло ободрить чеченцевъ и ускорить взрывъ ихъ возстанія. 9-го февраля былъ взятъ фортъ Лазаревъ, 22-го укрѣпленіе Вельяминовское, 29-го Михайловское, чрезъ нѣсколько дней и Николаевское укрѣпленіе; всѣ гарнизоны были истреблены, не взирая на геройскую защиту первыхъ трехъ и извѣстный подвигъ рядоваго Архипа Осипова, взорвавшаго Михайловское. Укрѣпленія находились въ жалкомъ состояніи, полуразвалившіеся верки, ослабленные болѣзнями гарнизоны, никѣмъ не поддержанные, погибли; только Абинское укрѣпленіе, болѣе сильное и обезпеченное, отбило всѣ усилія горцевъ и удержалось. Свѣдѣнія объ этихъ событіахъ могли легко чрезъ Кабарду дойти до Чечни и подстрекнуть уже готовое къ возстанію населеніе.

8-го марта уже Шамиль съ большою партіею явился въ Урусъ-Мартанѣ и здѣсь стеклись къ нему всѣ чеченскіе лучшіе люди, съ своими приверженцами. Не теряя времени, дви-

нулись они вверхъ по Сунжѣ къ Владикавказу и все населеніе къ нимъ присоединилось.

Наконецъ, 23 марта, генералъ Граббе вынужденъ былъ донести о внезапныхъ, непредвидѣнныхъ событіяхъ, наступившихъ послѣ такого спокойствія. Хотя все еще выражался въ оптимистическомъ тонѣ, не придавая дѣлу особаго значенія.

Тишина была предъ бурей; раболѣпная покорность послѣднихъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ чрезвычайно ловко замаскировала тайное предпріятіе, усыпило въ конецъ и безъ того самонадѣянное начальство и захватила его въ расплохъ *).

Но все, быть можетъ, еще было поправимо, если бы генералъ Граббе съ рѣшительною энергіею лично взялся за дѣло, собралъ отовсюду, не теряя времени, войска и двинулся въ Чечню для ея усмиренія, разслѣдованія злоупотребленій, наказанія виновныхъ своихъ и туземныхъ, пораженія при первой встрѣчѣ сборищъ и т. д. Но онъ этого не сдѣлалъ, а согласно ранѣе утвержденнымъ предположеніямъ отправилъ на лѣвый флангъ командовать отрядомъ генерала Галафѣева, который и занялся постройкой укрѣпленія въ Герзель-аулѣ, да движеніями то въ одну, то въ другую сторону, смотря по свѣдѣніямъ о направленіи непріятельскихъ партій, нападавшихъ на аулы кумыковъ, почти въ виду нашихъ войскъ. Это дало время Шамилю окончательно довершить организацію возстанія рѣшительно всего населенія отъ Назрана до Андіи, такъ что партіи собирались уже въ нѣсколько тысячъ человѣкъ и грозили линіи на Терекѣ и дальше, къ главному пути нашихъ сообщеній; а вліяніе событій отозвалось восточнѣе, въ Дагестанѣ, даже въ Шамхальствѣ, Казикумухѣ и Кайтахѣ; появились опять приверженцы Шамиля, Койсубу уже начало оказывать неповиновеніе, очевидно было возобновленіе и тамъ безпокойствъ.

Хотя въ іюнѣ мѣсяцѣ генералъ Галафѣевъ наконецъ дви-

---

*) Вслѣдствіе возстанія Чечни 1-й батальонъ Кабардинскаго полка уже въ апрѣлѣ былъ отправленъ форсированно на лѣвый флангъ, но такъ-какъ тогда Ахверды-Магома подошелъ къ Назрану, то начальствовавшій во Владикавказѣ генералъ Лабынцовъ удержалъ его въ Назрановскомъ отрядѣ до прибытія войскъ изъ Грузіи; съ прибытіемъ же батальона Эриванскаго полка, нашъ батальонъ отосланъ въ Кисловодскъ, гдѣ онъ охранялъ линію.

нулся съ отрядомъ въ Малую Чечню, но время уже было упущено и, въ добавокъ, на р. Валерикѣ, вслѣдствіе незнакомства съ мѣстностью и недостаточной осторожности, войска были неожиданно атакованы въ лѣсу и понесли большую потерю (болѣе 300 человѣкъ) безъ особаго результата, потому что сожженіе нѣсколькихъ ауловъ, состоящихъ изъ плетневыхъ хатъ, слишкомъ ничтожный вредъ даже для чеченцевъ *). Затѣмъ отрядъ опять ушелъ въ Герзель-аулъ, а чеченцы, подъ предводительствомъ лихихъ наибовъ Ахверды-Магома и Шуаибъ-Муллы, успѣли пройти въ концѣ іюня на Терекъ, увести оттуда все почти тамошнее, искони мирное чеченское населеніе въ горы, а въ сентябрѣ напали на Моздокъ, захватили много плѣнныхъ (въ томъ числѣ семейство купца Улуханова, дочь коего и стала женой Шамиля), распространивъ тревогу на весь край. При атакѣ аула Батрасъ-Юрта близь Моздока, чеченцы наткнулись на роту Кабардинскаго полка съ пушкой, только что присланныхъ съ Кисловодской линіи, и были отражены; за тѣмъ бросились къ другому проходу въ городъ, изрубили до 30 человѣкъ донскихъ казаковъ и прошли въ Моздокъ.

Вслѣдствіе этого, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, генералъ Граббе долженъ былъ оставить Лабинскую линію съ самыми ограниченными средствами, а наши 1-й и 2-й батальоны двинуть на лѣвый флангъ форсированнымъ маршемъ.

Въ то же время самъ Шамиль, предоставивъ Чечню въ распоряженіе своихъ помощниковъ въ полной увѣренности, что тутъ уже дѣло сдѣлано въ его пользу безповоротно, обратился къ болѣе ему важному и близкому Дагестану, начавъ съ возмущенія койсубулинцевъ. Генералъ Клугенау встрѣтилъ его близь Гимры 14-го сентября и даже нанесъ ему пораженіе, но это не уравновѣшивало громадныхъ успѣховъ Шамиля въ Чечнѣ, о которыхъ въ Дагестанѣ знали подробно, и потому надеждѣ генерала Головина, что дѣло 14-го сентября будетъ имѣть весьма благопріятное вліяніе и удержитъ въ по-

---

*) Въ этомъ дѣлѣ, извѣстномъ по прекрасному стихотворенію Лермонтова, Кабардинскіе батальоны не участвовали.

вяновенія горцевъ, не оправдалось. Шамиль явился въ Аварію, большинство перешло на его сторону. Изъ Чиркея онъ привлекъ всѣ сосѣднія общества, ходилъ за Сулакъ разорять и уводить въ горы аулы кумыковъ.

Таковыми-то оказались результаты Ахульгинской экспедиціи!..

XIII.

Занятіе войскъ на Лабинской линіи и движеніе оттуда Кабардинскихъ батальоновъ въ Чечню.—Набѣги за Лабу. — Дѣйствія Чеченскаго отряда по 7-е ноября въ Малой Чечнѣ.—Дѣйствія въ Большой Чечнѣ.—Роспускъ отряда на зиму.—Послѣдствія 1840 года.

До всѣхъ этихъ событій на Восточномъ Кавказѣ, на Лабинской линіи, согласно утвержденнымъ на 1840 годъ предположеніямъ, генералъ Зассъ достраивалъ укрѣпленія, имѣвшія послужить основаніемъ новой линіи казачьихъ станицъ для лучшаго прикрытія прикубанскаго края и опорой будущаго движенія впередъ къ Бѣлой, да дѣлалъ набѣги въ земли абадзеховъ и шапсуговъ. 2-й, 3-й и 4-й батальны Кабардинскаго полка находились въ составѣ его отряда, а 1-й батальонъ охранялъ Кисловодскую линію, ожидая прибытія на смѣну резервнаго батальона изъ Россіи, чтобы выступить въ составъ Назрановскаго отряда, которому предстояло строить укрѣпленія въ верховьяхъ Сунжи. Въ тоже время былъ сформированъ для усиленія береговой линіи Черноморскій линейный № 12 батальонъ и изъ Кабардинскаго полка взято туда 40 унтеръ-офицеровъ и 483 человѣка рядовыхъ; это ослабило наши батальоны значительно, а маршевые батальоны 5-го корпуса запоздали на пути изъ Москвы и пополнить рядовъ не было возможности.

Въ сентябрѣ, когда дѣла на лѣвомъ флангѣ потребовали болѣе рѣшительныхъ мѣръ, 3-й и 4-й батальоны были взяты изъ Лабинскаго отряда и поспѣшно двинулись на Терекъ, куда они прибыли однако уже слишкомъ поздно, чтобы предупредить вышеупомянутые набѣги Ахверды-Магома. Въ ок-

тябрѣ, 18-го числа, ихъ двинули въ Грозную въ составъ отряда генерала Граббе. Съ ними былъ и самъ полковой командиръ генералъ-маіоръ Лабынцовъ.

Какъ только черкесы узнали объ уходѣ этихъ двухъ баталъоновъ съ Лабы, они начали собираться для усиленныхъ враждебныхъ дѣйствій. Чтобы показать имъ, что мы достаточно сильны не только отражать ихъ нападенія, но и наказывать ихъ въ собственныхъ аулахъ, генералъ Зассъ собралъ колонну изъ 500 егерей 2-го батальона, съ 1000 человѣкъ казаковъ, и ночью на 3-е октября двинулись за Лабу чрезъ Псефыръ и Фарсъ, достигнувъ на разсвѣтѣ Длиннаго лѣса. Скрывъ войска въ глубокомъ оврагѣ, генералъ Зассъ надѣялся захватить въ расплохъ стада по выпускѣ ихъ изъ ауловъ на пастьбу, но черкесскими разъѣздами отрядъ былъ открытъ и потому пришлось ограничиться сожженіемъ запасовъ хлѣба и сѣна и отступить, причемъ, по обыкновенію, собравшіяся толпы горцевъ насѣли на арріергардъ; но были отражены съ урономъ; батальонъ же потерялъ 1-го убитаго и 2-хъ раненыхъ.

8-го октября колонна опять выступила на р. Ходзь и въ теченіе нѣсколькихъ дней прикрывала офицеровъ генеральнаго штаба съ топографами, производившихъ съемку мѣстности. Въ перестрѣлкѣ у насъ убитъ 1 рядовой.

Въ ноябрѣ были взяты двѣ роты для прикрытія Прочнаго Окопа, а затѣмъ и остальныя оставили Лабу и расположились по укрѣпленіямъ.

Съ прибытіемъ нашихъ двухъ батальоновъ, успѣвшихъ прибывшими маршевыми ротами пополнить свои ряды до значительнаго состава 1700 человѣкъ, генералъ Граббе, уже самъ находившійся на лѣвомъ флангѣ, предпринялъ наступательныя движенія въ Чечню.

27-го октября отрядъ выступилъ изъ Грозной къ Алдѣ, гдѣ и захватилъ много рогатаго скота и барановъ, отданныхъ Луковской и Калиновской станицамъ въ вознагражденіе за угнанныхъ у нихъ въ сентябрѣ чеченцами. 28-го числа отрядъ двинулся вверхъ по р. Гойтѣ къ Урусъ-Мартону; въ аріергардѣ шли Кабардинцы, огрызаясь на каждомъ шагу

отъ насѣдавшаго непріятеля; потеря въ тотъ день ограничилась 10 человѣками (собственно Кабардинцевъ, потому что о другихъ частяхъ войскъ я не упоминаю). 29-го числа отрядъ пришелъ въ Гехи, а генералъ Галафѣевъ съ особой колонной изъ 4-хъ батальоновъ (въ томъ числѣ оба Кабардинскіе), 6 орудій и одной сотней ходилъ отъ аула Хазыръ-Рошни влѣво, въ лѣса, гдѣ пріютились у подошвы Черныхъ горъ хутора, служившіе убѣжищемъ всѣмъ выселеннымъ съ Терека чеченцамъ. Здѣсь у нихъ были собраны всѣ запасы на зиму. Все это, а также ближайшій аулъ Шуаибъ-Юртъ были сожжены и истреблены.

Послѣ жаркаго дѣла при отступленіи, стоившаго намъ 4-хъ убитыхъ, 8 раненыхъ и нѣсколькихъ контуженныхъ, колонна присоединилась въ Гехи къ отряду. 30-го продолжалось движеніе къ Валерику, и хотя Ахверды-Магома опять собралъ значительную партію за устроенными завалами, но дѣло вышло уже не такое, какъ лѣтомъ при движеніи генерала Галафѣева: во 1-хъ, чеченцы были крайне смущены послѣдними разореніями, во 2-хъ, осенью лѣсъ не представлялъ тѣхъ затрудненій, въ 3-хъ, и это главное, войска не пошли на авось, безъ знанія мѣстности, прямо въ устроенную западню, а обошли завалы и только аріергарду осталось отбиваться отъ обратившихся на него всѣми силами чеченцевъ; но, по словамъ генерала Граббе, «храбрые Кабардинцы, подъ начальствомъ своего опытнаго и распорядительнаго командира, остановили всѣ покушенія непріятеля, прогнали его съ большимъ урономъ въ лѣсъ и благополучно прошли до открытой мѣстности». У насъ при этомъ раненъ поручикъ Федоровъ; вся же потеря была 1 убитый, 2 офицера и 8 радовыхъ раненныхъ. Занявъ Ачхой, отрядъ остановился на ночлегъ.

1-го ноября была послана отсюда особая колонна въ глубь лѣсовъ, гдѣ скрылись бѣжавшіе изъ Ачхоя жители; но дорога оказалась почти непроходимою и потому ограничились сожженіемъ запасовъ, и съ потерею 3-хъ убитыхъ, 1 офицера и 16 рядовыхъ раненыхъ, возвратились. 2-го числа генералъ Лабынцовъ съ своими двумя батальонами былъ посланъ отдѣльно отъ отряда, двинувшагося къ р. Фортангѣ, для истреб-

ленія ауловъ до Самашки. Ахверды-Магома съ особымъ упорствомъ сопротивлялся при каждомъ перелѣскѣ и вообще удобной мѣстности, стараясь задержать движеніе колонны Лабынцова, до прибытія ожидаемой съ часу на часъ большой партіи. Особенно насѣдали чеченцы на арріергардъ. Но колонна, истребивъ четыре аула со всѣми запасами, благополучно вышла къ Казакъ-Кичу, потерявъ 18 человѣкъ раненыхъ, въ томъ числѣ юнкера Бенкендорфа; 3-го числа отрядъ пришелъ въ Галай-Юртъ, а 4-го на р. Ассу и здѣсь опять была послана отдѣльная колонна въ трущобы, гдѣ скрылись семейства съ имуществомъ и скотомъ всѣхъ бѣжавшихъ жителей. Послѣ перехода чрезъ Ассу, въ одномъ изъ самыхъ трудно-доступныхъ мѣстъ, вся партія Ахверды-Магома, до 2,000 человѣкъ, обрушилась на аріергардъ, состоявшій изъ 3-го батальона Кабардинскаго полка. Натискъ былъ до того стремительный, что батальонъ долженъ былъ остановиться, а чеченцы, видя свое несоразмѣрное превосходство и позьзуясь знаніемъ всѣхъ тропинокъ, обходили со всѣхъ сторонъ и безпрестанно бросались съ шашками и кинжалам изъ-за чащи; но наши егеря встрѣчали ихъ штыками и отбрасывали назадъ; гики, ура, выстрѣлы сливались въ одинъ непрерывный гулъ; бой закипѣлъ здѣсь жестокій. Въ это время главная колонна лѣвымъ берегомъ Сунжи уже переходила къ Заканъ-Юрту и генералъ Граббе, услыхавъ неумолкаемое ура и гиканіе, отправилъ бѣгомъ батальонъ Куринцевъ съ двумя орудіями за Сунжу, для облегченія отступленія нашего батальона. Тогда только 3-й батальонъ рѣшился начать отступленіе къ рѣкѣ, отстрѣливаясь и обдавая картечью выскакивавшія кучки чеченцевъ. Вся потеря наша въ этомъ жаркомъ дѣлѣ состояла изъ 83 убитыхъ и 89 раненыхъ нижнихъ чиновъ, изъ коихъ 76 убитыхъ и 66 раненыхъ Кабардинцевъ. Убиты Кабардинскаго полка штабсъ-капитанъ Билимовъ, прикомандированные къ полку л.-гв. Финляндскаго полка поручикъ баронъ Штакельбергъ и финскаго стрѣлковаго батальона прапорщикъ Валеніусъ, одинъ саперный и одинъ артиллерійскій офицеры, раненъ Кабардинскаго полка поручикъ Грибовскій.

5-го числа отрядъ пришелъ къ Алханъ-Юрту, уничтожилъ

здѣсь кругомъ большіе запасы хлѣба и сѣна, а 6-го числа возвратился въ Грозную.

Давъ войскамъ три дня отдыха, генералъ Граббе выступилъ въ Большую Чечню за Аргунъ, чрезъ Топлинскую переправу. Переправа оказалась чрезвычайно затруднительною; чеченскія арбы, на которыхъ везли провіантъ и снаряды, ломались, опрокидывались, кладь подмачивалась, скотъ изнурялся и жители единственныхъ трехъ-четырехъ ауловъ, оставшіеся намъ покорными, роптали, обремененные этою тяжелою повинностью; ничтожная плата, имъ выдаваемая, далеко не вознаграждала ихъ ни за трудъ, ни за потери.

12-го ноября, имѣя лишь въ аріергардѣ слабыя перестрѣлки, отрядъ пришелъ въ Германчикъ и приступилъ къ разоренію хуторовъ и истребленію запасовъ, хотя незадолго предъ тѣмъ здѣсь уже былъ отрядъ генерала Галафѣева съ тою же цѣлью. 13-го числа двинулись въ Гельдыгенъ, который и истребили до основанія. Этотъ день стоилъ отряду 2-хъ убитыхъ и 16 раненыхъ нижнихъ чиновъ. 14-го числа пошли къ Кюмишъ-юрту; дорога пролегала частымъ орѣшникомъ, въ коемъ непріятель, по обыкновенію, насѣлъ-бы на аріергардъ; въ предупрежденіе этого устроили засады изъ скрытыхъ по бокамъ дороги ротъ, и чеченцы, увлекшись преслѣдованіемъ, были вдругъ атакованы сзади и понесли большую потерю. Нашъ уронъ состоялъ изъ 8 убитыхъ, 40 раненыхъ нижнихъ чиновъ и 2 контуженныхъ офицеровъ. Послѣ ночлега въ Маюртупѣ, 15-го числа отрядъ прибылъ на р. Гонсауль къ аулу Аку-юрту и остался здѣсь 16 числа, пока генералъ-маіоръ Лабынцовъ, съ отдѣльной колонной изъ 4-хъ батальоновъ (въ томъ числѣ оба Кабардинскіе), ходилъ по окрестностямъ для истребленія многихъ гнѣздившихся по обоимъ берегамъ рѣки ауловъ.

17-го числа выступили войска изъ Аку-Юрта вверхъ по р. Мичику въ Бата-Юртъ, мѣстожительство Шуаибъ-Муллы. Къ чеченцамъ подошли подкрѣпленія изъ Ичкеріи и Салатавіи; они устроили завалы и рѣшились защищаться при дальнѣйшемъ движеніи нашемъ чрезъ лѣса. Въ авангардѣ былъ нашъ 3-й батальонъ, гнавшій предъ собою непріятеля друж-

ными залпами и ударами въ штыки, а 4-й батальонъ, шедшій въ правой цѣпи, не выходилъ ни на минуту изъ огня; на протяженіи двухъ верстъ вездѣ кипѣло дѣло и, противъ обыкновенія, этотъ разъ все въ авангардѣ, да въ боковыхъ цѣпяхъ, а аріергардъ оставался совершенно спокойнымъ. На поддержку нашему 3-му батальону былъ посланъ батальонъ Тифлисцевъ и оба они нѣсколько разъ должны были штыками очищать себѣ путь. Наконецъ Батаюртъ былъ занятъ, истребленъ, и отрядъ, переваливъ чрезъ Качкалыковскій хребетъ, вышелъ къ Ойсунгуру. Въ этотъ день убитъ нашъ прапорщикъ Суринъ и 4 рядовыхъ, да ранено 37 человѣкъ, изъ коихъ 23 Кабардинца.

18-го числа отрядъ прибылъ въ Герзель-аулъ, совершивъ двадцатидневный трудный походъ чрезъ Чечню, въ ненастное время года и въ ежедневномъ бою съ непріятелемъ. Войска были сильно утомлены, поизносились и требовали отдыха; лошади пришли въ совершенное изнуреніе. Генералъ Граббе рѣшилъ распустить ихъ на зимнія квартиры *).

На результаты похода, само собою, возлагались большія надежды: преполагалось, что бѣдствія, испытанныя отъ раззоренія, и еще большія, предстоящія чеченскому населенію въ теченіе зимы, раскроютъ имъ глаза на весь ужасъ ихъ положенія, на безсиліе Шамиля защитить ихъ отъ русскихъ колоннъ и вынудятъ искать помилованія нашего и изъявить покорность; къ чему, по свѣдѣніямъ, большинство якобы уже давно готово, но изъ страха предъ мюридами не рѣшались заявить гласно...

Такъ окончился 1840 годъ *). Начало его сулило полный миръ и спокойствіе Восточному Кавказу; весна прине-

---

*) Кабардинскій полкъ на зиму 1840—41 расположился въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1-й бат. въ ст. Григорополиской, 2-й въ Баталпашинской, 3-й въ Екатериноградѣ, 4-й въ Наурѣ, Ищорской, Калиновской и Червленной поротно, 5-й, по всегдашнему, занималъ штабъ-квартиру Нальчикъ и укрѣпленія Баксанъ, Чирекъ и Хумару.

*) За дѣйствія въ 1840 году въ Кабардинскій полкъ даны слѣдующія награды: командиру полка Г. М. Лабынцову Анну 1-й ст., капитану Ка-

сла съ собою неожиданное возстаніе Чечни отъ Сулака до Военно-Грузинской дороги, съ нѣкоторымъ признакомъ безпокойствъ въ Дагестанѣ; лѣто раскрыло всю тщету надеждъ на упадокъ Шамилевскаго вліянія среди туземнаго населенія и, благодаря бездѣйствію отряда генерала Галафѣева, увеличило его значеніе и силы чуть ли не болѣе прежняго до Ахульгинскаго пораженія; а осень, причинивъ разореніе чеченцамъ и нѣсколько пораженій ихъ, опять возбудила поколебавшійся было оптимизмъ и обманчивыя надежды на скорое улучшеніе нашихъ дѣлъ. Хотя одно появленіе непріятеля въ Моздокѣ и уводъ семи большихъ, издавна покорныхъ надтеречныхъ ауловъ въ горы, почти въ виду нашего отряда, нанесли намъ такой нравственный ударъ, послѣ котораго нужно было много усилій и блестящихъ успѣховъ, чтобы возстановить нашу власть и обаяніе. Весь край между Сунжею и Андійскимъ Койсу и все пространство до Аварскаго Койсу признали Шамиля своимъ властителемъ и покорились его желѣзной волѣ. По его призыву, толпы устремлялись всюду, гдѣ или можно было взволновать мирное населеніе и уводить его въ горы, или воспользоваться добычею и нанести намъ вредъ. Кумыкская и Шамхальская плоскости подвергались безпрестаннымъ нападеніямъ, особенно со времени измѣны Чиркея, и сообщенія Темиръ-Ханъ-Шуры съ линіею требовали сильныхъ прикрытій, что затрудняло насъ чрезвычайно и изнуряло войска.

Генералъ Головинъ прямо обвинялъ генерала Граббе въ

реву Влад. 4-й; поручикамъ Педашенко, Перепелицыну, Грибовскому и подпор. Федорову Анну 3-й; поруч. Паскевичу Анну 4-й ст. за храбрость; въ слѣд. чины произведены: шт.-кап. Каревъ, поручики Двигубскій, Покусаевъ, подпоруч. Замойскій; маіоры Яковенко и Траскинъ, шт.-кап. Астафьевъ, поруч. Бабичевъ-Струковъ, Мещеряковъ, Кисловскій, Дятьковъ, Шелаевъ, Энгманъ; девять офицеровъ получили высочайшее благоволеніе; двое разжалованныхъ—Туманскій и Афанасьевъ произведены въ офицеры, и нижнимъ чинамъ 40 георгіевскихъ крестовъ. Впослѣдствіи вышли еще дополнительныя награды за дѣла въ отрядѣ ген. Засса на Лабинской линіи, именно: Анну 2-й ст. подполковнику Жердеву, Владим. 4-й ст. капитану Кананову, Станислава 3-й ст. поручику Ставицкому, слѣд. чинъ штабсъ-капитану Стандершельду, восьми офицерамъ высоч. благоволеніе, двумъ денежныя награды, нижнимъ чинамъ 12 георгіевскихъ крестовъ.

дурномъ оборотѣ, который приняли дѣла наши, особенно вслѣдствіе ничтожныхъ результатовъ дѣйствій 1840 года. Не отвергая совершенно основательности обвиненія, нужно однако въ оправданіе П. Х. Граббе сказать и то, что количество войскъ, съ которыми нужно было удерживать въ спокойствіи и подчиненіи громадное пространство отъ Военно-Грузинской дороги до Аваріи включительно (не касаясь Закубанскаго края), при примитивныхъ путяхъ сообщенія и другихъ ничтожныхъ средствахъ, было совершенно недостаточно и парализовало предпріимчивость, наконецъ, что несчастная катастрофа съ Черноморскими береговыми укрѣпленіями не могла не отозваться въ Чечнѣ и ускорила взрывъ пожара, уже тлѣвшаго тамъ подъ пепломъ.

XIV.

Предположенія о дѣйствіяхъ въ 1841-мъ году.—Происшествія въ Аваріи вслѣдствіе бѣгства Хаджи-Мурата и неудачнаго дѣла подъ Цельмесомъ.—Набѣгъ Ахверды Магома на Военно-Грузинскую дорогу.—Нападеніе Шамиля на Назранъ.—Начало дѣйствій отрядовъ и движеніе Чеченскаго къ Внезапной.—Выступленіе въ Салатавію и взятіе съ боя Хубарскихъ высотъ.—Неудавшаяся переправа Дагестанскаго отряда чрезъ Сулакъ у Ахатлы.—Соединеніе обоихъ отрядовъ и занятіе вторыхъ Хубарскихъ высотъ.—Занятіе Чиркея и выступленіе Чеченскаго отряда въ Аухъ.—Отзывъ Головина о Граббе.

Въ наступившемъ 1841 году утверждены были слѣдующія предположенія военныхъ дѣйствій. Чеченскому отряду пройти Большую и Малую Чечню по всѣмъ направленіямъ, воспрепятствовать жителямъ сдѣлать посѣвы хлѣба и вообще заготовить запасы пропитанія, вынудить тѣмъ бѣжавшихъ надтеречныхъ чеченцевъ возвратиться на старыя мѣста, а остальныхъ покориться. Вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить Военно-Грузинскую дорогу и послѣ приступить къ основанію передовой чеченской линіи, первыми звеньями коей должно быть сильное укрѣпленіе у аула Чахъ-Кири, при выходѣ р. Аргуна изъ ущелья на плоскость. Если же бы надтеречные чеченцы не захотѣли возвратиться, съ условіемъ быть обезоруженными, то земли ихъ отдать или жителямъ Малой Кабарды, или подъ русскія поселенія. Дагестанскій же отрядъ долженъ былъ взять аулъ Чиркей — столицу Салатавіи, разрушить его за неоднократныя измѣны русскому правительству, построить тамъ сильное укрѣпленіе, съ обезпеченной переправой чрезъ Сулакъ, а затѣмъ усилить до возможной степени оборону Темиръ-Ханъ-Шуры и Низоваго укрѣпленія на берегу Кас-

пійскаго моря, служившаго главнымъ складочнымъ пунктомъ всѣхъ продовольственныхъ и военныхъ запасовъ, доставляемыхъ изъ Астрахани для всего края.

Для усиленія войскъ на Кавказѣ была двинута изъ Крыма 14-я пѣхотная дивизія, въ составѣ 12-ти батальоновъ, изъ которыхъ 6-ть вошли въ составъ отряда генерала Засса на Лабѣ, а 6-ть замѣнили кавказскіе полки на линіи и въ Владикавказѣ, составляя резервъ. Оба отряда (Дагестанскій и Чеченскій), по тогдашнему взгляду на Кавказскую войну, были достаточно самостоятельны, состояли исключительно изъ старыхъ боевыхъ Кавказскихъ полковъ, снабжены были всѣмъ необходимымъ и поручены—Дагестанскій самому корпусному командиру, генералу Головину, а Чеченскій—герою Ахульго, генералъ-адъютанту Граббе. Первый долженъ былъ собраться 1-го мая въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, а второй къ 20 апрѣля въ Грозной. Въ составъ Чеченскаго отряда входили четыре батальона Кабардинскаго полка, стянутые, впрочемъ, гораздо раньше съ своихъ зимнихъ квартиръ: 1-й въ станицу Горячеводскую близь Пятигорска еще 3-го марта, гдѣ онъ долженъ былъ получить изъ полковаго штаба все нужное для приготовленія къ походу; 2-й въ Моздокъ, 3-й въ Владикавказъ, а 4-й въ Старый юртъ, для усиленія мѣстной обороны, впредь до сосредоточенія отряда. Батальоны были въ отличномъ составѣ, имѣя до 3,130 штыковъ въ строю.

Задолго однако до сбора отрядовъ и открытія дѣйствій, въ Дагестанѣ случилось происшествіе, имѣвшее крайне непріятныя послѣдствія. Читатели помнятъ, при описаніи событій 1834 года и истребленія въ Хунзахѣ аварскихъ хановъ, упоминается нѣкто Хаджи-Муратъ, убившій вмѣстѣ съ братомъ своимъ Османомъ имама Гамзатъ-Бека. Этотъ Хаджи-Муратъ, произведенный за свою вѣрную службу въ чинъ прапорщика милиціи, имѣвшій орденъ Станислава 3-й степени, пользовавшійся за свою храбрость и связи съ ханскимъ домомъ уваженіемъ аварцевъ, вдругъ подвергся немилости управлявшаго ханствомъ генералъ-маіора Ахметъ-Хана и по доносу его былъ заподозрѣнъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Шамилемъ. Отъ генерала Клугенау послѣдовало недостаточно об-

думанное распоряженіе арестовать Хаджи-Мурата и доставить въ Темиръ-Ханъ-Шуру. На дорогѣ, близь Моксоха, гдѣ по узкой тропинкѣ можно было идти только гуськомъ, *связанный* арестантъ внезапно бросился съ кручи, увлекъ съ собою одного изъ конвойныхъ солдатъ, который убился, а самъ съ сломанной ногой кое-какъ доползъ до ближайшихъ овечьихъ загоновъ и съ помощью пастуховъ спасся въ ближайшій аулъ, гдѣ послѣ мѣсячнаго лѣченія выздоровѣлъ. Затѣмъ уже, пылая местью къ Ахметъ-Хану и враждой къ русскимъ за такіе съ нимъ поступки, онъ явился къ Шамилю и поклялся ему въ вѣрности, а въ доказательство тотчасъ же отправился въ Аварію волновать населеніе. Избравъ резиденціею аулъ Цельмесъ, Хаджи-Муратъ отсюда удачно дѣйствовалъ чрезъ приверженныхъ людей, привлекалъ охотниковъ въ мюриды, возбуждалъ къ неповиновенію и т. д.

Генералъ Клугенау, желая истребить этого новаго возмутителя и не допустить усиленія возникшихъ въ Аваріи безпокойствъ, приказалъ двинуть къ Цельмесу батальонъ Апшеронскаго полка, съ двумя горными орудіями. Въ это время въ Дагестанѣ находился состоявшій при генералъ-фельдцейхмейстерѣ, великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, генералъ маіоръ Бакунинъ, командированный для инспектированія всей кавказской артиллеріи. Чтобы отличиться, генералъ этотъ принялъ начальство надъ батальономъ и двинулся къ Цельмесу. Несообразивъ числа засѣвшихъ въ каменныхъ сакляхъ горцевъ, ни удобствъ мѣстности, ни своей слабой силы (около 470 человѣкъ), генералъ Бакунинъ прямо бросился на штурмъ. Смертельно раненный, потерявъ треть батальона убитыми и ранеными и половину офицеровъ, онъ передалъ команду подполковнику Пассеку, который съ трудомъ съ остатками батальона отступилъ къ Хунзаху, гдѣ Бакунинъ и умеръ.

Во всякой другой войнѣ подобный случай былъ бы сочтенъ обыкновеннымъ частнымъ неуспѣхомъ, возможнымъ вездѣ и всегда, не влекущимъ за собою особо важныхъ послѣдствій для хода кампаніи; но на Кавказѣ — дѣло другое: тутъ всякая наша неудача, особенно очевидное пораженіе и от-

ступленіе, съ бросаніемъ не только тѣлъ своихъ убитыхъ, но даже нѣскольких раненыхъ, роняло насъ въ глазахъ горцевъ, возвышая ихъ нравственно и поощряя къ большей предпріимчивости въ борьбѣ. Особенно важно было подобное событіе въ то время, когда обаяніе нашей силы, нашей непобѣдимости еще были въ полной мѣрѣ присущи на Кавказѣ, когда батальонъ съ двумя пушками еще считался отрядомъ, когда потеря генерала утраивала значеніе пораженія; наконецъ, въ то время, когда Шамиль, такъ неожиданно возстановившій свою власть, еще только начиналъ задумывать свои планы къ поднятію противъ насъ всего Дагестана.

Происшествіе въ Цельмесѣ ободрительно подѣйствовало на нашихъ противниковъ и, переданное въ преувеличенномъ видѣ, разнеслось по горамъ побѣдною вѣстью.

Вскорѣ послѣ этого, въ совершенно противоположной сторонѣ случилось другое, не менѣе прискорбное происшествіе. 28-го апрѣля (1841 г.) наибъ Малой Чечни Ахверды-Магома, съ 2 тысячами доброконныхъ чеченцевъ, переправясь близъ аула Самашки чрезъ Сунжу, прошелъ Малую Кабарду и проникъ на Военно-Грузинскую дорогу, напалъ тамъ на военное поселеніе Александровское и на жителей, бывшихъ въ полѣ на работахъ; горцы многихъ изрубили, болѣе 100 душъ взяли въ плѣнъ и угнали весь скотъ. Не взирая на присутствіе кругомъ не малаго числа русскихъ войскъ, Ахверды-Магома прошелъ туда и обратно, не встрѣтивъ никакихъ препятствій.

Выступившій по тревогѣ изъ Владикавказа полковникъ Нестеровъ, съ нѣсколькими батальонами, орудіями и казаками, почти настигъ партію, когда она у Казакъ-Кичу только что переправилась за Сунжу, и совершенно утомленная, остановилась ночевать; пространство между нашею колонною и чеченцами было какихъ нибудь полторы, двѣ версты; у насъ слышны были плачъ плѣнныхъ бабъ, ревъ скота и разговоры чеченцевъ; рѣка въ этомъ мѣстѣ узка, мелка и удобопроходима для пѣшихъ; мы имѣли преимущество въ артиллеріи; но полковникъ Нестеровъ не рѣшился атаковать непріятеля, не взирая на убѣжденія нѣкоторыхъ офицеровъ, и чеченцы, от-

дохнувъ, въ виду нашей колонны удалились невредимо съ своей добычей...

Въ такомѣ видѣ разсказывалось впослѣдствіи это дѣло участниками и съ нашей стороны, и съ чеченской стороны. Понятно, какое ободряющее вліяніе должно было имѣть подобное происшествіе на все туземное населеніе и какое, напротивъ, удручающее на русскихъ поселенцевъ и даже на войска...

Нѣсколькими днями раньше этого самъ Шамиль, съ большимъ скопищемъ, приблизился къ Назрану и совершенно открытою силою рѣшился атаковать расположенный тутъ небольшой отрядъ полковника Нестерова, выдвинутый изъ Владикавказа, для защиты оставшихся намъ покорными Назранскихъ и Карабулакскихъ ауловъ. Въ отрядѣ этомъ былъ и 3-й батальонъ Кабардинскаго полка, подъ командою маіора Траскина. При всемъ мужествѣ нашихъ войскъ и преимуществѣ ихъ предъ нестройными толпами горцевъ, едва ли удалось бы однако Нестерову съ его отрядомъ въ какихъ нибудь полторы тысячи человѣкъ прикрыть большое пространство кругомъ Назрана противъ 15 тысячъ, большею частью конныхъ непріятелей, если бы сами жители, ободряемые поддержкой русскихъ штыковъ и пушекъ, не рѣшились, и совершенно искренно, сопротивляться затѣянному Шамилемъ насильственному переселенію ихъ въ горы и неизбѣжному разоренію.

Два дня сряду, 6 и 7 апрѣля, атаковалъ Шамиль то съ одной, то съ другой стороны Назранъ и особыми партіями русскій отрядъ, обходя его и угрожая пути отступленія въ Владикавказъ, но безуспѣшно: жители Назрана и милиція изъ ихъ сосѣдей осетинъ дрались мужественно, а роты нашего 3-го батальона просто превзошли себя въ этотъ разъ: гдѣ только пунктъ оказывался слабѣе, гдѣ требовалось немедленное подкрѣпленіе колебавшейся милиціи, туда полковникъ Нестеровъ посылалъ то одну, то двѣ роты Кабардинцевъ съ пушкой, и ихъ приближенія уже было достаточно, чтобы воодушевлять милиціонеровъ и заставить ихъ отстаивать занятое мѣсто или переходить въ наступленіе. Ротамъ нашимъ приходилось нѣсколько разъ въ критическую минуту бросаться

и только шагъ за шагомъ, подъ непрерывнымъ огнемъ, могъ подвигаться впередъ. Крики «ура», гики горцевъ, трескотня жестокой ружейной стрѣльбы сливались въ одинъ гулъ. Бой длился уже два часа и только три батальона (1-й и 4-й Кабардинскіе и 3-й Куринскій) выносили его на своихъ плечахъ. Наконецъ подошла главная колонна и тотчасъ были двинуты нашъ 2-й батальонъ на поддержку 1-му, а Навагинскій къ 4-му; тогда только сломили упорное сопротивленіе непріятеля, сбили его со всѣхъ высотъ и заняли доминирующія надъ дорогою высоты. Мы потеряли 17 убитыхъ, 4 офицеровъ и 90 нижнихъ чиновъ раненыхъ. Здѣсь командовавшій ротою въ 1-мъ батальонѣ поручикъ Шелаевъ оказалъ въ виду всего отряда такое отличіе, что генералъ Граббе представилъ его къ георгіевскому кресту. Императоръ Николай сначала отказалъ, потому что за самое начало экспедиціи уже было прислано слишкомъ большое представленіе. Государь приказалъ объявить, что наградитъ всѣхъ, когда будетъ достигнутъ какой нибудь положительный успѣхъ. Впослѣдствіи однако представленіе было утверждено и Шелаевъ получилъ Георгія за взятіе Хубара.

Въ ожиданіи прибытія Дагестанскаго отряда, здѣсь была дневка и произведена фуражировка, причемъ произошло жаркое дѣло при отступленіи. Въ аріергардѣ былъ 1-й батальонъ Кабардинскаго полка, которому, конечно, и пришлось выдержать всѣ яростныя нападенія непріятеля. Потеря была: 1 убитый офицеръ и раненыхъ—4 офицера и 28 нижнихъ чиновъ. Всѣ четверо раненые Кабардинцы: капитанъ Каревъ, штабсъ-капитанъ Куликовъ, поручикъ Коротковъ (пулей въ лѣвый високъ) и Костюринъ, прикомандированный изъ Шлиссельбургскаго егерскаго полка. До чего офицеры не берегли себя и были впереди своихъ солдатъ, достаточно этого примѣра: на 28 нижнихъ чиновъ потеря 5 офицеровъ! Что удивительнаго, если нижніе чины воодушевлялись такимъ самоотверженнымъ мужествомъ своего начальства.

Между тѣмъ Дагестанскій отрядъ, выступивъ изъ Шуры 8-го мая къ Ахатлинской переправѣ, предполагалъ, по совѣту генерала Клугенау, здѣсь перейти Сулакъ и берегомъ подойти

къ Чиркею, лежащему только въ 7 верстахъ отсюда. Но послѣ усиленной рекогносцировки и попытки форсировать переправу, сильно укрѣпленную и занятую многочисленнымъ непріятелемъ, генералъ Головинъ, понеся довольно значительную потерю, во избѣжаніе неминуемыхъ большихъ жертвъ, быть можетъ безуспѣшныхъ, рѣшился оставить эту дорогу и пойти на Міятлы, гдѣ, перейдя рѣку, подняться тоже въ Салатавію и оттуда уже спуститься въ тылъ Чиркея. Рѣшеніе вполнѣ благоразумное, да и странно, что генералъ Клугенау, хорошо знакомый съ краемъ, посовѣтовалъ избрать путь на Ахатлы, не удостовѣрившись предварительно чрезъ вполнѣ вѣрныхъ людей въ отсутствіи тамъ непріятеля. Однако и здѣсь опять мы только содѣйствовали поднятію духа Шамиля и всѣхъ его приверженцевъ, видѣвшихъ, что они могутъ бороться съ русскими, когда ихъ 12½ батальоновъ, 2 эскадрона драгунъ и 32 орудія, предводимыхъ самимъ сардаремъ (главнокомандующимъ).

Проходя правымъ берегомъ Сулака противъ Чиркея, генералъ Головинъ оставилъ здѣсь особоую колонну изъ 4-хъ батальоновъ съ генераломъ Фези, для подготовленія матеріаловъ на предполагаемыя постройки, а самъ, перейдя у Міятлы рѣку, 24-го числа соединился съ чеченскимъ отрядомъ. 15-го числа атаковали непріятеля, укрѣпившагося на вторыхъ уступахъ лѣсистыхъ Хубарскихъ высотъ, и, не взирая на чрезвычайно сильную позицію, искусственно завалами укрѣпленную, на многочисленныя толпы горцевъ, воодушевляемыхъ лично Шамилемъ, батальоны наши заняли Хубаръ, безъ особенно значительныхъ потерь. Кабардинскіе батальоны (2-й и 3-й) подъ командою Лабынцова въ правой колоннѣ, гдѣ и было главное дѣло, показали себя по всегдашнему безупречными молодцами и вмѣстѣ съ Куринцами заслужили особенно лестный отзывъ корпуснаго командира, первый разъ видѣвшаго ихъ въ бою. Въ числѣ потерь того дня (4 убитыхъ, 1 офицеръ и 37 нижнихъ чиновъ раненыхъ), у насъ выбыли изъ строя раненый припорщикъ Якубовскій и 8 рядовыхъ, 1 солдатъ убитъ.

Послѣ этого, 16-го мая оба отряда двинулись къ Чиркею; но жители, узнавъ о пораженіи Шамиля на Хубарѣ, бѣжали изъ аула со всѣми семействами и дали возможность генералу

Фези до прибытія отрядовъ занять его безъ потери. Такимъ образомъ главное предпріятіе, исполненіе котораго предполагалось сопряженнымъ съ большими затрудненіями и жертвами, совершилось очень легко, благодаря удачному дѣлу на Хубарѣ.

Не доходя до Чиркея 8 верстъ, войска расположились лагеремъ, а затѣмъ, послѣ окончательнаго избранія мѣста для укрѣпленія, Дагестанскій отрядъ приступилъ къ работамъ, а Чеченскій 20 числа двинулся чрезъ Дылымъ въ Аухъ, чтобы нанести пораженіе отступившему туда Шамилю и находившемуся тамъ же, по свѣдѣніямъ лазутчиковъ, Ахверды-Магомѣ съ партіей чеченцевъ, а также наказать ауховцевъ за постоянные набѣги на Кумыкскую плоскость.

Въ этотъ же день генералъ Головинъ отправилъ въ Петербургъ съ курьеромъ донесеніе обо всемъ происшедшемъ со времени выступленія обоихъ отрядовъ, и въ особомъ письмѣ къ военному министру, не взирая на всѣмъ извѣстныя недружелюбныя отношенія къ генералу Граббе, счелъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать, что Граббе въ высокой степени исполнилъ свой долгъ и строгой воинской подчиненности, и искренняго усердія къ пользѣ общей; и что онъ, Головинъ, былъ бы вполнѣ доволенъ, если бы могъ этимъ обратить вниманіе государя на заслуги генерала Граббе. При чтеніи этого письма, императоръ Николай собственноручно написалъ: «зная благородную душу генерала Граббе, никогда въ этомъ не сомнѣвался».

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи и привожу здѣсь этотъ эпизодъ изъ отношеній двухъ, несомнѣнно достойныхъ, генераловъ и государя, знавшаго своихъ преданныхъ слугъ и умѣвшаго цѣнить ихъ. Всѣ дѣйствующія лица давно уже успокоились сномъ вѣчнымъ, но для потомства не могутъ не быть интересными подобныя черты...

XV.

Дѣла съ горцами при разореніи Ауховскихъ ауловъ.— Выступленіе отряда въ Грозную.—Движеніе къ Чахъ-Кири.—Отступленіе для постройки укрѣпленій на Сунжѣ.—Выступленіе къ Заканъ-Юрту и работы здѣсь.— Окончаніе постройки укрѣпленій и движеніе за Сунжу.— Прибытіе въ Казакъ-Кичу и закладка втораго укрѣпленія.—Набѣги за Сунжу и дѣла съ чеченцами.— Окончаніе постройки и движеніе въ Малую Чечню. — Разореніе здѣсь ауловъ.— Выступленіе въ Большую Чечню.—Дѣла съ непріятелемъ.—Роспускъ отряда.—Зимніе набѣги изъ Грозной и Назрана.—Неудачное вторженіе Ахверды-Магомы.—Плѣнная чеченка-амазонка..

Выступая изъ окрестностей Чиркея, генералъ Граббе отправилъ впередъ всю кавалерію съ 1 и 2 батальонами Кабардинскаго полка, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лабынцова къ аулу Гуне, который, послѣ незначительной перестрѣлки и былъ занятъ. Къ вечеру подошелъ весь отрядъ и, послѣ ночлега, 21 мая двинулись къ Дылыму; разоривъ этотъ аулъ, тронулись къ Юртъ-Ауху, лежащему на весьма трудно доступной мѣстности, которую жители считали возможнымъ упорно оборонять. Вся кавалерія съ 1 и 2 нашими батальонами опять были посланы впередъ. Казаки, ворвавшись въ аулъ, были встрѣчены изъ окружающихъ его лѣсовъ сильнымъ огнемъ и нашему 2-му батальону пришлось бѣгомъ спѣшить на ихъ выручку. Прогнавъ непріятеля отъ опушки и обезпечивъ кавалерію отъ ружейнаго огня, наши батальоны прикрывали ее все время, пока аулъ былъ истребленъ. Къ вечеру того же дня отрядъ подошелъ къ Акташъ-Ауху; но здѣсь уже успѣли собраться значительныя скопища горцевъ, подъ начальствомъ самого Шамиля, занявшія сзади аула лѣсистыя высоты.

22-го мая съ разсвѣтомъ выступилъ отрядъ для атаки непріятельской позиціи. Наши 1 и 2 батальоны были посланы направо занять лѣсистыя высоты, командовавшія ауломъ, Куринцы въ самый аулъ, а начальникъ отряда съ нашимъ 3-мъ и еще двумя другими батальонами, при 8 орудіяхъ, перейдя рѣку Акташъ лѣвымъ берегомъ, атаковалъ высоты съ другой стороны. Здѣсь было встрѣчено сильное сопротивленіе; пришлось подкрѣпить эту колонну еще 4-мъ Кабардинскимъ батальономъ, и послѣ дружной атаки сбили наконецъ непріятеля съ первыхъ заваловъ. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, егеря тронулись опять и, шагъ за шагомъ, опрокидывая старавшихся задерживать ихъ горцевъ, достигли высотъ, очистивъ все пространство отъ непріятеля. Въ этомъ дѣлѣ опять произошла несоразмѣрная потеря офицеровъ: на 5 убитыхъ и 18 раненыхъ нижнихъ чиновъ ранено *девять* офицеровъ, въ томъ числѣ два полковника (князь Голицынъ и Полтининъ) и нашего полка поручикъ Померанцевъ.

23-го числа отрядъ вышелъ изъ ущелья Акташа на плоскость и расположился близь р. Ярыкъ-су на отдыхъ, въ которомъ войска весьма нуждались. Съ 9 по 23 мая они прошли 150 верстъ по горнымъ трущобамъ, два раза разбили непріятеля на Хубарѣ, нанесли ему нѣсколько пораженій въ Аухѣ, разорили нѣсколько непокорныхъ ауловъ и, что важнѣе всего, были главнымъ поводомъ легкаго занятія Чиркея. Все это были результаты несомнѣнно значительные, хотя нельзя не указать на совершенно безполезное движеніе въ Аухъ, ибо сожженіе нѣсколькихъ дрянныхъ ауловъ, состоящихъ изъ деревянныхъ саклей, весьма легко жителями въ изобильной лѣсомъ странѣ возобновляемыхъ, безъ захвата ихъ семействъ, стадъ или какого-нибудь имущества (все это заблаговременно было вывезено въ чащи лѣсовъ), едва-ли служило ощутительнымъ наказаніемъ и вознаграждало наши жертвы людьми, снарядами, запасами и временемъ. Если бы отрядъ занялъ удобный пунктъ въ Аухѣ, укрѣпилъ его и помѣстилъ гарнизонъ, съ подвижнымъ резервомъ, а самъ прорубилъ широкую просѣку на плоскость, чтобы во всякое время можно было съ небольшой колонной угрожать ауховъ-

цамъ и удерживать ихъ если не въ полной покорности, то хоть отъ набѣговъ на Кумыкскую плоскость, это было бы дѣло, на которое не жаль было бы хоть тройныхъ жертвъ; но такая 4-хъ дневная военная прогулка, повторяемъ, была безцѣльна. Самъ же генералъ Граббе вскорѣ писалъ генералу Головину, не совѣтуя ему предпринимать экспедицію въ Аухъ (что тотъ предполагалъ сдѣлать предъ роспускомъ Дагестанскаго отряда), какъ немогущаго имѣть никакого результата. Головинъ, впрочемъ, не послушалъ его и ходилъ въ Аухъ, гдѣ повторилась такая же процедура, какъ описанная выше.

Отдохнувъ сутки въ Герзель-аулѣ, генералъ Граббе двинулъ весь отрядъ въ Грозную, чтобы тамъ заготовить для крѣпости дровъ и сѣна, усилить транспортированіе съ Терека продовольственныхъ и военныхъ запасовъ, что требовало большаго прикрытія, составляло не малый трудъ для войскъ и одному гарнизону, состоявшему не болѣе какъ изъ двухъ-трехъ батальоновъ, было не подъ силу.

27-го числа войска пришли въ Умаханъ-юртъ, при впаденіи Аргуна въ Сунжу, и здѣсь чрезъ эту послѣднюю производилась тогда переправа на паромѣ, сопряженная въ полую воду съ большими неудобствами, остановками и изнуреніемъ людей. Въ теченіе нѣсколькихъ дней отрядъ съ трудомъ успѣлъ перебраться чрезъ Сунжу, а 2-го іюня прибылъ въ Грозную. Тутъ отрядъ пробылъ двадцать дней въ постоянныхъ работахъ, фуражировкахъ, конвоированіи транспортовъ и т. п.

22-го іюня генералъ Граббе выступилъ наконецъ къ Чахъ-Кири, у выхода рѣки Аргуна изъ ущелья на плоскость, гдѣ уже давно предполагалось построить сильное укрѣпленіе, какъ основаніе большой передовой чеченской линіи; отъ Чахъ-Кири вдоль подножія хребта Черныхъ горъ, вправо, по Малой Чечнѣ, до Владикавказа и влѣво до Внезапной должны были протянуться еще нѣсколько укрѣпленій, для окончательнаго завладѣнія чеченскою плоскостью, прикрытія всего въ тылу лежащаго пространства до Терека и поселенія на ней ряда казачьихъ станицъ.

Переночевавъ въ Ханкальскомъ ущельи, 23-го числа войска пришли на позицію у Чахъ-Кири; 24-го генералъ Граббе

произвелъ подробную рекогносцировку окрестности и начала ущелья, причемъ въ цѣпяхъ все время происходила перестрѣлка, стоившая намъ до 10 человѣкъ, и раненъ Кабардинскаго полка подпоручикъ Санинъ.

25-го іюня, по случаю дня рожденія императора Николая, былъ назначенъ войскамъ парадъ; но во время самаго молебствія сильная партія напала на табунъ отряда, бывшій на пастьбѣ подъ небольшимъ прикрытіемъ, и батальоны должны были бѣжать на выручку. Быстрое ихъ прибытіе помѣшало чеченцамъ воспользоваться добычею; они успѣли схватить только нѣсколько лошадей и въ перестрѣлкѣ ранили у насъ двухъ человѣкъ.

Генералъ Граббе, убѣдясь, что съ его средствами и при тогдашнемъ положеніи всего края, было бы несвоевременно приступать къ возведенію у Чахъ-Кири крѣпости, тѣмъ болѣе, что линія по Сунжѣ между Грозной и Владикавказомъ вовсе не была упрочена и на всемъ сто-верстномъ разстояніи имѣла только одно укрѣпленіе въ Назранѣ, рѣшился отступить назадъ въ Грозную и употребить войска до осени для постройки укрѣпленій по Сунжѣ, у Заканъ-Юрта и Казакъ-Кичу.

Предпріятіе это несомнѣнно имѣло важное значеніе и польза этихъ укрѣпленій впослѣдствіи выразилась довольно осязательно, хотя не могло идти въ сравненіе съ значеніемъ предполагавшейся передовой линіи. Но довольно странно было въ этомъ случаѣ то обстоятельство, что корпусный командиръ генералъ Головинъ, въ своихъ предположеніяхъ, настойчиво выражалъ мнѣніе, чтобы генералъ Граббе держался въ дѣйствіяхъ наиболѣе лѣвой оконечности линіи, слѣдовательно отъ Грозной чрезъ Кумыкскую плоскость къ Сулаку, имѣя въ виду первенствующее для насъ значеніе связи Кавказской линіи съ сѣвернымъ Дагестаномъ,—главнымъ театромъ Шамилевскаго поприща; а ген. Граббе перенесъ свою дѣятельность какъ разъ на противоположный правый конецъ линіи, къ Владикавказу...

Отступая отъ Чахъ-Кири, отрядъ прошелъ чрезъ Алду, этотъ фаталистическій чеченскій аулъ, изъ котораго въ XVIII-мъ

столѣтіи вышелъ извѣстный Шихъ-Мансуръ, гдѣ въ первый разъ русскіе потерпѣли пораженіе (какъ разсказано уже въ прежнихъ главахъ этой книги), аулъ, сотни разъ видѣвшій у себя незванныхъ русскихъ гостей, провожаемыхъ всякій разъ жаркимъ дѣломъ и не малой потерей. Такъ и въ тотъ разъ, 26 іюня, захватили у алдинцевъ скотъ, а 27, при отступленіи оттуда къ Грозной, чеченцы насѣли на аріергардъ, причемъ мы потеряли 1 убитаго офицера и 2-хъ рядовыхъ, да раненымъ славнаго командира Куринскаго полка Фрейтага, 1 офицера и 11 человѣкъ.

Послѣ трехдневнаго пребыванія въ Грозной, отрядъ выступилъ 1-го іюля вверхъ по Сунжѣ и 2-го числа остановился у Заканъ-Юрта на лѣвомъ берегу, приступивъ къ расчисткѣ лѣса подъ укрѣпленіе.

3-го числа чеченцы, по совершенно непонятному отступленію отъ своихъ исконныхъ обычаевъ, вздумали просто атаковать открытою силою нашъ отрядъ въ его лагерномъ расположеніи. Огромныя толпы пѣшихъ и конныхъ вдругъ высыпали изъ лѣса и открыли наступленіе, стараясь обходить наши фланги. Но 12 орудій встрѣтили ихъ такимъ огнемъ гранатъ, а ставшіе въ ружье батальоны тронулись такъ рѣшительно на встрѣчу, что непріятель счелъ за лучшее отказаться отъ новой тактики и поспѣшно отступилъ...

4 и 5-го числа расчистили лѣсъ и заложили укрѣпленіе. До 12 августа продолжалась постройка; по окончаніи работъ здѣсь былъ оставленъ гарнизонъ и вагенбургъ, а отрядъ налегкахъ выступилъ за Сунжу.

Я не считалъ нужнымъ входить въ подробности занятій войскъ въ теченіе шестинедѣльной стоянки у Заканъ-Юрта, и въ дальнѣйшемъ разсказѣ буду держаться того же правила, при упоминаніи о подобныхъ періодахъ дѣйствій, т. е. устройствѣ укрѣпленныхъ пунктовъ. Кто служилъ въ кавказскихъ войскахъ до шестидесятыхъ годовъ, хорошо знаетъ, въ чемъ заключалась служба въ такихъ случаяхъ и что приходилось вынести на своихъ плечахъ пѣхотѣ. Сегодня батальонъ на земляной работѣ, завтра на фуражировкѣ, послѣ-завтра въ лѣсу за хворостомъ и кольями, дальше въ другой лѣсъ за брев-

нами; послѣ, для разнообразія, въ прикрытіе транспорта, доставляющаго провіантъ или какіе нибудь запасы; въ промежутокъ, въ прикрытіе на пастьбѣ табуна и порціоннаго скота, на работѣ по укладкѣ кулей съ мукою въ *бунты*, или продѣлкѣ спуска къ рѣкѣ, — это днемъ все; ну, а ночью — въ цѣпь кругомъ лагеря, въ секреты, караулы и т. п. Каждый почти шагъ, изо-дня въ день, съ перестрѣлкой, съ ежеминутной возможностью быть убитымъ, раненымъ, или пропасть безъ вѣсти, т. е. чуть отошелъ неосторожно нѣсколько шаговъ, быть схваченнымъ внезапно выскакивающими изъ-за кустовъ горцами и уведеннымъ въ тяжкую неволю... Постоянно на чеку, готовымъ бѣжать на тревогу, или въ скрытно предпринимаемые внезапные набѣги, усиленно шагая ночь къ непріятельскому аулу, чтобы днемъ отступать, огрызаясь отъ озлобленнаго непріятеля, подобно взбудораженному пчелиному рою окружающаго въ лѣсной чащѣ звенья стрѣлковой цѣпи.

Вотъ болѣе или менѣе вѣрный перечень служебныхъ занятій, какія несли войска при постройкахъ на вновь занимаемыхъ пунктахъ, прослѣдить же ихъ по журналамъ отрядныхъ начальниковъ день за день не можетъ представить особаго интереса.

Итакъ, 12-го августа войска выступили за Сунжу. Генералъ Граббе взялъ всю кавалерію, четыре Кабардинскіе батальона и 10 орудій, прошелъ чрезъ Мити-Ирзау къ Шами и за р. Шалажи въ Алдарь, уничтожая по дорогѣ посѣвы и сжигая запасы сѣна. Непріятеля не было въ сборѣ и колонна прошла съ самой незначительной потерей до соединенія съ остальными войсками, расположившимися на удобной полянѣ на ночлегъ. 13-го числа перешли въ Ачхой, а 14-го къ Казакъ-Кичу, гдѣ, послѣ распланировки и расчистки мѣста, 19-го числа заложено укрѣпленіе и начаты работы.

26-го августа, по просьбѣ нѣсколькихъ чеченцевъ изъ переселенныхъ Шамилемъ надтеречныхъ ауловъ, была послана особая колонна изъ 4-хъ батальоновъ съ 6 орудіями и сотней казаковъ для прикрытія нѣсколькихъ десятковъ семействъ, желавшихъ уйти и возвратиться къ намъ на старыя мѣста. Такое возвращеніе генералъ Граббе считалъ весьма полезнымъ

и полагалъ совершенно простить этихъ измѣнившихъ намъ чеченцевъ, возвративъ имъ ихъ земли.

Колонна, подъ начальствомъ полковника Нестерова, дошла до указаннаго мѣста, но переселеніе не состоялось, потому что наибъ Ташавъ-Гаджи узналъ объ этомъ и успѣлъ удалить семейства еще дальше въ глубь лѣсовъ. Пришлось отступать безъ результата и притомъ въ виду собравшейся значительной толпы чеченцевъ, неупустившихъ случая въ лѣсу насѣсть на аріергардъ. Бывшая сзади всѣхъ рота Кабардинцевъ оказала чудеса храбрости, предводимая поручикомъ Ставицкимъ, который, не взирая на тяжелую рану, не оставилъ цѣпи, пока не вышли изъ лѣса; рота неоднократно бросалась въ штыки, отбивала отчаянныя атаки чеченцевъ, бросавшихся въ шашки.

Вся честь дѣла, по словамъ начальника колонны, неотъемлемо принадлежала геройскому мужеству поручика Ставицкаго. Кромѣ него раненъ еще 1 офицеръ, а нижнихъ чиновъ убито и ранено 26.

25-го сентября 3-й батальонъ Кабардинскаго полка отправленъ въ Назранъ для усиленія расположеннаго тамъ отряда, а 28-го числа этотъ отрядъ съ одной стороны, генералъ Граббе съ частью своихъ войскъ (въ томъ числѣ два батальона Кабардинскаго полка) изъ Казакъ-Кичу съ другой двинулись на р. Ассу для наказанія галашевцевъ за хищническіе набѣги на окрестности Владикавказа. Разоривъ аулы Чурчи-Арщты, войска безъ большой потери вышли на открытую поляну и расположились на ночлегъ. 29 числа колонны выступили къ аулу Адильгирееву. Мѣстность была одна изъ самыхъ труднодоступныхъ: на разстояніи 10 верстъ пройдены восемь глубокихъ лѣсистыхъ овраговъ, къ счастью незанятыхъ предварительно непріятелемъ и неукрѣпленныхъ завалами; небольшія партіи вели перестрѣлку съ цѣпями, но не могли остановить движенія. Въ аулѣ Берешки обѣ колонны соединились, 30-го отступили другой дорогой чрезъ густой лѣсъ, прорубая чащу для прохода артиллеріи, и 1-го октября возвратились въ свои мѣста.

За эти нѣсколько дней потеря ограничилась 3 офицерами ранеными, въ томъ числѣ Кабардинскаго полка штабсъ-капи-

танъ Шелаевъ, и 34 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Результатомъ же было истребленіе восьми ауловъ со всѣми запасами, захватъ 15 плѣнныхъ и нѣсколько сотъ штукъ скота, въ мѣстахъ, считавшихся галашевцами совершенно недоступными для русскихъ войскъ.

Шамиль послѣ всѣхъ этихъ дѣйствій нашихъ приказалъ чеченцамъ оставлять плоскость и выселяться въ трущобы Черныхъ горъ. Какъ ни тяжело было для населенія подобное распоряженіе, однако оно было исполнено подъ страхомъ тяжкихъ наказаній, налагаемыхъ наибами Ахверды-Магомой и Шуаибъ-Муллой, отчасти и изъ ненависти къ русскимъ разорителямъ ихъ жилищъ. Въ подобныхъ условіяхъ никакой народъ не могъ бы хладнокровно обсуждать стеченія обстоятельствъ, вынуждавшихъ русскихъ къ такимъ дѣйствіямъ, какъ разоренія и сожиганія ихъ имущества; тѣмъ менѣе можно было ожидать этого отъ чеченцевъ, или вообще какого нибудь кавказскаго племени, уже по самой религіи и исконнымъ привычкамъ къ необузданной волѣ стоявшихъ во враждебныхъ къ намъ отношеніяхъ.

Я бы ужъ слишкомъ далеко выходилъ изъ рамки, опредѣляемой моею, такъ сказать, спеціально задачею, если бы вдавался еще въ болѣе подробныя изложенія сущности всѣхъ обстоятельствъ, служившихъ основаніемъ такого или инаго рода дѣйствій противъ кавказскихъ горцевъ, и, потому, не распространяюсь болѣе объ этомъ предметѣ. Да, впрочемъ, самый ходъ дѣла достаточно объясняетъ эту сторону Кавказской войны.

Послѣ усиленныхъ работъ, 14-го октября, докончили постройку укрѣпленія Казакъ-Кичу, снабдили его всѣмъ необходимымъ и оставили гарнизонъ. Отрядъ же генералъ Граббе предположилъ на другой день двинуть въ Малую Чечню, а для развлеченія силъ непріятеля и нанесенія ему наибольшаго вреда, тремя колоннами одновременно: изъ Назрана, Казакъ-Кичу и Грозной.

15-го октября главный чеченскій отрядъ, перейдя Сунжу, двинулся на-легкахъ къ Чальчихи и Гази-юрту на р. Фортангѣ, гдѣ соединился съ Назрановскимъ отрядомъ полковника

Нестерова и, оставивъ подъ прикрытіемъ его всѣ вьюки, пошелъ къ Пханъ-Кичу. Здѣсь командовалъ самъ генералъ Граббе, имѣя съ собою 6 батальоновъ, въ томъ числѣ всѣ четыре Кабардинскаго полка. Вообще, все время, начиная съ экспедиціи въ Ахульго 1839 года, генералъ Граббе особенно благоволилъ къ Кабардинскому полку; если слѣдить со вниманіемъ за его журналами о военныхъ дѣйствіяхъ и диспозиціями къ движенію и дѣйствію войскъ, то нельзя не замѣтить, что Кабардинцы считались генераломъ чѣмъ то въ родѣ гвардіи, отборнаго войска, которое нужно держать въ резервѣ для рѣшительныхъ моментовъ боя, назначать въ самые важные и опасные пункты, гдѣ съ большею вѣроятностью можно встрѣтить сильное противодѣйствіе непріятеля, гдѣ требуется нанести рѣшительный ударъ или удержать за собою мѣстность: при наступленіи въ авангардѣ, при отступленіи въ аріергардѣ и т. д.

Роль эту раздѣляли почти всегда съ Кабардинскими батальонами и Куринскіе, но они, какъ мѣстные на лѣвомъ флангѣ, обязанные занимать Грозную и другіе постоянные пункты, не принимали участія въ дѣйствіяхъ въ цѣломъ составѣ полка, а большею частью только двумя, весьма рѣдко тремя батальонами, тогда какъ Кабардинскій полкъ все время четырьмя батальонами входилъ въ составъ отряда и, что еще важнѣе, съ своимъ командиромъ, генералъ-маіоромъ Лабынцовымъ во главѣ; а этотъ уже съ 1839 года былъ признанъ генераломъ Граббе человѣкомъ, «съ которымъ все удается» и вообще незамѣнимымъ въ качествѣ начальника отдѣльныхъ колоннъ.

Я вовсе не прибѣгаю къ какимъ либо натяжкамъ или краснорѣчивымъ измышленіямъ для восхваленія нашего полка. Помимо самыхъ дѣлъ и подвиговъ въ турецкую войну 1769—74 года и затѣмъ на Кавказѣ во времена Шихъ-Мансура, за Кавказомъ при Цыціановѣ, въ Чечнѣ и Дагестанѣ съ Ермоловымъ, достаточно уже обрисовывающемъ мѣсто Кабардинцевъ въ ряду другихъ полковъ, стоитъ заглянуть во всѣ реляціи и военные журналы, начиная съ 1834 года, чтобы убѣдиться, что Вельяминовъ и Граббе, Гурко, князь Воронцовъ,

Пассекъ и Клугенау, баронъ Врангель, Нестеровъ, не говоря о Козловскомъ и князѣ Барятинскомъ, одинаково отличали полкъ и иначе не упоминали объ немъ, какъ съ прибавленіемъ: «храбрые Кабардинцы».

Послѣ истребленія Пханъ-Кичу, генералъ Граббе пошелъ къ Шалажи, который тоже взятъ и сожженъ, а затѣмъ быстро двинулся къ богатѣйшему аулу Малой Чечни Нурикой, который нашихъ войскъ прежде у себя еще не видѣлъ и, по положенію своему у самыхъ уступовъ Черныхъ горъ, въ густомъ лѣсу, считался жителями недоступнымъ. Здѣсь была сложена главная часть имущества выселенныхъ съ Терека жителей и вообще это былъ богатый аулъ, жители коего извѣстны какъ лучшіе лекаря ранъ, аулъ—наполненный разными запасами. Неожиданность движенія была поводомъ, что жители успѣли только спасти свои семейства въ лѣсной трущобѣ и слабо защищались. Колонна, перейдя р. Валерикъ, мгновенно заняла Нурикой и совершенно его истребила.

16-го числа совершалось дальнѣйшее движеніе въ деревню Гехи. Дорога пролегала чрезъ густой лѣсъ и непріятель, успѣвшій между тѣмъ уже собраться въ значительномъ числѣ, по обыкновенію, атаковалъ аріергардъ, состоявшій изъ Кабардинскаго батальона съ друмя орудіями. Жаркая перестрѣлка, промежуточные выстрѣлы, изрѣдка гикъ чеченцевъ, звуки рожка, какой то особенный трескъ и гулъ, все это хорошо знакомое старымъ кавказцамъ, продолжалось, пока дорога давала еще кое какую возможность двигаться безъ особыхъ затрудненій орудіямъ, а стрѣлковой цѣпи держаться въ виду другъ отъ друга; но какъ только втянулись въ чащу орѣшника, гдѣ цѣпи невозможно не разорваться, а резервамъ слѣдовать за нею, гдѣ дорожка съуживается до того, что орудіе едва двигается, задѣвая осями за деревья, а чрезъ каждый десятокъ саженъ встрѣчаются еще препятствія въ видѣ поваленнаго дерева, или топкой канавы съ разрушеннымъ мостикомъ, чеченцы съ необычайною дерзостью бросились съ шашками наголо на цѣпь; но храбрые Кабардинцы, какъ говоритъ донесеніе, штыками встрѣчали всѣ атаки и съ громкимъ «ура!» бросались впередъ, отгоняя непріятеля дальше въ лѣсъ, нанося ему немалый

уронъ и продолжая отступать медленно, безъ всякаго замѣшательства. Дѣло это обошлось батальону не дешево: убитъ батальонный командиръ подполковникъ Власьевъ и 11 нижнихъ чиновъ, раненъ поручикъ Миклашевскій и 59 нижнихъ чиновъ. (При этомъ былъ также раненъ и начальникъ артиллерійскаго взвода поручикъ Сухотинъ).

17-го числа былъ разоренъ аулъ Магома-Ирзау, а особою колонною изъ 6 ротъ Кабардинцевъ, подъ начальствомъ комендира 3-го батальона подполковника Траскина, произведена фуражировка въ аулѣ Терга-юртъ. При отступленіи и перестрѣлкѣ у насъ выбыло 4 человѣка. 18-го числа пришли въ Урусъ-Мартанъ, гдѣ и соединились съ отрядомъ Фрейтага, пришедшимъ изъ Грозной. 19-го двинулись къ Алдѣ, пройдя съ перестрѣлкой чрезъ Гойтинскій лѣсъ, ночевали у Машанъ-юрта. Потеря: 1 офицеръ и 2 рядовыхъ убитыхъ, 25 нижнихъ чиновъ раненыхъ. Здѣсь отрядъ остановился до прибытія изъ Грозной транспорта съ продовольственными и боевыми запасами, а между тѣмъ отдѣльная колонна ежедневно ходила по окрестностямъ жечь аулы и истреблять чеченскіе запасы фуража. 22-го числа въ колоннѣ генерала Лабынцова у насъ раненъ 1 офицеръ и 8 нижнихъ чиновъ. 23-го числа колонною начальствовалъ генералъ Галафѣевъ, который проникъ въ самыя чащи Гойтинскихъ лѣсовъ, гдѣ укрылись съ имуществомъ и всѣми запасами на зиму семейства части бѣжавшихъ Надтеречныхъ и Сунженскихъ ауловъ. Все было истреблено до тла; но за то сопротивленіе сопровождалось ожесточеннымъ до изступленія боемъ. Въ аріергардѣ были двѣ роты Навагинскаго полка съ однимъ орудіемъ. На нихъ насѣла огромная толпа чеченцевъ, бросавшаяся прямо къ орудію. Тотчасъ были посланы на выручку двѣ роты Кабардинцевъ и двѣ роты Куринцевъ. Мѣстность оказалась такая, что никакой возможности не было разсыпать цѣпи, чаща непролазная и только по узкой дорожкѣ можно было двигаться. Поэтому пришлось идти безъ цѣпи по обѣимъ сторонамъ орудія. Ожесточеніе чеченцевъ не знало предѣла; въ 30 шагахъ слѣдовали они за аріергардомъ, стрѣляя почти въ упоръ; какъ только раздавался выстрѣлъ изъ орудія и залпъ нашихъ край-

нихъ рядовъ, они съ гикомъ бросались въ шашки и ихъ встрѣчали штыками, а орудіе, везомое на отвозахъ, заряжалось на ходу, останавливалось на секунду, обдавало картечью дорогу и трогалось дальше. Три версты чрезъ эту чащу отступленіе продолжалось полтора часа и одно орудіе выпустило 78 картечныхъ зарядовъ! Только при выходѣ на поляну неугомонный непріятель прекратилъ преслѣдованіе. Мы потеряли здѣсь 15 человѣкъ убитыхъ, генерала Галафѣева, 5 офицеровъ и до 100 нижнихъ чиновъ ранеными.

На этомъ окончились военныя дѣйствія въ Малой Чечнѣ и 24 октября весь отрядъ двинулся къ Аргуну, а 25 перешелъ рѣку къ Белгатою уже въ Большой Чечнѣ. 26 числа продолжалось дальнѣйшее движеніе къ Шали; а съ лѣвой стороны особая колонна генерала Лабынцова проходила лѣсами, истребляя хутора и запасы кукурузы и сѣна. Въ перестрѣлкѣ того дня убиты Кабардинскаго полка прапорщикъ Пересвѣтовъ и ранено три солдата.

Переночевавъ въ Германчикѣ, отрядъ на другой день прибылъ въ Гельдыгенъ, имѣя на дорогѣ у Автура, гдѣ приходилось пройти глубокій лѣсистый оврагъ, жаркое дѣло, стоившее одного убитаго и одного раненаго офицеровъ и 15 нижнихъ чиновъ. Слѣдующій день былъ употребленъ на переходъ къ Маюртупу. Опять лѣса, овраги, жаркая перестрѣлка, потеря: 5 убитыхъ и 22 раненыхъ нижнихъ чиновъ, да нѣсколько контуженныхъ офицеровъ и солдатъ.

29-го октября войска перешли въ Аку-юртъ, откуда особыя колонны были посланы кругомъ въ лѣсъ для истребленія хуторовъ и запасовъ. Перестрѣлка не умолкала весь день; чеченцы пользовались всякимъ удобнымъ мѣстомъ и пускали мѣткій выстрѣлъ въ наши ряды. Мы потеряли въ этотъ день 5 раненыхъ офицеровъ, въ томъ числѣ Кабардинскаго полка штабсъ-капитана Мещерякова, 1 убитаго и 40 раненыхъ нижнихъ чиновъ.

30 октября отрядъ двинулся въ Батаюртъ. Въ правой колоннѣ чрезъ густой лѣсъ шелъ генералъ Лабынцовъ со всѣми четырьмя нашими батальонами, имѣя всю дорогу, до перехода чрезъ р. Мичикъ, жаркое дѣло. Непріятель, зная, что

это уже послѣдній переходъ войскъ по Чечнѣ, собрался въ большомъ числѣ и свершалъ кровавые проводы гостямъ, особенно въ правой колоннѣ и аріергардѣ, гдѣ были Куринцы. Къ вечеру отрядъ перевалилъ чрезъ Качкалыковскій хребетъ, и достигъ Ойсунгура, гдѣ и стали лагеремъ. Въ этотъ день у насъ убито два, ранено 6 офицеровъ (Кабардинскаго полка подпоручикъ Лазаревичъ и прапорщикъ Цислинскій), контуженъ подполковникъ Траскинъ, нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя болѣе 60 человѣкъ.

Генералъ Граббе предполагалъ еще въ этотъ періодъ дѣйствій пройти и въ Ичкерію, но войска, послѣ семимѣсячныхъ безпрерывныхъ походовъ, работъ и лишеній, оказались уже такъ утомленными, обносившимися, нуждающимися въ отдыхѣ и улучшеніи своего снаряженія, а лошади еле передвигавшими ноги, что пришлось отказаться отъ продолженія дѣйствій, и 1-го ноября, перейдя въ Герзель-аулъ, отрядъ былъ распущенъ на зимнія квартиры. Наши батальоны получили слѣдующее распредѣленіе: 1-й въ Владикавказъ, 2-й въ Александровское поселеніе на Змѣйкѣ, 3 и 4-й по Тереку между Моздокомъ и Шелковой.

За все время дѣйствій 1841 года нашъ полкъ потерялъ 2-хъ убитыхъ, 8 раненыхъ, 5 контуженныхъ офицеровъ и до 250 нижнихъ чиновъ.

Придерживаясь убѣжденія, что чеченцевъ нужно зимою постоянно тревожить, разорять и довести тѣмъ до покорности, генералъ Граббе, уѣзжая въ Ставрополь, поручилъ командовавшему лѣвымъ флангомъ линіи генералъ-маіору Ольшевскому дѣлать при всякомъ удобномъ случаѣ набѣги въ разныхъ направленіяхъ, для истребленія запасовъ хлѣба и сѣна. Съ этою цѣлью батальоны, расположенные по Тереку на зиму, должны были быть всегда въ готовности по первому приказанію быстро переправляться чрезъ рѣку и идти къ Сунжѣ на указанный пунктъ.

13-го января 1842 года генералъ-маіоръ Ольшевскій собралъ въ Грозную войска для набѣга. 3 и 4-й батальоны Кабардинскаго полка были тутъ же, послѣдній прошелъ въ тотъ день 30 верстъ и, послѣ трехъ-часоваго отдыха, въ 10 ча-

совъ вечера уже опять долженъ былъ выступить за Аргунъ. Начальникомъ колонны былъ подполковникъ Козловскій, незадолго предъ тѣмъ присланный на лѣвый флангъ, какъ опытный боевой офицеръ, старый служака временъ Ермоловскихъ и кандидатъ въ полковые командиры *).

Не взирая на самую строгую таинственность движенія и быстроту, съ которою войска къ разсвѣту подошли къ аулу Ханкали-Кажъ, полнаго успѣха нельзя было имѣть: стая собакъ за четверть часа до аула подняла такой вой, что встревоженные жители выскочили изъ саклей и успѣли скрыть семейства въ ближайшій лѣсъ. Аулъ былъ занятъ нашимъ 4-мъ батальономъ, которымъ командовалъ штабсъ-капитанъ Невѣровскій (такая убыль была штабъ-офицеровъ!), захвачено много скота и разнаго имущества. При отступленіи въ аріергардѣ былъ 3-й батальонъ Кабардинскаго полка, подъ командою капитана Гулевича. Потерявъ одного убитаго и 10 раненыхъ нижнихъ чиновъ, да адъютанта начальника лѣваго фланга поручика Карпенко, который, упавъ съ раненой лошади, получилъ такой сильный ударъ въ голову, что чрезъ нѣсколько часовъ умеръ, колонна возвратилась въ Грозную.

20-го января опять сдѣланъ набѣгъ въ Малую Чечню. Въ 9 часовъ вечера выступили въ Заканъ-юртъ; отдохнувъ здѣсь нѣсколько часовъ, колонна перешла Сунжу и на разсвѣтѣ вступила въ густой лѣсъ, среди котораго были хутора галгаевцевъ. У опушки была оставлена вся кавалерія съ нашимъ 3-мъ батальономъ, а 4-й нашъ и 4-й Куринскій полковникъ Козловскій повелъ бѣгомъ къ хуторамъ; но тревога уже распространилась, жители успѣли и семейства и скотъ свой угнать дальше въ лѣсъ, такъ что удалось только зажечь скирды. При отступленіи, собравшаяся сильная толпа чеченцевъ насѣла на аріергардъ съ особымъ ожесточеніемъ, бросаясь къ орудію, которое шло на отвозахъ и жарило картечью. Полковникъ Козловскій приказалъ устроить засаду и двѣ роты нашего Кабардинскаго полка были размѣ-

*) Съ 16 февраля подполковникъ Козловскій уже былъ командующимъ Кабардинскимъ полкомъ, а 14 іюня, произведенный въ полковники, утвержденъ командиромъ.

щены по обѣ стороны дороги скрытно въ чащѣ. Какъ только аріергардный Куринскій батальонъ съ пушкой прошелъ и за нимъ толпа преслѣдующихъ чеченцевъ, роты выскочили изъ засады и ударили въ тылъ въ штыки. Ошеломленные такою неожиданностью, чеченцы, потерявъ не мало людей, бросились бѣжать въ разсыпную и только нѣсколько болѣе отчаянныхъ рѣшились умереть, защищаясь. При этомъ командиръ нашей 11-й егерской роты штабсъ-капитанъ Мещеряковъ тяжело раненъ шашкою въ голову и пулею въ животъ, а нижнихъ чиновъ убито 20, ранено 14.

Переночевавъ въ Заканъ-юртѣ, колонна возвратилась 20 числа въ Грозную.

Генералъ-маіоръ Ольшевскій доносилъ о безуспѣшности набѣговъ, не взирая на большія жертвы людьми, потому что чеченцы уже не живутъ по прежнему въ большихъ аулахъ, а разселились мелкими хуторами въ лѣсныхъ чащахъ, куда доступъ по узкимъ тропинкамъ затруднителенъ, и стали весьма бдительными, зная, что мы рѣшились ихъ тревожить. Однако набѣги и послѣ того не прекращались.

Начальникъ Назрановскаго отряда Нестеровъ тоже дѣлалъ такіе поиски въ своемъ раіонѣ. 23-го декабря 1841 года онъ, съ 6-ю ротами нашихъ 1-го и 2-го батальоновъ былъ на р. Ассѣ, сдѣлавъ въ два дня, въ сильный холодъ, мятель и по глубокому снѣгу, 60 верстъ, разоривъ какой-то хуторъ бѣглыхъ карабулаковъ, взявъ добычу въ десятокъ штукъ скота. Хорошо еще, что здѣсь обошлось дѣло безъ всякой потери.

20 и 21 февраля полковникъ Нестеровъ опять ходилъ въ верховья Ассы къ Галгаю, съ 6-ю ротами Кабардинцевъ и милиціею. При отступленіи чрезъ чрезвычайно крутую, лѣсистую гору, еще покрытую снѣгомъ, нашъ 1-й батальонъ два часа тащилъ на рукахъ два орудія на разстояніи одной версты, а двѣ роты 2-го батальона въ это время отбивались отъ сильно насѣдающихъ горцевъ. Было сожжено нѣсколько ауловъ, но мы потеряли 7 убитыхъ, 15 раненыхъ нижнихъ чиновъ, 8 раненыхъ милиціонеровъ, 2 офицера и 9 солдатъ сильно контужены... Отступленіемъ распоряжался нашъ маіоръ Шуляковскій и выказалъ отличную распорядительность и хладнокровіе.

1-го марта возвратившійся изъ отпуска, начальникъ лѣваго фланга, генералъ Фрейтагъ дѣлалъ набѣгъ на Алханъ-юртъ, гдѣ было отбито много скота, и удачно возвратился, потерявъ только двухъ раненыхъ. Въ этомъ дѣлѣ былъ 3-й батальонъ Кабардинскаго полка подъ командою маіора Зыкова, распоряжавшагося въ аріергардѣ.

Такимъ образомъ, всю зиму батальоны, вмѣсто отдыха и упражненія въ цѣльной стрѣльбѣ, то ходили въ набѣги, то бѣгали на тревоги, совершая форсированные 30—40 верстные переходы между Калиновской и Амиръ-аджиюртомъ, или Терекомъ и Сунжей.

15-го апрѣля 1842 года, Ахверды-Магома, избалованный успѣшными своими набѣгами, опять попытался съ большою партіею пробраться мимо Назрана къ Тереку. Но въ этотъ разъ съ нашей стороны было болѣе энергіи и распорядительности. Назрановская и Осетинская милиціи, поддерживаемыя пѣхотою съ орудіями, направились съ разныхъ сторонъ, окружили чеченцевъ и нанесли имъ изрядное пораженіе. Оба наши батальона (1 и 2-й) были раздѣлены на четыре полубатальона съ пушкой при каждомъ, и бѣгомъ слѣдовали за милиціею, такъ что непріятель, куда ни кидался, натыкался на русскія войска и долженъ былъ бѣжать, потерявъ не мало людей. Въ числѣ плѣнныхъ чеченцевъ одинъ, назвавшійся Томасъ-ханъ Молловъ, оказался женщиной, уже десять лѣтъ участвовавшей съ абреками въ набѣгахъ и дѣйствіяхъ противъ русскихъ. По повелѣнію государя, эта амазонка была доставлена въ своемъ костюмѣ и со всевозможными удобствами въ Петербургъ, и призвана въ Зимній дворецъ, гдѣ императрица Александра Ѳедоровна обласкала ее и подарила золотую цѣпь, а Государь приказалъ экипировать ее при собственномъ конвоѣ въ новый нарядъ; затѣмъ, получивъ на обратный проѣздъ денегъ, она уѣхала съ отправлявшимся въ отпускъ офицеромъ изъ горцевъ въ Владикавказъ. Послѣ, чрезъ мѣстное начальство, она еще обратилась съ просьбою, чтобы у нея взяли ненужную ей цѣпь и выдали ей 200 р., въ которыхъ она встрѣчаетъ крайнюю нужду, и хотя ей предлагали купцы эти деньги за цѣпь, но она считала неприличнымъ продавать царскій подарокъ.

Николай Павловичъ разрѣшилъ выдать ей 200 рублей, оставивъ ей и подарокъ *).

---

*) За отличія въ 1841 году въ полкъ даны слѣд. награды: Владиміра 4-й степени капит. Астафьеву, Анну 3-й ст. штабсъ-капитану Куликову, Станислава 2-й ст. капитану Кареву и шт.-кап. Викторову, Станислава 3-й ст. капит. Александровичу и шт.-кап. Короткову. Анну 4-й ст. прапор. Якубовскому; слѣд, чины: шт.-кап. Абаеву, поруч. Кареву, подпоруч. Корниловичу 1-му и 2-му, Долинскому, Кириленко; 12 человѣкамъ высоч. благоволенія; нижнимъ чинамъ 57 георг. крестовъ, 1 унт.-оф. и 4 рядовыхъ особенно отличившихся при нападеніи горцевъ на Александровское поселеніе награждены 1-й 20 руб., а послѣдніе по 10 р. на каждаго.

XVI.

Положеніе сѣвернаго Дагестана. — Безрезультатность предшествовавшихъ дѣйствій нашихъ. — Предположенія ген. Граббе и взглядъ императора Николая. — Соображенія генерала Головина. — Отношенія его къ Граббе. — Окончательныя распоряженія на 1842-й годъ.

Въ это время генераломъ Граббе было получено отъ генерала Клугенау донесеніе о критическомъ положеніи Сѣвернаго Дагестана, въ которомъ Шамиль уже опять успѣлъ привлечь почти все населеніе на свою сторону и угрожалъ вторженіемъ въ Аварію, гдѣ были разбросаны, въ жалкихъ укрѣпленіяхъ и башняхъ, безъ обезпеченнаго между собою сообщенія и всякихъ почти резервовъ, наши отдѣльныя слабыя команды. Генералъ Клугенау настойчиво доносилъ въ Тифлисъ о положеніи Дагестана, прямо озаглавливая свои представленія: «Обзоръ *бѣдственнаго* положенія Сѣвернаго Дагестана». Онъ указывалъ на жалкое состояніе не только укрѣпленій въ горахъ, но и самаго главнаго пункта—Темиръ-Ханъ-Шуры и укрѣпленія Низоваго, хранителя всѣхъ запасовъ, доставляемыхъ Каспійскимъ моремъ; на совершенный недостатокъ войскъ, сильно страдающихъ отъ болѣзней, подверженныхъ чрезвычайной смертности, вслѣдствіе климатическихъ условій, неимѣнія казармъ и чрезмѣрныхъ трудовъ; на скудность вообще всякихъ средствъ и тяжелое положеніе жителей, обремененныхъ повинностями по перевозкѣ провіанта въ горы Аваріи и снабженію тамошнихъ гарнизоновъ дровами за ничтожную плату, что вызывало ропотъ и неудовольствія, облегчая, конечно, агитацію мюридизма.

Генералъ Головинъ считалъ все это представленіе преуве-

личеннымъ, былъ недоволенъ, находилъ, что съ посылкою въ Дагестанъ изъ Грузіи четырехъ батальоновъ подкрѣпленій сдѣлано достаточно для упроченія положенія нашего и наконецъ смѣнилъ генерала Клуганау, поручивъ управленіе Дагестаномъ генералу Фези.

Болѣе подробное изложеніе всѣхъ обстоятельствъ того времени, чрезвычайно важныхъ для исторіи Кавказской войны, не могутъ входить въ настоящій трудъ мой, и я касаюсь ихъ, какъ уже имѣлъ случай упоминать, только вкратцѣ, для общей связи въ очеркѣ событій, вызывавшихъ дѣйствія съ участіемъ Кабардинскаго полка *).

Жандармскій генералъ въ Тифлисѣ совершенно справедливо доносилъ графу Бенкендорфу, что изъ Дагестана плохія вѣсти; Шамиль усилился, все возмутилось, ненадежно, генералъ Клугенау требуетъ подкрѣпленій. Отъ Владикавказа до Шамхальскихъ владѣній все въ рукахъ Шамиля, которому генералъ Граббе въ концѣ 1839 года предназначалъ влачить стыдъ свой и ничтожность въ скалахъ Кавказа»... Сердце разрывается отъ такихъ результатовъ, послѣ такихъ жертвъ, прибавлялъ жандармскій генералъ. Но это было обвиненіе одностороннее, потому что и главный начальникъ Кавказа Головинъ былъ не безупреченъ за слишкомъ большую увѣренность въ отсутствіи опасности для нашего положенія; да, наконецъ, и средства, въ его распоряженіи бывшія, не соотвѣтствовали потребностямъ измѣнившихся обстоятельствъ.

Генералъ Граббе, конечно, увлекался результатами Ахульгинской экспедиціи и вообще успѣхомъ предпринимаемыхъ имъ мѣръ. Даже 16-го августа 1841 года, послѣ окончанія постройки Заканъ-юртовскаго укрѣпленія и нѣсколькихъ набѣговъ въ Чечню, онъ еще надѣялся, что чеченцы изъявятъ покорность, а всѣ ушедшіе Надтеречные и Сунженскіе аулы возвратятся на свои мѣста и онъ предполагалъ объявить имъ полное прощеніе... Чрезъ два же мѣсяца, отъ 14-го октября,

---

*) Впрочемъ, интересующіеся этими событіями могутъ найти больше подробностей въ моей статьѣ «Матеріалы для исторіи кавказской войны» въ «Русск. Вѣст.» 1873 г.

онъ уже доносилъ, что возстаніе Чечни приняло рѣшительный оборотъ, война сдѣлалась народною и весьма упорною. Чеченцы готовы на всѣ жертвы, бросили отличныя насиженныя мѣста и ушли въ Черныя горы. Дѣло идетъ для насъ уже болѣе объ *оборонѣ*, и потому нужно прежде устроить линію по Сунжѣ и Кумыкской плоскости до Внезапной, а послѣ думать о передовой чеченской. Важнѣе всего прикрыть Владикавказъ, Военно-Грузинскую дорогу и Кабарду».—А въ концѣ года, не взирая на постройку другаго укрѣпленія въ Казакъ-Кичу и на вышеописанныя наступательныя наши дѣйствія, нанесшія чеченцамъ не малое раззореніе, генералъ Граббе уже счелъ нужнымъ представить въ Петербургъ записку, въ которой, описавъ возникновеніе одноличной власти Шамиля, какъ главы мюридизма и ея паденіе послѣ Ахульго, затѣмъ неожиданное возмущеніе Чечни и призывъ Шамиля въ распорядители судьбы чеченцевъ, способъ, употребленный имъ для прибранія необузданной чеченской вольницы къ рукамъ и проч., генералъ говоритъ: «Шамиль является теперь неограниченнымъ почти властителемъ; поселившись въ Ичкеріи, онъ управляетъ Чечнею чрезъ своихъ намѣстниковъ, собираетъ подати, налагаетъ повинности, не боится нарушать самые старинные обычаи чеченцевъ; принуждаетъ ихъ противъ воли выдавать въ замужество дочерей, воспрещаетъ кровомщеніе, вводитъ между ними начала хотя грубой, но сильной администраціи, орудіемъ коей служитъ разсѣянная по всей Чечнѣ, тѣсно сплоченная партія его приверженцевъ. Такимъ образомъ, Чечня представляетъ теперь народъ, соединенный подъ одною неограниченною властью; въ ихъ дѣйствіяхъ виденъ общій планъ и единство, настойчивость въ предпріятіяхъ и болѣе сильное нежели когда-нибудь упорство въ сопротивленіи русской власти. Это совершенно измѣняетъ отношенія наши къ чеченцамъ и характеръ войны съ ними».

«Если принять въ соображеніе то, что Шамиль, не ограничиваясь Чечнею, дѣйствуетъ и на лезгинъ *), что въ Гум-

---

*) Привожу здѣсь образчикъ его воззваній къ дальнимъ горнымъ обществамъ, обитателямъ ущелій главнаго хребта: Анкратль, Анцухъ и друг.

бетѣ, Андіи и другихъ мѣстахъ онъ хотя и несамовластенъ какъ въ Чечнѣ, но весьма силенъ, имя его извѣстно и снова стало уважаться, то намъ угрожаетъ опасность соединенія подъ одну власть лезгинъ и чеченцевъ, что будетъ имѣть для насъ самыя невыгодныя послѣдствія и потребуетъ новыхъ соображеній и средствъ».

Императоръ Николай около того времени собственноручно изложилъ свой взглядъ въ запискѣ, которую привожу здѣсь дословно, какъ историческій документъ, не лишенный интереса и значенія.

«Положеніе дѣлъ нашихъ на Кавказѣ, въ военномъ отношеніи, представляется мнѣ въ слѣдующемъ видѣ:

Береговая Черноморская линія:

Главныя, важнѣйшія точки заняты, укрѣпленія приведены въ лучшее состояніе; положено основаніе покоренію горцевъ съ сѣвера и юга; съ сѣвера мирными сношеніями съ ближними къ Анапѣ и Новороссійску; на югѣ покореніемъ джигитовъ.

Остается исполнить:

1) Устроить укрѣпленіе на Гостогаѣ и обзпечить окрестности Анапы, такъ чтобъ окончательно заселить отрѣзанный треугольникъ; сформировать изъ сего поселенія казачьи полки и предоставить имъ собственную оборону края, съ нужнымъ резервомъ, отъ регулярныхъ войскъ.

2) Привесть постепенно Новороссійскъ, а за тѣмъ и прочія укрѣпленія въ лучшее оборонительное состояніе; но въ особенности обезпечить лучшее въ нихъ расквартированіе войскъ для сбереженія ихъ здоровья.

«Отъ правителя дагестанцевъ и главнаго Имама Шамиля къ цѣлому Анцухскому обществу и духовенству. Поклонъ вамъ. Вы люди милостивые, сильные и есть помощь въ васъ. Выходите на бой противъ проклятыхъ; это доставитъ вамъ величайшія пользы, т. е. рай, если васъ истребятъ, а если удастся, то получите имущество проклятыхъ Богомъ. Они не имѣютъ силъ и войскъ кромѣ находящихся въ Хунзахѣ. Если Богъ поможетъ, мы ихъ уничтожимъ. Поспѣшайте исполнить все сказанное, въ противномъ случаѣ пеняйте не на меня, а на вашего государя, генерала и пристава. Вы понимаете. Богъ не оставитъ васъ безъ вниманія».

3) Дѣйствовать на умы горцевъ, какъ признано будетъ полезнѣе, для постепеннаго обузданія ихъ, избѣгая елико возможно неопредѣлительныхъ экспедицій, безплодныхъ и влекущихъ одни потери въ людяхъ и огромныя издержки.

4) Ограничить по возможности число регулярныхъ войскъ, требующихся для сей линіи.

Черноморскій край.

Проэктъ положенія *) начертанъ, кажется очень удовлетворительно; засимъ останется приводить его въ исполненіе съ должиою настойчивостію, дабы не остался на одной бумагѣ.

Остается исполнить:

1) Самый проектъ положенія привесть въ дѣйствіе.

2) Прислать сюда въ образцовый пѣхотный полкъ кадры пѣшихъ батальоновъ (черноморскихъ казаковъ), или послать туда инструкторовъ изъ учебныхъ карабинерныхъ полковъ.

3) По сформированіи войска по новому, опредѣлить постоянно, гдѣ и что имъ занимать, стараясь положенные очередные три батальона расположить такъ, чтобъ Тенгинскій полкъ былъ совершенно свободенъ въ резервѣ.

4) Рѣшить, можно-ли, нужно-ли устроить Вареникову переправу и сохранить Абинскъ?

По правому флангу Кавказской линіи.

Положено хорошее основаніе Лабинской линіи; симъ положеніе сего фланга значительно исправилось.

Остается исполнить:

1) Докончить линію ближе къ Лабинску.

2) Продолжать заселеніе станицами занятаго пространства.

3) Не тровожить сосѣдей, развѣ сами задирать будутъ и тогда сильно наказывать, не начиная на угадъ, а съ опредѣленною цѣлью и несомнѣннымъ успѣхомъ.

4) Сообразить, будетъ-ли выгодно занять по Бѣлую.

По центру или Военно-Грузинской дорогѣ.

Полагаю всѣ данныя наставленія и приказанія весьма дурно или даже вовсе неисполненными. Пространство отъ Екатеринограда до Владикавказа считалось за 5 лѣтъ тому самымъ

---

*) То есть положеніе о Черноморскомъ казачьемъ войскѣ.

опаснымъ, полагалось, и на бумагѣ будто исполнено, провести новую линію отъ Владикавказа на востокъ, съ тѣмъ чтобы сей линіей отдалить чеченцевъ и Малую Кабарду отъ большой дороги и вмѣстѣ съ симъ обратить существовавшіе посты въ станицы, заселивъ ихъ женатыми нижними чинами всѣхъ вѣдомствъ, во Владикавказѣ и по постамъ находящимися, и женатыми же обоихъ тогда бывшихъ на линіи Малороссійскихъ полковъ, составивъ изъ всего этого поселенія новый линейный казачій полкъ, подъ названіемъ Владикавказскаго, зачисливъ въ оный и другой Малороссійскій полкъ для большаго его усиленія, хотя и не женатыми.

Сей мѣрой Военно-Грузинская дорога отъ Екатеринограда до Владикавказа должна была быть совершенно безопасна. Но съ тѣхъ поръ обстоятельства измѣнились побѣгомъ степныхъ или надтеречныхъ чеченцевъ, и симъ казалось бы опасность еще больше должна бы удалиться, но выходитъ, повидимому, противное. Отъ чего? Невольно приписать слѣдуетъ одной безпечности въ исполненіи предписаннаго.

Слѣдуетъ исполнить—что неоднократно предписано:

1) Довершить поселеніе Владикавказскаго полка.

2) Соединить съ нимъ оставшійся Малороссійскій полкъ.

3) Назначенные линейные батальоны собственно для обороны сего пространства, соединить въ своемъ составѣ тамъ, гдѣ имъ быть должно и не раскомандировывать.

4) Связать линію отъ Владикавказа съ новою Сунженскою, разсмотрѣвъ тщательно, не полезно ли будетъ выше устроить одно укрѣпленіе къ Ассѣ, дабы симъ еще болѣе обезопасить Военно-Грузинскую дорогу.

5) Можетъ быть тоже не безполезно будетъ и на западъ отъ дороги, въ Большой Кабардѣ, устроить одинъ значительный постъ или полковой штабъ, дабы и съ сей стороны, доселѣ спокойной, имѣть безопасный центральный пунктъ на случай волненія.

По лѣвому флангу до Каспійскаго моря.

Сей флангъ есть та часть всей линіи, которую считаю наименѣе въ надежномъ состояніи и которая требуетъ уси-

ленныхъ, безотлагательныхъ мѣръ, дабы рѣшительно положить конецъ опасному ея положенію.

Сіе достигнется, когда:

1) Докончится Сунженская линія, упираясь правымъ флангомъ къ Владикавказу, а лѣвымъ загибаясь отъ Грозной къ Герзель-аулу и Внезапной.

2) Основательнымъ выборомъ промежуточныхъ постовъ между сими тремя точками, или

3) Ежели полезнѣе признано будетъ, устройствомъ сильныхъ двухъ или трехъ укрѣпленій, примѣрно: въ Герменчукѣ или Шали, Артанъ-Кале или Беноѣ, дабы болѣе запереть долины.

4) Съ сей мѣрой нераздѣльна другая, то есть постепенное поселеніе станицъ на занятыхъ пространствахъ.

5) Усиленіе линейныхъ казачьихъ полковъ переселеніемъ казенныхъ крестьянъ и добровольнымъ вызовомъ изъ Малороссіи и съ Дону.

Такимъ образомъ пространство по Тереку отъ Ново-Гладковской станицы до Кизляра должно быть совершенно закрыто и безопасно.

По сѣверному Дагестану.

По сей части Кавказа мысли мои не столь ясны; полагаю, что занятіе Чиркея должно считаться весьма полезнымъ для успокоенія собственно пространства отъ Сунженской линіи, Терека до Каспійскаго моря и владѣній Тарковскихъ. Но далѣе къ Мехтулинскому и Аварскому владѣніямъ не считаю сдѣланнаго достаточнымъ; надобно ближайше на мѣстѣ обсудить, какія точки нужно занять кромѣ Хунзаха, чтобъ владычество наше и спокойствіе края считать прочными.

Изъ сего изложенія явствуетъ, что главное вниманіе, по моему мнѣнію, обратить должно на центръ и лѣвый флангъ и сюда обратить всѣ способы, чтобъ скорѣе и основательнѣе достичь желаемой цѣли.

Оставаясь въ оборонительномъ или, правильнѣе сказать, въ наблюдательномъ положеніи на береговой линіи, нужно дать способы генералу Анрепу приступить къ возведенію укрѣпленія на Гостогаѣ. Полагаю, что два батальона Тенгин-

скаго полка и два резервные линейные батальона Черноморскихъ, съ приличнымъ числомъ артиллеріи, и можетъ быть одинъ пѣшій и одинъ конный Черноморскіе полки, для сего достаточны. Собственно же заселеніе новыхъ станицъ послѣдовать можетъ только по возведеніи сего укрѣпленія.

На Лабѣ, какъ выше сказано, кончить начатое и довершить линіи; на сіе шесть батальоновъ или 1-я бригада 14-й дивизіи, съ нужнымъ числомъ артиллеріи и казаковъ.

Въ центрѣ, въ видѣ общаго резерва у Владикавказа, шесть батальоновъ 2-й бригады 14-й дивизіи.

На лѣвый флангъ 12 батальоновъ Навагинскихъ, Кабардинскихъ и Куринскихъ, собственно для того, чтобъ докончить начатое ими, ежели полезнѣе признается приступить къ занятію пространства между Грозной и Внезапной, но непремѣнно одно или другое, *а не пустая экспедиція безъ цѣли, безъ конца и безъ послѣдствія.*

Въ сѣверномъ Дагестанѣ не могу рѣшить покуда что дѣлать, полагаю однако, что восемь батальоновъ Апшеронскаго и Ширванскаго полковъ могутъ употреблены быть особымъ отрядомъ для улучшенія занятія края или возведеніемъ новаго укрѣпленнаго поста, или даже наказанія мятежниковъ. Сіе предоставить усмотрѣнію г.-л. Фези, ибо дѣйствіе сіе отдѣльно.

Дѣйствія же центра и лѣваго фланга по сему начертанію поручить г.-а. Граббе, оставя центръ или резервъ въ командѣ г.-л. Ширмана (начальникъ 14-й дивизіи, только что предъ тѣмъ двинутой на Кавказъ).

За симъ, не говоря о пятыхъ батальонахъ полковъ, остаться должны за Кавказомъ свободными: Тифлисскій и Мингрельскій егерскіе полки и вся гренадерская бригада. Войска сіи употребить собственно для работъ по дорогамъ, гдѣ нужнѣе будетъ».

Излишне говорить, что одна эта записка есть достаточное доказательство относительнаго знакомства покойнаго Государя съ кавказскими дѣлами и его неутомимости въ занятіяхъ.

Генералъ Головинъ въ свою очередь доносилъ, что несмотря на усиленіе Дагестана войсками, успѣхи Шамиля были такъ быстры, что къ концу ноября большая часть Койсубу и

Аваріи уже были въ его рукахъ; что независимые до того горцы подчинились одному человѣку и борьба наша превратилась въ войну съ властителемъ горъ, располагающимъ жизнью и достояніемъ горцевъ, немогущимъ остановиться на пути, куда особое стеченіе обстоятельствъ его бросило.

Генералъ Головинъ, по этимъ соображеніямъ, находилъ самымъ важнымъ вырвать назадъ изъ рукъ Шамиля Койсубу и Аварію и отвратить тѣмъ крайне опасныя для насъ послѣдствія не только въ самомъ Дагестанѣ, но и въ сосѣднихъ мусульманскихъ уѣздахъ Закавказья, среди котораго уже замѣтны слѣды колебанія. «Аварія, писалъ г. Головинъ въ своемъ рапортѣ военному министру, уже окружена со всѣхъ сторонъ; одинъ путь оставался еще въ нашемъ распоряженіи—чрезъ Балаканы, но и тотъ настолько не обезпеченъ, что незадолго предъ тѣмъ команду въ 50 человѣкъ съ офицеромъ окружила партія мюридовъ и истребила до единаго человѣка». Въ Чечнѣ же, послѣ экспедицій генерала Граббе, только усилились набѣги, и чеченцы нападали на ближайшія окрестности Кизляра и на казачьи посты въ низовьяхъ Терека, нанеся въ одномъ набѣгѣ большой уронъ Донскимъ казакамъ, потерявшимъ при этому пушку».

Ко всему этому присоединились крайне обострившіяся отношенія между Головинымъ и Граббе: первый, какъ корпусный командиръ и главный начальникъ въ краѣ, весьма естественно не могъ равнодушно переносить какого-то выходящаго изъ обычнаго порядка службы исключительнаго положенія Граббе, сносившагося прямо съ Петербургомъ, представлявшаго туда свои соображенія, утверждаемыя нерѣдко безъ согласія и даже вопреки Головину, а второй тяготился подчиненностью лицу, преимущества коего онъ не признавалъ даже въ чинахъ, (оба были генералъ-лейтенанты) въ особенности послѣ назначенія Граббе генералъ-адъютантомъ и многихъ доказательствъ вниманія и расположенія Николая Павловича, лично въ Петербургѣ ему оказываемыхъ. Вообще, положеніе было ненормальное; нужно было что-нибудь одно: или командующій войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи есть прямо подчиненное командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса

лицо, или независимое отъ него. Такой постановкой вопроса было бы, несомнѣнно, избѣгнуто много недоразумѣній, лишнихъ переписокъ, потери времени и серьезнаго вреда важному дѣлу, стоившему государству громадныхъ жертвъ. Покойный Государь, извѣстный приверженецъ строжайшей служебной дисциплины во всѣхъ вѣдомствахъ, не говоря о военномъ, въ настоящемъ случаѣ, очевидно, отступалъ отъ своихъ принциповъ и сознавалъ невозможность изъятія Кавказской линіи отъ подчиненности тифлисскому главному начальству, не хотѣлъ однако поставить лично генерала Граббе въ подобающее прямо подчиненнаго лица положеніе, потому что считалъ его въ военномъ дѣлѣ авторитетнѣе и способнѣе генерала Головина, и любилъ его не только какъ генерала, но и какъ человѣка. Такъ представляется это дѣло при чтеніи писемъ, донесеній, резолюцій и отмѣтокъ Государя и князя Чернышева, который тоже не былъ партизаномъ Головина.

Прочитавъ съ большимъ вниманіемъ рапортъ генерала Головина, отъ 31-го декабря 1841 года, въ которомъ изложены были вышеприведенныя соображенія и развивался затѣмъ подробный планъ дѣйствій на 1842 годъ, императоръ Николай опять собственноручно написалъ слѣдующую резолюцію:

«Изъ сего общаго начертанія (т. е. предположеній Головина) не нахожу я ничего въ отмѣну изложенныхъ мною мыслей. Будущая кампанія наибольшую важность имѣть должна въ Сѣверномъ Дагестанѣ, а обстоятельства таковы, что нужно будетъ употребить всѣ усилія для скорѣйшаго достиженія желаемой цѣли. Не входя въ подробности начертаннаго плана, я полагаю, что тогда только можетъ быть успѣхъ, когда всѣ дѣйствія будутъ имѣть общаго начальника, совершенно знакомаго съ краемъ; и такъ какъ первое усиліе обращено быть должно на Дагестанъ, прочія же дѣйствія должны уже за симъ послѣдовать, то кажется мнѣ, что всѣ войска подчинить можно генералъ-адъютанту Граббе; а генералу Головину оставаться въ Тифлисѣ, гдѣ его присутствіе необходимо для гражданскаго устройства и для личныхъ совѣщаній съ кн. Чернышевымъ, имѣющимъ вскорѣ туда отправиться.

Почему разрѣшаю:

1) По Черноморской береговой линіи, по предположенію г. Анрепа, кромѣ числа войскъ, которое должно ограничить 2-мя бат. Тенгинскаго полка, ежели можно по очередно, 2 бат. резерв. линейными, 2 пѣшими и 1 кон. Черномор. казачьими, съ должнымъ числомъ артиллеріи.

2) По Лабинской линіи, какъ мною прежде предположено.

3) По центру, какъ я предполагалъ, но съ тѣмъ, чтобы предоставить г. Граббе рѣшить: можно ли тѣ шесть бат. употребить для укрѣпленія по Ассѣ, вмѣстѣ съ назначеніемъ ихъ для прикрытія Военно-Грузинской дороги?

4) На Сунжу перевесть сколько нужно кавалеріи для летучихъ отрядовъ.

5) Отрядъ въ 12 бат., г.-а. Граббе назначенный, употребить по его разсмотрѣнію для содѣйствія тѣмъ 8-ми бат., которые подъ командою г. Фези дѣйствовать должны въ Сѣверномъ Дагестанѣ, и по достиженіи цѣли, весь отрядъ 20 бат. употребить, какъ г.-а. Граббе найдетъ нужнымъ.

Мнѣ весьма желательно, чтобы симъ же лѣтомъ заняты были какъ въ Дагестанѣ, такъ и на пространствѣ между Грозною и Внезапною, по крайней мѣрѣ два пункта, нужнѣйшіе для твердаго занятія края.

6) Ежели засимъ можно будетъ приступить и къ устройству промежуточныхъ постовъ на Сунжѣ, то приступить къ сему, смотря по удобности.

На семъ основаніи заготовить отвѣтъ, показавъ предварительно сіе мнѣніе мое Г. А. Граббе».

Генералъ Граббе былъ въ Петербургѣ и ему, по желанію Государя, сообщались всѣ резолюціи. Прочитавъ вышеприведенныя записки Николая Павловича, Граббе доложилъ кн. Чернышеву, что вмѣсто Чирката (какъ писалъ генералъ Головинъ) полагаетъ полезнѣе занять Сагрытло или Игали, а отрядъ Дагестанскій, вмѣсто Фези, дать Клугенау. Представленная имъ при этомъ обширная, весьма хорошо составленная записка вообще о положеніи Кавказа, сводилась къ тому, что вся бѣда происходитъ отъ отсутствія до сихъ поръ твердо установленной системы дѣйствій, которая бы соблюдалась, не взирая на перемѣну

начальствующихъ лицъ *). Оборонительную систему генералъ Граббе считалъ несоотвѣтствующею: она потребуетъ столько же средствъ, какъ и наступательная, но никогда не обезпечитъ спокойствія края; это скорѣе могутъ сдѣлать удачныя экспедиціи, но тоже только на короткое время, ибо изъявляемая горцами покорность, какъ показалъ опытъ, есть только обманъ и вслѣдъ за нею слѣдуетъ измѣна. Нужно окончательно овладѣть краемъ, утвердиться въ немъ прочно, дѣйствовать настойчиво нѣсколько лѣтъ сряду, а въ Чечнѣ зимою не давать жителямъ покоя, чтобы довести ихъ до невозможности существовать, оставаясь не въ нашей зависимости. Лѣтомъ же въ Чечнѣ такихъ движеній не предпринимать, потому что лѣсныя чащи даютъ въ это время всѣ преимущества непріятелю въ борьбѣ съ нашими войсками. Лѣтомъ нужно здѣсь строить укрѣпленія, заготовлять въ большихъ количествахъ на зиму сѣно и т. д.

Повторяю, записка была составлена прекрасно, все вполнѣ основательно и умно изложено, указано жалкое положеніе ничтожныхъ дагестанскихъ укрѣпленій, не связанныхъ между собою, запертыхъ и не вліяющихъ на населеніе, потребность разработки дорогъ и т. д. Однимъ словомъ, авторъ выказалъ полное знакомство съ дѣломъ. Государь противъ каждаго пункта отмѣчалъ: «весьма хорошо, очень основательно, согласенъ». Въ заключеніе генералъ Граббе резюмировалъ все изложенное слѣдующимъ образомъ: отъ Военно-Грузинской дороги вправо до Чернаго моря оставаться въ оборонительномъ положеніи, продолжая безъ особыхъ усилій устройство Лабинской линіи. Въ Чечнѣ строить укрѣпленія, отнимать постепенно у чеченцевъ земли, а зимою проникать во всѣ ихъ убѣжища, тревожить, заставить покориться или уйти въ горы.

Въ Дагестанѣ усмирить возставшихъ силою оружія, а затѣмъ, устройствомъ путей сообщенія и укрѣпленныхъ пунк-

---

*) Читатель помнитъ, я уже въ своемъ мѣстѣ приводилъ тоже мнѣніе А. П. Ермолова, утвержденное Императоромъ Александромъ I особымъ указомъ, имѣвшимъ служить руководствомъ для преемниковъ Ермолова, но оставшимся мертвой буквой.

товъ, овладѣть краемъ окончательно, для чего въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ нужно имѣть два сильныхъ отряда. (Противъ этого пункта Императоръ написалъ: «Да; хотя жаль, что это необходимо»). «Опытъ трехлѣтняго управленія, заключилъ генералъ Граббе свой докладъ, и прежніе примѣры заставляютъ меня быть увѣреннымъ, что такой планъ долженъ чрезъ нѣсколько лѣтъ имѣть послѣдствіемъ совершенное покореніе лѣваго фланга и успокоеніе Дагестана. Оставаться же въ настоящемъ положеніи безъ рѣшительныхъ мѣръ невозможно».

На это государь написалъ: «Это убѣжденіе и мое; лучшаго плана *сообразить* нельзя; остается также хорошо *исполнить*. (Сообразить и исполнить подчеркнулъ самъ Николай Павловичъ, что весьма знаменательно въ виду послѣдующихъ событій)...

Результатомъ было, какъ уже выше сказано, утвержденіе всѣхъ предположеній Граббе, съ возложеніемъ на него командованія на лѣвомъ флангѣ и въ сѣверномъ Дагестанѣ, даже отчасти и южный Дагестанъ на время военныхъ дѣйствій ему подчинили, и только что отозваннаго изъ Дагестана въ Тифлисъ генералъ-маіора Клугенау приказали возвратить туда, а генералъ-лейтенанта Фези совсѣмъ взяли съ Кавказа въ Россію, давъ ему 1-ю пѣхотную дивизію. Это послѣднее обстоятельство не могло не дискредитировать окончательно власть генерала Головина и возбудить еще большее раздраженіе, просто враждебность, во взаимныхъ отношеніяхъ его съ генераломъ Граббе. Нельзя не сознаться, что во всемъ этомъ была очевидная ошибочность взгляда и что логика требовала удалить вмѣстѣ съ Фези уже и самого Головина съ Кавказа, не оставляя его отвѣтственнымъ лицомъ.

XVII.

Неожиданныя волненія въ южномъ Дагестанѣ.—Возмущеніе Акуши и средняго Дагестана.—Неудачное дѣло въ Аваріи.—Пререканія между Головинымъ и Граббе.—Движеніе послѣдняго къ Дарго и несчастныя дѣла въ Ичкеринскихъ лѣсахъ.—Донесеніе Граббе и отвѣтъ на него.—Движеніе отряда въ Дагестанъ и безплодное дѣло у Игали.—Отступленіе къ Цатаниху.—Результаты экспедиціи.—Роспускъ отряда и награды полку.

Между тѣмъ, начавшійся періодъ неудачъ нашихъ съ какимъ-то фатальнымъ упорствомъ все болѣе и болѣе развивался. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1842 г. совершенно неожиданно вспыхнуло возмущеніе въ Кюринскомъ и Казикумыкскомъ ханствахъ, въ которыхъ, по донесеніямъ мѣстнаго начальника подполковника Корганова, принятымъ на полную вѣру генераломъ Головинымъ, обстояло за нѣсколько мѣсяцевъ до возстанія такъ благополучно, какъ никогда.

Призванный жителями Шамиль съ своими мюридами забралъ въ Казикумыкѣ въ плѣнъ окружнаго начальника подполковника Снаксарева, со всѣмъ его штатомъ, и бывшаго тамъ въ то время по службѣ адъютанта генерала Фези, подпоручика князя Илью Орбельяна; назначилъ правителемъ ханства враждебнаго Россіи человѣка, вошелъ въ связи съ сосѣдней Акушой и чрезъ главнаго ея кадія возмутилъ ее, послѣ двадцатидвухлѣтней покорности. Изъ Акуши возстаніе перешло въ сильное Цудахарское общество, и весь средній Дагестанъ, считавшійся совершенно спокойнымъ, мирнымъ участкомъ, вдругъ очутился на сторонѣ нашего врага. Дербенту, сообщеніямъ съ Темиръ-Ханъ-Шурой грозила большая опасность... Въ довершеніе бѣды, находившійся въ Хунзахѣ съ подвижнымъ резервомъ маіоръ Познанскій, получивъ свѣдѣніе, что партія

мюридовъ собирается въ Голотлѣ, съ цѣлью произвести нападеніе на одинъ изъ покорныхъ намъ ауловъ, двинулся туда съ пятью слабыми ротами Апшеронскаго полка, при 2 орудіяхъ, и атаковалъ мюридовъ; но, при неудобной мѣстности, наткнулся на двойныя силы и, потерпѣвъ сильное пораженіе (3 офицера и 90 нижнихъ чиновъ потеряно) вынужденъ отступить въ Хунзахъ. Неудача эта, само собою, раздутая въ разсказахъ туземцевъ до громадныхъ размѣровъ, произвела ободрительное впечатлѣніе среди мусульманскаго міра, и безъ того уже ликовавшаго.

Духъ всѣхъ противниковъ русской власти чрезвычайно поднялся, всеобщее волненіе грозило Самурскому округу, Элисуйскимъ владѣніямъ и легко могло развиться по Закавказью. А въ это время войска въ Дагестанѣ были изнуренныя, лошади никуда негодныя, запасовъ мало, вообще—положеніе критическое. Такъ писалъ самъ генералъ Граббе 12-го апрѣля корпусному командиру въ Тифлисъ.

Бросившись изъ одной крайности въ другую, отъ слишкомъ свѣтлаго, розоваго настроенія въ мрачно-безнадежное, генералъ Граббе поспѣшилъ отмѣнить всѣ утвержденныя предположенія о постройкахъ, работахъ и проч., и двинулъ большую часть войскъ съ лѣваго фланга въ Дагестанъ. Распоряженія его въ Петербургѣ были одобрены, но вслѣдъ затѣмъ получено донесеніе генерала Головина, что положеніе дѣлъ вовсе не такъ опасно, что изъ Грузіи двинуты въ южный Дагестанъ подкрѣпленія, что тамъ вскорѣ составится отрядъ генералъ-маіора князя Аргутинскаго-Долгорукова, который не допуститъ дальнѣйшаго развитія волненій, что поспѣшность генерала Граббе въ отмѣнѣ высочайше утвержденныхъ предположеній не можетъ быть одобрена, что все это есть слѣдствіе его довѣрія къ генералъ-маіору Клугенау, который нарочно выставляетъ все въ самомъ скверномъ видѣ, якобы послѣдствіе его смѣны и отсутствія изъ Дагестана, тогда какъ, напротивъ, генералъ Фези въ краткій промежутокъ командованія успѣлъ было значительно исправить наше положеніе; что вообще генералъ Граббе желаетъ только указать на без-

дѣйствіе и нераспорядительность Головина и потому все преувеличиваетъ *)...

Вслѣдствіе этого донесенія, государь приказалъ изъять южный Дагестанъ изъ вѣдѣнія генерала Граббе; а на письмо его къ графу Клейнмихелю, о враждебныхъ отношеніяхъ къ нему Головина, повелѣлъ сдѣлать Граббе замѣчаніе за неумѣстное нарушеніе дисциплины...

Общій планъ дѣйствій на Кавказѣ въ 1842 году долженъ былъ состоять въ прочномъ утвержденіи на Андійскомъ Койсу, для чего слѣдовало устроить и укрѣпить переправы у Игали и Тлоха, двигаясь туда одновременно—главнымъ отрядомъ съ Кумыкской плоскости чрезъ Андію, а вспомогательнымъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры.

Въ десятыхъ числахъ мая собрались войска чеченскаго отряда у переправы чрезъ Терекъ. Генералъ Граббе изъ станицы Червленной, гдѣ онъ оставался до перехода войскъ на правый берегъ, послалъ 12-го мая графу Клейнмихелю, который, за отъѣздомъ князя Чернышева на Кавказъ, управлялъ военнымъ министерствомъ, секретнѣйшее письмо, въ которомъ сообщалъ, что прежде открытія предположенныхъ дѣйствій въ Андіи, Гумбетѣ и на Койсу, онъ рѣшился двинуться въ Ичкерію, истребить резиденцію Шамиля — Дарго, подорвать этимъ и матеріальныя его средства и нравственное обаяніе, наказать ичкеринцевъ, какъ самыхъ упорныхъ враждебныхъ намъ хищниковъ.

23-го мая сосредоточился отрядъ у разореннаго аула Хасавъ-юртъ; 27-го прибылъ сюда изъ Внезапной червodарскій транспортъ подъ прикрытіемъ 4-го баталіона Кабардинскаго полка, а 29-го всѣ войска перешли къ Герзель-аулу, гдѣ присоединились наши 1-й и 2-й батальоны, бывшіе въ Ойсунгурѣ (укр. Куринское).

Въ четырехъ батальонахъ нашего полка было болѣе 3 ты-

---

*) Дѣйствительно, вскорѣ князь Аргутинскій съ небольшимъ отрядомъ разбилъ полчище Шамиля при аулѣ Кюлюли и занялъ Казикумыкъ, возстановивъ тамъ порядокъ. Это тотчасъ же отозвалось на успокоеніи всего южнаго Дагестана и лишило положеніе дѣлъ остраго характера.

сячъ штыковъ; люди свѣжіе, бодрые, хорошо снаряженные, съ генералъ-маіоромъ Лабынцовымъ во главѣ. (Приказа о сдачѣ полка полковнику Козловскому еще не было, хотя этотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ командовалъ). 30-го мая весь отрядъ (12 бат., рота саперъ, 350 казаковъ, 24 орудія, при громадномъ транспортѣ съ продовольственными и боевыми запасами, до 3000 лошадей), выступилъ изъ Герзель-аула вверхъ по р. Аксаю и въ семи верстахъ, на р. Газеинѣ, ночевалъ. Движеніе при безпрерывныхъ остановкахъ и стягиваніи обоза, по испорченной дорогѣ, не могло совершаться быстрѣе. Въ тотъ день была пустая перестрѣлка.

Дорога впереди извивалась по узкому гребню, пересѣкаемая оврагами и глубокими промоинами, впадающими въ Аксай; чѣмъ дальше, тѣмъ лѣсъ становился гуще, поляны встрѣчались рѣже. Съ вечера 30-го пошелъ проливной дождь, еще значительно испортившій дорогу. Нужно знать къ тому же, что на разстояніи 22-хъ верстъ впереди не было ни капли воды и потому начальникъ отряда предполагалъ пройти это пространство непремѣнно въ одинъ день.

31-го числа, къ полудню, отрядъ прошелъ впередъ только 4 версты. Дождь прекратился и вмѣстѣ съ тѣмъ тотчасъ же показались чеченцы: они преимущественно напирали на правое прикрытіе колонны и на аріергардъ; стрѣляли съ деревьевъ, изъ балокъ, изъ-за корней поваленныхъ чинаръ; пули жужжали кругомъ, сверху, снизу, поражая людей и въ цѣпяхъ, и въ колоннѣ...

Къ вечеру отрядъ сдѣлалъ еще около 4-хъ верстъ до урочища Башиль-Ирзау, потерявъ уже 72 человѣкъ, выбывшими изъ строя.

1-го іюня отрядъ продолжалъ движеніе, имѣя въ виду непременно пройти безводное пространство. Авангарду изъ 1 и 2-го баталіоновъ Кабардинскаго полка, подъ командою генералъ-маіора Лабынцова, приходилось безпрерывно выбивать непріятеля изъ заваловъ, устроенныхъ поперекъ дороги; не менѣе тридцати этихъ засѣкъ было уже взято штурмомъ; подвиги Кабардинцевъ были изумительны! Оставался еще главный завалъ на урочищѣ Кажалыкъ, защищаемый партіею Шу-

аибъ-Муллы, но и этотъ взятъ съ геройскимъ самоотверженіемъ; однако побѣда здѣсь куплена потоками крови: палъ командиръ 1-го баталіона Кабардинскаго полка, храбрый подполковникъ Островскій; почти всѣ офицеры авангарда были убиты или переранены. Опрокинутый непріятель бѣжалъ. Генералъ Лабынцовъ дѣйствовалъ съ присущими ему въ критическія минуты хладнокровіемъ и мужествомъ. Командиръ 2-го батальона, маіоръ Шуляковскій, опасно раненый, замѣненъ генеральнаго штаба штабсъ-капитаномъ Рыльцевымъ, который показалъ себя достойнымъ его преемникомъ. Между тѣмъ бой въ боковыхъ цѣпяхъ и аріергардѣ кипѣлъ съ прежней силой. Въ этотъ день мы имѣли убитыми и ранеными болѣе 500 человѣкъ. Идти далѣе съ такимъ количествомъ раненыхъ, для несенія которыхъ требовалось по крайней мѣрѣ 1500 человѣкъ, было невозможно, тѣмъ болѣе, что въ три дня было пройдено только 22 версты, а до Дарго оставалось еще столько же.

Дорогу приходилось безпрерывпо разработывать; саперы гибли подъ выстрѣлами; два орудія для своей переправы чрезъ одинъ оврагъ потребовали цѣлый батальонъ и два часа времени... Ночь наступила и ее пришлось провести безъ воды и корма, стоя на дорогѣ; всѣ были ужасно утомлены. Вскорѣ могъ оказаться недостатокъ перевозочныхъ средствъ, потому что лошадей много погибло, а учеличеніе числа раненыхъ требовало или бросать запасы, или оставлять на жертву людей, немогущихъ идти. Къ тому же, съ увеличеніемъ численности непріятеля, получавшаго все новыя и новыя подкрѣпленія изъ разныхъ ауловъ, онъ могъ занять въ тылу труднѣйшія мѣста и преградить обратную дорогу къ Герзель-аулу. Благоразуміе требовало отказаться отъ дальнѣйшаго движенія и генералъ Граббе рѣшился отступить...

2-го іюня, отрядъ началъ обратное движеніе посреди страшнаго боя, кипѣвшаго въ аріергардѣ, состоявшемъ изъ двухъ Кабардинскихъ баталіоновъ.

Лабынцову было приказано тронуться только тогда, когда весь отрядъ уже вытянется наверхъ изъ глубокой впадины, въ которой онъ на походѣ былъ захваченъ ночью и простоялъ до разсвѣта; двумъ же батальонамъ Куринцевъ велѣно занять

тѣ мѣста, гдѣ наканунѣ Кабардинцы брали главный завалъ, чтобы обезпечить движеніе обозовъ и раненыхъ въ главной колоннѣ.

Едва горцы замѣтили начало отступленія, они окружили войска со всѣхъ сторонъ, какъ шмели, пуская выстрѣлъ за выстрѣломъ изъ лѣсной чащи; главную же атаку повели, по обыкновенію, на аріергардъ. Здѣсь наши 1 и 2-й батальоны, уже очень пострадавшіе наканунѣ, явились вполнѣ героями, съ презрѣніемъ смотрѣвшими въ лицо смерти и страданіямъ, которыя грозили отовсюду. Отчаянные, ожесточенные, обезумѣвшіе, можно сказать, видя вокругъ себя столько крови и торжествуя очевидную побѣду, чеченцы встрѣтили соперниковъ, неуступавшихъ имъ ни шагу даромъ.

Каждый гикъ съ обнаженными шашками встрѣчалъ картечные выстрѣлы, «ура» и штыки. Сдвинувъ папахи на затылокъ бритыхъ головъ, или снявъ и засунувъ ихъ за поясъ, засучивъ рукава, подобравъ полы черкесокъ, чтобы ничто не мѣшало движеніямъ, разсвирѣпѣвшіе чеченцы, подобно дикому, хищному звѣрю, съ ловкостью тигра, совершали отчаянные прыжки, кидаясь на цѣпь, или чуть-чуть удалившагося на шагъ отъ колонны солдата, нанося привычной, ловкой рукой смертельные удары шашками и падая въ свою очередь отъ штыка. Никогда еще горцы не выносили такого рукопашнаго боя и съ этого дня они хорошо узнали солдатъ съ черными воротниками и синими погонами!

Отступленіе аріергарда, по ужасной мѣстности, при необходимости прежде спуститься по тропинкѣ въ Кажелыковскій оврагъ, имѣвшій съ одной стороны отвѣсный обрывъ, съ другой — крутую лѣсистую покатость, было изумительнымъ подвигомъ: чрезъ каждые нѣсколько шаговъ приходилось останавливаться, отбиваться отъ непріятеля, опять двигаться, опять останавливаться, дѣлая иногда пять шаговъ назадъ и едва столько же впередъ. Только такіе батальоны, какъ наши и Куринскіе егеря, и съ такими начальниками, какъ Лабынцовъ, могли выполнить трудную задачу, выпавшую имъ на долю 2-го іюня.

Въ то время, когда въ аріергардѣ происходилъ этотъ ожесточенный бой, ичкеринцы въ одномъ удобномъ мѣстѣ вне-

запно ринулись толпой въ тянувшійся обозъ, почти истребили шедшіе въ прикрытіи съ правой стороны двѣ роты, перебили много артиллерійскихъ лошадей, произвели полное разстройство и успѣли захватить 6 легкихъ орудій. Но командиръ 3-го батальона Кабардинскаго полка (бывшаго въ боковой колоннѣ), подполковникъ Траскинъ бросился туда, выгналъ непріятеля изъ главной колонны и отбилъ обратно пушки. Горцы, однако еще нѣсколько разъ пытались врываться на дорогу въ ряды обоза, и всякій разъ Траскинъ выбрасывалъ ихъ штыками назадъ въ лѣсъ.

Жаръ былъ нестерпимый. Утомленіе отъ боя и безпрерывнаго передвиженія безъ капли воды доходило до крайности. Траскинъ, безъ сюртука и фуражки, бросался впереди егерей на непріятеля, пока не палъ мертвымъ, сраженный нѣсколькими пулями...

Это были ужасные часы! Дорога загромоздилась трупами людей, лошадей, изломанными повозками, брошенными зарядными и патронными ящиками; непріятель наступалъ съ неистовствомъ; всѣ части болѣе или менѣе разстроились отъ потери своихъ начальниковъ. А въ аріергардѣ Кабардинцы гибли отъ убійственнаго огня, хотя и дорого продавали жизнь свою. Была минута, когда, ослабѣвъ отъ жары и жажды, потерявъ половину людей, они уже отчаявались удержаться въ хвостѣ и заграждать свободный путь непріятелю въ тылъ главной колонны; но въ это время подоспѣлъ полковникъ Козловскій съ двумя ротами нашего 4-го батальона, менѣе другихъ пострадавшаго. Это подкрѣпленіе ободрило истомленныхъ до крайности людей 1-го и 2-го батальоновъ, дало возможность смѣнить цѣпь и продолжать отступленіе. Артиллерійская прислуга была почти совсѣмъ истреблена, офицеры сами заряжали орудія и картечь безъ умолку осыпала лѣсъ.

Кое-какъ выбравшись, наконецъ, изъ оврага, войска немного стянулись и сдѣлали видъ, будто располагаются на ночлегъ, чтобы обмануть непріятеля, который послѣ дневнаго боя обыкновенно расходился по ближайшимъ селеніямъ и хуторамъ на отдыхъ, чтобы съ разсвѣтомъ возобновить дѣло.

Какъ только совсѣмъ стемнѣло, отрядъ, побросавъ въ про-

пасть всѣ излишнія тяжести и размѣстивъ кое-какъ раненныхъ, въ глубокой тишинѣ двинулся далѣе и къ разсвѣту достигъ урочища Башиль-Ирзау, никѣмъ непреслѣдуемый.

3-го іюня, съ восходомъ солнца, преслѣдованіе возобновилось, но далеко уже не такъ упорно, и войска прибыли въ урочище Газеинъ къ вечеру. Въ одномъ мѣстѣ только непріятель такъ сильно атаковалъ аріергардный батальонъ Куринцевъ, что пришлось отрядить подкрѣпленіе изъ батальона Кабардинцевъ, подъ командою маіора Евдокимова *) бывшаго при генералѣ Граббе временно (ему былъ порученъ батальонъ послѣ смерти Траскина). Потеря въ этотъ день была уже значительно менѣе.

4-го іюня войска, уже слабо преслѣдуемыя, вышли къ Герзель-аулу, оставивъ въ рукахъ непріятеля одно полевое орудіе и большую часть своихъ тяжестей.

Потеря наша въ теченіе шести дней была слѣдующая: убито: 2 штабъ офицера, 7 оберъ-офицеровъ и до 500 нижнихъ чиновъ; ранено штабъ и оберъ-офицеровъ 57 и нижнихъ чиновъ до 1,300, не считая погибшихъ черводаровъ, маркитантовъ и т. п.

Въ Кабардинскомъ полку собственно была слѣдующая потеря: убиты подполковники Островскій и Траскинъ, поручикъ Миклашевскій; тяжело ранены: маіоры Шуляковскій, Домбровскій, капитаны Александровичъ, Кононовъ, штабсъ-капитанъ Кисловскій, поручики: Колпинскій, Ставицкій, Корниловичъ 1-й, Корниловичъ 2-й, Шепелевъ, Перепелицынъ, подпоручикъ Гаевскій, прапорщики Цеслевскій, Хропань, Евангуловъ, Краузъ, Балуевъ; прикомандированные къ полку Серпуховскаго уланскаго полка маіоръ Полешко, лейбъ-егерскаго поручикъ Твардовскій, Кинбурнскаго драгунскаго поручикъ Гамалея, лейбъ-гвардіи Уланскаго поручикъ Мацневъ, Невскаго Морскаго фонъ Ребиндеръ, лейбъ-гвардіи Волынскаго прапорщикъ Курочкинъ. Нижнихъ чиновъ убито 187, тяжело ранено до 400, не считая легкихъ ранъ.

---

*) Впослѣдствіи извѣстный генералъ-адъютантъ, графъ и проч.

Больше всего былъ разстроенъ 3-й батальонъ, такъ что изъ него взяли людей для укомплектованія остальныхъ и затѣмъ отослали въ Екатериноградъ, поближе къ штабъ-квартирѣ (въ Нальчикѣ) для приведенія въ порядокъ пополненіемъ рядовъ и т. п.

Ичкеринскій бой навсегда останется въ памяти, какъ одинъ изъ самыхъ кровавыхъ эпизодовъ Кавказскихъ войнъ, ужаснымъ даже въ разсказахъ. Всѣ горцы торжествовали нашу неудачу...

Шамиль въ то время находился въ Дагестанѣ, отстаивая противъ отряда князя Аргутинскаго Казикумыкъ и стараясь утвердить свою власть въ ближайшихъ покорныхъ намъ частяхъ средняго Дагестана.

Когда къ нему прискакали посланные отъ Шуаибъ-Муллы съ извѣстіемъ, что русскій отрядъ идетъ изъ Герзель-аула на Дарго, онъ тотчасъ съ бывшими при немъ лучшими конными мюридами бросился чрезъ Андію къ Дарго, гдѣ между тѣмъ въ ужасной тревогѣ все его семейство, съ болѣе цѣннымъ имуществомъ и всѣми русскими плѣнными, были на-скоро переведены въ Андію; но опоздалъ однимъ днемъ.

Узнавъ обо всемъ происходившемъ, онъ рвалъ себѣ бороду отъ досады, что все это случилось въ его отсутствіе съ большинствомъ вооруженнаго населенія и что упущенъ случай истребить отрядъ русскихъ войскъ, съ самимъ Граббе, и отомстить за пораженіе горцевъ при Ахульго.

Шамиль вполнѣ оцѣнилъ подвигъ Шуаибъ-Муллы и Уллубея, которые съ одними ичкеринцами и ауховцами, всего, по самымъ щедрымъ разсчетамъ, до полуторы тысячи человѣкъ, съумѣли не допустить отрядъ до Дарго, и въ награду подарилъ имъ взятые въ Казикумыкѣ два богатыя знамени, пожалованныя Государемъ казикумыкскимъ ханамъ въ прежнія времена за ихъ вѣрную службу.

Изъ разсказовъ участниковъ несчастной экспедиціи генерала Граббе въ Ичкерію, въ томъ числѣ отъ покойнаго графа Николая Ивановича Евдокимова, я знаю, что дѣйствительно положеніе отряда 2 и 3 іюня было таково, что если бы кромѣ мѣстныхъ партій Шуаибъ-Муллы и Уллу-бея появилось еще

двѣ-три тысячи горцевъ, то могла бы послѣдовать ужасная катастрофа. Были моменты паники въ нѣкоторыхъ частяхъ и большое замѣшательство среди громаднаго обоза, превратившагося въ безпорядочную кучу растерявшихся, обезумѣвшихъ отъ страха людей... При отступленіи, когда горцы ворвались въ колонну и истребили роты, бывшія въ прикрытіи, а нестроевыя команды, фурлейты, маркитанты и т. п. люди въ паническомъ страхѣ бѣжали отъ 2—3-хъ человѣкъ, даже отъ раздавшагося неожиданно лая собакъ, генералъ Граббе сидѣлъ на высотѣ, съ которой былъ видѣнъ ужасный хаосъ, происходившій въ лѣсу, было слышно адское гиканье, вопли, стоны, смѣшивавшіеся съ гуломъ выстрѣловъ, и, видимо упавъ духомъ, даже не могъ скрыть слезъ, проступавшихъ у него на глазахъ. И неудивительно: онъ видѣлъ гибель многихъ храбрыхъ, видѣлъ неизбѣжный закатъ своего положенія, своихъ надеждъ..

Только малочисленность непріятеля, утомившагося уже въ трехдневномъ бою, и безпримѣрная стойкость егерей дали возможность отступить безъ потери всей артиллеріи, безъ пожертвованія ранеными и всѣми тяжестями; а подойди къ чеченцамъ свѣжія силы, едва ли это было бы возможно, тѣмъ болѣе, что половина артиллерійскихъ лошадей была перебита.

Въ день прихода въ Герзель-аулъ, генералъ Граббе отправилъ въ Петербургъ флигель-адъютанта Скарятина съ собственно-ручнымъ письмомъ къ Государю, которое привожу здѣсь цѣликомъ:

«Всемилостивѣйшій Государь!

«Отрядъ вашего императорскаго величества, подъ начальствомъ моимъ, претерпѣлъ неудачу и понесъ важный уронъ. Всѣ, отъ генераловъ до нижнихъ чиновъ, вели себя съ самоотверженіемъ и готовы каждый на новые труды, но приведеніе войскъ, особливо артиллеріи, въ порядокъ потребуетъ много времени. Я же, Великій Государь, слагаю голову свою къ стопамъ Вашего Величества.

«Свѣдѣнія о дѣйствительной потерѣ нашей еще не могли быть собраны и вслѣдъ за симъ будутъ представлены.

«Твердость, усердіе и присутствіе духа, доказанныя въ самыхъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ флигель-адъютантомъ ротмистромъ Скарятинымъ, побудили меня избрать его для доставленія сей прискорбной вѣсти, до подробнаго обо всемъ безотлагательнаго донесенія».

На это графъ Клейнмихель, отъ 20-го іюня, отвѣчалъ генералу Граббе слѣдующей бумагой:

«Государь Императоръ, 13-го сего іюня, получилъ чрезъ флигель-адъютанта ротмистра Скарятина всеподданнѣйшее донесеніе вашего превосходительства, о важномъ уронѣ и неудачѣ, претерпѣнныхъ чеченскимъ отрядомъ войскъ, подъ начальствомъ вашимъ, въ бою противу горцевъ, а вслѣдъ затѣмъ, доставлены о семъ свѣдѣнія и отъ военнаго министра, отрядъ осматривавшаго.

«Его Императорское Величество, душевно соболѣзнуя о храбрыхъ воинахъ, на бранѣ сей павшихъ, тѣмъ не менѣе изволитъ видѣть и въ семъ горестномъ событіи, сопровождавшемся всѣми трудностями и всѣми недостатками, — новое неоспоримое доказательство того непоколебимаго всѣхъ и каждаго мужества и той неустрашимости и самоотверженія, которыми всегда войска кавказскія достойно украшались.

«Государь Императоръ предоставляетъ вамъ сказать отряду, вамъ ввѣренному, что Его Императорское Величество благодаритъ его за службу престолу и отечеству, вѣрную, и въ дѣлѣ ратномъ славную; и что Его Величество увѣренъ, что каждый изъ нихъ, одушевляясь примѣромъ собратій своихъ, животъ въ рядахъ ихъ положившихъ, — одушевленъ уже новою силою, новымъ духомъ возвышенной храбрости и будетъ стремиться къ новымъ доблестямъ, — русскимъ войскамъ всегда обычнымъ.

«Отрядъ чеченскій удостовѣрится такимъ образомъ въ неизмѣнной милости къ нему Государя Императора. Ему не остается болѣе горевать о прошедшемъ. — Всѣмъ и каждому предлежитъ токмо поспѣшить своимъ устройствомъ и изготовиться, съ Божіею помощію, къ новымъ подвигамъ, съ надеждою на успѣхъ.

«Въ заключеніе Его Императорское Величество повелѣть

мнѣ соизволилъ, удостовѣрить Ваше Превосходительство въ благоволѣніи къ вамъ Его Величества.

«Государь вполнѣ увѣренъ, что вы не замедлите соединить силы ваши съ трудами и приготовите какъ наискорѣе отрядъ къ вѣрнымъ успѣхамъ, при должной осторожности отъ распоряженій ожидаемыхъ».

Въ дополненіе разсказа объ неудачной ичкеринской экспедиціи, нужно еще прибавить интересное свѣдѣніе, сообщенное княземъ Ильею Орбельяномъ *) по освобожденіи его изъ плѣна. Съ нимъ вмѣстѣ, въ ямѣ, въ Дарго, сидѣлъ одинъ молодой чеченецъ, посаженный за убійство какого-то мюрида и ожидавшій рѣшенія своей судьбы по возвращеніи Шамиля. Этотъ человѣкъ отъ своей сестры, приносившей ему хлѣбъ, узналъ, что русскій отрядъ идетъ на Дарго, что всѣ жители отправились ему на встрѣчу, но бывшіе въ Дарго, въ родѣ караула, около ста человѣкъ андійцевъ отказались идти противъ русскихъ и вообще андійцы не охотно подчинялись Шамилю и даже ждутъ съ нетерпѣніемъ русскихъ, чтобы имъ покориться. Съ еще большимъ нетерпѣніемъ, конечно, ждали и наши плѣнники, а съ ними и арестантъ-чеченецъ нашего появленія, надѣясь получить свободу. Но случилось иначе. Ихъ угнали въ Андію, а послѣ отступленія русскаго отряда опять привели въ Дарго и посадили въ ту же яму, гдѣ они выносили и голодъ, и лишенія, о которыхъ трудно себѣ составить даже приблизительное понятіе. Отъ того же чеченца князь Орбельянъ вскорѣ узналъ о печальномъ исходѣ экспедиціи.—«Какъ можно было идти по такой дорогѣ, говорилъ чеченецъ, на которой нѣтъ воды, и овраги такіе, что даже мѣстные жители очень рѣдко ею пользуются. Если бы пошли на Баяни, гдѣ вездѣ есть вода, дорога гораздо шире и удобнѣе, то русскіе непремѣнно дошли бы до Дарго».

Отпраздновавъ новую неожиданную удачу, Шамиль забылъ о понесенномъ въ Кюлюли пораженіи и сталъ собирать новыя

---

*) Умеръ отъ тяжелой раны, полученной въ сраженіи съ турками подъ Башъ-Кадыкларомъ въ 1853 г. въ чинѣ генералъ-маіора, командуя Грузинскимъ гренадерскимъ полкомъ.

толпы, съ явнымъ намѣреніемъ вторгнуться въ Аварію. По полученіи объ этомъ свѣдѣній, генералъ Граббе считалъ необходимымъ поспѣшить движеніемъ въ Дагестанъ.

10-го іюня, отправивъ всѣхъ еще неразмѣщенныхъ раненыхъ въ Грозную и Моздокъ, подъ прикрытіемъ остатковъ 3-го батальона Кабардинскаго полка, а 1-й батальонъ этого полка для усиленія Назрановскаго отряда, имѣвшаго приступить къ постройкѣ укрѣпленія на Ассѣ, перемѣнивъ артиллерію, потерявшую почти всѣхъ лошадей, и вообще устроивъ по возможности войска, генералъ Граббе выступилъ 12-го числа къ Внезапной, 13-го числа въ Балтугай, 14-го на Міатлинскую переправу, а 16-го прибылъ въ Темиръ-Ханъ Шуру, гдѣ присоединилъ еще нѣкоторыя войска, и 20-го выступилъ въ горы съ отрядомъ изъ 11¼ батальоновъ (въ томъ числѣ 2 и 4 Кабардинскаго полка, въ составѣ 1,200 штыковъ), 24-го числа пришелъ въ Цатанихъ, гдѣ былъ сложенъ значительный запасъ боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ.

25-го іюня отрядъ двинулся къ аулу Игали и занялъ окрестныя высоты. При появленіи нашихъ войскъ игалинцы зажгли аулъ и вмѣстѣ съ мюридами, присланными Шамилемъ къ нимъ на помощь, засѣли въ садахъ за завалами.

28-го іюня войска съ двухъ сторонъ атаковали сады, выбили оттуда непріятеля и заняли селеніе. Бой былъ довольно жаркій, стоившій намъ 6 офицеровъ и 231 нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя. Оба наши батальона оставались въ резервѣ и участія въ дѣлѣ не принимали; я, поэтому, и не вхожу въ большія подробности.

Ближайшее знакомство съ мѣстностью показало однако, что утвердиться въ Игали не было возможности, по причинѣ недостатка воды, а на самомъ Андійскомъ Койсу нельзя было устроить укрѣпленія, потому что лѣвый берегъ рѣки—отвѣсная скала и командуетъ правымъ; притомъ же дорога отъ Цатаниха къ Игали превосходитъ своею неприступностью даже знаменитый спускъ въ Гимринское ущелье.

29-го іюня войска очистили Игали ночью и прибыли въ Цатанихъ, преслѣдуемые горцами, дерзость которыхъ, особенно при видѣ ночнаго отступленія, сочтеннаго ими за признакъ

страха съ нашей стороны, возросла до того, что они въ числѣ какихъ нибудь 300 человѣкъ не отставали отъ отряда въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ и успѣли нанести намъ не малую потерю. Выбившись изъ силъ по ужаснымъ дорогамъ, чуть не неся на рукахъ орудія, а одно, подъ которымъ были перебиты всѣ лошади, дѣйствительно вынесено на рукахъ ротою Тифлисскаго полка, войска измученные пришли въ Цатанихъ и расположились здѣсь на отдыхъ. Въ Цатанихѣ приказано было сложить излишніе артиллерійскіе и продовольственные запасы, а батальоны, входившіе въ составъ отряда, направлены на разработку Военно-Дагестанской дороги, а отчасти для исправленія верковъ аварскихъ укрѣпленій.

Такимъ образомъ и послѣднее движеніе оказалось совершенно безплоднымъ и напрасною жертвою до 300 человѣкъ. Несмотря на значительныя, въ сравненіи съ прежними временами, средства, цѣль предположеній не была достигнута. Экспедиція этого года не только не содѣйствовала къ поколебанію могущества Шамиля, а напротивъ, она усилила его вліяніе, поселивъ въ горцахъ глубокую вѣру въ его умъ и счастіе. Потери непріятеля были ничтожны въ сравненіи съ нашими, даже не исключая пораженія при Кюлюли отрядомъ князя Аргутинскаго, гдѣ главная масса убитыхъ состояла изъ жителей Казикумыкскаго ханства, которыхъ Шамиль не имѣлъ причины беречь.

Счастіе измѣнило генералу Граббе; отношенія къ нему въ Петербургѣ, явное предпочтеніе предъ прямымъ его начальникомъ, полное довѣріе къ его соображеніямъ, возродили въ немъ крайнюю самонадѣянность и это погубило его, къ великому сожалѣнію, потому что онъ все таки былъ одинъ изъ лучшихъ генераловъ и Шамиль его очень боялся.

Съ 1842 года непріятель имѣлъ полную возможность оцѣнить затрудненія, встрѣчаемыя нами при дѣйствіяхъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ, между тѣмъ, какъ ему представлялось обширное поприще тревожить насъ со всѣхъ сторонъ. До 1842 года въ горахъ еще сохранялась увѣренность въ непобѣдимости русскихъ; неудачи же послѣднихъ дней, къ несчастію, поколебали и это убѣжденіе; дерзость непріятеля возросла

неимовѣрно и онъ снова сталъ мечтать объ изгнаніи насъ съ Кавказа, подобно тому, какъ это было въ лучшія времена Кази-Муллы.

Изъ Цатаниха генералъ Граббе совершилъ поѣздку въ Хунзахъ, для осмотра цитадели, приказалъ до дорогѣ построить двѣ башни на 25—30 человѣкъ съ пушкой, а затѣмъ рѣшился, прекративъ на этотъ разъ всякія дѣйствія въ Дагестанѣ, выступить обратно въ Шуру, куда отрядъ и прибылъ 5-го іюля.

7-го числа войска лѣваго фланга ушли къ Міатламъ и направились въ разные пункты по назначенію. 2-й батальонъ Кабардинскаго полка въ Грозную, для усиленія тамошняго подвижнаго резерва, а 4-й въ Назрановскій отрядъ *).

---

*) Награды полку за 1842 годъ: слѣдующіе чины маіорамъ Добровольскому и Шуляковскому, капитану Астафьеву, поручику Долинскому, подпоручикамъ Нейману, Кулешу и Горяинову, прапорщикамъ Викторову и Зану; фельдфебелю Васильеву чинъ подпоручика, а унт.-офицерамъ Маевскому (изъ разжалованныхъ), Качинскому, Яновичу, Бурзинскому и Имянинникову прапорщика. Высочайшаго благоволенія удостоены 15 офицеровъ, одному денежная награда. Владиміра 4-й ст. штабсъ-капитану Савицкому и лекарю Головинскому, Анну 3-й ст. штабсъ-капитану Кисловскому, поручикамъ Корниловичу 1 и 2-му, Станислава 2-й ст. подполковнику Гротенфельду, капитану Кононову, Станислава 3-й ст. капитану Мисютину, штабсъ-капитану Есиповичу, поручикамъ Колпинскому, Кгаевскому. Священнику Порадіеву годовой окладъ. Нижнимъ чинамъ 128 георгіевскихъ крестовъ, въ томъ числѣ разжалованному князю Яшвилю, (впослѣдствіи командиру лейбъ-гвардіи гусарскаго полка).

XVIII.

Перемѣна начальствующихъ лицъ. — Работы по возведенію Куринскаго укрѣпленія и дѣйствія противъ насъ Шамиля.—Расположеніе батальоновъ полка на зиму 1842—43 г. — Взглядъ на положеніе дѣлъ. — Результаты поѣздки кн. Чернышева на Кавказъ.—Переводъ штабъ-квартиры полка во Внезапную.—Назначеніе князя Чернышева шефомъ полка съ присвоеніемъ его имени. — Расположеніе батальоновъ и занятія работами. — Назначеніе полковника Козловскаго командиромъ полка.—Характеристика прежнихъ командировъ и И. М. Лабынцова.

Не успѣли войска разойтись, Шамиль началъ нападенія на Аварію и Койсубу, а генералъ Клугенау жаловаться на свою слабость для противодѣйствія непріятелю и неимѣніе подъ рукой свободнаго резерва. Весь этотъ ходъ событій далъ генералу Головину обильный матеріалъ для обвиненій Граббе, въ коихъ было много справедливаго, но были и преувеличенія, и вообще они повторялись слишкомъ часто. Читая бумаги того времени, ясно видишь, какъ вредно отзывались на ходѣ дѣлъ всѣ эти личныя неудовольствія и интриги. Генералъ Зассъ тоже позволилъ себѣ въ одномъ изъ донесеній указывать на неудачи своего начальника, генерала Граббе, въ Ичкеріи и Дагестанѣ; по жалобѣ Граббе объ этомъ военному министру, кн. Чернышевъ замѣтилъ, что самъ Граббе позволялъ себѣ тоже въ отношеніи старшаго, генерала Головина. Впрочемъ, смѣна этого послѣдняго была уже давно рѣшена, потому что ещё въ апрѣлѣ мѣсяцѣ изъ военнаго министерства была сообщена генералу Нейдгарду подробная записка о положеніи Кавказа, очевидно съ цѣлью ознакомить его съ будущимъ театромъ дѣйствій. Послѣ описанныхъ же неудачъ Граббе отозвали еще раньше Головина и начальникомъ Кавказской линіи назначенъ генералъ-лейтенантъ Гурко.

Послѣдніе мѣсяцы 1842 года прошли преимущественно въ работахъ по довершенію укрѣпленій Куринскаго и на р. Ассѣ, да въ бѣганіи на тревоги противъ часто прорывавшихся партій непріятеля за Сунжу и Терекъ. Особенно непріятно было Шамилю возведеніе укрѣпленія Куринскаго, у подножія Качкалыковскаго хребта. Оно обезпечивало Кумыкскую плоскость, связывало ее чрезъ Умаханъ-Юртъ съ Грозною и давало возможность во всякое время проникать небольшимъ русскимъ колоннамъ на Мичикъ для раззоренія чеченскаго населенія. Поэтому непріятель употреблялъ всѣ возможныя усилія, чтобы препятствовать, или хоть затруднять работы. Почти ежедневно вывозилъ онъ нѣсколько орудій на высоты и обстрѣливалъ нашъ лагерь, или передовыя небольшія башни; конныя партіи рыскали кругомъ, чтобы нападать на транспорты или команды фуражировъ, дровосѣковъ и т. п. Войскамъ приходилось и работать, и драться, и прикрывать аулы кумыковъ, безпрестанно тревожимые набѣгами. Вообще, служба была очень тяжелая. Главнымъ распорядителемъ былъ генералъ-маіоръ Фрейтагъ — одинъ изъ отличнѣйшихъ, способнѣйшихъ офицеровъ, и дѣло подвигалось довольно успѣшно. Но съ усиленіемъ непріятеля, обратившагося преимущесвенно противъ отряда Фрейтага, ему должны были выслать подкрѣпленія — сначала 1-й Кабардинскій батальонъ изъ Назрановскаго отряда, а въ сентябрѣ и 3-й батальонъ Кабардинскаго полка изъ Екатеринограда, въ слабомъ составѣ (до 460 штыковъ). Затѣмъ на зиму батальоны были расположены 1-й въ Ташкичу, 2-й въ Куринскомъ, 3-й въ Андреевой, 4-й во Внезапной, Баташъ-Юртѣ и Энгиль-Юртѣ.

Пока перейду къ дальнѣйшему разсказу о событіяхъ слѣдующаго 1843 года, въ которыхъ разнымъ частямъ Кабардинскаго полка пришлось принимать весьма дѣятельное и, какъ всегда, видное участіе, необходимо еще сказать нѣсколько словъ о положеніи дѣлъ на Кавказѣ въ 1842 году до и послѣ описанныхъ неудачныхъ военныхъ дѣйствій.

Не взирая на утвержденіе Государемъ предположеній генерала Граббе, сулившихъ такіе блестящіе результаты, въ Петербургѣ смотрѣли на положеніе дѣлъ безъ всякаго опти-

мизма. Въ запискѣ, сообщенной военнымъ министерствомъ *) генералу Нейдгарду въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, сказано было, что Шамиль, пользуясь злоупотребленіями, поборами и негодованіемъ, происшедшими отъ отобранія оружія, возмутилъ Чечню; что взятіе Чиркея и постройка укрѣпленія Евгеніевскаго есть только un beau fait d'armes (красивое военное дѣло), но безъ всякихъ матеріальныхъ и, что еще важнѣе, безъ нравственныхъ послѣдствій, ибо за исключеніемъ мѣста, занятаго укрѣпленіемъ, мы за собою ничего не удержали; а побѣда въ маѣ на Хубарскихъ высотахъ такъ скоро изгладилась изъ ума горцевъ, что уже въ октябрѣ салатавцы дѣйствовали въ партіи Хаджи-Мурата противъ насъ. Постройка Заканъ-Юрта и Казакъ-Кичу дѣло полезное, но второстепенное, не могущее имѣть особаго значенія въ общемъ положеніи; разореніе же Чечни вовсе не успокоило населенія, а еще болѣе возбудило ненависть его къ намъ; вынужденное переселеніе чеченцевъ съ богатыхъ мѣстъ плоскости въ трущобы Черныхъ горъ озлобило ихъ и побуждаетъ къ жестокой мести, которую они выражаютъ настойчивыми набѣгами и отчаяннымъ сопротивленіемъ движеніямъ нашихъ войскъ. Въ Дагестанѣ рѣшительно ничего не пріобрѣтено, плоды семилѣтнихъ усилій потеряны, нравственнаго вліянія никакого: всякій аулъ, считающійся покорнымъ, каждую минуту готовъ возстать. Успокоеніе Кавказа отдалено на неопредѣленное время. Всѣ взволнованныя племена стали подъ знамя Шамиля; отъ Кахетіи до Сунжи одна воля ими управляетъ. Власть имама неограниченна и пока онъ живъ, упорство его не ослабѣетъ; со смертію его власть перейдетъ къ другому и горцы, уже по привычкѣ, будутъ подчиняться, ибо мюридизмъ проникаетъ повсюду и слѣды его вліянія замѣтны даже въ Закавказьи. Соединивъ чеченскія и лезгинскія племена (до 400,000 душъ) въ своихъ рукахъ, Шамиль не будетъ уже довольствоваться одною непокорностью и сопротивленіемъ намъ, а будетъ дѣлать вторже-

---

*) Авторомъ ея, какъ и вообще всѣхъ важнѣйшихъ бумагъ, былъ директоръ канцеляріи кн. Чернышева, тайный совѣтникъ Брискорнъ, игравшій въ то время вообще выдающуюся роль.

нія и постоянно угрожать нашимъ предѣламъ. Подвластная ему часть края въ военномъ отношеніи—крѣпость, снабженная всѣмъ необходимымъ, и природа лучше всякаго искуства защищаетъ ее неприступными твердынями.

Во всемъ этомъ было, конечно, нѣкоторое преувеличеніе, но въ сущности взглядъ выраженъ согласно съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ.

Въ это самое время императоръ Николай рѣшился послать военнаго министра князя Чернышева на Кавказъ, для обозрѣнія и подробнаго изученія положенія края въ военномъ и гражданскомъ отношеніяхъ. Легко себѣ представить, съ какимъ взглядомъ князь Чернышевъ предпринялъ свою поѣздку: вышеприведенная записка говоритъ сама за себя. Прибавивъ къ этому такое несчастное стеченіе обстоятельствъ, что почти на глазахъ князя Чернышева произошелъ кровавый эпизодъ въ Ичкеринскихъ лѣсахъ и онъ въ Герзель - аулѣ видѣлъ 1200 человѣкъ раненыхъ въ ужасномъ положеніи, по недостатку докторовъ, фельдшеровъ, помѣщеній, перевязочныхъ средствъ; раненыхъ транспортируемыхъ на простыхъ телегахъ и арбахъ, въ 30° жару, за 80—120 верстъ въ госпитали; а затѣмъ узналъ, что походъ въ Дагестанъ и взятіе аула Игали, тотчасъ же брошеннаго, осталось безъ всякаго результата и стоило опять 6 офицеровъ и до 300 человѣкъ, не говоря о значительныхъ затратахъ денежныхъ,—не удивительно, что военный министръ, подъ этими тяжелыми впечатлѣніями, могъ усвоить себѣ точку зрѣнія весьма песимистическую, хотя и не вполнѣ соотвѣтствовавшую дѣйствительнымъ условіямъ.

Въ государственныхъ дѣлахъ нѣтъ ничего опаснѣе увлеченій, дѣйствій подъ впечатлѣніями, вообще рѣзкихъ скачковъ, переходовъ отъ одной крайности къ другой. Войну на Кавказѣ нельзя было приравнивать къ какой-нибудь кампаніи, во время которой неожиданное стеченіе обстоятельствъ можетъ потребовать отступленія или совершенной перемѣны первоначальнаго плана дѣйствій, такъ сказать, экспромтомъ. Необходимо было обсудить зрѣло какую нибудь систему и уже настойчиво держаться ея, преодолѣвая всѣ препятствія и не смущаясь неудачами, неизбѣжными вездѣ и во всѣхъ чело-

вѣческихъ дѣлахъ, а наиболѣе именно при отсутствіи строгой систематичности, послѣдовательности и непростительномъ разладѣ между прекрасными разсужденіями и соображеніями на бумагѣ и совершенно противоположнымъ исполненіемъ ихъ на дѣлѣ. Это доказывалось самымъ нагляднымъ образомъ неудачею, постигшею генерала Граббе въ Ичкеріи. Самъ же онъ такъ основательно писалъ, что лѣтомъ не слѣдуетъ ходить въ лѣса, что нужно употребить всѣ усилія въ сѣверномъ Дагестанѣ, а къ Чечнѣ (къ которой преимущественно слѣдуетъ причислить Ичкерію) обратиться зимою и т. д., какъ приведено въ предшествовавшей главѣ, и вдругъ, увлеченный фантазіей, онъ забываетъ свои же, Государемъ утвержденныя предположенія и предпринимаетъ экспедицію въ незнакомую мѣстность, по безводной, ужасной дорогѣ, съ отрядомъ, самая численность котораго уже не могла обѣщать успѣха, потому что такой массѣ людей, лошадей и обоза не было возможности развернуться въ лѣсной чащѣ, и она неминуемо должна была произвести хаосъ.

Князь Чернышевъ, однимъ словомъ, уже подготовленный предшествовавшими событіями и еще болѣе утвердившійся въ своихъ воззрѣніяхъ происшествіями послѣднихъ дней, возвратился въ Петербургъ съ твердымъ убѣжденіемъ въ необходимости оставить всякія наступательныя дѣйствія и ограничиться обороной, да улучшеніемъ занятыхъ укрѣпленныхъ пунктовъ и штабъ-квартиръ. Вслѣдствіе этого, 20-го августа, было послано въ Тифлисъ слѣдующее предписаніе:

«По всеподданнѣйшему докладу моему Государю императору о военномъ положеніи нашемъ на Кавказѣ, Его Величество, имѣя въ виду, съ одной стороны, соединеніе чеченскихъ и лезгинскихъ племенъ подъ властію Шамиля и возникшія *по его же внушенію* общія волненія между закубанцами, а съ другой, изнуреніе и разстройство войскъ нашихъ послѣ ежегодныхъ утомительныхъ походовъ, высочайше повелѣть соизволилъ, принять для утвержденія владычества нашего въ этомъ краѣ систему прочную, гибельнымъ случайностямъ не подверженную и основанную не на одной силѣ оружія, но также

на употребленіи *политическихъ средствъ къ разъединенію возставшихъ племенъ.*

Непремѣнными условіями выполненія этой системы должны быть, согласно прежнимъ, неоднократнымъ указаніямъ Его Величества, постепенное овладѣніе плоскостями посредствомъ возведенія укрѣпленій у главныхъ выходовъ изъ горъ, отнюдь *не вдаваясь въ нѣдра ихъ*, проложеніе удобныхъ дорогъ па вновь занимаемыхъ нами пространствахъ и сосредоточеніе всѣхъ свободныхъ войскъ для наступательныхъ дѣйствій на важнѣйшемъ по обстоятельствамъ пунктѣ, оставаясь на прочихъ въ сильномъ наблюдательномъ положеніи.

Для обезпеченія успѣха предлежащихъ намъ предпріятій, Его Величеству благоугодно было разрѣшить не возвращать 14-й пѣхотной дивизіи въ Россію и не уменьшать настоящаго состава полевыхъ войскъ Кавказскаго корпуса, впредь до рѣшительнаго оборота дѣлъ въ пользу нашу.

Обращаясь затѣмъ къ порядку будущихъ дѣйствій, Государь Императоръ изволилъ найти, что первыя усилія должны быть направлены къ *усмиренію* лѣваго фланга Кавказской линіи, какъ гнѣздилища возмущенія, и что къ достиженію этой цѣли всего неотложнѣе представляется учрежденіе передовой Чеченской линіи.

Но прежде сего, Его Величество признать изволилъ необходимымъ, отказавшись на время отъ большихъ экспедицій, сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ дислокаціи войскъ, сообразно съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, и устремить всю дѣятельность на внутреннее устройство войскъ и улучшеніе обороны существующихъ линій.

Въ заключеніе Его Величество, рѣшительно ограничивая предлежащія въ будущемъ году дѣйствія исполненіемъ означенныхъ предначертаній, Высочайше поручить соизволилъ вашему высокопревосходительству наистрожайше предписать всѣмъ частнымъ начальникамъ на Кавказѣ, дабы они отнюдь не предпринимали никакихъ экспедицій, или поисковъ для наказанія горцевъ, но, оставаясь въ полной готовности отразить всякія ихъ противъ насъ враждебныя покушенія, усугубили свои старанія къ внутреннему устройству покорившихся

дость характера и изумительная энергія. Самъ чрезвычайно воздержный въ образѣ жизни, Лабынцовъ презрительно относился къ другимъ командирамъ, любившимъ хорошо поѣсть, выпить, вообще, хорошо пожить. (А такихъ было большинство) До крайности расчетливый, даже просто скупой, иногда до мелочности, до смѣшнаго, онъ былъ однако чуждъ корыстолюбія и также строго берегъ казенныя деньги, какъ и свои собственныя. При сдачѣ полка оставалась годовая экономія различныхъ вещей и матеріаловъ, которая, по тогдашнимъ обычаямъ, вовсе не считавшимся предосудительными и не преслѣдовавшимся начальствомъ, составляла полную собственность полковаго командира; но Иванъ Михайловичъ ее не продалъ въ свою пользу, не передалъ ее и своему преемнику, чтобы тотъ ее не прокутилъ, а подарилъ въ роты. Суровый, строгій начальникъ, грубый въ обращеніи, онъ умѣлъ однако пріобрѣсти въ полку среди офицеровъ горячихъ приверженцевъ, а солдаты боготворили его и готовы были за нимъ въ огонь и воду. Онъ, вообще, всегда горою стоялъ за своихъ подчиненныхъ, любилъ солдатъ и заботился объ нихъ, какъ отецъ, хотя подъ часъ бывалъ и жестокъ. Въ отношеніяхъ къ высшему начальсту Лабынцовъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ, безъ тѣни какого либо подобострастія; напротивъ, вѣчно былъ всѣми недоволенъ, постоянно ворчалъ, несмотря что всѣ оказывали ему особое уваженіе. Эта ворчливость, угрюмость и капризность были несносны для его подчиненныхъ, особенно бывшихъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ нему по службѣ. Онъ приводилъ ихъ просто въ отчаяніе своимъ упрямствомъ и грубою формою обращенія. Впослѣдствіи, командуя дивизіею, онъ заставлялъ бояться полковыхъ командировъ его инспекторскихъ смотровъ пуще всякой бѣды.

Что касается качествъ Ивана Михайловича Лабынцова, какъ военнаго начальника, то изъ всѣхъ вышеприведенныхъ мною отзывовъ Вельяминова и Граббе уже достаточно можно судить, каковъ онъ былъ въ дѣлѣ съ непріятелемъ. Въ моменты самаго горячаго боя нельзя было не увлекаться его примѣромъ: стойкость, невозмутимое хладнокровіе и распорядительность невольно очаровывали его окружающихъ. Особен-

племенъ и къ склоненію прочихъ послѣдовать ихъ примѣру. Система нравственнаго вліянія доставила уже положительныя выгоды на Восточномъ берегу и потому благоразумное и добросовѣстное примѣненіе оной въ другихъ частяхъ Кавказа обѣщаетъ также успѣхи, особенно на правомъ флангѣ, по близкимъ соотношеніямъ этого края съ Восточнымъ берегомъ».

Въ бумагѣ этой нельзя не замѣтить нѣкоторой неясности; въ первой своей половинѣ какъ будто и не совсѣмъ отказываемся мы еще отъ наступленія и даже самаго полезнаго, систематическаго; во второй же положительно запрещаются всякія движенія и требуется только готовность къ отраженію и старанія нравственно вліять на горцевъ. Изъ дальнѣйшаго разсказа видно будетъ, какія послѣдствія имѣли эти перемѣны дѣйствій на Кавказѣ.

Для Кабардинскаго же полка, собственно, пребываніе князя Чернышева на Кавказѣ повлекло за собою чрезвычайно важныя перемѣны: во 1-хъ, полку, вмѣсто Нальчика, назначена штабъ-квартирой кр. Внезапная, куда въ октябрѣ 1842 года и выступилъ 5-й батальонъ, оставивъ впрочемъ всѣхъ женатыхъ нижнихъ чиновъ на старыхъ мѣстахъ, чтобы не разорять ихъ хозяйство и не ослаблять русскаго населенія въ Кабардѣ, во 2-хъ, полкъ получилъ въ лицѣ князя Чернышева шефа, именемъ котораго съ 11-го апрѣля слѣдующаго года сталъ называться, пользуясь съ тѣхъ поръ постояннымъ особымъ расположеніемъ военнаго министра.

Во Внезапной приказано было построить казармы на два батальона, съ удобнымъ помѣщеніемъ для офицеровъ. Постройку вести хозяйственнымъ образомъ, для чего отпустить полковому командиру 10 тысячъ рублей и предоставить въ его распоряженіе 4 и 5 батальоны. Остальные же три батальона должны оставаться на работахъ по усовершенствованію обороны существующихъ укрѣпленій и заготовленію матеріаловъ для предполагаемыхъ новыхъ. Работы должны быть заранѣе точно опредѣлены. Батальонамъ вмѣстѣ съ тѣмъ назначены постоянныя квартиры: 1-му въ Ташъ-Кичу, 2-му въ Куринскомъ, 3-му въ Андреевѣ, а 4 и 5-му во Внезапной.

Чтобы закончить очеркъ 1842 года, мнѣ остается упомя-

нуть еще объ одномъ важномъ фактѣ въ жизни полка. Еще въ февралѣ полковникъ Козловскій былъ назначенъ командующимъ полкомъ, а въ іюнѣ окончательно утвержденъ командиромъ.

До 1769 года, когда Кабардинскій полкъ выступилъ изъ Выборга въ дѣйствующую противъ турокъ армію, командирами Кабардинскаго полка были лица, ничѣмъ незаслужившія извѣстности. Съ того же времени большинство командировъ выдавалось изъ ряда и носило имена, получившія извѣстность въ военной исторіи: но представить ихъ характеристику, хотя бы приблизительно дающую понятіе о качествахъ человѣка, не представляется ни малѣйшей возможности, по совершенному отсутствію всякихъ данныхъ. По нѣкоторымъ историческимъ свѣдѣніямъ, по содержанію формулярныхъ списковъ и т. п., можно судить только о степени военно-служебныхъ достоинствъ нѣкоторыхъ изъ командировъ, и въ своемъ мѣстѣ я уже упоминалъ объ нихъ. Игельштромъ, Кличка, Нагель, Гуляковъ, два князя Орбельяны, Тихановскій, Швецовъ и Пирятинскій, по однимъ изложеніямъ военныхъ дѣйствій, уже достаточно обрисовались какъ храбрые, мужественные, распорядительные люди, высоко цѣнившіеся начальствомъ и получавшіе видныя боевыя порученія, исполненныя всегда самымъ блестящимъ образомъ. Больше объ нихъ ничего сказать нельзя; даже о послѣднемъ, генералъ-маіорѣ Пирятинскомъ, сдавшемъ полкъ только въ концѣ 1838 года, слѣдовательно во времена относительно близкія къ намъ, мнѣ не случилось встрѣтить кого нибудь изъ его бывшихъ подчиненныхъ или сослуживцевъ, могущихъ указать выдающіяся черты характера или вообще какія нибудь особенныя стороны дѣятельности его, какъ полковаго командира. Общій отзывъ всѣхъ знавшихъ его тотъ же, который встрѣчается въ донесеніяхъ объ немъ генерала Вельяминова: отличный, храбрый, распорядительный начальникъ колоннъ, а впослѣдствіи, уже въ чинѣ генералъ-маіора, весьма хорошій начальникъ Кабарды, подробно знакомый съ мѣстными обстоятельствами и дѣлами туземцевъ. Когда, вслѣдствіе возмущенія въ Чечнѣ въ 1840 году, Владикавказъ и его окрестности сдѣлались театромъ вторженій непріятеля и вообще опа-

снымъ пунктомъ, генералъ Граббе счелъ нужнымъ командировать генерала Пирятинскаго въ Владикавказъ и подчинить ему управленіе тамошняго коменданта, а также войска и приставовъ, для большаго единства въ дѣйствіяхъ. Къ сожалѣнію, болѣзнь сразила здѣсь Александра Григорьевича, и онъ умеръ 55 лѣтъ отъ роду.

Но за то съ этихъ поръ я имѣю возможность о каждомъ изъ полковыхъ командировъ сказать нѣсколько словъ, болѣе или менѣе рисующихъ личность, какъ начальника и человѣка; большинство я зналъ лично, объ нѣкоторыхъ же имѣю вѣрныя свѣдѣнія отъ близко знавшихъ ихъ сослуживцевъ.

Иванъ Михайловичъ Лабынцовъ, воспитанникъ дворянскаго полка, выпущенъ офицеромъ въ 39 егерскій полкъ 15 апрѣля 1819 года. Полкъ этотъ какъ извѣстно, въ 1834 году вошелъ въ составъ Кабардинскаго 3 и 4-мъ батальонами, такъ что уже судьба предназначила Лабынцова быть Кабардинцемъ. По возвращеніи изъ персидско-турецкаго похода, въ чинѣ капитана, онъ былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба 20-й дивизіи, хотя по части грамотности не отличался особыми талантами и никакой наклонности къ письменнымъ занятіямъ не имѣлъ. По тогдашнему положенію, онъ былъ переведенъ штабсъ капитаномъ лейбъ-гвардіи въ Волынскій полкъ, въ 1834 году, когда начался рядъ усиленныхъ экспедицій за Кубань, къ берегу Чернаго моря. Въ этихъ-то походахъ узналъ его близко генералъ Вельяминовъ, угадалъ въ немъ выдающагося изъ ряда боеваго офицера и сталъ поручать ему командованіе стрѣлковыми цѣпями, аріергардными частями, даже отдѣльными колоннами, наравнѣ съ старыми штабъ-офицерами. Съ производствомъ въ 1838 году въ полковники И. М. Лабынцовъ былъ переведенъ въ Кабардинскій полкъ съ откомандированіемъ въ образцовый пѣхотный полкъ, а въ концѣ года назначенъ командиромъ Кабардинскаго полка, но принялъ его лишь 15 марта 1839 года. Небольшаго роста, плотный, лысый, съ непривлекательнымъ, но очень выразительнымъ лицомъ, Иванъ Михайловичъ обладалъ замѣчательнымъ природнымъ умомъ, и это затушевывало недостатокъ образованія научнаго. При этомъ — рѣдкая твер-

дость характера и изумительная энергія. Самъ чрезвычайно воздержный въ образѣ жизни, Лабынцовъ презрительно относился къ друдимъ командирамъ, любившимъ хорошо поѣсть, выпить, вообще, хорошо пожить. (А такихъ было большинство) До крайности расчетливый, даже просто скупой, иногда до мелочности, до смѣшнаго, онъ былъ однако чуждъ корыстолюбія и также строго берегъ казенныя деньги, какъ и свои собственныя. При сдачѣ полка оставалась годовая экономія различныхъ вещей и матеріаловъ, которая, по тогдашнимъ обычаямъ, вовсе не считавшимся предосудительными и не преслѣдовавшимся начальствомъ, составляла полную собственность полковаго командира; но Иванъ Михайловичъ ее не продалъ въ свою пользу, не передалъ ее и своему преемнику, чтобы тотъ ее не прокутилъ, а подарилъ въ роты. Суровый, строгій начальникъ, грубый въ обращеніи, онъ умѣлъ однако пріобрѣсти въ полку среди офицеровъ горячихъ приверженцевъ, а солдаты боготворили его и готовы были за нимъ въ огонь и воду. Онъ, вообще, всегда горою стоялъ за своихъ подчиненныхъ, любилъ солдатъ и заботился объ нихъ, какъ отецъ, хотя подъ часъ бывалъ и жестокъ. Въ отношеніяхъ къ высшему начальсту Лабынцовъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ, безъ тѣни какого либо подобострастія; напротивъ, вѣчно былъ всѣми недоволенъ, постоянно ворчалъ, несмотря что всѣ оказывали ему особое уваженіе. Эта ворчливость, угрюмость и капризность были несносны для его подчиненныхъ, особенно бывшихъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ нему по службѣ. Онъ приводилъ ихъ просто въ отчаяніе своимъ упрямствомъ и грубою формою обращенія. Впослѣдствіи, командуя дивизіею, онъ заставлялъ бояться полковыхъ командировъ его инспекторскихъ смотровъ пуще всякой бѣды.

Что касается качествъ Ивана Михайловича Лабынцова, какъ военнаго начальника, то изъ всѣхъ вышеприведенныхъ мною отзывовъ Вельяминова и Граббе уже достаточно можно судить, каковъ онъ былъ въ дѣлѣ съ непріятелемъ. Въ моменты самаго горячаго боя нельзя было не увлекаться его примѣромъ: стойкость, невозмутимое хладнокровіе и распорядительность невольно очаровывали его окружающихъ. Особен-

но былъ онъ неоцѣнимъ какъ начальникъ аріергарда въ чеченскихъ лѣсахъ, гдѣ мало было одной геройской храбрости, а именно хладнокровіе, полное обладаніе собою и зоркая распорядительность были главными качествами, безъ которыхъ нельзя было избѣжать напрасныхъ потерь и замѣшательствъ. Ему были обязаны введеніемъ отступленія «перекатными цѣпями», чрезвычайно дѣйствительнымъ и полезнымъ маневромъ въ лѣсныхъ чащахъ *).

Для характеристики Лабынцова, приведу еще слѣдующій его пассажъ, за достовѣрность котораго ручается личность генерала К., передававшаго мнѣ это. Въ 1847 году, въ Кисловодскѣ, главнокомандующій князь Воронцовъ пригласилъ Ивана Михайловича (тогда генералъ-лейтенанта, начальника дивизіи) на обѣдъ. Въ опредѣленный часъ, когда всѣ уже собрались, его нѣтъ. Сѣли за столъ, князь былъ такъ любезенъ, что самъ повернувъ назначенный для Лабынцова стулъ спиною къ столу, сказавъ громко: «Это мѣсто достойнѣйшаго Ивана Михайловича». А этотъ, между тѣмъ, не только не пришелъ, но даже не прислалъ извиниться, потому что считалъ себя оскорбленнымъ за предпочтеніе ему другаго лица на должность начальника лѣваго фланга Кавказской линіи, и подалъ просьбу о переводѣ съ Кавказа на службу въ Россію... Въ настоящее время Иванъ Михайловичъ Лабынцовъ, генералъ отъ инфантеріи, дожилъ до глубокой старости и проводитъ остатокъ дней своихъ на покоѣ въ г. Вильнѣ, пользуясь заслуженнымъ уваженіемъ. Кабардинскому полку должна навсегда быть дорога память о времени его командованія. Въ эти три года (1839 — 1842 гг.) произошли такія дѣла, какъ Буртунай, Аргуани, Ахульго, Хубаръ, кровавые дни въ Ичкеріи, гдѣ полкъ съ своимъ командиромъ увѣковѣчили славу Кабардинцевъ и сдѣлали имя свое извѣстнымъ всей Россіи. Кличка въ первую турецкую войну сдѣлалъ много для славы полка, вдвое больше Гуляковъ за Алазанью, но въ десять разъ больше Лабынцовъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ!

---

*) Одна цѣпь пробѣгала быстро за другую, встрѣчавшую непріятеля готовыми выстрѣлами и т. д.

XIX.

Взглядъ на положеніе кавказскихъ дѣлъ въ 1843 году.—Прибытіе новаго главнокомандующаго Нейдгарда и тревожныя извѣстія о предпріятіяхъ Шамиля.

Приступая теперь къ изложенію событій 1843 года, одного изъ самыхъ важныхъ и роковыхъ въ исторіи Кавказской войны, я считаю необходимымъ предпослать краткое обозрѣніе предшествовавшаго періода, чтобы положеніе наше въ описываемое время нагляднѣе представить читателю *).

Съ 1837 года было приступлено къ занятію Аваріи, упроченіе которой за нами обѣщало большіе результаты. Важное положеніе этой части края въ средоточіи горъ давало полную возможность держать въ повиновеніи Койсубу, Гумбетъ, Андію, Карату, Тилитль и другія общества по правому берегу Аварскаго Койсу. Изъ Аваріи, кратчайшимъ путемъ, можно было устремиться въ то или другое общество, смотря по тому, гдѣ бы обнаружились безпорядки, и тотчасъ же подавить ихъ. Но, къ сожалѣнію, скудныя средства страны и трудность сообщенія съ Темиръ-Ханъ-Шурою не позволяли

---

*) Я изучилъ съ полнѣйшимъ вниманіемъ по обильнымъ архивнымъ источникамъ, имѣющимся въ Петербургѣ и на Кавказѣ, весь ходъ кавказскихъ дѣлъ съ конца 30-хъ годовъ, не говоря о томъ, что съ 1842 года, находясь уже самъ на Кавказѣ, имѣлъ возможность и безъ того достаточно съ ними ознакомиться. Что касается 1843 г., то очеркъ событій, составленный покойнымъ генералъ-маіоромъ Окольничимъ (Воен. Сборникъ 1859 г.) вполнѣ вѣренъ оффиціальнымъ документамъ, и потому я счелъ возможнымъ для облегченія труда воспользоваться имъ въ нѣкоторыхъ извлеченіяхъ.

держать тамъ достаточныхъ для этого силъ, и мы принуждены были ограничиться только занятіемъ нѣкоторыхъ пунктовъ самыми незначительными укрѣпленіями. Впослѣдствіи, содержаніе гарнизоновъ въ Аваріи сдѣлалось для насъ большою обузою и имѣло дурные результаты.

Главный пунктъ Аваріи, Хунзахъ оборонялся цитаделью на двѣ роты. Для прикрытія сообщенія его съ Темиръ-Ханъ-Шурою, чрезъ Балаканское ущелье, были устроены: башня въ Моксохѣ на 30 человѣкъ, укрѣпленіе въ Балаканахъ на 1 роту; въ Зырянахъ, съ переправою на поромѣ чрезъ Койсу, на 2 роты и башня въ Бурундукъ-Кале, для обороны такъ-называемыхъ Волчьихъ воротъ, прорванныхъ въ скалѣ генераломъ Фези, на 35 человѣкъ.

Частые набѣги непріятеля на покорные аварскіе аулы заставили насъ озаботиться о прикрытіи Аварской долины, преимущественно угрожаемой съ сѣвера и сѣверо-запада. Такимъ образомъ, для прегражденія доступа въ Аварскую долину со стороны Тлоха и Караты, было возведено при аулѣ Ахальчи нѣчто въ родѣ передоваго укрѣпленія на 100 человѣкъ, дорога отъ Игали и Чирката къ Хунзаху прикрывалась Цатанихскимъ укрѣпленіемъ (на 2 роты), расположеннымъ въ страшной трущобѣ. Доступы изъ Койсубу въ Балаканское ущелье прикрывались занятіемъ аула Харачи безъ укрѣпленія. Съ 1842 года, когда койсубулинское общество намъ вторично покорилось, главныя селенія его — Унцукуль и Гимры тоже были заняты гарнизонами и въ нихъ были устроены укрѣпленія на роту въ каждомъ.

Для обороны дороги въ Аварію отъ Карадахскаго моста на Кара-Койсу и для связи съ Гергебилемъ, на Гоцатлинскихъ высотахъ была расположена въ отдѣльной башнѣ команда въ 40 человѣкъ, а въ самомъ Гоцатлѣ—рота.

Такимъ образомъ, въ Аваріи и Койсубу въ началѣ 1843 года находилось одиннадцать оборонительныхъ построекъ, на занятіе коихъ, вмѣстѣ съ гарнизонами въ аулахъ, выходило до двадцати ротъ: но гарнизоны эти, разбросанные на значительномъ пространствѣ, въ гористой пересѣченной мѣстности, съ едва проходимыми дорогами, не имѣвшіе между собою ни-

какой связи, мало обезпечивали край и рѣшительно не имѣли вліянія на жителей намъ покорныхъ, а уже подавно на враждебныхъ. Самыя укрѣпленія существовали только по имени; на самомъ же дѣлѣ это были скорѣе загоны для скота и овецъ, какъ ихъ устраиваютъ горцы; обыкновенно большая часть этихъ укрѣпленій обезпечивалась однимъ валомъ изъ наскоро сложенныхъ камней, который вовсе не прикрывалъ гарнизона отъ ружейнаго огня съ окрестныхъ высотъ и рѣшительно не могъ противиться дѣйствію артиллеріи, даже самаго малаго калибра. Въ Зырянахъ люди большую часть года болѣли отъ дурнаго климата, происходящаго отъ рѣзкихъ перемѣнъ температуры воздуха; почти вездѣ терпѣли недостатокъ въ водѣ, которая была далеко, и, въ случаѣ блокады, укрѣпленія легко могли лишиться ея совсѣмъ. Самыя помѣщенія для гарнизоновъ были сыры, грязны, тѣсны и еще болѣе способствовали развитію болѣзненности, а недостатокъ въ дровахъ не позволялъ ихъ отапливать надлежащимъ образомъ. Въ Цатанихѣ и Гоцатлѣ даже не было никакихъ укрѣпленій, хотя они и считались по бумагамъ; въ первомъ изъ нихъ, гарнизонъ помѣщался въ жительскихъ сакляхъ, а въ Гоцатлѣ занималъ большой домъ, принадлежавшій тамошнему старшинѣ. Въ Унцукулѣ одинъ фасъ укрѣпленія, возведенный на непрочномъ грунтѣ, безпрерывно осыпался. Ахальчинское укрѣпленіе оставалось неоконченнымъ. Въ Хунзахѣ было сложено укрѣпленіе изъ камня безъ рва и почти не обезпечивалось отъ нечаяннаго нападенія, потому что высота стѣны позволяла безъ лѣстницъ всходить на батареи. Вода была далеко и въ случаѣ блокады легко могла быть отведена; внутри укрѣпленія былъ устроенъ резервуаръ, но зимою онъ вымерзалъ. Голая скала, непозволявшая даже вырыть ровъ, рѣшительно препятствовала разведенію огородовъ, и Хунзахскій гарнизонъ былъ лишенъ возможности имѣть капусту, которая была необходима для предохраненія солдатъ отъ цынги. Наконецъ старый ханскій дворецъ, обращенный въ казарму, служилъ единственнымъ, крайне неудобнымъ и тѣснымъ помѣщеніемъ для гарнизона и лазарета.

Эти укрѣпленія вооружались крѣпостными, полевыми, а

иногда и горными орудіями. Всѣ они имѣли слабыя профили, не могли выдержать дѣйствія артиллеріи и находились въ связи съ аулами, слѣдовательно, болѣе или менѣе упорная защита ихъ зависѣла отъ содѣйствія жителей. Измѣна послѣднихъ ставила гарнизонъ между двухъ огней.

15-ть батальоновъ (никогда недостигавшихъ трехъ четвертей комплекта) и нѣсколько казачьихъ сотенъ должны были охранять Дагестанъ отъ Сулака до Самура, и отъ Каспійскаго моря до западныхъ границъ Аваріи; но и поверхностнаго взгляда на карту достаточно, чтобы судить, какъ ничтожны были эти средства въ присутствіи многочисленнаго непріятеля. Недостатокъ военныхъ учрежденій, безъ пособія которыхъ невозможно было существовать въ этомъ скудномъ краѣ, еще болѣе увеличивалъ затруднительность нашего положенія.

Не только укрѣпленія въ горахъ, но и главные пункты края, которыми все держалось, мало въ чемъ имъ уступали. Такъ, семь или восемь лѣтъ спустя по основаніи, то есть въ началѣ сороковыхъ годовъ, положеніе Темиръ-Ханъ-Шуры было далеко не завидное. Она занимала незначительное пространство, обнесенное землянымъ валомъ, довольно слабой профили, и внутри котораго тамъ и сямъ были разбросаны саманные домики. Даже командующій войсками въ сѣверномъ и южномъ Дагестанѣ, генералъ-маіоръ Клюки-фонъ-Клугенау, вмѣстѣ съ семействомъ, помѣщался въ плохомъ домикѣ, куда нерѣдко проникалъ дождь и вѣтеръ. Земляной валъ, составлявшій, какъ было сказано, единственную ограду Темиръ-Ханъ-Шуры, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до того обвалился, что даже конные могли его переѣзжать. Ограниченное число войскъ, бывшее въ сѣверномъ Дагестанѣ, и безпрерывныя экспедиціи не позволяли приняться за исправленіе шуринскихъ построекъ, которыя, не будучи надлежащимъ образомъ поддерживаемы, мало по-малу приходили въ негодность. Больные же, которыхъ постоянно было отъ 800 до 1,000 и болѣе, и по этому не имѣвшіе мѣста въ лазаретѣ, помѣщались частію въ ротныхъ казармахъ, частію въ турлучныхъ землянкахъ (турлукъ—плетень обмазанный глиною). Тѣснота, духота

и сырость неизбѣжно тамъ гнѣздившіяся, были причинами значительной смертности.

Недостатокъ внутренняго устройства отразился и на самомъ климатѣ. Разныя нечистоты, противъ истребленія которыхъ не было принято надлежащихъ мѣръ, тѣснота помѣщенія, недостатокъ хорошей воды, сырость грунта, злокачественныя испаренія съ озера, или правильнѣе большой лужи Акъ-Куль, вблизи Темиръ-Ханъ-Шуры существовавшаго, все это заражало воздухъ и было причиною сильнаго развитія лихорадокъ и тифа.

Низовое укрѣпленіе (у берега Каспійскаго моря), главный складочный пунктъ края, былъ еще хуже. Верки не имѣли перекрестнаго огня, командовались съ окрестныхъ высотъ на ружейный выстрѣлъ, а ровъ и валъ были въ самомъ жалкомъ видѣ. Въ укрѣпленіи не имѣлось ни магазина, ни казармъ, ни лазарета. Перевозка провіанта изъ рейда, отстоявшаго на 3½ версты отъ укрѣпленія, была затруднительна и требовала много рукъ. Смертность тамъ была еще поразительнѣе, нежели въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ.

Крайне тягостно было и положеніе покорныхъ намъ жителей Дагестана. Обременяемые нашими требованіями, они роптали на насъ и охотно передавались непріятелю, при первой къ тому возможности.

Напримѣръ, доставка дровъ въ аварскія укрѣпленія лежала преимущественно на Койсубулинцахъ и Аварцахъ, которые за 30 и за 40 верстъ должны были идти въ лѣсъ и, набравъ тамъ съ трудомъ скудный ослиный вьюкъ хворосту, привозили его въ укрѣпленіе, получая по 20 коп. сер. за каждый вьюкъ. Нерѣдко женщины, по недостатку ословъ, на своихъ плечахъ приносили хворостъ и въ видѣ состраданія получали тоже по 20 коп. каждая. Когда же все почти Койсубу и большая часть аварцевъ отложились, укрѣпленія наши претерпѣвали крайній недостатокъ въ дровахъ и не рѣдко солдаты не имѣли возможности даже сварить себѣ пищу.

Перевозка провіанта была не менѣе обременительна для жителей.

Кромѣ доставки провіанта, на жителяхъ лежала обязан-

ность содержать по Дербентскому и Кизлярскому трактамъ чапаровъ *), поправка дорогъ, которая въ горахъ повторялась каждый годъ по нѣскольку разъ, а весною и осенью требовала особыхъ трудовъ.

Столь тяжелыя повинности не могли не возбуждать противъ насъ негодованія въ людяхъ, которые по самому долгу религіи должны были насъ ненавидѣть; при томъ же, при подобномъ порядкѣ вещей, и самыя войска не рѣдко терпѣли крайность въ первѣйшихъ потребностяхъ жизни. Положеніе послѣднихъ было особенно тяжело, и только русскій солдатъ, правдивый, доблестный, покорный, могъ переносить его съ истинно геройскимъ самоотверженіемъ.

На обязанности нижнихъ чиновъ, занимавшихъ укрѣпленные пункты въ шамхальствѣ, Мехтулѣ, Койсубу и другихъ мѣстахъ, кромѣ обыкновенной и гарнизонной службы, лежали: устройство и починка внѣшней ограды укрѣпленія, возведеніе казармъ, доставка фуража, дровъ и лѣса, починка и исправленіе дорогъ, конвоированіе транспортовъ и оказій. Гарнизонъ дѣлился на три части: одна изъ нихъ занимала караулы и выходила въ ночные пикеты, другая шла на фуражировку или въ лѣсъ за дровами, третья была на работахъ. На другой день та часть гарнизона, которая содержала наканунѣ караулъ, отправлялась въ лѣсъ или шла на работы, такъ что единственнымъ отдыхомъ для солдатъ было, по правилу мудрецовъ, одна перемѣна занятій...

Прибавимъ къ этому суровый, рѣзко измѣнчивый климатъ большей части укрѣпленій въ Аваріи и Койсубу, дурное устройство госпиталей, образчикъ которыхъ мы видѣли въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, недостатокъ въ теплой одеждѣ, не всегдашняя доброкачественность въ пищѣ—слѣдствіе мелкихъ и съ трудомъ искореняемыхъ злоупотребленій, а часто и невозможности имѣть лучшую,—и въ глазахъ нашихъ возникаетъ мрачная и глубоко потрясающая картина... Нужно при томъ сказать, что читатель ошибется, предполагая во всемъ этомъ ре-

---

*) Чапары употреблялись въ помощь казакамъ, для охраненія дороги отъ мелкихъ хищническихъ партій и для конвоированія проѣзжающихъ.

зультатъ злоупотребленій, безпечности или неумѣлости. Мѣстныя условія, ограниченныя средства, бюрократизмъ и централизація, слабое знакомство съ краемъ высшихъ властей, крайняя ошибочность взгляда вообще на Кавказъ,—вотъ главныя причины того положенія, въ которомъ находился край въ 1843 году, а къ этому нужно еще прибавить и уже указанныя выше разногласія начальствующихъ лицъ и отсутствіе строгой систематической послѣдовательности дѣйствій. Въ довершеніе всего, неудачи 1842 г., къ матеріальной слабости, присовокупили еще и крайній ущербъ нашего нравственнаго обаянія въ горахъ, а также и упадокъ духа, мнительность, нерѣшимость, рѣзко смѣнившихъ діаметрально противоположныя тому качества большинства начальствовавшихъ высшихъ офицеровъ.

Между тѣмъ непріятель, напротивъ, съ 1840 года чрезвычайно усилился матеріально присоединеніемъ всей Чечни, многихъ бѣжавшихъ къ нему жителей плоскости и обществъ средняго, частью южнаго Дагестана, а еще болѣе нравственно, потому что въ эти три года 1840—43 мы дѣйствительно понесли нѣсколько рѣшительныхъ пораженій, о какихъ горцы никогда прежде и не мечтали. Проигранныя ими дѣла не могли уравновѣшивать нашихъ потерь: они, такъ сказать, привыкли уступать намъ въ открытомъ бою и умѣли только ловко избѣгать такихъ крупныхъ потерь, какія несли мы, идя открыто, прямо подъ мѣткіе выстрѣлы винтовокъ съ своими желѣзными дубинами, носившими несоотвѣтствовавшее имъ названіе ружей. Горцамъ случалось терять много только въ такихъ случаяхъ, какъ Аргуани или Ахульго, гдѣ съ паденіемъ защищаемыхъ стѣнъ гибла часть защитниковъ; но въ такихъ дѣлахъ они приписывали свое пораженіе нашему преимуществу въ артиллеріи и изумлявшему ихъ мужеству войскъ, несмущавшихся никакою потерею; особаго нравственнаго потрясенія это на нихъ не производило, хотя въ военныхъ реляціяхъ у насъ принято было именно увѣрять въ этомъ. Наша же неудача, даже относительно не важная, уже по самому свойству характера легковѣрно увлекающихся азіатцевъ, дѣйствительно производила чрезвычайное нравственное вліяніе—только въ обратномъ смыслѣ.

Шамиль очень хорошо зналъ, что въ послѣднее время прибыли изъ Россіи новыя войска (14-я дивизія, т. е 12 батальоновъ, едва ли 7 тысячъ человѣкъ) и, по обыкновенному порядку распространенія слуховъ, подкрѣпленіе это доводилось до количества многихъ десятковъ тысячъ, а между тѣмъ русскіе не только ему ничего не сдѣлали, но потерпѣли въ Ичкеріи пораженіе, въ Дагестанѣ совершенно безплодно провели лѣто, и затѣмъ, очевидно испугавшись его, прекратили съ осени 1842 г. всякія движенія и набѣги, запершись въ своихъ укрѣпленіяхъ, и только хлопочутъ, какъ бы защищаться отъ нападеній его наѣздниковъ, дѣлавшихся съ каждымъ днемъ все дерзче и дерзче. Онъ не былъ бы Шамилемъ, человѣкомъ большаго природнаго ума, еслибы не воспользовался такимъ положеніемъ дѣлъ, не возбудилъ бы въ подвластныхъ ему воинственныхъ населеніяхъ самоувѣренность въ своемъ преимуществѣ и убѣжденій въ возможности, при нѣкоторомъ усиліи, окончательно восторжествовать надъ непріятелемъ, къ которому всѣ пылали ненавистью и жаждою мщенья.

Выше уже приведено было предписаніе — бывшее результатомъ пребыванія князя Чернышева на Кавказѣ. Вскорѣ послѣ этого генералъ Головинъ былъ отозванъ съ своего мѣста, но еще до отъѣзда изъ Тифлиса онъ счелъ долгомъ донести, что войскъ въ краѣ мало, что полезно бы по крайней мѣрѣ четвертые батальоны полковъ 14-й дивизіи, оставшіеся въ Россіи, прислать на Кавказскую линію и вмѣстѣ съ тѣмъ отложить нѣкоторыя работы, потому что за распредѣленіемъ на эти работы войскъ нигдѣ не оставалось ни одного самостоятельнаго резерва. На правомъ флангѣ, съ прекращеніемъ съ нашей стороны поисковъ, черкесы до того стали назойливы, что дня не проходило безъ тревоги и прорыва ихъ за Лабу и за Кубань. Замѣнившій генерала Засса генералъ-маіоръ Безобразовъ доносилъ, что если не разрѣшатъ ему возобновить поиски, которые удерживаютъ черкесъ въ страхѣ за свои жилища, то онъ рѣшительно не находитъ средствъ защищать линію. Только что назначенный командующимъ войсками, генералъ Гурко, въ свою очередь, писалъ, что, оста-

ваясь въ чисто оборонительномъ положеніи, невозможно добиться какого бы то ни было результата, ибо ни съ чеченцами, ни съ дагестанцами, никакія политическія сношенія немыслимы, а предстоитъ неизбѣжная борьба. Онъ просилъ разрѣшить дѣлать иногда поиски хоть въ ближайшія мѣста, для острастки непокорныхъ населеній.

Само собою, всѣ эти донесенія дѣлались въ весьма осторожныхъ выраженіяхъ, безъ особой настойчивости и убѣдительности, чтобы не затрогивать самолюбія создателя оборонительной системы. Въ отвѣтъ послѣдовалъ рѣшительный отказъ, съ разъясненіемъ, что приказано оставаться не *въ чисто оборонительномъ*, *а въ сильномъ наблюдательномъ положеніи*. А впрочемъ, еслибы непріятель собирался напасть и нельзя было бы иначе отвратить его вторженія, то разрѣшалось идти съ отрядомъ для его разсѣянія, или *даже* (!) *поражать*, давая такимъ дѣйствіямъ видъ необходимой обороны и наказанія однихъ только преступныхъ возмутителей, да и то въ крайнихъ случаяхъ, не увлекаясь въ горы далеко.

Такое приказаніе не требуетъ коментаріевъ.

Послѣ всего этого, можно себѣ легко представить, съ какими взглядами и въ какомъ настроеніи пріѣхалъ на Кавказъ новый главный начальникъ, генералъ-адъютантъ Нейдгартъ, и въ какомъ настроеніи долженъ былъ находиться нашъ противникъ, видѣвшій во очію слѣды обуявшей насъ робости, и, быть можетъ, имѣвшій чрезъ какихъ нибудь туземцевъ, считавшихся у насъ вліятельными и преданными людьми, свѣдѣнія о содержаніи новыхъ инструкцій.

Зима съ 1842 на 43 годъ прошла въ безпрестанныхъ набѣгахъ и хищничествахъ со стороны горцевъ; дерзость ихъ росла съ каждымъ днемъ; они уже рѣшались нападать на плоскости на цѣлую роту, прикрывавшую какой нибудь транспортъ; безпрерывно вывозили орудія на высоты и обстрѣливали укрѣпленіе Куринское, особенно водяную башню, часто повреждаемую ядрами; каждый день почти батальоны бѣгали на тревоги, перестрѣлки сдѣлались самыми обычными явленіями; на водопояхъ, на фуражировкахъ, рубкѣ дровъ, ломкѣ камня, въ самыхъ ближайшихъ окрестностяхъ укрѣпленій,

вездѣ шлялись шайки; все это сопровождалось всякій разъ потерею отъ 1 до 5, 6 человѣкъ убитыми и ранеными.

22-го апрѣля, напримѣръ, 4-я карабинерная рота нашего полка, на дорогѣ въ Баташъ-Юртъ была встрѣчена залпомъ, стоившимъ 3-хъ убитыхъ нижнихъ чиновъ; 2-го августа большая партія завела перестрѣлку вблизи Куринскаго, причемъ раненъ нашъ прапорщихъ Нѣмцовъ, а изъ орудій ранено 6 человѣкъ въ укрѣпленіи, въ которомъ былъ расположенъ нашъ 2-й батальонъ, подъ командою подполковника Ранжевскаго, отличнаго боеваго штабъ-офицера, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи подвижной резервъ. Одинъ разъ чеченцы наткнулись неудачно и, послѣ довольно жаркаго дѣла, съ большимъ урономъ прогнаны, при чемъ нашъ батальонъ потерялъ 2-хъ убитыхъ и 4-хъ раненыхъ солдатъ. Подобнаго рода происшествія происходили постоянно и вездѣ.

Все лѣто проходило согласно съ предписанными къ руководству занятіями, въ устройствѣ штабъ-квартиръ и укрѣпленій. 2-й и 3-й батальоны *) работали въ Куринскомъ, 1-й батальонъ у Низоваго укрѣпленія, предположеннаго къ переноскѣ на мѣсто лагеря Петра 1-го, а 4-й и 5-й во Внезапной.

Новый корпусный командиръ, чрезъ нѣсколько дней по прибытіи въ Тифлисъ, въ январѣ 1843 года, уже писалъ въ Петербургъ, что по свѣдѣніямъ изъ Дагестана, отъ генерала Клугенау полученнымъ, Шамиль намѣренъ начать противъ насъ рѣшительныя наступательныя дѣйствія и разсылаетъ повсюду прокламаціи, полученныя отъ турецкаго султана и египетскаго паши, съ своими прибавленіями **), образчикъ

---

*) Одна рота 3 батальона стояла въ Энгель-Юртѣ для охраны аула.

**) «Первенствующимъ ученѣйшимъ лицамъ, избраннымъ почетнѣйшимъ ханамъ, обществамъ праведныхъ узденей, вообще всѣмъ жителямъ Дагестана, жителямъ населяющимъ земли: черкесъ и Татарію, и прочимъ, и проч., и проч. отъ Ибрагимъ-паши.

«Да будетъ вамъ поклонъ, милость Божія и рай.

«За два года тому назадъ посланъ былъ мною въ вышеозначенныя земли одинъ умный и благонадежный человѣкъ Гаджи-Юсуфъ-Каибъ-Бекъ-Минъ-Баши, для обозрѣнія тѣхъ мѣстъ и узнать, въ какомъ положеніи мусуль-

коихъ генералъ Нейдгардъ представилъ послѣ въ Петербургъ. Главнокомандующій опасался не только за сѣверный, но и за южный Дагестанъ и занялся составленіемъ—*инструкцій*.

мане и невѣрные. Онъ, стараясь для исполненія возложенныхъ на него порученій, въ теченіе двухъ лѣтъ ѣздилъ почти вездѣ и описывалъ владѣнія, горы, рѣки, курганы, лѣса, города и деревни, лежащія между Грузіею и крѣпостью Анапою, и что всѣ Дагестанскія владѣнія раздѣляются на четыре части, и отъ Табасарани до Анапы полагается 314,910 домовъ. Также описалъ онъ число владѣтелей, кадіевъ и ученыхъ лицъ, повинующихся волѣ Божіей и державшихъ свою вѣру, и число предавшихся богатству свѣта грѣшниковъ, военныя дѣла, старанія Шейхъ-Шамиль-Эфендія для поощренія народа къ улучшенію вѣры и для разбужденія людей изъ невѣжества. Получивъ отъ него таковыя описанія, представили мы оныя на высочайшее благоусмотрѣніе его величества государя матерой земли и морей, султана Абдулъ-Меджидъ-Хана, который весьма обрадовался этимъ и остался довольнымъ, и въ тоже время вышло отъ него повелѣніе заготовить морскія и сухопутныя войска изъ Египта и Мансуріи, каковыя войска непремѣнно въ 1259 году 1-го Реби-алъ-авала (т. е. 20-го марта 1843 года) подъ личнымъ начальствомъ моимъ будутъ выступать сперва на Анапу, потомъ на Крымскіе и Нехитскіе острова и прочія обладаемыя невѣрными мѣста. Я же писалъ вамъ это письмо, которое для праведныхъ есть вѣсть радостная, а для невѣрныхъ и для грѣшниковъ есть горестное извѣстіе.

О, вы, праведные жители, обитающіе въ означенныхъ мѣстахъ! избѣгайте отъ свиданія невѣрныхъ, не обращайте вниманія на богатство свѣта суетнаго, и избѣгайте отъ ученія діявола, приближайтесь къ Богу посредсвомъ молитви, вѣрности и познанія Бога. Съ 17 до 70 лѣтняго возраста люди, вооружитесь, приготовляйтесь къ бою, въ такихъ святыхъ и важныхъ дняхъ, и до прибытія моего войска слушайте Шейхъ-Шамиль-Эфендія и повинуйтесь волѣ его; ты же, Шамиль, будь правосуденъ въ разборѣ дѣлъ, твердъ въ сраженіи и наблюдатель за людьми; пріѣзжай съ своими подвижниками и войскомъ въ крѣпость Анапу, чтобы я зрѣлъ тебя и видѣлъ вашу храбрость. Берегись, берегись! не будь ослушникомъ, — не дѣйствуй вопреки моего повелѣнія».

Въ концѣ письма добавлено отъ Шамиля: «Эй, люди! признающіе Бога единымъ, имамъ нашъ сражающійся за вѣру, Шамиль, въ мѣсяцъ Джамадіель-еввель (т. е. 11 мѣсяцевъ), тому назадъ посылалъ къ великому государю нашему султану Абдулъ-Меджиду (да увѣковѣчитъ Богъ тѣнь его надъ мусульманами) четыре человѣка, именно: балаканскаго жителя Мусу, двухъ чиркейскихъ жителей: ученаго и просвѣщеннаго Эмиръ-Хана и родственника Джамала Шейха, и чеченскаго жителя Гаджи-Иджея, изъ числа сихъ, Муса вмѣстѣ съ посланнымъ отъ Ибрагимъ-паши возвратился къ намъ въ Зиль-Гидже (въ концѣ января 1843 г.), а Эмиръ-Ханъ, Шейхъ и Гаджи-Иджей остались въ Константинополѣ, чтобы пріѣхать вмѣстѣ съ Ибрагимъ-пашою, и упомянутый посланникъ привелъ съ собою отъ Ибрагимъ-паши

Въ то же время Шамиль, съ своимъ ближайшимъ помощникомъ и совѣтникомъ по внутреннимъ дѣламъ—Кибитъ-Магомою Тилитлинскимъ (человѣкомъ умнымъ и краснорѣчивымъ, въ чемъ я убѣдился при личномъ съ нимъ знакомствѣ въ 1859 году) довершалъ устройство новыхъ административныхъ порядковъ въ подвластномъ ему краѣ и закрѣплялъ свою власть самыми прочными средствами *), собирая вмѣстѣ съ тѣмъ большіе запасы всякаго рода и организуя готовыя къ выступленію по первому приказу скопища, подъ предлогомъ встрѣчи войскъ султана и хедива. У насъ тогда было въ горахъ еще не мало приверженцевъ изъ людей съ вѣсомъ, враждебно относившихся къ Шамилю и оскорблявшихся его деспотическими распоряженіями, готовыхъ съ радостью свергнуть его иго, и будь у насъ свободныя силы для дѣйствій въ горахъ, быть можетъ, замыслы его были бы въ зародышѣ уничтожены. Но случилось иначе, хотя въ предостереженіяхъ не было недостатка. Со всѣхъ сторонъ, даже изъ Кабарды, давали знать, что Шамиль затѣваетъ что-то важное. Съ января мѣсяца начиная, тождественныя свѣдѣнія получались всѣми начальниками отдѣльныхъ раіоновъ и каждый стереотипно доносилъ, что ими приняты всѣ *мѣры осторожности*. Одинъ приверженецъ русскаго правительства, Кабардинскій князь, сообщалъ, что чрезъ Кабарду проѣхали сначала посланные отъ Шамиля въ Константинополь люди, а затѣмъ обратно какой-то турецкій чиновникъ изъ дагестанцевъ, который по дорогѣ разсказывалъ, что везетъ фирманъ султана назначающаго Шамиля «вали кавказскимъ» (губернаторомъ или намѣстникомъ). Этотъ турецкій чиновникъ Гаджи-Юсуфъ, о которомъ упоминается и въ прокламаціи, приведенной выше, впослѣдствіи оказался турецкимъ инженеромъ—строителемъ

письмо писанное по турецки; оно нынѣ переведено на арабскій языкъ и отсылается во всѣ владѣнія Дагестана, для образованія мусульманъ, для огорченія грѣшниковъ и невѣрныхъ. Да Богъ будетъ милостивъ на счетъ того человѣка, который доставитъ сіе въ каждыя владѣнія, изъ селенія до селенія скрытно или явно».

*) Объ этихъ учрежденіяхъ см. мою статью — «Русскій Вѣстникъ» 1872 г., ноябрь.

Шамилевыхъ крѣпостей: Чоха, Салты, Гергебиля. Особенно Чохъ онъ укрѣпилъ весьма искусно и въ 1859 году, когда Дагестанъ окончательно палъ и князь Барятинскій, посѣтивъ Чохъ, осматривалъ крѣпость, Гаджи-Юсуфъ съ планами въ рукахъ показывалъ верки укрѣпленія. Онъ былъ воспитанникъ Константинопольской военной школы, но кромѣ турецкаго и туземнаго никакого другаго языка не зналъ. Я съ нимъ тогда долго говорилъ и нашелъ въ немъ человѣка скромнаго, прилично себя державшаго и, повидимому, кромѣ своей спеціальности, ни въ какія дѣла при Шамилѣ не вмѣшивавшагося.

Какъ сказано, лѣто 1843 года проходило исключительно въ работахъ и каждый частный начальникъ обязанъ былъ еженедѣльно представлять донесенія о ходѣ работъ, какъ прежде представлялись журналы о военныхъ дѣйствіяхъ. Нашъ 1-й батальонъ въ іюнѣ ломалъ старыя зданія въ кр. Бурной, въ іюлѣ выжигалъ кирпичи, строилъ провіантскій магазинъ и цейхгаузъ; въ этомъ же родѣ были занятія и остальныхъ батальоновъ.

Во всемъ сѣверномъ Дагестанѣ, кромѣ разбросанныхъ повсюду мелкихъ гарнизоновъ, было $5^1/_2$ батальоновъ пѣхоты, находившихся въ Низовомъ, Темиръ-Ханъ Шурѣ, Зырянахъ и Хунзахѣ на работахъ, и они-то составляли всю подвижную силу для обширнаго пространства отъ Сулакской линіи до границъ Дербентской провинціи, отъ Чиркея до Карата и Тилитля. На Кумыкской же плоскости оставалось 6-ть батальоновъ, строившихъ Куринское, промежуточные посты между Внезапной и Умаханъ-юртомъ, оберегавшіе всѣ аулы, подверженные частымъ нападеніямъ, прикрывавшіе транспорты съ строительными матеріалами и т. п. Численность батальоновъ можно принять въ 550 человѣкъ, какъ maximum, въ нѣкоторыхъ было 450, даже и того менѣе.

XX.

Начало наступательныхъ дѣйствій Шамиля.—Нападеніе на Унцукуль.—Движеніе на помощь колонны подполковника Веселицкаго и гибель ея.—Паденіе водяной башни.—Два отбитыхъ штурма.—Переходъ жителей къ Шамилю.—Отчаянная защита остатковъ гарнизона.—Сдача укрѣпленія.—Распоряженія генерала Клугенау.—Распоряженія Шамиля.—Несчастное дѣло маіора Зайцова въ Харачи.—Прибытіе 3-хъ ротъ Кабардинскаго полка и дальнѣйшія событія.

Въ августѣ обыкновенно оканчиваются полевыя работы и горцы, снабдивъ свои семейства всѣмъ необходимымъ на зиму, дѣлаются свободными. Это время и было избрано Шамилемъ для открытія военныхъ дѣйствій, какъ самое удобное въ отношеніи продовольствія и необременительное для жителей.

Въ концѣ августа, послѣ обычныхъ молитвъ за успѣхъ предпріятія, Шамиль выѣхалъ изъ Дарго въ Дылымъ, селеніе Салатавскаго общества, лежащее верстахъ въ 16-ти отъ кр. Внезапной, въ лѣсистыхъ предгоріяхъ Чернаго хребта. Сюда же, по его приказанію, стягивались пѣшіе и конные чеченцы, ичкеринцы, ауховцы и салатавцы. Въ то же время внутри Дагестана сосредоточивался непріятель на трехъ пунктахъ: въ Гумбетѣ у Чирката, въ Каратѣ и въ Тилитли. Общая численность всѣхъ скопищъ простиралась свыше 10 тысячъ человѣкъ, пѣшихъ и конныхъ.

Желая сохранить въ глубокой тайнѣ настоящую цѣль сборовъ, Шамиль распускалъ слухи, что дылымовскія партіи предназначались для дѣйствій противъ Кумыкской плоскости, а главное, противъ Кизляра, уже не разъ испытавшаго подобные набѣги.

Сборы же въ Дагестанѣ предназначались якобы отчасти

противъ шамахальства (Гумбетовскіе) и Казикумыха (Тилитлинскіе), а отчасти противъ Аваріи.

Всѣмъ было извѣстно, съ какою быстротою непріятель переносился съ одного пункта на другой; поэтому ждали его вездѣ; но никому, кромѣ нѣкоторыхъ приближенныхъ Шамиля, не были извѣстны настоящія его намѣренія. Прибытіе же въ Дылымъ заставило предполагать, что онъ дѣйствительно намѣренъ двинуться на Кумыкскую плоскость. Дѣйствительный же планъ Шамиля заключался въ нечаянномъ нападеніи на Унцукуль, который онъ собирался наказать за выдачу въ прошломъ году 80-ти мюридовъ русскимъ и вообще за преданность намъ *). Въ случаѣ удачи, онъ предполагалъ дѣйствовать противъ аварскихъ укрѣпленій и тѣмъ принудить насъ къ очищенію Аваріи, которою онъ бы тогда овладѣлъ. Это было цѣлью постоянныхъ домогательствъ еще его предшественниковъ, Кази-Муллы и Гамзатъ-Бека.

27-го августа, дылымовскія скопища, подъ личнымъ предводительствомъ Шамиля, потянулись чрезъ Мичикъ-Калъ въ Гумбетъ и оттуда внезапно появились передъ Унцукулемъ, сдѣлавъ переходъ по горамъ въ 70 верстъ менѣе чѣмъ въ сутки. Въ тотъ же день туда прибыли Хаджи-Муратъ изъ Аваріи и Кибитъ-Магома отъ Тилитли, такъ что непріятельское скопище, сосредоточенное подъ Унцукулемъ, простиралось, какъ сказано, до 10,000 человѣкъ.

При появленіи непріятеля, унцукульцы, ободряемые своимъ кадіемъ Кибитъ-Хаджіоу, съ оружіемъ въ рукахъ вышли на встрѣчу Шамилю; но подавленные превосходными силами, были отброшены съ урономъ. Шамиль занялъ Бетлинскую гору и обложилъ аулъ. Какъ ни быстро было движеніе непріятеля, какъ ни глубоко хранилъ онъ въ тайнѣ свои намѣренія, все-таки попытка его наказать Унцукуль осталась бы безъ особыхъ послѣдствій, если бы не одно, совершенно не-

*) Это извѣстный подвигъ маіора Евдокимова (впослѣдствіи графа), который съ двумя ротами занялъ Унцукуль, съумѣвъ привлечь на свою сторону большую часть жителей до того, что они выдали ему нѣсколько десятковъ мюридовъ. Тогда Евдокимовъ былъ тяжело раненъ кинжаломъ. (См. объ этомъ мою статью въ «Рус. Вѣст». Октябрь 1873 г.).

ожиданное обстоятельство. Унцукульскій кадій Кибитъ-Хаджіоу постоянно доставлялъ намъ самыя вѣрныя свѣдѣнія о всѣхъ предположеніяхъ Шамиля, получаемыя имъ отъ своего друга игалинскаго кадія, пользовавшагося большимъ довѣріемъ Шамиля. И на этотъ разъ игалинскій кадій, еще за два дня до прибытія скопищъ къ Унцукулю, послалъ къ Кибитъ Хаджіоу одного жителя селенія Бетли съ положительнымъ увѣдомленіемъ о намѣреніи Шамиля двинуться къ Унцукулю. Но посланный, проходя ночью Бетлинскую гору, попался въ руки къ нѣсколькимъ мюридамъ и, навлекши на себя подозрѣніе неловкими отвѣтами, былъ задержанъ и обысканъ. Найденное при немъ письмо было доставлено къ Шамилю, который тотчасъ же приказалъ казнить игалинскаго кадія и несчастнаго посланца. Если бы Кибитъ-Хаджіоу узналъ заблаговременно о намѣреніяхъ Шамиля, то изъ Темиръ-Ханъ Шуры не только усилили бы гарнизонъ Унцукуля, но и отрядъ могъ бы собраться двумя днями раньше.

Генералъ-маіоръ Клюки-фонъ-Клугенау получилъ извѣстіе объ обложеніи Унцукуля въ ночь на 28-е августа, и тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе о сосредоточеніи къ Цатаниху всѣхъ резервовъ, находившихся на работахъ въ шамхальствѣ, Койсубу и Аваріи. Цѣль движенія къ Цатаниху была слѣдующая: въ случаѣ пораженія непріятеля съ этой стороны (чрезъ Бетлинскую гору), не только освобождался Унцукуль, но отрѣзывался и самый путь отступленія Шамилевскихъ скопищъ. Однако, при всей поспѣшности, съ какою были направлены войска къ Цатаниху, отрядъ не могъ тамъ окончательно сосредоточиться ранѣе 30-го августа. И такъ, весь успѣхъ дѣйствій зависѣлъ отъ того, устоитъ ли Унцукуль въ теченіе этого времени.

Унцукуль, огромный, богатый аулъ изъ 800 дворовъ, состоялъ изъ двухъ частей—верхняго и нижняго. Изъ нижней части, окруженной садами, узенькая тропинка, извилинами, поднималась въ верхнюю часть, расположенную, какъ и всѣ дагестанскіе аулы, амфитеатромъ. Нижнюю часть можно еще было занять безъ особыхъ потерь, но доступъ къ верхней былъ

труденъ и, при энергической оборонѣ, почти невозможенъ безъ пособія артиллеріи.

Унцукульскій фортъ, расположенный на отдѣльной высотѣ, въ связи съ верхнею половиною ауля, былъ вооруженъ тремя орудіями: ¼ пудовымъ единорогомъ, 6 фунтовою пушкою и 6 фунтовою мортиркою. Гарнизонъ его, подъ начальствомъ поручика Аносова, состоялъ изъ 7-й роты Мингрельскаго егерьскаго полка, въ числѣ 140 штыковъ. изъ коихъ 25 человѣкъ были поставлены въ отдѣльную башню, прикрывавшую родникъ, снабжавшій гарнизонъ водою.

28-го августа мюриды, въ большихъ массахъ атаковали Унцукуль со стороны садовъ, легко успѣли опрокинуть нерѣшительно дравшихся жителей и на плечахъ ихъ ворвались въ нижнюю часть селенія. Какъ ни важенъ былъ этотъ первоначальный успѣхъ, все еще Шамилю предстояли огромныя трудности; оставшаяся намъ вѣрною часть жителей, вмѣстѣ съ семействами и имуществомъ, перебралась въ верхній Унцукуль, подъ прикрытіе форта, и рѣшилась драться на смерть. Нѣтъ сомнѣнія, что Шамиль, послѣ тщетныхъ попытокъ овладѣть крѣпкимъ ауломъ, съ прибытіемъ нашего отряда, былъ бы принужденъ отступить безъ успѣха, если бы не помогло ему неблагоразуміе одного изъ нашихъ штабъ-офицеровъ.

Командиръ 3-го батальона Мингрельскаго полка, подполковникъ Веселицкій, начальствовалъ надъ цатанихскимъ гарнизономъ. Пріѣхавъ по какому-то дѣлу въ Гимры и узнавъ объ обложеніи Унцукуля, онъ тотчасъ отправился къ своему мѣсту и на дорогѣ, въ Моксохѣ, встрѣтилъ маіора Тифлисскаго егерьскаго полка Грабовскаго, который былъ присланъ изъ Шуры для осмотра хода работъ въ аварскихъ укрѣпленіяхъ, но тоже, узнавъ объ обложеніи непріятелемъ Унцукуля, вздумалъ идти туда на выручку и для этого взялъ, безъ всякаго разрѣшенія, изъ Цатаниха 4-ю карабинерную роту Мингрельскаго полка и 4-ю роту № 13-й линейнаго батальона. Веселицкій между тѣмъ распорядился притянуть къ себѣ еще одну роту изъ двухъ, бывшихъ на работахъ у Ирганайскаго моста, и, не дождавшись ея, выступилъ къ с. Харачи, гдѣ были расположены 3-я и 4-я гренадерскія роты Апшеронскаго

полка для рубки лѣса. Обо всемъ этомъ онъ донесъ генералу Клугенау, съ прибавленіемъ, что: «если къ разсвѣту 2-го числа не получитъ наставленій, то сдѣлаетъ то, *что Богъ и совѣсть ему повелѣваютъ*. Однако желаніе розыграть роль самостоятельнаго военнаго начальника и совершить громкій подвигъ (въ чемъ, впрочемъ, весьма трудно и обвинять военнаго человѣка) увлекли Веселицкаго до того, что онъ, не дождавшись имъ же опредѣленнаго срока, прійдя въ 4-мъ часу пополудни 28-го числа въ Харачи съ своими двумя ротами и двумя горными орудіями, именемъ генерала Клугенау приказалъ капитану Шульцу, командовавшему двумя Апшеронскими ротами, слѣдовать съ нимъ. Такимъ образомъ, Веселицкій выступилъ съ своднымъ батальономъ (всего до 380 человѣкъ) и 2-мя орудіями въ тотъ же вечеръ далѣе.

Смеркалось; дорога становилась все хуже и хуже, камни въ одномъ мѣстѣ такъ загородили ее, что орудія пришлось перенести на рукахъ. На одной изъ площадокъ среди скалъ Веселицкій рѣшился переночевать и, расположившись здѣсь, возъимѣлъ несчастную мысль извѣстить унцукульскій гарнизонъ о близкой помощи, для чего и приказалъ сдѣлать нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Внизу, подъ ногами отряда царствовала глубокая тишина и только скаты Бетлинской горы и унцукульскіе сады горѣли тысячами огней, показывая присутствіе многочисленнаго непріятеля.

Услыхавъ пушечные выстрѣлы, Шамиль распорядился въ ту же ночь преградить подходившему подкрѣпленію дальнѣйшую дорогу и съ этою цѣлью сильно занялъ сады и впереди ихъ глубокую балку, которую, идя отъ Харачи, нельзя миновать. Предъ разсвѣтомъ 29-го августа, подполковникъ Евдокимовъ, — тогда койсубулинскій приставъ, находясь съ нѣсколькими милиціонерами покорныхъ еще ауловъ на одной изъ высотъ и зная обо всемъ происходящемъ, послалъ вѣрнаго человѣка съ запиской къ Веселицкому о большой численности непріятеля и о крайнемъ рискѣ спускаться съ слабыми силами въ котловину, совѣтовалъ ему оставаться на какой нибудь крѣпкой позиціи до прибытія генерала Клугенау съ войсками. Но Веселицкій не послушалъ благоразумнаго

совѣта и рано утромъ, открывъ уже расположеніе непріятеля и всѣ неодолимыя трудности, ему предстоявшія, былъ такъ малодушенъ, или безразсуденъ, что и тутъ не хотѣлъ отступить. Устроивъ горсть своихъ людей къ бою, имѣя одно орудіе въ головѣ, онъ двинулся впередъ, чтобы овладѣть садами. Его встрѣтили большія толпы непріятеля, окружили со всѣхъ сторонъ и открыли убійственный огонь. Не взирая на нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ, непріятель осыпалъ батальонъ по прежнему пулями и въ нѣсколько минутъ 40 человѣкъ уже были перебиты.

Тогда у Веселицкаго родилась мысль отступить; но, къ сожалѣнію, это было поздно, потому что въ тылъ ему успѣли пробраться до тысячи пѣшихъ горцевъ, которые, засѣвъ въ нѣсколько ярусовъ на подъемѣ въ Харачи, дѣлали возвращеніе отряда невозможнымъ. Послѣ этого оставалось во что бы то ни стало достигнуть Унцукуля, и Веселицкій, взявъ единороги на передки, ринулся впередъ ускореннымъ шагомъ, чтобы по возможности скорѣе миновать сферу выстрѣловъ. Спустившись въ балку, въ верстѣ отъ аула, онъ былъ вдругъ атакованъ засѣвшими тамъ мюридами, бросившимися со всѣхъ сторонъ въ шашки. Двѣ Апшеронскія роты, державшія боковыя цѣпи, были въ одно мгновеніе сбиты, самъ Веселицкій и нѣсколько другихъ офицеровъ пали; произошла всеобщая суматоха. Напрасно капитанъ Шульцъ пытался возстановить порядокъ въ разстроенныхъ частяхъ и проложить себѣ путь къ отступленію; онъ былъ убитъ, офицеры его роты также; солдаты, потерявъ всѣхъ начальниковъ, были легко сброшены въ Койсу и истреблены по одиночкѣ. Командиръ взвода единороговъ, артиллеріи прапорщикъ Потемкинъ, когда вся прислуга его была перебита, самъ сдѣлалъ послѣдній картечный выстрѣлъ, легъ на орудіе и тутъ же былъ изрубленъ мюридами *). Въ этой отчаянной свалкѣ пали: два штабъ-офицера:

---

*) По другимъ же разсказамъ, Потемкинъ былъ взятъ въ плѣнъ и впослѣдствіи Шамиль приказалъ ему дѣйствовать изъ орудій противъ Моксохской башни; когда же онъ отъ этого отказался, не поддавшись ни обѣ-

Веселицкій и Грабовскій, главные виновники несчастія, всѣ 10 оберъ-офицеровъ и болѣе 350 нижнихъ чиновъ; изъ батальона спаслось только 3 или 4 человѣка вплавь чрезъ Аварскую Койсу, да десятокъ солдатъ взятъ въ плѣнъ. Оба орудія, вмѣстѣ съ зарядными ящиками, достались непріятелю.

Какъ только въ Унцукулѣ получилось извѣстіе объ истребленіи батальона Веселицкаго, жители окончательно упали духомъ и толпами переходили къ Шамилю. 29-го числа въ полдень, къ скопищу его прибыло легкое орудіе, которое онъ вытребовалъ изъ Дарго для дѣйствій противъ форта. Тогда, устроивъ батарею изъ трехъ орудій (два отбитые у Веселицкаго), Шамиль сосредоточилъ огонь ея противъ башни, прикрывающей родникъ. Къ вечеру башня, сложенная на сухо изъ камней, была разрушена, и гарнизонъ ея, состоявшій изъ 25 человѣкъ при унтеръ-офицерѣ, сдался военно-плѣннымъ. Унцукульскій фортъ остался безъ воды.

Овладѣвъ башнею, Шамиль направилъ огонь батареи противъ западнаго фаса форта и успѣлъ въ ночь на 30-е число разрушить часть стѣны и подбить одно орудіе, дѣйствовавшее съ барбета. Но храбрый гарнизонъ, одушевляемый поручикомъ Аносовымъ, тотчасъ же завалилъ брешь навозомъ, каменьями и мѣшками съ землею.

30-го августа Шамиль приказалъ штурмовать укрѣпленіе двумя густыми колоннами, впереди коихъ должны были идти муртизагаты, какъ болѣе дисциплинированные; всякаго струсившаго изъ нихъ разрѣшалось убивать какъ собаку.

Въ 6 часовъ утра, съ монотоннымъ напѣвомъ «Ляильла—иль Алла», съ ужасными гиками, криками и барабаннымъ боемъ (бѣглые солдаты на отбитыхъ барабанахъ) бросились мюриды на штурмъ и успѣли добраться до полуразрушенной батареи, поставивъ тамъ свои значки; но человѣкъ тридцать егерей ударили въ штыки, обратили горцевъ въ бѣгство, за-

---

щаніямъ, ни угрозамъ, ему отрѣзали уши. Но и это не помогло: герой-мученикъ не хотѣлъ измѣнить своему долгу и его сожгли... Императоръ Николай приказалъ доставить ему достовѣрныя свѣдѣнія о судьбѣ Потемкина, но за всѣми стараніями это не удалось.

хвативъ значки; остальныя толпы послѣдовали тому же примѣру и, преслѣдуемые ружейными и картечнымъ огнемъ, скрылись въ сады. Шамиль, огорченный неудачею и получая извѣстія о приближеніи русскихъ войскъ, приказалъ въ полдень міоридамъ вторично броситься на приступъ, но они снова были отброшены назадъ. Казалось, унцукульскій гарнизонъ удесятерился, такъ было велико его мужество, не смотря на то, что онъ въ продолженіе трехъ сутокъ не смыкалъ глазъ, уже 24 часа не имѣлъ воды и потерялъ болѣе половины людей убитыми и ранеными.

Съ этой минуты и до самыхъ сумерекъ, приступъ слѣдовалъ за приступомъ, а по отбитіи ихъ снова загоралась сильная и частая перестрѣлка и открывался огонь съ уцѣлѣвшихъ батарей. Болѣе 1,000 человѣкъ самыхъ храбрѣйшихъ муртизагатовъ легло подъ стѣнами Унцукуля. (Такъ говорили, но цыфра мнѣ кажется сильно преувеличенною).

Укрѣпленіе было уже разрушено; изъ гарнизона оставалось едва 60 человѣкъ и тѣ въ крайнемъ изнуреніи; снаряды и патроны были израсходованы.

Въ этотъ день генералъ Клугенау былъ у Цатаниха и поджидалъ 1-й батальонъ Кабардинскаго полка, который почти бѣгомъ съ работъ у Низоваго укрѣпленія двигался чрезъ Шуру и Зыряны.

Къ вечеру 30-го августа Шамиль отдалъ приказъ освободить отъ блокады ту сторону аула, которая была обращена къ рѣкѣ, въ томъ предположеніи, что наиболѣе малодушная часть изъ жителей воспользуется этимъ случаемъ для побѣга. Соображеніе это вполнѣ оправдалось и Кибитъ-Хаджіоу лишился до 150 человѣкъ бѣжавшихъ въ Шамхальскія владѣнія. Поставленный такимъ образомъ въ критическое положеніе, зная о несчастномъ состояніи Унцукульскаго форта, не видя ни откуда помощи, Кибитъ-Хаджіоу рѣшился сдаться Шамилю, тѣмъ болѣе, что послѣдній далъ клятву не посягать на его жизнь, на его родственниковъ и вообще на преданныхъ ему людей. Въ полночь міориды заняли весь Унцукуль.

Тогда Шамиль обратился къ своимъ толпамъ и сказалъ имъ, указывая на фортъ: «Посмотрите, тамъ русскихъ не болѣе 50 человѣкъ, а васъ здѣсь нѣсколько тысячъ, и вы не можете одолѣть ихъ, да будетъ вамъ вѣчный позоръ!» Пристыженные мюриды снова бросились на приступъ. Два раза поручикъ Аносовъ выбрасывалъ ихъ штыками изъ укрѣпленія; наконецъ, крайнее ослабленіе гарнизона отъ потерь и усталости, растрата всѣхъ зарядовъ и патроновъ, заставило его, съ честью отражавшаго Шамиля въ теченіе 4 дней, положить оружіе на разсвѣтѣ 31-го августа. Непріятель взялъ въ плѣнъ 2 оберъ-офицеровъ, 58 нижнихъ чиновъ; ему достались въ добычу три орудія.

Шамиль приказалъ разрушить Унцукуль до основанія, а многихъ изъ жителей казнить.

И такъ, въ теченіе 4 дней, Шамиль передвинулся отъ границъ Кумыкской плоскости въ Койсубу, истребилъ пять ротъ, захватилъ пять орудій, разрушилъ укрѣпленіе и овладѣлъ сильнымъ по мѣстности, многолюднымъ ауломъ, большинство жителей коего были намъ преданы и служили примѣромъ остальному населенію Койсубу!

Такіе успѣхи и въ столь короткое время не могли остаться безъ послѣдствій. Не столько матеріальныя, сколько нравственныя потери наши были, можно сказать, чрезвычайны. Ничего подобнаго на Кавказѣ русскія войска еще не испытывали и горцы приписывали успѣхи свои особенной къ нимъ благости Аллаха. Съ полнымъ сознаніемъ святости своего дѣла, съ гордостью въ сердцѣ, съ большою нравственною силою и надеждами готовились они къ новымъ подвигамъ.

Пока происходили описанныя событія, генералъ Клугенау, по первымъ извѣстіямъ объ осадѣ Унцукуля, распорядился о быстромъ сборѣ бывшихъ подъ рукою войскъ, а самъ поспѣшилъ въ Балаканы. Здѣсь, къ ужасу своему, узналъ онъ отъ одного харачинскаго жителя о гибели отряда Веселицкаго. Вслѣдъ затѣмъ явился спасшійся вплавь чрезъ Койсу солдатъ и разсказалъ все уже вышеописанное, прибавивъ, что успѣли спастись еще только одинъ горнистъ и двое рядовыхъ изъ всего батальона.

Тогда генералъ Клугенау распорядился о направленіи съ урочища Гаркаса одной роты линейнаго № 14 батальона въ Зыряны, гдѣ изъ всего гарнизона оставалось только 29 человѣкъ здоровыми. Командиру 1-го батальона Кабардинскаго полка, подполковнику Гротенфельду, приказано было оставить одну роту въ Ирганаѣ, какъ для побужденія жителей къ защитѣ противъ непріятеля, такъ и для обезпеченія устроенной тамъ паромной переправы. Безъ этой предосторожности скопища Шамиля могли овладѣть Ирганаевскимъ ущельемъ и прервать наши сообщенія съ плоскостью. Остальнымъ тремъ ротамъ нашего батальона, выступившимъ изъ Бурной и поэтому бывшимъ позади прочихъ войскъ, приказано было ускорить маршъ къ Цатаниху, подъ прикрытіемъ ихъ слѣдовалъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры транспортъ съ боевыми зарядами и патронами. Апшеронскаго полка маіору Косовичу съ двумя ротами приказано было укрѣпиться въ Харачи и не оставлять этотъ пунктъ ни въ какомъ случаѣ; Харачи обезпечивали доступъ въ Балаканское ущелье. Селеніе это можно было долго удерживать; со стороны Унцукуля оно защищалось обрывомъ и проникнуть въ него не иначе можно было, какъ по лѣстницѣ, изсѣченной въ камняхъ, по которой спускался несчастный Веселицкій.

Къ командующему войсками въ южномъ Дагестанѣ генералъ-маіору князю Аргутинскому-Долгорукову былъ отправленъ нарочный, съ просьбою прислать въ Аварію, чрезъ Гергебиль и Гоцатль, два батальона.

Чтобы обезпечить защиту Темиръ-Ханъ-Шуры, собраны были всѣ находящіяся тамъ команды Апшеронскаго полка и другихъ частей, женатые солдаты, мастеровые, и, въ случаѣ нужды, предписано было воинскому начальнику укрѣпленія вооружить даже выздоравливающихъ нижнихъ чиновъ и всѣхъ безъ изъятія жителей, способныхъ носить оружіе.

30-го августа въ Цатанихѣ съ генераломъ Клугенау сосредоточились сводный батальонъ Апшеронскаго полка маіора Зайцева—564 штыка, три роты изъ Хунзаха маіора Познанскаго—305 штыковъ, 11-я и 12-я роты Апшеронскаго полка, стянутыя съ разныхъ работъ—169 штыковъ, команда саперъ

78 человѣкъ, 4 орудія и 20 крѣпостныхъ ружей. Атаковать съ этими силами непріятеля, занимавшаго Бетлинскую гору не менѣе какъ 6 тысячъ человѣкъ, нечего было и думать. Ожидался еще 1-й батальонъ Кабардинскаго полка безъ одной роты, что могло увеличить отрядъ 350 человѣками; но едва ли и тогда генералъ Клугенау рѣшился бы атаковать непріятеля. 31-го же числа пришла уже вѣсть о паденіи Унцукуля.

Между тѣмъ Шамиль, по овладѣніи Унцукулемъ, отправилъ скопище Хаджи-Мурата въ Аварію. Цѣль его была волновать тамъ народъ, привлекая его на свою сторону одержанными успѣхами, развлекать наши силы и тѣмъ успѣшнѣе исполнить свои предположенія. Соображенія эти были основаны на совершенномъ знаніи обстоятельствъ и характера тогдашнихъ нашихъ дѣйствій, и принесли непріятелю превосходные результаты. Къ тому же, какъ я имѣлъ случай замѣтить, мы находились въ какомъ-то фатальномъ періодѣ неудачъ, самыхъ неожиданныхъ, непредвидѣнныхъ. Маіоръ Косовичъ, не взирая на категорическое приказаніе ни въ какомъ случаѣ не оставлять Харачи, какъ только увидѣлъ на окрестныхъ высотахъ мюридовъ, счелъ невозможнымъ удержаться съ своими 210 человѣками въ аулѣ и послалъ объ этомъ донесеніе генералу Клугенау въ Цатанихъ. Отсюда тотчасъ былъ посланъ капитанъ Бѣлоусовъ съ ротой Апшеронскаго полка смѣнить труса Косовича; но этотъ, не дождавшись отвѣта, отступилъ въ Балаканы, и Бѣлоусовъ, узнавъ на дорогѣ, что мюриды уже успѣли занять Харачи, остановился въ Моксохѣ, въ ожиданіи приказаній. Разсерженный такимъ неожиданнымъ происшествіемъ и считая необходимымъ имѣть Харачи въ своихъ рукахъ, генералъ Клугенау приказалъ маіору Зайцеву идти съ 3-мя ротами въ Моксохъ, тамъ присоединить роту Бѣлоусова и три орудія, выгнать штыками непріятеля изъ Харачи, а для большей вѣрности успѣха—въ Балаканы послалъ приказаніе Косовичу немедленно идти къ Харачи для соединенія съ Зайцевымъ.

Маіоръ Зайцевъ, отдохнувъ въ Моксохѣ нѣсколько часовъ, въ два часа ночи 1-го сентября тронулся далѣе. Въ 4 часа утра стали наши спускаться къ Харачи. Несмотря на сквер-

ную дорогу, войска шли быстро, сохраняя глубокую тишину, однако аула достигли уже на разсвѣтѣ, и непріятель, замѣтивъ наступленіе батальона, встрѣтилъ его дружными залпами. Маіоръ Зайцевъ, вѣрный приказанію выбить горцевъ штыками, оставилъ одну роту при орудіяхъ, другую въ резервѣ, а съ двумя бросился безъ выстрѣла въ аулъ. Первымъ натискомъ мюриды были ошеломлены и, оставивъ крайнія сакли, отступили внутрь аула, открывъ огонь. Завязалась перестрѣлла, наши подвигались исподволь впередъ.

Между тѣмъ разсвѣло совершенно, мюриды, замѣтивъ нашу малочисленность *), опомнились и, занявъ сакли и дворики, окруженные каменными стѣнами и бойницами, приготовились къ упорной защитѣ; къ нимъ подбѣжали значительныя подкрѣпленія отъ Унцукуля, и огонь изъ саклей и заваловъ сдѣлался такъ жестокъ, что храбрый Зайцевъ и многіе офицеры, бывшіе впереди, пали, пораженные смертельно. Строй, потерявшій своихъ начальниковъ, заколебался...

Капитанъ Бѣлоусовъ, принявшій послѣ маіора Зайцева начальство, вядя, что число непріятеля съ каждою минутою увеличиваеются, а роты наши, принужденныя штурмовать каждую саклю отдѣльно, понесли уже значителъный уронъ, приказалъ отступить.

Но отступленіе было уже невозможно. При первомъ движеніи назадъ, мюриды бросились со всѣхъ сторонъ въ шашки. Бѣлоусовъ былъ изрубленъ на мѣстѣ въ куски; два офицера и нѣсколько нижнихъ чиновъ, отрѣзанные при общемъ натискѣ были ранены и захвачены въ плѣнъ. Находившаяся въ резервѣ 1-я гренадерская рота двинулась впередъ для прикрытія отступающихъ, но въ свою очередь была опрокинута стремительно преслѣдовавшими толпами мюридовъ. Все смѣ-

*) Трусъ Косовичъ не исполнилъ и вторичнаго приказанія и не прибылъ изъ Балаканъ съ двумя ротами!.. Но что еще удивительнѣе: въ началѣ 50«хъ годовъ этотъ Косовичъ продолжалъ служить маіоромъ въ Апшеронскомъ же полку и съ нахальствомъ появлялся вездѣ, подвергаясь вмѣсто заслуженнаго презрѣнія лишь добродушнымъ насмѣшкамъ, прозвищу графа Дудкина и т. п. Офиціальное наказаніе тоже ограничилось лишь тѣмъ, что онъ остался навсегда маіоромъ.

шалось въ одну кучу посреди неистовыхъ криковъ торжествующаго непріятеля!

По одиночкѣ, едва защищаясь, изнуренные ночными движеніями и боемъ солдаты наши выбирались изъ аула по крутой извилистой тропинкѣ, единственно руководимые инстинктомъ самосохраненія. Горцы легко ихъ настигали, рубили кинжалами и забирали въ плѣнъ, обезоруживая и тотчасъ же раздѣвая до нага. Наполовинѣ подъема отступающіе кое-какъ успѣли собраться въ кучку и прилечь за каменьями. Мюриды, видя рѣшимость ихъ защищаться, тотчасъ же прекратили преслѣдованіе.

Вся потеря при атакѣ Харачи и во время отступленія, состояла изъ убитыхъ: 1 штабъ-офицера, 10 оберъ-офицеровъ и 117 нижнихъ чиновъ, и раненыхъ 2 оберъ-офицера и 68 нижнихъ чиновъ. Между убитыми было пять офицеровъ, прикомандированныхъ на время отъ гвардейскихъ полковъ, не бывшихъ никогда въ дѣлѣ и убѣдительно просившихъ генерала Клугенау доставить имъ случай побывать въ огнѣ...

Число непріятеля въ бою, вмѣстѣ съ прибывшими подкрѣпленіями, по свѣдѣніямъ, превышало 1,000 человѣкъ.

Между тѣмъ какъ все это происходило у аула, на вершинѣ спуска къ Харачамъ, гдѣ Зайцевъ оставилъ свою артиллерію съ одной ротой и нѣсколькими милиціонерами, сосредоточились прибывшія наконецъ изъ Балаканы двѣ роты маіора Косовича, двинувшагося только подъ побужденіемъ посланнаго къ нему капитана ген. штаба Капгера, и три роты 1-го батальона Кабардинскаго полка, прибывшія въ Балаканы наканунѣ поздно вечеромъ,—что все вмѣстѣ, съ остатками отъ гренадерскихъ ротъ Зайцева, составило 710 человѣкъ!... Опасность, которой подвергались наши сообщенія чрезъ Балаканское ущелье, еслибъ непріятель успѣлъ туда проникнуть, заставила генерала Клугенау до времени удерживать эти войска на Харачинскомъ хребтѣ. Отрядъ этотъ былъ порученъ генеральнаго штаба подполковнику Пассеку.

Подполковникъ Пассекъ, узнавъ, что до 500 человѣкъ непріятельской кавалеріи уже прошли въ Балаканское ущелье, а 10-ти тысячное скопище Шамиля спѣшило вслѣдъ за ними

отъ Харачи, рѣшился однако овладѣть дефиле, по которому проходилъ непріятель и для достиженія этой цѣли двинулся по Харачинскому хребту. Но это не только не остановило движенія непріятеля къ Балаканамъ, а было какъ бы сигналомъ общаго наступленія всего скопища. Угрожаемый атакою съ фронта и на пути своего отступленія, опасаясь быть подавленнымъ превосходными силами непріятеля, подполковникъ Пассекъ немедленно началъ отступать къ Моксоху, обезпечивъ заблаговременно сообщеніе съ этимъ ауломъ двумя ротами при двухъ горныхъ единорогахъ, и совершилъ обратное движеніе съ потерею всего 4-хъ нижнихъ чиновъ ранеными.

Въ Моксохѣ подполковникъ Пассекъ занялъ сильную позицію, укрѣпивъ ее завалами.

Положеніе дѣлъ было крайне затруднительно. Быстрые успѣхи Шамиля не замедлили разнестись по Аваріи и произвели въ народѣ волненіе.

2-го сентября непріятель появился даже въ окрестностяхъ Хунзаха, но былъ отброшенъ Хунзахскою милиціею, поддержанною ротою Тифлисскаго егерскаго полка. Жители Сіуха, Ахальчи, Ободы и Тануса, сохраняя еще наружный видъ покорности, были въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ мюридами.

Движеніе главныхъ силъ Шамиля въ Балаканское ущелье и Кибитъ-Магомы къ Карадахскому мосту грозило прервать сообщенія войскъ съ плоскостью. Почти все населеніе этихъ мѣстъ было въ явномъ возстаніи: койсубулинскіе аулы, Шагода, Уркечи, Могохъ и Буцра передались непріятелю; жители Гоцатля умоляли нашъ гарнизонъ очистить ихъ селеніе, давая клятву не тревожить насъ при отступленіи; когда же воинскій начальникъ Гоцатлинскаго укрѣпленія наотрѣзъ отказалъ имъ въ этомъ, жители вышли изъ всякаго повиновенія. Дѣйствительно, положеніе гоцатлинцевъ было незавидное: съ одной стороны имъ угрожали русскіе, занимавшіе ихъ аулъ, съ другой Шамиль, призывавшій всѣхъ во имя Бога на брань и грозившій, въ случаѣ неповиновенія, конечнымъ истребленіемъ.

XXI.

Сосредоточеніе войскъ къ Хунзаху. — Атака Шамилемъ другихъ мелкихъ укрѣпленій.—Паденіе Балаканы.—Взятіе Моксохской башни.—Истребленіе гарнизона Цатаниха и захватъ парка.—Появленіе непріятеля въ окрестности Хунзаха, измѣна аварскихъ ауловъ и сдача горцамъ укрѣпленія Ахальчи.—Паденіе Гоцатлинскаго укрѣпленія.—Прибытіе Самурскаго отряда въ Аварію.—Нерѣшительныя дѣйствія подъ Танусомъ.—Отступленіе Шамиля изъ Аваріи.—Потери русскихъ войскъ.

При такихъ обстоятельствахъ, генералъ Клугенау рѣшился на время пожертвовать своими сообщеніями съ Темиръ-Ханъ-Шурою и взамѣнъ того удержать за собою Хунзахъ. Онъ разсчитывалъ, что съ сохраненіемъ этого пункта, власть наша въ горахъ, сильно поколебленная послѣдними успѣхами Шамиля, легко можетъ возстановиться по удаленіи непріятельскихъ скопищъ. Наконецъ, прибытіе батальоновъ изъ южнаго Дагестана, или самого князя Аргутинскаго съ отрядомъ могло дать дѣлу иной оборотъ. И такъ, рѣшившись удерживать Аварію, онъ сдѣлалъ всѣ распоряженія къ сосредоточенію войскъ къ Хунзаху. Пунктъ этотъ имѣлъ нѣкоторые запасы въ провіантѣ и снарядахъ, а крѣпкое положеніе его давало возможность держаться до прибытія помощи.

На основаніи этихъ соображеній, генералъ Клугенау въ ночь на 3-е сентября, выступилъ изъ Цатаниха съ ротою Апшеронцевъ, саперами и шамхальскою милиціею, и занялъ вершину Арахтау. Отсюда онъ послалъ приказаніе Пассеку присоединиться къ нему, а чтобы послѣдній, въ случаѣ преслѣдованія непріятеля, не встрѣтилъ затрудненія при движеніи на Арахтау, генералъ Клугенау выдвинулъ въ Мокрую балку всю свою пѣхоту, подъ начальствомъ подполковника Евдокимова.

Подполковникъ Пассекъ немедленно по полученіи приказанія снялся съ позиціи въ два часа по полуночи и, пользуясь густымъ туманомъ, благополучно прибылъ на Арахтау; отсюда соединенные отряды двинулись къ Хунзаху, оставивъ въ Цатанихѣ двѣ роты съ капитаномъ Дементьевымъ, которому предписано было защищать пунктъ этотъ всѣми силами, какъ чрезвычайно важный, особенно по громадному количеству сложенныхъ въ немъ продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ, заготовленныхъ въ предшествовавшемъ году для отряда генерала Граббе. Это обстоятельство, кромѣ самаго положенія Цатаниха, прикрывавшаго одинъ изъ доступовъ въ Аварію, побудило генерала Клугенау оставить здѣсь Дементьева, хотя такое распоряженіе очевидно не соотвѣтствовало даннымъ обстоятельствамъ: доступовъ въ Аварію непріятель имѣлъ, кромѣ Цатаниха, еще нѣсколько, а запасами во всякомъ случаѣ было легче пожертвовать, уничтоживъ ихъ, чѣмъ двумя ротами (всего 180 человѣкъ), очевидно не могшими противостоять десятитысячной толпѣ, къ которой пристанутъ еще жители Цатаниха; а укрѣпленіе было вѣдь только по имени, и гарнизонъ помѣщался въ части аула, обнесенной завалами, всѣ же окрестныя высоты командуютъ имъ.

Для защиты собственно Темиръ-Ханъ-Шуры, кромѣ трехъ ротъ Апшеронскаго полка, были собраны и вооружены всѣ находившіяся тамъ команды и даже часть выздоравливающихъ нижнихъ чиновъ; опасались, чтобы Шамиль изъ Балаканскаго ущелья не бросился на этотъ пунктъ.

2-го сентября Шамиль сосредоточилъ свои скопища въ Балаканскомъ ущельѣ, и въ этотъ же день обложилъ Балаканское укрѣпленіе.

Укрѣпленіе это, выстроенное на роту, было одно изъ самыхъ худшихъ. Верки его сдѣланы непрочно и не были дефилированы отъ окружающихъ высотъ. Помѣщенія для гарнизона грозили скорымъ разрушеніемъ; потолочныя балки растрескались и удерживались отъ паденія подпорами. Гарнизонъ Балаканскаго укрѣпленія состоялъ изъ 5-й мушкетерской роты Апшеронскаго полка и команды мастеровыхъ, только что прибывшей изъ Темиръ-Ханъ-Шуры для работъ въ

аварскихъ укрѣпленіяхъ, и задержанной тамъ по невозможности отправиться дальше.—всего около 150 штыковъ, подъ начальствомъ Апшеронскаго полка поручика Доманскаго.

Еще 1-го сентября вечеромъ жители села Балаканы разбѣжались и остался одинъ только старшина аула, который убѣждалъ воинскаго начальника выступить изъ укрѣпленія въ Зыряны, предвѣщая гарнизону дурныя послѣдствія; но поручикъ Доманскій не хотѣлъ самовольно очистить ввѣренный ему постъ и рѣшился защищаться тамъ до послѣдней крайности.

2-го сентября, Шамиль выдвинулъ бывшее съ нимъ единственное орудіе противъ укрѣпленія и обстрѣлявъ его, направилъ многочисленныя толпы горцевъ на приступъ. Но храбрый гарнизонъ, встрѣтивъ залпомъ штурмующія колонны, отбросилъ ихъ штыками, причемъ нѣсколько человѣкъ, наиболѣе отчаянныхъ мюридовъ, успѣвшихъ ворваться въ самое укрѣпленіе, были тутъ же переколоты до одного. Это значительно ободрило осажденныхъ и они, залегая за наружною оградою, съ успѣхомъ отвѣчали на огонь непріятеля, а артиллеристы дѣйствовали такъ удачно, что къ вечеру подбили непріятельское орудіе и заставили его сняться съ позиціи.

Въ ночь на 3-е сентября непріятель скрытно заложилъ батарею изъ двухъ прибывшихъ къ нему орудій и на разсвѣтѣ открылъ огонь. Вскорѣ въ одномъ фасѣ укрѣпленія была сдѣлана брешь и сбито орудіе съ барбета. Открывъ себѣ входъ въ укрѣпленіе, непріятель сосредоточилъ сильный ружейный огонь противъ его внутренности. Поручикъ Доманскій тяжело раненъ; большая часть офицеровъ и нижнихъ чиновъ тоже. Обезсиливъ гарнизонъ двѣнадцатичасовою неумолкаемою канонадою, непріятель, около третьяго часа по полудни, снова бросился на штурмъ и овладѣлъ укрѣпленіемъ. Большая часть гарнизона, преимущественно же больные и раненые нижніе чины, была перерѣзана, остальные захвачены въ плѣнъ.

Шамиль, осмотрѣвъ приведенныхъ къ нему плѣнныхъ, защитниковъ Балаканскаго укрѣпленія, раздѣлилъ ихъ на двѣ части; офицеровъ, унтеръ-офицеровъ, барабанщиковъ, горни-

стовъ и мастеровыхъ взялъ къ себѣ, а прочихъ роздалъ наибамъ.

Плѣнные офицеры были отправлены въ Дарго *).

Въ Балаканскомъ укрѣпленіи достались непріятелю: часть провіанта, патроновъ, зарядовъ и два орудія.

По овладѣніи Балаканскимъ укрѣпленіемъ, Шамиль тотчасъ же отдѣлилъ часть партіи къ Зырянамъ, приказавъ ей не впускать русскихъ въ Балаканское ущелье, тревожить гарнизонъ Зырянскаго укрѣпленія и вмѣстѣ съ тѣмъ испортить, сколько возможно, дорогу между Балаканами и Зырянами, преградивъ ее въ удобныхъ мѣстахъ завалами.

4-го сентября Шамиль пробылъ у Балакановъ, давая отдыхъ своимъ толпамъ, а въ ночь на 5 окружилъ Моксохскую башню и, устроивъ за завалами батарею на полуружейный выстрѣлъ, открылъ изъ нея сильный огонь. Вскорѣ русское орудіе на башнѣ было подбито, а къ вечеру того же дня разрушенъ верхній этажъ и повреждена часть нижняго. Гарнизонъ, состоявшій всего изъ 25 человѣкъ нижнихъ чиновъ, не имѣя возможности долѣе сопротивляться, сдался Шамилю.

Между тѣмъ, съ прибытіемъ отряда генерала Клугенау въ Хунзахъ, аварцы ободрились и изъявили полную готовность защищаться, если войска будутъ имъ содѣйствовать. Тогда же было получено извѣстіе отъ князя Аргутинскаго, что вмѣсто посылки двухъ батальоновъ онъ самъ двигается чрезъ Чохъ и Ругджу къ Тилитлю, чтобы отвлечь Шамиля отъ Аваріи. Генералъ Клугенау, озабоченный сохраненіемъ единственнаго остававшагося еще свободнымъ сообщеніемъ съ Темиръ-Ханъ-Шурою и южнымъ Дагестаномъ чрезъ Гоцатль, тотчасъ по полученіи извѣщеній князя Аргутинскаго, предписалъ начальнику Гоцатлинскаго укрѣпленія объявить жителямъ, что къ намъ идутъ подкрѣпленія, что имъ слѣдуетъ оставаться вѣрными намъ, ибо за измѣну подвергнутся конечному разоренію, что Гоцатль слѣдуетъ удерживать во что бы ни стало. При

---

*) Никто изъ взятыхъ въ 1843 г. въ плѣнъ 6 офицеровъ не вернулся назадъ; всѣ они погибли въ Дарго въ 1845 году смертію мучениковъ.

этомъ воинскому начальнику было послано продовольствіе на мѣсяцъ, комплектъ патроновъ и снарядовъ для пушекъ.

Сдѣлавъ еще нѣкоторыя распоряженія о сборѣ милиціи для прикрытія плоскости, выдвинувъ нѣкоторыя роты впередъ Хунзаха для поддержки жителей *), генералъ Клугенау оставался въ Хунзахѣ невольнымъ зрителемъ событій, съ неимовѣрною быстротою совершавшихся вокругъ него, и не имѣя въ своемъ безвыходномъ положеніи никакой возможности что нибудь предпринять. Ужасныя вѣсти слѣдовали одна за другою. Послѣ паденія Балаканъ и Моксоха узнали, что 6-го сентября скопище непріятельское потянулось къ Цатаниху.

Часу въ 10-мъ утра на окрестныхъ высотахъ Цатаниха появились передовыя партіи непріятеля подъ начальствомъ Кибитъ-Магомы. Жители тотчасъ же измѣнили намъ и не только не задержали непріятеля, но даже помогли ему овладѣть укрѣпленною частью аула, вблизи которой былъ помѣщенъ паркъ. Измѣна ихъ, поставивъ гарнизонъ въ отчаянное положеніе, между двухъ огней, принудила его очистить аулъ и расположиться лагеремъ въ недостроенной части новаго укрѣпленія.

Апшеронскаго полка капитанъ Дементьевъ, человѣкъ уже не молодой, былъ типъ стараго солдата; ограниченный, грязноватый, любившій выпить, этотъ человѣкъ подъ грубой оболочкой таилъ мужественную энергію и оказался героемъ. Онъ уже подалъ въ отставку, дослужившись до вождѣленной полной пенсіи, и готовился удалиться на родину, когда событія 1843 года задержали его на мѣстѣ. По отбытіи генерала Клугенау изъ Цатаниха, Дементьевъ пересталъ выпивать, побрился, нарядился въ свое лучшее платье, помолился предъ образкомъ—благословеніемъ родительскимъ, приказалъ гарнизону построиться во фронтъ и обратился къ людямъ съ слѣдующими словами: «Ребята, генералъ, оставляя васъ здѣсь, надѣялся, что вы будете вести себя молодцами, отстоите *крѣ-*

---

*) Въ томъ числѣ три роты 1-го батальона Кабардинскаго полка къ аулу Обода.

пость (!?) или умрете до единаго, исполните свой долгъ, какъ подобаетъ вѣрнымъ слугамъ великаго Государя. Какъ начальникъ вашъ, я умру послѣднимъ, но не изъ трусости, а чтобы видѣть, кто осмѣлится меня пережить. Знайте, что намъ помощи ждать не откуда, на жителей надежда плоха. Встрѣтимъ сами дорогаго гостя по всегдашнему — мѣткой пулей и молодецкими штыками. Будемъ, братцы, драться на смерть. Устоимъ или ляжемъ всѣ».

— Ура, рады стараться! было отвѣтомъ на эти геройскія слова.

Съ разсвѣтомъ, 7-го сентября, непріятель со всѣхъ сторонъ открылъ жестокій ружейный огонь, и ободряемый личнымъ присутствіемъ Шамиля, нѣсколько разъ бросался на приступъ. Гарнизонъ, руководимый храбрыми капитаномъ Дементьевымъ и поручикомъ Вадарскимъ, не смотря на свои потери, не колебался, а картечь нашихъ двухъ орудій значительно рѣдила непріятельскія толпы. Къ полудню отъ неумолкаемаго ни на минуту огня и частыхъ атакъ, потери съ обѣихъ сторонъ были весьма значительны У непріятеля, по разсказамъ впослѣдствіи жителей, убыло до 500 человѣкъ, у насъ на позиціи едва оставалось человѣкъ 80, которые, ставъ по сторонамъ батареи, готовились умереть до единаго. Тогда Шамиль предложилъ Дементьеву сдаться, но встрѣтилъ отказъ. Еще болѣе раздраженный этимъ упорствомъ, чѣмъ своими потерями, онъ поклялся, что готовъ еще пожертвовать пятью стами своихъ лучшихъ мюридовъ, чтобы овладѣть нашимъ укрѣпленіемъ и жестоко наказать русскихъ.

Часу во 2-мъ по полудни, Шамиль приказалъ перевести два орудія въ аулъ, откуда имъ было гораздо удобнѣе дѣйствовать по нашей батареѣ. Вскорѣ огонь ихъ истребилъ всю артиллерійскую прислугу и Дементьевъ самъ бросился съ банникомъ въ рукахъ къ орудію, какъ новый выстрѣлъ опрокинулъ единорогъ и контузилъ храбраго капитана. На батареѣ произошло минутное замѣшательство; замѣтивъ его, мюриды со всѣхъ сторонъ бросились въ шашки и послѣ короткой рукопашной схватки истребили всѣхъ до единаго.

Затѣмъ непріятель легко разрушилъ верхній этажъ башни

и овладѣлъ оставшимися тамъ въ живыхъ семью нижними чинами.

Шамиль торжествовалъ эту побѣду, купленную имъ дорогою цѣною. Трофеями его были два орудія и весь паркъ, сохраненіемъ котораго такъ дорожилъ генералъ Клугенау... Всѣ защитники Цатаниха, за исключеніемъ десяти человѣкъ нижнихъ чиновъ, пали и тѣла ихъ Шамиль приказалъ сжечь, что, по понятіямъ мусульманъ, считается высшей степенью позора. Но этотъ мнимый позоръ былъ купленъ геройскою защитою, память о которой и до сихъ поръ живетъ въ разсказахъ горцевъ о молодцѣ капитанѣ и его храбрыхъ солдатахъ.

Овладѣвъ Цатанихомъ, Шамиль со всѣмъ скопищемъ двинулся къ Танусу, жители котораго вышли къ нему на встрѣчу съ изъявленіемъ безусловной покорности. Но еще за два или за три дня вся Аварія почти открыто приняла его сторону, что доказывалось уже поступкомъ жителей селенія Обода, которые, будучи подстрекаемы Хаджи-Муратомъ, ночью 5-го сентября измѣннически атаковали войска, находившіяся въ ихъ аулѣ подъ начальствомъ командира 1-го Кабардинскаго батальона подполковника Гротенфельда. Гротенфельдъ успѣлъ однакожъ выступить изъ аула съ потерею 20 человѣкъ и, занявъ вблизи крѣпкую позицію, держался въ ней до разсвѣта противъ ободинцевъ, подкрѣпленныхъ партіею мюридовъ изъ Тануса, прибывшей туда тотчасъ по взятіи Моксоха, и о появленіи которой танусцы не извѣстили насъ.

Измѣна двухъ аварскихъ селеній, показавшая, какъ мало слѣдовало имъ довѣрять, ставила войска наши въ опасное положеніе; надобно было спѣшить ихъ сосредоточеніемъ къ Хунзаху. На разсвѣтѣ 6-го сентября генералъ Клугенау двинулъ подполковника Пассека съ хунзахскою милиціею, приказавъ ему соединить батальоны Познанскаго и Гротенфельда и возвратиться съ ними въ Хунзахъ.

Между тѣмъ Хаджи-Муратъ, освѣдомившись о беззащитномъ положеніи гарнизона въ Ахальчинскомъ укрѣпленіи, по приказанію Шамиля, 7-го сентября быстро передвинулся туда изъ подъ Тануса и Геничутля и, окруживъ укрѣпленіе, по-

требовалъ сдачи. Испуганный прапорщикъ Тифлисскаго егерскаго полка Залетовъ, имѣя всего подъ ружьемъ 70 человѣкъ, поспѣшилъ отворить ворота и положить оружіе... Хаджи-Муратъ обласкалъ труса Залетова, обѣщая ему за это большія милости Шамиля. 8-го сентября, всѣ силы непріятельскія сосредоточились на Геничутльскихъ высотахъ, сюда же прибыли Кибитъ-Магома отъ Карадахскаго моста и Гаджи-Муратъ отъ Ахальчи. Общая численность непріятельскаго скопища опять доходила до 10,000 пѣшихъ и конныхъ; мы же у Хунзаха имѣли 2,000 штыковъ. Кромѣ Хунзаха и Зыряны, оставалось еще Гоцатлинское укрѣпленіе, занятое 8-ю егерскою ротою Тифлисскаго полка, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Кузменко, которому, какъ выше сказано, предписано было держаться до крайности и ободрять жителей скорымъ прибытіемъ подкрѣпленій изъ южнаго Дагестана.

Гоцатлинское укрѣпленіе, не взирая на свое важное стратегическое значеніе, было пародіею на укрѣпленіе, въ немъ помѣщалось только 40 человѣкъ; а остальные занимали большую саклю одного изъ жителей, въ разстояніи цѣлой версты отъ укрѣпленія. При измѣнѣ жителей, гарнизонъ становился въ самое опасное положеніе и долженъ былъ, оставивъ аулъ, защищаться на открытомъ мѣстѣ. За нѣсколько дней до прихода непріятеля, жители предлагали штабсъ-капитану Кузменкѣ уходить съ Богомъ въ Хунзахъ, потому что они не могутъ противиться Шамилю, когда самые большіе аулы и крѣпости не устояли. Но Кузменко остался и донесъ о томъ начальству. Ему подтвердили держаться. Не надѣясь на жителей, Кузменко вывелъ людей изъ аула и расположился вблизи редута, окруживъ себя по возможности завалами изъ камней.

10-го сентября, Шамиль направилъ Кибитъ-Магому для овладѣнія этимъ послѣднимъ пунктомъ, дававшимъ намъ возможность сообщаться съ плоскостью. Прибывъ къ Гоцатлю съ 4,000 партіею и усиливъ себя присоединившимися къ нему мѣстными жителями, Кибитъ-Магома обложилъ укрѣпленіе, поставивъ на высотѣ противъ него два орудія. Вечеромъ 10-го числа Кибитъ-Магома предложилъ воинскому начальнику укрѣпленія сдаться. Одинъ изъ жителей селенія, Кибитъ-Нуръ

разсказывалъ, будто бы негодяй Залетовъ *) былъ облеченъ этимъ предложеніемъ и, подъѣхавъ къ укрѣпленію на ружейный выстрѣлъ, увѣщевалъ Кузменко положить оружіе, присовокупивъ при этомъ, что уже всѣ наши укрѣпленія въ Аваріи и Койсубу уничтожены и немногимъ защитникамъ удалось спастись; но храбрый Кузменко отвѣтилъ ему: что «онъ будетъ держаться до тѣхъ поръ, пока живъ генералъ Клугенау и существуетъ Хунзахъ; что даже въ случаѣ паденія послѣдняго, онъ не сдастся, исполняя тѣмъ долгъ службы и присяги». Вслѣдъ за симъ раздавшіеся изъ укрѣпленія выстрѣлы заставили удалиться измѣнника.

Въ ночь на 11-е число Кибитъ-Магома приказалъ заложить батарею на ружейный выстрѣлъ отъ укрѣпленія. Утромъ 11-го числа дѣйствіемъ ея была подбита наше единственное орудіе и сдѣлана брешь, которую гарнизонъ тотчасъ же заложилъ мѣшками съ провіантомъ. Къ 4-мъ часамъ пополудни непріятель успѣлъ сдѣлать еще двѣ бреши и бросился на приступъ... Послѣ отчаянной рукопашной схватки, часть гарнизона пала, а часть, вмѣстѣ съ раненымъ штабсъ-капитаномъ Кузменко, взята въ плѣнъ и Кибитъ-Магома овладѣлъ укрѣпленіемъ.

Съ паденіемъ Гоцатля прервалось единственное сообщеніе Хунзаха съ плоскостью. Положеніе отряда, окруженнаго со всѣхъ сторонъ торжествующимъ непріятелемъ, было самое безнадежное. Провіанта тамъ оставалось на одинъ мѣсяцъ, соли на недѣлю, снарядовъ и патроновъ весьма мало; въ случаѣ блокады, войска занимавшія цитадель, легко могли быть отрѣзаны отъ воды. Вся Аварія отложилась и даже жители Хунзаха удерживались отъ измѣны единственно присутствіемъ нашихъ войскъ.

Въ ожиданіи какой нибудь помощи со стороны плоскости, предположено было держаться въ Хунзахѣ до послѣдней крайности, и для этого приступили къ укрѣпленію его. Въ про-

---

*) Залетовъ былъ недавно произведенный офицеръ изъ унтеръ-офицеровъ Бородинскаго егерскаго полка. Императоръ Николай, читая донесеніе объ этомъ негодяѣ, собственноручно написалъ: «въ семьѣ не безъ урода».

странствѣ между башнями, окружавшими съ одной стороны селеніе, была возведена каменная стѣнка въ $6^1/_2$ фут. высотою; за нею размѣстились стрѣлки, поддерживаемые линіею маленькихъ резервовъ. Въ ближайшихъ къ наружной оградѣ сакляхъ продѣлали бойницы, а свободное пространство между ними обнесли завалами. Всю имѣвшуюся у жителей въ излишкѣ соль скупили; дача провіанта была уменьшена полуфунтомъ сухарей; взамѣнъ того мяса отпускалось ежедневно по фунту на человѣка, потому что скота въ селеніи оказалось въ достаточномъ количествѣ, который и былъ забранъ у жителей подъ росписку; на десять дней было нафуражировано сѣна; однимъ словомъ, готовились къ упорной защитѣ.

Шамиль въ это время тоже не бездѣйствовалъ; онъ разослалъ повсюду своихъ агентовъ; жители различныхъ обществъ, признавъ его власть, прислали депутатовъ и выдали ему заложниковъ. Вся Аварія, кромѣ Хунзаха ему покорилась, тоже выдала аманатовъ изъ лучшихъ семействъ и, довѣрившись его благосклоннымъ увѣщаніямъ, выгнала на Арахтау на пастьбу всѣхъ своихъ барановъ и скотъ, а тамъ они уже очутились въ полномъ распоряженіи мюридовъ, и такимъ образомъ аварцы окончательно попали въ ихъ руки. Но рѣшиться атаковать Хунзахъ Шамиль не отважился, боясь неудачи, которая могла уничтожить всѣ блестящіе результаты его послѣднихъ дѣйствій. Онъ весьма основательно разсчитывалъ, что мы сами вынуждены будемъ оставить Хунзахъ; рисковать же, гдѣ не предвидѣлось вѣрнаго успѣха, онъ не любилъ.

Обложеніе Хунзаха шамилевскими скопищами было послѣднимъ испытаніемъ для войскъ сѣвернаго Дагестана въ этотъ періодъ кампаніи. Помощь была близка: 13-го сентября Самурскій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Аргутинскаго-Долгорукова, поднявшись на Гоцатлинскія высоты, спѣшилъ въ Аварскую долину, куда и явился въ полдень благополучно, соединясь съ отрядомъ генерала Клугенау, бывшимъ до этого времени у Хунзаха въ блокадномъ положеніи и, можетъ быть, сомнѣвавшимся въ своемъ спасеніи...

Всѣ силы Шамиля, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ перебѣжчиковъ и плѣнныхъ, простирались до

10,000 при пяти орудіяхъ; въ томъ числѣ 1,000 человѣкъ кавалеріи. Непріятельское скопище занимало селеніе Танусъ-Балъ, а отчасти было разсѣяно по ближайшимъ Аварскимъ селеніямъ, для наблюденія за оставшимися тамъ жителями.

Численность соединенныхъ подъ начальствомъ генералъ маіора Клюки-фонъ-Клугенау, какъ старшаго, Дагестанскаго и Самурскаго отрядовъ, простиралась до 6,000; но изъ нихъ больше трети туземной милиціи, именно:

Въ Дагестанскомъ отрядѣ:

Сводный батальонъ, сформированный въ Хунзахѣ изъ остатковъ разныхъ ротъ Апшеронскаго полка . . . . 936 шт.
Сводный егерскій батальонъ изъ Кабардинцевъ и Тифлисцевъ . . . . 389 »
Рота саперъ . . . . 141 »
Донскихъ и уральскихъ казаковъ, Дагестанской милиціи . . . . 260 »

Всего 1768 человѣкъ, при двухъ полевыхъ, 6 горныхъ орудіяхъ и 16-ти крѣпостныхъ ружьяхъ.

Самурскій отрядъ:

1 и 2-й сводные батальоны Ширванскаго полка 1488 шт.
1-й батальонъ Мингрельскаго полка . . . 507 »
2-й батальонъ Тифлисскаго полка . . . . 568 »
Донскихъ казаковъ . . . . 140 »

Милиціи:

Конной . . . . 1176 чел.
Пѣшей . . . . 475 »

Всего 4,274 человѣка, при 9-ти горныхъ единорогахъ.

Немедленно по соединеніи оба отряда двинулись къ Танусу, гдѣ Шамиль съ своимъ скопищемъ и 3-мя орудіями занималъ крѣпкую позицію. Не взирая на то, что соединенные отряды, при 13-ти орудіяхъ, были уже достаточно сильны для атаки непріятеля, но очевидное смущеніе—результатъ послѣднихъ ужасныхъ происшествій — лишили генерала Клугенау прежней смѣлости и увѣренности, и потому въ теченіе 3-хъ дней производилась по Танусу сильная канонада, заставившая Шамиля съ частью своего войска отступить на высоты, а

нашъ отрядъ, въ свою очередь, считалъ нужнымъ скорѣе возстановить сообщенія съ Гергебилемъ, для полученія продовольствія и снарядовъ. Противники разошлись...

Потерявъ 1 офицера и 35 нижнихъ чиновъ убитыхъ, раненымъ самого генерала князя Аргутинскаго и до 50 человѣкъ, Кабардинскаго полка маіора Салонинина тяжело контуженнымъ въ голову, отрядъ отступилъ къ Геничутлю и послалъ особую колонну въ Гергебиль за транспортомъ. Это бездѣйствіе дало время непріятелю приготовиться къ дальнѣйшему развитію и исполненію своихъ плановъ.

Шамиль, слѣдуя своей системѣ, сжегъ всѣ аварскіе аулы и силою угналъ легковѣрно передавшихся ему жителей дальше въ горы, чтобы имѣть ихъ всегда въ своемъ распоряженіи; многіе изъ вліятельныхъ людей за приверженность къ русскимъ были казнены. Съ воплемъ и отчаяніемъ покидали несчастные аварцы свои родныя пепелища и тянулись на Тлохъ, гдѣ ихъ разселяли по чужимъ ауламъ и превратили въ нищихъ. Исполнивъ это дѣло, Шамиль оставилъ дымившуюся Аварію и ушелъ къ Моксоху.

По удаленіи скопищъ Шамиля изъ аварской долины, соединенные отряды, въ ожиданіи подвоза запасовъ, оставались въ бездѣйствіи, а Хунзахскій гарнизонъ ежедневно выходилъ на фуражировку и за дровами, которыя въ избыткѣ добывались изъ разоренныхъ ауловъ.

Общая потеря съ нашей стороны, съ 27-го августа по 21-е сентября была слѣдующая: убито 32 штабъ и оберъ офицера и 776 нижнихъ чиновъ; ранено: 1 генералъ, 16 штабъ и оберъ офицеровъ и 548 нижнихъ чиновъ; взято въ плѣнъ 6 оберъ офицеровъ и 238 нижнихъ чиновъ, преимущественно тоже раненыхъ. Орудій взято непріятелемъ: мѣдныхъ разнаго калибра 12, въ томъ числѣ 2 горныхъ и 2 мортирки. Въ Цатанихскомъ укрѣпленіи, гдѣ находился самый значительный нашъ запасъ, захвачено непріятелемъ 4,035 зарядовъ, съ пропорціею палительнаго фитиля и другихъ принадлежностей, 250,000 ружейныхъ патроновъ и болѣе 2,000 четвертей муки.

XXII.

Положеніе дѣлъ на плоскости.—Мѣры къ усиленію войскъ въ Дагестанѣ.—Внезапное появленіе Шамиля подъ Внезапной. — Блистательная защита полковника Козловскаго. – Отступленіе Шамиля и роспускъ его скопищъ.—Прискорбное происшествіе съ штабсъ-капитаномъ Жданъ-Пушкинымъ.—Прибытіе генерала Клугенау съ частью отряда изъ Хунзаха.—Предположенія о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій.—Рѣшеніе удержать Хунзахъ и распредѣленіе войскъ.

Но не въ этомъ заключалась важнѣйшая наша потеря: мы потеряли плоды многолѣтнихъ усилій, потеряли весь покорный край и все наше обаяніе, все нравственное превосходство. Нужны были опять долгія и дорогія усилія, чтобы все это возвратить, пройдя еще цѣлый рядъ тяжелыхъ испытаній и жертвъ...

Во время описанныхъ событій, на плоскости, кромѣ мелкихъ хищничествъ, ничего важнаго не происходило. Прибывшій въ Темиръ-Ханъ-Шуру начальникъ 19-й дивизіи генералъ Ренненкампфъ собралъ милицію изъ шамхальскаго и мехтулинскаго владѣній и размѣстилъ ее въ разныхъ мѣстахъ, но милиціонеры уклонялись отъ своихъ обязанностей и расходились самовольно; Акуша и Цудахаръ, Чиркей и всѣ почти аулы вокругъ Шуры становились сомнительной благонадежности.

Командующій войсками на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, генералъ маіоръ Фрейтагъ, не могшій, изъ опасенія открыть Кумыкскую плоскость, содѣйствовать всѣми силами генералу Клугенау, немедленно по полученіи отъ него свѣдѣній объ успѣхахъ Шамиля отправилъ въ Дагестанъ сводный батальонъ изъ ротъ Кабардинскаго полка, который прибылъ въ

Темиръ-Ханъ-Шуру 6-го сентября. Изъ этого батальона на другой же день была направлена рота въ Зырянское укрѣпленіе, потому что непріятель началъ уже дѣлать попытки къ переправѣ на правый берегъ Аварскаго Койсу.

Вскорѣ всѣ сношенія съ аварскимъ отрядомъ были прерваны, свѣдѣнія отовсюду получались самыя неблагопріятныя, а народъ волновался.

При всѣхъ усиліяхъ, генералъ Ренненкампфъ едва могъ собрать при Темиръ-Ханъ Шурѣ резервъ въ 1,500 человѣкъ, считая въ томъ числѣ три роты своднаго Кабардинскаго батальона, нестроевую и фурштадтскую роты Апшеронскаго полка, слабыхъ и прикомандированныхъ отъ другихъ частей войскъ. Съ этими силами невозможно было прикрыть плоскость, на которой паслось болѣе 100,000 барановъ, а не только подавать помощь укрѣпленнымъ пунктамъ по правому берегу Койсу. Не имѣя возможности содѣйствовать генералу Клугенау въ Аваріи, генералъ Ренненкампфъ обратилъ всю свою заботливость на транспортировку провіанта въ Зыряны и Гергебиль, откуда онъ могъ быть доставленъ въ Аварію тотчасъ по возстановленіи сообщенія.

Движеніе Самурскаго отряда къ Гергебилю еще болѣе ослабило резервъ плоскости, такъ какъ генералъ Ренненкампфъ, по просьбѣ князя Аргутинскаго, отправилъ въ Гергебиль сводный батальонъ изъ 500 штыковъ.

Въ такомъ положеніи находились средства наши на плоскости, когда по распоряженію корпуснаго командира, генералъ-адъютанта Нейдгарда, съ разныхъ сторонъ Кавказа были направлены въ Дагестанъ подкрѣпленія.

Предписавъ начальнику Самурскаго отряда содѣйствовать войскамъ въ Аваріи, генералъ-адъютантъ Нейдгардъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, двинулъ генералъ-маіора Шварца съ Лезгинской линіи въ горы, для прикрытія обнаженнаго Казикумыкскаго ханства.

Обезпечивъ такимъ образомъ южный Дагестанъ, корпусный командиръ сдѣлалъ распоряженіе о направленіи всѣхъ свободныхъ войскъ съ Кавказской линіи въ сѣверный Дагестанъ; для этого имъ было предписано отъ 4-го сентября:

Генералъ-маіору Фрейтагу — прекратить всѣ работы по укрѣпленіямъ лѣваго фланга Кавказской линіи и двинуть въ Темиръ-Ханъ-Шуру три батальона, съ соразмѣрнымъ количествомъ артиллеріи.

Командующему войсками на Кавказской линіи отправиться въ Темиръ-Ханъ-Шуру для принятія начальства надъ всѣми войсками, а между тѣмъ двинуть туда откуда только возможно побольше войскъ и стараться открыть сообщенія съ отрядомъ генерала Клугенау.

Вслѣдствіе этого генералъ Гурко предписалъ генералу Фрейтагу немедленно отправить въ Дагестанъ еще два батальона съ 4-мя орудіями, и самъ выѣхалъ въ Дагестанъ. Прибывъ 18-го сентября въ Темиръ-Ханъ-Шуру, онъ нашелъ край въ слѣдующемъ положеніи:

Всѣ укрѣпленія, находившіяся по лѣвую сторону Аварскаго Койсу, исключая Хунзаха, были взяты непріятелемъ и срыты до основанія. Соединенные отряды Клугенау и Аргутинскаго отступили къ Геничутлю, не достигнувъ никакихъ результатовъ. Шамиль находился въ Танусѣ и продолжалъ переселять аварцевъ и койсубулинцевъ въ горы. Укрѣпленные пункты наши по правому берегу Койсу имѣли противъ себя наблюдательные пикеты. Шамхальцы, мехтулинцы и прочіе, оставшіеся намъ покорными, не дозволяли полагаться на ихъ вѣрность. Акушинцы и Цудахарцы оставались пока равнодушными зрителями событій.

Такое критическое положеніе края требовало немедленныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій; но генералъ Гурко имѣлъ подъ рукою только 3-й батальонъ Кабардинскаго и 2-й Куринскаго полковъ, прибывшихъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру 19-го сентября, съ 4 полевыми орудіями. Изъ Навагинскихъ же батальоновъ, которымъ приказано было слѣдовать изъ центра Кавказской линіи, одинъ могъ прибыть съ конноподвижнымъ транспортомъ не ранѣе 1-го октября, а другой, съ 6-ю горными орудіями и подвижнымъ паркомъ, не ранѣе 15-го октября, а между тѣмъ сборы непріятеля въ Чечнѣ волновали кумыковъ и можно было опасаться за нихъ; шамхальцы и мехтулинцы еще болѣе стали волноваться; Балаканское ущелье

было занято, а дорога до того испорчена и перерѣзана завалами, что идти туда съ двумя батальонами нечего было и думать. Пришлось оставаться въ Шурѣ и выжидать разъясненія обстоятельствъ, тѣмъ болѣе, что всѣ свѣдѣнія о намѣреніяхъ и движеніяхъ непріятеля были сбивчивы, разнорѣчивы и ложны.

Только 30-го сентября, вечеромъ, получено было вѣрное извѣстіе о непріятелѣ: Шамиль напалъ на Андрееву деревню. Такъ ловко онъ маскировалъ свои движенія... Вслѣдствіе этого, генералъ Гурко, 31-го сентября, двинулъ въ кумыкскія владѣнія семь ротъ Кабардинскаго полка, при 4-хъ легкихъ орудіяхъ, подъ начальствомъ полковника Ковалевскаго.

Защита крѣпости Внезапной и Андреевой деревни была ввѣрена командиру Кабардинскаго полка полковнику Козловскому, имѣвшему въ своемъ распоряженіи 5 ротъ и полковую учебную команду. При первомъ извѣстіи о приближеніи непріятеля отъ Дылыма, полковникъ Козловскій, не смущаясь своею малочисленностью, расположилъ войска слѣдующимъ образомъ: учебную команду при одномъ орудіи помѣстилъ въ самой слабой части Андреевой деревни, гдѣ былъ устроенъ небольшой редутъ; двѣ роты съ однимъ орудіемъ поставилъ для защиты крѣпостнаго форштадта, двѣ роты остались собственно для обороны крѣпости Внезапной, а одна рота съ орудіемъ въ резервѣ. (Всего было подъ ружьемъ до 700 человѣкъ). Принявъ такимъ образомъ мѣры къ отраженію непріятеля, полковникъ Козловскій ободрялъ андреевцевъ и убѣждалъ ихъ смѣло полагаться на защиту русскихъ. Андреевцы единодушно отозвались, что готовы на бой.

Въ три часа пополудни, 30 го сентября, непріятель сталъ спускаться въ большихъ массахъ, болѣе 4-хъ тысячъ человѣкъ, при 4-хъ орудіяхъ, отъ старой крѣпости къ рѣкѣ и, переправясь черезъ нее, двинулся на сѣверный конецъ деревни, въ тоже время открывъ огонь изъ своихъ орудій. Какъ только раздались первые выстрѣлы, горцы съ неимовѣрною быстротою бросились на приступъ, но были отбиты; повторили его еще два раза, и снова неудачно. Полковникъ Козловскій, видя столь рѣшительныя дѣйствія непріятеля, оставилъ только

одну роту на форштадтѣ, а другую притянулъ къ себѣ и поспѣшилъ въ деревню.

Между тѣмъ блистательное мужество андреевцевъ, три раза отбросившихъ мюридовъ, не остановило Шамиля; онъ рѣшился сдѣлать еще послѣднее усиліе и вновь приказалъ атаковать аулъ. На этотъ разъ отчаяніе мюридовъ превозмогло мужество жителей; они ворвались въ деревню, проникли къ мечети и водрузили на ней значекъ. Не прошло получаса, какъ 200 домовъ уже были разграблены, а андреевцы, потерявъ нѣсколько десятковъ лучшихъ людей, смущенные, заколебались и начали поспѣшно отступать. Увидя среди деревни значекъ мюридовъ, Шамиль спустился отъ старой крѣпости (откуда онъ наблюдалъ за ходомъ дѣла) съ остальными своими резервами и закричалъ: «Андреева моя!» Но въ это время на площади, среди многотысячной толпы торжествующаго непріятеля, показался полковникъ Козловскій съ ротою и однимъ орудіемъ, а за нимъ бѣжала еще учебная команда, оглашая воздухъ крикомъ ура!..

«Урусъ, урусъ», раздалось среди горцевъ, бросившихся бѣжать, а ободренные андреевцы съ новою яростію ударили на мюридовъ и выгнали ихъ изъ селенія, съ большою потерею, особенно причиненную имъ нѣсколькими картечными выстрѣлами въ тылъ и во флангъ орудіемъ, бывшимъ при резервной ротѣ, вовремя передвинувшейся къ выходу изъ аула.

Нужно отдать справедливость полковнику Козловскому, что онъ выказалъ замѣчательную рѣшимость, бросившись съ какими-нибудь 200 человѣкъ въ самую средину толпы, рискуя очутиться въ крайне трудномъ положеніи.

Послѣ этого непріятель уже не возобновлялъ нападеній, а ограничился дѣйствіемъ изъ орудій до сумерекъ, ночью же Шамиль отступилъ къ Акташъ-Ауху.

Въ этомъ дѣлѣ непріятель потерялъ до 300 человѣкъ убитыми и ранеными; сверхъ того, у него было отбито въ селеніи два значка и около тридцати лошадей; въ числѣ убитыхъ были трое съ серебряными знаками, которые Шамиль недавно

ввелъ, какъ отличіе за особую храбрость. Знаки эти представлены были въ Петербургъ и остались при дѣлахъ штаба.

Потеря наша, въ сравненіи съ непріятельскою, была ничтожна и заключалась въ 35-ти убитыхъ и раненыхъ андреевскихъ жителей, да 8-ми раненыхъ нижнихъ чинахъ; кромѣ того въ крѣпости, при стрѣльбѣ въ непріятельскіе резервы, разорвало чугунную пушку и ранило нѣсколько человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Особенную распорядительность и храбрость выказали наши батальонный командиръ подполковникъ Ронжевскій и поручики Франкъ и Горяиновъ.

По отступленіи въ горы, Шамиль, желая доставить своимъ скопищамъ необходимый отдыхъ, распустилъ ихъ по домамъ, довольный ихъ усиліями и мужествомъ въ теченіе мѣсяца, при безпрерывныхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ; но распуская ихъ, онъ объявилъ, что можетъ быть обстоятельства вторично призовутъ ихъ къ дѣйствію въ нынѣшнемъ году и поэтому приказалъ имъ быть въ совершенной готовности къ 20-му октября.

Семь Кабардинскихъ ротъ, направленныхъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры на помощь Внезапной, прибыли туда 1-го октября, когда уже непріятель совершенно скрылся въ горы. Въ такихъ обстоятельствахъ пребываніе ихъ на Кумыкской плоскости оказывалось лишнимъ, и роты эти получили приказаніе возвратиться въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

На этомъ кончился первый періодъ наступательной кампаніи, открытой противъ насъ Шамилемъ. Но еще раньше этого, и во все не въ связи съ общими дѣлами на Кумыкской плоскости, случилось происшествіе, въ высшей степени прискорбное вообще и для Кабардинскаго полка въ особенности.

9-го сентября, штабсъ-капитанъ Жданъ-Пушкинъ съ 4-ю и 10-ю егерскими ротами нашего полка; (234 штыковъ) при двухъ батарейныхъ орудіяхъ, конвоировалъ съ Терека во Внезапную транспортъ изъ 200 арбъ. Слѣдовали очевидно въ безпорядкѣ; передовое орудіе переправилось чрезъ р. Ярыкъ-су почти безъ прикрытія, растянувшагося на большомъ пространствѣ. Вдругъ изъ-за кустовъ раздался залпъ, нѣсколько чело-

кромѣ того, что непріятель особенно стремится овладѣть Аваріею, понимая всю важность ея, честь и слава русскаго оружія требуютъ недопустить торжества предводителя слабыхъ горскихъ племенъ надъ могуществомъ Россіи и не уступать страну, купленную кровью многихъ храбрыхъ въ теченіе семи лѣтъ. Наконецъ Аварія, совершенно теперь опустошенная и оголенная отъ жителей, можетъ стать, съ усмиреніемъ края, прекраснымъ мѣстомъ для русскаго поселенія (?). При этомъ онъ указывалъ, какія мѣры слѣдовало принять для расположенія гарнизоновъ и резервовъ на зиму. Оставленіе же нами Аваріи, по мнѣнію генерала Клугенау, было опасно даже въ смыслѣ защиты не только сѣвернаго, но и средняго Дагестана.

Соображенія обоихъ генераловъ были представлены корпусному командиру на разрѣшеніе, а генералъ-адъютантъ Нейдгартъ предоставилъ имъ рѣшить вопросъ объ Аваріи, извѣстивъ ихъ только, что на укомплектованіе войскъ Дагестана направлены изъ резервной дивизіи 3,600 человѣкъ, что князь Аргутинскій возвратится въ южный Дагестанъ только съ двумя батальонами и милиціею, а четыре батальона, при 6 орудіяхъ и двухъ сотняхъ донскихъ казаковъ, поступятъ въ составъ войскъ сѣвернаго Дагестана; что изъ войскъ, направленныхъ съ Кавказской линіи, останутся въ Дагестанѣ же не менѣе трехъ батальоновъ; но за тѣмъ уже, что бы ни случилось, ни на линіи, ни въ Закавказьи не остается никакого резерва, который бы могъ явиться на помощь.

Всѣ эти средства казались вполнѣ достаточными и мнѣніе генерала Клугенау восторжествовало, рѣшено было удержаться въ Аваріи до весны 1844 года, когда ожидались значительныя подкрѣпленія изъ Россіи и можно будетъ перейти въ наступленіе. Изъ двухъ сообщеній съ Аваріею предположено избрать одно—чрезъ Балаканы, а другое—чрезъ Гергебиль пока бросить, какъ болѣе длинное и неудобное.

Вслѣдствіе этого, для занятія Хунзаха, кромѣ двухъ линейныхъ ротъ гарнизона, были назначены, подъ командою подполковника Пассека, 1-й Ширванскій, 3-й Навагинскій, 3-й Кабардинскій (520 шт.) и 2-й Куринскій батальоны, при 6 горныхъ единорогахъ. 1-й батальонъ Кабардинскаго полка,

(390 человѣкъ) съ 2 легкими орудіями и 7 сотнями казаковъ, подъ командою подполковника Евдокимова, для занятія Сулакской линіи. Въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, въ резервѣ, шесть батальоновъ, въ томъ числѣ сводный батальонъ Кабардинскаго полка, (444 челов. 4-я и 5-я карабинерныя, 10-я и 12-я егерскія роты), за исключеніемъ одной роты, посланной для усиленія гарнизона Евгеніевскаго укрѣпленія. Остальныя войска, преимущественно линейные батальоны, занимали различныя укрѣпленія,—Низовое, Гергебиль, Балаканы, (вновь занятое по отступленіи горцевъ) Зыряны, Евгеніевское, Казіюртъ и проч.

Хунзахскій отрядъ предполагалось снабдить полушубками, всѣмъ продовольствіемъ и припасами до весны и для этого приступили тотчасъ же къ перевозкамъ.

Казалось, всѣ мѣры для защиты и успокоенія края были приняты; войскъ довольно и распредѣлены онѣ основательно. Но вышло иначе: новыя, болѣе тяжкія испытанія еще ожидали насъ впереди!..

XXIII.

Обстоятельства предшествовавшія описаннымъ событіямъ и ихъ дальнѣйшее развитіе. — Разнорѣчивыя свѣдѣнія о намѣреніяхъ Шамиля. — Появленіе непріятеля предъ Гергебильскимъ укрѣпленіемъ. — Отвлеченіе нашихъ резервовъ ложными слухами отъ Дагестана. — Нападенія на Гергебиль и взятіе его послѣ геройской защиты. — Безплодное движеніе отряда генерала Гурко на выручку и вынужденное отступленіе его въ Шуру. — Распоряженія къ оставленію Аваріи.—Очищеніе разныхъ пунктовъ на плоскости.— Расположеніе войскъ. — Распоряженіе Шамиля къ прекращенію сообщеній нашихъ съ Дербентомъ. — Общее возстаніе всего дагестанскаго населенія.

Выше уже было упомянуто, что еще съ начала 1843 года со всѣхъ сторонъ положительно сообщалось о намѣреніяхъ Шамиля приступить къ усиленнымъ противъ насъ дѣйствіямъ. 1-го февраля генералъ Клугенау доносилъ, между прочимъ, что Шамиль приказалъ снять всѣ мосты на Андійскомъ Койсу, чтобы прекратить всякія сношенія непокорныхъ съ покорными жителями и лишить насъ свѣдѣній о происходящемъ въ его владѣніяхъ. Вслѣдъ за тѣмъ умеръ правитель аварскаго ханства, генералъ-маіоръ Ахметъ-Ханъ, и это произвело такую радость въ станѣ мюридовъ, что они встрѣтили извѣстіе ружейными выстрѣлами. Это понятно, потому что Ахметъ-Ханъ держалъ Аварію въ рукахъ и самъ оставался вполнѣ преданнымъ русскимъ, безъ которыхъ не могъ бы сохранить своего положенія; онъ могъ имѣть всегда вѣрныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ и вліять на ближайшихъ сосѣдей—горцевъ, не говоря о Мехтулинскомъ и другихъ обществахъ на плоскости, вѣками привыкшихъ чтить хановъ своихъ. Смерть Ахметъ-Хана во многомъ облегчала Шамилю главную задачу — овладѣніе Аваріею, и задача эта была для насъ вовсе не тайна.

Къ тому же времени относится дѣятельность Шамиля по устройству въ его сборищахъ нѣкоторой правильности организаціи—раздѣленіемъ на десятки, сотни и пяти-сотни, съ начальниками ихъ во главѣ и т. п. Это тоже ясно показывало приготовленія къ серьезнымъ дѣламъ. Получено было вѣрное извѣстіе, что въ Дарго льютъ орудія, для чего прибылъ какой-то мастеръ изъ Эрзерума съ помощниками.

Что же по этому поводу было сдѣлано съ нашей стороны?

Аварію усилили двумя ротами, (230 человѣкъ) а князю Аргутинскому и генералу Клугенау предписано было изъ Тифлиса: употребить средства «къ арестованію работавшихъ въ Дарго мастеровъ»...

Когда же въ концѣ августа грянулъ громъ и удары его съ быстротою и силою электричества разразились надъ нами, генералъ Нейдгардъ отправилъ въ Петербургъ донесеніе о бѣдственномъ положеніи Дагестана и ужасныхъ послѣдствіяхъ, могущихъ возникнуть для всего края, если не будутъ употреблены значительныя силы и открыты наступательныя дѣйствія. Донесеніе это было послано, для большей вѣрности и скорости доставки, на курьерскихъ, съ адъютантомъ корпуснаго командира корнетомъ конной гвардіи Глѣбовымъ. И таковъ былъ тогда несчастный для насъ періодъ, что между Сергіевской и Базовой почтовыми станціями, близь Ставрополя, нѣсколько человѣкъ черкескихъ хищниковъ, подъ предводительствомъ бѣглаго казака Кубанскаго полка Атарщикова, напали на Глѣбова и взяли его въ плѣнъ со всѣми бумагами!...

По полученіи этого печальнаго извѣстія, въ Петербургъ были посланы дубликаты съ донесеній, а Глѣбовъ чрезъ нѣкоторое время выкупленъ изъ плѣна.

Однако никакія новыя силы изъ Россіи, при тогдашнихъ путяхъ сообщеній, ранѣе весны слѣдующаго года не могли прибыть, исключая развѣ нѣсколькихъ донскихъ казачьихъ полковъ, которые и были отправлены немедленно, и, слѣдовательно, приходилось обойтись наличными средствами, казавшимися достаточными и хорошо распредѣленными.

Наступила сырая и холодная осень; на плоскости, даже въ низменныхъ частяхъ, были довольно чувствительные холо-

да, а вершины горъ покрылись снѣгомъ, впрочемъ таявшимъ при первыхъ лучахъ солнца. Все предсказывало приближенiе суровой зимы, рѣдкой въ этихъ широтахъ.

Перевозка провiанта въ Хунзахъ и Зыряны быстро подвигалась впередъ; къ 20-му октября Аварскiй отрядъ былъ снабженъ провiантомъ по 1-е Января слѣдующаго 1844 года.

Мусульманское населенiе послѣ долгаго и тяжелаго поста (ураза) праздновало наступленiе рамазана, но празднество это не сопровождалось обычнымъ веселiемъ. Въ горахъ, гдѣ Шамиль строжайше запретилъ употребленiе водки, даже куренiе табаку, все было серьезно, пѣли «ля-илa-иль-алла», чистили оружiе, запасались порохомъ, добывали лошадей. Шамиль, необъясняя никому причины, отдалъ приказъ, чтобы въ Дагестанѣ и Чечнѣ каждый владѣлецъ пары воловъ прiобрѣлъ бы себѣ непремѣнно лошадь. Видно было, что онъ заботился объ образованiи сильной кавалерiи и тѣмъ заставилъ догадываться о намѣренiи своемъ въ скорости дѣйствовать на плоскости.

Покорное намъ населенiе Дагестана, волнуемое агентами Шамиля, было въ самомъ тревожномъ положенiи и готовилось къ важному кризису. Акушинцы и Цудахарцы, дотолѣ непризнававшiе ничьей власти, съ покорностiю вступили въ сношенiя съ Шамилемъ и ждали только паденiя Хунзаха, чтобы окончательно и открыто возстать противъ русской власти. Хунзахъ былъ важенъ для нихъ храбростiю своихъ жителей и славнымъ отраженiемъ Кази-Муллы; паденiе его должно было произвести на Акушу такое же влiянiе, какъ паденiе Унцукуля на аварскiя деревни. Ближайшiе къ непрiятелю Цудахарскiе аулы Кегеръ и Кудали уже совсѣмъ передались Шамилю. Весь Андалялъ былъ въ волненiи; жители Сугратля, изъ коихъ нѣкоторые такъ недавно съ усердiемъ участвовали въ дѣйствiяхъ князя Аргутинскаго на его походѣ въ Аварiю, самовольно покинули Самурскiй отрядъ при обратномъ движенiи его изъ Аварiи въ Кази-Кумухъ и скрылись. Чохцы наиболѣе намъ преданные изъ всего Андаляла, опасались прибытiя мюридовъ, не надѣясь удержаться противъ нихъ. Чохскiй Магометъ-Кадiй получилъ два письма—одно отъ Шамиля, другое отъ Джемалъ-Эддина, извѣстнаго Дагестанскаго уче-

наго и тестя Имама. Первый увѣдомлялъ его, что поручилъ управленіе Андаляломъ Джемалъ-Эддину и отзывался объ немъ съ отличной стороны; второй увѣщевалъ Магометъ-Кадія принести покорность и раскаяніе Шамилю, напоминалъ объ религіи и совѣтывалъ смириться. Оба эти письма Магометъ-Кадій хотя представилъ генералу Клугенау, но тѣмъ не менѣе они произвели на него сильное впечатлѣніе и онъ впослѣдствіи намъ измѣнилъ.

Въ случаѣ вторженія непріятеля, нельзя было разсчитывать даже на казикумухцевъ, тѣмъ болѣе на кайтагцевъ и табасаранцевъ, гдѣ издавна гнѣздились сѣмена мюридизма. Наиболѣе преданные намъ шамхальцы и мехтулинцы, правители которыхъ уже свыклись съ нашими порядками, явно отказывались повиноваться. Правительница мехтулинскаго ханства, вдова Ахметъ-Хана, Нохъ-Бике писала отъ 16 октября генералу Клугенау: «Мехтулинцы не хотятъ защищаться, хотя бы пришла сотня мюридовъ. Прежде они были полезны, потому, что покойный мужъ мой Ахметъ-Ханъ умѣлъ держать ихъ въ рукахъ, а теперь мнѣ одной, безъ помощи русскихъ, нельзя управиться съ народомъ». Сама ханша принуждена была покинуть Дженгутай и выѣхала къ брату своему, Шамхалу, въ Казанищи. Впослѣдствіи они оба бѣжали оттуда подъ защиту нашихъ войскъ, — Ханша въ Дербентъ, а Шамхалъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

Вдругъ, посреди мѣръ, предпринятыхъ къ оборонѣ края, въ послѣдней трети октября, получаются съ разныхъ сторонъ тревожныя донесенія о новыхъ сборахъ непріятеля. Донесенія эти, повидимому, противорѣчащія другъ другу, всетаки свидѣтельствовали объ одномъ—о намѣреніи Шамиля дѣйствовать противъ Дагестана.

Начальникъ лѣваго фланга Кавказской линіи доносилъ о сборахъ въ Дылымѣ, куда Шамиль притянулъ чеченцевъ, ичкеринцевъ, ауховцевъ и часть лезгинъ: по его словамъ, Шамиль намѣревался дѣйствовать противъ деревни Андреевой, отъ которой онъ былъ отбитъ 30-го сентября.

Въ Дагестанѣ, напротивъ, говорили, что Шамиль намѣренъ броситься на Хунзахъ и для этого приказалъ дѣлать

сборы въ Чиркатѣ, куда уже было привезено 5 орудій и значительные запасы пороха и снарядовъ.

Затѣмъ не менѣе сильныя скопища формировались Кибитъ-Магомою около Тилитли и Куяды; въ Каратѣ подымался Хаджи-Муратъ, набирая толпы аварцевъ и имѣя при себѣ два орудія. Все это заставляло предполагать, что Шамиль дѣйствительно намѣревался напасть на Аварію. Были и другія свѣдѣнія, противорѣчившія этимъ. Каждый мѣстный начальникъ доносилъ, что опасность угрожаетъ ему.

Между тѣмъ генералъ Клугенау получилъ письмо чохскаго кадія Магомета отъ 28-го октября, увѣдомлявшаго его о движеніи скопищъ Кибитъ-Магомы къ Карадахскому мосту.

29-го октября свѣдѣніе о прибытіи Кибитъ-Магомы въ Карадахъ подтвердилось донесеніемъ правителя Аваріи, маіора князя Орбеліана. Не было сомнѣнія, что Кибитъ-Магома угрожаетъ Гергебилю, а потому генералъ Клугенау тотчасъ же отправилъ въ Аймаки двѣ роты Апшеронскаго полка, при горномъ единорогѣ, съ двоякою цѣлью: 1) для усиленія гарнизона гергебильскаго укрѣпленія, если непріятель еще не атаковалъ его, и 2) если оно уже обложено, то, чтобы не дозволить мюридамъ проникнуть въ мехтулинское ханство чрезъ Аймакинское ущелье.

30-го окрября воинскій начальникъ гергебильскаго укрѣпленія, маіоръ Шагановъ донесъ, что Кибитъ-Магома съ большимъ скопищемъ пѣхоты и конницы перешелъ 29-го октября въ Чалды чрезъ Аварское Койсу и занялъ Кикуны, вблизи Гергебиля. Тогда генералъ Клугенау отправилъ еще двѣ роты Кабардинскаго полка въ Аймаки, на присоединеніе къ двумъ Апшеронскимъ ротамъ, прежде посланнымъ.

Этого же числа онъ былъ извѣщенъ Шамхаломъ, что даже жители Дженгутая волнуются; а вѣдь Дженгутай на плоскости, въ 20 верстахъ отъ Шуры, и на сообщеніи съ среднимъ и южнымъ Дагестаномъ. Поэтому генералъ Клугенау донесъ командующему войсками, выступившему съ частью войскъ изъ Шуры на Кумыкскую плоскость для обозрѣнія тамошнихъ укрѣпленій и усиленія ихъ обороны, о новыхъ неблагопріятныхъ происшествіяхъ въ Дагестанѣ, прибавивъ, что въ на-

стоящую минуту у него въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ остался одинъ только слабый батальонъ Апшеронскаго полка и рота 4-го Кабардинскаго батальона, (двѣ роты нашего полка были форсированно посланы нѣсколькими днями ранѣе для подкрѣпленія гарнизоновъ въ Зубутѣ и Евгеніевскомъ).

Это донесеніе генералъ Гурко получилъ на обратномъ пути отъ Султанъ-Янгіюрта къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ и тотчасъ же ускорилъ слѣдованіе бывшаго съ нимъ отряда, убѣдясь, какъ ловко онъ былъ обманутъ ложными свѣдѣніями о приготовляемомъ нападеніи на Кумыкскую плоскость. Шамиль отлично воспользовался этимъ обманомъ, ибо отвлекъ отъ Шуры на нѣсколько дней войска и онѣ не могли во время подкрѣпить Гергебиля, взятіе котораго отдавало въ его руки Акушу и Цудахаръ, что совершенно разъединяло отряды Дагестанскій, Аварскій и Самурскій, а при этомъ легко было овладѣть мехтулинскимъ и шамхальскимъ владѣніями, подчинить себѣ все пространство до Дербента и въ довершеніе всѣхъ успѣховъ овладѣть Темиръ-Ханъ-Шурой... Планъ искусный, смѣлый и почти было уже удавшійся.

Аулъ Гергебиль, включавшій болѣе 400 дворовъ, лежитъ въ глубокомъ ущельи, въ разстояніи версты отъ сліянія двухъ Койсу: Кара и Кази-Кумыхскаго.

Укрѣпленіе наше, основанное генераломъ Фрези въ мартѣ 1842 года, состояло изъ двухъ фортовъ и съ виду казалось довольно хорошимъ; но сложенное изъ булыжнаго камня на глинѣ и частью изъ саманнаго кирпича, въ сущности было довольно плохо и не могло выдержать дѣйствія артиллерійскихъ орудій. До послѣднихъ катастрофъ никто и не разсчитывалъ на непріятельскую артиллерію, а противъ байгушей, какъ презрительно обзывали горцевъ, и глиняныхъ стѣнокъ казалось достаточно.

Въ минуту описываемыхъ дѣйствій, весь гарнизонъ Гергебиля состоялъ изъ $2^1/_2$ ротъ 3-го батальона Тифлисскаго полка, численностью до 400 штыковъ, подъ начальствомъ маіора этого полка Шаганова. Орудій въ Гергебилѣ находилось пять;

гарнизонъ былъ достаточно снабженъ боевыми припасами, но провіанта было мало *).

28-го октября скопище Кибитъ-Магомы, въ числѣ 5,000 человѣкъ, при 2 орудіяхъ, заняло окрестныя высоты и самое селеніе Гергебиль.

Утромъ 29-го числа были замѣтны передвиженія въ станѣ непріятеля, а въ полдень значительныя толпы пѣшихъ мюридовъ бросились на оба форта, но были тотчасъ же опрокинуты картечнымъ огнемъ. За эту дерзкую попытку горцы понесли значительный уронъ; успѣхъ же ихъ ограничился отбитіемъ пасшагося вблизи укрѣпленія порціоннаго скота.

Къ вечеру 29-го октября, окруживъ укрѣпленіе пикетами, непріятель расположился въ гергебильскихъ садахъ, командующихъ верхнимъ фортомъ.

При первомъ извѣстіи о движеніи непріятеля къ Гергебилю, цудахарцы стали передаваться Кибитъ-Магомѣ и въ два дня ихъ уже собралось въ станѣ мюридовъ до 500 человѣкъ.

Утромъ 30-го октября, рота занимавшая верхнее укрѣпленіе выслала команду за водой, но, встрѣченная огнемъ самихъ жителей Гергебиля, она должна была поспѣшно скрыться къ нижнему форту, гдѣ по крытому ходу можно было спускаться къ рѣкѣ. Въ ночь на 31-е число непріятель обложилъ оба форта завалами и устроилъ батарею, съ которой съ разсвѣтомъ открылъ сильный огонь. Нѣсколько смѣльчаковъ засѣли у самыхъ кухонь, чтобы не допустить солдатъ брать воду и варить пищу. Была сдѣлана удачная вылазка, около 30 мюридовъ заколото штыками, кухни освобождены и, потерявъ всего 1 офицера и 5 солдатъ ранеными, наши охотники возвратились въ редутъ. Весь этотъ день продолжался сильный огонь, стоившій гарнизону 32 человѣка.

1-го ноября въ полдень подошли свѣжія толпы горцевъ, подъ предводительствомъ самого Шамиля, и всѣ ринулись на приступъ. Но гарнизонъ не смутился и отбилъ атакующихъ

---

*) При всѣхъ выше уже упомянутыхъ распоряженіяхъ на зиму, о Гергебилѣ какъ будто забыли, или считали его достаточно сильнымъ и обезпеченнымъ.

съ большимъ урономъ. Тогда опять закипѣлъ огнестрѣльный бой, гремѣвшій по всему ущелью грозными раскатами. Съ высоты укрѣпленіе казалось гнѣздомъ ласточки, окруженнымъ тучами непріятеля. Неумолкаемый огонь, крики, суета и передвиженія въ станѣ непріятеля могли бы поразить и содрогнуться самыхъ испытанныхъ въ войнѣ людей... Скопища Шамиля уже превосходили 10,000 человѣкъ при 4 орудіяхъ, но онъ еще безпрестанно привлекалъ новые секурсы, чтобы подѣйствовать видомъ своихъ силъ на колебавшихся еще въ покорности намъ жителей. За цудахарцами послѣдовали акушинцы; они еще не перешли совсѣмъ въ непріятельскій лагерь, но собрались въ аулѣ Лаваши и ждали развязки дѣла, препятствуя вмѣстѣ съ тѣмъ движенію Самурскаго отряда на помощь Гергебилю.

Видя невозможность взятія открытою силою ничтожныхъ редутовъ, Шамиль приказалъ вырубить Гергебильскіе сады,—плодъ вѣковыхъ трудовъ и усилій на скалахъ,—для употребленія лѣса къ болѣе правильной осадѣ. Горцы вмѣсто траншей и подступовъ, выемка коихъ на каменистой почвѣ невозможна, употребляютъ дрова. Сложивъ ихъ въ видѣ бруствера, они ловко перекидывая полѣнья съ внутренней крутости на наружную подвигаютъ эти дровяныя брустверы къ стѣнѣ и подходятъ на близкое разстояніе, откуда уже бросаются на штурмъ, или дѣйствуютъ болѣе вѣрнымъ огнемъ. Сверхъ того заготовляются бревенчатые щиты съ бойницами для стрѣлковъ и фашины для перехода чрезъ рвы.

Въ то время, какъ силы и средства непріятеля съ каждымъ часомъ возрастали, гарнизонъ видимо ослабѣвалъ; только нравственная сила неуменьшалась: герои оставались тѣми же; пятидневный бой утомилъ защитниковъ до крайности, половина уже выбыла изъ строя, стѣны верхняго форта были во многихъ мѣстахъ пробиты ядрами, а на мѣстѣ батарей оставались груды камня, не взирая на усиленную по ночамъ работу. На собранномъ общемъ совѣтѣ офицеровъ рѣшено было оставить верхній фортъ, но оставить съ честію. Устроили мину, закопали подъ офицерскимъ флигелемъ четыре пудовые боченка съ порохомъ, сшили изъ брезента 48 аршинъ длины

сосисъ и провели его за стѣну укрѣпленія, гдѣ устроили крытое помѣщеніе для трехъ героевъ, вызвавшихся пожертвовать собою.

Ночью на 3-е ноября три орудія и кое-какое имущество были перетащены въ нижній фортъ. Однако 1 унтеръ-офицеръ при 6-ти рядовыхъ остались временно, чтобы маскировать отступленіе. Предъ самымъ разсвѣтомъ фортъ былъ совсѣмъ оставленъ и только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него остались для зажженія мины: юнкеръ Чаевскій, унтеръ-офицеръ Невѣровъ и рядовой Семеновъ.

Доведенный до озлобленія мужественною обороною гарнизона, непріятель, замѣтивъ тишину въ фортѣ, закидалъ ровъ фашинами, вбѣжалъ на стѣны и не видя никого бросился въ казармы и флигеля искать добычи; въ нѣсколько минутъ вся внутренность укрѣпленія наполнилась горцами. Въ эту самую минуту былъ сообщенъ минѣ огонь, раздался страшный трескъ, груды камня и земли вмѣстѣ съ тѣлами мюридовъ полетѣли на воздухъ. Болѣе трехсотъ человѣкъ ихъ погибло и усѣяло террасы Гергебиля. Чаевскій, Невѣровъ и Семеновъ тоже погибли...

Потеря эта ожесточила горцевъ. Они, не теряя времени, бросились на нижнее укрѣпленіе, но картечь и батальный огонь опять отбили приступъ.

4-го ноября непріятель канонировалъ укрѣпленіе изъ орудій, постепенно приближая свои дровяные брустверы. Огонь дѣйствовалъ губительно, число убитыхъ и раненыхъ значительно умножилось, но гарнизонъ неунывалъ, о сдачѣ не думалъ, всѣ клялись умереть, защищаясь до послѣдняго.

Въ тотъ же день, около 4-хъ часовъ пополудни, солдаты увидѣли на Аймакинскихъ высотахъ русскія войска. Надежда на спасеніе мелькнула въ сердцахъ храбрыхъ воиновъ; они сейчасъ же сдѣлали еще удачную вылазку, но увы! надежды были напрасны. Обстоятельства воспрепятствовали генералу Гурко спасти Гергебиль.

31-го октября генералъ прибылъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, а 1-го ноября получены были слѣдующія извѣстія: 1) отъ командующаго батальономъ въ Аймакахъ, что Гергебильское

укрѣпленіе тѣсно блокируется, а около тысячи человѣкъ мюридовъ заняли верхнюю дорогу изъ Аймаковъ къ Гергебилю, 500 же человѣкъ охраняютъ выходъ изъ Аймакинскаго ущелья, и 2) отъ Шамхала, что Шамиль прибылъ въ Ашильту и оттуда намѣренъ чрезъ Цатаныхъ и Араканы вторгнуться въ Шамхальскія и Мехтулинскія владѣнія.

Эти извѣстія заставили генерала Гурко съ батальонами, бывшими подъ рукой, двинуться къ аулу Оглы, откуда онъ могъ, сообразно обстоятельствамъ, направиться и къ Гергебилю, и къ Araканамъ. Оба эти пункты были равно важны для насъ, какъ открывающіе непріятелю входъ на плоскость, и хотя доступы къ нимъ были одинаково трудны, но представлялась возможность достигнуть: перваго чрезъ содѣйствіе Самурскаго отряда, а послѣдняго чрезъ содѣйствіе араканцевъ, въ теченіе десяти лѣтъ отличавшихся постоянною, неизмѣнною преданностію къ намъ, благодаря вліянію Н. И. Евдокимова и его связямъ съ лучшими старшинами. Такимъ образомъ, 1-го ноября, въ селеніи Оглы были направлены 11 ротъ при 5-ти орудіяхъ. Въ Шурѣ остались пять ротъ и послано приказаніе двумъ ротамъ 4-го батальона Кабардинскаго полка немедленно возвратиться изъ Зубута; онѣ прибыли въ Шуру 3-го числа. Въ то же время было послано къ князю Аргутинскому извѣстіе съ просьбою содѣйствовать къ спасенію Гергебиля; но малочисленный Самурскій отрядъ уже не могъ двинуться мимо восставшихъ цудахарскихъ ауловъ. Желая однако выручить гергебильскій гарнизонъ, генералъ Гурко рѣшился съ своимъ слабымъ отрядомъ приблизиться къ атакованному пункту, надѣясь, что быть можетъ князь Аргутинскій все еще найдетъ возможность оказать ему содѣйствіе.

Ближайшая и лучшая дорога была по Аймакинскому ущелью, но когда выходъ изъ него въ рукахъ непріятеля, то достаточно десяти человѣкъ, чтобы не пропустить цѣлый отрядъ. Поэтому пришлось избрать трудную горную тропинку, по которой можно кое-какъ свести лошадей и горныя орудія на рукахъ. Подъемъ здѣсь оказался ужаснымъ, среди огромныхъ обломковъ скалъ.

Въ ночь на 4-е ноября отрядъ выступилъ изъ Оглы къ

Аймакамъ. Здѣсь къ нему присоединились двѣ апшеронскія роты отъ батальона, оставшагося въ Аймаки, а другія двѣ роты (Кабардинскія) при горномъ орудіи, нельзя было оттуда вывести, потому, что между жителями селенія уже обнаруживалось волненіе и роты эти должны были не только удерживать ихъ въ повиновеніи, но и охранять выходъ изъ Аймаканскаго ущелья, въ который легко могъ проникнуть непріятель въ тылъ отряду. Такимъ образомъ, собранный отрядъ состоялъ изъ трехъ батальоновъ и одной роты, при пяти горныхъ единорогахъ, одной сотни Донскихъ казаковъ и нѣсколькихъ милиціонеровъ; численность его непревышала 1,600 человѣкъ.

Въ полдень, 4-го ноября, отрядъ достигнулъ вершины хребта, откуда было видно Гергебильское укрѣпленіе. Верхняго форта уже не существовало; нижній, атакованный всѣми силами непріятеля, еще мужественно защищался.

Съ высоты перевала генералу Гурко открылись всѣ затрудненія, которыя онъ могъ встрѣтить при движеніи по Гергебильскому спуску, сильно занятому непріятельскими завалами.

Имѣя всего 1,600 человѣкъ, было опасно форсировать позицію многочисленнаго непріятеля по такимъ труднымъ доступамъ. Въ случаѣ неудачи, отрядъ неминуемо погибъ бы и притомъ безъ всякой пользы для осажденныхъ. Въ такихъ обстоятельствахъ, генералу Гурко предстояло одно, это рѣшиться пожертвовать гарнизономъ для спасенія единственнаго и послѣдняго резерва сѣвернаго Дагестана, отъ существованія котораго зависѣло сохраненіе Аварскаго отряда и самой Темиръ-Ханъ-Шуры. Однако, не желая принять на себя всю отвѣтственность въ столь важныхъ обстоятельствахъ, онъ собралъ военный совѣтъ. Всѣ участвовавшіе въ совѣтѣ *), за исключеніемъ артиллеріи полковника Ковалевскаго, единогласно объявили совершенную невозможность спуститься съ хребта и признавали въ попыткѣ къ освобожденію укрѣпленія неизбѣж-

---

*) Генералъ-маіоръ Клугенау, генеральнаго штаба подполковникъ баронъ Торнау и капитанъ Невѣровскій, хорошо знакомый съ мѣстностью и бывшій уже на этомъ пути съ генераломъ Фези.

ную и безполезную гибель всего отряда, слѣдствіемъ которой было бы полное уничтоженіе нашего владычества въ Дагестанѣ. Однако Ковалевскій настаивалъ на движеніи, считая за стыдъ отступленіе въ виду погибающихъ товарищей. Мнѣніе совѣта окончательно заставило командующаго войсками отказаться отъ движенія къ Гергебилю съ имѣвшимися въ его распоряженіи силами и предоставить укрѣпленіе собственной судьбѣ.

Рѣшившись не идти къ Гергебилю, генералъ Гурко спустился однако съ главной высоты и сталъ лагеремъ нѣсколько ниже, чтобы видѣть, что предприметъ непріятель при появленіи нашихъ войскъ.

Чувствуя свою силу и хорошо понимая невыгоды для насъ мѣстности, Шамиль продолжалъ обстрѣливать укрѣпленіе, два раза въ виду отряда посылалъ свои скопища на приступъ и отдѣлилъ часть ихъ на подкрѣпленіе мюридамъ, занимавшимъ гребни высотъ и завалы вдоль спуска съ хребта.

Только въ случаѣ движенія Самурскаго отряда внизъ по Койсу, или Аварскаго изъ Хунзаха чрезъ Гоцатль на Мали, отрядъ г. Гурко еще могъ-бы отважиться на движеніе внизъ къ Гергебилю, но князь Аргутинскій, и на повторенную просьбу, очевидно не нашелъ возможнымъ дать удовлетворенія, а почему не тронулся на помощь подполковникъ Пассекъ изъ Аваріи нигдѣ никакихъ свѣдѣній нѣтъ.

4 и 5-го ноября Дагестанскій отрядъ простоялъ въ виду Гергебиля на Кутишинскомъ хребтѣ, въ ожиданіи Самурскаго отряда, но 5-го, передъ вечеромъ, генералъ Гурко получилъ рапортъ князя Аргутинскаго, доносившаго, что по случаю нахожденія главной части войскъ его отряда на Самурѣ, онъ не можетъ двинуться къ Гергебилю раньше шести дней, и то съ тремя весьма слабыми батальонами. Вмѣстѣ съ этимъ получено было достовѣрное свѣдѣніе объ измѣнѣ Акушинскаго Кадія, о возстаніи Мехтулы и волненіи Шахмальцевъ во кругъ Шуры.

При такихъ обстоятельствахъ, командующій войсками немогъ оставаться далѣе на спускѣ къ Гергебилю, и потому въ ночь на 6-е ноября отступилъ на Аймакинскія высоты. Взбун-

товавшіеся акушинцы настигли и атаковали арріергардъ отряда, но были разсѣяны картечью и бѣжали въ безпорядкѣ, унеся значительное число своихъ раненыхъ.

Акушинцы со времени ермоловскаго погрома, описаннаго мною въ прежнихъ главахъ, до 1843 года оставались намъ вѣрными; но теперь, увлеченные всеобщимъ коловоротомъ неслыханныхъ событій, они поколебались и вступили въ сношенія съ Шамилемъ еще за два дня до прибытія отряда г. Гурко на Кутишинскій хребетъ. Шамиль, по своему обыкновенію, задержалъ посланныхъ къ нему для переговоровъ сына Акушинскаго Кадія и дѣтей важнѣйшихъ лицъ Акуши, чѣмъ и принудилъ все еще колебавшійся народъ окончательно перейти на его сторону.

Съ Аймакинскихъ высотъ генералъ Гурко не рѣшился возвращаться въ Темиръ-Ханъ-Шуру прежнимъ путемъ, т. е. на Оглы и Дженгутай, по причинѣ волненія Мехтулинскаго Ханства, въ чемъ его убѣдили бывшіе при отрядѣ Мехтулинцы и Шамхальцы, которые въ нашихъ глазахъ переходили къ непріятелю.

На этомъ основаніи, отрядъ, 6-го ноября, выступилъ болѣе безопаснымъ путемъ чрезъ урочище Гаркасъ, преслѣдуемый на всемъ переходѣ жителями верхнихъ деревень Мехтулинскаго ханства. Къ вечеру войска прибыли на Гаркасъ, имѣя ранеными двухъ оберъ-офицеровъ и 6 нижнихъ чиновъ. На Гаркасѣ была сдѣлана дневка, необходимая какъ для отдыха войскъ, такъ и для отданія приказаній къ сосредоточенію разсѣянныхъ силъ сѣвернаго Дагестана.

8-го ноября утромъ, когда въ гарнизонѣ Гергибеля уже оставалось всего около 50 человѣкъ на ногахъ, мюриды опять бросились на штурмъ и пало наконецъ несчастное укрѣпленіе, посдѣ безпримѣрной, геройской защиты. Въ живыхъ осталось два раненыхъ офицера и 25 нижнихъ чиновъ. Маіоръ Шагановъ, старый офицеръ Кабардинскаго полка, въ которомъ онъ получилъ Георгіевскій крестъ, послѣ отставки вновь поступившій въ Тифлисскій егерскій полкъ, показалъ — что можетъ сдѣлать горсть русскихъ воиновъ, предводимая такимъ человѣкомъ. Десять сутокъ держались 350 человѣкъ противъ

12-ти тысячъ, отчаянно лезшихъ на приступъ горцевъ и неумолкаемо громившихъ жалкіе стѣнки изъ 5 орудій. Одинъ изъ оставшихся въ живыхъ офицеровъ былъ поручикъ Щедро, который впослѣдствіи вылѣчился и вышелъ изъ плѣна въ обмѣнъ на мюрида. Я зналъ его въ Тифлисѣ и много слышалъ отъ него подробностей о гергебильской катастрофѣ. Непріятель, по свѣдѣніямъ, потерялъ до тысячи человѣкъ.

Паденіе Гергебиля было сигналомъ къ возстанію Койсубулинскихъ ауловъ лежащихъ по правому берегу Аварскаго Койсу; въ числѣ ихъ были и араканцы, отличавшіеся десятилѣтнею преданностію намъ. Ихъ кадій Гассанъ-Хаджіоу, не имѣя возможности удержать подчиненныхъ ему жителей въ границахъ повиновенія, бѣжалъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, но на дорогѣ былъ убитъ жителями сосѣдняго аула Ирганая.

Эти происшествія ставили Аварскій отрядъ въ крайне опасное положеніе; по этому первою заботою командующаго войсками, по прибытіи на урочище Гаркасъ, было отдать приказаніе объ очищеніи Хунзаха и Балаканъ. Всѣ расчеты генерала Клугенау остались неоправдавшимися; удержаніе Аваріи неспасло Гергебиля, не удержало отъ измѣны не только койсубулинцевъ, но и акушинцевъ, цудахарцевъ и даже мехтулинскихъ и шамхальскихъ жителей.

8-го ноября было послано подполковнику Пассеку приказаніе отступить изъ Аваріи, присоединивъ къ себѣ батальонъ, бывшій въ Балаканахъ, и срывъ укрѣпленія.

Вмѣстѣ съ очищеніемъ Аваріи, приказано было вывести гарнизонъ изъ Гимры, такъ какъ онъ не могъ держаться безъ содѣйствія жителей; но бывшій тамъ съ ротой Апшеронскаго полка подпоручикъ Багирзадовъ, еще до полученія приказанія, заклепалъ пушку, затопилъ снаряды и лишній провіантъ и благоразумно отступилъ, сохранивъ жизнь своимъ 120 человѣкамъ солдатъ, которые, конечно, чрезъ нѣсколько дней погибли бы безполезно. Гарнизонъ Низоваго укрѣпленія, состоявшій изъ роты Грузинскаго линейнаго № 12 батальона и взвода 5 егерской роты Кабардинскаго полка (подъ прикрытіемъ котораго были посланы туда изъ Темиръ-Ханъ-Шуры червонарскій и конно-вьючный транспортъ) былъ усиленъ 4-ю

гренадерскою ротою Ширванскаго полка, отправленною туда 7-го ноября.

8-го ноября возвратился въ Темиръ-Ханъ-Шуру генералъ Гурко съ своимъ отрядомъ и съ гарнизонами Гаркаса и Большихъ Казанищъ, которыхъ уже нельзя было оставлять на жертву, такъ какъ шамхальцы не скрывали, что съ прибытіемъ Шамиля они не будутъ сопротивляться.

По случаю обнаруживавшихся волненій въ присулакскихъ селеніяхъ: Чиръ-юртѣ, Султанъ-Янгіюртѣ и Чонтъ-аулѣ, приказано было и ихъ очистить, и войска сосредоточить въ Казіюртѣ, какъ въ пунктѣ, обезпечивающемъ сообщеніе Темиръ-Ханъ-Шуры съ Кавказскою линіею. Охраненіе этого сообщенія было возложено на подполковника Евдокимова.

Послѣ этихъ распоряженій, войска въ сѣверномъ Дагестанѣ оказались въ слѣдующемъ расположеніи: Въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ всѣ остатки Апшеронскаго полка, батальонъ Тифлисскаго, $2\frac{1}{2}$ роты своднаго Кабардинскаго, три роты Навагинскаго, одна рота линейнаго батальона и мелкія команды отъ разныхъ частей, оставшіяся при тяжестяхъ, двѣ съ половиною сотни казаковъ и 10 орудій, кромѣ гарнизонныхъ; въ Евгеніевскомъ: одна рота линейнаго батальона и 4-я карабинерная Кабардинскаго полка, отъ коихъ команды занимали башни въ Чиркеѣ и Зубутѣ; въ Міатлахъ: рота Апшеронцевъ и $\frac{1}{2}$ роты линейнаго батальона; въ Казіюртѣ: 1-й батальонъ Кабардинцевъ, 2 роты Ширванцевъ, взводъ егерской роты Кабардинцевъ, рота женатыхъ линейн. № 12 бат., въ Хунзахѣ: батальонъ Ширванскаго, 3-й Кабардинскаго, одинъ Куринскій и двѣ роты линейнаго батальона, при 6 орудіяхъ; въ Балаканахъ: батальонъ Ширванцевъ съ 5-ю орудіями; въ Зырянахъ: рота Навагинцевъ, рота линейнаго батальона и въ Бурундукальской башнѣ 25 Апшеронцевъ.

Сообщеніе Темиръ-Ханъ-Шуры съ Тифлисомъ на Дербентъ было прервано по случаю возстанія акушинцевъ, успѣвшихъ уже захватить одну почту и казаковъ, находившихся на постахъ Буйнакскомъ, Карабудахкентскомъ и Гилинскомъ.

По овладѣніи Гергебильскимъ укрѣпленіемъ, Шамиль тотчасъ же направилъ конныя партіи мюридовъ, вмѣстѣ съ аку-

шинцами, на сообщеніе между Шурою и Дербентомъ. Акушинскія стада поступили подъ охрану мюридовъ и служили Шамилю, вмѣстѣ съ взятыми аманатами, залогомъ въ вѣрности. Это была обыкновенная политика Шамиля. Акушинцамъ трудно было ему измѣнить; при малѣйшей попыткѣ къ этому, они теряли стада, единственное свое богатство, а лучшіе и наиболѣе вліятельные изъ нихъ люди своихъ дѣтей.

Занявъ Гергебиль частью своей пѣхоты, Шамиль перешелъ въ Дженгутай, а акушинскаго кадія двинулъ къ Таркамъ. 11-го ноября Шамиль прибылъ въ большіе Казанищи. Шамхальцы приняли его торжественно, большинство надѣли чалмы—знакъ мюридизма—и на радости стрѣляли изъ ружей. Съ прибытіемъ Шамиля туда, сообщеніе Темиръ-Ханъ-Шуры было совершенно прервано; даже съ ближайшими къ ней деревнями. Шамиль увѣрялъ народъ, что русскихъ почти не существуетъ и что онъ непремѣнно проложитъ себѣ путь въ Мекку...

Занявъ позицію непосредственно противъ Дагестанскаго отряда, удалившагося въ Темиръ-Ханъ-Шуру; зная, что князь Аргутинскій не можетъ поспѣшить на выручку по случаю возстанія лежащихъ на его пути главныхъ обществъ средняго Дагестана—Акуши и Цудахара, и начавшихся волненій кругомъ Дербента, Шамиль принялъ всѣ мѣры, чтобы Аварскій отрядъ не могъ выйти на плоскость и для этого приказалъ Хаджи-Мурату, съ наибами гидатлинскимъ и карахскимъ, занять позицію для наблюденія за отрядомъ подполковника Пассека.

XXV.

Блокада Шамилемъ Темиръ-Ханъ-Шуры.—Нападенія горцевъ на укр. Низовое.—Геройская защита гарнизона и освобожденіе его генераломъ Фрейтагомъ.—Оставленіе Низоваго и отступленіе отряда въ Казіюртъ.—Положеніе Шуры и Аварскаго отряда.—Очищеніе Сулакской линіи.

Не рѣшаясь атаковать Темиръ-Ханъ-Шуру, гдѣ онъ могъ встрѣтить энергическое сопротивленіе, Шамиль, камъ мы видѣли, направилъ часть скопищъ на ея сообщеніе съ моремъ. Истребивъ въ Низовомъ укрѣпленіи источникъ всѣхъ жизненныхъ потребностей, онъ надѣялся взять Шуру голодомъ; генерала же Фрейтага Шамиль разсчитывалъ удержать сборами въ Чечнѣ, но сдѣлалъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, большую ошибку, притянувъ къ себѣ Шуаиба-муллу и тѣмъ развязавъ генералу Фрейтагу руки.

Во времена существованія кр. Бурной, въ Низовомъ укрѣпленін находились всѣ хозяйственныя заведенія гарнизона. Это мѣсто было обрыто канавой и обнесено незначительнымъ бруствером, безъ фланговой обороны. Съ упраздненіемъ Бурной, гарнизонъ ея былъ переведенъ на низъ, т. е. въ Низовое; для помѣщенія его устроили довольно обширный форштатъ, который также окопали рвомъ и оградили брустверомъ; мѣсто прежнихъ хозяйственныхъ заведеній назвали цитаделью.

И такъ укр. Низовое состояло изъ двухъ частей: собственно цитадели, гдѣ былъ складъ провіанта, и форштата для помѣщенія гарнизона. Въ форштатѣ, раскинутомъ у подошвы горы, не было возможности защищаться, а потому весь гарнизонъ, при первомъ появленіи непріятеля, перешелъ въ цитадель, брустверъ которой поспѣшили одѣть колючкой. Въ

укрѣпленіи было пять чугунныхъ орудій, изъ которыхъ три валялись безъ лафетовъ; но наши солдаты ухитрились помѣстить ихъ на треноги изъ чурбановъ и они кое-какъ дѣйствовали въ продолженіе осады.

Вотъ въ такомъ мѣстѣ было сложено около 10,000 четвертей муки и ему суждено было съ 346 человѣками гарнизона выдержать восьмидневную осаду противъ шеститысячной толпы!

Еще 8-го ноября непріятель показался на высотахъ близь Тарки, а въ ночь съ 9-го на 10-е истребилъ караулъ на Таркинскомъ рейдѣ (состоявшій изъ 15 человѣкъ), сжегъ провіантъ и все что было на берегу, уничтожилъ Таралинскую рыбную ватагу и разграбилъ только что выгруженный, прибывшій съ Нижегородской ярмарки купеческій транспортъ въ 200 повозокъ, цѣною, какъ увѣряли, до милліона рублей, принадлежавшій дербентскимъ и кубинскимъ купцамъ *). При этомъ принимали дѣятельное участіе жители Тарки, измѣна которыхъ воспрепятствовала отправить транспортъ съ провіантомъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Штабсъ-капитаны Ширванскаго полка Бибановъ и Куринскаго Болотниковъ, которымъ общій совѣтъ офицеровъ поручилъ защиту укрѣпленія, начали изыскивать средства выдержать продолжительную осаду и убѣдившись, что они не въ силахъ защищать все укрѣпленіе, рѣшились оставить форштатъ и запереться въ цитадели.

10-го ноября непріятель въ значительныхъ силахъ обложилъ укрѣпленіе, однако не рѣшился штурмовать и ограничивался одною ружейною пальбою, непричинившею гарнизону никакого вреда.

11-го ноября акушинскій кадій прислалъ человѣка съ предложеніемъ о сдачѣ, которому вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ высмотрѣть силы гарнизона и принятыя средства къ оборонѣ.

---

*) Въ это время Шамиль писалъ свои воззванія уже не въ такомъ смиренномъ тонѣ, какъ приведенный выше образчикъ. Узнавъ о захватѣ товаровъ, онъ послалъ въ Кубинскую провинцію воззваніе, начинавшееся такъ: «Отъ господина праведныхъ, рубящаго шеи невѣрныхъ, мощнаго и побѣдоноснаго Шамиля, всѣмъ жителямъ Кубы» и т. д. Обѣщалъ возвратить всѣ товары, если присоединятся къ мюридизму и измѣнятъ власти гяуровъ.

Штабсъ-капитанъ Бибановъ посадилъ посланнаго подъ арестъ, вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ передовымъ постамъ зажечь форштатъ и отступить какъ можно поспѣшнѣе.

Пламя объяснило атаковавшимъ намѣреніе гарнизона; они бросились толпами искать добычи на форштатѣ и, подстрекаемые жадностію, подбѣгали къ самому рву цитадели, за что многіе изъ нихъ поплатились жизнію.

За часъ до разсвѣта стрѣльба изъ ружей умолкла и только отдаленный крикъ мюридовъ показывалъ, что они дѣлятъ богатую добычу; имъ достались въ руки весь скотъ и всѣ лошади, находившіяся внѣ цитадели.

12-го, на разсвѣтѣ, непріятель сталъ сходиться на форштатѣ и устраивать тамъ завалы и батареи; въ этихъ работахъ прошли весь день и вся послѣдующая ночь.

13-го, передъ вечеромъ, мюриды, пользуясь сильнымъ сѣвернымъ вѣтромъ, зажгли колючку, окружающую форштатъ и связывавшуюся съ колючкою бруствера цитадели. Порывы вѣтра разносили огонь по разнымъ направленіямъ и густой дымъ объялъ половину цитадели, которая, имѣя узкій и не глубокій ровъ, легко бы была взята непріятелемъ, еслибъ лишилась своей главной обороны — колючки. Поэтому Бибановъ послалъ 10 человѣкъ охотниковъ, которые спустившись въ ровъ, перерубили колючку шагахъ въ 15 отъ цитадели, выбросили ее за контръ-эскарпъ, а вырубленное мѣсто залили водою.

Непріятель, замѣтивъ, что огонь уже приближался къ укрѣпленію и полагая гарнизонъ его занятымъ тушеніемъ пожара, бросился въ большихъ массахъ на приступъ съ четырехъ сторонъ; но былъ отбитъ на всѣхъ фасахъ съ значительнымъ урономъ.

Съ 13-го по 19-е ноября огонь не умолкалъ ни съ той ни съ другой стороны. Чтобы нѣсколько прикрыть себя отъ выстрѣловъ, гарнизонъ обложилъ крону бруствера провіантскими кулями въ два ряда. Съ своей стороны непріятель дѣлалъ апроши изъ дровъ и пробивъ амбразуру въ оставленной на форштатѣ церкви, отстоящей отъ рва цитадели на 30 саженъ, ввезъ туда орудіе, а другое расположилъ не далеко

отъ этого мѣста. При этой осадѣ непріятель, съ обыкновенною своею находчивостію, пользовался имѣющимися подъ руками средствами, устроилъ мантелеты, подъ прикрытіемъ которыхъ стрѣлки подползали на самое близкое разстояніе къ укрѣпленію, а часть параллелей, или нѣчто въ родѣ этого, была составлена изъ русскихъ телегъ, найденныхъ въ форштатѣ.

17-го ноября акушинцы и шамхальцы, подкрѣпленные тысячью мюридовъ, вмѣсто обычнаго своего гика, съ крикомъ ура! бросились на штурмъ; но вновь были отбиты съ большою потерею.

Въ ночь съ 18-го на 19-е ноября непріятель подвелъ свои апроши шаговъ на десять отъ рва и укрѣпленія, которое вѣроятно въ скоромъ времени взлѣтѣло бы на воздухъ, потому что гарнизонъ рѣшился умереть, взорвавъ пороховой погребъ, но не сдаться.

Въ продолженіе восьми дней гарнизонъ ни на одну минуту не терялъ бодрости; не только воинскіе чины, но все что было въ укрѣпленіи принимало участіе въ оборонѣ. Солдаты ни днемъ, ни ночью не отходили отъ валовъ; 108 человѣкъ молоканъ *) также стояли въ рядахъ солдатъ, держа на готовѣ цѣпы, чтобы *молотить* ими горцевъ, еслибы они добрались до укрѣпленія; дѣти дѣлали патроны, женщины перевязывали и смотрѣли за ранеными. Въ послѣдніе дни осады, жены офицеровъ, опасаясь, чтобы укрѣпленіе не пало во время одного изъ приступовъ, почти всѣ отправлялись при каждомъ приступѣ въ пороховой погребъ, гдѣ ожидали окончанія рукопашнаго боя и, въ случаѣ успѣха непріятеля, хотѣли первые взорвать укрѣпленіе. Утомленіе людей достигло наконецъ такой степени, что сами солдаты уже просили взорвать и кончить безнадежную борьбу... Бибановъ и Болотниковъ не

---

*) Незадолго предъ тѣмъ изъ Астрахани моремъ прибыли нѣсколько десятковъ семействъ Тамбовскихъ молоканъ, слѣдовавшихъ на поселеніе въ Закавказскій край, которыхъ изъ Низоваго должны были подъ прикрытіемъ доставить въ Дербентъ, но вслѣдствіе возмущенія въ краѣ задержали. Такимъ образомъ они невольно попали въ число защитниковъ укрѣпленія.

теряли присутствія духа и бодрости, особенно первый поддерживалъ весь гарнизонъ своимъ примѣромъ.

Но провидѣнію угодно было спасти эту горсть защитниковъ Низоваго, гдѣ мужество и самоотверженіе сдѣлались поровну достояніемъ мущинъ и женщинъ. 19-го числа, въ два часа по полудни, раздались пушечные выстрѣлы со стороны Озенскаго поста,—то былъ славной памяти Робертъ Карловичъ Фрейтагъ, спѣшившій съ Кумыкской плоскости на помощь сѣверному Дагестану.

Генералъ Фрейтагъ, узнавъ о сборѣ чеченцевъ, выступилъ изъ Куринскаго укрѣпленія, гдѣ производились усиленныя работы для прикрытія нижнихъ Кумыкскихъ деревень. Получивъ вслѣдъ затѣмъ свѣдѣніе объ уходѣ Шуаибъ-муллы въ Дагестанъ, гдѣ Шамиль обложилъ Темиръ-Ханъ-Шуру, и находясь недалеко отъ Сулака, Фрейтагъ двинулся въ Султанъ-Янгіюртъ, куда и прибылъ 16-го ноября съ двумя батальонами Куринскаго полка, своднымъ батальономъ, составленнымъ изъ ротъ Навагинскаго и Кабардинскаго полковъ, восьмью сотнями линейныхъ казаковъ и 11 орудіями. Въ Султанъ-Янгіюртѣ присоединился къ нему подполковникъ Евдокимовъ, съ 1-мъ батальономъ Кабардинскаго полка, 5-ю сотнями казаковъ и 4-мя орудіями, такъ что составился отрядъ изъ $4^1/_2$ батальоновъ, 1,400 казаковъ и 16 орудій.

Не допуская предположенія, чтобы Шамиль отважился штурмовать Темиръ-Ханъ-Шуру, а вмѣстѣ съ тѣмъ, опасаясь за Кумыкскія владѣнія, которыя, за отсутствіемъ войскъ, могла взволновать какая нибудь сотня мюридовъ, генералъ-маіоръ Фрейтагъ счелъ невозможнымъ удалиться на долгое время со всѣми силами отъ Сулака. Но получивъ наконецъ 18-го числа свѣдѣніе, что атакованное Низовое укрѣпленіе еще защищается, онъ, оставивъ 2 батальона и 10 орудій подъ начальствомъ полковника Козловскаго въ Султанъ-Янгіюртѣ, для прикрытія Кумыкской плоскости, съ остальными войсками, направился 18-го же ноября къ Озенскому посту. По прибытіи на этотъ постъ, гдѣ отрядъ успѣлъ захватить 1,300 штукъ рогатаго скота, принадлежавшаго возставшимъ шамхальцамъ, была услышана сильная канонада со стороны Низоваго укрѣпленія.

Было очевидно, что гарнизонъ еще сопротивлялся и потому генералъ Фрейтагъ поспѣшилъ къ нему на помощь.

Подходя 19-го числа къ высотѣ, на которой нѣкогда былъ расположенъ лагерь Петра Великаго, генералъ Фрейтагъ послалъ впередъ часть казаковъ для занятія ея.

Выдвинувъ всю кавалерію на гору, генералъ Фрейтагъ сдѣлалъ три сигнальныхъ выстрѣла, чтобы дать знать гарнизону о приближеніи помощи. Вскорѣ послѣ того, непріятель огромными толпами обратился на отрядъ. Когда вся подгорная дорога покрылась горцами, было сдѣлано еще нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій; въ это же время подошла наша пѣхота.

Горцы, видя предъ собою пока лишь одну небольшую кучку казаковъ, начали къ ней приближаться, а та, по данному приказанію, стала медленно отступать, выманивъ непріятеля изъ его позиціи. Тогда была пущена въ атаку вся наша кавалерія съ 3-мя конными орудіями. Атака была произведена неожиданно и съ такою стремительностію, что ошеломленная толпа горцевъ обратилась въ бѣгство.

Въ одну минуту на равнинѣ не осталось ни одного человѣка, кромѣ 70 изрубленныхъ труповъ и трехъ отнятыхъ значковъ. Непріятель бѣжалъ въ большомъ безпорядкѣ, нигдѣ не останавливаясь, и бѣжалъ цѣлую ночь. Трудно повѣрить, чтобы такой полный успѣхъ могъ быть пріобрѣтенъ съ такою ничтожною потерею съ нашей стороны: всего 6 человѣкъ раненыхъ и изъ нихъ одинъ оберъ-офицеръ! На Кавказѣ, впрочемъ, нерѣдко такъ бывало: побѣды обходились намъ такъ дешево, что постоянно возбуждали сомнѣніе въ незнающихъ мѣстныхъ условій людяхъ. Все зависѣло отъ мѣстности и первой минуты боя, когда горцы часто впадали въ панику.

Осмотрѣвъ укрѣпленіе Низовое, генералъ Фрейтагъ былъ изумленъ мужественною защитою гарнизона и съ трудомъ отдавалъ себѣ отчетъ, какимъ образомъ люди могли удерживаться въ подобномъ укрѣпленіи и упорно сопротивляться несравненно многочисленнѣйшему непріятелю въ продолженіе 8 дней. Нужно однако замѣтить, что здѣсь атакующіе состояли исключительно изъ акушинцевъ, части цудахарцевъ и шамхальцевъ, людей вообще менѣе воинственныхъ, чѣмъ

чеченцы или населеніе Гумбета, Салатавіи и проч. и, что, еще важнѣе, съ ними не было ни самаго Шамиля, никого либо изъ его главныхъ наибовъ, умѣвшихъ внушать страхъ толпамъ и не стѣснявшихся убивать трусовъ, даже стрѣляя въ тылъ своимъ штурмующимъ изъ пушекъ... Атакою Низоваго распоряжался измѣнникъ, акушинскій кадій, менѣе опытный и не внушавшій ни кому особаго страха. Этому обстоятельству слѣдуетъ приписать счастливый исходъ съ незначительною потерею нашего гарнизона, хотя, безъ сомнѣнія, Бибановъ и Болотниковъ точно также держались бы и противъ шамилевскихъ скопищъ.

Генералу Фрейтагу, послѣ выручки гарнизона, оставалось разрѣшить вопросъ, что дѣлать съ укрѣпленіемъ.

Предоставить дальнѣйшую защиту его тому же гарнизону генералъ Фрейтагъ счелъ невозможнымъ; усилить его, значитъ увеличить число жертвъ, которыя должны были бы тамъ неминуемо погибнуть; расположиться близъ Низоваго укрѣпленія лагеремъ со всѣмъ отрядомъ, онъ счелъ также невозможнымъ, потому что чрезъ это открылъ бы совершенно Кумыкскія владѣнія и Кизляръ, гдѣ вся сила наша заключалась въ 2-хъ баталіонахъ полковника Козловскаго. Эти соображенія заставили его очистить Низовое укрѣпленіе, сжечь находившійся въ немъ провіантъ и заклепать всѣ орудія. Порохъ же и снаряды перевезти въ Казіюртъ. Когда все это было сдѣлано, генералъ Фрейтагъ передалъ на находившееся на рейдѣ частное судно всѣхъ молаканъ, семейства офицеровъ и нижнихъ чиновъ съ ихъ имуществомъ, съ тѣмъ чтобы за условленную плату они были доставлены въ Дербентъ или Баку, а самъ, присоединивъ остатокъ гарнизона, выступилъ на Сулакъ въ Казіюртъ, куда и прибылъ 21-го ноября.

Въ Низовомъ потеря заключалась въ одномъ офицерѣ и 33 рядовыхъ убитыхъ, 4 офицера (изъ нихъ одинъ отставной, попавшій сюда въ ожиданіи оказіи для слѣдованія на линію) и 58 нижнихъ чиновъ, 4 черводара и 5 женщинъ раненыхъ. Императоръ Николай оцѣнилъ подвигъ гарнизона и щедро наградилъ его: Бибановъ и Болотниковъ получили Георгіевскіе кресты и по два чина въ одномъ приказѣ; всѣ прочіе

офицеры слѣдующіе чины, кромѣ наградъ, къ коимъ были въ послѣдствіи представлены; всѣмъ нижнимъ чинамъ по 3 руб., а раненымъ женщинамъ по 50 руб.

Въ Казіюртѣ генералъ Фрейтагъ имѣлъ намѣреніе дать однодневный отдыхъ войскамъ, а потомъ отправиться въ Амиръ-Аджиюртъ, чтобы выждать тамъ прибытія маршевыхъ баталіоновъ резервной дивизіи и другихъ подкрѣпленій, и тогда съ болѣе сильнымъ отрядомъ, достаточнымъ для пріобрѣтенія положительныхъ результатовъ, двинуться въ Темиръ-Ханъ-Шуру, на соединеніе съ Дагестанскимъ отрядомъ.

Войска уже готовились къ выступленію изъ Казіюрта, какъ получено донесеніе полковника Козловскаго, что въ Міатлахъ *) слышны частые пушечные выстрѣлы, заставили Фрейтага немедленно направить къ Міатламъ всю кавалерію и два батальона пѣхоты. Между тѣмъ Козловскій, 22-го ноября, подходя къ Міатинскому блокгаузу, открылъ толпы непріятельскія, окружавшія это укрѣпленіе со всѣхъ сторонъ.

Не теряя времени, онъ устроидъ свои шесть ротъ въ боевой порядокъ и атаковалъ мюридовъ съ фронта, а воинскій начальникъ осажденнаго укрѣпленія, замѣтивъ въ рядахъ горцевъ разстройство, напалъ на нихъ съ тыла. Атака эта увѣнчалась успѣхомъ, горцы разсѣялись по оврагамъ и были преслѣдованы 3 версты вверхъ по Сулаку.

Тогда, осмотрѣвъ укрѣпленіе, заключавшееся въ плохой деревянной башнѣ, полковникъ Козловскій нашелъ, что оно, будучи предоставлено собственной защитѣ, не въ состояніи долго держаться противъ непріятеля и потому приказалъ его зажечь, забрать что возможно и присоединивъ гарнизонъ, (роту Апшеронскаго полка) отступилъ, безуспѣшно преслѣдуемый вновь собравшимися горцами.

Съ очищеніемъ Сулакской линіи, Низоваго укрѣпленія и Міатлинскаго блокгауза, на плоскости оставались только три укрѣпленія: Казіюртъ, Евгеніевское и Темиръ-Ханъ-Шура.

---

*) Полковникъ Козловскій самъ двинулся въ Міатлы съ 6-ю ротами, при 5 орудіяхъ, а въ Султанъ-Янгіюртѣ были имъ оставлены для прикрытія тяжестей двѣ роты.

Неожиданные успѣхи непріятеля, дерзость и настойчивость его въ дѣйствіяхъ заставляли опасаться за самую Темиръ-Ханъ-Шуру, съ паденіемъ которой окончательно уничтожилось бы наше владычество въ Дагестанѣ. Обстоятельства эти побудили генералъ-лейтенанта Гурко, тотчасъ же по возвращеніи туда съ урочища Гаркаса, озаботиться приведеніемъ ея въ лучшее оборонительное положеніе. Велѣно было немедленно углубить ровъ, исправить батарею и брустверъ, употребляя для этого матеріалъ, заготовленный для штабъ-квартиры Апшеронскаго полка, или для Темиръ-Ханъ-Шуринскаго госпиталя. Сосредоточенныя въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ войска были распредѣлены по фасамъ укрѣпленія и расположились на бивуакахъ. Сверхъ того, казеннымъ деньщикамъ, госпитальной прислугѣ, больнымъ, состоявшимъ на первой порціи, и прочимъ частнымъ лицамъ были розданы ружья отъ Апшеронскаго полка. По повѣркѣ оказалось способныхъ защищаться за стѣнами укрѣпленія 4,000, а способныхъ дѣйствовать въ открытомъ полѣ только 2,500 человѣкъ.

Болѣе всего тревожила г. Гурко неизвѣстность о положеніи Аварскаго отряда. Наконецъ 14-го ноября получилось донесеніе отъ подполковника Пассека, въ которомъ онъ говорилъ, что хотя ему и было доставлено лазутчиками предписаніе отъ 8-го ноября очистить Хунзахъ, но какъ селенія Танусъ и Ирганай были уже заняты непріятелемъ, то и невозможно было исполнить приказанія и отрядъ по необходимости долженъ былъ оставаться для защиты ввѣреннаго ему поста.

Кромѣ мѣстныхъ препятствій и непріятеля, занявшаго два пункта на сообщеніяхъ Аварскаго отряда съ Темиръ-Ханъ-Шурою, подполковникъ Пассекъ не находилъ возможности очистить Хунзахъ и по слѣдующей причинѣ: еще 7-го ноября, получивъ увѣдомленіе о взятіи Гергебиля и измѣнѣ Акуши, Цудахара и Мехтулы, отрядъ готовился ночью удалиться изъ Аваріи; но едва только приступили къ предварительнымъ по этому приготовленіямъ, какъ весь аулъ былъ на ногахъ и жители готовились приняться за ножи не отъ измѣны, но за оставленіе ихъ на произволъ судьбы.

Чтобъ облегчить выходъ войскамъ изъ Хунзаха, генералъ

Гурко признавалъ необходимымъ двинуться на встрѣчу къ нимъ въ Ирганай; но съ 2,500 человѣкъ, и имѣя противъ себя почти все народонаселеніе сѣвернаго и средняго Дагестана, онъ не могъ подать помощи Аварскому отряду не рискуя подвергнуть явной опасности самой Темиръ-Ханъ-Шуры.

Дѣйствительно Темиръ-Ханъ-Шура была доступна съ трехъ сторонъ; линія огня ея простиралась на 3¼ версты, а укрѣпленія были весьма слабы; между тѣмъ въ ней находилось значительное количество провіанта и всякаго рода запасовъ, сверхъ 1,000 больныхъ и до 1000 человѣкъ христіанскаго населенія, принадлежавшаго преимущественно къ торговому и ремесленному сословіямъ. Непріятель окружилъ ее со всѣхъ сторонъ, и, повидимому, только ждалъ ухода отряда, чтобъ атаковать ее.

Въ такихъ обстоятельствахъ, командующій войсками, разсчитывая, что только присоединеніе Аварскаго отряда дастъ ему возможность перейти къ рѣшительнымъ наступательнымъ дѣйствіямъ, послалъ вторично предписаніе подполковнику Пассеку поспѣшить очищеніемъ Аваріи, тѣмъ болѣе, что прибытіе Хаджи-Мурата въ Шамхальство дозволяло Аварскому отряду безъ труда миновать Арактау и Балаканское ущелье.

Обо всемъ этомъ генералъ Гурко, 15-го ноября, послалъ чрезъ лазутчика генералу Нейдгарту на почтовомъ листкѣ по нѣмецки донесеніе, прибавивъ, что надѣется удержаться въ Шурѣ до прибытія Фрейтага, если тотъ успѣетъ къ 10 декабря, но дальше положеніе его стало бы уже критическимъ. Это донесеніе въ подлинникѣ было представлено въ С.-Петербургъ и покойный Государь написалъ на немъ: «дай Боже».

Между тѣмъ непріятель расположился по окрестнымъ селеніямъ Шуры, главныя силы и самъ Шамиль, по прежнему, оставались въ Большихъ Казанищахъ; отдѣльныя партіи занимали Малыя Казанищи, Буглень, Мусселимъ-аулъ, Кафыръ-Кумыкъ и другіе; 12 ноября въ Бол. Казанищы были доставлены 5 орудій, 14-го числа прибылъ туда Шуаибъ-мулла съ конными чеченцами и тѣмъ далъ возможность, какъ мы видѣли, генералу Фрейтагу спасти Низовое. Силы Шамиля постепенно возрастали и онъ былъ властелиномъ всѣхъ обществъ, составляющихъ сѣверный и нагорный Дагестанъ, исключая

Чиркея и Зубута, а потому Шамиль, тотчасъ же по прибытіи въ Казанищи, обратилъ вниманіе на эти аулы и старался привлечь ихъ на свою сторону. Старанія его достигли своей цѣли.

Еще 11-го ноября получено свѣдѣніе въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ о волненіи чиркеевцевъ и зубутовцевъ. Для уменьшенія числа жертвъ, немедленно было предписано воинскому начальнику Евгеніевскаго укрѣпленія, полковнику Блажіевскому, вывести гарнизоны изъ зубутовскихъ башенъ и чиркеевскаго замка, которымъ вода доставлялась жителями, а равно очистить всѣ башни, устроенныя выше Чиркея по Сулаку.

Полковникъ Блажіевскій, вмѣстѣ съ этимъ предписаніемъ, получилъ и извѣстіе о возстаніи зубутовцевъ. Вслѣдствіе этого, онъ 12-го же ноября отправилъ маіора Быкова, съ командою въ 70 человѣкъ, снять гарнизоны съ зубутовскихъ башенъ и перевезти оттуда въ Евгеніевское укрѣпленіе орудія, крѣпостныя ружья и запасы. Но распоряженіе это немогло быть исполнено: маіоръ Быковъ, достигнувъ мостовой башни, построенной на правомъ берегу Сулака, имѣлъ намѣреніе войти въ селеніе, какъ зубутовцы встрѣтили его частымъ огнемъ. Видя полное возстаніе жителей, Быковъ рѣшился отступить, взявъ съ собою гарнизонъ мостовой башни и находившіеся въ ней 10-ти фунтовую мортирку, крѣпостное ружье, заряды и патроны. При обратномъ движеніи, по чрезвычайно трудному подъему, онъ былъ сильно преслѣдуемъ жителями и замѣтивъ, что они старались отрѣзать ему отступленіе, рѣшился бросить орудіе и всѣ тяжести, замедлявшія слѣдованіе команды, и возвратился въ Евгеніевское укрѣпленіе, съ потерею 8 убитыхъ и 7 раненыхъ. Гарнизоны же остальныхъ двухъ Зубутовскихъ башенъ, построенныхъ на лѣвомъ берегу Сулака, послѣ двухдневнаго сопротивленія, были взяты жителями въ плѣнъ. Во власти зубутовцевъ остались: 27 нижнихъ чиновъ, при 1 оберъ-офицерѣ, 3-хъ фунтовый единорогъ, 10-ти фунтовая мортирка и четыре крѣпостныхъ ружья.

Какъ только получилось въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ извѣстіе объ открытомъ возстаніи чиркеевцевъ, тотчасъ же было предписано полковнику Блажіевскому бомбардировать аулъ. Вмѣ-

стѣ съ тѣмъ отправили къ чиркеевцамъ письмо, въ которомъ имъ напоминалось объ ожидающей ихъ участи по усиленіи нашихъ войскъ; но на это письмо они отвѣчали дерзко и съ угрозами.

Послѣ явной измѣны Чиркея и Зубута, въ рукахъ Шамиля сосредоточился весь сѣверный Дагестанъ. То была минута, въ которую власть его достигла своего апогея, потому что небыло ни одной деревни, которая не изъявляла бы ему своей покорности и не раболѣпствовала бы передъ нимъ. Теперь онъ легко могъ выставить болѣе 30,000 вооруженныхъ человѣкъ; однакожъ, не смотря на эти огромныя средства, которыхъ не имѣлъ до него ни одинъ изъ владыкъ Дагестана, онъ не рѣшался штурмовать Темиръ-Ханъ-Шуру, сознавая всю трудность подобнаго предпріятія. Такимъ образомъ, цѣлый мѣсяцъ прошелъ въ тягостномъ бездѣйствіи, или мелкихъ сшибкахъ нашихъ командъ съ шамилевскими наибами, въ ближайшей окрестности Темиръ-Ханъ-Шуры. Энергія имама какъ будто ослабѣла.

XXVIII.

Отступленіе Аварскаго отряда изъ Хунзаха. — Мѣры Шамиля къ его задержанію.—Подробности отступленія и сидѣніе въ Зырянахъ.—Прибытіе на выручку отряда генерала Гурко и соединеніе съ нимъ.

16-го ноября выступилъ Аварскій отрядъ изъ Хунзаха. Узнавъ о его движеніи на плоскость, Шамиль тотчасъ же отрядилъ скопище Хаджи-Мурата для занятія Ирганая и проходовъ по Койсубулинскому хребту. 17-го ноября Хаджи-Муратъ окружилъ Бурундукъ-Кальскую башню, которая и сдалась безъ выстрѣла.

Вслѣдъ затѣмъ, Хаджи-Муратъ раскидалъ устроенную отрядомъ генерала Фези дорожную насыпь и тѣмъ отнялъ всякую возможность у подполковника Пассека выйти на плоскость, а самъ отправился въ Ирганай, куда по его призыву спѣшили жители сильныхъ богатыхъ ауловъ: Эрпели, Ишкарты и Караная, составлявшихъ всегда какъ бы передовой оплотъ шамхальства противъ горцевъ.

16-го и 17-го ноября въ Муселимъ-аулъ, по приказанію Шамиля, свозили хворостъ; произведенная туда 18-го числа изъ Шуры рекогносцировка убѣдила въ дѣйствительности этого свѣдѣнія. Непріятель плелъ туры и вязалъ фашины, а это заставляло предполагать, что онъ намѣревался въ скорости приступить къ правильной осадѣ. 17-го числа наши конные пикеты, расположенные въ сторонѣ Кафыръ-Кумыка, были атакованы непріятельскою конницею. По тревогѣ выѣхали изъ Темиръ-Ханъ-Шуры казаки и Шамхалъ съ нукерами; послѣ 3-хъ часовой перестрѣлки, они успѣли оттѣснить мюридовъ.

Чтобы еще болѣе обезпечить Темиръ-Ханъ-Шуру, въ слу-

чаѣ попытки непріятеля дѣйствовать открытою силою, приступлено было къ обнесенію ея съ трехъ сторонъ волчьими ямами. Въ тоже время брустверъ продолжали исправлять и одѣвали его колючкою, а ближайшія къ нему строенія были разобраны, и такимъ образомъ образовались плацдармы; внутри укрѣпленія, въ разныхъ мѣстахъ, устраивались редуты, преимущественно изъ обывательскихъ строеній. Гарнизонъ, не смотря на холодное время, продолжалъ бивакировать и несъ тягостную службу свою съ рѣдкимъ усердіемъ. Генералъ Гурко впослѣдствіи писалъ, что не находитъ словъ для восхваленія доблести войскъ, бывшихъ съ нимъ въ Шурѣ. Они вынесли за это время лишенія, превосходящія все что можно себѣ представить; при морозахъ отъ 10 до 15° они бивакировали на улицахъ, въ плохихъ палаткахъ, не имѣя на себѣ ничего кромѣ дрянныхъ шинелей и изодранной обуви, на скудной пищѣ, при работахъ, караулахъ, ночныхъ постахъ, безъ отдыха!..

Тѣмъ временемъ Шамиль, придерживаясь своей системы, занимался переселеніемъ жителей съ плоскости въ надгорные аулы, ближе подъ свой надзоръ, и многія деревни шамхальства распорядился сжечь. Онъ, не взирая на всѣ свои успѣхи, все же понималъ, что на плоскости долго хозяйничать ему не придется и этимъ уничтоженіемъ здѣсь осѣдлости онъ наносилъ намъ вредъ, лишая насъ мѣстныхъ способовъ къ будущимъ дѣйствіямъ, и усиливая себя въ тоже время числомъ способныхъ носить оружіе.

Все имущество шамхала Тарковскаго, генералъ-маіора Абу-Муселимъ-хана, захваченное имъ въ Казаницахъ, болѣе чѣмъ на 300 вьюкахъ, было отправлено въ Дарго, а шамхаломъ назначенъ братъ Абу-Муселима Магометъ-Бекъ, почти глухо-нѣмой. Это Шамиль дѣлалъ съ тѣмъ, чтобы показать народу, что онъ уважаетъ законную власть; въ сущности же въ шамхалы былъ избранъ человѣкъ, по бездарности своей не могшій быть опаснымъ намѣреніямъ хитраго имама.

Общее бездѣйствіе непріятеля на плоскости и полученное чрезъ лазутчиковъ извѣстіе о спасеніи Низоваго, произвело благопріятное впечатлѣніе на наши войска; онѣ ободрились и

съ большею надеждою стали ожидать счастливаго исхода обстоятельствъ. Шамиль, полагавшій довести заключенныя въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ войска до крайности, ошибся въ разсчетѣ: не смотря на бивуачную жизнь, несмотря на 15° морозы, не смотря на всѣ лишенія и труды, войска съ каждымъ днемъ дѣлались болѣе бодрыми и увѣренными въ своихъ силахъ. Сообщаемымъ имъ шамхальцами свѣдѣніямъ о намѣреніи Шамиля штурмовать Темиръ-Ханъ-Шуру наконецъ не давали вѣры, особенно когда всѣ работы по усиленію обороны укрѣпленія были окончены и слѣдовательно представлялась возможность оказать еще большее сопротивленіе...

Сколько бездѣйствіе Шамиля имѣло благопріятное вліяніе на наши войска, столько же оно раздражало мюридовъ: они явно обнаруживали противъ него неудовольствіе, за то, что онъ, удерживая ихъ такъ долго въ сборѣ, не предпринималъ никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій. Шамхальцы громко роптали на притѣсненія мюридовъ, которые, разоривъ ихъ въ конецъ, истребивъ у нихъ всѣ продовольственные запасы, не дѣлали ничего для освобожденія ихъ отъ власти русскихъ. Дабы успокоить недовольныхъ, Шамиль обѣщалъ атаковать Темиръ-Ханъ-Шуру, и чтобы убѣдить ихъ въ дѣйствительности своего намѣренія, безпрерывно понуждалъ рабочихъ спѣшить заготовленіемъ осадныхъ матеріаловъ.

Обратимся теперь къ судьбѣ Аварскаго отряда, достопамятное отступленіе котораго изъ Хунзаха началось почти одновременно съ началомъ блокады Темиръ-Ханъ-Шуры.

Подполковникъ Пассекъ рѣшился выступить изъ Хунзаха только 16-го ноября, когда узналъ навѣрное, что Темиръ-Ханъ-Шура находится въ блокадѣ и, слѣдовательно, не только его отрядъ, но Балаканскій и Зырянскій гарнизоны не могли разсчитывать на помощь.

Въ предвидѣніи отступленія, подполковникъ Пассекъ сдѣлалъ всѣ приготовленія къ этому заблаговременно и потому, когда 15-го ноября онъ получилъ вторичное предписаніе генералъ-маіора Клюки-фонъ-Клугенау оставить Хунзахъ и выступить въ Темиръ-Ханъ-Шуру, впродолженія десяти часовъ кончилъ всѣ сборы. Необходимость уничтожить запасы, ру-

бить лафеты, заклепывать орудія и кидать въ кручу, оставлять укрѣпленіе и селеніе, добровольно принявшее насъ и остававшееся всегда вѣрнымъ, невольно возбудило самое прискорбное чувство и скорбь эта увеличивалась плачемъ мужчинъ и женщинъ, которые прощались съ русскими войсками — ихъ охранителями.

Въ 5 часовъ пополудни, 16-го ноября, отрядъ оставилъ Хунзахъ безъ выстрѣла; прошелъ мостикъ близь водопада, и тогда только хунзахцы, для своего оправданія предъ Шамилемъ, начали преслѣдовать сперва слабо, а потомъ, когда у Танускаго подъема усилили ихъ партіи изъ Сіуха, довольно рѣшительно.

Войска двигались одною колонною въ слѣдующемъ порядкѣ: въ головѣ шли батальонъ Куринскаго и 3-й батальонъ Кабардинскаго полковъ, съ 4-мя горными единорогами, имѣя впереди себя всѣхъ казаковъ; за ними всѣ тяжести, раненые, больные, семейства хунзахцевъ, не рѣшившихся остаться въ Аваріи, и вьюки, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ линейнаго батальона; колонну эту прикрывалъ со стороны непріятеля батальонъ Ширванскаго полка съ 2-мя горными единорогами.

Достигнувъ Танускаго подъема, 3-й батальонъ Кабардинскаго полка, съ 2-мя горными единорогами, расположился на позиціи, пропустилъ всю колонну, прикрывая движеніе со стороны Сіуха, и потомъ составилъ арріергардъ отряда, а батальонъ Ширванцевъ долженъ былъ его поддерживать.

Непріятель, произведя убійственный огонь, нѣсколько разъ бросался въ шашки, но «храбрые Кабардинцы» опрокидывали его штыками *). Между тѣмъ Ширванцы, остановясь на хребтѣ Танусъ-Балъ, приняли на себя Кабардинцевъ и, пропустивъ ихъ, открыли сильный огонь съ высотъ прилежащихъ

---

*) Весь разсказъ объ отступленіи изъ Хунзаха взятъ изъ рапорта Пассека, отъ 11-го января 1844 года. Ясно, полно и краснорѣчиво описано все въ этой бумагѣ, служившей доказательствомъ таланта покойнаго и какъ солдата, и какъ генерала, и какъ военнаго писателя. Императоръ Николай, получивъ этотъ рапортъ, приказалъ прочитать его во всѣхъ воен.-учебныхъ заведеніяхъ.

къ дорогѣ; непріятель тотчасъ ослабилъ преслѣдованіе и отступленіе продолжалось безъ боя.

Въ это время взорвало хунзахскій паркъ и бѣлый столбъ свѣта освѣтилъ Хунзахъ; взрывъ слѣдовалъ за взрывомъ, безпрерывно лопались гранаты, какъ будто началась сильная канонада, и наконецъ зарево пожара разлилось надъ ауломъ. По словамъ перебѣжчиковъ, взрывъ парка разрушилъ казармы, комендантскій домъ, часть крѣпостной стѣны, и полуразрушенныя зданія охватилъ пожаръ; при этомъ погибло много мюридовъ, пріѣхавшихъ изъ Гоготля; еще на другой день гранаты разносило по Хунзаху, и жители два дня скрывались въ окрестныхъ селеніяхъ. Хунзахцы были предупреждены, что будетъ взрывъ и чтобъ они неходили въ крѣпость.

Быстрота, съ какою Пассекъ собрался изъ Хунзаха, и скрытность его намѣренія до послѣдняго часа, даже отъ офицеровъ, способствовали отряду съ малою потерею пройти хребты Танусъ-Балъ и Орчло; преданные мюридамъ хунзахцы поскакали въ Сіухъ, Голотль и Бацру; во время самаго выступленія отряда изъ Хунзаха, одинъ Кучубуръ съ партіею поспѣлъ на помощь враждебныхъ хунзахцевъ, но онъ не успѣлъ предупредить нашихъ на хребтахъ.

Снѣгъ и гололедица до крайности замедляли движеніе отряда; лошади и вьюки падали въ кручи; горные единороги спускали на рукахъ; только въ 4 часа утра, отрядъ спустился въ Балаканское ущелье, а въ 11 часовъ достигъ укрѣпленія Балаканы. Въ это время показались на кручахъ Арахъ-Тау запоздавшія партіи изъ сосѣднихъ ауловъ.

Потеря наша при отступленіи состояла убитыми изъ 1 оберъ-офицера и 2 нижнихъ чиновъ; ранеными изъ 2 оберъ-офицеровъ и 27 нижнихъ чиновъ.

По прибытіи отряда въ Балаканы, тамошній воинскій начальникъ, полковникъ Ясинскій, безъ всякихъ затрудненій подчинился младшему, подполковнику Пассеку, и собрался впродолженіе четырехъ часовъ, роздавъ снаряды на руки; по неимѣнію же лошадей для перевозки трехъ полевыхъ орудій и горнаго единорога, назначенъ былъ батальонъ Ширванскаго

полка тащить ихъ; оставшіеся затѣмъ снаряды и порохъ приготовлены были для взрыва.

Въ 3 часа по полудни отрядъ выступилъ изъ Балаканъ; авангардъ соотоялъ изъ саперной команды и батальона Ширванскаго полка, съ тремя горными единорогами, за нимъ слѣдовалъ другой Ширванскій батальонъ съ тремя полевыми орудіями, потомъ вьюки, раненые, больные, подъ прикрытіемъ двухъ линейныхъ ротъ; аріергардъ состоялъ изъ 3-го батальона Кабардинскаго и 2-го Куринскаго полковъ, съ четырьмя горными единорогами.

Авангардъ, не ожидая главной колонны, долженъ былъ спѣшить занять селеніе Зыряны и сады, прилегающіе къ дорогѣ, а въ случаѣ еслибъ выходъ изъ ущелья былъ перегороженъ завалами и занятъ непріятелемъ, то долженъ былъ ожидать прибытія Пассека съ Ширванскимъ батальономъ и полевыми орудіями.

Въ $4^1/_2$ часа авангардъ вступилъ въ укрѣпленіе Зыряны и ближайшіе сады, а въ 5 часовъ партія муллы балаканскаго, занявъ противоположные аулу сады, завязала съ цѣпями перестрѣлку и въ тоже время могохцы, буцринцы и оркачинцы начали бросать камни въ ущелье со скалъ Арахъ-Тау. Но такъ какъ большая часть больныхъ и вьюковъ уже прошли къ переправѣ при укрѣпленіи, то непріятель весьма мало нанесъ намъ вреда: ранены 1 офицеръ и 9 нижнихъ чиновъ.

Вечеромъ же, 17-го числа, были отправлены лазутчики узнать существуетъ ли башня въ Бурундукъ-Кале и подъемъ къ выходу изъ ущелья; сдѣланы всѣ распоряженія для немедленнаго выступленія на легкѣ, еслибъ свѣдѣнія посланныхъ оказались благопріятными. Посланные однако не узнали ничего положительнаго, а другіе лазутчики, отправленные вечеромъ 18-го числа, ночью же дали знать, что башня разрушена и что много непріятельскихъ огней разложено надъ выходомъ и у такъ называемыхъ «Волчьихъ воротъ». Слѣдовательно, движеніе впередъ становилось невозможнымъ.

Получивъ это свѣдѣніе, Пассекъ до разсвѣта еще переправилъ на лѣвый берегъ Койсу батальонъ Ширванскаго полка, съ горными единорогами, съ цѣлью внезапно захватить аулъ

Зыряны и тамъ утвердиться; вслѣдъ за этимъ батальономъ онъ переправилъ еще сводный линейный батальонъ и саперную роту.

Позицію при аулѣ Зыряны Пассекъ намѣревался удерживать до крайности: она была важна для отряда, потому что совершенно командуетъ укрѣпленіемъ, и непріятель, владѣя ею, могъ нанести намъ значительный вредъ.

Съ разсвѣтомъ аулъ былъ занятъ безъ всякой потери, но непріятель завязалъ сильную перестрѣлку изъ противоположныхъ садовъ; когда же переправились сводный линейный батальонъ и саперы, Пассекъ повелъ ихъ по рѣкѣ въ обходъ садовъ. Эта колонна стремительно бросилась захватить единственную дорогу вдоль Койсу, по которой непріятель могъ отступить къ Балаканскимъ хуторамъ; въ это же время батальонъ Ширванцевъ бросился прямо въ сады; непріятель, опасаясь быть отрѣзаннымъ, бѣжалъ.

Занявъ тѣснину по Койсу и выходъ изъ Балаканскаго ущелья, подполковникъ Пассекъ приказалъ перегородить ихъ прочными завалами.

Едва сдѣланы были необходимыя распоряженія для удержанія позиціи при селеніи Зыряны, какъ сильная непріятельская партія показалась на высотахъ противъ укрѣпленія со стороны Ирганая и Араканъ. Пассекъ поспѣшилъ на правый берегъ Койсу и когда прибылъ въ лагерь при укрѣпленіи, непріятель уже бросился на 8-ю роту Кабардинскаго полка; но командовавшій ею поручикъ Дуровъ *), твердо выдержалъ первый ихъ натискъ. Между тѣмъ къ атакованной высотѣ была направлена 7-я рота Кабардинскаго и батальонъ Куринскаго полковъ, съ двумя горными единорогами, а 3-я Карабинерная и 9-я егерская роты Кабардинскаго, подъ начальствомъ инженеръ штабсъ-капитана Эггера, двинулись сбить непріятеля съ высотъ.

---

*) Прикомандированный отъ Оренбургскаго линейнаго № 5 батальона, впослѣдствіи переведенъ въ полкъ и въ чинѣ капитана, за ранами, вышелъ въ отставку въ 1845 году.

Рѣшительное наступленіе съ нашей стороны заставило горцевъ отступить съ обоихъ пунктовъ на гребень высотъ. Хаджи-Муратъ утвердилъ тамъ восемь значковъ на ружейный выстрѣлъ отъ насъ и открылъ довольно сильный огонь. Пассекъ скрылъ войска за покатостью, не отвѣчая на непріятельскіе выстрѣлы; только горные единороги обстрѣливали окружающія высоты картечью, а балки гранатами.

Когда солдаты отдохнули, а Хаджи-Муратъ имѣлъ время увѣриться, что наши не рѣшатся его атаковать на крѣпкой позиціи, Пассекъ приказалъ сдѣлать общее и рѣшительное наступленіе. Чтобъ атаковать гребень высотъ, занятый Хаджи-Муратомъ, надобно было войскамъ проходить узкій перешеекъ между двумя обрывами подъ вѣрными перекрестными выстрѣлами непріятеля; но «храбрые» Кабардинцы и Куринцы перебѣжали перешеекъ и быстро приблизились къ подошвѣ занятыхъ непріятелемъ высотъ. Мюриды, неожиданно атакованные, были смущены; не смотря на то держались до крайности, стрѣляя въ упоръ; только стремительный натискъ въ штыки обратилъ ихъ въ совершенное бѣгство, такъ что тѣснящіяся толпы мюридовъ, на склонѣ занятаго нами шпиля, были поражаемы безотвѣтно съ ихъ стороны нашимъ батальнымъ огнемъ. Всадники безъ лошадей, въ томъ числѣ Хаджи Муратъ, и всѣ знаменщики, разбѣжавшіяся лошади, сбросившіеся раненые въ кручу, оставленныя бурки и шубы, торбы съ съѣстными припасами, все доказывало, какъ нечаянно было захвачено скопище горцевъ и какъ неожиданно опрокинуто нами.

Впереди всѣхъ при атакѣ былъ Кабардинскаго полка прапорщикъ Савиничъ, значки были въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашихъ солдатъ и только спаслись тѣмъ, что бросились прямо въ кручу. Партія Хаджи Мурата въ этомъ дѣлѣ была усилена шамхальцами и мехтулинцами.

Въ то же время, какъ происходила эта атака Хаджи-Мурата, штабсъ-капитанъ Эггеръ, съ полубатальономъ Кабардинцевъ, сбилъ непріятеля съ слѣдующихъ высотъ и занялъ возвышеннѣйшіе шпили хребта.

Пораженіе Хаджи-Мурата 19-го ноября *) имѣло самыя благопріятныя послѣдствія. Непріятель уже не рѣшался занимать и даже показываться па высотахъ, съ которыхъ могъ поражать насъ при укрѣпленіи, не только пушечнымъ, но и ружейнымъ огнемъ; но еслибъ непріятель утвердился на нихъ, то положеніе отряда было бы самое бѣдственное; не говоря объ огромной потерѣ, которую понесли бы наши войска, они не имѣли бы дровъ и фуража; цѣлыя двѣ недѣли, въ самое холодное время, солдаты запасались колючимъ мелкимъ кустарникомъ съ занятыхъ нами высотъ и фуражемъ для лошадей, которыя составляли пищу отряда.

Потеря наша состояла убитыми изъ 9 нижнихъ чиновъ, ранеными изъ 1 офицера и 11 нижнихъ чиновъ; потеря непріятельская, по показанію перебѣжчиковъ, была значительная; объ этомъ можно было судить еще и по уносимымъ и оставленнымъ на мѣстѣ тѣламъ.

Вечеромъ же 19-го числа Хаджи-Муратъ обошелъ тропинками Зыряны и спустился къ Койсу на Кудухскій бродъ, перешелъ здѣсь рѣку и взобравшись на Арахтау, явился 20-го числа противъ нашихъ заваловъ въ Балаканскомъ ущельѣ; часть горцевъ начала устраивать завалы на первомъ подъемѣ ущелья, а другая обходить нашъ завалъ, обстрѣливать его и спускать камни. Чтобы не дать мюридамъ утвердиться надъ нашимъ заваломъ и съ перваго дня отнять охоту обходить насъ, Пассекъ приказалъ послать Ширванскихъ охотниковъ сбить горцевъ съ кручъ и скалъ, а для содѣйствія охотникамъ послалъ роту линейнаго батальона въ обходъ горцевъ къ вершинѣ хребта.

Охотники, не смотря на огонь мюридовъ и спускаемые камни, безостановочно преслѣдовали ихъ по кручамъ и скаламъ, а когда линейная рота достигла вершины хребта и угрожала захватить болѣе упорныхъ, то горцы оставили трудно доступные карнизы и пещеры и скрылись на Арахтау. При

---

*) Счастливое совпаденіе: того же числа Фрейтагъ выручилъ Низовое укрѣпленіе, обративъ въ бѣгство осаждавшихъ его горцевъ.

этомъ потеря наша состояла изъ 1 убитаго, 5 раненыхъ и 6 контуженныхъ камнями рядовыхъ.

20-го, день и ночь войска работали ретрашаментъ около лагеря при укрѣпленіи; рубили сады и заготовляли дрова на случай, если необходимость заставитъ оставить позицію на лѣвой сторонѣ рѣки.

21-го числа непріятель значительно усилился въ Балаканскомъ ущельѣ, большія толпы мюридовъ показались противъ нашихъ заваловъ. Масса горцевъ заняла хребетъ Арахтау и начала спускать камни на нашу позицію; другая масса открыла сильный огонь съ оконечности Балаканскаго хребта по войскамъ, занимавшимъ селеніе, сверхъ того они втащили туда одно легкое орудіе и въ часъ по полудни началось дѣйствіе ядрами и картечью по укрѣпленію и лагерю. Наши батареи и стрѣлки не отвѣчали на непріятельскій огонь; сбить ихъ орудія—было невозможно, потому что видно было только одно дуло, перестрѣливаться же нашимъ стрѣлкамъ съ ними значило напрасно выставлять себя, подвергаясь вѣрнымъ выстрѣламъ. Всѣ войска были по возможности скрыты отъ артиллерійскаго и ружейнаго непріятельскаго огня, работы днемъ были прекращены. Потеря наша въ этотъ день состояла изъ 11 раненыхъ нижнихъ чиновъ. Канонада изъ непріятельскаго орудія и усилія непріятеля сбить насъ съ позиціи при селеніи Зыряны продолжалась и въ слѣдующіе дни.

Между тѣмъ, 23-го числа, прибыла сильная партія въ Ирганай отъ Бурундукъ-Кале, такъ что противъ отряда собралось 18 значковъ, не считая скопища въ Араканахъ.

Ночью же, 22-го числа, солдаты устроили себѣ небольшія землянки для закрытія отъ непріятельскаго орудія, а 23-го ноября четыре редута; въ слѣдующіе дни усилили ихъ оборону, потомъ устроили еще два редута и продолжали работу ретрашамента.

Войска были распредѣлены слѣдующимъ порядкомъ: 2 горныхъ единорога и 3 батальонъ Кабардинскаго полка расположены были въ срединѣ садовъ и рота занимала завалъ противъ Балаканскаго ущелья, которое было перегорожено стѣнкой; аулъ Зыряны занятъ былъ 2-мя ротами Ширванскаго пол-

ка съ 1 горнымъ единорогомъ и 4 крѣпостными ружьями; цѣпь предъ ауломъ и башню занимала рота линейнаго батальона, другія двѣ линейныя роты занимали тѣснину по рѣкѣ Койсу, содержа сильный пикетъ надъ скалой, подъ которой были устроены наши завалы.

Батальонъ Ширванскаго, 2 роты Куринскаго полковъ и команда саперъ, съ 2 горными единорогами, составляли главный резервъ, который занималъ лагерь при укрѣпленіи; самое укрѣпленіе занимали взводъ Навагинской роты и Апшеронская команда въ 40 человѣкъ.

Всѣ зданія укрѣпленія были очищены подъ больныхъ и раненыхъ. Первые два редута были заняты двумя ротами Ширванскаго полка, слѣдующіе два ротою Куринцевъ, сверхъ того одинъ изъ послѣднихъ редутовъ былъ вооруженъ двумя горными единорогами, пятый редутъ особою командою въ 24 человѣка, наконецъ послѣдній редутъ вооруженный двумя полевыми единорогами, взводомъ Навагинской роты, а главный ретраншементъ при укрѣпленіи двумя полевыми орудіями и тремя мортирками. Силы отряда простирались до 2400 штыковъ, при 7 горныхъ, 4 полевыхъ, 3 крѣпостныхъ орудіяхъ и 3 мортиркахъ.

Площадь, окружающая укрѣпленіе Зыряны составляла плацъ-дармъ для отряда, а прилегающія высоты первый валъ, которыя Пассекъ рѣшился удерживать до послѣдней крайности, предполагая, что если Шамиль обратится противъ него со всѣми скопищами, то онъ оставитъ позицію при сел. Зыряны, сосредоточивъ войска при укрѣпленіи, чтобъ совокупностью силъ имѣть возможность отражать атаки всѣхъ скопищъ.

30-го числа Хаджи-Муратъ, послѣ тщетныхъ усилій овладѣть позиціею при аулѣ, опять перешелъ на правый берегъ Койсу въ Араканы; потеря наша въ продолженіи 9 послѣднихъ дней состояла ранеными: картечью 8, пулями 4, камнями 7, контуженными 12 нижнихъ чиновъ. Непріятельское орудіе по прежнему продолжало дѣйствовать, но уже гораздо слабѣе: часть горцевъ осталась въ Балаканскомъ ущельѣ; селеніе Ирганай было по прежнему занято мюридами.

Двѣ недѣли прошло, какъ отрядъ занялъ Зыряны; двѣнадцать нарочныхъ были отправлены въ Темиръ-Ханъ-Шуру съ донесеніями и ни одинъ изъ нихъ не возвратился, ни одинъ не принесъ извѣстія существуетъ ли еще Шура; а много разъ наши слышали отъ мюридовъ, что она взята и намъ предстоитъ гибель.

Хотя наши не давали этому извѣстію никакого вѣроятія, но нельзя было не усомниться, что Шура находится въ самомъ затруднительномъ положеніи. Отрядъ, предоставленный тягостной неизвѣстности, съ малымъ запасомъ сухарей, не смотря на уменьшеніе дачи до одного фунта, безъ соли и мяса, окруженный со всѣхъ сторонъ въ горной котловинѣ, откуда сама природа тѣснинами и громадами скалъ заслонила выходъ на плоскость, готовъ былъ къ смертной, но отчаянной борьбѣ.

Трудно, или лучше, невозможно выразить того мучительнаго, жгучаго чувства, которымъ исполнены были души и сердца каждаго изъ чиновъ отряда. Ихъ уже не радовало уничтоженіе всѣхъ покушеній непріятеля и страхъ, какой они внушили къ себѣ; но чѣмъ болѣе уходила надежда на спасеніе, тѣмъ рѣшительнѣе и предпріимчивѣе дѣлались войска. Зная нравственную силу ихъ, Пассекъ рѣшился ждать извѣстій и помощи съ плоскости, пока не съѣдятъ послѣдняго сухаря; а тогда, призвавъ на помощь Господа Побѣдодавца, штыками проложить себѣ дорогу.

Конечно, обходя непроходимые доступы безъ тропинокъ, поднимаясь и спускаясь по крутизнамъ и скаламъ на подоблачные хребты, онъ ни въ какомъ случаѣ не спасъ бы ни артиллеріи, ни больныхъ, ни раненыхъ, но можетъ быть, спасъ бы остатки храбрыхъ. А если-бъ погибли и всѣ, то, какъ онъ справедливо полагалъ, лучше было погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ, нежели унизить себя постыдной сдачей.

Но вдругъ, въ 11 часовъ вечера 1-го декабря, къ неописанной радости всего отряда, получены были письма генерала Клюки-фонъ-Клугенау отъ 25 и 29-го ноября, въ которыхъ онъ извѣщалъ, что осажденные могутъ быть выручены соединенными силами Дагестанскаго отряда и отряда генерала

Фрейтага через 30 дней. Извѣстіе это оживило, воскресило солдатъ и офицеровъ, какъ будто призвало ихъ снова къ жизни, и на утро во всѣхъ батальонахъ служили благодарственный молебенъ.

Съ 30-го ноября непріятель уже не предпринималъ ничего.

6-го декабря, не смотря на труды и холода, наши не забыли вознести теплыя молитвы Господу, о здравіи великаго имянинника, императора Николая, и скалы Дагестана, при испрошеніи долголѣтія, огласились громомъ нашихъ батарей и далеко разнесли его по непокорнымъ племенамъ Кавказа. Русскіе еще торжествовали въ горахъ тезоименитство своего Государя, какъ бы въ предзнаменованіе скорой покорности горъ державной волѣ его.

9-го числа, снова получены письма генерала Клюки-фонъ-Клугенау отъ 3, 5 и 7-го чиселъ; срокъ избавленія уменьшился, предполагалось совершить его къ 20-му числу декабря.

Между тѣмъ, 7-го декабря, наступили сильные морозы; къ прежнимъ бѣдствіямъ присоединилось новое бѣдствіе, положеніе отряда сдѣлалось ужаснымъ: большая часть солдатъ была безъ полушубковъ, а многіе не имѣли рубахъ и сапогъ. Десять дней уже солдаты питались фунтомъ сухарей безъ соли.

На холодѣ, безъ пищи, Пассекъ опасался, что откроется повальная болѣзнь, а уже недоставало помѣщенія и для обыкновенныхъ больныхъ, хотя ихъ вмѣстѣ съ ранеными во все время не было больше 180 человѣкъ.

Положеніе отряда точно было бѣдственно, но духъ въ войскахъ былъ выше всякихъ похвалъ и онъ, кажется, поддерживалъ физическія силы солдатъ. По прежнему, ночью, съ усердіемъ продолжали работу для усиленія окоповъ и самой крѣпости. Днемъ два раза ходили за дровами и фуражемъ; на дрова ломали кустарникъ по крутизнамъ горъ, на фуражъ рвали скудную траву, разгребая снѣгъ. Общій отдыхъ войскамъ давался только отъ 11-ти часовъ утра до 1 часа пополудни, когда солнце умѣряло холодъ, и сонъ не бывалъ такъ опасенъ. Для сохраненія здоровья, всѣ слабые помѣщались въ госпиталѣ, чтобы въ теплѣ, на свѣжемъ хлѣбѣ и на

½ фунта мяса, отдохнули и оправились; для этого сбережена была какая нашлась мука, и заблаговременно отобранъ скотъ отъ всѣхъ частныхъ лицъ и командъ. Для поддержанія силъ солдатъ было разрѣшено и ихъ уговаривали ѣсть мясо лошадей. Нижніе чины сначала на это не рѣшались, но потомъ увѣщанія священника и примѣръ офицеровъ способствовалъ къ побѣжденію предразсудка. Подполковникъ Хвостиковъ, старый храбрый офицеръ, первый приступилъ къ этой пищѣ: онъ велѣлъ по возможности откормить жеребенка и, заколовъ его, пригласилъ всѣхъ офицеровъ отряда на завтракъ. Священникъ Даніилъ Попруженковъ благословилъ трапезу. Послѣднее обстоятельство наиболѣе подѣйствовало на солдатъ: не смотря на отвращеніе, постепенно всѣ принялись за конину и послѣ дѣлили даже кости лошадей.

Воспоминанія 1812 года превращались въ дѣйствительность, особенно когда въ группѣ солдатъ являлись съ кускомъ брезента, или рогожи, вмѣсто плаща, и въ калошахъ изъ куска сырой кожи, или войлока, вмѣсто сапогъ.

13-го декабря вода въ Койсу значительно упала и пошелъ большой ледъ, такъ что паромная переправа прекратилась, но къ 15-му числу уже былъ сдѣланъ мостъ на козлахъ и тѣмъ значительно облегчилось сообщеніе отряда съ лѣвымъ берегомъ Койсу.

14-го же числа огромныя массы горцевъ перешли изъ Араканъ въ Ирганай; между тѣмъ всѣ окрестныя горы заняты были большими толпами мюридовъ, а съ главнаго хребта Хаджи-Муратъ и Магомедъ-Кадій акушинскій обозрѣвали наши укрѣпленія. Въ тоже время непріятель прибывалъ и со стороны Балаканъ и усиливалъ дѣйствіе изъ орудія.

15-го вывезенъ былъ ими горный единорогъ изъ Араканъ, и съ высоты открыто изъ него дѣйствіе по войскамъ; главный хребетъ былъ занятъ большой партіей и часть ея спустилась къ пятому редуту.

Пассекъ вывелъ изъ лагеря батальонъ Ширванскаго полка и двѣ роты Куринцевъ, съ двумя горными единорогами, и двинулся на хребетъ съ тѣмъ, чтобъ занять главную высоту

и овладѣть горнымъ единорогомъ; при приближеніи нашихъ, горцы оставили хребетъ и заблаговременно увезли орудіе.

15-го числа, въ 10 часовъ утра, Хаджи-Муратъ прислалъ къ Пассеку письмо, въ которомъ, отъ имени Шамиля, клялся пропустить отрядъ съ честью въ Темиръ-Ханъ-Шуру, только бы онъ оставилъ Зыряны, и просилъ, чтобъ выслали кого нибудь для переговоровъ.

Пассекъ отвѣчалъ Хаджи-Мурату, что не иначе выступитъ изъ Зырянъ, какъ получивши на это предписаніе генерала Клугенау и когда дадутъ въ аманаты Хаджи-Мурата или Кибитъ-Магому, а съ нашей стороны предлагалъ себя въ аманаты бывшій правитель Аваріи, маіоръ князь Орбеліанъ *). Съ отвѣтомъ къ Хаджи-Мурату и донесеніемъ къ генералу Клугенау вызвался ѣхать подпоручикъ Анановъ, лично извѣстный Шамилю. Пассекъ просилъ Хаджи-Мурата пропустить его съ донесеніемъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

Анановъ былъ встрѣченъ мюридами въ виду отряда весьма дружески, и, по словамъ выходцевъ, принятъ Хаджи-Муратомъ и отправленъ въ Казанищи, но на дорогѣ получено было извѣстіе о разбитіи Шамиля подъ Казанищами, а потому Ананова плѣнникомъ отправили въ Тлохъ.

16-го числа весь день огромныя скопища непріятеля проходили къ Араканамъ изъ Ирганая и отъ Волчьихъ воротъ, числомъ не менѣе 6-ти тысячъ; а 17-го, на разсвѣтѣ, получено извѣстіе, что отрядъ генералъ-лейтенанта Гурко прибылъ въ Бурундукъ-Кале.

Получивъ это извѣстіе, Пассекъ немедленно поспѣшилъ съ двумя батальонами и двумя горными единорогами овладѣть Ирганаемъ, чтобъ войти въ связь съ главнымъ Дагестанскимъ отрядомъ. Приблизившись къ Ирганю, онъ послалъ сказать жителямъ, чтобъ покорились; но они не хотѣли и слышать о покорности, и обѣщали драться, если пойдемъ на селеніе; когда же былъ открытъ огонь изъ орудій и батальонъ Куринскаго полка обошелъ селеніе съ высотъ, тогда жители бѣжали.

---

*) Григорій Дмитріевичъ, нынѣ генералъ-адъютантъ.

Занявъ селеніе и расположивъ двѣ роты на высотахъ къ Ирганайскому ущелью, Пассекъ отправился съ остальными двумя ротами и конными аварцами въ Бурундукъ-Кале. На половинѣ дороои онъ встрѣтилъ авангардъ главнаго отряда, а потомъ генераловъ Гурко и Клюки-фонъ-Клугенау.

Общія привѣтствія, радость и слезы, начиная отъ простыхъ солдатъ до командовавшаго войсками, были такой торжественной и неоцѣненной наградой, что далеко искупили перенесенные опасности, труды и нужды, и день и часъ этой встрѣчи, конечно, никогда не изгладится изъ памяти живыхъ участниковъ этого похода.

XXIX.

События происходившія во время описанныхъ въ предыдущей главѣ происшествій.—Прибытіе въ Дагестанъ отряда генер. Фрейтага.—Пораженіе горцевъ: у Муслимъ-аула и Казанищи.—Движеніе на выручку отряда Пасека.—Соединеніе отрядовъ и отступленіе изъ Зыряны.—Возвращеніе въ Темиръ-Ханъ-Шуру.—Распредѣленіе войска на зиму.—Потери наши съ августа мѣсяца.—Набѣги Козловскаго въ Аухъ.

Въ теченіе всего времени когда происходило это сидѣніе отряда Пассека въ Зырянахъ, генералъ Гурко употреблялъ всѣ усилія, чтобы чаще увѣдомлять Пассека обо всемъ происходившемъ на плоскости; но, къ сожалѣнію, сообщеніе Темиръ-Ханъ-Шуры, до крайности затруднительное со всѣми пунктами, было еще труднѣе съ Зырянами. До конца ноября представлялась еще возможность находить лазутчиковъ изъ оставшихся намъ вѣрными горцевъ, пробиравшихся по ночамъ, но потомъ никто изъ нихъ, ни за какія деньги, не брался доставлять записки въ Аварскій отрядъ и необходимость вынудила прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ—посылать охотниковъ изъ нижнихъ чиновъ, знавшихъ мѣстность; нѣкоторые изъ нихъ, не смотря на трудности, опасности и лишенія при исполненіи подобнаго рода порученій, вызывались по два и по три раза въ охотники и возвращались съ отвѣтомъ.

Между тѣмъ генералъ Нейдгартъ получилъ наконецъ въ Тифлисѣ свѣдѣнія о бѣдственномъ положеніи отряда Пассека и вообще войскъ, оставшихся въ сѣверномъ Дагестанѣ. Чтобы быть ближе къ театру дѣйствій, почтенный старецъ, не взирая на самое слякотное время года и трудный переѣздъ чрезъ горы, поспѣшилъ въ Екатериноградъ и принялъ всѣ

мѣры для усиленія войскъ лѣваго фланга, откуда онѣ могли бы идти на выручку Дагестана.

Направивъ въ распоряженіе генералъ-маіора Фрейтага всѣ войска, какія только можно было взять съ другихъ частей линіи, и снабдивъ его денежными средствами, генералъ Нейдгартъ предписалъ ему чтобы онъ, какъ можно поспѣшнѣе, двинулся въ Темиръ-Ханъ-Шуру на соединеніе съ Дагестанскимъ отрядомъ.

Къ сожалѣнію, медленное слѣдованіе рекрутъ не дозволило генералу Фрейтагу съ желаемою скоростію сформировать отрядъ. Однако, узнавъ о крайнемъ положеніи въ Зырянахъ Аварскаго отряда, онъ рѣшился не выжидать втораго маршеваго батальона: усиливъ войска свои первымъ маршевымъ батальономъ, генер. Фрейтагъ двинулся 9-го декабря изъ Ташъ-Кичу въ Темиръ-Ханъ-Шуру. 11-го числа, при ужасной вьюгѣ и морозѣ до 15°, онъ добрался до Казіюрта и переправы чрезъ Сулакъ, откуда въ одни сутки, почти безъ отдыха, пришелъ въ Чиръюртъ и затѣмъ прямой дорогой, имѣя множество больныхъ изъ рекрутъ, не привыкшихъ къ такимъ переходамъ и трудамъ; наконецъ 14-го декабря, вечеромъ, онъ достигъ Темиръ-Ханъ-Шуры. Слѣдованіе этого отряда чрезвычайно замедлилось затрудненіями при переправахъ на паромахъ въ Амиръ-Аджи-юртѣ и Казіюртѣ, не говоря о мятели, холодѣ и утомленіи людей.

Кумыкскій отрядъ генералъ-маіора Фрейтага состоялъ изъ $6^1/_2$ батальоновъ пѣхоты, (въ томъ числѣ 1-й Кабардинскій полкъ) 1,350 рекрутъ, 1,400 казаковъ и 18 орудій.

Прибытіе его, освободивъ Темиръ-Ханъ-Шуру отъ блокаднаго положенія, представляло возможность открыть рѣшительныя наступательныя дѣйствія.

Хотя обстоятельства вынуждали не медлить переходомъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ и удалить какъ можно скорѣе Шамиля изъ Казанищъ; но утомленіе войскъ Кумыкскаго отряда, арріергардъ котораго вступилъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру въ часъ ночи, а также сдача рекрутъ и пріемка провіанта, заставили отложить наступательныя дѣйствія до 16-го декабря. Однако предположеніе это измѣнилось чрезъ намѣреніе не-

пріятеля сжечь ближайшія въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ деревни. Для спасенія по крайней мѣрѣ самыхъ близкихъ ауловъ, въ которыхъ необходимо было на зиму расположить часть войскъ, за не имѣніемъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ помѣщеній, были немедленно двинуты три батальона (въ томъ числѣ сводный Кабардинскій, остававшійся все время въ Шурѣ) при 3 орудіяхъ, кромѣ того въ обходъ послана вся кавалерія при 6 кон. орудіяхъ. Пока пѣхота съ возвышенія открыла артиллерійскій огонь по непріятелю, кавалерія атаковала у Муселимъ-аула толпы горцевъ, изрубила многихъ, отбила одно орудіе и схватила изъ числа прислуги двухъ бѣглыхъ солдатъ. Чтобы поддержать эту блистательную атаку и не дать ослабнуть нравственному впечатлѣнію, произведенному ею на непріятеля, изъ Темиръ-Ханъ-Шуры были двинуты къ Муселимъ-аулу еще 4 батальона при 4-хъ орудіяхъ. Имѣя такое подкрѣпленіе, кавалерія подвинулась еще впередъ за отступившими горцами, занявшими крѣпкую позицію на высотахъ впереди Казанищи. Послѣ кратковременной пальбы изъ 10 орудій, донцы и уральцы вновь атаковали мюридовъ и ударъ былъ произведенъ съ такою быстротою, что, не взирая на упорную сначала защиту, непріятель обратился въ бѣгство и спасся, благодаря только тѣснымъ улицамъ аула, помѣшавшимъ кавалеріи настойчивое преслѣдованіе. Съ приближеніемъ пѣхоты, аулъ былъ обстрѣленъ и атакованъ, а непріятель увидѣвъ, что кавалерія уже обходитъ его, поспѣшно отступилъ въ разныя стороны къ горамъ. Отрядъ генерала Фрейтага расположился въ Казанищи, гдѣ найденъ большой запасъ фуража и до 1,000 четв. муки, перевезенной изъ Низоваго непріятелемъ, для своего продовольствія.

Хотя необходимо было бы вытѣснить первоначально Шамиля изъ шамхальскихъ владѣній, (онъ изъ Казанищи ушелъ въ Эрпему гдѣ и оставался еще) но отчаянное положеніе Аварскаго отряда заставило ускорить его освобожденіе, тѣмъ болѣе, что неизвѣстно было, какія непріятель противопоставитъ затрудненія въ Ирганайскомъ ущельѣ. Вслѣдствіе этихъ соображеній, генералъ-лейтенантъ Гурко, 15-го же декабря назначилъ къ выступленію въ Зыряны семь батальоновъ (въ томъ

числѣ сводный Кабардинскій), сотню линейныхъ казаковъ, 8 горныхъ орудій и 25 конгревыхъ ракетъ. Кромѣ того приказано было взять лошадей для поднятія больныхъ и полевыхъ орудій, находившихся въ Зырянахъ, и транспортъ съ трехдневнымъ продовольствіемъ для всего Аварскаго отряда.

16-го декабря, съ разсвѣтомъ, назначенныя къ выступленію части войскъ, двинулись изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Большіе Казанищи. Для занятія этого селенія былъ оставленъ только одинъ сводный батальонъ Кумыкскаго отряда, а всѣ остальные направились къ подножію Койсубулинскаго хребта. Непріятель не осмѣлился встрѣтить русскихъ на первой половинѣ труднаго и лѣсистаго подъема; а потому войска, назначенныя для освобожденія Аварскаго отряда, продолжали свое слѣдованіе въ Бурундукъ-Кале; три же батальона, вся кавалерія, всѣ полевыя и два горныхъ орудія были оставлены, подъ начальствомъ генерала Фрейтага, у подошвы хребта, для прикрытія сообщенія съ Темиръ-Ханъ-Шурою.

При первомъ приближеніи нашихъ войскъ, горцы оставили Бурундукъ-Кале и обратились въ бѣгство. Авангардъ достигъ этого урочища въ 11-мъ часу ночи, а арріергардъ только къ четыремъ часамъ утра 17-го декабря. По прибытіи авангарда, подполковникъ Пассекъ былъ тотчасъ извѣщенъ о приближеніи отряда.

Собственно утомленіе войскъ, перешедшихъ черезъ огромный, покрытый глубокимъ снѣгомъ хребетъ, темнота ночи и сильный морозъ—до 16 градосовъ, не позволили тотчасъ же по достиженіи Бурундукъ-Кале приступить къ исправленію спуска въ Ирганайское ущелье. 17-го декабря въ семь часовъ утра, была начата работа, и чрезъ нѣсколько часовъ дорога была сдѣлана удобопроходимою для орудій.

Въ полдень весь отрядъ, за исключеніемъ одного батальона оставленнаго для занятія Бурундукъ-Кале, двинулся въ укрѣпленіе Зыряны и на половинѣ дороги къ селенію Ирганай неожиданно встрѣтился съ передовою частію Аварскаго отряда. Затѣмъ, бросивъ Зырянское укрѣпленіе, забравъ всю артиллерію, за исключеніемъ 3-хъ чугунныхъ пушекъ, брошенныхъ въ рѣку съ зарядами, войска на разсвѣтѣ 18-го декабря вы-

ступили и, пользуясь темнотою, успѣли уйти безъ преслѣдованія изъ тѣснины Ирганайскаго ущелья; только въ самомъ концѣ Хаджи-Муратъ атаковалъ арріергардъ.

Зная, что отступленіе передъ четырехъ-тысячнымъ скопищемъ горцевъ поведетъ къ огромной потерѣ, Пассекъ рѣшился, не давъ непріятелю времени утвердиться на высотахъ при Бурундукъ-Кале, сдѣлать общее и быстрое наступленіе всѣмъ арріергардомъ. Стѣны ущелья при Бурундукъ-Кале образуются изъ отдѣльныхъ гребней значительной высоты, съ крутыми скатами и скалами; это позволяетъ непріятелю занять крѣпкую позицію на ружейный выстрѣлъ отъ дороги по ущелью, и поражать колонны перекрестнымъ огнемъ, а рядъ гребней, возвышаясь одинъ надъ другимъ, отступать съ позиціи на позицію. Непріятель занявъ первые гребни, утвердилъ тамъ свои значки; новыя толпы мюридовъ спѣшили къ занявшимъ позицію.

Для атаки лѣвыхъ высотъ, Пассекъ направилъ батальонъ Апшеронскаго и сводный батальонъ Кабардинскаго полковъ; а правыхъ батальонъ Тифлисскаго полка; батальонъ Ширванскаго полка съ горными единорогами продолжалъ движеніе по ущелью.

Неожиданно рѣшительное наступленіе войскъ нашихъ и обходъ высотъ, занятыхъ непріятелемъ, способствовали быстрому овладѣнію тремя рядами едва доступныхъ гребней, на которыхъ горцы хотѣли утвердиться, что и было причиною совершеннаго отступленія ихъ на всѣхъ пунктахъ.

Непріятель, разобщенный по тремъ направленіямъ, не имѣлъ уже ни единства, ни рѣшительности: дѣло продолжалось всего часъ, потеря наша состояла убитыми изъ 9 нижнихъ чиновъ, ранеными изъ 1 офицера и 15 нижнихъ чиновъ; нѣсколько тѣлъ непріятельскихъ остались въ нашихъ рукахъ. Атака была произведена блистательно: генералъ Гурко доносилъ, что «апшеронцы, не говоря уже о кабардинцахъ и тифлисцахъ», смѣло бросались на ура. Но преимущественно отличались кабардинцы, которыми, за болѣзнью батальоннаго коман-

дира, командовалъ капитанъ Слѣпцовъ *). Они съ удивительною быстротою всходили на огромныя, почти отвѣсныя высоты и недопустили мюридовъ ни на одной изъ нихъ утвердиться». Во всемъ донесеніи Пассека, объ Кабардинскомъ батальонѣ онъ иначе не отзывается, какъ «храбрые кабардинцы». Эпитетъ этотъ какъ бы сросся съ полкомъ и со временъ Цыціанова и Ермолова сдѣлался постояннымъ.

Въ 2 часа пополудни Пассекъ двинулся обратно въ Бурундукъ-Кале; непріятель уже не осмѣлился его преслѣдовать и онъ оставался на позиціи съ батальономъ Ширванскаго и съ 3-мъ батальономъ Кабардинскаго полковъ, при двухъ горныхъ единорогахъ до 8-ми часовъ вечера, пока всѣ тяжести и главная колонна перевалились чрезъ Койсубулинскій хребетъ.

Не смотря на гололедицу, которая заставила въ нѣсколькихъ мѣстахъ тащить на рукахъ орудія и зарядные ящики, арріергардъ прибылъ въ Казанищи къ двумъ часамъ утра.

Въ полдень, 19-го декабря, Аварскій отрядъ, въ боевомъ порядкѣ, съ распущеннымъ знаменемъ Аварскаго ханства, вступилъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, привѣтствуемый выстрѣлами со всѣхъ батарей; а 20-го числа служилъ благодарственный молебенъ, съ колѣнопреклоненіемъ, за чудное свое избавленіе.

Покойный Государь былъ чрезвычайно доволенъ дѣйствіями отряда Пассека и щедро наградилъ его и войска, кромѣ Георгіевскаго креста, получилъ чинъ полковника и генералъ-маіора, съ назначеніемъ командиромъ Апшеронскаго полка; всѣ батальонеры произведены въ слѣдующіе чины; прислано 150 Георгіевскихъ крестовъ для нижнихъ чиновъ и по 3 р. на человѣка; кромѣ того, приказано представить особо къ наградамъ всѣхъ отличившихся. Донесеніе о дѣйствіяхъ Пассека и защитѣ Низоваго укрѣпленія приказано прочитать во всѣхъ кадетскихъ корпусахъ для назиданія.

О зырянскомъ сидѣніи солдаты сложили пѣсню, въ кото-

---

*) Тогда адъютантъ начальника корпуснаго штаба, впослѣдствіи извѣстный витязь и гроза Малой Чечни, убитый въ 1851 году въ чинѣ генералъ-маіора.

рой простыми словами изложены труды и лишенія, претерпѣнныя отрядомъ. Всѣ войска на Кавказѣ ее знали и долго она была одною изъ любимыхъ.

Басурманинъ врагъ лукавый,
Вздумалъ съ нами пошутить:
Окруживши всѣ заставы,
Ну насъ голодомъ морить!
Да кавказскіе солдаты
Ходятъ подъ руку съ нуждой,
Горемъ мы всегда богаты,
Носимъ ранцы за спиной.
Мы рогатую скотину
Прежде съѣли, ай-люли?
А потомъ и лошадину
Заварили, запекли!
Вмѣсто соли, мы солили
Изъ патроновъ порошкомъ;
Сѣно въ трубочкахъ курили,
Распростились съ табачкомъ.
Эхъ, припомните ребята,
Какъ мы бились въ Зырянахъ,
И Шамиля супостата
Припугнули мы въ горахъ:
Было жутко имъ въ то время,
Плохо нехристямъ пришлось.
Все татарское ихъ племя
По ущельямъ разбрелось.
И вотъ снова налетаютъ
Тѣжъ враги на нашъ отрядъ,
Громомъ ядеръ угощаютъ
И картечью насъ громятъ.
Просимъ милости, знакомцы,
Намъ картечь вѣдь нипочемъ;
Дружно, Графцы *), Апшеронцы,
Встрѣтимъ нехристей штыкомъ!

Есть и варіантъ этой солдатской пѣсни:

Вспомнимъ, вспомнимъ мы, ребята,
Какъ сидѣли въ Зырянахъ,
И не разъ Хаджи-Мурата
Мы пугали на горахъ.
Но и что это такое

---

*) Такъ называли Ширванцевъ съ тѣхъ поръ какъ полкъ по шефу именовался графа Паскевича Эриванскаго.

Сдѣлалось не хорошо —
Все татарско племя злое
Возмутилося на насъ.
Нападаютъ, налегаютъ
На Аварскій нашъ отрядъ,
Пули, ядры посылаютъ,
А картечь ужь словно градъ.
Пули, ядры намъ знакомы,
А картечь намъ нипочемъ;
Кабардинцы всѣ готовы
Встрѣтить нехриста штыкомъ.
Распроклятый бусурманинъ
Вздумалъ штуку отмочить,
Посадилъ насъ за засаду,
Хотѣлъ голодомъ сморить.
Мы рогатую скотину
На чисто перевели,
Стали ѣсть мы лошадину.
И варили и пекли.
Вмѣсто соли мы солили
Изъ патрона порошкомъ,
Сѣно въ трубочкахъ курили.
Распростились съ табачкомъ.
Обносились, оборвались,
Все валилось съ плечь долой,
Мы рогожки одѣвали
Вмѣсто бурокъ и плащей,
Ноги кожей обшивали
Послѣ съѣденныхъ коней.

Особенное счастіе покровительствовало Кабардинскому полку въ теченіе этого кроваваго періода дагестанскихъ событій, ни въ одномъ укрѣпленіи изъ погибшихъ не было нашихъ ротъ, нигдѣ непріятель не имѣлъ случая торжествовать истребленіемъ или захватами въ плѣнъ ни единаго Кабардинскаго солдата, чего не избѣжали геройскія части апшеронцевъ, тифлисцевъ, мингрельцевъ. Въ одномъ Низовомъ, въ числѣ гарнизона, была половина 5-й егерской роты Кабардинскаго полка, но здѣсь непріятель вовсе не имѣлъ успѣха и не могъ одолѣть защитниковъ.

По удаленіи Шамиля изъ Шамхальства, генералъ Гурко, на основаніи предписанія корпуснаго командира, распре-

дѣлилъ войска, находившіяся въ Дагестанѣ слѣдующимъ образомъ:

Въ распоряженіи командующаго войсками въ сѣверномъ и Нагорномъ Дагестанѣ оставлено: 11 дѣйствующихъ, 3 линейныхъ батальоновъ, 6 сотень казаковъ и 19 орудій.

Остальныя затѣмъ войска 20-й пѣхотной дивизіи, находившіяся въ Дагестанѣ, получили приказаніе возвратиться, подъ начальствомъ генералъ-маіора Фрейтага, на лѣвый флангъ Кавказской линіи *).

Общая потеря наша съ 27-го августа по 22-е декабря 1843 года въ Дагестанѣ состояла: убито и ранено штабъ и оберъ-офицеровъ 76 (въ томъ числѣ въ плѣнъ взято оберъ-офицеровъ 10) и 2,308 нижнихъ чиновъ (въ томъ числѣ взято въ плѣнъ 312 человѣкъ) изъ этого числа отрядъ Пассека со дня выступленія изъ Хунзаха потерялъ: убитыми 1 офицера (Кабардинскаго полка прапорщика Померанцева) 12 нижнихъ чиновъ, ранены 4 оберъ-офицера (Кабардинскаго полка штабсъ-капитанъ Чуписовъ и поручикъ Оболенскій умершій вскорѣ, поручикъ Дуровъ) 78 нижнихъ чиновъ контужены преимущественно камнями 28 нижнихъ чиновъ. (Изъ 5 офицеровъ — 4 кабардинца). Потеря же матеріальными средствами состояла изъ: 27 орудій, 8 крѣпостныхъ и 2,152 простыхъ ружей, 13,816 артиллерійскихъ зарядовъ, изъ коихъ досталось въ руки непріятеля до 6,000; 350,000 патроновъ, 50 пудовъ пороху, 180 палатокъ, 368 казенныхъ лошадей, несчитая лошадей конновьючнаго транспорта и черводарскихъ взятыхъ акушинцами въ Низовомъ укрѣпленіи, и различныхъ вещей коммисаріатскаго, инженернаго и артиллерійскаго вѣдомствъ. Разрушено Шамилемъ до основанія 12 укрѣпленныхъ пунктовъ, изъ которыхъ 4 оставлены нами.

Въ отсутствіе генерала Фрейтага, полковникъ Козловскій, вѣроятно желая отвлечь Чеченцевъ отъ скопищъ Шамиля, или удержать ихъ отъ набѣговъ на плоскости, оставшуюся

---

*) 1-й батальонъ Кабардинскаго полка оставленъ однако въ Дагестанѣ, а остальные 22-го декабря выступили съ генераломъ Фрейтагомъ на Кумыкскую площадь.

съ весьма слабымъ прикрытіемъ, сдѣлалъ 15 декабря набѣгъ въ Аухъ, а 19-го числа на Мичикъ, сжегъ нѣсколько скирдъ сѣна и захватилъ нѣсколько рогатаго скота; но мѣстное население было очевидно въ сборѣ, потому что колонна Козловскаго понесла сравнительно не малую потерю. Въ Аухѣ раненъ нашъ штабсъ-капитанъ Тимоховичъ и 4 рядовыхъ, а на Мичикѣ, при сильномъ натискѣ на арріергардную 6-ю егерскую роту нашу, убиты 2, ранены до 49 нижнихъ чиновъ, кромѣ нѣсколькихъ казаковъ и милиціонеровъ кумыковъ *).

---

*) Награды въ полкъ за 1843 годъ: слѣдующіе чины поручикамъ Голубовскому, Цытовскому, Раздорскому, подпоручикамъ Козинцову, Гостиминскому, Ежову, прапорщикамъ: Хаджіову, Савиничу, Шелеметеву, Качинскому. Владиміра 3-й ст. полковнику Козловскому, 4-й ст. подполковн. Яковлеву и штабсъ-капитану Чуписову, Анну 3-й ст. поручику Кириленко, лекарю Дейбелю, станислава 2-й ст. подполковнику Ронжевскому, станислава 3-й ст. поручику Горяинову; двумъ офицерамъ годовой окладъ жалованья, десяти Высочайшее благоволеніе; нижнимъ чинамъ 31 георгіевскій крестъ.

XXX.

О причинахъ событій 1843 года. — Ихъ послѣдствія и вызванныя новыя предположенія о дѣйствіяхъ на Кавказѣ. — Собственноручное письмо императора Николая къ ген. Нейдгарту. — Отвѣтъ Нейдгарта и измѣненіе предположеній. — Дополнительныя и политическія мѣры.

Такъ кончился 1843-й годъ. И нужно сказать, что развязку мы, по всей справедливости, должны считать еще очень благополучною; она могла быть гораздо болѣе бѣдственною, если бы непріятель продолжалъ послѣднее время дѣйствовать съ такою же энергіею, какъ въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ, и если бы генералъ Фрейтагъ и его ближайшіе подчиненные на Кумыкской плоскости проявили меньше рѣшимости.

Вопросъ — что было главною причиною катастрофы 1843 года и кто главные виновники, по моему мнѣнію, вопросъ — не могущій получить прямаго, категорическаго отвѣта: всѣ виноваты, или никто не виноватъ. Не слѣдуетъ забывать, что критика всегда очень легка, а дѣйствіе большею частью трудно. Дѣйствующій еще ожидаетъ ретультата, а критикующій уже видитъ его готовымъ. Въ настоящемъ случаѣ вина падаетъ, главнымъ образомъ, на стеченіе обстоятельствъ, начало которыхъ нужно искать съ 1823 года, когда въ горахъ было произнесено слово «мюридизмъ». Изъ моего краткаго изложенія хода событій, читатель, конечно, не уяснитъ себѣ дѣла на столько, чтобы вполнѣ оцѣнить это стеченіе обстоятельствъ такая задача должна быть выполнена подробною исторіею завоеванія Кавказа. Но все же нельзя скрыть, что поѣздка князя Чернышева, имѣвшая подслѣдствіемъ искуственное превра-

щеніе кавказскихъ войскъ въ робкіе гарнизонно-военно-рабочіе батальоны, была тѣмъ гибельнымъ толчкомъ, который разрушилъ зданіе, хотя и весьма шаткое, могшее не только еще долго удержаться, а при увеличеніи средствъ, и нѣкоторой болѣе энергической распорядительности и совсѣмъ устоять. Можно положительно сказать, что будь въ 1843 году, по примѣру предшествовавшихъ годовъ, въ Дагестанѣ и на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи въ сборѣ дѣйствующіе отряды, хотя бы по 6-ти батальоновъ, которые изъ своего лагернаго расположенія могли каждую минуту двинуться къ угрожаемому пункту и вмѣстѣ съ тѣмъ сами постоянно угрожали бы непокорнымъ ауламъ вторженіемъ, а между тѣмъ занимались бы разработкою дорогъ, то не только не произошли бы трагическія происшествія 1843 года, но Шамилю неудалось бы довести своей власти надъ соединенными горцами до того абсолютизма, который далъ ему возможность еще 16-ть лѣтъ, вести упорнѣйшую борьбу съ русской имперіею.

Князь Чернышевъ, собственно говоря, въ основаніе своихъ предположеній бралъ вполнѣ правильныя и несомнѣнно полезныя соображенія, предлагая исподоволь занимать и упрочивать за нами плоскости; но вдался въ крайность запрещеніемъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій и движеній, вмѣсто запрещенія лишь эфемерныхъ экспедицій.

Генералъ Нейдгардтъ, съ самого пріѣзда въ Тифлисъ, въ глазахъ проницательныхъ людей, уже былъ признанъ человѣкомъ, далеко не соотвѣтствующимъ своему назначенію. Образованный, безкорыстный, строго относящійся къ себѣ и другимъ, привыкшій педантически исполнять свои обязанности, онъ при этомъ былъ типъ нѣмецкаго методиста, вникалъ во всякую мелочь, хотѣлъ держать въ своихъ рукахъ всѣ пружинки обширной, многосложной и разнообразной машины, именуемой главнымъ управленіемъ Кавказскимъ краемъ, въ военномъ, гражданскомъ, политическомъ отношеніяхъ. Человѣкъ, непривыкшій къ инициативѣ, не допускавшій ее и въ подчиненныхъ, напуганный кровавымъ эпизодомъ Ичкеринской экспедиціи Граббе, боязливо настроенный сообщеніемъ и робкими инструкціями изъ Петербурга, могъ ли генералъ Нейдгардтъ

стоять во главѣ такого дѣла, какъ борьба съ кавказскими горцами, превратившимися вдругъ въ компактную силу, руководимую одною волею. Къ тому же, незнаніе края, преклонныя лѣта, разстроенное здоровье, чрезвычайная раздражительность, усиливающаяся именно отъ вниканія и вмѣшательства во всякую мелочь, не могли не вліять на дѣятельность этаго, вполнѣ достойнаго, заслуженнаго человѣка, вся вина коего была въ томъ, что онъ получилъ несоотвѣтствовавшее назначеніе.

Вполнѣ подчинившись настойчиво выраженному княземъ Чернышевымъ взгляду на счетъ оборонительной системы, генералъ Нейдгардтъ еще въ августѣ мѣсяцѣ 1843 года до катастрофы въ Дагестанѣ представилъ въ Петербургъ предположенія о занятіяхъ войскъ въ 1844 году. Все ограничивалось работами въ штабъ-квартирахъ, укрѣпленіяхъ и т. п. Кабардинскій полкъ распредѣлялся, напримѣръ, такимъ образомъ: 1 батальонъ строитъ промежуточный постъ на Ярыкъ-Су, 2 и 3 достраивать укрѣпленіе Куринское; 4 и 5 работать во Внезапной надъ довершеніемъ казармъ, лазаретовъ и т. п.

Но не успѣли еще эти миролюбивыя предположенія достигнуть своего назначенія, какъ вдругъ получается въ Тифлисѣ донесеніе объ Унцукульскомъ происшествіи и затѣмъ что ни день, то новыя, громовыя извѣстія!.. Въ октябрѣ пришлось отбросить въ сторону боязнь раздражить противорѣчіями военнаго министра и генералъ Нейдгардтъ уже пишетъ, что продолжать такъ невозможно, что мы слишкомъ снисходительно обращались съ туземцами, прощали за измѣны и т. п., тогда какъ Шамиль, дѣйствуя страхомъ, достигъ въ короткое время своей цѣли и заставилъ трепетать и повиноваться; что снисхожденія не въ характерѣ азіатцевъ, которые считаютъ ихъ слабостію; что необходимо сокрушить все сдѣланное Шамилемъ для соединенія горцевъ въ одно цѣлое.

Этихъ строкъ было достаточно, чтобы все оборонительное зданіе рухнуло, какъ карточный домикъ. Генералу Нейдгардту посланъ запросъ—какъ сокрушить? Не занять ли Андійское Койсу отъ Ашильты до Тлоха и разобщить тѣмъ силы непріятеля? Впрочемъ, этимъ указаніемъ не стѣсняли генерала Нейдгардта, предоставляли все его ближайшему усмотрѣ-

нію; но только повторялось рѣшительно, чтобы при дѣйствіяхъ не возобновлялась прежняя система безплодныхъ и въ высшей степени вредныхъ экспедицій и набѣговъ, особенно въ горахъ; а стараться занять что нибудь прочно и утвердить въ занятой мѣстности свою власть.

Когда же получены были донесенія о послѣдующихъ печальныхъ событіяхъ, 18-го ноября изъ Петербурга писали: Государь не измѣняетъ прежняго своего мнѣнія насчетъ неизбѣжности общей системы дѣйствій, но убѣдился однако въ необходимости перейти *временно* къ наступательнымъ дѣйствіямъ, *дабы рѣшительнымъ ударомъ сокрушить власть Шамиля*. Съ этою цѣлью будутъ двинуты на Кавказъ остальныя двѣ дивизіи 5-го корпуса (13 и 15-я) и маршевые батальоны изъ 6-го корпуса для пополненія убыли въ полкахъ Кавказскихъ *).

Очевидная крайность: или вовсе не дѣйствовать, или «сокрушить однимъ ударомъ». Эти нѣсколько словъ императора Николая были краеугольнымъ камнемъ, на которомъ воздвигались планы экспедицій 1844 и 1845 годовъ, поглотившія громадныя средства, стоившія не малыхъ кровавыхъ жертвъ, и въ конецъ уничтожившихъ все обаяніе нашей силы и превосходства. Но какъ вообще нѣтъ худа безъ добра, то и здѣсь дорого оплаченный урокъ повелъ къ полезнымъ результатамъ.

Вслѣдствіе приведеннаго повелѣнія генералъ Нейдгардтъ представилъ новыя предположенія о дѣйствіяхъ въ 1844 году, основанныя уже на разсчетѣ нахожденія въ его распоряженіи 5-го корпуса. Чеченскій отрядъ долженъ былъ въ маѣ дѣйствовать наступательно въ Чечнѣ и Аухѣ, а въ іюнѣ чрезъ Салатавію, Гумбетъ и Андію идти въ Дарго. Дагестанскіе же отряды—сѣверный и южный покорить Акушу, занять опять Аварію и возобновить потерянныя укрѣпленія.

Императоръ Николай нашелъ эти предпріятія не особенно важными и несоотвѣтствующими тѣмъ большимъ средствамъ, какія назначены въ распоряженіе генерала Нейдгардта. Въ

*) Въ Кабардинскій полкъ поступилъ батальонъ Бородинскаго полка.

собственноручно составленномъ письмѣ, отъ 2-го февраля 1844 г. Государь послалъ ему отвѣтъ, который приводится здѣсь вполнѣ:

«Александръ Ивановичъ! прочитавъ со вниманіемъ всѣ бумаги, содержащія, какъ обзоръ нынѣшняго положенія дѣлъ, такъ и проектъ предполагаемыхъ дѣйствій, и наконецъ разспрося и выслушавъ подробно полковника Вольфа *) нужнымъ считаю отвѣчать тебѣ слѣдующее:

«Когда съ симъ же полковникомъ Вольфомъ сообщилъ я тебѣ, какіе способы назначилъ я для дѣйствій сего года, равно съ какою цѣлью я предоставлялъ ихъ въ твое распоряженіе, не были мнѣ еще извѣстны событія, заставившія покинуть Аварію.

«Хотя потеря сія значительно затрудняетъ исполненіе *непремѣнной* моей цѣли; но не вижу однако *ни одной* уважительной причины, могущей меня заставить отказаться отъ оной.

«Предположеніе твое покорить Акушу, и такимъ образомъ обезпечить тылъ и лѣвый флангъ войскъ, дѣйствующихъ *въ сѣверномъ Дагестанѣ*, правильно и совершенно полезно; потому соглашаюсь на оное и тѣмъ охотнѣе, что, какъ вижу, ты полагаешь кончить сію экспедицію *до* времени удобнаго для начала дѣйствій въ горахъ. Желаю только, чтобы лишнихъ войскъ на сіе не было употреблено, дабы оберечь силы для *главныхъ дѣйствій въ горахъ.*

«Постройка укрѣпленія на дорогѣ изъ *Акуши* въ Шуру, *хороша;* но ты про *Гергебиль* ничего не говоришь; желаю знать: входитъ ли въ твои предположенія возстановить сей постъ и въ какой силѣ?

«Затѣмъ обращаюсь къ *главной цѣли*: дѣйствіямъ въ *Чечнѣ* и въ *горахъ*. Здѣсь мысли наши *совершенно не сходны.*

«Ты ограничиваешъ всѣ дѣйствія, прогулкой *по Чечнѣ*, воз-

---

*) Генеральнаго штаба полковникъ Николай Ивановичъ Вольфъ привезъ въ С.-Петербургъ предположенія, съ тѣмъ чтобы словесно пояснить всѣ могущія встрѣтиться недоразумѣнія. Вольфъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта членомъ военнаго совѣта умеръ въ мартѣ 1881 года въ Швейцаріи, гдѣ онъ жилъ много лѣтъ страдая нервнымъ разстройствомъ.

вращеніемъ *Аваріи*, возобновленіемъ *Хунзаха* и прочихъ брошенныхъ фортовъ, и потомъ обращаешъ всѣ огромные способы тебѣ данные, на одно улучшеніе нашихъ укрѣпленій. Согласно ли это съ моими ожиданіями, съ моими положительными требованіями?

«Разберемъ все по порядкѣ:

«Возвратить *Аварію* не мудрено; но знать надо: *для чего?* Ежели съ тѣмъ только, чтобы повторять всѣ прежнія ошибки, бѣдственными опытами искупленныя, то это было бы нынѣ *непростительно*.

«*Хунзахъ* никогда не былъ пунктомъ военной важности; одни политическія причины, уже нынѣ исчезнувшія, могли насъ заставить учинить ошибку—занять его; теперь же нѣтъ никакой уважительной причины съ доброй охоты повторять тоже.

«Ежели занимать намъ *Аварію* снова, то слѣдуетъ *прежде всего ее узнать* въ подробности, чего доселѣ не было, и тогда убѣдиться есть ли возможность избрать иной стратегическій пунктъ, гдѣ бы можно было съ пользою основать укрѣпленіе значительное, гдѣ бы кромѣ гарнизона, можно было оставить какъ въ центрѣ горъ, постоянный отрядъ батальоновъ въ шесть, съ нужнымъ числомъ артиллеріи, который, занимая центральный пунктъ среди враждебныхъ племенъ, могъ бы во всякое время двигаться въ любую сторону, имѣя возможность предупреждать всякій сборъ, всякій замыселъ. *Вотъ наша цѣль, иной быть не должно*. Если же, по тщательной рекогносцировкѣ вверхъ по *Андійскому Койсу*, такого мѣста не найдется, то рѣшительно бросить *Аварію*, устроивъ только при входахъ въ оную сильные посты, напримѣръ въ Балаканахъ, можетъ быть и въ Гоцатлѣ, дабы входъ былъ въ рукахъ нашихъ.

«Дѣйствія въ Чечнѣ тоже отнюдь не должны кончиться прогулкой; сперва надо разбить всѣ скопища и стараться покорить Салатау, Дарго и въ особенности Анди, какъ самое значительное и торговое мѣсто. Тогда, оставя сильный отрядъ въ ономъ, въ видѣ авангарда, для отнятія способовъ у непріятеля къ новымъ сборамъ, обратиться сейчасъ къ устрой-

ству передовой Чеченской линіи на тѣхъ точкахъ, кои по осмотру окажутся удобнѣйшими.

«Мнѣ желательно, чтобы отрядъ въ Аваріи въ особенности старался достичь мѣста, показаннаго на присланной картѣ подъ названіемъ Энхели; тутъ переправа чрезъ Койсу, и дорога на Анди; весьма бы хорошо было, если бы оказалось возможнымъ тутъ устроить упомянутое выше укрѣпленіе; во всякомъ случаѣ чрезъ сіе мѣсто кажется оба отряда могутъ войти въ сообщеніе и въ совокупное дѣйствіе.

«Здѣсь полезно будетъ не упустить изъ виду какіе мѣстные способы представятся къ возведенію укрѣпленій и проч. и нельзя ли будетъ, въ видѣ подати, возложить на ближайшіе племена доставку провіанта, скота и дровъ. Ежели мысль сего укрѣпленія состоится, то нужно будетъ связать сообщеніе съ онымъ изъ *Темиръ-Ханъ-Шуры* посредствомъ цѣпи малыхъ, но крѣпкихъ постовъ, чрезъ *Ахальчи* и *Цатаныхъ*.

«Когда все сіе исполнится, или, при невозможности послѣдняго, устроится хотя *передовая Чеченская линія*; тогда только я найду, что плодъ соотвѣтствовать будетъ даннымъ тебѣ способамъ.

«Противное же, или то, чѣмъ ты полагалъ довольствоваться, унизило бы насъ въ глазахъ враговъ, возвысило бы ихъ дерзость до нельзя, и уронило бы совершенно духъ тѣхъ войскъ, кои, по отсутствіи 5-го пѣхотнаго корпуса, съ которымъ вмѣстѣ ничего не могли сдѣлать, одни уже не почтутъ себя въ возможности ничего впредь предпринимать; однимъ словомъ, это была-бы гибель, вмѣсто помощи.

«Неужели ты это не видишъ самъ?

«Надѣюсь, что ты теперь убѣдишся въ томъ, что невозможнаго я не требую ни отъ тебя, ни отъ войскъ. Но требую откровеннаго отвѣта: *берешся ли сіе исполнить, какъ непремѣнную мою волю*, или нѣтъ?

«Въ первомъ случаѣ, дѣйствуй сходно моей волѣ, или, ежели не считаешъ возможнымъ принять на себя отвѣтственность исполненія, то скажи мнѣ, и тогда я приму нужныя по сему мѣры».

На этотъ рескриптъ генералъ-адъютантъ Нейдгартъ, отъ

29-го февраля, писалъ государю, что прежнія предположенія его были основаны на постепенномъ и потому болѣе медленномъ успѣхѣ къ указанной цѣли; но высшій взглядъ Императора и неизбѣжное возвращеніе 5-го корпуса въ Россію, ведутъ къ необходимости дѣйствовать неизмѣнно по указаніямъ Его Величества. Всѣ, отъ него до послѣдняго солдата, принесутъ себя въ жертву для исполненія воли государя, если ходъ дѣлъ и положеніе края не поставятъ какихъ либо неодолимыхъ преградъ. «Дай Боже, чтобы исполнилось», написалъ на этомъ письмѣ Николай Павловичъ. Однако подтвердилъ Нейдгарту предварительно открытія дѣйствій обратиться къ населенію съ воззваніями, чтобы горцы знали, что ихъ ожидаетъ; вообще употреблять политическія мѣры, быть снисходительнымъ и внимательнымъ къ народу, дабы видѣли разницу между управленіемъ нашимъ и Шамилевскимъ; наказывать только зачинщиковъ и возмутителей и т. п.

Нечего разъяснять, что генералъ Нейдгартъ измѣнилъ свои предположенія не по убѣжденію...

Пригласивъ къ себѣ въ Тифлисъ генераловъ Андерса и Гурко на совѣщаніе, корпусный командиръ составилъ слѣдующія новыя предположенія: со стороны лѣваго фланга и Дагестана должно быть усмиреніе общаго возстанія горскихъ племенъ, уничтоженіе власти Шамиля и прочное утвержденіе въ томъ краѣ, гдѣ онъ основалъ свое владычество. Для этого въ первомъ періодѣ вести рѣшительныя наступательныя дѣйствія, во второмъ прочное утвержденіе въ краѣ, которымъ мы овладѣемъ силою оружія, т. е. занять на Андійскомъ Койсу два пункта и укрѣпить ихъ; если же бы по какимъ либо обстоятельствамъ это не оказалось возможнымъ, то укрѣпить нѣсколько пунктовъ по правому берегу Аварскаго Койсу и на передовой Чеченской линіи. Но предварительно усмирить Акушу и Цудахаръ.

Къ числу наступательныхъ дѣйствій на первомъ планѣ относилось движеніе Чеченскаго отряда изъ Салатавіи чрезъ Андію въ Дарго, ибо Андія богатый, торговый аулъ, имѣющій большое вліяніе въ горахъ, а второй резиденція Шамиля и главный его опорный пунктъ. Для этого похода по-

лагались достаточнымъ два мѣсяца. При этомъ для облегченія Чеченскаго отряда должны были быть предприняты диверсіи: изъ Назрана въ Малую Чечню, изъ Казикумыха въ Андалялъ, изъ Темиръ-Ханъ-Шуры къ Аваріи, изъ Герзель-Аула къ Мискиту, даже съ лезгинской линіи къ Анкратлю: «все это должно имѣть огромное моральное вліяніе на горцевъ», присовокуплялось, по извѣстному шаблону.

Государь, прочитавъ этотъ докладъ, написалъ: «Остается молить милосерднаго Бога благословить препріятія наши; надѣюсь на храбрость войскъ, усердіе и способность частныхъ начальниковъ и если всѣ будутъ слѣдовать неуклонно, и помимо всякихъ препятствій, къ назначенной цѣли, то будетъ успѣхъ». Предположенія эти были переданы еще на разсмотпіе графа Паскевича, находившагося тогда въ Петербургѣ. Свѣтлѣйшій князь Варшавскій нашелъ ихъ составленными «вполнѣ вѣрно и обѣщающими полный и вѣрный успѣхъ».

До чего однако все еще доходило незнаніе истиннаго положенія кавказскихъ дѣлъ, можно судить потому, что 17-го марта 1844 года къ генералу Нейдгарту, для его соображеній, была отправлена записка подполковника Муравьева *), обсуждавшаго мѣры къ покоренію Кавказа, вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось прежде вступленія въ бой объявить горцамъ всеобщее прощеніе, кромѣ одного Шамиля. Это должно-де произвести на нихъ глубокое впечатлѣніе и въ присутствіи сильныхъ отрядовъ обнаружить великодушіе могущественнаго правительства, которое, вмѣсто строгой кары, предастъ поступки ихъ милосердому забвенію. А между тѣмъ *не щадить денегъ для привлеченія вліятельныхъ людей*».

Горькимъ, дорого оплаченнымъ опытомъ пришлось разочароваться въ пользѣ подобныхъ мѣръ!...

Къ числу приготовительныхъ мѣръ относились также прокламаціи, которымъ придавалось особое значеніе и имѣлись надежды на впечатлѣніе. Содержаніе ихъ было и увѣщательное, и угрожающее: «Нынѣшній годъ долженъ рѣшить вашу участь,» говорилось тамъ, между прочимъ. Странная судьба

---

*) Впослѣдствіи графа Амурскаго.

постигла эти прокламаціи печатанныя по русски и татарски, разосланныя по всему Кавказу. Шамиль запретилъ ихъ чтеніе подъ смертною казнью, которая угрожала и тѣмъ кто ихъ доставитъ, а у него угроза была не пустымъ звукомъ, и потому едва ли кто прочиталъ прокламацію. Въ западной же части Кавказа черкесскіе старшины возвратили экземпляры начальнику праваго фланга, съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: Мы подданные турецкаго султана и живемъ съ вами въ мирѣ, пока нашъ государь въ мирѣ съ Россіею, а если иногда беремся за оружіе, то только для защиты противъ вашихъ нашествій. А потому прокламаціи генерала Нейдгарта до насъ во все не касаются; мы, вѣдь, не лезгины и чеченцы; онѣ присланы къ намъ, очевидно, по ошибкѣ»...

XXXI.

Открытіе Шамилемъ наступательныхъ дѣйствій.—Движеніе его къ Андреевой и пораженіе горцевъ Кабардинскими ротами.—Прибытіе, ген. Нейдгарта съ войсками и препятствія встрѣченныя къ началу дѣйствій. — Неудачное движеніе въ м. Чечню.—Дѣла въ Дагестанѣ.—Нерѣшительность нашихъ дѣйствій.—Частные успѣхи.—Начало общихъ наступательныхъ движеній.—Отступленіе Шамиля отъ Бартуная.—Раздѣленіе отрядовъ и дѣйствія въ Акушѣ.

Шамиль не сталъ ожидать нашихъ наступленій и очевидно не смущался прибытіемъ новыхъ войскъ. Онъ уже успѣлъ убѣдиться въ неодолимыхъ затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ нами въ горахъ, когда мы дѣйствуемъ массой, и въ нашей побѣдимости, когда остаются раздробленныя части. Для поддержанія духа въ своихъ подвластныхъ, ободренія недавно ему покорившихся или еще колебавшихся, онъ уже въ апрѣлѣ распорядился собрать значительныя партіи и появился одновременно и въ Дженгутаѣ, и въ сторонѣ Казыкумыха, и на Кумыкской плоскости. Въ южномъ Дагестанѣ замѣчалась наклонность къ волненію. На бѣду, весна вышла въ тотъ годъ чрезвычайно поздняя, дождливая; перевозочныхъ средствъ нельзя было собрать въ достаточномъ числѣ и перевозка запасовъ подвигалась крайне медленно, а между тѣмъ провіанта, по увеличившемуся числу войскъ, было недостаточно, подножный кормъ не появлялся. Всѣ разсчеты разстроились.

23-го апрѣля Шамиль опять сдѣлалъ попытку на Андрееву деревню. Но въ этотъ разъ командиръ Кабардинскаго полка полковникъ Козловскій даже не сталъ ожидать нападенія, а узнавъ только, что непріятель расположился не далеко отъ Внезапной на уроч. Чумлы, собралъ 9-ть ротъ Кабардинцевъ,

3 сотни казаковъ и 3 орудія и выступилъ на встрѣчу. 2-ой батальонъ, 1 орудіе и Андреевскихъ жителей съ подполковникомъ Ранжевскимъ послалъ по правому берегу Акташа, а съ остальными пошелъ по лѣвому и рѣшительно атаковалъ толпу въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, встрѣтившихъ насъ залпами. Дѣло продолжалось здѣсь не долго; разбитая толпа перешла на правый берегъ и бросилась на Ранжевскаго, но тотъ встрѣтилъ ее штыками, а съ прибытіемъ къ нему 4-го батальона дружно атаковалъ горцевъ и заставилъ бѣжать.—Мы потеряли 5 убитыхъ и 57 раненыхъ, въ томъ числѣ одного офицера. Если принять въ соображеніе, что у Шамиля было не менѣе 5 тысячь человѣкъ, что горцы были ободрены недавними успѣхами, а мы, напротивъ, смущены неудачами и приказаніями не способствовавшими къ ободренію, то нужно отдать справедливость покойному В. М. Козловскому, что онъ выказалъ замѣчательную рѣшимость, атаковавъ непріятеля съ 9-ю ротами; а наши лихіе егеря, съ незабвеннымъ Ранжевскимъ, напомнили горцамъ значеніе черныхъ воротниковъ съ синими погонами. Дѣло 23-го апрѣля было вполнѣ молодецкое и даже сохранилось въ памяти полка особо сложенною солдатскою пѣсныю*).

---

*) Звукъ побѣды раздается
Здѣсь во гибельныхъ горахъ,
Гдѣ мы встрѣтимся съ врагами
Мы сразимся на штыкахъ...
Мы спокойныхъ дней не знаемъ,
Всегда ходимъ по горамъ,
Злыхъ враговъ казнить умѣемъ,
Честь и слава будетъ намъ.
За Насъ мать наша Россія
Молитъ Бога завсегда,
Намъ отъ горскаго злодѣя
Нѣтъ покоя никогда.
Двадцать третьяго апрѣля,
На разсвѣтѣ бѣла дня,
Запоемъ мы пѣсню эту,
Про изверга Шамиля.
Всѣхъ чеченцевъ и тавлинцевъ
Онъ собралъ со всѣхъ горъ,
Во Внезапной Кабардинцевъ

Въ этомъ дѣлѣ названъ особо отличившимся рядовой кн. Ягивиль, извѣстный впослѣдствіи командиръ л.-гв. Гусарскаго полка, разжалованный за дуэль, съ зачисленіемъ въ Кабардинскій полкъ. Ягивиль получилъ Георгіевскій крестъ.

Между тѣмъ генералъ Нейдгартъ, прибывъ въ ст. Червленную, сосредоточивъ большую часть войскъ по лѣвому берегу Терека и не могъ начать общихъ наступательныхъ дѣйствій, какъ уже сказано, по недостатку продовольствія, не прибывшаго еще въ опредѣленные пункты; подножнаго корма не было, отъ этого пострадали уже съ самаго начала подъемныя лошади въ войскахъ, черводарскихъ же вьюковъ не оказалось потому, что они не могли пройти въ свое время изъ Дербента въ Шуру, гдѣ сообщеніе было прервано возмутившимися акушинцами; наконецъ, по необыкновенному разливу Терека и недостатку паромовъ, переправа у Амиръ-Аджи юрты чрезъ Терекъ задержала отрядъ 12 дней! (мостовъ тогда совсѣмъ не было). Однимъ словомъ, вмѣсто 1-го мая, едва только 10 іюня можно было выступить! Неудачи преслѣдовали насъ на каждомъ шагу: то при переправѣ паромъ опрокинулся и утонуло 30 человѣкъ, то партія горцевъ въ 80 человѣкъ, замѣтивъ оплошность новыхъ войскъ 5 корпуса, напала близь Амиръ-Аджи-юрта на команду саперъ и стрѣлковъ и, почти въ виду всего

Обступилъ со всѣхъ сторонъ.
Намъ стоять было опасно,
Войска множество его;
Ожидали ежечасно
Мы героя своего.
Генералъ-маіоръ Козловскій
Закавказскій нашъ герой,
Знаемъ духъ его геройскій,
Съ нимъ снесемъ мы все долой.
Громъ гремитъ, земля трясется,
Запылали въ насъ сердца,
Конь какъ левъ подъ нимъ несется,
Мы узнали тутъ отца.
Вдругъ увидѣлъ онъ чеченцевъ,
Свою шашку обнажилъ,
Да съ горстью Кабардинцевъ
Врага тутъ же порѣшилъ.

лагеря, убили 28, ранили 13 и увели въ плѣнъ 2-хъ человѣкъ!.. Въ другой разъ небольшая партія тутъ же опять отогнала болѣе сотни казенныхъ лошадей и среди бѣлаго дня, въ глазахъ отряда скрылись съ добычей!..

Всѣ эти вновоприбывшіе батальоны, совершенно непривычные къ своеобразной службѣ кавказской, постоянно подвергались нападеніямъ мелкихъ шаекъ и теряли по нѣсколько человѣкъ, то находясь въ прикрытіи оказіи, то на рубкѣ дровъ, или фуражировкѣ, и проч.

Въ маѣ, чтобы хоть что нибудь предпринять и ободрить чеченцевъ, являвшихся съ заявленіями о желаніи якобы покориться намъ, генералъ Нейдгартъ приказалъ генералъ-маіору Фрейтагу изъ Грозной, а полковнику Нестерову изъ Назрана одновременно двинуться въ Малую Чечню. Нестеровъ, неосторожно вдался на Валеринѣ въ лѣсъ, уже бывшій въ 1840 году столь кровавымъ для отряда генерала Галафѣева; онъ былъ окруженъ чеченцами, потерялъ 7 офицеровъ и 200 человѣкъ, и выбрался изъ крайне опаснаго положенія только благодаря прибытію ген. Фрейтага, который послалъ два Куринскихъ батальона на штурмъ завала, заграждавшаго входъ въ лѣсъ гдѣ былъ окруженъ отрядъ Нестерова. Съ взятіемъ завала, Куринцы появились на выручку и чеченцы поспѣшили скрыться. Соединившись, войска обоихъ отрядовъ простояли три дня около Гехи и, не видя чеченцовъ съ заявленіемъ покорности, отступили.

Все это движеніе самъ генералъ Нейдгардъ счелъ безрезультатнымъ...

Въ Дагестанѣ же, гдѣ первымъ дѣломъ должно было быть усмиреніе Акуши и Цудахара, (или Даргелійскій округъ) генералъ Лидерсъ не рѣшался выступать безъ одновременнаго движенія туда князя Аргутинскаго съ Самурскимъ отрядомъ изъ южнаго Дагестана, а этотъ не могъ тронуться, потому что уже съ первыхъ чиселъ апрѣля Шамиль послалъ Кибитъ-Магому и Хаджи-Мурата съ партіями въ Казикумыхское владѣніе гдѣ они возмущали жителей, а нѣкоторыхъ переселяли въ горы, угрожая самому Казикумыху. Нужно было прежде прогнать непріятеля и возстановить спокойствіе въ южномъ

Дагестанѣ. Благодаря отличнымъ дѣйствіямъ князя Аргутинскаго, атаковавшаго и разбившаго 22-го апрѣля горцевъ у Марги, дѣла тамъ устроились и Самурскій отрядъ уже предполагалъ двинуться впередъ къ Акушѣ, какъ въ первыхъ числахъ іюня лезгины вторично ворвались въ Казикумыхъ. 9-го іюня князь Аргутинскій опять встрѣтилъ непріятеля на высотахъ Докуль-Беръ и разбилъ его, обративъ въ бѣгство, съ большимъ урономъ.

Такимъ образомъ первый періодъ военныхъ дѣйствій, вмѣсто предположеннаго наступленія, превратился отчасти въ вынужденное бездѣйствіе, отчасти въ оборонительныя дѣла, отчасти въ поискъ, не имѣвшій результата. За все это время мы потеряли убитыми 4 штабъ и оберъ офицеровъ, 255 нижнихъ чиновъ, ранеными 35 штабъ и оберъ офицеровъ, 665 нижнихъ чиновъ, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ контуженныхъ, такъ что изъ строя выбыло 44 офицеровъ и 1000 нижнихъ чиновъ.

Военный министръ; уже послѣ этихъ первыхъ событій, представилъ государю цѣлый длинный докладъ, съ замѣчаніями на распоряженія генерала Нейдгарта, указывая подробно и большею частью вполнѣ основательно на ошибки, медленность и нерѣшительность дѣйствій. Къ числу главныхъ труднообъяснимыхъ распоряженій, князь Чернышевъ относилъ описанное движеніе генерала Фрейтага въ Чечню съ небольшимъ отрядомъ, потерпѣвшаго напрасно значительный уронъ и уронившаго все значеніе, какое бы должно имѣть прибытіе на Кавказъ такого значительнаго количества новыхъ войскъ; за тѣмъ, по возвращеніи этого отряда въ Грозную, вмѣсто того, чтобы двинуть его прямымъ путемъ чрезъ Умаханъ-Юртъ къ Внезапной, куда все равно должны были сосредоточиться войска, направили его назадъ за Терекъ, на затруднительную поромную переправу, при чемъ утонуло 30 человѣкъ. Раздробленіе войскъ уже много разъ приводило къ дурнымъ результатамъ и это было указываемо въ повелѣніяхъ Государя, а между тѣмъ генералъ Нейдгартъ, до средоточенія всѣхъ войскъ для выступленія въ горы, оставаясь самъ съ генераломъ Гурко въ Червленной, разбросалъ частями батальоны на большомъ

пространствѣ и поэтому гдѣ являлся непріятель, дерзко угрожая или атакуя наши укрѣпленія и покорные аулы, его встрѣчали слабыя колонны, которыя, при всей своей храбрости не могли наносить ему рѣшительныхъ пораженій, какъ это случилось съ полковникомъ Козловскимъ при столкновеніи его съ скопищемъ Шамиля у Чумлы; также и въ Дагестанѣ, не взирая на большое число войскъ, сообщеніе съ Дербентомъ не было обезпечено, усмиреніе Акуши затягивалось до безконечности. Генералъ Лидерсъ не рѣшался приближаться къ непріятелю, между тѣмъ, какъ имъ-же посланный для рекогносцировки позиціи непріятеля на Кадорѣ подполковникъ Евдокимовъ, съ двумя батальонами, смѣло дошелъ до Кадора, осмотрѣлъ всю мѣстность и непріятель не дерзнулъ его атаковать, а между тѣмъ Евдокимовъ, согласно данному ему приказанію, отступилъ и горцы не замедлили приписать себѣ побѣду, потому что всякое наше отступленіе, хотя бы съ рекогносцировки, въ ихъ глазахъ есть результатъ страха русскихъ предъ ними. Далѣе, раздробленіе войскъ все усиливалось: въ Дагестанѣ отдѣлили особый отрядъ генералъ-маіора Кудашева, а этотъ отдѣлилъ отъ себя еще особый эшелонъ полковника Пассека, которому съ 7-ю ротама и 4 сотнями Донскихъ казаковъ пришлось выдержать при Кака-Шурѣ бой съ 6-ю т. акушинцевъ, хотя и обращенныхъ въ бѣгство, благодаря отвагѣ самого Пассека и геройству солдатъ, но пораженіе непріятеля было бы конечно рѣшительнѣе, если бы вмѣсто семи ротъ было по крайней мѣрѣ то число батальоновъ и орудій которое отдѣлили въ колонну Кудашева.

Извѣстій о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ еще не было, но князь Чернышевъ, дѣлая всѣ эти замѣчанія, уже не ожидалъ никакихъ выгодныхъ результатовъ, считая не рѣшительность генерала Нейдгарта причиною напрасныхъ усилій и жертвъ.

А Шамиль не переставалъ все это время употреблять всякія усилія для возмущенія оставшихся намъ покорными обществъ и мелкими партіями тревожить наши сообщенія. Такъ, онъ отправилъ Кибитъ-Магому въ гористую часть Шамхальства выселить жителей большаго аула Кака-Шура, но Пассекъ стоявшій съ передовымъ обсерваціоннымъ отрядомъ, изъ семи

ротъ при 2-хъ орудіяхъ и 4-хъ сотняхъ Донскихъ казаковъ, со свойственною ему отвагою атаковалъ многотысячную толпу горцевъ и разбилъ ее на голову. На Лезгинской линіи, совершенно неожиданно для насъ и къ большой выгоды Шамиля, возмутился султанъ Элисуйскій, Даніель-Бекъ, генералъ-маіоръ русской службы искони вѣрный, но былъ разбитъ отрядомъ генералъ-маіора Шварца и бѣжалъ въ горы.

Но всѣ эти частные успѣхи не оказывали никакого вліянія на общій ходъ дѣлъ, имѣвшихъ вести къ выполненію предположеній, для которыхъ собраны были столь большія средства и генералъ Нейдгартъ наконецъ рѣшился, не ожидая окончательнаго заготовленія всего опредѣленнаго количества сухарей, начать наступательныя дѣйствія.

Первою цѣлью должно было быть покореніе Даргелійскаго округа (т. е. Акуши и Цудахара) посредствомъ совокупнаго движенія Дагестанскаго и Самурскаго отрядовъ на Акушу, дабы поразить скорѣе и вѣрнѣе непріятеля, еслибъ онъ вздумалъ сопротивляться.

Для сего нужно было смѣнить первый изъ сихъ отрядовъ въ сѣверномъ Дагестанѣ частью Чеченскаго отряда и генералъ-адъютантъ Нейдгартъ рѣшился избрать для этой смѣны путь чрезъ землю салатавцевъ, на Чиркей, надѣясь имѣть болѣе случаевъ разбить горцевъ на этой дорогѣ, нежели на той, которая проходитъ по плоскости отъ Терека на Темиръ-Ханъ-Шуру; сверхъ того, немедленная покорность салатавцевъ, на которую надѣялись, много бы облегчила всѣ послѣдующія дѣйствія и обезпечила бы совершенно Шамхальскую равнину.

По этимъ соображеніямъ, къ 9-му іюня, у кр. Внезапной, сосредоточился Чеченскій отрядъ, въ составѣ $14^3/_4$ батальоновъ пѣхоты *), двѣ пѣшихъ дружины Грузинской милиціи, 10 сотенъ кавалеріи и 30 легкихъ и горныхъ орудій, и двинулся чрезъ Балтугай, Зураму и Косталу на Хубарскія высоты, занятыя 10 т. сборищемъ непріятеля.

---

*) Въ томъ числѣ 1, 2 и 3 батальоны Кабардинскаго полка, 2325 человѣкъ въ строю.

Для облегченія предстоявшей атаки, генералъ-адъютантъ Нейдгартъ предписалъ генералу Лидерсу сдѣлать демонстрацію съ частью силъ Дагестанскаго отряда отъ Темиръ-Ханъ-Шуры къ Ахатлинской переправѣ, или аулу Чиркею. Въ тоже время направилъ онъ полковника Богаевскаго съ отдѣльною колонною изъ Кази-Юрта къ Чиръ-Юрту, для занятія высотъ на правомъ берегу Сулака, около Міатлинской переправы, откуда горцы могли затруднить слѣдованіе нашихъ войскъ чрезъ урочище Дашкасанъ.

Первое движеніе имѣло неожиданный успѣхъ, потому что генералъ Лидерсъ, вмѣсто демонстаціи, форсировалъ переправу чрезъ Сулакъ, и 13-го числа поднялся на высоты Ибрагимъ-Дада, по дорогѣ къ Гертме, съ 6¼ батальонами, 14-ю орудіями и 5-ю сотнями кавалеріи. Такимъ образомъ, онъ вышелъ въ тылъ непріятельскому сборищу, занимавшему Хубарскія высоты и тѣмъ самымъ дозволилъ Чеченскому отряду безпрепятственно перейти 14-го числа чрезъ это лѣсистое дефиле, послѣ незначительной перестрѣлки.

15-го числа непріятель въ значительныхъ силахъ занялъ за балкою Теренгулъ, близь аула Бартуная, весьма крѣпкую съ фронта позицію, которая была сильно укрѣплена и занята не менѣе какъ 12 т. горцевъ, съ 5-ю орудіями, подъ предводительствомъ Шамиля. Того же числа, въ 11 часовъ утра, оба наши отряда соединились близь аула Гертме, въ виду непріятельской позиціи, въ составѣ 21 батальона пѣхоты, 2 пѣшихъ дружинъ милиціи, 15 сотенъ кавалеріи и 44 орудій.

Генералъ-адъютантъ Нейдгартъ,, обозрѣвъ непріятельскую позицію, не рѣшился атаковать ее съ фронта и предпочелъ принудить непріятеля оставить ее безъ боя, угрожая ему обходомъ со стороны Алмака частью нашихъ силъ. Движеніе это отложено было до слѣдующаго дня.

16-го числа, въ 3 часа утра, обходная колонна (6 батальоновъ, 14 сотенъ кавалеріи и 6 орудій), подъ начальствомъ генералъ-маіора Клюки-фонъ-Клугенау, направилась чрезъ хребетъ Сулукъ-Булакъ къ сторонѣ Алмака, на главный путь отступленія непріятеля, съ тѣмъ, чтобы спуститься въ ущелье, по которому пролегаетъ дорога въ Гумбетъ и Андію, въ то

время какъ начнется главная атака. Остальныя силы соединенныхъ отрядовъ, раздѣленныя на двѣ колонны, подъ начальствомъ генераловъ: Лидерса и Гурко, должны были атаковать съ фронта, въ то время, какъ движенie генерала Клугенау заставитъ непрiятеля очистить балку Теренгулъ. Колонны сiи выстроились на позицiи въ 8 часовъ утра. Между тѣмъ, лишь только Шамиль узналъ о появленiи нашихъ войскъ на Сулукъ-Булакѣ, которое угрожало поставить его между двухъ огней, онъ приказалъ всему сборищу отступать; отступленie началось въ 6 часовъ утра и къ 8 часамъ все плато, на которомъ лежитъ Бартунай было очищено отъ непрiятеля, а въ 9 часовъ колонна генерала Гурко переправилась черезъ Теренгулъ, соединилась съ войсками генерала Клугенау и въ слѣдъ затѣмъ возвратилась на прежнюю позицiю у Гертме.

Такимъ образомъ, неудалось намъ нанести пораженie непрiятелю, ни на Хубарскихъ высотахъ, ни подъ Бартунаемъ, и Салатовская земля занята была безъ боя; но салатовцы непокорились и не входили съ нами ни въ какiя сношенiя.

Вечеромъ того же числа находившiяся здѣсь части Дагестанскаго отряда отправились въ Темиръ-Ханъ-Шуру, чтобы начать движенie въ Акушу, а на другой день Чеченскiй отрядъ раздѣлился на двѣ части: 6 батальоновъ (въ томъ числѣ 1-й Кабардинскiй) грузинская милицiя и 10 орудiй, двинулись также въ Темиръ Ханъ-Шуру, для охраненiя сѣвернаго Дагестана, а остальныя войска расположились на урочищѣ Ибрагимъ Дада.

Никогда еще Кавказскiя горы не видѣли въ одномъ пунктѣ такого отряда русскихъ войскъ, какъ въ этотъ разъ; 21 батальонъ, считая только по 650 человѣкъ въ каждомъ—13,650, двѣ дружины 1,000, пятнадцать сотенъ 1,500 и 44 орудiй, всего не менѣе 17 тысячъ человѣкъ въ строю, съ такою артиллерiею, противъ 12 тысячъ горской орды съ 5 пушками. И не рѣшились атаковать!..

Тотъ же генералъ Клугенау, который пошелъ съ 6-ю батальонами, 6-ю орудiями и 14 сотнями въ обходъ Теренгульскаго оврага, не разъ наголову разбивалъ скопища горцевъ съ 6-ю ротами и двумя пушками, не имѣя за собою ни еди-

наго человѣка въ резервѣ! Этотъ же Теренгульскій оврагъ, въ маѣ 1839 года, какъ уже разсказано въ своемъ мѣстѣ, былъ атакованъ генераломъ Граббе, безъ всякихъ обходовъ, и взятъ Лабынцевымъ съ двумя батальонами Кабардинцевъ!..

Шамиль не сталъ ожидать появленія въ тылу у себя русскихъ войскъ и отступилъ; это совершенно естественно, въ виду несоразмѣрности силъ и благоразумнаго желанія избѣгать открытаго боя, безъ всякихъ шансовъ на успѣхъ. Но и отступленіе онъ совершилъ во все не такъ, какъ мы привыкли видѣть въ прежнее время, когда отступленіе было въ сущности бѣгствомъ. Нѣтъ, онъ стоялъ на возвышеніи, окруженный большою толпою наибовъ, духовныхъ лицъ, приближенныхъ мюридовъ и конвоя, надъ нимъ держали большой дождевой зонтикъ, прикрывая отъ лучей солнца, а все скопище, раздѣленное на тысячные дружины, дефилировало предъ нимъ церемоніальнымъ маршемъ, подъ звуки зурны, бубновъ, распѣвая гимнъ мюридизма «Ля иль ла!» Это происходило на совершенно открытомъ, чистомъ Бартунайскомъ плато, въ 8 часовъ утра, въ виду нашихъ двухъ корпусныхъ командировъ и огромнаго отряда, за часъ до прибытія обходной колонны генерала Клугенау. И когда непріятель уже скрылся со всѣмъ, тогда генералъ Гурко съ половиной отряда былъ двинутъ чрезъ пустой оврагъ, для того чтобы встрѣтить обходную колонну и съ нею вмѣстѣ возвратиться, не попытавъ по крайней мѣрѣ возможности пройти дальше и показать непріятелю, что его преслѣдуютъ; а вѣдь у насъ была масса кавалеріи на свѣжихъ лошадяхъ, нѣсколько отличныхъ сотенъ линейныхъ казаковъ и храбрыхъ грузинскихъ милиціонеровъ, которые могли бы уйти на нѣсколько верстъ впередъ, зная приближеніе пѣхоты!

16-го іюня 1844 года былъ для Шамиля однимъ изъ торжественнѣйшихъ дней: тутъ только вполнѣ выразился результатъ его успѣховъ 1843 года и тщета увѣреній кн. Граббе въ концѣ 1839 года о безвозвратномъ паденіи шамилевскаго значеніи.

Императоръ Николай, читая журналъ этихъ дѣйствій, написалъ: «Жаль что не дали урока полчищамъ Шамиля»!

По отступленіи отъ Бартуная, Шамиль собралъ совѣтъ, чтобы рѣшить дальнѣйшій планъ дѣйствій. Тесть его, извѣстный Кадій-Джемалъ-Эдинъ, высказалъ слѣдующее мнѣніе: не слѣдуетъ радовать русскихъ вступленіемъ съ ними бой; нужно стараться дѣйствовать на ихъ сообщенія, затруднять провозъ провіанта и морить голодомъ. Если они вздумаютъ расположиться въ Салатавіи, даже и въ Аваріи, то этимъ ничего не сдѣлаютъ; потеряютъ время, настанутъ холода и опять уйдутъ ни съ чѣмъ. Всѣ согласились съ этимъ мнѣніемъ. Скопища были частью распущены, частью посланы по разнымъ направленіямъ, а самъ Шамиль съ партіею отправился къ Акушѣ, чтобы удерживать ее отъ изъявленія намъ покорности.

Оставшись на Ибрагимъ-Дада съ своимъ отрядомъ (въ томъ числѣ 2 и 3 батальоны нашего полка). Генералъ Гурко приступилъ къ совершенному разоренію громаднаго аула-города Чиркея и ближайшаго измѣнническаго аула Зубута, съ мостомъ чрезъ Сулакъ. Это послѣднее исполнили 22-го іюня двѣ роты 3-го батальона при пустой перестрѣлкѣ. 1-го іюля отрядъ перешелъ въ Чиркей. 3-го, на фуражировкѣ, была перестрѣлка, подъ полковникомъ Ранжевскимъ убита лошадь. 4-го іюля генералъ Гурко былъ вызванъ въ Шуру, взявъ съ собою 2-й нашъ и 2-й Куринскій батальоны (о дѣйствіяхъ его будетъ сказано ниже). Въ Чиркеѣ же оставшіяся войска были подчинены генералу Лабынцеву. Онѣ разрушали Чиркей, рубили его сады, работали по улучшенію укр. Евгеніевскаго и постройкѣ тетъ-де-пона, ходили на фуражировки и т. п. (имѣя постоянно мѣлкія перестрѣлки).

XXXII.

Новыя предположенія ген. Нейдгарта.—Занятіе Акуши и движеніе къ Карадахскому мосту. — Отступленіе отрядовъ безъ результата. — Измѣненіе прежнихъ предположеній.—Выступленіе Чеченскаго отряда изъ Дагестана обратно за Сулакъ.—Движеніи на Аргунъ и постройка кр. Воздвиженской.— Набѣги въ окрестностяхъ. — Роспускъ отряда на зимнія квартиры.

По прибытіи въ Темиръ-Ханъ-Шуру, генералъ-адъютантъ Нейдгартъ занялся составленіемъ предположеній для продолженія наступательныхъ дѣйствій. Соображая настоящее положеніе края, необходимость значительныхъ резервовъ для обороны нашихъ предѣловъ, силу непріятеля, который не былъ еще разбитъ, силу, которую должны имѣть дѣйствующіе отряды, для достиженія предназначенной цѣли, количество провіанта, которое должно было сложить заранѣе на передовыхъ складочныхъ пунктахъ, и недостатокъ перевозочныхъ способовъ, онъ убѣдился, что одновременное движеніе Чеченскаго и Дагестанскаго отрядовъ въ долину р. Андійскаго Койсу, рѣшительно невозможно. По этому ограничился онъ снаряженіемъ одного только Чеченскаго отряда для экспедиціи въ самыя нѣдра горъ, а на Дагестанскій возложилъ прочное овладѣніе входомъ въ Аварію, т. е. занятіе Балаканскаго ущелья и устройство переправы чрезъ Аварское Койсу.

Удобнѣйшимъ путемъ вторженія въ Аварію признается дорога чрезъ Карадахскій мостъ; напротивъ того единственно возможная постоянная коммуникаціонная линія Аваріи съ Темиръ-Ханъ-Шурою, пролегаетъ чрезъ Балаканское ущелье и сел. Ирганай. По этому генералъ Нейдгардтъ предполагалъ двинуть Дагестанскій отрядъ отъ Акуши чрезъ Карадахскій

мостъ, въ обходъ Балаканскаго ущелья, недоступнаго съ фронта, и въ тоже время часть Чеченскаго отряда должна была спуститься къ Ирганаю, дабы устроить немедленно переправу чрезъ р. Койсу и перевезти необходимое количество запасовъ для войскъ генерала Лидерса, когда онѣ выйдутъ на возвышенность Арактау. Затѣмъ уже весь Чеченскій отрядъ направился бы чрезъ Циркей въ Андію.

Между тѣмъ Дагестанскій отрядъ, въ составѣ 13½ батальоновъ, 11½ сотенъ кавалеріи и 26 орудій, двинулся 20-го іюня въ Акушу чрезъ сел. Параулъ, Кака-Шуру, Лаваши и Моге, гдѣ присоединился къ нему, 30-го числа, Самурскій отрядъ, въ составѣ 7½ батальоновъ, 9½ сотенъ кавалеріи и 14 орудій. И такъ 21 батальонъ, 40 орудій, 3,000 конницы для усмиренія Акуши, этой безлѣсной, удобнодоступной Акуши, населеніе которой извѣстно своею малою воинственностью, полчища коей бѣжали изъ подъ Низовой отъ атаки казаковъ и были разбиты Пассекомъ съ 7 ротами! Просто глазамъ не вѣришь, читая эти военные журналы.

Между тѣмъ экспедиція въ Акушу приняла съ самаго начала неожиданный оборотъ. Оба отряда не встрѣтили на пути непріятеля и нашли всѣ аулы пустыми, жители скрылись со всѣмъ имуществомъ въ недоступныхъ лѣсистыхъ балкахъ, къ сторонѣ Шамхальства и Табасарани, или находились въ сборищѣ, слѣдовавшемъ съ фланга за движеніемъ нашихъ войскъ, никто не являлся ни для боя, ни съ изъявленіемъ покорности.

Арестованіемъ преданныхъ намъ лицъ, отсылкою аманатовъ въ горы, обѣщаніемъ скораго прибытія подкрѣпленія, угрозами, строгими и жестокими мѣрами, Шамиль успѣлъ удержать отъ переговоровъ съ нами акушинцевъ, которые съ самаго начала видѣли мало надежды на успѣхъ сопротивленія русскимъ и готовы были покориться.

Дѣйствительно, Шамиль съ конною партіею въ 1,500 лезгинъ прошелъ отъ Бартуная чрезъ Зубутъ, вверхъ по правому берегу Сулака, на Эрпили, Апшу и Оглы въ Акушу. Присутствіе его ободрило противную намъ партію. Но когда соединенные отряды наши двинулись отъ Моге чрезъ Акушу къ Цудахару, и когда Шамиль, отлагая бой со дня на день, оста-

вилъ наконецъ (30 іюня) безъ боя даже крѣпкую и укрѣпленную позицію на высокомъ гребнѣ, на который подымается дорога въ Цудахаръ, и хотѣлъ переселить всѣхъ жителей въ Аварію, то цудахарцы рѣшительно отказались исполнить это требованіе и, пользуясь приближеніемъ нашихъ войскъ, сами атаковали внезапно (1-го іюля) сборище Шамиля въ Баркамой-Цудахарѣ, убили до 200 мюридовъ, захватили 3 орудія Кибитъ-Магомы и преслѣдовали его до самаго Салтинскаго моста.

Вслѣдъ затѣмъ жители всего округа Даргели и возмутившіеся аулы Мехтулинскаго владѣнія изъявили намъ покорность и возвратились въ свои селенія.

Армія въ 20 батальоновъ при 40 орудіяхъ и 3,000 всадникахъ двигалась, чтобы усмирить Акушу, которую не разъ бивали два-три, четыре, батальона наши; эта масса войскъ двигалась по странѣ, покинутой населеніемъ, не встрѣчая непріятеля, а когда наконецъ онъ появился, то пораженіе ему нанесли не войска наши, а сами жители, противъ которыхъ мы и предприняли походъ! Государь, получивъ донесеніе объ усмиреніи Акуши и пораженіи цудахарцами мюридовъ, написалъ: «Надо Бога благодарить за подобный успѣхъ и *спасибо Лидерсу и Аргутинскому*. Пользуясь безотлагательно столь блистательнымъ успѣхомъ, можно бы нанести самому Шамилю рѣшительный вредъ, для чего генералъ Нейдгартъ неупустить современными и совокупными дѣйствіями направить все къ достиженію цѣли».

Но опять случилось иначе. Генералъ Лидерсъ хотѣлъ воспользоваться моральнымъ вліяніемъ удачнаго дѣла подъ Цудахаромъ, чтобы вторгнуться въ Аварію по слѣдамъ непріятеля и не ожидалъ встрѣтить на пути большого сопротивленія. 2 го іюля Дагестанскій и Самурскій отряды двинулись къ Салтинскому, а 4-го іюля къ Карадахскому мостамъ; того же числа непріятель успѣлъ уже разобрать мостъ и къ вечеру возвышенности лѣваго берега Аварскаго Койсу были заняты весьма значительнымъ скопищемъ горцевъ, а на правомъ берегу, къ сторонѣ Тилитля, на флангѣ нашихъ войскъ, явилась другая сильная партія Кибитъ-Магомы. Позиція, занятая Шамилемъ, сильная по мѣстности, была искусно укрѣплена завалами, во-

оруженными 3-мя орудіями. Въ продолженіи трехъ дней генералъ Лидерсъ искалъ удобнѣйшаго пункта для переправы и обхода этой позиціи, но мѣстность на всемъ теченіи рѣки вполнѣ благопріятствовала непріятелю. Сообразивъ эти затрудненія, огромную потерю, съ которыми бы сопряженъ былъ бой на этомъ мѣстѣ, недостатокъ военныхъ и продовольственныхъ припасовъ, и непризнавая, чтобы дѣло это могло имѣть важные результаты, потому что онъ не считалъ возможнымъ утвердиться въ Аваріи, генералъ Лидерсъ не рѣшился форсировать переправы у Карадахскаго моста. 8-го іюля оба отряда снялись съ позиціи и отступили, Дагестанскій къ Гергебилю, гдѣ предполагалось возвести укрѣпленіе, а Самурскій къ Чохскимъ высотамъ, выдержавъ довольно упорный бой съ непріятелемъ, его преслѣдовавшимъ.

Отступленіе за отступленіемъ! Не только старые кавказскіе офицеры, участники этихъ безплодныхъ маневровъ, но даже тифлисскіе старожилы изъ не военныхъ, но слѣдившихъ всегда, съ понятнымъ участіемъ, за военными дѣйствіями, еще болѣе грузинскіе князья, многіе братья и сыновья коихъ были съ милиціями въ Дагестанѣ,—не скрывали своего недоумѣнія и пожимали плечами при извѣстіяхъ объ этихъ событіяхъ. Я помню хорошо это время и сужденія на Лезгинской линіи.

Между тѣмъ, по первомъ извѣстіи о движеніи Дагестанскаго отряда къ Карадаху, часть Чеченскаго отряда (5½ батальоновъ *), дружина пѣшей милиціи, 4 сотни кавалеріи и 14 орудій), подъ командою генералъ-лейтенанта Гурко была направлена 6-го іюля, чрезъ Бурундукъ-Кале къ Зырянамъ, чтобы устроить переправу чрезъ Аварское Койсу, войти въ сообщеніе съ войсками генерала Лидерса и снабдить ихъ военными и продовольственными припасами. Отрядъ простоялъ здѣсь до 10-го числа, въ ожиданіи переправы главной колонны у Карадахскаго моста; но получивъ свѣдѣніе, что это предпріятіе не состоялось, генералъ-лейтенантъ Гурко сдѣлалъ рекогносцировку къ Зырянамъ, снялъ подробный планъ мѣст-

*) Въ этомъ числѣ 1-й и 2-й батальоны Кабардинскаго полка.

ности для предстоявшихъ инженерныхъ работъ, возвратился 12-го числа въ Темиръ-Ханъ-Шуру, отразивъ успѣшно при отступленіи атаки значительнаго сборища горцевъ, при чемъ потерялъ 1 офицера, 3 рядовыхъ убитыми, 45 нижнихъ чиновъ ранеными, больше все Куринцевъ, бывшихъ въ аррiегардѣ.

13-го іюля генералъ Фрейтагъ съ нашимъ и 1-мъ Куринскимъ батальонами отправился въ Эрпили прикрывать на пастьбѣ табунъ подъемныхъ клячь, а генералъ Гурко съ остальными выступилъ опять назадъ въ Чиркей...

Такимъ образомъ, въ половинѣ іюля, оба отряда сосредоточились снова въ сѣверномъ Дагестанѣ. Оставалось снарядить Чеченскій отрядъ къ главной экспедиціи въ Андію, но генералъ Нейдгартъ, находившійся все время въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ въ крайне болѣзненномъ, раздраженномъ состояніи, изнуренный жарой и непомѣрными занятіями по страшной массѣ бумагъ, насылаемыхъ со всѣхъ сторонъ и изъ гражданскаго управленія за Кавказомъ, не могъ не впасть въ еще большую нерѣшительность и окончательно возвратился къ своимъ первоначальнымъ убѣжденіямъ о неисполнимости предписанныхъ изъ Петербурга предпріятій, убѣжденіямъ, отъ которыхъ онъ отказался только на бумагѣ, вслѣдствіе вышеприведеннаго рескрипта къ нему Государя...

Разсчитавъ, что въ настоящихъ обстоятельствахъ Чеченскій отрядъ долженъ быть значительно усиленъ и имѣть съ собою болѣе мѣсячнаго количества продовольствія, для перевозки коего не было достаточныхъ перевозочныхъ способовъ; что матеріальный составъ войскъ до крайности разстроенъ отъ безпрерывныхъ передвиженій; что больныхъ 2,759 человѣкъ; генералъ Лидерсъ по болѣзни проситъ отпуска; что полковые обозы полковъ, прибывшихъ изъ Россіи, почти со всѣмъ погибли, а казенные и наемные транспорты находились въ такомъ положеніи, что ненадежно бы было употребить ихъ для дальняго движенія въ горы; что, наконецъ, движеніе одного отряда въ самый неприступный участокъ Кавказа не могло имѣть такихъ важныхъ результатовъ, подвергнуло бы этотъ отрядъ большимъ случайностямъ, а невозможность оста-

ваться долго въ горахъ, по позднему времени года, дала бы случай горцамъ перетолковать обратное слѣдованіе, какъ совершенное пораженіе нашихъ войскъ; сообразивъ всѣ эти обстоятельства, генералъ-адъютантъ Нейдгартъ, несмотря на довольно прямые намеки объ его отвѣтственности за неуспѣхъ, рѣшился отказаться вовсе отъ движенія въ Андію въ нынѣшнемъ году и обратить дѣйствующіе отряды на исполненіе остальныхъ, неотложныхъ предпріятій, т. е. Дагестанскій отрядъ на окончаніе Петровскаго (Низоваго) укрѣпленія, устройство прочнаго тетъ-де-пона на Сулакѣ у Чиркея и улучшеніе обороны Темиръ-Ханъ-Шуры. Возведеніе же укрѣпленія въ Гергебилѣ, несмотря на всю важность предпріятія, было отложено до слѣдующаго года, потому что по ближайшемъ осмотрѣ мѣстности оказалось, что постройка укрѣпленія въ горахъ, гдѣ не имѣется почти никакихъ матеріаловъ на мѣстѣ и обезпеченіе труднаго сообщенія съ Темиръ-Ханъ-Шурою, потребовало бы огромныхъ работъ, которыя нельзя было кончить до наступленія зимы; а безъ нихъ гарнизонъ могъ бы подвергнуться большимъ случайностямъ. На Чеченскій отрядъ возложено было устройство передовой Чеченской линіи, а на Самурскій — охраненіе южнаго и средняго Дагестана и окончаніе укрѣпленій въ Чирахѣ и Кази-Кумухѣ.

Читая этотъ журналъ государь написалъ: «Прискорбно; хоть бы это уже сдѣлали». И дѣйствительно, какіе мизерные результаты столь громадныхъ приготовленій! Нерѣшительность и робкая осторожность генерала Нейдгарта, отчасти и Лидерса, достигли въ это время до крайнихъ предѣловъ, возбуждая почти не скрываемый ропотъ среди кавказскихъ войскъ.

Въ продолженіе этого періода экспедиціи потеря наша состояла убитыми: 6 штабъ и оберъ-офицеровъ и 109 нижнихъ чиновъ, ранеными 19 штабъ и оберъ-офицеровъ и 503 нижнихъ чиновъ; контуженными: 1 оберъ-офицеръ и 17 нижнихъ чиновъ; всего выбыло изъ строя: 26 штабъ и оберъ-офицеровъ и 629 нижнихъ чиновъ.

Генералъ Нейдгардтъ, донося обо всемъ подробно, представилъ много основательныхъ доводовъ въ оправданіе своихъ дѣйствій и между прочимъ сдѣлалъ совершенно вѣрное замѣ-

чаніе: чѣмъ больше войскъ, тѣмъ больше затрудненій и медленности. Жаль, что примѣръ несчастнаго движенія генерала Граббе въ Ичкерію, въ 1842 году, съ непомѣрнымъ отрядомъ, остался напраснымъ и даже въ Акушу двигали цѣлый корпусъ.

Отмѣнивъ главную экспедицію Чеченскаго и Дагестанскаго отрядовъ, генералъ Нейдгардтъ призналъ однакожъ необходимымъ, для облегченія главнаго предпріятія, т. е. устройства передовой Чеченской линіи и развлеченія непріятеля, произвести въ исходѣ августа общее одновременное наступательное движеніе всѣми отрядами, не исключая даже Лезгинскаго, на всемъ протяженіи отъ южнаго Дагестана до Военно-Грузинской дороги, съ цѣлью отторгнуть отъ возмущенія или наказать ближайшіе къ намъ племена, прекратить начинающееся вліяніе бѣжавшаго Элисуйскаго султана на Лезгинской линіи, разбить горцевъ тамъ гдѣ удалось бы встрѣтить ихъ въ значительныхъ силахъ и ослабить власть Шамиля, доказавъ мятежнымъ ауламъ, что онъ не всегда имѣетъ возможность ихъ защищать.

Подробный рапортъ обо всемъ этомъ генералъ Нейдгардтъ отправилъ съ флигель-адъютантомъ графомъ Адлербергомъ. На это Государь тотчасъ же собственноручно написалъ отвѣтъ, который приводится здѣсь въ подлинникѣ:

«Александръ Ивановичъ! флигель-адъютантъ Адлербергъ вручилъ мнѣ донесеніе ваше объ отмѣнѣ предполагавшихся дѣйствій и о новомъ планѣ на остальное время похода сего года.

«Сколько мнѣ непріятенъ подобный оборотъ дѣлъ, вмѣсто того что въ правѣ былъ я ожидать, давъ вамъ гораздо болѣе способовъ, чѣмъ вы сами ожидали, на выполненіе предположенной цѣли, мнѣ нечего и говорить; я вижу во всемъ происшедшемъ только новый примѣръ, что ежели Божьяго благословенія нѣтъ на какомъ либо дѣлѣ, какъ бы оно, человѣчески судя, не хорошо обдуманнымъ казалось, оно рушится, тогда какъ казался успѣхъ несомнительнымъ.

«Ожиданія мои далеко не сбылись; на вашу строжайшую отвѣтственность обращаю, чтобъ то, чѣмъ вы довольствуетесь

на сей годъ, было непремѣнно и въ точности выполнено; нѣтъ предлога, чтобъ и это не удалось, ежели вы обратите дѣятельность и настойчивость, которую требую какъ отъ васъ, такъ и отъ подчиненныхъ вашихъ, чтобъ все исполнено было быстро и вѣрно.

«Крайне жалѣю, что вы не настояли въ укрѣпленіи Гергебиля нынѣ же, и не могу понять, чтобъ недостало войскъ и способовъ это предпринять; когда Петровскій фортъ долженъ быть скоро конченъ, равно и укрѣпленія Темиръ-Ханъ-Шуры могли бы быть отложены до времени, потому непремѣнному правилу, что оградивъ доступъ, труднѣе непріятелю достигнуть до столь отдаленнаго внутрь пункта. Но оставивъ Гергебиль, я опасаюсь весьма, что не только вы вновь открыли край набѣгамъ въ Акушу и Цудахаръ, но леко быть можетъ, что невозможно будетъ строить безпрепятственно укрѣпленія, въ той странѣ предположенныя.

«Наконецъ, располагая всѣмъ, требую отъ васъ, чтобы нынѣ же занялись всѣми приготовленіями къ походу будущаго года; съ тѣмъ, чтобъ готовясь теперь же, все, и безъ исключенія все, было готово гораздо ранѣе открытія дѣйствій, дабы пагубныя промежни не повторили тѣхъ же неудачъ.

«Съ нетерпѣніемъ ждать буду вашихъ донесеній».

Всѣ войска, назначенныя въ составъ Чеченскаго отряда, соединились 26-го іюля въ Казіюртѣ и переправились чрезъ Сулакъ, 30-го пришли въ Ташкичу. 8-го августа, при переправѣ чрезъ Терекъ въ Николаевскѣ, на одномъ изъ паромовъ, кромѣ людей Кабардинскаго полка, поставили много воловъ, которые подались въ одну сторону и своею тяжестью почти опрокинули паромъ, 35 человѣкъ упали въ воду, изъ которыхъ 26 спасены, а 9, не взирая на всѣ принятыя мѣры, утонули.

12-го отрядъ собрался въ кр. Грозной. 14-го была фуражировка; дерзость чеченцевъ доходила до того, что они нападали на сильное прикрытіе, соблюдавшее всѣ предписываемые предосторожности; 15-го числа повторилось тоже и въ двѣ фуражировки мы потеряли до 30 человѣкъ.

Наконецъ Чеченскій отрядъ, въ составѣ 12¾ батальо-

новъ *), 1-й дружины пѣшей Грузинской милиціи, 10 сотенъ кавалеріи и 22 орудій, подъ командою генералъ-лейтенанта Гурко, 19-го августа направился чрезъ Ханкальское ущелье, Атагу, вверхъ по Аргуну, не встрѣчая значительнаго сопротивленія; обозрѣлъ теченіе рѣки до того мѣста гдѣ она выходитъ изъ горъ и 21-го числа расположился на мѣстѣ, избранномъ для возведенія укрѣпленія, между покинутыми аулами большой и малой Чахкири, въ 27 верстахъ отъ кр. Грозной **).

Главная забота сосредоточилась на фуражировкахъ, потому что Шамиль отдалъ строгое приказаніе истреблять въ мѣстахъ доступныхъ всѣ запасы, и остающіяся на зиму въ новой крѣпости войска были бы лишены возможности содержать казачьихъ и артиллерійскихъ лошадей, а безъ этого и самая цѣль наша оставалась бы недостигнутою. Необходимо было пользоваться временемъ и свозить отовсюду заготовленное чеченцами сѣно и косить годную траву.

22-го числа, въ день коронаціи было молебствіе, парадъ и 101 выстрѣломъ, такъ сказать, оглашено окончательное занятіе Большой Чечни.

Въ первые три дня, при движеніи и фуражировкахъ, мы потеряли 4 убитыхъ и 23 раненыхъ. Затѣмъ начались обычныя работы, рубка лѣса, фуражировки и проч. Съ 23-го августа 1844 года положено было начало важному и столь долго отлагаемому предпріятію: устройству передовой Чеченской линіи. Линія эта, отрѣзывая отъ мятежныхъ чеченцевъ лучшія ихъ поля и пастбищныя мѣста, должна была совершенно измѣнить положеніе этого края. Располагаемые въ передовыхъ укрѣпленіяхъ этой линіи довольно значительные отряды пріобрѣтали возможность производить безпрерывные и внезапные набѣги по всѣмъ направленіямъ, тревожить въ продолженіи зимы все населеніе, истреблять дома и все имущество

---

*) Въ томъ числѣ 1, 2 и 3 Кабардинскаго полка.

*) Здѣсь найденъ былъ врытый въ землю каменный крестъ, древній памятникъ бывшаго въ этихъ мѣстахъ христіанства. Поэтому Императоръ Николай и повелѣлъ назвать крѣпость Воздвиженскою.

на сей годъ, было непремѣнно и въ точности выполнено; нѣтъ предлога, чтобъ и это не удалось, ежели вы обратите дѣятельность и настойчивость, которую требую какъ отъ васъ, такъ и отъ подчиненныхъ вашихъ, чтобъ все исполнено было быстро и вѣрно.

«Крайне жалѣю, что вы не настояли въ укрѣпленіи Гергебиля нынѣ же, и не могу понять, чтобъ недостало войскъ и способовъ это предпринять; когда Петровскій фортъ долженъ быть скоро конченъ, равно и укрѣпленія Темиръ-Ханъ-Шуры могли бы быть отложены до времени, потому непремѣнному правилу, что оградивъ доступъ, труднѣе непріятелю достигнуть до столь отдаленнаго внутрь пункта. Но оставивъ Гергебиль, я опасаюсь весьма, что не только вы вновь открыли край набѣгамъ въ Акушу и Цудахаръ, но леко быть можетъ, что невозможно будетъ строить безпрепятственно укрѣпленія, въ той странѣ предположенныя.

«Наконецъ, располагая всѣмъ, требую отъ васъ, чтобы нынѣ же занялись всѣми приготовленіями къ походу будущаго года; съ тѣмъ, чтобъ готовясь теперь же, все, и безъ исключенія все, было готово гораздо ранѣе открытія дѣйствій, дабы пагубныя промежки не повторили тѣхъ же неудачъ.

«Съ нетерпѣніемъ ждать буду вашихъ донесеній».

Всѣ войска, назначенныя въ составъ Чеченскаго отряда, соединились 26-го іюля въ Казіюртѣ и переправились чрезъ Сулакъ, 30-го пришли въ Ташкичу. 8-го августа, при переправѣ чрезъ Терекъ въ Николаевскѣ, на одномъ изъ паромовъ, кромѣ людей Кабардинскаго полка, поставили много воловъ, которые подались въ одну сторону и своею тяжестью почти опрокинули паромъ, 35 человѣкъ упали въ воду, изъ которыхъ 26 спасены, а 9, не взирая на всѣ принятыя мѣры, утонули.

12-го отрядъ собрался въ кр. Грозной. 14-го была фуражировка; дерзость чеченцевъ доходила до того, что они нападали на сильное прикрытіе, соблюдавшее всѣ предписываемые предосторожности; 15-го числа повторилось тоже и въ двѣ фуражировки мы потеряли до 30 человѣкъ.

Наконецъ Чеченскій отрядъ, въ составѣ 12¾ батальо-

новъ *), 1-й дружины пѣшей Грузинской милиціи, 10 сотенъ кавалеріи и 22 орудій, подъ командою генералъ-лейтенанта Гурко, 19-го августа направился чрезъ Ханкальское ущелье, Атагу, вверхъ по Аргуну, не встрѣчая значительнаго сопротивленія; обозрѣлъ теченіе рѣки до того мѣста гдѣ она выходитъ изъ горъ и 21-го числа расположился на мѣстѣ, избранномъ для возведенія укрѣпленія, между покинутыми аулами большой и малой Чахкири, въ 27 верстахъ отъ кр. Грозной **).

Главная забота сосредоточилась на фуражировкахъ, потому что Шамиль отдалъ строгое приказаніе истреблять въ мѣстахъ доступныхъ всѣ запасы, и остающіяся на зиму въ новой крѣпости войска были бы лишены возможности содержать казачьихъ и артиллерійскихъ лошадей, а безъ этого и самая цѣль наша оставалась бы недостигнутою. Необходимо было пользоваться временемъ и свозить отовсюду заготовленное чеченцами сѣно и косить годную траву.

22-го числа, въ день коронаціи было молебствіе, парадъ и 101 выстрѣломъ, такъ сказать, оглашено окончательное занятіе Большой Чечни.

Въ первые три дня, при движеніи и фуражировкахъ, мы потеряли 4 убитыхъ и 23 раненыхъ. Затѣмъ начались обычныя работы, рубка лѣса, фуражировки и проч. Съ 23-го августа 1844 года положено было начало важному и столь долго отлагаемому предпріятію: устройству передовой Чеченской линіи. Линія эта, отрѣзывая отъ мятежныхъ чеченцевъ лучшія ихъ поля и пастбищныя мѣста, должна была совершенно измѣнить положеніе этого края. Располагаемые въ передовыхъ укрѣпленіяхъ этой линіи довольно значительные отряды пріобрѣтали возможность производить безпрерывные и внезапные набѣги по всѣмъ направленіямъ, тревожить въ продолженіи зимы все населеніе, истреблять дома и все имущество

---

*) Въ томъ числѣ 1, 2 и 3 Кабардинскаго полка.

*) Здѣсь найденъ былъ врытый въ землю каменный крестъ, древній памятникъ бывшаго въ этихъ мѣстахъ христіанства. Поэтому Императоръ Николай и повелѣлъ назва[illegible]ть Воздвиженскою.

жителей непокорныхъ ауловъ и такимъ образомъ заставить ихъ или покориться, или выселиться въ горы.

Чеченцы поняли всю важность этого предпріятія и употребили всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать или по крайней мѣрѣ замедлить исполненіе его. Они заняли правый лѣсистый берегъ р. Аргуна и расположивъ батарею въ 5 орудій безпрерывно стрѣляли по лагерю. Значительныя ихъ сборища съ артиллеріею заняли лѣсистое Ханкальское ущелье, на сообщеніи кр. Грозной съ Чахкири, и тревожили транспорты съ военными и продовольственными запасами, слѣдовавшими по этой дорогѣ, что вынуждало посылать всякій разъ сильныя прикрытія отъ 3 до 4 батальоновъ.

Но всѣ эти усилія не остановили хода работъ.

30-го августа генералъ Гурко рѣшился произвести наступленіе за Аргунъ. Генералъ-маіору Лабынцеву поручено съ 1 и 2 батальонами Кабардинскаго полка перейти рѣку ниже лагеря и обойти высоты, на которыхъ стояли непріятельскія орудія, а 3 нашему батальону съ саперами, съ готовымъ мостомъ на арбахъ, приказано переправиться прямо и наступать съ фронта. Генералъ Лабынцевъ, по обыкновенію, блистательно исполнилъ дѣло: переправившись за Аргунъ, сжегъ аулъ Тембулатъ-юртъ, прогналъ заградившихъ ему дорогу чеченцевъ, взялъ высоты, съ коихъ непріятелемъ заблаговременно были увезены пушки, и приступилъ къ вырубкѣ лѣса, а 3 батальонъ съ саперами навелъ мостъ. Оба берега рѣки были прочно заняты. Дѣло это стоило однако 10 офицеровъ и 49 нижнихъ чиновъ раненыхъ. Вообще съ 23-го на 31-е число выбыло изъ строя убитыми 1 офицеръ, 8 нижнихъ чиновъ, ранеными 10 офицеровъ и 70 нижнихъ чиновъ, безъ вѣсти пропало 4 рядовыхъ.

31-го августа непріятель въ большихъ силахъ рѣшился атаковать войска, занявшія высоты праваго берега Аргуна; но 1 батальонъ Кабардинскаго полка, подъ командою Слѣпцова, и 1 батальонъ Прагскаго полка отбили нападеніе и прогнали чеченцевъ съ урономъ.

Когда лѣсъ былъ достаточно вырубленъ и очищенъ на раз-

стояніе пушечнаго выстрѣла, на правомъ берегу оставленъ одинъ только 1-й нашъ батальонъ въ засѣкахъ.

Изо дня въ день продолжались все тѣ же занятія и тяжелая, съ постоянно опасностью сопряженная служба. Каждый шагъ изъ лагеря могъ для всякаго быть роковымъ и по этому требовалъ извѣстной твердости духа, презрѣнія къ смерти. Всѣ втягивались въ эту своеобразную жизнь, подъ часъ тяжелую отъ безпрерывныхъ неудобствъ, лишеній, безпокойствъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣвшую въ себѣ что то особенно привлекательное, или скорѣе возбуждающее, и когда наступалъ такъ страстно желанный отдыхъ и затишье, появлялась тоска, минувшее рисовалось только своею хорошею стороною и съ нетерпѣніемъ ожидалось скорѣйшее возобновленіе той же жизни боевой, съ ея трудами, тревогами и опасностями.

Транспорты въ Грозную за строительными матеріалами и запасами всякаго рода совершались безпрерывно и всякій разъ въ Ханкалѣ непріятель встрѣчалъ колонну болѣе или менѣе жаркой перестрѣлкой и пушечными выстрѣлами. Такъ, 24-го сентября, колонна была подъ начальствомъ нашего полковаго командира Козловскаго; непріятель дерзко насѣлъ на арріергардный 2-й батальонъ нашъ, потерявшій 2-хъ убитыхъ и 9 раненыхъ.

Работы чрезвычайно затруднялись дурной, дождливой погодой, осѣданіемъ рыхлаго грунта и т. п. препятствіями, однако подвигались и уже никакихъ сомнѣній въ довершеніи начатаго не оставалось.

1-го октября генералъ Гурко предпринялъ набѣгъ къ аулу Геленъ-Гойта, пребываніе наиба малой Чечни Саабдуллы. Взявъ съ собою 7½ батальоновъ (2-й и 3-й Кабардин.) 10 орудій и двѣ сотни казаковъ, онъ двинулся такъ внезапно, что захватилъ аулъ почти въ расплохъ и только семейства успѣли спастись въ лѣса; не только скотъ и лошади, но все имущество, даже изрядная сумма денегъ была найдена солдатами въ домѣ наиба. За тѣмъ войска оцѣпили кругомъ аулъ и прилегающія къ нему поляны; а фурштаты накладывали на повозки найденные скирды хлѣба и копны сѣна; для обезпеченія переправы чрезъ рѣчку и перехода по лѣсистой уз-

кой дороги вблизи ея, былъ посланъ нашъ 3-й батальонъ съ двумя ротами Прагскаго полка.

Когда всѣ повозки были нагружены, началось отступленіе, (безъ сожженія аула, въ видѣ перемѣны политики на болѣе снисходительную) ко времени коего, по обыкновенію, непріятель уже успѣлъ собраться въ значительномъ числѣ.

Всѣ распоряженія были предоставлены генералу Лабынцеву, который поручилъ арріергардъ генералъ-маіору Полтинину, командиру Навагинсктго полка. Дѣло въ арріергардѣ завязалось жаркое. Жители Малой Чечни—одни изъ самыхъ воинственныхъ, беззавѣтно храбрыхъ, и изъ всѣхъ кавказскихъ горцевъ, хорошо мнѣ знакомыхъ, одни развѣ тушины имъ не уступятъ; а въ лѣсахъ, при преслѣдованіи, положительно никто съ ними не могъ сравниться. Въ этихъ случаяхъ бывало большею частью такъ, что они дрались одинъ противъ пяти или даже десяти, считая, конечно, весь отрядъ русскихъ войскъ. При внезапныхъ набѣгахъ, какъ бы быстро жители не собирались, все же могли поспѣть только ближайшіе, на 10 верстъ въ окружности, разбросанные по хуторамъ и трущобамъ. Если ихъ собиралось 200—300, въ крайнемъ случаѣ 400 человѣкъ, то уже слѣдовало ожидать отчаяннаго дѣла въ арріергардѣ и частью въ боковыхъ стрѣлковыхъ цѣпяхъ, тѣмъ болѣе, что нашъ перевѣсъ въ силахъ не могъ имѣть значенія, по невозможности развернуться и всѣмъ принять участія въ бою. Это намъ, старымъ кавказцамъ, было хорошо извѣстно и ничуть неуменьшало ни заслуги, ни степени мужества тѣхъ ротъ, которымъ приходилось выносить бой на своихъ плечахъ; для людей новыхъ, громъ выстрѣловъ, гулъ и гики разносившіеся по лѣсу, выносимые раненые и убитые всегда казались результатомъ столкновенія съ многотысячнымъ непріятелемъ и малочисленности его никто бы не повѣрилъ.

Въ дѣлѣ 1-го октября потеря наша была не малая: убиты 1 офицеръ и 29 нижнихъ чиновъ, ранены генералъ-маіоръ Полтининъ пулею въ животъ (4-й разъ), 3 офицера и до 70 нижнихъ чиновъ, 3 человѣка пропали безъ вѣсти.

Въ первыхъ числахъ ноября работы были почти закончены; но генералъ Гурко хотѣлъ до возможности продолжать фура-

жировки, чтобы вполнѣ обезпечить продовольствіе лошадей, оставляемой въ новой крѣпости подвижной колонны на зиму и вмѣстѣ съ тѣмъ нанести ближайшимъ жителямъ разореніемъ ихъ хуторовъ и истребленіемъ запасовъ наибольшій вредъ, заставляя или покориться и переселяться ближе, къ крѣпости, подъ надзоръ и защиту нашихъ войскъ, или уходить дальше въ горы.

По этому, усиленныя фуражировки и набѣги съ ноября были предпринимаемы чаще и небольшими колоннами. Я упоминаю не обо всѣхъ, а только о болѣе выдающихся и въ которыхъ участвовали батальоны нашего полка.

8-го ноября на фуражировкѣ, подъ командою подполковника Ранжевскаго, при проходѣ чрезъ перелѣсокъ, ранено 8, безъ вѣсти пропало 2 человѣкъ.

15-го ноября генералъ Лабынцовъ ходилъ съ 4-мя батальонами (2-й Каб.) за Аргунъ: разоривъ нѣсколько хуторовъ и забравъ копны сѣна, колонна начала отступленіе. Нашъ 2-й батальонъ былъ въ арріергардѣ, прикрывая двигавшихся предъ нимъ фурштатовъ и казаковъ, навьюченныхъ сѣномъ. Преслѣдующіе чеченцы озлобленно насѣли на хвостъ и у насъ выбыло изъ строя 2 убитыхъ, 19 раненыхъ, 1 пропавшій безъ вѣсти. Генералъ Лабынцовъ, не любившій, также какъ и покойный Вельяминовъ, слишкомъ легко расхваливать въ реляціяхъ, писалъ однако, что долженъ отозваться съ особенной похвалой объ ротныхъ командирахъ Кабардинскаго полка капитанѣ Дейнеко и поручикѣ Горяиновѣ, а также объ унтеръ-офицерѣ Джаджановѣ, выказавшихъ замѣчательную храбрость.

17-го ноября опять была фуражировка за Аргуномъ и при отступленіи сильное преслѣдованіе; одна 8-я егерская рота нашего полка все время удерживала непріятеля, пока вся колонна съ обозомъ и казаки переправились въ бродъ чрезъ рѣку; рота потеряла всего 6 человѣкъ, благодаря распорядительности ротнаго командира поручика Щербакова, которому, по донесенію начальника колонны, обязаны столь удачнымъ отступленіемъ.

21-го ноября всѣ работы были совершенно закончены, запасы продовольствія, фуражъ, боевые и проч. принадлежности

XXXIII.

Дѣятельность Кабардинскаго полка въ 1844 г. — Убійство Шуаибъ-муллы и его послѣдствія. — Наступательныя движенія всѣхъ отрядовъ. — Обзоръ результатовъ 1844 года.—Окончательный планъ дѣйствій на 1845 г. и приготовленія къ нему. — Мнѣніе новаго главнокомандующаго кн. Воронцова.

Дѣятельность Кабардинскаго полка выразилась не въ одномъ участіи въ вышеописанныхъ дѣйствіяхъ. Въ теченіе 1844 г. были еще нѣкоторыя происшествія, которыя необходимо внести въ лѣтопись полка.

Съ самаго начала года Шуаибъ-мулла, съ свою партіею, почти не оставлялъ Кумыкской плоскости и постоянно совершалъ набѣги то въ одну, то въ другую сторону, угоняя скотъ, уводя плѣнныхъ, нападая на транспорты, мелкія команды и т. п. Изъ Куринскаго укрѣпленія роты наши должны были бѣгать на эти тревоги, гоняясь безплодно за коннымъ непріятелемъ, нерѣдко обманываемыя фальшивыми извѣстіями.

21-го марта случилось несчастное происшествіе. Полковникъ Козловскій отправилъ въ лѣсъ за дровами 5-ю карабинерную роту нашу и двѣ роты Волынскаго пѣх. полка, при одномъ орудіи, подъ командою маіора этого полка Воскобойникова. Хотя ему были даны подробныя наставленія, но какъ только непріятель незамѣтно подкрался въ лѣсу и сдѣлалъ залпъ по цѣпи, при чемъ командиръ нашей роты, штабсъ-капитанъ Двигубскій смертельно раненъ и нѣсколько человѣкъ рядовыхъ убито и ранено, маіоръ Воскобойниковъ растерялся и, вмѣсто подкрѣпленія цѣпи, приказалъ отступать. Ободренные горцы бросились впередъ и перебили лошадей подъ орудіемъ; артиллеристы мигомъ перепрягли лошадей изъ заряднаго ящика, но

чеченцы съ шашками кинулись на артиллеристовъ, грозя захватить орудіе. Тогда только Воскобойниковъ рѣшился броситься впередъ съ резервомъ. Но первымъ же выстрѣломъ былъ убитъ; Волынцы смѣшались, не выдержали удара въ шашки, произошла неизбѣжная суматоха и не поспѣй въ эту минуту полковникъ Козловскій съ нашей учебной командой и однимъ орудіемъ на выручку, едва-ли бы кто спасся, да и орудіе было бы потеряно. Уронъ у насъ былъ несоразмѣрно большой, какъ всегда въ такихъ случаяхъ бывало. Убиты маіоръ Воскобойниковъ и 29 нижнихъ чиновъ, раненъ тяжело шт.-кап. Двигубскій и 45 человѣкъ, безъ вѣсти пропало 8 рядовыхъ, артиллерійскихъ лошадей убито 7. Горцы забрали съ убитыхъ оружіе, аммуницію, съ лошадей сбрую и скрылись при приближеніи полковника Козловскаго въ лѣсъ, куда преслѣдовать изъ съ горстью людей не было возможности. Вообще, войска 5-го корпуса, по непривычкѣ офицеровъ къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ и отсутствію предпріимчивости, много терпѣли.

Вслѣдъ за тѣмъ, однако, постигла и предводителя чеченскихъ наѣздниковъ Шуаибъ-муллу печальная участь: онъ былъ убитъ въ аулѣ Цонтери своими же мюридами, чѣмъ-то раздраженными. Шамиль былъ крайне огорченъ потерею своего любимаго чеченскаго наиба и по своему наказалъ виновныхъ.

Имамъ тотчасъ послалъ двѣсти человѣкъ андійцевъ, чтобы заарестовать почетнѣйшихъ жителей Цонтери за допущеніе въ своемъ аулѣ такого происшествія. Жители встрѣтили андійцевъ выстрѣлами. Узнавъ объ этомъ, Шамиль собралъ еще до 300 человѣкъ и отправился самъ. Его то же встрѣтили выстрѣлами. Тогда, чтобы выиграть время до прибытія вытребованныхъ съ разныхъ мѣстъ наибовъ съ ихъ партіями, онъ вступилъ съ Цонтерійцами въ переговоры,—то показывалъ видъ снисхожденія, то гнѣва и намѣренія силою войти въ аулъ; при первыхъ выстрѣлахъ отступалъ и опять посылалъ переговорщиковъ. Наконецъ прибыли цѣлыя толпы мюридовъ, и жители, не надѣясь устоять, повѣрили словамъ имама, что онъ ихъ проститъ и впустили въ аулъ. Шамиль отдалъ приказаніе истребить всѣхъ безпощады. Цонтерійцы, въ одиночку

по своимъ саклямъ и разнымъ закоулкамъ, отчаянно защищали свою жизнь, но ни одинъ не спасся; отъ 80-ти лѣтнихъ стариковъ до грудныхъ дѣтей, безъ различія пола, всѣ погибли; изъ ста семействъ не осталось ни живой души! Этого мало: слѣды убійцъ Шуаибъ-муллы проходили мимо хуторовъ аула Гордали,—Шамиль и этихъ хуторянъ истребилъ до единаго за то, что они дали возможность убійцамъ скрыться!. Все имущество убитаго Шуаибъ-муллы, состоявшее изъ 4-хъ тысячъ барановъ, 500 штукъ рогатаго скота, 60 буйволовъ, нѣсколькихъ десятковъ отличнѣйшихъ винтовокъ, другаго разнаго оружія и вещей, и до 30 тысячъ серебряныхъ рублей, Шамиль конфисковалъ въ пользу своей казны.

Такою административною системою можно держать въ страхѣ какую угодно вольницу и нечего послѣ того удивляться той рабской покорности, съ которою чеченцы и вообще горцы Дагестана несли жестокое иго, продолжали безъ всякой надежды на успѣхъ борьбу съ русскими, неся въ жертву сотни лучшихъ людей и превращаясь исподоволь въ нищихъ, полуголодныхъ, едва прикрытыхъ лохмотьями паріевъ.

Все лѣто 1844 года, во время сборовъ и движеній главныхъ отрядовъ, мелкія происшествія и тревоги непрекращались; особенно близь Внезапной и Куринскаго, гдѣ стояли двѣ роты нашего 4-го батальона, вынесшія за это время трудную службу: работы въ укрѣпленіи, фуражировки, оказіи, бѣганія на тревоги, безъ отдыха и конца.

Въ концѣ августа была сдѣлана еще попытка наступательнаго движенія въ горы. Со стороны южнаго Дагестана князь Аргутинскій направился къ Тилитлю, но послѣ довольно продолжительной бомбардировки и нѣсколькихъ жаркихъ дѣлъ отступилъ безъ результата. Со стороны сѣвернаго—генералъ-маіоръ Пассекъ выступилъ въ Салатавію съ большимъ отрядомъ въ надеждѣ, что жители явятся съ покорностью или соберутся для сопротивленія и будутъ разбиты; но не случилось ни то, ни другое. Поэтому Пассекъ ограничился разореніемъ нѣсколькихъ новыхъ Салатавскихъ поселковъ и истребленіемъ заготовленныхъ ими запасовъ. Въ концѣ же сентября въ горахъ стало холодно, выпалъ снѣгъ и отрядъ возвратился въ

Темиръ-Ханъ-Шуру. Для содѣйствія отряду генерала Пассека и отвлеченія ауховцевъ отъ помощи салатавцамъ, изъ Внезапной 31-го августа былъ направленъ отрядъ полковника Ковалевскаго въ Аухъ. Занявъ и истребивъ аулъ Акташъ-аухъ, войска оставались до 6-го сентября въ лагерѣ, имѣя каждый день жаркія перестрѣлки, а затѣмъ возвратились во Внезапную.

Обо всѣхъ этихъ движеніяхъ я не привожу никакихъ подробностей, потому что въ нихъ Кабардинскій полкъ не принималъ участія; никакихъ результатовъ онѣ, впрочемъ, не имѣли и безъ нихъ можно было обойтись съ несомнѣннымъ сбереженіемъ здоровья людей и казенныхъ расходовъ. Какъ образчикъ кавказскихъ происшествій, упоминаю и о слѣдующемъ: 29-го августа въ Андреевой деревнѣ штабсъ-капитанъ нашего полка Раздорскій покупалъ лошадь и, желая ее испробовать, выѣхалъ за аулъ не болѣе ½ версты, вдругъ раздался изъ-за куста выстрѣлъ и Раздорскій упалъ мертвымъ.

Такія происшествія бывали ежедневно то въ той, то въ другой мѣстности Кавказа, и читатель можетъ по этому убѣдиться, что я не преувеличиваю, говоря, что каждый шагъ нашъ на Кавказѣ сопровождался опасностью и никто ни одной минуты не могъ быть увѣренъ въ своей жизни *).

Разставаясь съ 1844 годомъ, считаю не лишнимъ резюмировать результаты, достигнутые предпринятыми дѣйствіями. Блестящими ихъ далеко нельзя назвать; даже, принимая во вниманіе сосредоточеніе небывалаго количества войскъ и всякихъ матеріальныхъ средствъ, нужно признать, что нравственно мы потерпѣли пораженіе, потому что, не нанеся не-

---

*) Награды полку за 1844 годъ. Слѣдующіе чины: подполковнику Ранжевскому; поручикамъ: Кириленкѣ, Кузнецову, Нейману, Туманову, Краузе; подпоручикамъ: Сальти, Киселеву; прапорщикамъ Маевскому, Нѣмцову, Листовскому, Квашинскому; Анну 3-й ст. штабсъ-капитану Козинцову, лекарю Фолькмуту; 4-й ст. за храбрость поручику Сверчкову; Станислава 2-й ст. съ короной: подполковнику Рананевскому, 2-й ст. маіору Астафьеву; семи офицерамъ высочайшее благоволеніе; нижнимъ чинамъ 48 георгіевскихъ крестовъ, кромѣ нѣсколькихъ добавочныхъ пенсій на прежнія кресты, что нынѣ 3-й ст. съ бантомъ, и денежныхъ наградъ.

пріятелю пораженія, вездѣ только отступали и возвращались безъ всякаго успѣха, за исключеніемъ осенняго періода дѣйствій Чеченскаго отряда, построившаго кр. Воздвиженскую.

Кампанія 1844 года не осталась однакожъ безъ полезныхъ и важныхъ результатовъ, между которыми первое мѣсто должно занять: a) начало устройства передовой Чеченской линіи, возведеніемъ укрѣпленнаго лагеря въ Чахкири; (Воздвиженская), b) обезпеченіе главнаго нашего складочнаго пункта въ сѣверномъ Дагестанѣ устройствомъ Петровскаго укрѣпленія, близъ Тарковскаго рейда (вмѣсто Низоваго), c) возведеніе прочнаго мостоваго прикрытія на правомъ и лѣвомъ берегу Сулака у аула Чиркея (укрѣпленіе Евгеніевское), d) покореніе всѣхъ возмутившихся обществъ средняго и южнаго Дагестана (Акуша, Цудахаръ, Мехтулинцевъ), чѣмъ обезпечили сообщеніе съ Дербентомъ и вообще съ Закавказьемъ, e) возстановленіе спокойствія въ краѣ, прилежащемъ къ Лезгинской кордонной линіи, поколебленнаго было возмущеніемъ элисуйскаго султана Даніель-бека и пораженіе его,—обстоятельство, отвративщее возможность всеобщаго возстанія закавказскихъ мусульманъ и прекратившее неудобныя для насъ владѣльческія права.

Особенно важно было укрѣпленіе въ Чечнѣ, показавшее жителямъ, что ихъ земли уже не будутъ оставлены русскими войсками. Въ первое же время многіе изъ чеченцевъ стали поговаривать о заявленіи намъ покорности, но подъ страхомъ казней шамилевскихъ наибовъ не рѣшались выйдти изъ лѣсовъ. Къ сожалѣнію, мы не могли ихъ поддержать во время по недостатку кавалеріи, для которой не успѣли заготовить достаточно фуража, и за сильнымъ утомленіемъ войскъ вообще, едва къ концу 1844 года возвратившихся на отдыхъ, послѣ долгихъ тяжелыхъ походовъ и работъ. Шамиль же не переставалъ дѣйствовать для упроченія своей власти и особенно въ Дагестанѣ имѣлъ успѣхъ. Непокорившійся ему значительный Андаляльскій аулъ Чохъ, былъ имъ истребленъ послѣ отчаяннаго сопротивленіи жителей, разсчитывавшихъ на нашу помощь, которой мы однако имъ оказать не могли, потому что войска были удалены на зиму въ долину р. Самура, дороги чрезъ горы, заваленныя снѣгомъ,

почти непроходимы, а милиція, посланная на подкрѣпленіе Чохцамъ, дѣйствовала нерѣшительно и частью просто разбѣжалась.

Событіе это произвело весьма вредное для насъ вліяніе и многіе недавно покорившіеся общества вновь передались Шамилю. Къ этому еще прибавилось убійство акушинскаго пристава маіора Оленича, по неудовольствію нѣкоторыхъ почетныхъ акушинцевъ, что тоже усилило волненія, съ трудомъ подавленныя появленіемъ войскъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры.

Наконецъ, уже въ апрѣлѣ 1845 года, незадолго до открытія военныхъ дѣйствій новымъ нашимъ главнокомандующимъ княземъ Воронцовымъ, огромная партія, до 8,000 человѣкъ, напала на аулы Умаханъ-юртъ и Аласханъ-юртъ, поселенные подъ защитой орудій нашего укрѣпленія, и разграбили ихъ, въ виду спѣшившихъ со всѣхъ сторонъ на тревогу нашихъ резервовъ. Это тоже не могло не ослабить вѣры мирныхъ туземцевъ въ нашу способность защитить ихъ.

Шамиль потребовалъ отъ чеченцевъ новой присяги въ покорности и аманатовъ, строго запретилъ имъ сношенія съ мирными горцами, преслѣдовалъ у кого найдутъ русскую соль, а приказывалъ ѣхать за нею въ Анди или Галашки. Усилилъ власть наибовъ, далъ имъ наружное отличіе—нѣчто въ родѣ эполетъ—и почти во всѣ аулы разослалъ своихъ мюридовъ соглядатаями. Чеченцы терпѣли нужду въ разныхъ товарахъ и соли, роптали на всѣ эти стѣсненія, но не было единства, не смѣли возстать, не могли отчасти преодолѣть и ненависти къ намъ, особенно сильно возбужденной въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ и фанатическими внушеніями духовенства, и пролитою въ бояхъ кровью, и разореніемъ ауловъ, и воспоминаніями о предшествовавшихъ возмущенію 1840 года притѣсненіяхъ.

Тѣмъ не менѣе мы могли воспользоваться этимъ положеніемъ дѣлъ, еслибы, вмѣсто обширныхъ предпріятій въ горы, настойчиво продолжали устройство передовой Чеченской линіи, рубку просѣкъ и проложеніе дорогъ; это нѣсколькими годами ранѣе положила бы конецъ войнѣ въ Чечнѣ.

Военный министръ, описывая въ обширномъ докладѣ Госу-

пріятелю пораженія, вездѣ только отступали и возвращались безъ всякаго успѣха, за исключевіемъ осенняго періода дѣйствій Чеченскаго отряда, построившаго кр. Воздвиженскую.

Кампанія 1844 года не осталась однакожъ безъ полезныхъ и важныхъ результатовъ, между которыми первое мѣсто должно занять: а) начало устройства передовой Чеченской линіи, возведеніемъ укрѣпленнаго лагеря въ Чахкири; (Воздвиженская), b) обезпеченіе главнаго нашего складочнаго пункта въ сѣверномъ Дагестанѣ устройствомъ Петровскаго укрѣпленія, близь Тарковскаго рейда (вмѣсто Низоваго), c) возведеніе прочнаго мостоваго прикрытія на правомъ и лѣвомъ берегу Сулака у аула Чиркея (укрѣпленіе Евгеніевское), d) покореніе всѣхъ возмутившихся обществъ средняго и южнаго Дагестана (Акуша, Цудахаръ, Мехтулинцевъ), чѣмъ обезпечили сообщеніе съ Дербентомъ и вообще съ Закавказьемъ, e) возстановленіе спокойствія въ краѣ, прилежащемъ къ Лезгинской кордонной линіи, поколебленнаго было возмущеніемъ элисуйскаго султана Даніель-бека и пораженіе его,—обстоятельство, отвратившее возможность всеобщаго возстанія закавказскихъ мусульманъ и прекратившее неудобныя для насъ владѣльческія права.

Особенно важно было укрѣпленіе въ Чечнѣ, показавшее жителямъ, что ихъ земли уже не будутъ оставлены русскими войсками. Въ первое же время многіе изъ чеченцевъ стали поговаривать о заявленіи намъ покорности, но подъ страхомъ казней шамилевскихъ наибовъ не рѣшались выйдти изъ лѣсовъ. Къ сожалѣнію, мы не могли ихъ поддержать во время по недостатку кавалеріи, для которой не успѣли заготовить достаточно фуража, и за сильнымъ утомленіемъ войскъ вообще, едва къ концу 1844 года возвратившихся на отдыхъ, послѣ долгихъ тяжелыхъ походовъ и работъ. Шамиль же не переставалъ дѣйствовать для упроченія своей власти и особенно въ Дагестанѣ имѣлъ успѣхъ. Непокорившійся ему значительный Андаляльскій аулъ Чохъ, былъ имъ истребленъ послѣ отчаяннаго сопротивленіи жителей, разсчитывавшихъ на нашу помощь, которой мы однако имъ оказать не могли, потому что войска были удалены на зиму въ долину р. Самура, дороги чрезъ горы, заваленныя снѣгомъ,

почти непроходимы, а милиція, посланная на подкрѣпленіе Чохцамъ, дѣйствовала нерѣшительно и частью просто разбѣжалась.

Событіе это произвело весьма вредное для насъ вліяніе и многіе недавно покорившіеся общества вновь передались Шамилю. Къ этому еще прибавилось убійство акушинскаго пристава маіора Оленича, по неудовольствію нѣкоторыхъ почетныхъ акушинцевъ, что тоже усилило волненія, съ трудомъ подавленныя появленіемъ войскъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры.

Наконецъ, уже въ апрѣлѣ 1845 года, незадолго до открытія военныхъ дѣйствій новымъ нашимъ главнокомандующимъ княземъ Воронцовымъ, огромная партія, до 8,000 человѣкъ, напала на аулы Умаханъ-юртъ и Аласханъ-юртъ, поселенные подъ защитой орудій нашего укрѣпленія, и разграбили ихъ, въ виду спѣшившихъ со всѣхъ сторонъ на тревогу нашихъ резервовъ. Это тоже не могло не ослабить вѣры мирныхъ туземцевъ въ нашу способность защитить ихъ.

Шамиль потребовалъ отъ чеченцевъ новой присяги въ покорности и аманатовъ, строго запретилъ имъ сношенія съ мирными горцами, преслѣдовалъ у кого найдутъ русскую соль, а приказывалъ ѣхать за нею въ Анди или Галашки. Усилилъ власть наибовъ, далъ имъ наружное отличіе—нѣчто въ родѣ эполетъ—и почти во всѣ аулы разослалъ своихъ мюридовъ соглядатаями. Чеченцы терпѣли нужду въ разныхъ товарахъ и соли, роптали на всѣ эти стѣсненія, но не было единства, не смѣли возстать, не могли отчасти преодолѣть и ненависти къ намъ, особенно сильно возбужденной въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ и фанатическими внушеніями духовенства, и пролитою въ бояхъ кровью, и разореніемъ ауловъ, и воспоминаніями о предшествовавшихъ возмущенію 1840 года притѣсненіяхъ.

Тѣмъ не менѣе мы могли воспользоваться этимъ положеніемъ дѣлъ, еслибы, вмѣсто обширныхъ предпріятій въ горы, настойчиво продолжали устройство передовой Чеченской линіи, рубку просѣкъ и проложеніе дорогъ; это нѣсколькими годами ранѣе положила бы конецъ войнѣ въ Чечнѣ.

Военный министръ, описывая въ обширномъ докладѣ Госу-

дарю ходъ дѣйствій 1844 г. и результаты ихъ, изложилъ слѣдующія обвиненія противъ генерала Нейдгардта: все, зависѣвшее отъ военнаго министерства, было своевременно сдѣлано; новыя войска прибыли, годовая пропорція провіанта доставлена, инструменты на 1,000 человѣкъ, госпитальные принадлежности на 5,300 больныхъ; 12 новыхъ горныхъ орудій, 25 милліоновъ патроновъ, полный складъ артиллерійскихъ запасовъ и милліонъ рублей на расходъ безъ задержки доставлены. Часть же снабженій, зависѣвшая отъ мѣстнаго начальства, не была своевременно доставлена, особенно сухари и перевозочныя средства; не были устроены ни пункты для складовъ, ни дороги и переправы, наконецъ не существовало обезпеченнаго сообщенія изъ Дербента въ Темиръ-Ханъ-Шуру, чрезъ что черводары изъ Закавказскаго края не могли пройти въ Дагестанъ, а Кавказское интендантство рѣшительно виновно въ незаготовленіи того количества провіанта, которое требовалось на время, пока прибывшій изъ Астрахани провіантъ будетъ съ судовъ перевезенъ въ магазины. Все это было причиной, что войска до іюня мѣсяца оставались въ бездѣйствіи и дерзость непріятеля увеличивалась. Наконецъ и постройку укрѣпленій начали поздно, а отчасти вовсе отложили, потому что пріобрѣтеніе строительныхъ матеріаловъ производилось въ Астрахани чрезъ губернатора, допустившаго медленность и злоупотребленія...

По мнѣнію князя Чернышева, предстоявшія въ 1845 году дѣйствія уже не имѣли тѣхъ благопріятныхъ условій, какъ въ 1844 году, когда появленіе массы новыхъ войскъ должно было произвести сильное впечатлѣніе на туземцевъ. Напротивъ, нерѣшительность генерала Нейдгардта придала горцамъ еще болѣе самонадѣянности.

Князь Чернышевъ высказывался противъ движенія въ Андію и устройства тамъ укрѣпленія, съ форштадтомъ на 6 батальоновъ, какъ предполагалъ Нейдгардтъ по указанію Государя. Чернышевъ предполагалъ въ Чечнѣ построить въ Маюртупѣ или Аку-юртѣ крѣпость, въ родѣ Воздвиженской, а въ Дагестанѣ укрѣпленіе Гергебиль и занять его 2-мя 3-мя батальонами, для обезпеченія сообщеній съ среднимъ и южнымъ Даге-

станомъ; а по Сулаку занять укрѣпленіями нужные пункты, для свободнаго сообщенія Дагестана съ лѣвымъ флангомъ Кавказской линіи.

Это было совершенно правильно, но противорѣчило не генералу Нейдгардту, на котораго военный министръ ссылался, а самому Государю, изложившему въ приведенной ниже запискѣ свои непремѣнныя требованія, и потому соображенія Чернышева остались безъ послѣдствій.

Здѣсь не лишне присовокупить, что кромѣ 5-го корпуса, находившагося на Кавказѣ, нашли необходимымъ сформировать еще новыхъ 4 линейныхъ батальона для занятія укрѣпленій. Такъ, исподоволь, съ года на годъ, развивались военныя силы наши на Кавказѣ до размѣровъ огромныхъ, а въ тридцатыхъ годахъ на всякое представленіе объ увеличеніи средствъ слѣдовали рѣшительные отказы, какъ будто рѣчь шла о чемъ то немыслимомъ.

Между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, тогда можно было усиленіе произвести и въ меньшемъ размѣрѣ, и съ болѣе скорыми результатами.

Чтобы читатель могъ видѣть какія дѣйствія предполагались въ 1845 году и отъ кого исходилъ планъ, я привожу здѣсь собственноручную записку покойнаго Государя Николая Павловича, отъ 22-го ноября 1844 года.

«Кавказскій корпусъ временно усиленъ былъ 5-мъ корпусомъ, съ двоякою цѣлью:

1) Исправить несчастія 1843 года, 2) поразить скопища Шамиля и утвердиться въ занятыхъ областяхъ. Затѣмъ, все прочее принадлежитъ обыкновеннымъ обязанностямъ Кавказскаго корпуса, въ собственномъ его составѣ.

По ходу происходившаго въ походѣ сего года должно сознать, что ни та, ни другая цѣль вполнѣ недостигнуты; не станемъ распространяться: отъ чего? Исполненное же ограничивается покореніемъ Акуши и Цудахара и устройствомъ перваго укрѣпленія на передовой Чеченской линіи.

Осталось же исполнить все, что недодѣлано въ 1844 году, т. е.

1) Разбить, буде можно, скопища.

2) Проникнуть въ центръ его владычества.

3) Въ немъ утвердиться.

Вотъ, по прежнимъ предположеніямъ, что должно сдѣлать еще въ теченіе будущаго похода.

Неоспоримо, что укрѣпить еще одинъ или два пункта на передовой Чеченской линіи дѣло весьма полезное, въ видѣ окончательнаго покоренія Чечни, но не для другаго чего; такъ и укрѣпленіе Гергебиля первостепенной важности для упроченія нашихъ сообщеній въ занятомъ краѣ и для защиты его. Тоже должно сказать и про прочное занятіе Кара-Койсу и всего Сулака.

Но ни одною изъ сихъ мѣръ не достигается та цѣль, о которой выше упомянуто, цѣль, которая единственно извиняетъ присутствіе 5-го корпуса на Кавказѣ; или въ противномъ случаѣ должно бы было согласиться оставить его на неопредѣленное время тамъ, гдѣ ему никакъ долѣе года оставаться нельзя.

Обращаюсь къ плану дѣйствій генерала Нейдгардта.

Главное возраженіе на оный въ томъ, что предназначается Самурскому отряду дѣйствовать въ нѣдра горъ, для содѣйствія Дагестанскому, и удаляя его значительно отъ настоящаго его назначенія: прикрытія нижняго Дагестана. Находятъ тоже, что составъ Чеченскаго отряда слишкомъ слабъ, чтобъ надѣяться можно было съ достовѣрностію, что отрядъ сей не только былъ бы въ состояніи дѣйствовать наступательно, но даже докончить прочно Воздвиженское укрѣпленіе, и потому совершенно невозможно полагать, чтобъ сей же отрядъ предпринять могъ строить новый фортъ.

Эти два замѣчанія отчасти могутъ быть справедливы, но отнюдь не доказываютъ, чтобъ нельзя было обойти эти затрудненія.

И вотъ какъ:

Идя твердо отъ мысли, что мы должны проникнуть въ горы, примѣрно къ Андіи, какъ къ главному пункту, *должны и можемъ* *), мнѣ кажется, что содѣйствія Самурскаго отря-

*) Всѣ подчеркнутыя слова собственноручно Государемъ подчеркнуты.

да для сего не нужно иначе, какъ сильною диверсіею къ Тилитлямъ, или въ одно изъ обществъ южнѣе Аваріи.

Главныя дѣйствія быть должны отъ сѣвернаго Дагестана и отъ Чечни. Для того нужно, чтобы оба отряда были въ достаточной силѣ.

Полагаю, что Самурскій отрядъ долженъ быть, кромѣ гарнизоновъ, въ 8 батальоновъ.

Дагестанскій отрядъ въ 16 батальоновъ, кромѣ гарнизоновъ.

Наконецъ Чеченскій въ той же силѣ—16 батальоновъ.

Назрановскій и прочіе—какъ предположено».

Поименовавъ подробно куда какого полка батальоны должны поступить, Государь продолжалъ:

«При подобномъ раздѣленіи войскъ, могутъ оба отряда—Дагестанскій и Чеченскій, двинуться одновременно къ Андіи, искать скопищъ Шамиля, и, буде можно, разбить его, взять Андію и истребить сіе гнѣздо; а ежели найдено будетъ удобнымъ, сейчасъ приступить Дагестанскому отряду къ устройству укрѣпленія, а Чеченскому возвратиться въ Воздвиженское, какъ для достройки его, такъ и для доставки въ Дагестанскій отрядъ нужныхъ подвозовъ.

Когда укрѣпленіе въ Андіи будетъ доведено до желаемой степени, въ немъ остаются 6 батальоновъ, 10 же идутъ обратно въ укрѣпленіе Евгеніевское и на пути, на нужныхъ мѣстахъ, строятъ укрѣпленные посты; можетъ быть придется тоже сдѣлать и по дорогѣ къ Воздвиженскому.

Между тѣмъ, довершивъ работы въ Воздвиженскомъ, Чеченскій отрядъ оставляетъ въ немъ 6 батальоновъ, а съ остальными 14 батальонами переходитъ на новое мѣсто Чеченской линіи и закладываетъ тамъ второе укрѣпленіе.

Полагать должно, что оно успѣетъ быть довершеннымъ до осени.

Въ это время Самурскій отрядъ, кончивъ дѣйствіе въ горахъ, вѣроятно обращенъ быть можетъ къ возведенію укрѣпленія при Гергебилѣ.

Подобными дѣйствіими достигнется несомнѣнно то, чего мы ожидать въ правѣ отъ данныхъ способовъ.

Всякое другое дѣйствіе вовлечетъ насъ въ неисчисленныя затрудненія и продлитъ дѣло до безконечности.

Ежели признано будетъ необходимымъ оставить сильнѣе резервъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ и на лѣвомъ флангѣ Сунженской линіи, то можно будетъ изъ 16 батальоновъ Дагестанскаго отряда оставить Волынскій полкъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, а изъ Чеченскаго отряда одинъ полкъ 15-й дивизіи на лѣвомъ флангѣ; тогда оба отряда останутся въ 13 батальонномъ составѣ, собственно для дѣйствія; хотя бы весьма желательно было, чтобъ оба отряда оставались въ 16 батальоновъ».

Ничего особенно новаго въ этихъ предположеніяхъ не было; повторялось тоже, что и на 1844 годъ, и что генералъ Нейдгардтъ долженъ былъ выполнить. Но весь этотъ планъ, въ глазахъ людей, хорошо знакомыхъ съ условіями кавказской войны, былъ признанъ неосуществимымъ. Еще въ августѣ 1844 года князь Аргутинскій писалъ генералу Нейдгардту, что предполагаемое движеніе въ горы будетъ не больше какъ поискъ, съ цѣлью разбить скопища Шамиля, еслибы онѣ встрѣтились и рѣшились вступить въ бой. Но затѣмъ войска должны будутъ возвратиться, очистивъ совершенно страну, въ которую сдѣлаютъ вторженіе.

Войска, двинувшись впередъ, будутъ имѣть болѣе или менѣе жаркія дѣла съ непріятелемъ, что однакожъ не помѣшаетъ имъ идти впередъ. Непріятель будетъ отступать въ глубь страны, хотя и съ урономъ, но не разстраиваясь совершенно, потому что, пользуясь мѣстностью и большею подвижностью, всегда имѣетъ возможность устраниться отъ рѣшительныхъ ударовъ.

Наши движенія будутъ зависѣть отъ количества взятыхъ съ собою продовольственыхъ и боевыхъ запасовъ и во всякомъ случаѣ должны быть прекращены, какъ только запасы начнутъ изсякать. Непріятель же, при нашемъ отступленіи, не упуститъ случая настойчиво преслѣдовать.

Такимъ образомъ, край, въ который мы сдѣлаемъ вторженіе, будетъ опятъ оставленъ нами; кромѣ нѣкотораго разоренія, которому подвергнутся жители, средства непріятеля, заключающіяся въ его вооруженныхъ силахъ, останутся безъ

большаго измѣненія. Наши же войска, кромѣ потери въ дѣлахъ, неизбѣжно разстраиваютъ матеріальный свой составъ и дѣлаются менѣе способными къ предстоящимъ имъ дѣйствіямъ зимою, когда непріятель, въ свою очередь, вторгается въ наши предѣлы.

Наступательныя движенія въ горы и возвращеніе оттуда безъ всякихъ, по вѣроятности, рѣшительныхъ результатовъ, не можетъ произвести во всемъ краѣ выгоднаго для насъ впечатлѣнія. Къ тому же, подобное движеніе откроетъ непріятелю его слабые пункты и научитъ употребить средства къ болѣе сильнѣйшему сопротивленію.

По мнѣнію князя Аргутинскаго, осень 1844 года должна была быть употреблена, для упроченія завоеваннаго края, на постройку сильнаго укрѣпленія въ Гергебилѣ, съ достаточнымъ складомъ всякаго рода запасовъ, какъ пунктъ, соединяющій южный съ сѣвернымъ Дагестаномъ и могущій служить точкою опоры войскамъ, дѣйствующимъ на этомъ пространствѣ. Не менѣе полезна разработка дорогъ отъ Гергебиля къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ и черезъ Кази-Кумыхъ, для прямого сообщенія съ Дербентомъ.

Однако, не взирая на подобныя мнѣнія опытныхъ кавказскихъ генераловъ, экспедиція въ Андію и Дарго была окончательно утверждена и приказано, соображаясь съ подробностями предстоявшаго движенія, обратить особенное вниманіе на устройство продовольственной части.

Всю зиму генералъ-адъютантъ Нейдгардтъ дѣятельно работалъ надъ заготовленіями для будущихъ дѣйствій; каждый мѣсяцъ представлялъ онъ подробный отчетъ всему сдѣланному по частямъ провіантскаго и артиллерійскаго заготовленій, снабженій складочныхъ пунктовъ — основныхъ и передовыхъ, подготовленій перевозочныхъ средствъ и проч., хотя уже зналъ, что распоряжаться всѣми этими средствами будетъ не онъ. Въ декабрѣ 1844 года состоялось назначеніе князя М. С. Воронцова намѣстникомъ и главнокомандующимъ Кавказскою арміею, съ властью, какой до него никто еще на Кавказѣ не имѣлъ.

Находясь въ Петербургѣ, ознакомившись посредствомъ чте-

нія бумагъ, разговоровъ съ княземъ Чернышевымъ и Государемъ съ положеніемъ кавказскихъ дѣлъ, графъ Воронцовъ 1-го февраля 1845 года представилъ императору Николаю записку, въ которой, между прочимъ, указалъ: что для производства указанныхъ Его Величествомъ наступательныхъ дѣйствій и для охраненія собственныхъ военныхъ нашихъ предѣловъ и прилежащаго края, со стороны лѣваго фланга Кавказской линіи и сѣвернаго Дагестана, предназначены были 40 батальоновъ. Но послѣ полученія объясненій и мѣстныхъ свѣдѣній отъ генераловъ Лидерса и Гурко, командовавшихъ уже въ этомъ краѣ и знакомыхъ съ мѣстностью и кавказскою войною, графъ Воронцовъ убѣдился, что совершенно необходимо оставить въ резервѣ:

Въ укрѣпленіи Куринскомъ для содержанія карауловъ и сообщенія . . . . 1 бат.

Для охраненія Кумыкской плоскости. . . . . 1 бат.

Въ сѣверномъ Дагестанѣ, для прикрытія безпрерывно слѣдующихъ транспортовъ по тремъ коммуникаціоннымъ линіямъ Темиръ-Ханъ-Шуры съ укр. Петровскимъ, Казіюртомъ и Евгеніевскимъ и для охраненія всей Шамхальской равнины. . . . . 3 бат.

Сверхъ того нужно къ предназначеннымъ въ составъ Самурскаго отряда 8-ми батальонамъ добавить 3—4 батальона, дабы онъ могъ предпринять, съ этой стороны, болѣе рѣшительныя наступательныя дѣйствія, необходимыя въ настоящемъ положеніи Закавказскаго края и южнаго Дагестана.

По сему разсчету нужно исключить 18—19 изъ числа упомянутыхъ 40 батальоновъ; слѣдовательно, собственно для главныхъ наступательныхъ дѣйствій въ горы могутъ быть употреблены только 21—22 батальона. Для движенія въ Андію отрядъ долженъ быть силою по крайней мѣрѣ въ 20 батальоновъ, потому что во избѣжаніе огромныхъ, невозможныхъ въ горахъ обозовъ и для обезпеченія обратнаго слѣдованія нашихъ войскъ необходимо учредить коммуникаціонную линію съ основаніемъ дѣйствій и постепенный подвозъ запасовъ, устройствомъ двухъ промежуточныхъ укрѣпленныхъ складочныхъ пунктовъ, на что потребуется до 7-ми батальоновъ.

Идти же въ самыя нѣдра горъ, на встрѣчу скопищъ Шамиля, съ отрядомъ менѣе 13-ми батальоновъ, значило бы подвергать большимъ случайностямъ успѣхъ этого важнаго предпріятія *).

Изъ разсчета сего видно, что къ одновременному движенію двухъ отрядовъ достаточной силы, со стороны сѣвернаго Дагестана и Чечни не представляется никакой возможности, по недостатку войскъ; кромѣ того, всѣ дороги изъ Чечни въ Андію, пролегаютъ на 30—40 верстъ лѣсистымъ и гористымъ дефилемъ, гдѣ войска наши могутъ испытать участь, постигшую отрядъ генералъ-адъютанта Граббе, въ 1842 году, въ землѣ ичкеринцевъ. (Этотъ кровавый эпизодъ всѣхъ пугалъ до крайности!).

Князь Воронцовъ полагалъ слѣдующимъ образомъ приступить къ исполненію предначертаній Государя Императора:

1) На лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи и въ сѣверномъ Дагестанѣ оставить резервъ исчисленной силы.

2) Затѣмъ въ началѣ маѣ, собрать въ сѣверномъ Дагестанѣ—Дагестанскій, а на лѣвомъ флангѣ—Чеченскій отряды.

3) Съ появленіемъ перваго подножнаго корма въ горахъ, собрать въ Салатавіи главныя силы Чеченскаго и Дагестанскаго отрядовъ, въ составѣ 20—22 батальоновъ и двинуться черезъ земли салатовцевъ и гумбетовцевъ въ Андію.

4) При постепенномъ движеніи отряда въ глубь горъ, укрѣпить временно два промежуточные пункта, одинъ при спускѣ съ Салатовскихъ горъ, у Кирки; другой на хребтѣ, отдѣляющемъ гумбетовцевъ отъ андійцевъ около Буцуръ-Тли-

---

*) Князь Воронцовъ упустилъ изъ вида еще одно обстоятельство: счетъ на батальоны весьма обманчивъ; выступая съ мѣста maximum въ 650—700 штыковъ, батальоны въ самый разгаръ дѣйствій уже уженьшались на 1/6, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, а при исключительныхъ, каковыя и случились въ 1843 г., вслѣдствіе климатическихъ невзгодъ, недостатка продовольствія и потерь въ битвахъ, они теряли 1/2 своего состава, и цыфра 13 батальоновъ сводилась на менѣе чѣмъ 5,000 штыковъ, изъ коихъ, по меньшей мѣрѣ, 1/4 нужно исключить на расходы къ вьюкамъ, къ артиллеріи помогать втаскивать и спускать по кручамъ орудія, вѣстовыми, слабыми и т. п.,—такъ что собственно для боя съ непріятелемъ едва можно было бы разсчитывать на 3,500 человѣкъ, и то большею частью утомленныхъ и ослабленныхъ уже людей.

коля, занявъ первый 4-мя, а второй тремя батальонами, для охраненія въ оныхъ склада военныхъ и продовольственныхъ припасовъ, перевозки больныхъ и раненыхъ изъ дѣйствующаго отряда.

5) Собрать другой отрядъ, также въ началѣ маѣ, въ Кази-Кумухѣ, силою въ 11—12 батальоновъ, съ цѣлію предпринять рѣшительныя наступательныя дѣйствія для усмиренія племенъ, между Аварскимъ Койсу и главнымъ хребтомъ обитающихъ, отвлекая оныя отъ главнаго нашего отряда.

6) Содѣйствовать симъ экспедиціямъ одновременнымъ движеніемъ Лезгинскаго и Назрановскаго отрядовъ со сторонъ: Лезгинской кордонной линіи и Военно-Грузинской дороги.

По достиженіи этой первой цѣли, положеніе края укажетъ дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій. По прибытіи же князя Воронцова на Кавказъ, личное обозрѣніе края, ближайшее соображеніе мѣстныхъ обстоятельствъ, или происшедшія измѣненія въ положеніи военныхъ дѣлъ, можетъ быть заставятъ измѣнить въ чемъ-либо изложенныя предположенія. Но при этомъ князь присовокуплялъ, что будетъ имѣть постоянно въ виду скорѣйшее и вѣрнѣйшее исполненіе основныхъ указаній Государя, изложенныхъ въ вышеприведенной запискѣ Его Величества.

Со всѣмъ этимъ покойный Императоръ вполнѣ согласился, предоставивъ всѣ частности взгляду мѣстнаго начальника, на котораго вполнѣ полагался.

Вообще, послѣ назначенія князя Воронцова, самъ Николай Павловичъ и военный министръ Чернышевъ уже совершенно отказались отъ противорѣчій или замѣчаній на представленія главнокомандующаго; все одобрялось, утверждалось и даже въ самой формѣ бумагъ къ нему приказывалось соблюдать величайшую осторожность, чтобы ничѣмъ не раздражать князя Воронцова.

25-го мая, предъ самымъ выступленіемъ съ Чеченскимъ отрядомъ въ горы, князь Воронцовъ писалъ, между прочимъ, Чернышеву: «Если бы даже полученное мною приказаніе дѣйствовать въ этомъ году наступательно, прежде чѣмъ вновь приняться за устройство передовой Чеченской линіи, было

противно моему мнѣнію, какъ несогласны съ нимъ и всѣ здѣшніе генералы, но все-таки я бы исполнилъ его съ тѣмъ же рвеніемъ; *но я откровенно говорю здѣсь всѣмъ, что это также и мое мнѣніе и что мнѣ кажется неблагоразумнымъ избѣгать встрѣчи съ Шамилемъ и возможности нанести ему вредъ, что это устроитъ наши дѣла лучше всего.* Если Богу не угодно будетъ благословить насъ успѣхомъ, мы все-таки сдѣлаемъ нашъ долгъ, не будемъ виноваты и обратимся тогда нѣсколько позже къ методической системѣ, которая принесетъ плоды, но разумѣется не такъ скоро, какъ въ томъ стучаѣ, если бы одержали успѣхъ въ борьбѣ съ самимъ Шамилемъ». Чрезъ пять дней князь еще писалъ, что не смѣетъ надѣяться на большой успѣхъ, но сдѣлаетъ все, что будетъ отъ него зависѣть, чтобы исполнить желаніе Государя и оправдать его довѣріе.

XXXIV.

Экспедиція 1845 года. — Первый ея періодъ, отъ начала выступленія отрядовъ до занятія Андіи включительно.

Теперь я перехожу къ описанію самой экспедиціи 1845 года, въ которой Кабардинскому полку суждено было еще возвысить славу свою и въ глазахъ новаго главнокомандующаго высказать въ полномъ блескѣ свою доблесть.

О походѣ князя Воронцова въ Дарго было много писано; въ газетахъ того времени, за тѣмъ въ Военномъ Сборникѣ и другихъ періодическихъ изданіяхъ разбросано много различныхъ статей, съ характерами историческаго изслѣдованія, личныхъ воспоминаній и проч. Кромѣ того, штабъ Кавказской арміи издалъ въ 1846 году брошюру, перепечатавъ цѣликомъ подробное описаніе экспедиціи, представленное главнокомандующимъ Государю Николаю Павловичу. Артиллерійское начальство на Кавказѣ тоже представило покойному великому князю Михаилу Павловичу обширное донесеніе.

Всѣ эти статьи и записки почти повтореніе офиціальнаго донесенія, касательно фактической стороны похода, съ прибавленіемъ кое-какихъ разсужденій или частныхъ подробностей, ничего, впрочемъ, не измѣняющихъ и не разъясняющихъ въ сущности самаго дѣла.

Я, съ своей стороны, въ нижеслѣдующемъ разсказѣ придерживаюсь преимущественно подлинныхъ донесеній князя Воронцова Государю, какъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, и прибавляю кое-что мнѣ извѣстное изъ разсказовъ участниковъ, бывшихъ при князѣ Воронцовѣ, нѣсколькихъ офицеровъ Ка-

бардинскаго и Куринскаго полковъ, двухъ Тушинъ бывшихъ въ грузинской милиціи и съ Пассекомъ все время въ авангардахъ, и еще многихъ лицъ, имена коихъ теперь уже мною забыты; пользуюсь также отрывкомъ изъ воспоминаній покойнаго ген.-лейт. Геймана, участвовавшаго въ экспедиціи молодымъ прапорщикомъ и дающаго нѣсколько интересныхъ чертъ собственно для характеристики Кабардинскаго полка; наконецъ, самъ я хотя и находился тогда на Лезгинской линіи, тѣмъ не менѣе, подобно всѣмъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ дѣлъ, за всѣми слухами, разсказами, возбуждаемыми разсужденіями и толками. Дѣло вообще изучено мною въ такой подробности, что я не рискую сдѣлать грубую ошибку въ изложеніи фактической стороны, или при критической оцѣнкѣ ихъ причины и послѣдствій.

Чеченскому отряду приказано было собраться около 28-го мая въ кр. Внезапную, съ тѣмъ чтобы двинуться оттуда въ Салатавію чрезъ Гертме, соединиться здѣсь съ Дагестанскимъ отрядомъ, который къ назначенному времени долженъ былъ прибыть къ укр. Евгеніевскому.

Пока войска двигались въ назначеннымъ пунктамъ, главнокомандующій проѣхалъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру и обозрѣлъ въ сѣверномъ Дагеттанѣ войска и укрѣпленія. Къ ужасу своему, князь Воронцвв нашелъ полки 14-й дивизіи, особенно 1-ю бригаду, (Волынскій и Минскій п.) въ самомъ печальномъ положеніи; въ Волынскомъ полку было 750 больныхъ—гораздо болѣе третьей части всего состава! Продовольственная часть сопряжена была съ большими злоупотребленіями и небрежностью со стороны командировъ. Сдѣлавъ нужныя распоряженія, главнокомандующій, чрезъ Ташкичу, 28 мая прибылъ во Внезапную, гдѣ въ этотъ день собрался Чеченскій отрядъ въ составѣ 12³/₄ батальоновъ *), 1,000 человѣкъ грузинской пѣшей

---

*) Въ томъ числѣ три батальона Кабардинскаго полка. 1-мъ командовалъ подполк. Гротенфельдъ, нѣмецъ весьма плохо объяснявшійся по-русски, но хорошій офицеръ, педантически исполнявшій свои обязанности. 2-мъ—полковн. Ранжевскій, замѣчательная личность, обожаемая солдатами, называвшими его не иначе, какъ «желѣзный дѣдъ»; ему было лѣтъ за пятьдесятъ,

милиціи; 13 сотень конницы, 28 орудій, при 1,300 вьюкахъ червударскихъ и артиллерійскаго парка.

Оставивъ во Внезапной весь колесный обозъ и всѣ лишнія тяжести, войска Чеченскаго отряда 31-го мая въ $3^{1}/_{2}$ часа утра, послѣ молебствія, выступили на Балтугай. Мосты по обрывамъ скалы, недоходя до источника горячей сѣрной воды, были разрушены. Отправленный туда авангардъ, съ строительными матеріалами немедленно приступилъ къ постройкѣ моста и въ теченіе ночи, не взирая на проливной дождь, возстановилъ сообщеніе, такъ что 1-го іюня войска уже двинулись въ Зурамакентъ, по узкой гористой дорожкѣ, затруднявшей движеніе артиллеріи и вьюковъ.

Въ это же время Лезгинскій отрядъ проникъ въ Анкратль, Самурскій наступалъ чрезъ Чохъ на Кара-Койсу, Дагестанскій двигался изъ Евгеніевскаго въ Гертме. Такое концентрическое движеніе, казалось, должно было имѣть рѣшительное вліяніе на положеніе непокорнаго края; но, какъ увидимъ дальше, даже въ смыслѣ диверсіи и отвлеченія непріятельскихъ силъ противъ главнаго нашего отряда, оно оказалось фиктивнымъ.

2-го іюня Чеченскій отрядъ перешелъ къ Хубару. Непріятель лишь издалека слѣдилъ за нашимъ движеніемъ и обмѣнялся нѣсколькими выстрѣлами съ арріергардомъ.

3-го іюня, прибывъ въ Гертме, Чеченскій отрядъ соединился съ Дагестанскимъ, расположившимся тамъ наканунѣ, въ составѣ 10 батальоновъ, 3 сотень конницы, 18 орудій, съ 1,380 вьюками.

Для наибольшаго облегченія движенія войскъ, въ Гертме устроили вагенбургъ, оставивъ въ немъ, подъ прикрытіемъ 3-хъ батальоновъ, полевыя орудія, парковыя повозки, червударскихъ лошадей и менѣе нужныя тяжести.

косая сажень въ плечахъ, вершковъ 12 ростомъ и слегка сутуловатъ; честенъ былъ, какъ рыцарь; съ подчиненными—строгъ до нельзя; въ дѣлѣ едва ли можно было найти храбрѣе человѣка; весь полкъ питалъ къ нему вполнѣ заслуженное глубокое уваженіе. Подобныя личности рѣдки въ арміи. 3-мъ—только что прибывшій изъ Петербурга князь А. И. Барятинскій, будущій фельдмаршалъ и шефъ полка.

Позиція у Бартуная оказалась не занятою непріятелемъ, хотя вся дорога чрезъ крутой, лѣсистый Теренгульскій оврагъ была усѣяна завалами, вѣроятно подготовленными прежде для прегражденія намъ доступа. Саперы расчищали дорогу, войска тянулись непрерывною нитью, но крутость спуска и подъема, еще испорченные проливнымъ дождемъ, до того затруднили движеніе, что съ 10½ ч. утра войска шли безостановочно всю ночь, пока очутились на позиціи за Теренгуломъ, гдѣ въ 1844 году стоялъ Шамиль; а хвостъ колонны пришелъ еще нѣсколькими часами позже. Сильное утомленіе людей заставило сдѣлать здѣсь дневку.

Не теряя времени, главнокомандующій, выдвинувъ немного впередъ пѣхоту авангарда, съ кавалеріей произвелъ рекогносцировку дороги чрезъ Бартунай къ Алмаку въ ущелье Мичикалъ, которое, по свѣдѣніямъ, было сильно укрѣплено.

Изъ Салатавіи въ Гумбетъ ведутъ двѣ дороги: одна чрезъ Кыркъ, другая чрезъ Мичикалъ. Свѣдѣнія отъ лазутчиковъ о состояніи этихъ путей противорѣчили другъ другу и были вообще весьма неопредѣлительны; можно было однако полагать, что Мичикалъ укрѣпленъ и непріятель ждетъ насъ съ той стороны, а у Кыркъ дорога до того испорчена, что считается непроходимою и потому наблюдается только пикетомъ.

Чтобы лично удостовѣриться въ состояніи пути на Кыркъ, князь Воронцовъ 5-го іюня приказалъ составить отрядъ изъ 8-ми батальоновъ (въ томъ числѣ 1-й Кабардинскій) съ 9-ю сотнями конницы и 8 орудіями, поручивъ его генералъ-маіору Пассеку, и двинулся съ нимъ къ перевалу Кыркъ. Дорога на разстояніи 15 верстъ все шла въ гору, день былъ жаркій, но, двигаясь безостановочно, войска въ 10 ч. утра уже были на краю перевала и увидѣли подъ собою Гумбетъ. Спускаться приходилось по узкой дорожкѣ, вьющейся надъ обрывомъ горы; въ одномъ мѣстѣ дорожка отвѣсно прерывалась, составляя уступъ вышиною болѣе сажени, и вся остальная часть спуска оказывалась чрезвычайно крутою, особенно для артиллеріи.

Быстрое движеніе отряда было причиной, что на перевалѣ, кромѣ пикета, никого неоказалось и непріятель, узнавъ о по

явленіи нашемъ, началъ поспѣшно стягиваться на гору Анчимееръ, находящуюся противъ перевала и служащую ключемъ всей этой позиціи, которую горцы очевидно намѣрены были защищать, для чего поставили на ней и одно орудіе.

Главнокомандующій, осмотрѣвъ позицію, приказалъ Пассеку спускаться и занять Анчимееръ. Не взирая на сильную усталость, Куринскій и Апшеронскій батальоны, спрыгивая съ уступа по одному человѣку, въ то же время заваливали провалъ камнями, такъ что чрезъ 1½ часа уже можно было спускать горныя орудія; пѣшіе же грузины нашли возможность пробраться правѣе.

Когда у подножія крутой горы Анчимееръ собрались 5 батальоновъ, Пассекъ двинулся въ атаку, не взирая на ружейный огонь и пушечные выстрѣлы. Первые поднявшіеся на гору грузины были встрѣчены ударомъ въ шашки, но подоспѣвшіе Куринскіе егеря ихъ немедленно прогнали и тщетно потомъ старались горцы держаться на слѣдующихъ уступахъ. Чрезъ два часа послѣ начала наступленія, Анчимееръ былъ въ нашихъ рукахъ, непріятель, въ числѣ до 2,500 человѣкъ, съ своимъ орудіемъ поспѣшно отступилъ и оставилъ свою укрѣпленную позицію на Мичикалѣ, такъ какъ мы съ Анчимеера уже угрожали ей въ тылъ. Весь уронъ нашъ, къ удивленію, оказался всего въ 17-ти раненыхъ.

Князь Воронцовъ *), въ письмѣ къ государю, разсказывая объ этомъ первомъ удачномъ столкновеніи съ непріятелемъ, говоритъ между прочимъ, что, не зная навѣрно ни численности непріятеля, ни силы устроенныхъ искусственныхъ загражденій, онъ не рѣшился бы съ бывшими у него подъ рукою войсками штурмовать почти неприступную позицію, но не желая ободрять горцевъ отступленіемъ и видя чрезвычайное одушевленіе войскъ и самаго генералъ-маіора Пассека, у котораго глаза заблистали отъ удовольствія при первомъ намекѣ на атаку Анчимеера, приказалъ идти на приступъ, совершившійся такъ блистательно и, къ счастью, съ такой ни-

---

*) Тогда Воронцовъ былъ еще графомъ, а княжескій титулъ пожалованъ ему послѣ; но чтобы избѣжать разнорѣчій я уже вездѣ пишу «князь».

чтожной потерей. Вся честь дѣла приписана грузинамъ и 1-му батальону Куринскаго полка, который и названъ, именно послѣ Анчимеера, егерьскимъ князя Воронцова полкомъ. Впрочемъ, «съ такими людьми и съ такими войсками, какіе у насъ здѣсь есть, нѣтъ ничего невозможнаго», прибавилъ князь.

На этомъ письмѣ покойный Государь написалъ: «согласенъ на все», (т. е. на испрашиваемыя награды) донесеніе напечатать отъ слова до слова въ Русскомъ Инвалидѣ. Дай Богъ далѣе успѣха; начало славное».

Пользуясь успѣхомъ авангарда, главнокомандующій приказалъ обоимъ отрядамъ расположиться у бывшаго укрѣпленія Удачнаго (сооруженное въ 1838 г. ген. Граббе при движеніи на Ахульго). Спускъ съ перевала Кыркъ былъ такъ труденъ, что Чеченскій отрядъ окончательно прибылъ только 8-го іюня въ 9 часовъ утра. Между тѣмъ Пассекъ, желая поскорѣе очистить дорогу въ Андію и видя, что войска подходятъ къ Удачному, двинулся 6-го числа впередъ и занялъ высоты Зуну-Мееръ, въ то время какъ Дагестанскій отрядъ перешелъ на позицію Мичикалъ, оставленную горцами, не взирая на цѣлый рядъ сильныхъ заваловъ, показывавшихъ, что они намѣрены были упорно держаться.

Жаркая и знойная погода, бывшая въ день занятія перевала Кыркъ (5-го іюня), вдругъ перемѣнилась; съ 7-го іюня начались сперва страшные дожди и бури, а потомъ выпалъ глубокій снѣгъ, и морозы на перевалѣ Кыркъ доходили до 6°. Особенно бѣдствовали войска авангарда Пассека, стоявшія на высокой горѣ по колѣни въ снѣгу, безъ топлива и продовольствія; лошади тоже не имѣли корма. Чтобы имѣть возможность хоть согрѣть въ чайникѣ воды, развели огонь, употребивъ на это всѣ донскія пики. Особенно страдали грузинскіе милиціонеры, не привыкшіе ни къ подобной погодѣ, ни вообще къ такимъ трудамъ походной жизни и не одѣтые сообразно такому холоду.

9-го числа милицію и кавалерію пришлось спустить на Мичикалъ къ Дагестанскому отряду, а пѣхота оставалась на Зуну-Меерѣ до 12-го числа и хотя ей съ большимъ трудомъ доставили не много дровъ и спирта, но положеніе все же

было ужасное. Другимъ частямъ отряда то же было весьма плохо, но онѣ по крайней мѣрѣ имѣли достаточно продовольствія, тогда какъ авангардъ оставался впроголодь. Какова была стужа (въ іюнѣ мѣсяцѣ!) можно судить потому, что нѣсколько черводаровъ замерзло, а 450 человѣвъ, большею частью милиціонеровъ, было обморозившихся, изъ которыхъ многіе потеряли руки и ноги; до 500 лошадей пало отъ холода и истощенія...

Многіе обвиняли Пассека за необузданную отвагу, которая и повела его, безъ особаго приказанія, на высоту Зуну-Мееръ, и за то что онъ, съ наступленіемъ холода и метели, не поспѣшилъ отступить къ прочимъ войскамъ. Если въ первой части обвиненія и есть доля основательности, то во второй оно совершенно лишено таковой, потому, что всякое отступленіе, особенно въ самомъ началѣ предстоявшихъ наступательныхъ дѣйствій, ободрило бы горцевъ и имѣло бы для насъ крайне невыгодное нравственное вліяніе. Скорѣе уже можно бы упрекнуть главный отрядъ за несвоевременную поддержку авангарда.

Солдаты съ тѣхъ поръ называли Зуну-Мееръ «холодною горою».

Въ продолженіе 7-ми сутокъ стояла въ Гумбетѣ погода невыносимая, непрестанно лилъ дождь, растворявшій землю, стужа и туманъ увеличивались, два дня лежалъ мокрый и глубокій снѣгъ, а по почамъ бывалъ морозъ до 5^0 и 6^0.

Дороги испортились до такой степени, что колонны, особенно съ черводарскими вьюками и съ артиллеріею, при всѣхъ усиліяхъ—неуспѣвали иногда дѣлать 6 и 8 верстъ въ сутки; случалось, что люди, перемокнувъ, оставались дня по три безъ горячей пищи и не имѣли возможности просушиваться, по совершенному недостатку лѣса; трава также встрѣчалась большею частію самая скудная. Отъ столь необыкновеннаго и упорнаго холода и усиленныхъ трудовъ на походѣ, гдѣ по непроходимой дорогѣ приходилось артиллерію, даже иногда горную, почти постоянно тащить людьми, число больныхъ возросло значительно, 12 человѣкъ замерзло или умерло отъ стужи...

Казалось бы невѣроятнымъ, чтобы люди могли вынести столько трудовъ и лишеній, еслибы рѣчь шла не о русскомъ солдатѣ, да еще кавказскомъ и Кабардинскаго полка. И что это были за молодцы, какъ вспомнишь теперь! Загорѣлыя, воинственныя лица ихъ дышали отвагою; во взглядахъ и движеніяхъ ихъ читалась — смѣсь добродушія съ самоувѣренностью, спокойствіе, съ сознаніемъ собственнаго достоинства; съ такими солдатами не могло существовать никакихъ преградъ, — имъ уныніе и робость не были знакомы. Бывало, послѣ тяжелаго горнаго перехода, дадутъ людямъ по чаркѣ спирта; каждый солдатъ, зачерпнувъ крышку изъ ведра, выпьетъ, крякнетъ и, передавъ крышку слѣдующему, отправляется къ своему ранцу дожевывать сухари, а нѣкоторые принимались варить въ котелкѣ тюрю, т. е. въ кипятокъ сыпали толченые сухари, соли по вкусу, а если есть, то клали и сала кусочекъ. Болѣе зажиточные варили мамалыгу, т. е. вмѣсто сухарей клали кукурузную муку. Языки развязывались, начинался общій говоръ, иногда прерываемый дружнымъ взрывомъ хохота, вызваннымъ какою нибудь остротою ротнаго балагура. Любо было смотрѣть на этихъ лихихъ, неприхотливыхъ солдатъ. Особенно бросалось въ глаза, что, не смотря на близость тутъ же офицеровъ, люди, казалось, нисколько не стѣснялись: всѣ говорили свободно, лежали, закусывали, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не слышно было ни одного грубаго слова, никто не сидитъ, не стоитъ спиною къ сторонѣ начальства. Случалось, офицеръ позоветъ кого нибудь, чтобы отдать приказаніе, или спросить что либо,—солдатъ вскочитъ живо, подбѣжитъ весело, бойко, свободно разговариваетъ съ офицеромъ; но стоитъ почтительно и на вытяжку. Многіе офицеры, а въ особенности старые ротные командиры, называли всегда солдатъ по фамиліи, это имъ очень льстило; дисциплина, не взирая на отсутствіе постоянной ремешковой службы и рѣдкое употребленіе палокъ, была именно такая, какую слѣдуетъ желать въ арміи. Впрочемъ, это именно возможно только въ военное время; продолжительный миръ создаетъ особыя, искусственныя, неестественныя отношенія; въ этомъ случаѣ и должны выказаться достоинства офицеровъ,

умѣющихъ сохранить равновѣсіе такъ, чтобы съ первымъ шагомъ на войну все лишнее, искусственное начало отпадать, и нужно сознаться, что съ каждымъ годомъ достиженіе такого результата становится все труднѣе и труднѣе: короткіе сроки службы, измѣненіе понятій и даже характера въ массѣ людей, поступающихъ во фронтъ, порождаютъ новыя, въ прежнее время неизвѣстныя задачи. Поэтому предмету трудно преподать какія либо правила; въ офицерѣ нужна любовь къ своему дѣлу, расположеніе къ солдату, отсутствіе черствости и эгоизма, снаровка и умѣніе примѣниться къ людямъ и обстоятельствамъ, во всякомъ случаѣ, необходимо отбросить педантизмъ, несвойственный натурѣ русскаго человѣка: наши солдаты предпочитали начальника, который вспыхнетъ, обругаетъ прескверно и въ зубы съѣздитъ, такому, который прехладнокровно за всякую малость придирается, призоветъ фельдфебеля, распечетъ его, а тотъ уже безжалостно выместитъ на провинившемся солдатѣ. Нѣтъ благодарнѣе матерьяла для водворенія самой разумной дисциплины, какъ русское войско. Въ мирное время, или въ военное, при постоянныхъ удачахъ, еще не велика заслуга поддержать полный порядокъ, но при военной неудачѣ сохранить ненарушенною дисциплину, — это одно изъ высшихъ качествъ войска и неизвѣстно какая изъ европейскихъ армій можетъ быть вполнѣ въ этомъ увѣрена. Мы же, на Кавказѣ, нѣсколько разъ терпѣли жестокія неудачи, какъ читатели могутъ видѣть изъ настоящей исторіи, но не было примѣра, чтобы порядокъ, подчиненность, безпрекословное повиновеніе хоть на минуту были нарушены, за рѣдкими исключеніями, гдѣ неудачи хотя причиняли въ нѣкоторыхъ частяхъ паническій страхъ, но всетаки не упадокъ дисциплины.

Тоже видимъ и въ новѣйшее время, въ послѣднюю Турецкую войну, когда печальной памяти кровавыя неудачи подъ Плевной—не обнаружили никакихъ признаковъ паденія дисциплины.

Одно что замѣчается въ новѣйшее время, немогущее заслуживать одобренія,—это нѣкоторое пренебреженіе большинства офицеровъ къ своему званію, недовольство положеніемъ,

дѣятельностью, предстоящею будущностью, готовность тотчасъ промѣнять все хоть на должность кассира желѣзнодорожной станціи или т. п. частную службу, лишь бы это дало лишнихъ двѣ-три сотни рублей въ годъ. Въ наше время было не то: мы съ гордостью носили эполеты и искренно считали военное званіе почетнѣйшимъ. Не говорю о тѣхъ, которые съ презрѣніемъ относились къ штатскимъ, «штафиркамъ» и т. п.,— это были люди слишкомъ давней эпохи, мало развитые, забавныя дѣти своего вѣка; я говорю о кавказскихъ офицерахъ 50-хъ и 60-хъ годовъ, между которыми вовсе не были распространены эти замашки добраго, стараго времени, съ насмѣшками и анекдотами о *штафиркахъ*, *квартажкахъ* и проч.; тѣмъ не менѣе они, покрайней мѣрѣ большинство, повторяю, гордились своимъ званіемъ и съ трудомъ соглашались промѣнивать его на другое.

Это обстоятельство, въ глазахъ всякаго, понимающаго самую суть военной службы, не можетъ не обращать на себя вниманія: оно неизбѣжно должно дѣйствовать и на нижнихъ чиновъ, особенно старослужащихъ сержантовъ, остающихся на сверхсрочной службѣ въ арміи.

Для удержанія въ нашихъ рукахъ перевала Кыркъ, было выстроено полевое укрѣпленіе на двѣ роты и 2 орудія и кромѣ того оставленъ здѣсь особый отрядъ изъ 5-ти батальоновъ *) пѣхоты, 2-хъ сотенъ конницы и 10-ти орудій. Тутъ же оставлены и всѣ запасные парковые ящики.

10-го числа Чеченскій отрядъ выступилъ на Мичикалъ, гдѣ 11-го числа соединился съ Дагестанскимъ и составилъ уже одинъ общій отрядъ, подъ начальствомъ самаго главнокомандующаго. Въ тотъ же день, оставивъ на Мичикалѣ 2 батальона, 1 сотню казаковъ и 2 орудія, отрядъ выступилъ къ Гороль-Гоху, гдѣ соединился съ авангардомъ Пассека, а 12-го расположился впереди аула Цилитль, въ виду Андійскихъ воротъ, укрѣпленныхъ горцами. Послѣ труднаго перехода и утомительнаго спуска съ чрезвычайно высокой и кру-

---

*) Въ томъ числѣ 2-й батальонъ Кабардинскаго полка.

той горы, войска провели еще ночь подъ проливнымъ дождемъ, при сильной бурѣ, препятствовавшей развести огни.

По свѣденіямъ лазутчиковъ, Шамиль укрѣпилъ узкій проходъ, называемый Буцуръ-Калъ, каменной стѣной и множествомъ заваловъ, намѣреваясь упорно защищаться; но когда 13-го числа генералъ Гурко съ небольшой колонной двинулся для рекогносцировки, то передовые казаки подошли къ самымъ заваламъ и нашли ихъ вовсе незанятыми. Вѣроятно Шамиль не надѣялся, чтобы они устояли противъ нашей артиллеріи. Такимъ образомъ, трудно доступный проходъ въ Андію достался намъ безъ боя; дорога была открыта. Послѣ продолжительнаго ненастья, 13-го числа показалось наконецъ солнце и приказано было сдѣлать дневку, для доставленія утомленнымъ войскамъ возможности отдохнуть и обсушиться.

Между тѣмъ, прежде чѣмъ двинуться далѣе, приказано на важномъ пунктѣ Буцуръ-Кале устроить сильный, укрѣпленный постъ, для упроченія сообщенія нашего съ укрѣпленіемъ Евгеніевскимъ, и здѣсь оставлены два батальона, съ ротою саперъ, при 3-хъ орудіяхъ.

Густымъ туманомъ были покрыты горы и вся окрестность, когда 14-го іюня войска поднялись для движенія въ Андію. Но едва голова колонны ступила на землю, гдѣ никогда еще не видали русскихъ войскъ, туманъ разсѣялся и солнце озарило подъ нашими ногами всю Андію, огражденную со всѣхъ сторонъ высокими хребтами горъ. Общій характеръ мѣстности состоитъ въ томъ, что вся глубокая долина перерѣзана внизу крутымъ, широкимъ оврагомъ, съ боковыми откосами, въ которыхъ протекаютъ рѣка Годоръ и много ручьевъ и водопадовъ. У подошвы оврага разбросаны главные аулы: Анди, Гогатль и Рикуани. Отъ нихъ поднимались террасами засѣянныя поля, а надъ ними, ближе къ гребню горъ, виднѣлись обильныя пастбища.

Когда войска наши спускались, развалины ауловъ дымились. Они были сожжены по приказанію Шамиля, который, по своему обыкновенію, увлекъ жителей силою дальше въ горы. Они, на приказанія его защищаться до послѣдней крайности противъ русскихъ войскъ, отвѣчали, что готовы лечь

всѣ, если Шамиль съ своими мюридами и артиллеріею останется съ ними, но жечь своихъ ауловъ, въ которыхъ лежатъ кости ихъ праотцевъ, несогласились. Это условное повиновеніе не удовлетворило Шамиля и когда онъ, не надѣясь удержаться въ Буцуръ-Кале, отступилъ, то и распорядился истребить аулы, чтобы недопустить жителей къ изъявленію намъ покорности и лишить насъ всякихъ вспомогательныхъ средствъ.

Отрядъ двигался двумя эшелонами: бывшій Чеченскій—въ первомъ, Дагестанскій во второмъ. Авангардъ, подъ начальствомъ ген. Клугенау, состоявшій изъ девяти сотенъ конницы, 3-хъ батальоновъ (въ томъ числѣ 1-й и 3-й Кабардинскаго полка) и 2-хъ дружинъ пѣшей грузинской милиціи, при 4-хъ горныхъ орудіяхъ, получилъ приказаніе занять Гогатль, въ которомъ виднѣлась часть горцевъ. Въ авангардѣ шелъ нашъ 1-й батальонъ.

Между тѣмъ непріятель началъ занимать сильную позицію за рѣчкою Годоръ на высотахъ противъ Андіи, укрѣпленныхъ завалами и обстрѣливавшихъ, неумолкая, подъемъ изъ 3-хъ орудій. Кавалерія наша перешла въ Гогатль на хвостѣ отступающихъ горцевъ и по слѣдамъ ихъ достигла Андіи, занимая съ боя одну за другою покидаемыя горцами сакли. Соображаясь съ движеніями конницы, приказано было двинуть впередъ за нею нашъ 3-й батальонъ. Это приказаніе весьма огорчило 1-й батальонъ и показалось всѣмъ несправедливымъ; между солдатами слышалось ворчаніе: «да чѣмъ же мы хуже 3-го батальона, развѣ мы когда нибудь бѣгали, что ли? Офицеры тутъ же рѣшили, что преимущество 3-му батальону дано было, потому что имъ командовалъ князь Барятинскій. Вообще, въ полку было развито крайнее самолюбіе: идти въ арріергардѣ, остаться въ вагенбургѣ, или вообще внѣ дѣйствій, считалось обидой, являлись подозрѣнія въ несправедливости, личностяхъ начальниковъ и тому подобное.

Князь Барятинскій, видя завязавшееся между милиціею и горцами жаркое дѣло, направился въ аулъ для ихъ поддержки. Отступавшій непріятель остановился и, въ намѣреніи удержать аулъ за собою, сдѣлалъ сильный натискъ; но наши двѣ

роты (3-я карабинерная и 7-я егерская) бросились въ штыки, опрокинули и выбили горцевъ изъ аула. Увлеченные боемъ, егеря быстро перешли Годоръ и продолжая преслѣдованіе отступающихъ, поднимались на скалистыя высоты, занятыя главными силами непріятеля. Вся обширная, по крутому подъему мѣстность, была усѣяна его толпами. Они видѣли, что горсть солдатъ грозитъ вытѣснить ихъ изъ позиціи, укрѣпленной природою и искусствомъ, и открыли самый частый ружейный огонь, усиливъ дѣйствіе своей батареи.

Съ своей стороны полковникъ Козловскій, командовавшій всѣми передовыми войсками, понимая, что остановиться выдвинувшимся войскамъ нашимъ, или возвратиться въ аулъ, было невозможно, потому что это ободрило бы многочисленнаго непріятеля и подвергло бы нашихъ натиску всего скопища, лично повелъ въ подкрѣпленіе 3-й Карабинерной и 7-й егерской ротамъ остальныя двѣ роты 3-го батальона, имѣя правѣе себя двѣ дружины Грузинской милиціи. Несмотря на сильный пушечный и ружейный огонь, обѣ передовыя роты, стремясь овладѣть во что бы не стало позиціями и орудіями непріятеля, съ большими усиліями взобрались уже болѣе чѣмъ на половину крутой, высокой горы. Тогда Шамиль, сосредоточивъ у своихъ значковъ толпы горцевъ, устремился на атакующихъ, надѣясь подавить ихъ своею многочисленностію; но неустрашимыя роты и часть милиціонеровъ, прикрываясь каждымъ уступомъ террасъ, встрѣчали непріятеля бѣглымъ огнемъ и отбивали его натиски дружными ударами въ штыки. Уже князь Барятинскій былъ раненъ, командиръ 3-й роты штабсъ-капитанъ Нейманъ тоже, командиръ 7-й роты поручикъ Маевскій, не взирая на полученную рану, двигавшійся впередъ, убитъ, ранены оба субалтернъ-офицера (подпоручикъ Нѣмцовъ и прикомандированный преображенскаго полка прапорщикъ Швейцонъ), но роты продолжали наступать и 7-я егерская, воодушевленная фельдфебелемъ Іудою Власовымъ, крикнувшимъ «ура! за мною» ворвались въ завалъ, причемъ и Власовъ былъ раненъ *). Въ это время подоспѣли 8 и 9-я роты,

*) Онъ тутъ же главнокомандующимъ былъ произведенъ въ прапорщики, но вскорѣ за ранами вышелъ въ отставку.

а горцы, окончательно выбитые изъ всѣхъ заваловъ, начали поспѣшно отступать, заботясь единственно о спасеніи своихъ орудій; раздались крики: «спасайте имама, спасайте имама»!

Всѣ попытки нашихъ утомленныхъ войскъ догнать ихъ были тщетны. Наконецъ, не взирая на ружейный огонь остановившихся на вершинѣ горцевъ и бросаемые оттуда огромные камни, наши егеря поднялись и заняли вершину горы, скрывавшуюся въ облакахъ и туманѣ, очистивъ весь хребетъ отъ непріятеля.

Все происходившее на горѣ было видно остановленному 1-му бат. Всѣ слѣдили за горстью нашихъ людей 3-го бат. и волновались, боясь за честь полка. Офицеры не выдержали и бросились къ ген. Клугенау, прося позволеніе идти на поддержку своихъ, о чемъ довольно громко заявляли и солдаты.

Генералъ, выслушавъ ихъ съ полнымъ добродушіемъ, сказалъ: «мнѣ особенно досадно, что я не могу послать въ дѣло такой славный батальонъ; нельзя оставить безъ прикрытія артиллерію, тѣмъ болѣе, что можно ожидать движеніе непріятеля справа, по ущелью; но если подойдутъ войска, то тотчасъ двину васъ впередъ».

Наконецъ, когда бой уже почти совсѣмъ прекратился и наши горячо преслѣдовали поспѣшно отступающаго непріятеля, приказано было двинуться на гору и 1-му бат. Черезъ нѣкоторое время подъѣхалъ главнокомандующій и поздоровавшись сказалъ: «поздравляю васъ съ побѣдою.

Вмѣсто обычнаго «рады стараться» раздалось «покорно благодаримъ».

— Вы, кажется, братцы, опоздали въ дѣло, продолжалъ Воронцовъ.

— Мы, ваше сіятельство, не опоздали, а насъ не пустили въ дѣло, отвѣчали старые карабинеры; въ голосѣ слышались и огорченіе и досада.

Князь не могъ не оцѣнить подобной жалобы и улыбнувшись самымъ мягкимъ голосомъ сказалъ: «я, братцы, разберу, кто васъ не пустилъ въ дѣло и еще доставлю вамъ случай отличиться.

«Рады стараться!» гаркнулъ весь батальонъ.

Когда войска возвращались назадъ въ лагерь, ген. Клугенау, проѣзжая мимо 1-го бат., обратился къ людямъ съ слѣдующими словами: «этихъ, братцы Кабардинцы, молодцы! спасибо; орлы, этихъ! Вы летѣть впередъ хотѣли, только крыльевъ не доставало, этихъ». Дружное «рады стараться» было отвѣтомъ.

Вечеромъ войска возвратились и расположились между Андіею и Голотлемъ.

Въ этомъ дѣлѣ скопище герцевъ превышало 6,000 человѣкъ подъ начальствомъ 11 наибовъ, которыми лично распоряжался Шамиль. Намѣреваясь твердо держаться въ завалахъ на занятой позиціи, онъ употреблялъ убѣжденія, угрозы и молитвы для поощренія горцевъ къ упорному бою; но когда, не взирая на всѣ его усилія, толпы были обращены въ бѣгство, смятеніе было такъ велико, что одинъ изъ приверженцевъ съ трудомъ успѣлъ освободить имама изъ смѣшавшейся толпы, чтобы увлечь прямою дорогою черезъ гору.

Потеря наша при всемъ томъ была незначительна; кромѣ Маевскаго, убито 5 человѣкъ, ранено 10 офицеровъ и 45 человѣкъ нижнихъ чиновъ, да контужено камнями и ядрами около 60 человѣкъ. Въ этотъ день заслужили общее уваженіе всего отряда 3-я карабинерная и 7-я роты нашего полка. Князь Воронцовъ писалъ Государю: «я неоднократно удивлялся, какимъ образомъ ничтожная горсть храбрецовъ могла не только противустоять огромной массѣ непріятеля, но неоднократно опережать его смѣлымъ ударомъ въ штыки». Особенною смѣлостью и предпріимчивостію обратили на себя вниманіе полковникъ князь Барятинскій, продолжавшій идти съ ротами, не взирая на полученную рану, убитый поручикъ Маевскій и тяжело раненый штабсъ-капитанъ Нейманъ. Этотъ послѣдній, когда несли его мимо главнокомандующаго, на вопросъ, какъ онъ себя чувствуетъ? отвѣчалъ: «а что, Ваше Сіятельство, небось и теперь скажете, что Куринцы лучше Кабардинцевъ?» Этимъ онъ намекалъ на особенную похвалу, которой удостоился 1-й Куринскій батальонъ, при взятіи Анчимеера. Таково было соревнованіе между этими полками, храбрость коихъ превыше похвалъ»,—писалъ князь Воронцовъ.

А одинъ изъ раненыхъ солдатъ, при ободреніи ихъ главнокомандующимъ, отвѣчалъ: «Ваше Сіятельство, мы солдаты, о насъ жалѣть нечего, а вотъ мы лишились добраго, храбраго начальника, Маевскаго. Отца, а не командира убили у насъ, такъ объ этомъ нужно сожалѣть»!

При погребеніи убитыхъ въ этомъ дѣлѣ и при отпѣваніи тѣла Маевскаго, присутствовала рота, бывшая въ его командованіи. По совершеніи печальнаго обряда, начальникъ главнаго штаба, генералъ-лейтенантъ Гурко, взявъ стаканъ вина и обратясь къ ротѣ, сказалъ: «ребята, пить за здоровье вашего командира мы не можемъ, онъ уже умеръ, какъ храбрый воинъ; но выпьемъ въ его честь, которую онъ свято хранилъ до послѣдней минуты своей жизни! Пью и въ вашу честь, совершившихъ такой славный подвигъ и желаю, чтобы каждый, носящій оружіе, удостоился такой геройской смерти, какою палъ вашъ командиръ».

На донесеніе о взятіи Анчимеера и Андіи императоръ Николай, въ особомъ письмѣ благодаря князя Воронцова, между прочимъ, писалъ: «объявите удовольствіе и благоволѣніе войскамъ. Скажите молодцамъ вашимъ, что я, ихъ видѣвшій, ихъ знавшій, зналъ чего отъ нихъ можно ожидать. Благодарю ихъ, что доказали это; они все тѣ же кавказскіе герои, даромъ что ряды пополнялись молодыми; *къ доброму корню легко прививать*». Главнокомандующій передалъ эти лестные слова въ приказѣ по войскамъ, отъ 26-го іюля.

Имѣя въ виду, что снабженіе дѣйствующаго отряда продовольственными и другими запасами составляетъ предметъ первостепенной важности, главнокомандующій возложилъ эту трудную операцію на начальника Дагестанскаго отряда генералъ-лейтенанта князя Бебутова, подчинивъ ему и всѣ войска, оставленные для обезпеченія сообщенія съ складочными пунктами. 20-го числа князь Бебутовъ выѣхалъ изъ Андіи и въ прикрытіи до Мичикала взялъ 3-й батальонъ Кабардинскаго полка *), съ двумя сотнями казаковъ и двумя орудіями. 21-го

---

*) Послѣ раны князя Барятинскаго, въ командованіе батальономъ вступилъ маіоръ баронъ Майдель.

числа на дорогѣ онъ былъ атакованъ нѣсколько тысячною толпою горцевъ, обратившихъ главнѣйшее усиліе на арріергардъ и возобновлявшихъ въ теченіе цѣлаго дня съ большимъ упорствомъ свои нападенія, пользуясь густымъ туманомъ; но всѣ покушенія ихъ были отражены нашими храбрыми егерями, потерявшими при этомъ случаѣ 11 убитыхъ и 30 раненыхъ нижнихъ чиновъ. Въ этомъ дѣлѣ князь Бебутовъ лично подвергался большой опасности: на него понесся одинъ лихой наѣздникъ; Василій Осиповичь замѣтивъ это, выхватилъ шашку и поскакалъ на встрѣчу, но тутъ вблизи былъ солдатъ 8-й Егерской роты и въ моментъ, когда оба противника должны были скрестить оружіе, солдатъ выстрѣломъ сбоку ссадилъ всадника. Съ этихъ поръ князь Бебутовъ, до самой смерти, каждый годъ, къ 21 му іюня, присылалъ этому солдату собственноручное письмо самого теплаго содержанія, и всегда со вложеніемъ денегъ. Къ крайнему сожалѣнію, я не могъ отыскать нигдѣ свѣденія о фамиліи солдата.

Затѣмъ 3-й батальонъ уже остался совсѣмъ на Мичикалѣ.

XXXV.

Второй періодъ экспедиціи 1845 года.—Затрудненія въ доставкѣ продовольствія.—Движеніе въ Дарго и занятіе его.—Несчастная экспедиція за сухарями.

Періодъ нашихъ неудачъ все еще продолжался и различныя неудачи преслѣдовали насъ съ какимъ то роковымъ упорствомъ: весь мѣсяцъ почти безпрерывно продолжалась ужасная погода и холода, что при недостаткѣ корма отозвалось гибельно на перевозочныхъ средствахъ; черводарскія лошади гибли сотнями, остальныя, изнуренныя, едва поднимали половину предполагавшагося вьюка, сухари мокли, терялись и уже въ Андіи войска по два, по три дня оставались безъ хлѣба, питаясь говядиной безъ соли. Подойдетъ, бывало, нетерпѣливо ожидаемый транспортъ и привезетъ, вмѣсто 8-ми или 9-ти дневнаго запаса сухарей, на два, много на три дня, которые поѣдятъ и опять ждутъ новаго подвоза, не имѣя возможности двинуться впередъ. А генералъ-маіоръ князь Кудашевъ, оставшійся съ колонною на перевалѣ Кыркъ, на строгія подтвержденія о дѣятельнѣйшей транспортировкѣ продовольствія, доносилъ, что порывистые вѣтры со снѣгомъ, дождемъ, градомъ, крайне изнуряютъ людей и лошадей, палатки рветъ въ куски, вьюки сноситъ бурею, работы прекращаются и отправленіе транспортовъ затруднено до крайности.

Вотъ такъ-то большею частью наилучше составленные на бумагѣ разсчеты, въ военное время, на дѣлѣ, оказываются обманчивыми, въ особенности въ такой странѣ, какъ Кавказъ.

Въ ожиданіи прибытія транспортовъ, войска оставались въ Андіи, питаясь, какъ вышесказано, однимъ мясомъ и дѣля

одинъ сухарь на десятерыхъ; отъ мясной пищи этой въ лицѣ являлась какая-то обрюзглость, головокруженіе и вообще непріятное состояніе, въ добавокъ еще и табакъ вышелъ у всѣхъ; но солдаты не унывали, были, напротивъ, веселы, и, собираясь около котловъ, шутили надъ своими жирными обѣдами и въ послѣдствіи всю экспедицію назвали сухарницей.

Во время продолжительной стоянки въ Андіи, одинъ изъ Кабардинцевъ произвелъ нѣчто въ родѣ маленькаго скандала, окончившагося, впрочемъ, безъ непріятностей для полка. Въ 5-й егерской ротѣ былъ унтеръ-офицеръ Бурдыга,—это былъ вполнѣ герой; казалось, для него не существовало опасностей; въ самомъ жаркомъ бою онъ всегда былъ спокоенъ и не безъ юмора; множество ранъ нисколько не вліяли на его здоровую натуру; внѣ службы, однако, любилъ выпить. Вотъ этотъ-то Бурдыга и учинилъ скандалъ: ему надоѣло бездѣйствіе, да недостатокъ сухарей; немного подвыпилъ и отправился къ ставкѣ главнокомандующаго. Войдя въ столовую палатку, началъ осматривать накрытые приборы; на каждомъ, подъ салфеткою, было положено по одному сухарю. Онъ что-то про себя ворчалъ, когда вошелъ камердинеръ князя Воронцова (нахалъ и дерзкій человѣкъ, которыхъ очень много имѣется у большихъ баръ) и грубо началъ выгонять Бурдыгу. Но, каково было его удивленіе, когда, въ отвѣтъ, услыхалъ: «ахъ, ты, дрянь! И ты еще смѣешь грубить георгіевскому кавалеру и старому унтеръ-офицеру? Смотри, братъ, худо будетъ». Этотъ господинъ, видя, что тутъ не шутки, отправился съ жалобою, что въ столовой шумитъ какой-то солдатъ. Главнокомандующій, войдя, спросилъ:: «Что тебѣ, братецъ, надо?» Бурдыга, нисколько не конфузясь, и ставъ въ почтительную позу, отвѣчалъ: «Плохо дѣло, ваше сіятельство; если у самого главнокомандующаго, даютъ по одному сухарику, стало быть, о нашемъ братѣ нечего и говорить». Князь Воронцовъ, позвалъ ординарца, приказалъ его арестовать и послалъ за полковымъ командиромъ, которому, по прибытіи сказалъ: «любезнѣйшій, вашъ какой-то солдатъ у меня дѣлаетъ безчинство; что это значитъ?» Полковникъ Козловскій, не зная въ чемъ дѣло, смѣшался; но вдругъ, увидѣвъ у караула Бурдыгу, отвѣтилъ

такимъ тономъ, какъ будто тутъ нечего больше и говорить: «это Бурдыга, какъ»... Въ свою очередь князь Воронцовъ былъ этимъ отвѣтомъ удивленъ. Но когда ему полковникъ Козловскій разъяснилъ, что это за человѣкъ такой этотъ Бурдыга, главнокомандующій, подозвавъ Бурдыгу, похвалилъ его за примѣрную храбрость, приказалъ ему выдать два золотыхъ, сказавъ при этомъ: «ты себѣ оставь, любезнѣйшій, немного на расходы; остальные деньги отдай артельщику на сохраненіе; вернешься изъ похода—тебѣ деньги пригодятся». Бурдыга исполнилъ приказаніе, только нѣсколько иначе: онъ отдалъ артельщику на сохраненіе 40 к., остальные растратилъ, и когда былъ смертельно раненъ въ шею, 15-го іюля, то, идя въ колоннѣ, разсказывалъ юнкеру Жеребцову, шутя: «вотъ, теперь Бурдыга умираетъ; такъ и пропали бы деньги». Онъ шелъ самъ, не позволяя себя нести, и затѣмъ, моментально упалъ и умеръ.

Такихъ Бурдыгъ въ Кабардинскомъ полку было много; въ той же 5-й ротѣ унтеръ-офицеръ Гладковъ съ пятью ранами, во 2-й карабинерной Башкатовъ, Щепкинъ, Кропъ. Первый убитъ въ этомъ же Даргинскомъ походѣ, второй, имѣя уже прежнихъ ихъ 12 ранъ, изрубленъ послѣ въ одномъ дѣлѣ съ чеченцами; а Кропъ былъ замѣчательный типъ безстрашнаго честнаго солдата: онъ былъ уже старикъ и кандидатъ, т. е. имѣлъ золотой шевронъ, получая треть офицерскаго жалованья; обыкновенно, передъ выступленіемъ въ походъ, всякій разъ рапортовался больнымъ. Ротный командиръ, хорошо зная Кропа, прикажетъ ему, бывало, оставаться на ротномъ дворѣ; но чуть утромъ пробьютъ по возамъ, Кропъ живо соберется и первый выйдетъ къ ротѣ. На вопросъ ротнаго командира—«вѣдь ты рапортовался больнымъ?» Точно такъ, ваше благородіе, отвѣчаетъ Кропъ; раны болятъ и что-то мочи нѣтъ, но какъ же это рота, на 26-мъ году моей службы, первый разъ пойдетъ безъ меня въ походъ. Уже въ послѣдній разъ схожу съ ротой, а тамъ и шабашъ. Эти послѣдніе разы такъ и продолжались до самой его смерти! Но самый замѣчательный изъ такихъ старыхъ служакъ былъ фельфебель Ва-

силій Ивановъ, о которомъ я съ большею подробностью скажу въ другомъ мѣстѣ.

Все это были, само собою, георгіевскія кавалеры, люди уважаемые и товарищами и начальствомъ, составлявшіе основаніе той дисциплины и того героизма, которыми по истинѣ могъ гордиться полкъ, да и вообще Кавказская армія, ибо въ каждомъ полку насчитывалось такихъ людей не мало.

Отъ 17-го іюня Воронцовъ писалъ военному министру, что теперь очевидно и на мѣстѣ только можно было убѣдиться, что для прочнаго занятія Андіи необходимо разсчитывать на полученіе продовольствія не со стороны Чиркея и Внезапной, крайне затруднительной лѣтомъ и совершенно не возможно зимою, а со стороны Чечни отъ Маюртупа, прорубивъ отъ него къ Дарго широкую просѣку и устроивъ въ самомъ Дарго фортъ на 4 или 5 батальоновъ.

Такимъ образомъ, съ каждымъ шагомъ въ горы, болѣе и болѣе укрѣплялось убѣжденіе, что обладаніе плоскостью служитъ ключемъ къ прочному водворенію нашей власти въ восточной части Кавказа, и что всѣ движенія прямо въ горы влекутъ за собою лишь большую убыль въ людяхъ, громадныя жертвы, не достигаютъ никакихъ разультатовъ и увеличиваютъ нравственныя силы непріятеля.

18 и 19-го іюня на высотахъ, окружающихъ Андію, стали показываться довольно значительныя толпы горцевъ. Главнокомандующій, имѣя постоянно въ виду волю Государя, чтобы стараться настигнуть и буде возможно разбить скопища горцевъ, оставилъ близь Гогатля вагенбургъ и 20-го іюня утромъ выступилъ противъ горцевъ на легкѣ съ семью съ половиною батальоновъ, двумя дружинами грузинъ, двумя сотнями конницы и 9-ю горными орудіями.

Когда войска наши двинулись изъ Андіи вверхъ по Годору и стали подниматься на перевалъ Речелъ, передовые посты горцевъ открыли безвредный для насъ огонь; а какъ только наша кавалерія стала взбираться на непріятельскую позицію, горцы стремглавъ бѣжали и зажгли свой лагерь.

Переночевавъ на этомъ мѣстѣ, 21-го іюня войска возвратились двумя колоннами въ Гогатль, не видя почти вовсе не-

пріятеля. Очевидно Шамиль слѣдовалъ совѣту Джемалъ Эддина, высказанному въ 1844 году, и избѣгалъ боя.

Все дальнѣйшее дѣло зависѣло единственно отъ доставки отряду продовольствія. 26, 30-го іюня и 4-го іюля приходили транспорты, но весь запасъ провіанта оказался всего на 9 дней, а такъ какъ слѣдующій транспортъ могъ придти только 10-го іюля, слѣдовательно въ ожиданіи его отрядъ съѣлъ бы на мѣстѣ весь запасъ, то главнокомандующій рѣшилъ, не теряя далѣе времени, 6-го числа утромъ начать наступленіе въ Ичкерію, къ Дарго. Для облегченія доставки туда продовольствія, у Гогатля устроено было небольшое укрѣпленіе, въ которомъ оставлены были больные и часть тяжестей, подъ прикрытіемъ 5-ти ротъ, (въ томъ числѣ наша 9-я егерская), при 3-хъ орудіяхъ и командѣ казаковъ. (2 бат. изъ Кыркъ-былъ переведенъ въ главный отрядъ).

Изъ огромнаго отряда, сосредоточеннаго 1-го іюня въ Салатавіи для рѣшительнаго движенія въ Дарго, осталось: 10 батальоновъ пѣхоты, одинъ батальонъ саперъ, 3 роты стрѣлковъ, 2 дружины пѣшей милиціи, 15 сотенъ конныхъ казаковъ и милиціи, при двухъ легкихъ и 14 горныхъ орудіяхъ. Всего съ артиллеристами едва ли набиралось до 8 тысячъ человѣкъ; продовольствія имѣли съ собой на 6 дней; 4 тысячи артиллерійскихъ зарядовъ, 600 тысячъ патроновъ и несоотвѣтственно громадное число лошадей.

Отрядъ этотъ 6-го іюля, въ 4 часа, утра выступилъ изъ лагеря при Гогатлѣ къ перевалу Речелъ въ слѣдующемъ порядкѣ: авангардъ генералъ-маіора Бѣлявскаго—1 батальонъ Литовскаго, 2-й Кабардинскаго, рота саперъ, 4 орудія, сотня казаковъ. Правая обходная колонна полковника Меллера-Закомельскаго—6 ротъ Куринцевъ, взводъ стрѣлковъ и дружина Грузинской милиціи. Лѣвая колонна полковника Козловскаго: 1-й баталъонъ Люблинскаго, 1-й батальонъ Кабардинскаго егерскихъ полковъ, взводъ стрѣлковъ и дружина пѣшей грузинской милиціи; главная колонна генерала Клугенау—всѣ вьюки и тяжести отряда, три роты саперъ, двѣ роты стрѣлковъ, 2 и 4-й батальоны Навагинскаго, 3-й Люблинскаго полковъ и 8 орудій. Арріергардъ генералъ-маіора Лабынцева—

2-й батальонъ Замосцскаго, 3-го Апшеронскаго полковъ, 4 орудія и всѣ казаки; а конныя милиціи съ генералъ-маіоромъ Безобразовымъ посланы лѣвѣе отряда отдѣльно, съ тѣмъ, чтобы при благопріятной мѣстности преслѣдовать отступающаго непріятеля.

Войска двигались въ вышеозначенномъ порядкѣ, общею колонною, и слѣдовали батальонъ за батальономъ. Съ мѣста начали подыматься на довольно отлогій подъемъ; идти было хорошо, и ожиданіе боя, прекрасное утро въ горахъ, общее движеніе большой массы войскъ, все это вмѣстѣ дѣйствовало обаятельно, и какъ-то было весело на душѣ; почти во всѣхъ войскахъ пѣли пѣсенники. Предъ выступленіемъ, В. М. Козловскій счелъ нужнымъ держать предъ батальонами полка рѣчь: «Смотри, братцы, какъ, быть молодцами, какъ бишь; а вы, господа, тѣми же Кабардинцами, какъ». И подобное краснорѣчіе солдатамъ было по душѣ, даже гораздо больше чѣмъ еслибы имъ вздумалъ кто нибудь пустить реторику, въ родѣ «сорока вѣковъ, смотрящихъ съ пирамидъ»...

Окото 5 часовъ утра послышалось издали: «Здравія желаемъ, ваше сіятельство! Это здоровался главнокомандующій, объѣзжая войска. Подъѣхавъ къ нашему 2-му батальону, сѣдовласый вождь, поздоровавшись, добавилъ: «Я вамъ, братцы, обѣщалъ доставить случай отличиться. Вы будете въ лѣвой цѣпи и, вѣроятно, будете имѣть жаркое дѣло». Лихое «ради стараться» было отвѣтомъ, и всѣ еще какъ-то стали веселѣе.

Аулъ Дарго, бывшій въ то время мѣстопребываніемъ Шамиля, лежитъ въ долинѣ Аксая, на правомъ берегу этой рѣчки, въ 20-ти верстахъ отъ Гогатля. Дорога изъ Анди въ Ичкерію къ Дарго идетъ чрезъ хребетъ Речелъ и Черныя горы, переваломъ Гумха спускается въ верховья рѣки Аксая и перейдя истоки рѣки Мулла-Санджабіатали-Тлимъ (притокъ Аксая) подымается на хребетъ, составляющій правую сторону ущелья верхняго Аксая. Хребетъ этотъ справа совершенно открытъ, но на 14-й верстѣ отъ Гогатля прерывается глубокимъ оврагомъ и дорога, извиваясь по хребту и дну оврага, входитъ въ дремучій Ичкеринскій лѣсъ, которымъ и продолжается на разстояніи 3-хъ верстъ до того мѣста, гдѣ въ лѣсу

образуется значительная возвышенная поляна передъ крутымъ спускомъ въ долину къ Дарго. Спускаясь по лѣсистой покатости въ 45^0, дорога продолжается на протяженіи версты и затѣмъ надъ обрывомъ праваго берега Аксая ведетъ къ самому аулу.

Возвышенная площадка въ лѣсу была занята лагеремъ главнаго скопища Шамиля; все пространство лѣса, отъ площадки до опушки, къ сторонѣ Гогатля было укрѣплено завалами изъ деревьевъ въ два, три обхвата толщиною, а при входѣ въ лѣсъ и въ узкомъ мѣстѣ дороги, немного сзади опушки, были каменные завалы.

Пройдя 14 верстъ, отрядъ остановился на высотахъ, съ которыхъ начинается спускъ въ глубокій лѣсистый оврагъ, отдѣляющій ихъ отъ долины Дарго. Впереди, среди дремучаго лѣса, видна была возвышенная поляна, на которой находился лагерь горцевъ и которая служила ключемъ всей позиціи. Послѣ двухчасоваго привала, когда обозъ и арріергардъ стянулись, отрядъ въ часъ по полудни двинулся впередъ. Главнокомандующій, обозрѣвъ мѣстность, приказалъ направить правую обходную колонну для занятія опушки лѣса, мимо котораго пролегала дорога. Куринцы и грузины рѣшительно атаковали горцевъ, засѣвшихъ въ опушкѣ лѣса и прогнавъ ихъ дали возможность авангарду подойти безпрепятственно къ мѣсту, гдѣ дорога входитъ въ лѣсъ и гдѣ находился первый завалъ. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ выстрѣловъ изъ орудій, батальонъ Литовскаго полка съ милиціонерами, безъ большаго сопротивленія, заняли завалъ. Далѣе дорога проходила на протяженіи 3-хъ или 4-хъ верстъ чрезъ густой вѣковой лѣсъ по узкому гребню хребта, имѣющему мѣстами ширины не болѣе двухъ или трехъ саженей, а съ обѣихъ сторонъ крутые глубокіе овраги, также покрытые густымъ лѣсомъ. Представляя на каждомъ шагу весьма трудные спуски и подъемы, дорога была преграждена слишкомъ двадцатью большихъ и малыхъ заваловъ, устроенныхъ изъ срубленныхъ толстыхъ деревьевъ, укрѣпленныхъ насыпною землею и камнями, такъ что почти весь этотъ путь составлялъ непрерывную ткань огромныхъ брусьевъ и густыхъ вѣтвей. Не только не было возмож-

ности двинуться двумя или тремя колоннами, но почти нельзя было обойти ни одного завала, а предстояло брать ихъ съ фронта. Помня приказаніе главнокомандующаго, не стрѣлять при штурмѣ заваловъ, но брать ихъ холоднымъ оружіемъ, предводимые генералъ-маіоромъ Бѣлявскимъ егеря 1-го Литовскаго батальона кидались бѣгомъ, безъ выстрѣла, на завалы и брали ихъ одинъ за другимъ. Впрочемъ, все это не обошлось безъ значительныхъ потерь: убитъ оберъ-квартирмейстеръ отряда генеральнаго штаба подполковникъ Левисонъ, тяжело ранены: полковникъ Семеновъ, командиръ батальона маіоръ Степановъ и адъютантъ главнокомандующаго, поручикъ князь Дондуковъ-Корсаковъ (нынѣ генералъ-адъютантъ, Одесскій генералъ-губернаторъ).

По взятіи 5-го большаго завала, Литовцы, теряя много людей отъ сильнаго и мѣткаго непріятельскаго огня, оставили здѣсь всѣхъ раненыхъ подъ прикрытіемъ одной роты, а остальныя три бросились на слѣдующіе завалы и, поддержанные съ обоихъ фланговъ грузинскими милиціонерами, постепенно заняли и остальныя засѣки, не взирая на упорную ихъ защиту. Горцамъ не давали времени опомниться и вскорѣ Литовцы и милиція явились на главной возвышенной полянѣ, покрытой бѣгущимъ непріятелемъ и пылающимъ его лагеремъ.

Между тѣмъ, обходныя колонны занимали по дорогѣ лѣсъ и крутизны, гдѣ дозволяла мѣстность, обезпечивая движеніе главныхъ силъ, впереди коихъ двигались саперы, очищая дорогу отъ заваловъ. Не смотря на дѣятельность и распорядительность частныхъ начальниковъ и мужество войскъ, непріятель, отброшенный авангардомъ въ боковые овраги, усилившись прибывшими изъ ближайшихъ ауловъ партіями, засѣвъ въ чащѣ лѣса за деревьями, взлѣзалъ на вершины деревьевъ и производилъ оттуда жестокій огонь по войскамъ, особенно по саперамъ, занятымъ расчисткою дороги отъ толстыхъ въ три обхвата деревъ и разныхъ загражденій. За вторымъ изъ большихъ заваловъ дорога образовала узкій перешеекъ, близь котораго горцы собрались въ значительномъ числѣ и, прикрываясь лѣсною чащею, производили неумолкаемый убійственный огонь. У поставленныхъ здѣсь 2 орудій въ теченіи $^1/_4$ ча-

са была перебита почти вся прислуга и убитъ генералъ-маіоръ Фокъ, бросившійся наводить пушку. Наконецъ, спѣшенные казаки и милиціонеры, спустившись въ овраги, выбили горцевъ съ перешейка и очистили дорогу. Далѣе по пути постоянно встрѣчались еще подобныя препятствія и непріятель съ дерзостью бросался въ шашки, но былъ опрокидываемъ штыками, и главная колонна проходила лѣсъ уже съ незначительною потерею. Главнокомандующій, въ сопровожденіи принца Александра Гессенскаго, прибывъ вслѣдъ за 2-мъ Кабардинскимъ батальономъ на поляну, занятую авангардомъ, приказалъ генералъ-маіору Бѣлявскому двинуться въ долину Аксая и овладѣть ауломъ Дарго. Лѣсистый спускъ, по которому направлялся путь, идетъ на протяженіи версты по наклонности въ 45°; но войска быстро спустились и заняли пылающее Дарго. Непріятель же съ высотъ лѣваго берега Аксая, пользуясь наступившею темнотою, продолжалъ безпокоить насъ своими выстрѣлами. Вслѣдъ за авангардомъ прибылъ въ Дарго и главнокомандующій, а остальныя войска спускались по тому же пути въ продолженіе всей ночи, такъ что арріергардъ прибылъ только въ 8 часовъ утра на слѣдующій день.

Такимъ образомъ мы заняли пріобрѣвшій съ нѣкотораго времени извѣстность аулъ Дарго — столицу имама, владыки непокорныхъ горцевъ восточнаго Кавказа.

Въ этотъ славный день, выступивъ изъ лагеря при Гогатлѣ въ 4 часа утра, пройдя около 20 верстъ по самой трудной, гористой и обрывистой, покрытой лѣсомъ мѣстности, выдержавъ сряду около 8 часовъ упорнаго боя и преодолѣвъ почти невѣроятныя препятствія, отрядъ опрокинулъ непріятеля на всѣхъ пунктахъ и взялъ Дарго, частью уже пылавшее и впослѣдствіи нами совершенно истребленное.

Въ день 6-го іюля мы потеряли убитыми: 1 генерала, 1 штабъ и 2 оберъ-офицеровъ, 32 нижнихъ чиновъ; ранеными: 9 штабъ и оберъ-офицеровъ, 228 нижнихъ чиновъ; контужено 82 человѣка и погибло много лошадей.

Шамиль, перейдя Аксай, расположился лагеремъ по дорогѣ къ Маюртупу, а по нашему лагерю производилъ всю ночь пальбу ядрами.

Чтобы вывести войска изъ этого положенія, а также очистить отъ непріятеля высоты лѣваго берега Аксая, на которыхъ князь Воронцовъ предполагалъ укрѣпиться, еслибы обстоятельства требовали оставаться въ Дарго продолжительное время, положено было атаковать непріятеля.

Лѣвый берегъ Аксая командовалъ правымъ, на высотахъ его находилось селеніе Белгатой и было разбросано нѣсколько хуторовъ. Всѣ высоты были сильно заняты горцами.

Для атаки непріятеля, составленъ былъ отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лабынцова, въ составѣ 6 батальоновъ, 6 сотенъ конницы, 6 горныхъ орудій. Ген. Лабынцевъ перешелъ оврагъ Аксая, взялъ штурмомъ Белгатой и преслѣдовалъ бѣгущіе толпы горцевъ на разстояніи двухъ, трехъ верстъ до тѣхъ поръ, пока кавалерія не подошла къ глубокому оврагу, сильно занятому непріятелемъ. Отъ оврага пришлось начать отступленіе, произвести которое было очень трудно въ виду сильнаго непріятеля.

Пѣхота стала отступать первою, смѣняя свои боевыя линіи одна другою, кавалерія произвела атаку на выскочившія изъ оврага партіи горцевъ. Во время отступленія кавалеріи, пѣхота съ барабаннымъ боемъ дѣлала общее наступленіе и т. д. Такимъ образомъ, девять разъ генералъ-маіоръ Лабынцевъ водилъ пѣхоту на непріятеля, который при этомъ случаѣ въ первый разъ употребилъ свою артиллерію наступательно: одно его орудіе довольно быстро и искусно измѣняло позиціи, но его дѣйствіе непричинило нашимъ войскамъ почти никакого вреда. Отступивъ подъ прикрытіемъ кавалеріи на оставленный сзади эшелонъ, пѣхота заняла сильную позицію у кладбища селенія Цонтери.

Отступленіе отъ аула Белгатой къ лагерю было гораздо труднѣе, потому что дорога проходила по лѣсу. Кавалерія отряда, отступая передъ непріятелемъ, навела его на выстроенный порядокъ пѣхоты. У кладбища завязалась рукопашная борьба; нѣсколько разъ оно переходило изъ рукъ въ руки, наконецъ осталось за нами. Генералъ Лабынцевъ, отправивъ уже назадъ кавалерію, приказалъ слѣдовать къ пареправѣ батальонамъ, составлявшимъ лѣвую половину боеваго порядка. Тогда

горцы бросились къ переправѣ съ цѣлью отрѣзать отряду путь отступленія; роты Замосцскаго батальона и рота стрѣлковъ съ однимъ орудіемъ заняли самый оврагъ Аксая и выгнали изъ него непріятеля. Между тѣмъ отрядъ тянулся къ спуску. На каждомъ шагу, отбивая непріятельскія атаки, отрядъ отступилъ въ порядкѣ. Считая необходимымъ облегчить ему переходъ чрезъ Аксай, главнокомандующій приказалъ 2 орудіямъ съ 2-мя ротами егерей Кабардинскаго полка, двинуться изъ лагеря, занять правый берегъ Аксая и обстрѣливать оттуда непріятеля. Мѣткими выстрѣлами артиллерія заставила непріятеля отказаться отъ преслѣдованія нашего отряда, который благополучно возвратился въ лагерь, потерявъ убитыми: 2-хъ штабъ *) и оберъ-офицеровъ и 28 нижнихъ чиновъ, ранеными, большею частью легко, 9 штабъ и оберъ-офицеровъ и 178 нижнихъ чиновъ. Движеніе это было, впрочемъ, совершенно безрезультатно, потому что съ нашимъ отступленіемъ горцы опять заняли свою позицію и на слѣдующій день тамъ Шамиль произвелъ нѣчто въ родѣ парада, подъ звуки горнистовъ и барабаньщиковъ, заставивъ маршировать нѣсколько сотенъ нашихъ дезертировъ, обитавшихъ въ сооруженной Даргинской слободѣ...

8 и 9-го іюля войска отдыхали, въ ожиданіи прибытія изъ Андіи транспорта съ запасами; 10-го числа утромъ транспортъ явственно показался въ 9-ти верстахъ на высотахъ, на которыхъ 6-го числа, предъ наступленіемъ въ Дарго, отдыхали войска. Чтобы не подвергать транспорта затрудненіямъ перехода чрезъ лѣсистый оврагъ, рѣшено было выслать на встрѣчу особый отрядъ, который бы принялъ доставленные запасы и порціонный скотъ, возвратился бы съ ними въ лагерь передавъ опорожненному транспорту раненыхъ, больныхъ и подъемныхъ лошадей для доставки вновь продовольствія. Съ этою цѣлью, подъ начальствомъ генерала Клугенау, была отправлена колонна, составленная изъ половинной части всѣхъ расположенныхъ у Дарго войскъ, съ тѣмъ чтобы они, высту-

---

*) Здѣсь убитъ очень хорошій боевой штабъ-офицеръ Апшеронскаго полка, подполковникъ Познанскій, много обѣщавшій въ будущемъ.

пивъ на легкѣ, приняли и доставили въ лагерь запасы какъ для себя, такъ и для своихъ товарищей.

Генералъ Клугенау выступилъ въ три часа по полудни съ 6-ю батальонами (въ томъ числѣ 2-й батальонъ Кабардинскаго полка), 4-мя орудіями и командами казаковъ и милиціи. Авангардъ изъ нашего батальона, роты саперъ, роты стрѣлковъ и части грузинской милиціи, при двухъ орудіяхъ, былъ порученъ генералъ-маіору Пассеку; въ правой цѣпи двигались роты Литовскаго и Замосцскаго полковъ, въ лѣвой шли Куринцы, въ главной колоннѣ Люблинскій батальонъ со всѣми казаками, милиціею, тяжестями и больными, въ арріергардѣ, подъ начальствомъ жандармскаго генералъ-маіора Викторова, батальонъ Навагинцевъ, двѣ роты Апшеронцевъ, взводъ стрѣлковъ и два орудія.

Съ вступленіемъ въ лѣсъ оказалось, что завалы, уничтоженные нами 6-го числа, не только вновь устроены еще съ большею прочностью изъ необыкновенно толстыхъ деревъ, но даже усилены боковыми завалами, изъ которыхъ непріятель могъ поражать по дорогѣ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ. Не смотря однако на все это, авангардъ, подвигаясь постоянно впередъ, бралъ завалы безъ большой потери; но затрудненія, съ которыми была сопряжена очистка дороги для свободнаго прохода орудій и лошадей, были такъ велики, что произвели въ движеніи колонны безпорядокъ, особенно усилившійся на узкомъ открытомъ перешейкѣ въ лѣсу. Нельзя скрыть, что безпорядку много содѣйствовало увлеченіе храбраго Пассека, который съ нашимъ батальономъ, при одушевленныхъ крикахъ «ура!», безъ выстрѣла бросался отъ одного завала къ другому, не заботясь о величинѣ оставляемаго между авангардомъ и остальными частями промежутка. Смѣтливые горцы немедленно занимали этотъ промежутокъ и, такимъ образомъ, колонна оказывалась окруженною со всѣхъ сторонъ. Пользуясь этимъ и вообще выгодною мѣстностью, непріятель въ значительныхъ силахъ бросился на арріергардъ, отрѣзалъ часть его и атаковалъ со всѣхъ сторонъ; въ одно мгновеніе всѣ артиллерійскія лошади были перебиты, артиллеристы и прикрытіе у орудій изрублены, горцы сбросили оба горные единорога въ оврагъ, заняли дорогу, преслѣдуя остатки арріер-

гарда и добивая всѣхъ разсѣявшихся въ разные стороны одиночныхъ солдатъ. Смертельно раненый генералъ-маіоръ Викторовъ скатился на нѣсколько шаговъ съ дороги въ лѣсъ и напрасно взывалъ оттуда о спасеніи; нѣсколько солдатъ, пытавшихся его вынести, были тутъ же изъ за деревьевъ убиты, и несчастный генералъ погибъ среди нѣсколькихъ труповъ солдатъ. Спасти орудія изъ оврага тоже не было возможности, за неимѣніемъ лошадей, а между тѣмъ наступала уже ночь и нужно было заботиться скорѣе выбраться на высоты къ транспорту. Подкрѣпивъ остатокъ арріергарда и отбросивъ наконецъ непріятеля съ дороги, генералъ Клугенау двинулся дальше и въ одиннадцать часовъ ночи вышелъ на высоты, гдѣ стоялъ отрядъ князя Бебутова, прибывшій съ транспортомъ. Колонну все время горцы провожали сильнымъ огнемъ *).

Обо всемъ происшедшемъ на маршѣ, объ огромныхъ потеряхъ и своемъ крайне затруднительномъ положеніи ген. Клугенау съ дороги же отправилъ къ главнокомандующему записку, которую вызвался доставить юнкеръ Кабардинскаго полка Длотовскій. Смѣльчакъ этотъ благополучно пробрался лѣсомъ въ лагерь и рано утромъ 11-го числа представилъ записку князю Воронцову, за что тутъ же былъ произведенъ въ прапорщики.

Остатокъ ночи и утро слѣдующаго дня употреблены были на раздачу войскамъ провіанта, передачу транспорта больныхъ и раненыхъ и на приготовленіе къ обратному слѣдованію. Очевидно, что утомленнымъ физически и отчасти нравственно разстроеннымъ войскамъ не пришлось даже отдохнуть, и 11-го іюля, въ 8 часовъ утра, они тронулись назадъ по тому же ужасному пути. Тремя пушечными выстрѣлами и тремя ракетами данъ былъ сигналъ, (для оставшихся въ Дарго) что колонна выступаетъ. Порядокъ обратнаго марша былъ слѣдующій: авангардъ генералъ-маіора Пасссека—Люблинскій

---

*) При этой колоннѣ везли тѣло убитаго генералъ-маіора Фока, подъ которымъ были перебиты лошади и оно осталось въ рукахъ непріятеля, въ числѣ многихъ брошенныхъ тяжестей.

и Навагинскій батальоны, рота саперъ, часть грузинской милиціи и два орудія; въ правой цѣпи — три роты Куринцевъ, въ лѣвой—сводный батальонъ Литовскаго и Замосцскаго полковъ, въ арріергардѣ, подъ начальствомъ командира 2-го Кабардинскаго батальона, полковника Ранжевскаго (не оставлявшаго рядовъ, не взирая на полученную наканунѣ рану) его батальонъ, двѣ роты Апшеронцевъ и рота саперъ; уцѣлѣвшіе же стрѣлки были распредѣлены по всему протяженію правой и лѣвой цѣпей не большими колоннами.

Въ продолженіе ночи непріятель опять сколько можно исправилъ завалы, укрѣпилъ ихъ новыми, огромными деревьями, неотрубая вѣтвей, но переплетая ихъ между собой. Трупы нашихъ убитыхъ, раздѣтые донага, были уложены ярусами передъ завалами, чтобы нравственно дѣйствовать на войска; у большинства были распороты животы, выпущены внутренности, отрѣзаны члены...

Не смотря на это, авангардный батальонъ Люблинцевъ, противъ всякаго ожиданія, не встрѣчалъ сильнаго сопротивленія, гналъ непріятеля быстро и подался слишкомъ впередъ, чѣмъ совершенно открылъ саперъ, занятыхъ расчищеніемъ дороги. Генералъ-маіоръ Пассекъ повторилъ ту же ошибку, что и наканунѣ, увлекаемый духомъ своей необузданной отваги. Непріятель, усиленный за ночь новыми партіями и въ особенности чеченцами—этими спеціалистами лѣсной войны, занималъ лѣсъ по обоимъ сторонамъ дороги и бросившись внезапно на работавшихъ саперъ изрубилъ ихъ, взялъ снова завалы; такимъ образомъ совершенно отрѣзалъ авангардъ отъ главныхъ силъ. Пассекъ, остановивъ остатки двухъ Навагинскихъ ротъ, послалъ одну въ обходъ перваго завала, чтобы выгнать засѣвшихъ въ немъ горцевъ, а съ другою бросился впередъ, желая настигнуть и остановить свой авангардный Люблинскій батальонъ, но горцы, не выбитые еще изъ завала, сдѣлали въ эту минуту залпъ и Пассекъ палъ мертвымъ среди десятка солдатъ. Въ то же время непріятель отчаянно нападалъ на правую сторону колонны, гдѣ для сопротивленія ему въ эту минуту оставались только двѣ слабыя роты Навагинскаго полка, (менѣе 150 человѣкъ) надъ которыми долженъ былъ при-

нять начальство самъ генералъ-лейтенантъ Клугенау, потерявшій уже всѣхъ своихъ помощниковъ и адъютантовъ...

Вмѣстѣ съ тѣмъ другія толпы непріятеля съ яростію насѣдали на арріергардъ, гдѣ нашъ 2-й батальонъ, уже потерявшій убитымъ и своего храбраго командира полковника Ранжевскаго, и почти всѣхъ офицеровъ, только дружными ударами въ штыки удерживалъ непріятеля отъ окончательнаго овладѣнія дорогою и нападенію на тылъ главной колонны.

Отогнавъ, наконецъ, нѣсколько непріятеля въ головѣ и на флангахъ, отрядъ сталъ продолжать движеніе, но въ это время, слѣдовавшіе въ срединѣ главной колонны конные милиціонеры, раненые, вьючныя лошади, порціонный скотъ съ погонщиками, такъ смѣшались и столпились на дорогѣ, что не было возможности сдѣлать шага впередъ; а непріятельскій огонь жестоко поражалъ ихъ со всѣхъ сторонъ и около едва только прочищенныхъ заваловъ образовались новые уже изъ труповъ людей и лошадей, сваленныхъ одни на другіе. Къ счастью, изъ авангарда успѣли возвратить двѣ роты и съ ними генералу Клюки удалось отстоять отъ отчаянныхъ покушеній непріятеля остальныя орудія!..

По полученіи въ Дарго извѣстія о бѣдственномъ положеніи возвращающейся колонны, главнокомандующій потребовалъ нашъ 1-й батальонъ; онъ быстро прибѣжалъ. Поздоровавшись, князь Воронцовъ сказалъ: «вотъ, братцы, случай вамъ отличиться; ступайте выручать товарищей». Съ громкими криками «рады стараться, ваше сіятельство» тронулся батальонъ въ путь.

Лишь только спустились съ пригорка, гдѣ оставили князя Воронцова, разсказывалъ покойный В. А. Гейманъ, по насъ открыли съ лѣваго Аксая ружейный огонь. Сначала пули едва долетали; люди шли такъ быстро и такъ весело, что можно было бы подумать, что торопятся на пиръ. Я командовалъ правою цѣпью, въ которой было нѣсколько стрѣлковъ, подъ командою лейбъ-гвардіи стрѣлковаго баталіона подпоручика Адамъ. Пройти пространство до подъема, взобраться по высокой крутизнѣ на площадку, было дѣломъ пятьнадцати, двадцати минутъ. Только что мы остановились, чтобы стянуться и идти впередъ, какъ начали выходить изъ

лѣса на встрѣчу къ намъ, въ полномъ безпорядкѣ, пѣшая милиція, перемѣшанная съ Люблинскимъ баталіономъ, и впереди ихъ—полковникъ Беклемишевъ (онъ, кажется, былъ адъютантомъ у фельдмаршала князя Паскевича). Мы его забросали вопросами: что тамъ дѣлается? куда идти на помощь? гдѣ нашъ 2-й батальонъ! и получили отвѣтъ: «я прошелъ впереди всѣхъ, всѣ завалы» и еще что то въ этомъ родѣ; однимъ словомъ, мы ничего не узнали новаго. Мы всѣ желали идти впередъ, но батальонный командиръ, маіоръ Тиммерманъ *), сказалъ: «намъ надо дождаться здѣсь приказанія, и мы примемъ сами на себя отступленіе. «Тамъ, можетъ быть, перебили половину, и мы, вмѣсто того, чтобы помочь, будемъ здѣсь стоять? Наконецъ, нашъ 2-й батальонъ можетъ быть, въ опасности!» «Ничего придутъ«, былъ его отвѣтъ.

Въ это время моего ротнаго командира, капитана Дурова, ранили въ руку около локтя. Онъ чуть ли не первый изъ нашего баталіона былъ въ этотъ день раненъ: его увели назадъ въ лагерь *). Вслѣдъ за этимъ, командиръ 1-й карабинерной роты, штабсъ-капитанъ Краузъ, не слушая возраженій маіора Тиммермана, крикнулъ: «карабинеры, за мною!» Рота быстро побѣжала со своимъ храбрымъ командиромъ; за ними, поручикъ Гоствыминскій пошелъ съ своею 1-ю егерскою ротою, а затѣмъ, и я крикнулъ: «вторая рота, маршъ»! Все это сдѣлалось моментально. Мы бѣжали по узкой дорогѣ гуськомъ; пули, какъ пчелы, жужжали со всѣхъ сторонъ, на встрѣчу намъ несли раненыхъ; пронесли тѣло убитаго полковника Ранжевскаго. Ни отъ кого нельзя было добиться толку, что дѣлается; всѣ, какъ будто бы, сконфузились. Наконецъ, мы встрѣтили лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка поручика Козлянинова, который былъ прикомандированъ къ нашему 2-му батальону и, раненый въ обѣ ноги, съ трудомъ пробирался по дорогѣ;

---

*) Гротенгельмъ заболѣлъ прежде этого и сдалъ батальонъ Ник. Ант. Тиммерману, хорошему старому офицеру, но не особенно боевому и вообще не далекому.

*) Дуровъ былъ хорошій, храбрый офицеръ, отличный ротный командиръ, хотя на видъ суровый и грубый. Вскорѣ за ранами вышелъ въ отставку.

онъ то и сообщилъ намъ, что идетъ страшная бойня, что 2-й батальонъ нашего полка безъ патроновъ. Тутъ же между ранеными пробиралось много и цѣлыхъ, невредимыхъ. На площадкѣ, съ которой мы тронулись, и особенно по дорогѣ, лежало много убитыхъ и тяжело раненыхъ; всѣ они—совершенно голые, съ отрубленными руками; у многихъ кинжалами выпущены внутренности... Все это не столько грустно вліяло на насъ, сколько ожесточало. Въ эту минуту, едва ли была бы даже кому-нибудь пощада. На меня особенно тяжело повліялъ слѣдующій случай: на краю описанной площадки лежалъ совершенно раздѣтый молодой человѣкъ, брюнетъ, красавецъ въ полномъ значеніи слова; его нѣжное, бѣлое тѣло свидѣтельствовало о хорошемъ происхожденіи; у него была отрублена кисть руки, и виднѣлась рана въ груди, онъ былъ еще живъ; глаза, уже съ предсмертнымъ блескомъ, провожали насъ...»

Вскорѣ послѣ этого Гейманъ былъ раненъ въ лѣвое плечо. Подробности собственно этого случая, какъ неимѣющія общаго интереса, я опускаю и перехожу къ дальнѣйшему продолженію его разсказа.

«Когда окончилась перевязка, и меня хотѣли вести, мимо пронесли тѣло генерала Пассека. Надо знать, что въ лѣсу очень много валялось коры, слупленной съ большихъ деревьевъ, срубленныхъ для заваловъ. Вѣроятно, горцы ночью или на нихъ отдыхали — потому, что было мокро. или же лубки составляли навѣсъ отъ дождя. На одномъ изъ такихъ лубковъ Пассекъ лежалъ со сложенными руками, въ бѣлой фуражкѣ, съ окровавленнымъ, но совершенно спокойнымъ лицомъ; онъ былъ привязанъ, и его тащили два донскіе казака волокомъ, какъ на саняхъ. Вслѣдъ за тѣломъ Пассека повели и меня два егеря; одинъ несъ ружья, мой сюртукъ и шашку, а другой велъ меня подъ руку. Я шелъ съ трудомъ, чувствовалъ сильную слабость; къ довершенію всего, ноги вязли въ грязи. Когда мы вышли на площадку передъ спускомъ — тамъ царствовалъ полный безпорядокъ: вьюки, люди, раненые, убитые, все перемѣшалось; шумъ, гамъ страшный; всѣ толпятся. Пришлось остановиться. Одинъ изъ провожатыхъ моихъ притащилъ тоже большой лубокъ и предложилъ мнѣ на немъ спу-

ститься съ горы, убѣждая, что на спускѣ очень грязно и круто, и что мнѣ будетъ удобнѣе. Я согласился, и пока его приготовляли, т. е. продѣлывали дыры, чтобы продѣть веревку и потомъ меня привязать, я замѣтилъ вправо, шагахъ въ двѣнадцати, генерала Клугенау. Онъ сидѣлъ на лошади надъ самою кручею и смотрѣлъ въ лѣсъ; на немъ былъ какой-то сѣрый костюмъ, въ родѣ теперешнихъ нашихъ пальто, и оживотворялъ собою статую командора изъ «Донъ-Жуана». Онъ былъ одинъ; вся его свита была перебита; его платье кругомъ было прострѣлено, но онъ остался невредимъ; блѣденъ, но совершенно спокоенъ. Богъ хранилъ этого достойнаго, храбраго генерала. Ружейный огонь сзади продолжался усиленно, но здѣсь, на площадкѣ, мало пролетало пуль. Наконецъ, спускъ былъ прикрытъ цѣпью, и вся эта безпорядочная масса тронулась. Каждый силился скорѣе пробраться впередъ. Тронулись и мы. Меня потащили опять же съ тѣломъ генерала Пассека. Положеніе раненыхъ было ужасное: каждый изъ насъ рисковалъ быть задавленнымъ или лошадью, или вьюкомъ; тутъ уже ничего и никого не разбирали. На спускѣ толпа сгустилась еще больше,—мѣста мало, положительная давка. Въ это время послышался съ лѣвой стороны залпъ ружей изъ десяти, и гикъ горцевъ; вся масса стремглавъ бросилась вправо и увлекла все. Я только помню первый моментъ и чувствовалъ, что куда-то лечу; когда пришелъ въ себя, я лежалъ въ оврагѣ; около меня нѣсколько разбитыхъ лошадей, разбросанные вьюки; то тамъ, то сямъ — кто поднимался, какъ бы послѣ крѣпкаго сна, — стоны раненыхъ. Первое время я не могъ дать себѣ отчета, что случилось, но постепенно, приходя въ себя, я понялъ въ чемъ дѣло, а когда отыскали меня мои провожатые—объяснилось все. Слѣва была слабая цѣпь. Когда сдѣлали горцы залпъ, вся масса, нестройно движущаяся, по чувству самосохраненія, бросилась направо; и тогда люди, вьюки, раненые полетѣли съ дороги въ оврагъ по весьма большой крутизнѣ. Я летѣлъ въ своемъ лубкѣ, какъ вещь, потому что былъ привязанъ, и этотъ же лубокъ предохранилъ меня отъ камней,—я только отдѣлался нѣсколькими лишними синяками. Оправившись, мы начали пробираться вдоль опушки

лѣса, и, благодаря совершившейся катастрофѣ, сразу очутились внизу, и намъ не предстояло спускаться. Выбравшись на поляну, гдѣ пролегала дорога въ лагерь, уже для насъ видимый, мы встрѣтили прикрытіе, высланное оттуда, которое давало возможность свободно всѣмъ идти. Но тутъ силы начали меня оставлять; къ довершенію всего—пошелъ проливной дождь. Находясь въ одной рубашкѣ, я озябъ до того, что не въ состояніи былъ слова вымолвить. Совсѣмъ вечерѣло. Перестрѣлка вдали еще была слышна, но рѣдкая. Къ моему счастію, вели мимо меня верховую лошадь одного изъ офицеровъ нашего полка, кажется, прапорщика Чернецкаго,— меня на нее посадили и, поддерживая, привезли въ лагерь. Главнокомандующій былъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ мы его оставили.

Достигнувъ наконецъ палатки, я засталъ Дурова въ постели; онъ видимо страдалъ, но крѣпился. Первый его вопросъ: «что рота?»—Я отвѣтилъ:—«молодцы, но теперь тамъ нѣтъ ни одного офицера; фельдфебель убитъ, и вообще много потери; да, обоихъ насъ подстрѣлили».—Куда васъ хватило?— Я сказалъ:—„въ плечо».—«Ну не хорошо», и на томъ разговоръ нашъ прекратился. Часъ спустя, пришелъ лекарь Верминскій; его всѣ, въ полку, отъ мала до велика, любили за доброту и искусство; онъ одинаково былъ внимателенъ и къ солдату, и къ офицеру; для него—человѣкъ страдаетъ, и онъ готовъ для него положить душу. Верминскій по политическому преступленію былъ сосланъ на Кавказъ рядовымъ, окончивъ уже Виленскую академію; постоянно былъ въ походахъ; за отличіе былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, послѣ въ прапорщики и, спустя нѣкоторое время послѣ производства, переименованъ въ баталіонные лекаря. Верминскій тоже былъ съ колонною въ лѣсу и, едва возвратившись, тотчасъ зашелъ къ намъ, осмотрѣлъ раны и сдѣлалъ перевязку. Тутъ же онъ мнѣ сказалъ, что рана тяжелая и опасная, но мнѣ отчаяваться не слѣдуетъ, такъ какъ я молодъ, полонъ нетронутыхъ силъ и потому я навѣрное выздоровлю, но не скоро. Онъ говорилъ такимъ спокойнымъ голосомъ, что окончательно меня успокоилъ. Только что окончилась перевязка, намъ дали знать,

XXXVI.

Отступленіе изъ Дарго.—Прибытіе на позицію въ Шаухалъ-Берды.—Критическое положеніе отряда.—Появленіе генерала Фрейтага и соединеніе съ нимъ.—Прибытіе въ Герзель-аулъ и роспускъ войскъ.

Теперь являлся вопросъ, что дѣлать дальше? Въ Андіи и Дарго развѣвалось русское знамя, отрядъ достигъ крайняго предѣла, опредѣленнаго ему круга дѣйствій, но о покорности населенія не было и рѣчи. Напротивъ, общее ихъ убѣжденіе состояло въ томъ, что русскимъ войскамъ нѣтъ пути отступленія и что всѣ они должны погибнуть въ Ичкеринскихъ лѣсахъ. Оставаться въ Дарго не было никакой причины, да этого и не допускало отсутствіе всякихъ продовольственныхъ запасовъ, на доставку которыхъ, какъ показалъ примѣръ 11-го іюля, нельзя было и разсчитывать. Оставалось одно — отступить, и вся задача была въ выборѣ пути отступленія. Возвращаться по дорогѣ, пройденной отрядомъ и сухарною колонною генерала Клугенау, нечего было и думать. Непріятель не переставалъ возобновлять завалы и возводить на каждомъ шагу безчисленныя загражденія; кромѣ того движеніе по этой дорогѣ имѣло бы видъ отступленія, чрезвычайно бы ободрило горцевъ и, при неизбѣжныхъ громадныхъ потеряхъ, имѣло бы послѣдствіемъ крайній упадокъ нашего нравственнаго вліянія. Оставалось идти впередъ или къ Маюртупу въ Большую Чечню, или къ Герзель-аулу, лѣвымъ берегомъ р. Аксая. Главнокомандующій избралъ это послѣднее направленіе; во 1-хъ, оно имѣло видъ наступленія противъ Шамиля, расположеннаго съ главнымъ скопищемъ и тремя орудіями у Цонтери, чрезъ которое мы должны были идти; во 2-хъ, тѣсня горцевъ

по этому пути, мы удаляли ихъ отъ Андіи и возможности броситься большими массами на оставленные тамъ въ разныхъ пунктахъ не большіе эшелоны наши; въ 3-хъ, дорога въ Герзель-аулъ, по увѣреніямъ знающихъ проводниковъ, была лучше другихъ извѣстныхъ путей и, что еще важнѣе, короче другихъ; слѣдовательно, можно было скорѣе доставить покой раненымъ и получить продовольствіе, въ которомъ терпѣли всѣ крайнюю нужду.

Еще прежде, до движенія главнаго отряда изъ Андіи въ Дарго, начальнику лѣваго фланга генералъ-лейтенанту Фрейтагу было послано предписаніе собрать небольшой отрядъ и сдѣлать съ нимъ диверсію въ Большую Чечню, для отвлеченія чеченцевъ отъ скопищъ Шамиля, имѣвшихъ назначеніе сопротивляться наступленію главнаго отряда. Вслѣдствіе этого, генералъ Фрейтагъ 2-го іюля выступилъ въ Шали съ 6-ю батальонами, нѣсколькими орудіями и казаками, и приступилъ къ истребленію посѣвовъ кукурузы—главнаго продукта чеченскаго продовольствія. Какъ только объ этомъ узнали въ Дарго, всѣ чеченцы бросились къ своимъ ауламъ, 4-го іюля уже завязали съ нашимъ отрядомъ дѣло и наибъ ихъ Суаибъ отправилъ гонцовъ въ Малую Чечню съ просьбою о помощи. Оставшись въ Чечнѣ еще и 5-го іюля, генералъ Фрейтагъ, видя передъ собою усиливающееся число непріятеля и считая задачу свою исполненною, нашелъ лишнимъ дальнѣйшее тамъ пребываніе, сопряженное съ напрасною потерею людей и отвлеченіемъ батальоновъ отъ работъ, выступилъ 6-го числа обратно въ Грозную. Чеченцы же на другой день поспѣшили возвратиться въ Дарго...

Это обстоятельство опять таки приходится причислить къ цѣлому ряду неудачъ, преслѣдовавшихъ насъ въ тотъ періодъ времени. Выступи генералъ Фрейтагъ изъ Грозной въ Шали 5-ю днями позже и останься тамъ два, три дня лишнихъ, чеченцевъ не было бы 10-го и 11-го іюля въ дѣлѣ противъ колонны генерала Клугенау и тогда вообще не произошло бы и описанной кровавой катастрофы, потому что и числительность, и, главное, качества прочихъ горцевъ, составлявшихъ скопище

Шамиля, никогда не могли бы имѣть въ лѣсахъ такого рѣшительнаго успѣха.

12-го іюля, войска, расположенныя въ Дарго, были весь день заняты приготовленіями къ предстоявшему походу. Всѣ тяжести войскъ, палатки, офицерскіе вьюки, были уничтожены. Главнокомандующій подалъ самъ первый примѣръ, приказавъ зажечь почти весь свой богатый багажъ. Необходимо было освободить какъ можно болѣе лошадей для раненыхъ. Генералъ-лейтенанту князю Бебутову послано приказаніе стянуть войска, занимавшія укрѣпленные пункты въ Гогатлѣ, Буцуркалѣ и другихъ мѣстахъ къ Мичикалу, оставаясь тамъ до особаго распоряженія. Генералу Фрейтагу послано пятью различными способами приказаніе собрать сколько найдетъ возможнымъ войскъ и спѣшить на встрѣчу главному отряду отъ Герзель-аула къ урочищу Мискитъ. 5 экземпляровъ этого приказанія вызвались доставить три лазутчика изъ азіатцевъ, одинъ казакъ и два рядовыхъ Кабардинскаго полка. Къ крайнему сожалѣнію, ни имена этихъ 2-хъ молодцевъ егерей ни то—кѣмъ прежде всего доставлены приказанія навѣрно неизвѣстно *), никакихъ объ этомъ свѣдѣній въ дѣлахъ я не нашелъ, а видно только, что генералъ Фрейтагъ получилъ извѣстіе лишь 16-го числа.

Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, главнокомандующій выступилъ 13-го іюля въ 4 часа утра **) съ отрядомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: авангардъ генералъ-маіора Бѣлявскаго—3 батальона, 3 роты стрѣлковъ, 4 орудія и вся конная милиція. Главныя силы генералъ-лейтенанта Клугенау: 3 батальона, 7 орудій, всѣ раненые и тяжести; арріергардъ генералъ-маіора Лабынцева—1-й и 2-й батальоны Кабардинскаго полка, 2 орудія и всѣ конные казаки; въ правой цѣпи 2 батальона Навагинцевъ и дружина пѣшихъ грузинъ,—въ лѣвой цѣпи—

---

*) Генералъ Гейманъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что первыми явились къ генералу Фрейтагу наши егеря.

**) За часъ до выступленія, тѣло полковника Ранжевскаго опустили въ могилу, при чемъ нѣкоторые солдаты плакали. При всей строгости, покойникъ своею справедливостью и рыцарскою честностью заслужилъ общую любовь.

сводный батальонъ Куринцевъ и другая дружина грузинъ. (Не слѣдуетъ забывать, что батальоны носили только это громкое названіе, а въ сущности они едвали составляли комплектные полубатальоны). Такъ, напримѣръ, въ двухъ батальонахъ Кабардинскаго полка, съ артиллеристами взвода горныхъ орудій, было всего 720 человѣкъ *). Генералъ Лабынцевъ послалъ своего адъютанта штабсъ-капитана Кемпферта **) къ начальнику главнаго штаба доложить, что, безъ сомнѣнія, арріергарду предстоятъ жаркія дѣла и едва ли 700 штыковъ достаточны будутъ для успѣшнаго прикрытія отступленія. Генералъ Гурко доложилъ объ этомъ главнокомандующему и князь Воронцовъ сказалъ Кемпферту слѣдующее: «Скажите Ивану Михайловичу, что у него Кабардинцы, изъ коихъ каждый постоитъ за двухъ, а подъ его начальствомъ за четырехъ человѣкъ.» Слова эти, произнесенныя такимъ человѣкомъ какъ покойный фельдмаршалъ князь Воронцовъ, и для полка, и для генерала Лабынцева могутъ служить одною изъ самыхъ лестныхъ наградъ, когда либо ими полученныхъ. Мнѣ доставляетъ высокое удовольствіе возможность сохранить для потомства такіе доказательства исключительной боевой славы нашего полка и его доблестнаго командира, и я съ душевною признательностью заявляю здѣсь сколько обязанъ П. И. Кемпферту за сообщеніе мнѣ приведенныхъ словъ.

Крутой, глубокій и лѣсистый оврагъ Аксая, чрезъ который пролегала дорога, былъ первымъ и весьма затруднительнымъ препятствіемъ движенію отряда; но противу всякаго ожиданія, мы прошли его почти безъ потери. Сосредоточеніе батарей и занятіе праваго берега Аксая стрѣлковымъ батальономъ, прикрыли движеніе нашего авангарда, который быстро взошелъ на выгодную позицію за дер. Белготой, расположивъ съ одной стороны кладбища Апшеронскій, а съ другой на высотахъ Люблинскій батальонъ. Пока колонны наши подни-

---

*) И изъ этихъ двухъ батальоновъ одну роту нужно было назначать нести своихъ раненыхъ, слѣдовательно, для дѣла оставалось только семь ротъ, или 600 человѣкъ съ небольшимъ.

**) Павелъ Ивановичъ Кемпфертъ нынѣ генералъ-лейтенантъ, состоящій при Кавказской арміи.

Шамиля, никогда не могли бы имѣть въ лѣсахъ такого рѣшительнаго успѣха.

12-го іюля, войска, расположенныя въ Дарго, были весь день заняты приготовленіями къ предстоявшему походу. Всѣ тяжести войскъ, палатки, офицерскіе вьюки, были уничтожены. Главнокомандующій подалъ самъ первый примѣръ, приказавъ зажечь почти весь свой богатый багажъ. Необходимо было освободить какъ можно болѣе лошадей для раненыхъ. Генералъ-лейтенанту князю Бебутову послано приказаніе стянуть войска, занимавшія укрѣпленные пункты въ Гогатлѣ, Буцуркалѣ и другихъ мѣстахъ къ Мичикалу, оставаясь тамъ до особаго распоряженія. Генералу Фрейтагу послано пятью различными способами приказаніе собрать сколько найдетъ возможнымъ войскъ и спѣшить на встрѣчу главному отряду отъ Герзель-аула къ урочищу Мискитъ. 5 экземпляровъ этого приказанія вызвались доставить три лазутчика изъ азіатцевъ, одинъ казакъ и два рядовыхъ Кабардинскаго полка. Къ крайнему сожалѣнію, ни имена этихъ 2-хъ молодцевъ егерей ни то—кѣмъ прежде всего доставлены приказанія навѣрно неизвѣстно *), никакихъ объ этомъ свѣдѣній въ дѣлахъ я не нашелъ, а видно только, что генералъ Фрейтагъ получилъ извѣстіе лишь 16-го числа.

Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, главнокомандующій выступилъ 13-го іюля въ 4 часа утра **) съ отрядомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: авангардъ генералъ-маіора Бѣлявскаго—3 батальона, 3 роты стрѣлковъ, 4 орудія и вся конная милиція. Главныя силы генералъ-лейтенанта Клугенау: 3 батальона, 7 орудій, всѣ раненые и тяжести; арріергардъ генералъ-маіора Лабынцева—1-й и 2-й батальоны Кабардинскаго полка, 2 орудія и всѣ конные казаки; въ правой цѣпи 2 батальона Навагинцевъ и дружина пѣшихъ грузинъ,—въ лѣвой цѣпи—

---

*) Генералъ Гейманъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что первыми явились къ генералу Фрейтагу наши егеря.

**) За часъ до выступленія, тѣло полковника Ранжевскаго опустили въ могилу, при чемъ нѣкоторые солдаты плакали. При всей строгости, покойникъ своею справедливостью и рыцарскою честностью заслужилъ общую любовь.

къ сел. Шуани въ прежнемъ порядкѣ. Селеніе Цонтери было занято и зажжено войсками правой цѣпи; между тѣмъ Апшеронскій батальонъ вытѣснилъ непріятеля изъ опушки впереди лежащаго лѣса; дорога шла отсюда влѣво по довольно ровному и открытому мѣсту; отрядъ, имѣвъ только небольшое арріергардное дѣло, прибылъ на поляну предъ ауломъ Урдали.

Непріятель, все еще оставаясь въ недоумѣніи относительно того, какое отрядъ возметъ направленіе, къ Маюртупу или Герзель-аулу, тянулся съ кавалеріею и артиллеріею на лѣвомъ нашемъ флангѣ, соображаясь съ движеніемъ отряда; между тѣмъ сильныя пѣхотныя толпы заняли лѣсистый хребетъ горъ, отдѣляющій Урдали отъ Шуани; но когда движеніе наше къ этому послѣднему пункту ясно обнаружилось, то всѣ конные горцы быстро поспѣшили занять этотъ лѣсистый хребетъ. Дорога, по которой отрядъ долженъ былъ слѣдовать, перейдя Урдали и находящійся за нимъ глубокій оврагъ, подымалась вверхъ по котловинѣ, подъ выстрѣлами съ лѣсистыхъ высотъ, занятыхъ непріятелемъ и усиленныхъ завалами.

Хребетъ горъ, отдѣляющій Урдали отъ Шуани, есть отрогъ Кожалика, ограничивающаго долину лѣваго берега Аксая; онъ покрытъ дремучимъ лѣсомъ и къ сторонѣ Урдали образуетъ сперва котловину, по которой вьется дорога, а потомъ глубокій оврагъ. Бока котловины были укрѣплены завалами, обстрѣливавшими дорогу съ обѣихъ сторонъ; горцы, увидя направленіе нашего отряда, перешли на дорогу къ Герзель-аулу. Завалы лѣвой стороны котловины близко подходили къ самой дорогѣ и для движенія отряда впередъ, необходимо было прежде всего взять ихъ. Съ этою цѣлью была поведена атака для занятія высотъ съ лѣвой стороны. Лѣвая цѣпь—Куринцы и пѣшіе грузины—взбирались по отвѣсной крутизнѣ лѣсистой горы подъ непрерывнымъ непріятельскимъ огнемъ; для поддержанія ихъ двинулся генералъ-маіоръ Бѣлявскій съ своимъ авангардомъ. Этимъ совокупнымъ дѣйствіемъ непріятель, понеся сильную потерю, принужденъ былъ оставить упорно защищаемые завалы. Послѣ этого перваго успѣха оставалось еще овладѣть высотами, лежащими вправо отъ дороги и очистить отъ непріятеля лѣсъ на протяженіи болѣе трехъ верстъ.

мались на противоположный берегъ Аксая, непріятель, выдвинувъ на высоты три легкія орудія, дѣйствовалъ изъ нихъ по войскамъ, прибывающимъ къ переправѣ, но частію движеніе авангарда, частію же огонь двухъ легкихъ нашихъ орудій, заставили непріятельскую батарею сняться съ позиціи и удалиться.

Между тѣмъ сильныя партіи горцевъ, оставаясь въ наблюдательномъ положеніи, видны были со стороны Беноя и Дарго противъ нашего арріергарда. Когда войска отряда, по мѣрѣ перехода чрезъ Аксай, сосредоточивались у Белготоя, толпы горцевъ также собирались на лѣвомъ нашемъ флангѣ, за покинутымъ нами лагеремъ.

Отрядъ двинулся отъ Белгатоя по направленію къ Цонтери и перешелъ еще крутой и лѣсистый оврагъ, не будучи съ фронта безпокоенъ непріятелемъ; тогда только, убѣдясь въ нашемъ движеніи къ Цонтери, Шамиль рѣшился дѣйствовать съ нѣкоторою смѣлостію, и выдвинувъ два орудія, направилъ выстрѣлы по колоннамъ и вьюкамъ нашимъ, поднимавшимся на высоты; поставленная съ нашей стороны батарея вскорѣ однако заставила его замолчать.

Съ обычною своею распорядительностью, генералъ-маіоръ Лабынцевъ вывелъ арріергардъ въ совершенномъ порядкѣ и почти безъ потери, не смотря на сильную ружейную перестрѣлку и двукратное наступленіе въ штыки 1-й Карабинерной роты. Послѣ утомительнаго перехода чрезъ Аксай и слѣдующіе затѣмъ овраги, отрядъ ночевалъ близь сел. Цонтери на уроч. Кетешъ-Кортъ (курганъ совѣщаній). Передъ захожденіемъ солнца замѣтно было, что непріятельская пѣхота потянулась вправо, а кавалерія съ орудіями расположилась на ночлегѣ въ значительномъ отдаленіи отъ нашего арріергарда.

Въ этотъ день мы потеряли убитыми: 1-го оберъ-офицера и 5 нижнихъ чиновъ; ранеными: 1 штабъ и 4-хъ оберъ-офицеровъ и 62 нижнихъ чиновъ; контуженными: 1 штабъ-офицера и 4 нижнихъ чина. Потеря эта была почти исключительно въ 1-мъ батальонѣ Кабардинскаго полка и въ 5-мъ Саперномъ батальонѣ.

14-го іюля, въ 4 часа утра, отрядъ продолжалъ движеніе

къ сел. Шуани въ прежнемъ порядкѣ. Селеніе Цонтери было занято и зажжено войсками правой цѣпи; между тѣмъ Апшеронскій батальонъ вытѣснилъ непріятеля изъ опушки впереди лежащаго лѣса; дорога шла отсюда влѣво по довольно ровному и открытому мѣсту; отрядъ, имѣвъ только небольшое арріергардное дѣло, прибылъ на поляну предъ ауломъ Урдали.

Непріятель, все еще оставаясь въ недоумѣніи относительно того, какое отрядъ возметъ направленіе, къ Маюртупу или Герзель-аулу, тянулся съ кавалеріею и артиллеріею на лѣвомъ нашемъ флангѣ, соображаясь съ движеніемъ отряда; между тѣмъ сильныя пѣхотныя толпы заняли лѣсистый хребетъ горъ, отдѣляющій Урдали отъ Шуани; но когда движеніе наше къ этому послѣднему пункту ясно обнаружилось, то всѣ конные горцы быстро поспѣшили занять этотъ лѣсистый хребетъ. Дорога, по которой отрядъ долженъ былъ слѣдовать, перейдя Урдали и находящійся за нимъ глубокій оврагъ, подымалась вверхъ по котловинѣ, подъ выстрѣлами съ лѣсистыхъ высотъ, занятыхъ непріятелемъ и усиленныхъ завалами.

Хребетъ горъ, отдѣляющій Урдали отъ Шуани, есть отрогъ Кожалика, ограничивающаго долину лѣваго берега Аксая; онъ покрытъ дремучимъ лѣсомъ и къ сторонѣ Урдали образуетъ сперва котловину, по которой вьется дорога, а потомъ глубокій оврагъ. Бока котловины были укрѣплены завалами, обстрѣливавшими дорогу съ обѣихъ сторонъ; горцы, увидя направленіе нашего отряда, перешли на дорогу къ Герзель-аулу. Завалы лѣвой стороны котловины близко подходили къ самой дорогѣ и для движенія отряда впередъ, необходимо было прежде всего взять ихъ. Съ этою цѣлью была поведена атака для занятія высотъ съ лѣвой стороны. Лѣвая цѣпь—Куринцы и пѣшіе грузины—взбирались по отвѣсной крутизнѣ лѣсистой горы подъ непрерывнымъ непріятельскимъ огнемъ; для поддержанія ихъ двинулся генералъ-маіоръ Бѣлявскій съ своимъ авангардомъ. Этимъ совокупнымъ дѣйствіемъ непріятель, понеся сильную потерю, принужденъ былъ оставить упорно защищаемые завалы. Послѣ этого перваго успѣха оставалось еще овладѣть высотами, лежащими вправо отъ дороги и очистить отъ непріятеля лѣсъ на протяженіи болѣе трехъ верстъ.

Обстрѣлявъ изъ нѣсколькихъ орудій и крѣпостныхъ ружей мѣстность противъ праваго завала, генералъ Лидерсъ послалъ прямо по дорогѣ одинъ батальонъ для занятія лѣса, одинъ въ обходъ завала съ правой стороны, а полковнику Бибикову съ 2-мя Навагинскими батальонами приказалъ атаковать справа. Горцы защищались упорно, такъ что главнокомандующій, прибывъ къ мѣсту боя и видя не успѣхъ усилій атакующихъ батальоновъ, долженъ былъ приказать спѣшиться всѣмъ коннымъ милиціонерамъ (кабардинцамъ, осетинамъ, дигорцамъ, грузинамъ) и подкрѣпивъ ихъ двумя ротами саперъ, атаковать завалъ съ фронта. Это одновременное и рѣшительное наступленіе очистило наконецъ завалъ отъ горцевъ, но стоило намъ огромныхъ потерь — особенно начальствовавшими офицерами; здѣсь тяжело ранены: командиръ Куринскаго батальона флигель-адъютантъ графъ Бенкендорфъ, пѣшей грузинской дружины князь Николай Эристовъ, Сапернаго батальона полковникъ Завальевскій, командиръ Навагинскаго полка Бибиковъ, дежурный штабъ-офицеръ отряда Альбрантъ и много другихъ.

Между тѣмъ генералъ Лидерсъ для очистки дороги двинулся съ тремя ротами впередъ и встрѣтивъ непріятеля, приказалъ атаковать его; съ барабаннымъ боемъ и крикомъ ура! бросилась горсть Апшеронцевъ и саперъ на непріятеля и, увлеченные порывомъ, преслѣдовали его болѣе версты по весьма густому лѣсу. У выхода на поляну находился новый непріятельскій завалъ; но не взирая на убійственный огонь горцевъ, дѣйствовавшихъ съ разстоянія полуружейнаго выстрѣла, наши люди съ рѣдкимъ самоотверженіемъ бросились впередъ, взяли и этотъ завалъ; но эта горсть храбрыхъ была встрѣчена здѣсь жестокимъ огнемъ изъ слѣдующаго завала, занятіе коего пришлось уже отложить до прибытія какого-нибудь подкрѣпленія, и потому людямъ приказано было залечь въ занятый первый завалъ и держаться въ немъ. При этомъ случаѣ опять была весьма значительная потеря и преимущественно офицерами; убиты: адъютанты главнокомандующаго: поручикъ Лонгиновъ и генерала Лидерса поручикъ графъ Бальменъ; ранены генеральнаго штаба капитаны графъ Гейденъ и баронъ Дельвигъ.

Между тѣмъ непріятель, опомнившись отъ перваго быстраго

нашего натиска, возобновилъ сильнѣйшій ружейный огонь изъ завала, а часть, отброшенная нами въ овраги, снова заняла дорогу и прервала сообщеніе слабаго авангарда съ главнымъ отрядомъ. Главнокомандующій, узнавъ объ этомъ, поспѣшилъ съ ближайшими частями войскъ, какія можно было собрать отъ штурмовавшихъ завалы правой высоты, и послалъ ихъ на подкрѣпленіе авангарду. Послѣ дружнаго натиска и нѣсколькихъ картечныхъ выстрѣловъ, непріятель удалился и сообщеніе было возстановлено.

Вслѣдъ затѣмъ, при проходѣ главной колонны по узкому дефиле въ лѣсу, только что очищенному отъ горцевъ, нѣсколько самыхъ отчаянныхъ изъ нихъ опять вышли на дорогу, ворвались между вьюковъ и произвели понятное смятеніе. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ приблизились въ эту минуту къ главнокомандующему съ его небольшой свитой... Минута была ужасная: можно было опасаться за самаго князя Воронцова; онъ обнажилъ даже свою саблю, а окружавшіе его нѣсколько офицеровъ и казаковъ выхвативъ шашки, бросились на дерзкихъ чеченцевъ, безъ сомнѣнія и незнавшихъ кого они имѣли передъ собою *). Въ то же время, растянувшіеся вьюки и носилки съ ранеными очутились въ самомъ критическомъ положеніи, потому что на длинномъ, узкомъ пространствѣ все прикрытіе состояло изъ одной роты Навагинскаго полка, которой пришлось кучками бросаться въ разныя стороны для отраженія врывавшихся между вьюковъ чеченцевъ. Къ счастію еще, солдаты Кабардинскаго полка, 8-й егерьской роты, несшіе нѣсколькихъ человѣкъ раненыхъ офицеровъ, въ томъ числѣ и прапорщика В. А. Геймана, поставили на землю носилки и бросились съ штыками на проникшихъ къ нашимъ раненымъ горцевъ, которые вскорѣ и были прогнаны назадъ въ лѣсъ. Въ теченіе этого короткаго времени, они успѣли однако убить нѣсколько человѣкъ, бывшихъ при

---

*) Эту подробность, само собою, какъ и многія другія, не попавшія въ официальное донесеніе, я слышалъ отъ очевидцевъ. Говорили даже, что будто князь Михаилъ Семеновичъ весьма серьезно сказалъ: «прошу меня живого не отдавать»...

вьюкахъ, изрубили раненаго Завальевскаго, нанесли нѣсколько ранъ графу Бенкендорфу и старавшемуся защищать его конной гвардіи штабсъ-ротмистру барону Шепингу, еще нѣкоторымъ изъ раненыхъ офицеровъ, и утащили нѣсколько вьюковъ.

Въ продолженіе вышеизложенныхъ дѣйствій въ авангардѣ и главной колоннѣ, оба Кабардинскіе батальоны и ихъ начальникъ, генералъ-маіоръ Лабынцевъ, съ искони свойственнымъ имъ искусствомъ и мужествомъ, исполняли свою спеціальную задачу арріергарда. Никакіе отчаянные натиски многочисленнаго непріятеля не могли смутить ихъ хладнокровіе, нарушить порядокъ и устоять противъ ихъ ударовъ въ штыки.

При проходѣ арріергарда чрезъ мостикъ, находившійся въ лѣсу, горцы заняли-было опушку и открыли сильный огонь, задержавшій движеніе; но въ это время возвращалась изъ цѣпи 3-я рота Куринскаго полка, бросилась къ опушкѣ, выбила горцевъ и облегчила движеніе арріергарда.

Какъ ни крѣпки были защищенныя природою и искусствомъ позиціи, какъ ни упорны и отчаянны были усилія горцевъ, однако войска наши все это преодолѣли, сбили непріятеля со всѣхъ пунктовъ и отрядъ прошелъ въ тотъ же день уже почти безъ выстрѣла еще два глубокихъ и обрывистыхъ оврага и расположился для ночлега на высотѣ близь аула Исса-Юртъ. Въ этотъ день войска прошли около 12 верстъ по труднѣйшей мѣстности, постоянно сражаясь; въ довершеніе всего, вечеромъ пошелъ проливной дождь и до такой степени испортилъ дорогу, что два легкія орудія только къ разсвѣту съ большими усиліями, при помощи измученныхъ людей, отъ арріергардныхъ Кабардинскихъ батальоновъ могли быть вывезены на занятую позицію. Точно также лишь къ утру подошли и нѣкоторыя части войскъ, отставшія по причинѣ поздней ночи, испорченности дороги и утомленію.

15-го Іюля, въ 10 ч. утра, отрядъ выступилъ по дорогѣ къ с. Аллерой. Впереди находился глубокій оврагъ, котораго противуположный лѣсистый берегъ былъ занятъ непріятелемъ; подъ покровительствомъ сильнаго огня поставленныхъ нами батарей,

авангардъ, имѣя кавалерію впереди, двинулся къ этой позиціи и безъ труда заставилъ горцевъ отступить.

Во время прохожденія главныхъ силъ нашихъ, непріятель, занявъ съ лѣвой стороны обрывистыя, покрытыя лѣсомъ высоты, съ которыхъ предъ тѣмъ уже былъ сбитъ лѣвою цѣпью, опять сталъ безпокоить идущія войска своими выстрѣлами; но направленная туда главнокомандующимъ грузинская милиція снова заставила горцевъ удалиться. Войска прошли всего 5 верстъ, но главнокомандующій счелъ нужнымъ остановиться для ночлега у сел. Аллерой, находя, что люди, и въ особенности раненые—послѣ вчерашняго продолжительнаго боя и утомительнаго перехода—нуждались въ отдохновеніи. Отрядъ расположился на пологомъ скатѣ къ сказанному селенію, а дабы имѣть воду и прикрыть лагерь со стороны Аксая, приказано одному батальону и казакамъ занять аулъ Аллерой.

Въ оба дня, 14 и 15-го, мы потеряли убитыми 6 штабъ и оберъ офицеровъ, 80 нижнихъ чиновъ; ранеными 17 штабъ и оберъ офицеровъ, болѣе 200 нижнихъ чиновъ, контужено 4 офицера и 56 нижнихъ чиновъ, 8 человѣкъ пропали безъ вѣсти; потеря была большею частью въ Кабардинскихъ и Куринскомъ батальонахъ.

Густой туманъ и мелкій дождь, препятствовавшій въ нѣсколькихъ шагахъ различать предметы, не дозволяли отряду выступить 16-го іюля ранѣе 8 часовъ утра. Около этого времени войска двинулись въ прежнемъ порядкѣ. У крутаго оврага, который слѣдовало пройти, засѣли горцы, открывшіе оттуда частый ружейный огонь, но выдвинутая нами батарея заставила ихъ разсѣяться, такъ что авангардъ безпрепятственно занялъ позицію на той сторонѣ. Съ подъемомъ туда открывается на большомъ пространствѣ молодой но густой лѣсъ; въ немъ пролегала дорога. Когда главная колонна стянулась, то для занятія обширной поляны находившейся, по увѣреніямъ проводниковъ, впереди, двинута была конница; встрѣченная непріятельскими выстрѣлами она вынуждена остановиться и пропустить впередъ пѣхоту, которая пройдя нѣсколько перелѣсковъ и выбивая изъ нихъ штыками непріятеля, вошла снова въ густой лѣсъ, гдѣ встрѣтила занятый

непріятелемъ глубокій оврагъ и узкую извилистую дорогу. Головной батальонъ авангарда съ двумя орудіями пробился сквозь эту тѣснину и нашелъ новое препятствіе—оврагъ, въ вершинахъ коего устроенъ былъ непріятельскій завалъ, откуда горцы поражали проходящія войска меткими фланговыми навѣсными выстрѣлами. Пройдя и этотъ оврагъ, Литовскій и и Апшеронскій батальоны овладѣли высотою у аула Шаухалъ-Берды; но слѣдовавшіе за ними саперы, съ двумя горными орудіями, пѣшая грузинская милиція и кавалерія вынуждены были остановиться, потому что саперы, встрѣтивъ препятствіе—разрушенный мостикъ, тоже должны были остановиться въ опушкѣ лѣса и частью на полянѣ, для починки; здѣсь саперы и артиллерія подвержены были жестокому огню засѣвшаго въ лѣсу непріятеля и понесли большую потерю. Такимъ образомъ сообщеніе одной части авангарда съ другою было прервано.

Опять повторилась ошибка или даже можно сказать опрометчивость, уже имѣвшая въ теченіе послѣднихъ дней такія плачевныя послѣдствія; авангардъ увлекался за выбиваемымъ изъ заваловъ непріятелемъ, совершенно забывая о своемъ прямомъ назначеніи: идти въ головѣ главной колонны и прикрывать ее отъ нападеній на самой дорогѣ. Черезъ это прерывалось сообщеніе, возстановленіе коего требовало всякій разъ непомѣрныхъ жертвъ и создавало бой на такихъ пунктахъ, на которыхъ, собственно говоря, его вовсе не должно было быть. Такъ и въ этотъ разъ, чтобъ возстановить сообщеніе съ авангардомъ, генералъ Гурко употреблялъ всѣ усилія, посылалъ одинъ за другимъ свободныя части на боковыя высоты, чтобы взять завалы въ тылъ, и только послѣ прибытія двухъ ротъ Навагинцевъ кое какъ удалось пройти къ авангарду, а сообщеніе возстановилось только тогда безпрепятственно, когда прибылъ самъ главнокомандующій и послалъ приведенныя съ собою части занять опушку лѣса и выгнать засѣвшихъ тамъ горцевъ, что удалось однако только съ содѣйствіемъ подошедшей изъ лѣвой цѣпи Куринской роты и высланныхъ изъ авангарда назадъ на встрѣчу охотниковъ изъ Апшеронскаго и Литовскаго батальоновъ. Все это стоило однако большихъ потерь; ранены оба адъютанта главнокоман-

дующаго — князь Васильчиковъ и Глѣбовъ, убиты всѣ почти саперные и артиллерійскіе офицеры и много нижнихъ чиновъ.

Когда это происходило въ авангардѣ, главная колонна, а затѣмъ и арріергардъ подавались постепенно впередъ, переходя съ одной поляны на другую; но какъ на большомъ протяженіи пересѣченной лѣсистой мѣстности не возможно было занять всѣхъ пунктовъ, удобныхъ для прорыва непріятеля, то горцы не упускали случая бросаться въ шашки на менѣе прикрытыя части колонны. При всей распорядительности генерала Лабынцева, который нашелъ нужнымъ обратить вниманіе и давать направленіе ротамъ, слѣдовавшимъ въ боковыхъ цѣпяхъ, горцы все таки успѣли убить нѣсколько вьючныхъ лошадей, произвести безпорядокъ въ обозѣ и вынудить насъ бросить нѣсколько вьюковъ. Въ происходившихъ при этомъ стычкахъ, само собою, гибло не мало и горцевъ, но обуявшее ихъ ожесточеніе, да и жадность къ добычѣ побуждали ихъ возобновлять съ упорствомъ такія нападенія.

Въ хвостѣ арріергарда шла наша 3-я егерская рота; когда она остановилась у мостика, чтобы дать пройти всѣмъ остальнымъ, наибъ большой Чечни Суаибъ собралъ большую толпу своихъ чеченцевъ и бросился на нашу роту, въ полной увѣренности истребить ее и нанести послѣдній рѣшительный ударъ передъ выходомъ войскъ на открытое мѣсто. Встрѣченный залпомъ и ударомъ въ штыки, Суаибъ, не взирая на большую потерю людей, отчаянно продолжалъ нападеніе. Въ эту минуту подоспѣлъ нашъ резервъ, егеря съ крикомъ ура! дружно повторили ударъ въ штыки, на которыхъ погибъ и самъ наибъ и не мало храбрѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ чеченцевъ; но изъ нашей роты едва ли уцѣлѣла третья часть, потому что легло болѣе 60 человѣкъ!

Послѣ этого пораженія, непріятель прекратилъ свои натиски на арріергардъ, и весь отрядъ, уже почти безъ выстрѣла, поднялся на поляну у аула Шаухалъ-Берды. Здѣсь было довольно удобное мѣсто для лагеря, а засѣянныя кукурузою и другимъ хлѣбомъ поля доставляли пищу людямъ и кормъ лошадямъ. Этотъ день стоилъ намъ убитыми: 2-хъ офицеровъ 107 нижнихъ чиновъ, раненыхъ 14 штабъ и оберъ офицеровъ

306 нижнихъ чиновъ, контуженными 2-хъ офицеровъ, 41 нижнихъ чина; безъ вѣсти пропало 16 человѣкъ.

Отрядъ расположившійся бивуаками у Шаухалъ-Берды былъ въ самомъ критическомъ положеніи. Батальоны уменьшились до того, что самые сильные были Навагинцы, имѣвшіе по 400 человѣкъ, Куринскій, *сведенный изъ прежнихъ шести ротъ*, считалъ 393 человѣка. Въ обоихъ Кабардинскихъ оставалось по 245 человѣкъ, а въ Люблинскомъ даже 225. Изъ такого состава приходилось отдѣлять еще людей къ больнымъ и раненымъ, которыхъ было болѣе 1,500, и такимъ образомъ собственно для боя можно было разсчитывать, самое большее, на 200 человѣкъ въ батальонѣ, или въ общей сложности на 2,500 штыковъ. Къ тому же патроновъ оставалось по 50 на человѣка; за громадною убылью лошадей и употребленіемъ большей части оставшихся цѣлыми подъ раненыхъ, изъ 13 орудій пришлось сформировать только 8 горныхъ, для которыхъ оставалось по 62 заряда, отъ остальныхъ 5 орудій уничтожили лафеты и зарядные ящики, а тѣла взяли на вьюки. Для увеличенія числа зарядовъ собирали непріятельскія ядра и неразорвавшіяся гранаты, и изъ нихъ дѣлали заряды, употребляя для этого порохъ отъ мортирныхъ патроновъ, а для картузовъ старыя солдатскія шинели.

Уже болѣе трехъ сутокъ люди ничего не ѣли, кромѣ собираемой на поляхъ кукурузы. У самаго князя Воронцова, изъ обильныхъ всякаго рода запасовъ, которыми онъ щедро дѣлился съ принцемъ Гессенскимъ, своею свитою и ранеными офицерами, оставались наконецъ только три или четыре бѣлыя булки, которыя камердинеръ его вынужденъ былъ спрятать и, подавая частями князю, увѣрять, что это послѣдніе куски; онъ боялся, чтобы князь не приказалъ подѣлиться и этими послѣдними кусками, и тогда самому ему, уже чрезвычайно ослабѣвшему, въ его преклонныхъ лѣтахъ, трудно было бы перенести совершенный голодъ. Воду приходилось добывать изъ Аксая подъ выстрѣлами непріятеля и нѣсколько человѣкъ уже поплатились жизнію. Недостатокъ воды былъ особенно ощутителенъ и за стаканъ свѣжей холодной воды

принцъ Гессенскій и нѣкоторыя другія лица предлагали солдатамъ по 2, по 3 червонца...

Идти впередъ при такомъ слабомъ составѣ отряда, не рискуя всѣми ранеными и артиллеріею, нечего было и думать. Рѣшено было оставаться на этой позиціи и ожидать выручки отъ генерала Фрейтага, которому, какъ уже выше сказано, были посланы пятью различными способами приказанія.

Между тѣмъ непріятель, понимая причины бездѣйствія отряда, собрался въ большихъ массахъ на господствующей высотѣ праваго берега Аксая и изъ нѣсколькихъ орудій безпрерывно стрѣлялъ по нашему лагерю, ведя вмѣстѣ съ тѣмъ съ другихъ доступныхъ сторонъ неумолкаемую ружейную перестрѣлку съ окружавшими лагерь нашими цѣпями. Сбить непріятельскія орудія, по неимѣнію въ достаточности снарядовъ, не было возможности, и по необходимости пришлось держать войска подъ выстрѣлами противника, что производило на нихъ скверное нравственное вліяніе. Однимъ словомъ, положеніе было критическое. Можно бы было пробиться сквозь толпы горцевъ къ Герзель-аулу, но для этого, какъ уже сказано, неизбѣжно было пожертвовать всѣми ранеными, артиллеріею и остатками обоза. Главнокомандующій рѣшился лучше погибнуть со своимъ отрядомъ на высотахъ Шаухалъ-Берды, нежели оставить раненыхъ товарищей въ звѣрскихъ рукахъ непріятеля. «Я имѣлъ ужасныя минуты сомнѣній, писалъ въ послѣдствіи князь Воронцовъ, разумѣется не за себя лично, потому что въ нашемъ ремеслѣ, и особенно въ мои годы, было бы стыдно думать о себѣ; но я боялся за нашихъ раненыхъ»...

Однако при всей этой печальной обстановкѣ войска неунывали и переносили труды и лишенія съ удивительнымъ самоотверженіемъ. Для ободрѣнія лагеря, князь приказалъ по два раза въ день играть оркестру Прагскаго пѣхотнаго полка, слѣдовавшему все время съ отрядомъ, и музыканты доблестно исполняли свою обязанность, не взирая на голодъ, жажду и свиставшія кругомъ пули, которыми было перебито нѣсколько инструментовъ и раненъ 1 кларнетистъ.

Менѣе всѣхъ унывалъ нашъ оригнальный полковой коман-

диръ, Викентій Михайловичъ Козловскій. Не обращая ни на что вниманія, какъ будто вся обстановка и положеніе отряда были чѣмъ то обыкновеннымъ, онъ это время вынужденнаго бездѣйствія проводилъ, какъ истый старый кавказецъ, въ собраніи своихъ офицеровъ, за бурдюкомъ кахетинскаго вина, съ необыкновенною ловкостью сохраненаго среди общаго разгрома; при этомъ ротные пѣсельники, хоть и голодные, потерявшіе половину своихъ товарищей, все же затягивали у палатки его «ахъ, вы сѣни, мои сѣни, сѣни новыя, кленовыя, рѣшетчатыя!» раздавались шумные клики, качанія и всѣ извѣстные атрибуты подобныхъ попоекъ. Серьезный, холодный И. М. Лабынцевъ не могъ равнодушно видѣть всего этого и съ нѣкоторою брезгливостью относился къ такимъ выходкамъ своего преемника; но нельзя отвергать, что и подобное, такъ сказать, отчаянное пренебреженіе къ опасности въ военное время—черта не совсѣмъ дурная и на большинство солдатъ дѣйствуетъ обаятельно.

Въ такомъ положеніи отрядъ оставался болѣе двухъ сутокъ—17-го и 18-го іюля. Тяжелая неизвѣстность, мрачное сомнѣніе тяготѣли надъ отрядомъ, какъ вдругъ въ пятомъ часу пополудни 18-го числа, со стороны Мискита, раздались пушечные выстрѣлы, предвѣстники общаго спасенія! Очевидно отрядъ Фрейтага былъ близко: радость засіяла на пріунывшихъ лицахъ, всѣ поздравляли другъ друга и гулъ этихъ нѣсколькихъ выстрѣловъ пронесся подобно какимъ то торжествующимъ звукамъ. Одинъ изъ уцѣлѣвшихъ милиціонеровъ, Тушинъ, весьма картинно разсказывалъ мнѣ послѣ объ этой минутѣ: «какъ будто сами горы двинулись намъ на встрѣчу, когда въ слѣдъ за разсѣявшимся дымомъ, мы увидѣли на высотѣ заблиставшіе штыки».

Еще мѣсяцъ раньше генералъ Фрейтагъ отъ лазутчиковъ имѣлъ положительныя свѣдѣнія, что всѣ дороги между Андіею, Дарго, Чечнею и Кумыкскою плоскостью, гдѣ только возможно, попорчены, укрѣплены завалами и непріятель готовится къ упорнѣйшей защитѣ. Онъ доносилъ объ этомъ въ главный отрядъ и полагалъ, что движеніе изъ Андіи въ этомъ направленіи будетъ отмѣнено; но когда лазутчики дали ему знать

что 6-го іюля Дарго уже занято, онъ не сомнѣвался, отчему вѣроятно предстоитъ двинуться навстрѣчу отряда и ежеминутно ожидалъ какихъ нибудь приказаній. Поэтому, получивъ 16-го числа предписаніе идти къ Мискиту, онъ съ необыкновенною быстротою распорядился о сосредоточеніи войскъ и вдвое сутокъ поспѣлъ къ мѣсту, причемъ нѣкоторымъ батальонамъ пришлось сдѣлать до 150 верстъ! Люди были собраны со всѣхъ сторонъ—съ работъ, покосовъ, и двигались форсированно, на легкахъ. Бросивъ въ Герзель-аулѣ всѣхъ усталыхъ и заболѣвшихъ и замѣнивъ ихъ двумя ротами изъ тамошняго гарнизона, генералъ Фрейтагъ 18-го утромъ выступилъ оттуда съ 7½ батальонами, (въ томъ числѣ 4-й и двѣ роты 5-го батальона Кабардинскаго полка) 13 орудіями и 3-мя сотнями Донцевъ.

Быстрота этого движенія спасла главный отрядъ; опоздай Фрейтагъ еще сутки,—войска бывшія у Шаухалъ-Берды, уже 5 дней питавшіяся одной кукурузой, еслибы и выдержали общій, рѣшительный напоръ горцевъ, то едва ли спасли бы своихъ раненыхъ и артиллерію. Заслуга генерала Фрейтага несомнѣнна; ему самою судьбою какъ будто было предназначено являться ангеломъ спасителемъ погибающихъ...

Въ ноябрѣ 1843 года, какъ мы видѣли, онъ спасъ гарнизонъ Низоваго укрѣпленія, черезъ мѣсяцъ послѣ этого онъ выручилъ Темиръ-Ханъ-Шуру и тѣмъ спасъ не только погибавшій въ Зырянахъ отрядъ Пассека, но и весь Дагестанъ отъ окончательнаго подчиненія Шамилю. Теперь, спасая главнокомандующаго съ остатками главнаго отряда и огромнымъ числомъ раненыхъ, онъ спасъ честь русскаго оружія отъ предстоявшаго ему, быть можетъ, ужаснаго пораженія! Весною 1846 года генералу Фрейтагу еще разъ пришлось очутиться въ роли спасителя, когда Шамиль, съ поразительною дерзостью, прошелъ за Терекъ, вторгнулся въ большую Кабарду и прекратилъ сообщеніе по военно-грузинской дорогѣ!

И такъ, отрядъ Фрейтага появился со стороны Мискита. Оставалось соединиться съ нимъ, что было не легко, въ виду сильнаго непріятеля, рѣшившагося употребить всѣ усилія, чтобы не допустить до этого, и всю ночь строившаго завалы

вдоль дороги. Генералъ Фрейтагъ, оставивъ у Мискита въ видѣ резерва 2 батальона и 4 орудія, съ остальными своими войсками расположился на ночь съ 18 на 19-е число на полянѣ, отдѣленной отъ позиціи главнаго отряда глубокимъ оврагомъ.

На другой день, въ 9 часовъ утра, главный отрядъ тронулся съ мѣста въ прежнемъ порядкѣ, только въ аррієргардѣ генералъ-маіора Лабынцева, которому очевидно предстояла опаснѣйшая роль, къ 2-мъ Кабардинскимъ батальонамъ былъ прибавленъ еще Апшеронскій батальонъ, а Люблинскому батальону, оставленному съ 2-мя легкими орудіями противъ аула Шаухалъ-Берды, тоже приказано было, послѣ прохода главной колонны присоединиться къ аррієргарду.

Отрядъ спустился въ оврагъ безъ большихъ затрудненій; но когда авангардъ сталъ подниматься на другую сторону, то былъ встрѣченъ жестокимъ огнемъ изъ-за заваловъ съ лѣвой стороны дороги и только послѣ соединенія лѣвой цѣпи съ высланными на встрѣчу отъ колонны генерала Фрейтага ротами удалось выбить горцевъ изъ ихъ заваловъ; въ особенности трудно было взятіе одного крайняго завала, изъ котораго горцы производили непрерывный убійственный огонь по лежащей внизу полянкѣ, чрезъ которую пролегала дорога; здѣсь, въ присутствіи главнокомандующаго, смертельно раненъ талантливый офицеръ генеральнаго штаба капитанъ Прушановскій, а изъ раненыхъ, бывшихъ на носилкахъ, убитъ командиръ Навагинскаго полка полковникъ Бибиковъ, и въ 3-й разъ раненъ поручикъ Измайловскаго полка Козляниновъ, прикомандированный къ нашему полку.

Между тѣмъ аррієргардъ, выступая изъ Шаухалъ-Берды, оставилъ для занятія аула Кабардинскую 1-ю карабинерную роту, которая по отступленіи была внезапно атакована многочисленною партіею чеченцевъ, окружившихъ ее со всѣхъ сторонъ и потребовавшихъ сдачи. Командиръ роты штабсъ-капитанъ Тимаховичъ, видя безвыходное положеніе, обратился къ людямъ съ вопросомъ: «что, братцы, дѣлать?»—Ваше благородіе, ляжемъ всѣ и недадимъ этимъ оборванцамъ поживы,—былъ громкій отвѣтъ. Затѣмъ залпъ и ура! Рукопашный бой

продолжался ¼ часа, пока подоспѣлъ разервъ; небольшая кучка уцѣлѣвшихъ Кабардинцевъ была окружена 150 трупами непріятеля, но и рота потеряла обоихъ офицеровъ и болѣе 60-ти нижнихъ чиновъ! Штабсъ-капитанъ Тимаховичъ, тяжело раненный, былъ взятъ чеченцами и, какъ послѣ разсказывали лазутчики, съ него еще живого содрали кожу... Тутъ же погибъ юнкеръ Жеребцовъ, прекрасный юноша. Въ гибели 1-й карабинерной роты обвиняли подпоручика Кудрявцева, котораго генералъ Лабынцевъ послалъ съ приказаніемъ къ ротѣ объ отступленіи ея по другому, менѣе опасному направленію, а онъ, будто бы, по лѣности или трусости приказанія не передалъ. Впрочемъ и онъ уже послѣдними выстрѣлами былъ тяжело раненъ въ руку и тотчасъ послѣ экспедиціи вышелъ въ отставку. Этотъ геройскій подвигъ нашей роты охранилъ безопасность вытягивавшейся по дорогѣ главной колонны и спасъ многихъ раненыхъ отъ избіенія.

Когда арріергардъ перешелъ, наконецъ, на ту сторону оврага, войска генерала Фрейтага заступили его мѣсто и подъ прикрытіемъ свѣжихъ людей, движеніе, не взирая на трудную и перерѣзанную мѣстность, совершалось уже безпрепятственно, при весьма слабомъ и осторожномъ преслѣдованіи непріятеля. Всѣ войска остановились на уроч. Мискитъ для ночлега, а легкія орудія и нѣкоторыя части, вслѣдствіе крайне затруднительнаго перехода черезъ послѣдніе овраги, по дорогѣ размытой проливнымъ дождемъ, стянулись къ позиціи только къ утру слѣдующаго дня.

20-го числа, въ 10 часовъ утра, всѣ войска продолжали движеніе къ Герзель-аулу, уже во все не преслѣдуемые, куда и прибыли въ 4 часа пополудни, вступивъ въ укрѣпленіе при звукѣ музыки, и съ пѣсельниками впереди...

Отдохнувъ нѣсколько при Герзель-аулѣ, войска были распущены по своимъ квартирамъ, или для удобнѣйшаго расположенія по надтеречнымъ станицамъ, а больные и раненые распредѣлены по ближайшимъ госпиталямъ *).

---

*) Большая часть была отправлена во Внезапную подъ прикрытіемъ нашихъ 2-хъ батальоновъ, въ которыхъ осталось по *32 человѣка* въ ротѣ!..

Въ послѣдніе три дня главный отрядъ потерялъ 1-го штабъ, 2-хъ оберъ-офицеровъ и 90 нижнихъ чиновъ убитыми, 1 штабъ-офицера, 8 оберъ-офицеровъ и 163 нижнихъ чиновъ ранеными, 4 оберъ-офицера 31 нижнихъ чиновъ контуженными и 17 рядовыхъ безъ вѣсти пропало. Кромѣ того, въ отрядѣ генерала Фрейтага убито 14 нижнихъ чиновъ, ранены 1 офицеръ и 69 нижнихъ чиновъ, контужено 8 офицеровъ и 27 нижнихъ чиновъ, безъ вѣсти пропали два человѣка. Лошадей потеряно чрезвычайно много; объ этомъ можно судить потому, что, напримѣръ, въ батареяхъ и паркѣ 14 артиллерійской бригады изъ 665 лошадей на Шаухалъ-Берды уже оставалось только 235 *).

Оставшіеся въ горахъ эшелоны (въ томъ числѣ 3-й батальонъ Кабардинскаго полка) отступили благополучно въ Темиръ-Ханъ-Шуру и только одинъ гарнизонъ Гогатля выдержалъ довольно сильное преслѣдованіе горцевъ, но отбился и въ порядкѣ, съ небольшей потерей, достигъ Мичикала. Эти войска много потерпѣли не отъ непріятеля, а отъ ужасной погоды, свирѣпствовавшей почти все время въ горахъ.

Такъ окончился знаменитый въ лѣтописяхъ кавказской войны походъ въ Андію и Дарго.

Въ Герзель-аулѣ главнокомандующій отдалъ 21-го іюля слѣдующій приказъ по войскамъ: «Воины главнаго дѣйствующаго отряда! наконецъ, твердостію, усердіемъ и неустрашимостію вы исполнили трудный и славный подвигъ, повелѣніе Государя нашего и наше собственное желаніе. Съ самаго начала кампаніи, непріятель со всѣми своими сборищами не могъ вамъ противостоять; онъ оставилъ намъ безъ боя и Ху-

---

*) Собственно Кабардинскій полкъ за походъ 1845 года потерялъ офицеровъ убитыми: полковникъ Ранжевскій, штабсъ-капитанъ Тимоховичъ, поручикъ Маевскій, прапорщики Ильинскій и Войниловичъ; ранены: штабсъ-капитаны Краузъ, Тумановъ, Дуровъ, Кириленко, поручики: Ежовъ, Гейманъ (извѣстный впослѣдствіи въ Азіатской Турціи генералъ) и Измайловскаго полка прикомандированный Козляниновъ; подпоручики: Ходжаевъ, Горбачевскій, Мажаровъ, Кудрявцевъ, прапорщики: Чернявскій, Грушинскій, контужены полковникъ Козловскій, поручикъ Гостоминскій, прапорщики: Рындинъ, Бѣликъ, Ноздрачевъ.

барскія высоты, и крѣпкую Буртунайскую позицію, онъ надѣялся атаковать насъ на Мичикалѣ, но славнымъ подвигомъ взятія горы Анчимееръ оттуда прогнанъ; преодолѣвъ всѣ трудности природы, мы пошли къ Андійскимъ воротамъ, гдѣ онъ не смѣлъ насъ ожидать и самъ предалъ огню и опустошенію богатое андійское населеніе; за Андіей онъ хотѣлъ держаться на позиціи, но постыдно прогнанъ съ оной горстью нашихъ храбрецовъ. Когда мы увидѣли опять скопище Шамиля на горахъ, мы опять пошли на нихъ, разсѣяли ихъ и дошли до самаго Технуцала. Около Андіи, гдѣ русскіе доселѣ еще никогда не были, мы жили спокойно, сколько было намъ нужно, но этого еще не довольно: нужно было дойти до самаго гнѣзда Шамиля, — мы пошли въ Дарго, и хотя нашли дорогу труднѣйшую и лѣса, въ которыхъ они сильно защищались, ничего не могло намъ противустоять, и Шамиль вынужденъ самъ начать разрушеніе его жилища и заведеній, которое мы послѣ въ полной мѣрѣ довершили. По затрудненію туда доставлять продовольствіе, было невозможно и безполезно оставаться въ Дарго, но мы пошли оттуда не назадъ, не отступая, но пошли опять прямо на него же, грудью сбили его у позиціи при деревнѣ Центери и потомъ все наступая гнали его съ позиціи на позицію, пока, уже близко къ Герзель-аулу, мы соединились съ храбрымъ генераломъ Фрейтагомъ, который по первому отъ насъ призыву, собравъ съ невѣроятною скоростію сильный отрядъ, пришелъ къ намъ на встрѣчу; тогда силы непріятельскія обратились на нашъ аріергардъ; но и тутъ съ потерей и со стыдомъ отбиты. Таковые подвиги не могли быть исполнены безъ урона, мы потеряли нѣсколько достойныхъ начальниковъ и храбрыхъ солдатъ; это жребій войны; истинно русскій всегда готовъ умереть за Государя и отечество, но мы имѣемъ то утѣшеніе, что ни одинъ раненый, какого бы онъ не былъ званія, нами не оставленъ, ни одинъ не попалъ въ руки непріятеля и мы вчерашняго числа дошли благополучно до нашего укрѣпленія, и вамъ можно будетъ отдохнуть отъ трудовъ и утѣшиться воспоминаніями о вашихъ подвигахъ. Государь будетъ вами доволенъ, слухъ о нашемъ походѣ долго будетъ служить въ го-

Въ послѣдніе три дня главный отрядъ потерялъ 1-го штабъ, 2-хъ оберъ-офицеровъ и 90 нижнихъ чиновъ убитыми, 1 штабъ-офицера, 8 оберъ-офицеровъ и 163 нижнихъ чиновъ ранеными, 4 оберъ-офицера 31 нижнихъ чиновъ контуженными и 17 рядовыхъ безъ вѣсти пропало. Кромѣ того, въ отрядѣ генерала Фрейтага убито 14 нижнихъ чиновъ, ранены 1 офицеръ и 69 нижнихъ чиновъ, контужено 8 офицеровъ и 27 нижнихъ чиновъ, безъ вѣсти пропали два человѣка. Лошадей потеряно чрезвычайно много; объ этомъ можно судить потому, что, напримѣръ, въ батареяхъ и паркѣ 14 артиллерійской бригады изъ 665 лошадей на Шаухалъ-Берды уже оставалось только 235 *).

Оставшіеся въ горахъ эшелоны (въ томъ числѣ 3-й батальонъ Кабардинскаго полка) отступили благополучно въ Темиръ-Ханъ-Шуру и только одинъ гарнизонъ Гогатля выдержалъ довольно сильное преслѣдованіе горцевъ, но отбился и въ порядкѣ, съ небольшей потерей, достигъ Мичикала. Эти войска много потерпѣли не отъ непріятеля, а отъ ужасной погоды, свирѣпствовавшей почти все время въ горахъ.

Такъ окончился знаменитый въ лѣтописяхъ кавказской войны походъ въ Андію и Дарго.

Въ Герзель-аулѣ главнокомандующій отдалъ 21-го іюля слѣдующій приказъ по войскамъ: «Воины главнаго дѣйствующаго отряда! наконецъ, твердостію, усердіемъ и неустрашимостію вы исполнили трудный и славный подвигъ, повелѣніе Государя нашего и наше собственное желаніе. Съ самаго начала кампаніи, непріятель со всѣми своими сборищами не могъ вамъ противостоять; онъ оставилъ намъ безъ боя и Ху-

---

*) Собственно Кабардинскій полкъ за походъ 1845 года потерялъ офицеровъ убитыми: полковникъ Ранжевскій, штабсъ-капитанъ Тимоховичъ, поручикъ Маевскій, прапорщики Ильинскій и Войниловичъ; ранены: штабсъ-капитаны Краузъ, Тумановъ, Дуровъ, Кириленко, поручики: Ежовъ, Гейманъ (извѣстный впослѣдствіи въ Азіатской Турціи генералъ) и Измайловскаго полка прикомандированный Козляниновъ; подпоручики: Ходжаевъ, Горбачевскій, Мажаровъ, Кудрявцевъ, прапорщики: Чернявскій, Грушинскій, контужены полковникъ Козловскій, поручикъ Гостоминскій, прапорщики: Рындинъ, Бѣликъ, Ноздрачевъ.

XXXVII.

Донесенія и письма князя Воронцова. — Взглядъ на дѣйствительное значеніе похода 1845 г.—Записка кн. Чернышева. — Рѣшеніе перейти къ систематическимъ дѣйствіямъ.—Положеніе Чечни до экспедиціи 1845 г.—Происшествія въ Веденѣ и распоряженія Шамиля. — Мелкія дѣла 1845 г. — Награды полку.

Въ то время, какъ происходили описанныя событія, Самурскій отрядъ дѣйствовавшій въ южномъ Дагестанѣ, какъ и въ 1844 году, не имѣлъ успѣха: укрѣпленный аулъ Тилитль—мѣстопребываніе Кибитъ-Магомы, одного изъ главнѣйшихъ въ Дагестанѣ поборниковъ мюридизма, не былъ взятъ и князь Аргутиній Долгорукій отступилъ... А Лезгинскій отрядъ нанесъ нѣсколько пораженій лезгинскимъ партіямъ въ верховьяхъ Аварскаго Койсу и своимъ пребываніемъ въ горахъ совершенно обезпечилъ Кахетію отъ набѣговъ; этимъ только и ограничился результатъ его дѣйствій, неимѣвшихъ почти никакого значенія для общаго хода главныхъ операцій противъ Шамиля.

21-го іюля князь Воронцовъ писалъ, между прочимъ, Государю: «Мы сдѣлали, смѣю это сказать, все что могли, чтобы исполнить Вашу волю и долгъ нашъ. Совершеннаго результата къ истребленію Шамиля и его власти и къ немедленному покоренію враговъ нашихъ въ Дагестанѣ, мы достичь не могли, потому, что сіе было невозможно, какъ скоро отъ страха сего преступнаго мятежника и такъ сказать подъ ножемъ его мюридовъ, горныя общества, по одиночкѣ слабыя и между собою ничѣмъ не связанныя, не только не могли намъ покориться, но принуждены были, противъ ихъ желанія, оставлять свои жилища и скрываться въ лѣса и горы, далеко

рахъ страшилищемъ для враговъ нашихъ, и доказательствомъ, что для русскаго солдата нѣтъ ничего невозможнаго. Я горжусь тѣмъ, что имѣлъ честь вами командовать и раздѣлять съ вами труды и опасности, отъ всей души благодарю васъ за усердіе, терпѣніе и неустрашимость, вами оказанныя; и займусь теперь пріятнымъ долгомъ увѣдомить всемилостивѣйшаго нашего государя о подвигахъ всѣхъ и каждаго».

XXXVII.

Донесенія и письма князя Воронцова. — Взглядъ на дѣйствительное значеніе похода 1845 г.—Записка кн. Чернышева. — Рѣшеніе перейти къ систематическимъ дѣйствіямъ.—Положеніе Чечни до экспедиціи 1845 г.—Происшествія въ Веденѣ и распоряженія Шамиля. — Мелкія дѣла 1845 г. — Награды полку.

Въ то время, какъ происходили описанныя событія, Самурскій отрядъ дѣйствовавшій въ южномъ Дагестанѣ, какъ и въ 1844 году, не имѣлъ успѣха: укрѣпленный аулъ Тилитль— мѣстопребываніе Кибитъ-Магомы, одного изъ главнѣйшихъ въ Дагестанѣ поборниковъ мюридизма, не былъ взятъ и князь Аргутиній Долгорукій отступилъ... А Лезгинскій отрядъ нанесъ нѣсколько пораженій лезгинскимъ партіямъ въ верховьяхъ Аварскаго Койсу и своимъ пребываніемъ въ горахъ совершенно обезпечилъ Кахетію отъ набѣговъ; этимъ только и ограничился результатъ его дѣйствій, неимѣвшихъ почти никакого значенія для общаго хода главныхъ операцій противъ Шамиля.

21-го іюля князь Воронцовъ писалъ, между прочимъ, Государю: «Мы сдѣлали, смѣю это сказать, все что могли, чтобы исполнить Вашу волю и долгъ нашъ. Совершеннаго результата къ истребленію Шамиля и его власти и къ немедленному покоренію враговъ нашихъ въ Дагестанѣ, мы достичь не могли, потому, что сіе было невозможно, какъ скоро отъ страха сего преступнаго мятежника и такъ сказать подъ ножемъ его мюридовъ, горныя общества, по одиночкѣ слабыя и между собою ничѣмъ не связанныя, не только не могли намъ покориться, но принуждены были, противъ ихъ желанія, оставлять свои жилища и скрываться въ лѣса и горы, далеко

отъ пути нашего. Живущихъ на самой дорогѣ, Шамиль принуждалъ огнемъ истреблять дома свои, а когда жители сопротивлялись, какъ то было въ самой Анди, то это было сдѣлано противъ ихъ воли и вооруженною рукою его приверженцами. Въ такомъ положеніи, очевидно стало что, съ одной стороны, по ужасному климату горныхъ мѣстъ отъ Буртуная до Андіи, а съ другой, по густымъ лѣсамъ, преграждающимъ сообщеніе отъ Андіи и Дарго съ Чеченскою или Шамхальскою плоскостями, мы никакъ не были въ состояніи на сей годъ прочно основаться и укрѣпиться въ горахъ. Со всѣмъ тѣмъ, входъ нашъ въ горы, въ которыя прежде никто не входилъ, спокойное наше пребываніе въ Андіи, малочисленность сборищъ Шамиля, и блистательный порывъ, съ которымъ войска каждый разъ искали непріятеля и съ нимъ сражались, — все это, смѣю сказать, не можетъ не оставить между горцами слѣдовъ, плоды коихъ непремѣнно окажутся въ послѣдствіи. Мы исполнили Высочайшую волю Вашего Императорскаго Величества, сдѣлали то, что было необходимо, чтобы показать, сколь малосиленъ главный нашъ непріятель въ сопротивленіи противъ русскихъ. Взятіе съ боя и истребленіе Дарго также не можетъ не имѣть сильное вліяніе на общее мнѣніе въ Дагестанѣ и, можетъ быть, на самое положеніе Шамиля. Дарго, конечно, намъ стоило дорого, мы могли оставаться въ Андіи хотя бы до конца лѣта и воротиться на плоскость почти безъ всякой потери, но мы бы воротились не только съ меньшимъ вліяніемъ моральнымъ для будущаго, но воротились бы, смѣю сказать, со стыдомъ, ибо всякій бы сказалъ, и Шамиль бы этимъ воспользовался, что мы не посмѣли идти искать Шамиля, въ самомъ его жилищѣ; весь походъ бы обратился въ пустую прогулку и показалъ бы моральную слабость, которую ничѣмъ вознаградить невозможно. Я не зналъ и никто не зналъ между нами, какія затрудненія представляла намъ дорога отъ Андіи до Дарго; отъ качества сей мѣстности произошли и потери въ экспедиціи за провіантомъ генерала Клюки фонъ-Клугенау, и всѣ затрудненія отъ транспортировки болѣе 700 раненыхъ 10 и 11-го чиселъ, приведенныхъ имъ къ намъ; во время осьмидневнаго

боеваго похода нашего чрезъ Ичкеринскій лѣсъ, въ которомъ отъ одного геройства всѣхъ и каждаго въ ввѣренномъ мнѣ отрядѣ, мы могли получить и получили успѣхъ; но еслибы я и зналъ заранѣе какова была дорога до Дарго, и все это, что она намъ будетъ стоить, я все бы сдѣлалъ то, что мы сдѣлали. Отъ всей души оплакиваю драгоцѣнную кровь моихъ храбрыхъ сподвижниковъ; душевно сожалѣю о значительной нашей потерѣ; но въ войнѣ потери бываютъ необходимы и только тѣ непростительны, которыхъ можно было избѣжать съ честію; потеря же чести превыше всякой другой, и идти назадъ изъ Андіи, безъ занятія Дарго, было бы дѣло постыдное и недостойное оружія Вашего Императорскаго Величества и имени русскаго.

Показавъ въ этомъ году наши силы въ горахъ, доказавъ непріятелю, что ни въ горахъ, ни въ лѣсахъ, нѣтъ мѣста неприступнаго для воиновъ Бѣлаго Царя, и что еслибы нужно было, мы всегда можемъ, и еще легче, познакомясь съ мѣстностью, придти туда, куда столько лѣтъ собирались, но не ходили, намъ остается теперь, какъ мнѣ кажется, идти къ тому же предмету другимъ путемъ, не такъ скорымъ, но вѣрнымъ, окончить и усовершенствовать воздвигнутыя уже новыя укрѣпленія, какъ въ Дагестанѣ такъ и въ Чечнѣ; устроить сперва одно, потомъ и другое новое укрѣпленіе по передней Чеченской линіи; упрочить и утвердить новыя станицы по Сунжѣ, и, сверхъ того, въ семъ же году, занять и укрѣпить Чиръ-юртъ. Это дѣло, по моему мнѣнію, весьма важное; ибо симъ укрѣпленіемъ, занявъ оба берега Сулака, мы совершенно успокоимъ плоскости Шамхальскую и Кумыкскую: водворимъ тамъ полную довѣренность жителей и дадимъ возможность спокойно къ намъ переселиться многимъ желающимъ перейти изъ самыхъ горъ.

Конечно, должно сожалѣть, что князь Аргутинскій не могъ взять Тилитли; но смѣю полагать, что человѣкъ его отличія, военной опытности и дознанной рѣшимости, не уклонился отъ приступа сего мѣста, безъ достаточной причины; особливо когда и врожденное въ человѣкѣ самолюбіе подстрекалось дѣйствіями главнаго отряда противъ Шамиля, и пе-

ожиданными, хотя, впрочемъ, нетрудными успѣхами перваго періода нашей кампаніи. Есть позиціи въ этихъ горахъ, которыми трудно овладѣть, безъ весьма великой потери людей; если какъ Ахульго, Тилитли нельзя было взять (не говоря о возможности неудачи) безъ потери 2-хъ или 3-хъ тысячъ нашихъ храбрецовъ, то можетъ быть князь Аргутинскій и хорошо сдѣлалъ, что не рѣшился на сіе пожертвованіе, для овладѣнія такою мѣстностью, которую въ послѣдствіи все же надобно бы было оставить. При штурмахъ трудныхъ, когда они даже удачны, истребляются иногда цѣлые батальоны или полки и поправить такую потерю, даже въ моральномъ отношеніи, въ послѣдствіи, весьма трудно. Въ дѣлахъ, напротивъ того, подобныхъ тѣмъ, которыя мы имѣли 8 дней сряду отъ Дарго до Герзель-аула, потеря хотя значительна, но между частями войскъ довольно ровна, а такъ какъ Богу было угодно привести насъ цѣлыми и съ честію до пункта, который мы имѣли въ виду, то вмѣсто уменьшенія духа въ войскѣ, каждая часть онаго воспламенилась еще новымъ, получила новое довѣріе къ себѣ, и новое желаніе опять встрѣтиться съ непріятелемъ. Во всякомъ случаѣ, главный предметъ дѣйствій князя Аргутинскаго, т. е. занятіе всѣхъ враждебныхъ силъ южнаго Дагестана и отвлеченіе ихъ отъ всякой помощи Шамилю, равно какъ и отличныя дѣйствія генералъ-лейтенанта Шварца, со стороны Лезгинской линіи, были совершенно удовлетворительны».

На этомъ письмѣ Государь написалъ: «На все согласенъ; совершенно раздѣляю мнѣнія князя Воронцова, предоставляю ему дѣйствовать, какъ онъ признаетъ за лучшее». На подробномъ же описаніи похода, представленномъ 26-го августа изъ Кисловодска, съ приложеніемъ картъ и плановъ сраженій, Императоръ написалъ: «читалъ съ большимъ любопытствомъ и почтеніемъ къ блестящей храбрости войскъ».

Кромѣ щедрыхъ наградъ, данныхъ самимъ главнокомандующимъ по предоставленнымъ ему правамъ, войска получили особыя награды и отъ щедротъ Монарха. Кабардинскій полкъ получилъ знамена съ надписью «за взятіе Анди и Дарго», съ сохраненіемъ прежнихъ надписей. Командиръ полка пол-

ковникъ Козловскій произведенъ въ генералъ-маіоры, а командовавшій 3-мъ батальономъ полковникъ князь Барятинскій получилъ Георгія 4 й степени.

Также въ письмахъ къ князю Чернышеву князь М. С. Воронцовъ не считалъ своего похода неудачею, не взирая на большія потери, и ссылался главнѣйшее на то, что исполнилъ волю Императора и прошелъ не назадъ, а впередъ, не оставивъ непріятелю никакихъ трофеевъ, не бросивъ ни одного раненаго. Въ заключеніе онъ предполагалъ обратить войска, послѣ нужнаго отдыха, на постройку укрѣпленія Чиръ-юрта съ мостомъ чрезъ Сулакъ, на довершеніе укрѣпленій Воздвиженскаго и Темиръ-Ханъ-Шуры; а за тѣмъ зимою на вырубку въ Чечнѣ просѣкъ для свободнаго сообщенія и устройства новыхъ пунктовъ передовой линіи; въ новыхъ же наступательныхъ дѣйствіяхъ не видитъ ни надобности, ни возможности. Что же касается усиленія войсками Кавказскаго корпуса, то, *послѣ такихъ сильныхъ ударовъ, какіе нанесены горцамъ въ экспедицію 1845 гоба*, достаточно и тѣхъ войскъ, какія есть на лицо.

Теперь, на разстояніи 36 лѣтъ, когда и главные дѣятели того періода войны уже подлежатъ суду потомства, а обстоятельства, послѣдовавшія затѣмъ все выяснили и привели къ извѣстнымъ результатамъ, мы можемъ, конечно, сказать, что походъ 1845 г. въ Анди и Дарго съ одной стороны былъ рядомъ блестящихъ, геройскихъ подвиговъ, высказавшихъ еще разъ неоцѣнимыя качества русскихъ войскъ, но, съ другой, это была полнѣйшая для насъ неудача; непріятель нетолько не смутился нашимъ вторженіемъ съ большими силами въ нѣдра его владѣній, а, напротивъ, поднялся и въ собственныхъ глазахъ, и въ глазахъ всего кавказскаго населенія, не исключая христіанъ и даже самихъ русскихъ, на небывалую высоту; его дерзость послѣ этого возрасла до крайнихъ размѣровъ. Десять дней, съ 10-го по 20-е іюля, слѣдуетъ рѣшительно считать рядомъ торжества Шамиля надъ нами, торжества еще болѣе полнаго, чѣмъ успѣхи его въ 1843 году въ Дагестанѣ!

Но за то это было послѣднее его торжество и послѣдняя, дорогая плата наша за урокъ. Князь Воронцовъ окончательно

убѣдился въ безполезности всякихъ «сокрушеній» и въ необходимости постепеннаго овладѣнія плоскостью Чечни, прежде чѣмъ помышлять о прочномъ водвореніи въ горахъ Дагестана. Императоръ Николай тоже возвратился къ этому убѣжденію, отказался отъ настойчиваго требованія «разбить скопища Шамиля и утвердиться въ центрѣ его владычества», предоставивъ совершенно усмотрѣнію главнокомандующаго всѣ дальнѣйшія предположенія и дѣйствія на Кавказѣ.

Князь Чернышевъ воспользовался исходомъ наступательныхъ дѣйствій 1845 года, чтобы напомнить о своихъ прежнихъ соображеніяхъ, требовавшихъ другой системы и представилъ Государю докладъ, въ которомъ, само собою, весьма осторожно обходилъ обстоятельства, истекавшія изъ личной воли Императора, и излагалъ только свой взглядъ на дальнѣйшія предпріятія. Докладъ этотъ очень интересный документъ, и я привожу его здѣсь in extenso.

«Полагая, что князь Воронцовъ, вникнувъ въ характеръ войны съ горцами, не замедлитъ представить соображенія свои на счетъ будущаго направленія дѣйствій нашихъ на Кавказѣ, и, имѣя въ виду предстоящій отъѣздъ Вашего Императорскаго Величества *), побуждаюсь важностью сего вопроса всеподданнѣйше доложить, что послѣднія событія въ Нагорномъ Дагестанѣ и Ичкеріи, еще болѣе утвердили меня въ мнѣніи, которое имѣлъ я счастіе доводить до Высочайшаго свѣдѣнія Вашего, по возвращеніи моемъ съ Кавказа и въ исходѣ минувшаго года.

Въ 1842 году, обсудивъ на мѣстѣ вѣрнѣйшіе и удобнѣйшіе способы къ покоренію горскихъ племенъ, удостовѣрился я въ необходимости отказаться отъ безплодныхъ поисковъ въ нѣдра горъ и обратиться къ занятію плоскостей, посредствомъ учрежденія передовыхъ линій, для постепеннаго и прочнаго достиженія нашей цѣли. Основанія эти удостоились тогда Высочайшаго одобрѣнія Вашего.

Въ концѣ 1843 года, непредвидѣнное вторженіе Шамиля въ Аварію и дальнѣйшіе успѣхи его въ среднемъ и южномъ

*) Императоръ собирался въ путешествіе заграницу.

Дагестанѣ потребовали безотлагательнаго усиленія войскъ Кавказскаго корпуса. Неожиданное для горцевъ появленіе 5-го корпуса на Кавказѣ, должно была произвести на нихъ сильное нравственное впечатлѣніе. Обстоятельство это допускало надежду на возможность нанести мятежникамъ ударъ рѣшительный и потому предположено было, отступивъ на 1844 годъ отъ принятой системы дѣйствій, воспользоваться прибытіемъ 5-го корпуса на Кавказъ, чтобы проникнуть въ горы.

Но кампанія минувшаго года не оправдала сей надежды. Упустивъ самый благопріятный случай для пораженія Шамиля, мы утратили выгоды моральнаго впечатлѣнія, произведеннаго на туземцевъ внезапнымъ прибытіемъ 5-го корпуса; однако возведеніе Воздвиженскаго укрѣпленія было дѣломъ полезнымъ, въ видахъ учрежденія передовой Чеченской линіи.

Сообразивъ ходъ и послѣдствія сей кампаніи, считалъ я необходимымъ возвратиться къ предположенной въ 1842 году системѣ дѣйствій. Примѣняя эту систему къ кампаніи текущаго года, я полагалъ:

1) Употребить нынѣ войска наши для продолженія передовой Чеченской линіи, устройства Сулакской линіи и утвержденія нашего въ южномъ Дагестанѣ.

2) Предоставить мѣстному начальству предпринимать наступательныя дѣйствія въ горы по ближайшему усмотрѣнію удобнѣйшаго для того времени и лишь съ достовѣрною надеждою на успѣхъ.

Послѣдняя экспедиція въ Анди и Дарго покрыла войска наши новою славою и показала, что онѣ сохраняютъ въ самыхъ невыгодныхъ обстоятельствахъ свойственныя имъ твердость, неустрашимость и самоотверженіе. Но, къ сожалѣнію, опытъ прежнихъ лѣтъ ведетъ къ заключенію, что экспедиція эта, стоившая намъ весьма чувствительныхъ пожертвованій, не принесетъ существенной пользы.

Вѣроятно, что коварный Шамиль, приписывая себѣ побѣду въ Ичкеринскихъ лѣсахъ, воспламенитъ фанатизмъ горцевъ и подыметъ ихъ на дерзкія покушенія противъ занятаго нами края. Столь же вѣроятно, что онъ распространитъ въ мусульманскихъ провинціяхъ нашихъ преувеличенныя извѣ-

стія о потеряхъ, понесенныхъ нами въ Ичкеріи. Извѣстія эти приняты будутъ съ радостью потому, что наружная покорность мусульманъ правительству скрываетъ тайную, искреннюю приверженность къ ихъ единовѣрцамъ; при шаткомъ расположеніи народа, нельзя ручаться за сохраненіе внутренняго спокойствія въ этихъ провинціяхъ, если бы имъ представился удобный случай къ возмущенію.

По симъ уваженіямъ убѣждаюсь я что за Кавказомъ необходимо принять нынѣ же усиленныя мѣры наблюденія и предосторожности и вмѣстѣ съ тѣмъ приступить на Кавказѣ къ неуклонному исполненію системы дѣйствій, Высочайше одобренной въ 1842 году.

Постепенно устраивая и подвигая линіи наши впередъ, мы сократимъ ихъ протяженіе. По мѣрѣ стѣсненія непріятеля, раздробленныя теперь войска наши сосредоточатся на меньшемъ пространствѣ и, такимъ образомъ, не подвергаясь гибельнымъ случайностямъ, пріобрѣтемъ мы съ каждымъ годомъ большія удобства къ отраженію и преслѣдованію мятежныхъ горцевъ, впредъ до совершеннаго ихъ покоренія».

На этомъ докладѣ Государь написалъ, что раздѣляетъ взгляды князя Чернышева. Однако, предоставивъ окончательно князю Воронцову самостоятельно дѣйствовать, уже не повелѣлъ посылать ему соображеній, въ Петербургѣ составляемыхъ. Въ этомъ нельзя не видѣть высокой черты характера покойнаго Императора Николая: два раза настойчивыя требованія его оказались неудобоисполнимыми, сопряженными съ большими жертвами: 1-е устройство Черноморской береговой линіи, 2-е сокрушеніе однимъ рѣшительнымъ ударомъ власти Шамиля въ горахъ. Но первое вызывалось важными политическими соображеніями и отъ него нельзя было отказаться, безъ явнаго ущерба нашему положенію на востокѣ и потому, во чтобы ни стало, повелѣно привести его въ исполненіе. Отъ втораго же Государь незамедлилъ отказаться, какъ только убѣдился, что не одна нерѣшительность генерала Нейдгардта была причиною неуспѣха.

Генералъ Фрейтагъ, въ бытность начальникомъ лѣваго фланга, умѣлъ найдти отличныхъ лазутчиковъ, доставлявшихъ

ему не только вѣрныя, по и весьма важныя и интересныя свѣдѣнія. Прочитывая внимательно его военные журналы, а также представлявшіеся въ его отсутствіе генералъ-лейтенантомъ Гасфортомъ, (начальн. 15-й пѣхотной дивизіи) нельзя не видѣть, что еслибы этимъ свѣдѣніямъ было посвящено больше вниманія и обсужденія, то можетъ быть еще раньше убѣдились бы въ безполезности движенія въ горы и въ чрезвычайной важности такихъ предпріятій, какъ постройка кр. Воздвиженской, названной горцами «бѣльмомъ на чеченскомъ глазѣ».

Нѣсколько разъ въ теченіе зимы (1844—45 г.) населеніе Чечни возвышало ропотъ и опасенія за будущую судьбу; казалось, заявленія ими покорности русскому правительству можно было ожидать со дня на день и, быть можетъ, это состоялось бы, еслибы въ Грозной и Воздвиженской было достаточно средствъ продолжать съ декабря по мартъ и апрѣль настойчивыя движенія для рубки просѣкъ, уничтоженія запасовъ и разоренія ауловъ. Но у насъ не было достаточно заготовленнаго сѣна и вообще былъ недостатокъ въ кавалеріи, да и батальоны были только тѣ, которые, пробывъ все лѣто и осень 1844 года въ походахъ и на работахъ, были до крайности утомлены, обносились и требовали отдыха и приготовленія къ предстоявшимъ весною дѣйствіямъ. А Шамиль, между тѣмъ, посредствомъ своихъ наибовъ и муллъ, большею частью ради собственныхъ интересовъ, безгранично ему преданныхъ, и чрезъ разсѣянныхъ повсюду мюридовъ-шпіоновъ, бдительно слѣдилъ за всякимъ слухомъ о происходящемъ между чеченцами, жестоко казнилъ всякаго заподозрѣннаго въ наклонности покориться русскимъ, преслѣдовалъ за малѣйшія сношенія не только съ русскими, но даже съ покорными намъ жителями, строго запрещая пріобрѣтать чрезъ нихъ какіе либо товары и соль, и приказывалъ ѣхать за нею въ Андію или въ Галашевскіе аулы, въ верховьяхъ р. Ассы. Все это крайне тяготило чеченцевъ; но отсутствіе крѣпкой руководительной силы и единства, страхъ предъ наибами, религіозная и расовая ненависть къ намъ смѣшивались, состав-

ляя неодолимыя препятствія къ выходу изъ невыходимаго положенія.

Шамиль нѣсколько разъ собиралъ къ себѣ въ Ведень (куда онъ перенесъ свою резеденцію послѣ истребленія Дарго) чеченскихъ наибовъ и старшинъ, для совѣщаній по поводу положенія ихъ дѣлъ; упрекалъ ихъ въ слабомъ сопротивленіи русскимъ войскамъ при постройкѣ кр. Воздвиженской и особенно на сообщеніи ея съ Грозной; требовалъ новой присяги, бралъ новыхъ аманатовъ и утѣшалъ обѣщаніями скораго прихода съ большими силами и артиллеріею для атаки Воздвиженской. Такимъ образомъ, самъ непріятель показывалъ что ему наноситъ наичувствительнѣйшій вредъ и гдѣ его слабая, болѣе уязвимая сторона; чеченцы были вполнѣ увѣрены, что русскіе, убѣдившись въ важномъ значеніи Воздвиженской, не теряя времени, приступятъ къ новымъ такого же рода постройкамъ въ Малой и Большой Чечнѣ. Они упрекали Шамиля въ его бездѣйствіи и заподозрили его въ тайныхъ сношеніяхъ съ нашими властями, съ намѣреніемъ помириться на выгоднѣйшихъ лично для него условіяхъ, предоставивъ вовлеченныхъ имъ же въ возмущеніе жителей на жертву русской мести.

Но Шамиль отлично зналъ заранѣе, что мы собираемся не крѣпости строить въ Чечнѣ, а идти въ Дарго. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, находившійся въ Дарго въ плѣну нашъ офицеръ Ломидзе нашелъ случай переслать въ Грозную записку, что у Шамиля ожидаютъ прихода русскихъ войскъ и опасаются за Дарго. Шамиль по этому не раздѣлялъ опасеній чеченцевъ; но чтобы ихъ и вообще горцевъ разувѣрить въ истинѣ распущеннаго слуха, будто онъ намѣренъ войти въ сношеніе съ русскими властями, этотъ варваръ прибѣгъ къ средству, только и возможному со стороны дикаго фанатика: онъ приказалъ вывести 37 человѣкъ, томившихся съ 1843 года въ ужасномъ плѣну (16 офицеровъ и 21 нижнихъ чиновъ) на площадку и разстрѣлять картечью!..

Однако во все это время, т. е. за зиму 1844—45, чеченцы не прекращали своихъ набѣговъ въ наши предѣлы, иногда

и весьма удачно. Они успѣвали прорываться далеко за Терекъ, къ Кизляру, и съ захваченной добычей благополучно возвращаться. 12-го же апрѣля, какъ уже было упомянуто, огромное скопище атаковало укр. Умаханъ-юртъ и разграбило два аула мирныхъ чеченцевъ, подъ самыми выстрѣлами крѣпостныхъ пушекъ. Находившійся тогда въ укрѣпленіи Куринскомъ съ 2-мя батальонами полковникъ Ранжевскій спѣшилъ съ двумя ротами и однимъ орудіемъ на помощь къ Умаханъ-юрту, но не доходя до него версты три, въ неудобной мѣстности, былъ окруженъ толпой горцевъ и вынужденъ отбиваться все время, пока остальные горцы грабили аулы. Ранжевскій потерялъ 10 человѣкъ и пришелъ въ Умаханъ-юртъ когда непріятель уже отступилъ.

Изъ числа происшествій 1845 года, имѣющихъ отношеніе къ нашему полку, можно упомянуть о нападеніи партіи чеченцевъ, около ста человѣкъ, 4 октября, близь Магометова поста, на команду изъ 25 человѣкъ, подъ начальствомъ поручика Левченко, прикрывавшую порціонный скотъ, слѣдовавшій съ линіи во Внезапную. Невзирая на четверныя силы и внезапность нападенія, непріятель не имѣлъ ни какого успѣха, благодаря порядку и распорядительности офицера.

19-го октября, во время рубки лѣса близь укрѣпленія Куринскаго, значительная партія атаковала роту линейнаго батальона, но наша 6-я егерьская рота быстро явилась на выручку и прогнала чеченцевъ; при этомъ пропалъ безъ вѣсти нашъ юнкеръ Богдановъ.

24-го числа хищники напали на полковой табунъ нашъ пасшійся верстахъ въ 2-хъ отъ Кизляра, подъ прикрытіемъ всего нѣсколькихъ человѣкъ фурштатовъ, убили деньщика генерала Лабынцева, ранили одного рядоваго и угнали всѣхъ лошадей; но прискакавшіе по тревогѣ казаки успѣли большую часть отбить назадъ.

Съ декабря мѣсяца генералъ Фрейтагъ приступилъ къ тѣмъ систематическимъ дѣйствіямъ, которыя должны были привести къ окончательнымъ результатамъ и проявились чрезъ 14 лѣтъ на Гунибѣ. Онъ приступилъ къ рубкѣ просѣкъ въ Гойтинскомъ лѣсу. Кабардинскіе батальоны не входили въ

составъ отряда генерала Фрейтага и потому не описываю его дѣйствій. Рубка производилась успѣшно всю зиму, падали вѣковыя деревья, въ чащахъ, служившихъ такою крѣпкою защитою чеченцамъ, открывались свободные широкіе проходы и населеніе тогда же сказало: «топорами покорятъ насъ русскіе»...

1845 годъ, стоившій намъ огромныхъ жертвъ (во всѣхъ отрядахъ вмѣстѣ потеря заключалась: убитыми 3 генерала, 50 штабъ и оберъ-офицеровъ, 1338 нижнихъ чиновъ, ранеными 211 штабъ и оберъ-офицеровъ, 3517 нижнихъ чиновъ, въ милиціи убито и ранено до 750 человѣкъ, да безъ вѣсти пропало человѣкъ 80), будетъ весьма памятенъ Кавказу. Самое назначеніе князя Воронцова, званіе намѣстника и главнокомандующаго, присвоенныя ему большія права, щедрыя, сравнительно съ прежними, средства, ему данныя, при собственномъ его богатствѣ, высокомъ положеніи, какъ именитаго, извѣстнаго государственнаго человѣка, уже составляютъ эпоху въ исторіи края, принявшаго съ тѣхъ поръ, можно сказать, совершенно новую физіономію; описанная же экспедиція, измѣнившая всю систему военныхъ дѣйствій, и во всѣхъ отношеніяхъ улучшенный бытъ войскъ, до этого времени крайне мало обезпеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи, составляютъ совершенный переломъ въ исторіи кавказской войны и въ военно-административномъ раздѣленіи края, тѣмъ болѣе, что и личный составъ на всѣхъ высшихъ постахъ совершенно измѣнился и вообще повѣяло совсѣмъ инымъ, свѣжимъ духомъ *).

---

*) За 1845 годъ получены полкомъ награды: командиръ полка Козловскій произведенъ въ генералъ-маіоры, маіоры Майдель и Тиммерманъ въ подполковники; шт.-кап. Краузъ въ капитаны; поручики Щербаковъ, Киселевъ, Сверчковъ, Гостеминскій, подпоручики Алалаевъ, Берсенадзе, прапорщики Куриловъ, Чернявскій, Рындинъ, Кудрявцевъ, Навроцкій,—всѣ въ слѣд. чины; фельдфебель Іуда Власовъ, юнкера: Андрускій, Эрнъ, Ноздрачевъ, Богдановичъ, Канавинъ, Степановъ, Ильинскій, Васильевъ, Пожидаевъ, Кацуцевичъ, Прохоровъ, князь Дмитрій Святополкъ-Мирскій, Ярошевицкій, Кистеневъ, Озерковскій, Касаевъ, Суриновичъ, Максимовичъ, Щелкачевъ, Трасенбергъ, Медвѣдевъ, Джаджановъ, Шамировъ, Длотов.

30-го ноября партія чеченцевъ опять бросилась на рубившихъ близь Куринскаго лѣсъ людей Кабардинскаго полка, но была отражена; при этомъ у насъ 1 рядовой убитъ и 7 ранено.

Въ составъ отряда назначеннаго для постройки укрѣпленія Чиръ-юртъ поступилъ съ 1-го октября нашъ 3-й батальонъ, а остальные батальоны оставались во Внезапной, Куринскомъ и Ташкичу.

Въ декабрѣ полковникъ Козловскій дѣлалъ набѣги на Мичикъ, рубилъ понемногу просѣки, истреблялъ запасы непокорнаго населенія и проч. 4-го декабря онъ разорилъ аулъ Наимберды; при отступленіи у насъ раненъ 1 офицеръ и 15 нижнихъ чиновъ. Того же числа подпоручикъ Шангизъ, бывшій у Анбулатъ-юрта съ 20 егерями въ секретѣ, захватилъ непріятельскую шайку, возвращавшуюся изъ за Терека съ

скій, Петровскій, Скобенко, Броцкій, Безобразовъ, Даниловъ 1-й, Даниловъ 2-й, Перепелицынъ, Липскій, Хлѣбниковъ, Исайскій, Пеотровъ, Васильевъ 2-й, Апыхтинъ, Урусовъ, Плещеевъ, Кириловъ, Богдановъ, Крашевскій, Платкинъ, Кульжинскій, Криворучковъ, Давыдовъ, Берцъ,—18 человѣкъ—въ прапорщики. Владиміра 4-й ст. маіору Майделю, штабъ-капитанамъ—Нейману, Данилову, поручику Мажарову, подпоручику Алалаеву, лекарю Фолькмуту; Анну 2-й ст. подполковникамъ Гротенфельду и Тиммерману лекарю Александровичу, 3-й ст. штабсъ-капитанамъ Дурову, Цытовскому, поручикамъ Сверчкову, Горяинову, Сальти, Ежову, Кунцу, Бѣляеву, подпоручикамъ Гаркушевскому, Ходжіеву, Нѣмцову, прапорщику Лалошу, лекарю Верминскому; Анну 4-й ст. подпоручикамъ Савинскому, Марковскому, Качинскому, Мажарову, прапорщикамъ Жебровскому, Прошинскому, Куэьмиву, Рындину и Бѣлику; Станислава 2-й ст. штабсъ-капитану Данилову, 3-й ст. подпоручику Грушецкому, Флоринскому, прапорщикамъ Долоша, Курилову, Кудрявцеву, Козлянинову, Навроцкому, Потолову; наперсный крестъ священнику Смольянскому; нижнимъ чинамъ 142 георгіевскихъ креста; многіе офицеры и медики получили кромѣ того годовые и полугодовые оклады жалованья, многимъ офицерамъ и унтеръ-офицерамъ уничтожены штрафы по прежнимъ подсудностямъ. большое число нижнихъ чиновъ получили добавочныя пенсіи на кресты (что нынѣ 3-й и 2-й степеней) и нѣсколько разжалованныхъ въ рядовые изъ офицеровъ высочайше произведены въ унтеръ-офицеры. Наконецъ 1 и 2-му батальонамъ знамена съ прибавленіемъ къ прежнимъ надписямъ: «за походъ въ Андію въ іюнѣ и взятіе Дарго 6-го іюля 1845 г.», а 3-му къ прежнимъ надписямъ—«за походъ въ Андію въ іюнѣ 1845 года».

нѣсколькими арбами, нагруженными хлѣбомъ. Встрѣченные залпомъ хищники, бросивъ убитаго товарища и свои арбы, бѣжали. Подобнаго рода мелкія стычки, перестрѣлки и тревоги были почти обыкновеннымъ, ежедневнымъ явленіемъ, и весь полкъ проходилъ эту своеобразную школу постоянной войны, вырабатывая типы кавказскихъ воиновъ, которымъ удивлялись люди, подобныя князю Воронцову, видѣвшіе на своемъ вѣку довольно боевыхъ армій въ такія эпохи, какъ отечественная война.

СПИСОКЪ ПОЛКОВЫХЪ КОМАНДИРОВЪ *).

1) Полковникъ фонъ-Девицъ, со дня сформированія полка въ январѣ 1726 г.—Въ 1732 г. произведенъ въ бригадиры и назначенъ комендантомъ въ Ригу.

2) Полковникъ фонъ-Пфеникъ-Биръ, въ теченіе одного года; былъ назначенъ изъ Дагестанскаго полка, а въ 1733 г. переведенъ командиромъ Выборгскаго полка.

3) Подполковникъ Иванъ Красногородцевъ, изъ Шлиссельбургскаго полка, временно командовалъ по 1734 г. полкомъ, затѣмъ переведенъ въ Азовскій полкъ, а впослѣдствіи комендантомъ въ Кизляръ.

4) Полковникъ Варѳоломей Нечаевъ, изъ Кексгольмскаго полка, командовалъ до 1736 г., а въ этомъ году убылъ неизвѣстно куда.

5) Полковникъ Ѳедоръ Тамуринъ, въ 1738 году выбылъ неизвѣстно куда.

6) Полковникъ Иванъ Вульфъ, 1738 по 1747 годъ; въ этомъ году былъ командированъ для производства слѣдствія (неизвѣстно о чемъ) въ Сибирь; съ 1749 по 1751 г. опять показанъ въ полку, въ 1752 произведенъ въ бригадиры, съ назначеніемъ на должность въ Сибирь.

7) Подполковникъ князь Григорій Дука, съ 1747 по 1752 г. командовалъ полкомъ, а въ семъ году вышелъ въ отставку.

8) Подполковникъ Яковъ Ломанъ, изъ Апшеронскаго полка съ 1752 по 1756 г.; куда убылъ неизвѣстно.

9) Полковникъ Зотра, съ 1756 по 3-е мая 1759 г., а сего числа умеръ.

10) Преміеръ-Маіоръ Андрей Падлецкой, съ 1759 по 1767 г., но куда выбылъ неизвѣстно.

---

*) Дополнить списокъ полковыхъ командировъ мнѣ удалось, послѣ трудныхъ, продолжительныхъ розысковъ, уже при самомъ окончаніи исторіи, когда I-й т. былъ отпечатанъ.

11) Полковникъ баронъ Іосифъ Андреевичъ Игельштромъ, съ 1767 по 1770 г. Произведенъ въ бригадиры и командовалъ бригадой, въ которую входилъ Кабардинскій полкъ. Отличный офицеръ, 32-хъ лѣтъ ком. полка; изъ лифляндскихъ дворянъ; былъ въ саксонской службѣ, а въ 1756 г., принятъ въ русскую, капитаномъ; участвовалъ въ семилѣтней войнѣ и раненъ въ сраженіи при Гросъ-Эгерндорфѣ. Въ 1766 году участвовалъ въ дѣлахъ съ польскими конфедератами и раненъ въ правую руку подъ Краковомъ. Впослѣдствіи—главнокомандующій русскими войсками въ Варшавѣ во время возмущенія Костюшки.

12) Полковникъ Францъ Николаевичъ Кличка, съ 1770 по сентябрь 1775 г. изъ Ярославскаго полка. Съ производствомъ въ бригадиры назначенъ комендантомъ въ Ростовъ-на-Дону, затѣмъ генералъ-маіоромъ и губернаторомъ въ Новгородъ, а въ 1785 г., въ чинѣ генералъ-поручика и губернатора орловско-курскаго, умеръ. Изъ австрійскихъ славянъ, католическаго исповѣданія. Отличный боевой офицеръ, создавшій въ турецкую войну 1769—75 г. славу Кабардинскаго полка.

13) Полковникъ Николай Алексѣевичъ Ладыженскій, съ 22-го сентября 1775 по 24-е ноября 1780 г. Произведенъ въ бригадиры и комендантомъ въ Оренбургъ. До назначенія командиромъ полка служилъ во 2-й арміи; но въ какомъ полку неизвѣстно, а послѣ, въ такъ называемомъ, Астраханскомъ корпусѣ, подъ начальствомъ генерала Якоби, съ которымъ и участвовалъ въ разныхъ дѣлахъ съ черкесами, возникшихъ съ прибытіемъ полка на кавказскую (моздокскую) линію.

14) Полковникъ Людвигъ Нагель, съ 24-го ноября 1780 по 21-е апрѣля 1789 г. Изъ 2-го Оренбургскаго драгунскаго полка. Происходилъ изъ голландскаго шляхетства; въ русскую службу вступилъ по вызову, въ 1748 году. Въ чинѣ поручика, въ 1760 г. участвовалъ во взятіи Берлина, въ 1761 г. при овладѣніи Кольбергомъ; послѣ въ Польшѣ противъ мятежниковъ, гдѣ былъ раненъ въ щеку; 16-го іюля 1770 г. онъ загналъ большую партію конфедератовъ за венгерскую границу, принудивъ ее положить оружіе, каковой подвигъ былъ Высочайше признанъ образцовымъ; разбилъ нѣсколько значительныхъ конфедератныхъ предводителей и участвовалъ во взятіи Кракова. Въ Крыму, командуя Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ, нѣсколько разъ разбивалъ бунтовавшихъ татаръ въ 1776—78 г. Наконецъ, одержалъ славную побѣду надъ Шеихъ-Мансуромъ въ 1785 г. Вообще Нагель былъ

выдающійся офицеръ. Въ 1787 г. произведенъ въ бригадиры, въ 1789 г., въ генералъ-маіоры и командующимъ дивизіею.

15) Полковникъ Дмитрій Васильевичъ Корсаковъ съ 21 апрѣля 1789 г. по 4-е декабря 1797 г. Изъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, въ который вступилъ на службу въ 1762 г. Въ военныхъ дѣлахъ нигдѣ не участвовалъ. Съ производствомъ въ бригадиры, а затѣмъ въ генералъ-маіоры, назначенъ шефомъ Апшеронскаго полка.

16) Полковникъ князь Афонасій Егоровичъ Ураковъ, съ 4-го декабря 1797 г. кратковременно. Объ немъ никакихъ свѣдѣній нѣтъ.

Съ этого времени, въ теченіи шестнадцати лѣтъ, командовали шефы, но старшій баталіонный командиръ назывался полковымъ комадиромъ и баталіоны носили названія: 1-й шефскій, 2-й полковаго командира, а 3-й по фамиліи батальонера; роты тоже назывались по фамиліямъ своихъ командировъ.

Такихъ номинальныхъ полковыхъ командировъ было семь, а именно:

Маіоръ Ермолай Вышеславцевъ, съ 23-го августа 1798 по 9-е ноября 1799 г.

Маіоръ Петръ Лыковъ, съ 29-го апрѣля 1800 по 8-е октября того же года.

Подполковникъ Карлъ Соленіусъ, съ 3-го марта 1804 по 20-е января 1808 г.

Полковникъ князь Георгій Эристовъ, съ 11-го сентября 1809 по 12-е апрѣля 1810 г. Послѣ этого назначенъ шефомъ Суздальскаго полка.

Подполковникъ Григорій Ковалевъ, съ 22-го іюля 1810 по 24-е августа 1811 г.

Подполковникъ Павелъ Степановъ, съ 24-го августа 1811 по 2-е октября 1814 г., до упраздненія шефовъ. Съ этого времени опять уже началось дѣйствительное командованіе полковыхъ командировъ.

17) Полковникъ графъ Николай Николаевичъ Гудовичъ, съ 1-го января 1816 по 28-е января 1817 г. изъ Преображенскаго полка. Вышелъ въ отставку.

18) Подполковникъ князь Иванъ Орбельянъ, съ 28-го января 1817 по 4-е ноября 1819 г., когда генералъ Ермоловъ назвалъ Кабардинскій полкъ Ширванскимъ и всѣ офицеры, съ полковымъ командиромъ включительно, Высочайшимъ приказомъ переведены

въ Ширванскій полкъ. Князь Орбельянъ былъ храбрый изъ храбрѣйшихъ, весь израненный въ бояхъ съ лезгинами и хевсурами.

19) Подполковникъ Николай Подпрятовъ, (бывшаго Казанскаго полка) командовалъ до 14-го марта 1824 г. и съ производствомъ въ полковники, за болѣзнью, послѣ 40 лѣтъ службы, уволенъ въ отставку.

20) Подполковникъ Булгаковъ, съ 26-го іюня 1824 г. по 17-е января 1826 г. Изъ Каспійскаго морскаго баталіона; уволенъ въ отставку за болѣзнью, какъ значится въ приказѣ, но въ сущности по приказанію ген. Ермолова,—о чемъ упомянуто въ исторіи полка.

21) Подполковникъ Швецовъ, съ 17-го января 1826 г. по 8-е іюня 1829 г. Изъ Грузинскаго гренадерскаго полка. Въ чинѣ полковника умеръ въ Эрзерумѣ. Былъ храбрый офицеръ, весьма уважаемый А. П. Ермоловымъ.

22) Подполковникъ Михаилъ Касприцкій, съ 6-го декабря 1829 года по 5-е іюня 1831 г., когда онъ исключенъ умершимъ. Въ службѣ былъ съ 1808 года, участвовалъ въ отечественной войнѣ, былъ при взятіи Парижа, служа въ Крымскомъ пѣхотномъ полку; затѣмъ съ производствомъ въ маіоры былъ переведенъ въ Нашебургскій, а подполковникомъ въ 39-й Егерскій полкъ, изъ котораго и назначенъ командиромъ Кабардинскаго полка.

23) Подполковникъ Николай Коломейцовъ, съ 5-го іюня 1831 г. по 7-е октября 1832 г. Въ службѣ былъ съ 1804 г. въ Подольскомъ пѣхотномъ полку, съ которымъ и участвовалъ во всѣхъ кампаніяхъ съ 1805 по 1815 годъ, а затѣмъ уже, служа въ Нашебургскомъ полку, находившемся въ Персіи и Турціи, въ чинѣ подполковника назначенъ командующимъ Кабардинскимъ полкомъ.

24) Полковникъ Александръ Пирятинскій, съ 7 октября 1832 по 22 декабря 1838 г: Въ службѣ былъ съ 1800 г. въ Преображенскомъ полку подпрапорщикомъ, изъ котораго произведенъ въ прапорщики въ Навагинскій полкъ; а изъ этого въ чинѣ подполковника переведенъ въ Бутырскій полкъ, съ которымъ прибылъ на Кавказъ, и за отличіе въ дѣлахъ произведенъ въ 1831 г. въ полковники. Происходилъ изъ дворянъ Полтавской губерніи. Участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ, происходившихъ въ Закубанскомъ краѣ съ черкесами съ 1815 до 1827 г., затѣмъ въ персидскую кампанію при взятіи Ардебиля. По возвращеніи оттуда, въ 1830 году, Пирятинскій опять безпрерывно находился во всѣхъ экспедиціяхъ съ генералами Эмануелемъ и Вельяминовымъ въ Кабардѣ и землахъ

черкесскихъ племенъ; затѣмъ и въ разныхъ дѣлахъ въ Чечнѣ, Аухѣ и проч. Былъ два раза сильно контуженъ. Ордена имѣлъ всѣ, какія обыкновенно давались за военныя отличія до генеральскаго чина; послѣ производства въ этотъ чинъ назначенъ начальникомъ центра Кавказской линіи.

25) Генералъ-маіоръ Иванъ Михайловичъ Лабынцевъ, съ 22 декабря 1838 по 21 февраля 1842 г., изъ дворянъ Тульской губерніи, родился въ 1801 году. Три раза былъ сильно контуженъ. Подробныя свѣдѣнія о службѣ и характеристику Лабынцева читатель найдетъ во III томѣ исторіи.

26) Генералъ-маіоръ Викентій Михайловичъ Козловскій, съ 21 февраля 1842 по 23 февраля 1847 г., изъ дворянъ Могилевской губерніи. Воспитанникъ дворянскаго полка, выпущенный въ 1815 году прапорщикомъ въ 16-й егерскій полкъ. Съ 1819 г. участвовалъ въ разныхъ дѣлахъ въ Чечнѣ, съ производствомъ въ 1824 г. въ маіоры переведенъ въ Ширванскій, а въ чинѣ подполковника въ 1834 г. въ Тифлисскій полкъ; затѣмъ зачисленъ по арміи, начальствовалъ войсками въ Абхазіи и оттуда назначенъ командующимъ Кабардинскимъ полкомъ. Большія подробности и характеристику Козловскаго читатель найдетъ въ III томѣ исторіи полка.

27) Свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. Съ 20 февраля 1847 по 8 апрѣля 1850 г. Служба генералъ-фельдмаршала, съ именемъ котораго связанъ Кабардинскій полкъ навсегда, такъ извѣстна, что считаю излишнимъ приводить здѣсь какія либо особыя подробности. Выпущенный въ 1833 г. корнетомъ въ Гатчинскій кирасирскій полкъ 19-ти лѣтъ, послѣ отличій и тяжелой раны въ дѣлахъ съ горцами, зачисленный въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ и назначенный адъютантомъ къ Наслѣднику Цесаревичу, затѣмъ флигель-адъютантомъ, князь Барятинскій въ 1845 г. командовалъ нашимъ 3-мъ батал., а въ 1846 году принялъ полкъ. Подробности объ немъ помѣщены въ III томѣ исторіи.

28) Генералъ-маіоръ баронъ Егоръ Ивановичъ Майдель, съ 6 апрѣля 1850 по 25 іюня 1852 г. Изъ штабсъ-капитановъ измайловскаго полка, въ 1845 г. переведенъ маіоромъ въ Кабардинскій полкъ, командиромъ котораго и назначенъ въ 1850 г. Характеристику его читатель найдетъ въ III томѣ.

29) Свиты Его Величества генералъ-маіоръ баронъ Леонтій Павловичъ Николаи, съ 25 іюня 1852 по 6 сентября 1857 г. Началъ службу во флотѣ, перешелъ въ драгуны, поступилъ въ воен-

ную академію, вышелъ въ генеральный штабъ, участвовалъ въ дѣлахъ съ отрядомъ князя Аргутинскаго въ Дагестанѣ, послѣ въ Венгерской кампаніи, затѣмъ переведенъ въ Кабардинскій полкъ въ 1850 г., а въ 1852 принялъ полкъ отъ барона Майделя. Объ немъ также смотри подробности въ III томѣ.

30) Свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь Дмитрій Ивановичъ Святополкъ-Мирскій, съ 6 сентября 1857 по 12 апрѣля 1859 г. Началъ службу юнкеромъ въ Кабардинскомъ полку въ 1844 году и произведенный за экспедицію 1845 года въ прапорщики, князь Мирскій, послѣ многихъ служебныхъ перемѣнъ въ 1856 г. принялъ Кабардинскій полкъ. Отличаясь блистательною личною храбростью, князь тяжело раненый въ 1848 г. при взятіи Гергебиля, второй разъ раненъ также на вылетъ въ грудь въ Крымскую кампанію въ сраженіи 4 августа 1855 г. на Черной рѣчкѣ. Объ немъ читатель найдетъ тоже подробности въ III томѣ.

31) Полковникъ Иванъ Андреевичъ Клингеръ, съ 12 апрѣля 1859 по 24 апрѣля 1864 г. Воспитанникъ Дворянскаго полка, началъ службу въ 1837 году прапорщикомъ въ Минскомъ полку, съ которымъ и прибылъ на Кавказъ въ званіи адъютанта начальника 14-й дивизіи, въ 1845 году назначенъ полковымъ адъютантомъ, а въ 1846 для особыхъ порученій къ командующему войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, въ 1847 году проѣзжая по службѣ въ Кизляръ былъ взятъ въ плѣнъ чеченскими хищниками, у которыхъ томился два съ половиною года въ тяжеломъ до невыносимости положеніи; эта катастрофа отозвалась и на здоровьи и на характерѣ г. Клингера. По возвращеніи изъ плѣна назначенъ былъ старшимъ адъютантомъ въ штабъ войскъ Кавказской линіи, затѣмъ въ чинѣ подполковника переведенъ во вновь сформированный 20 стрѣлк. бат., который и принялъ въ командованіе въ 1858 г., а въ 1859 назначенъ командиромъ Кабардинскаго полка. Характеристика его помѣщена въ III томѣ.

32) Полковникъ Эдуардъ Филипповичъ Экельнъ, съ 24-го апрѣля 1864 г. по 23-е декабря 1867 г. Изъ камеръ-пажей выпущенъ лейбъ-гвардіи въ Волынскій полкъ прапорщикомъ въ 1847 году, но за просрочку въ отпуску болѣе 3-хъ мѣсяцевъ переведенъ въ 1848 году тѣмъ же чиномъ въ Апшеронскій полкъ, а изъ него въ 1850 г. въ Ширванскій; въ 1858 г. поступилъ адъютантомъ къ генералъ-адъютанту князю Орбельяну, а въ 1861 г. въ чинѣ маіора назначенъ командиромъ 19-го Стрѣлковаго батальона, входившаго въ составъ войскъ дѣйствовавшихъ въ Закубанскомъ краѣ. Съ

этихъ поръ началась извѣстность Экельна, какъ распорядительнаго, лихого въ дѣлѣ офицера; графъ Евдокимовъ обратилъ на него вниманіе особенно при атакѣ за р. Бѣлою занятой горцами высоты, гдѣ Экельнъ повелъ свой батальонъ въ отличномъ порядкѣ, какъ на ученіи, и съ тѣхъ поръ графъ уже видимо его отличалъ; подвигаясь быстро въ чинахъ, онъ въ 1864 г. съ производствомъ въ полковники прямо назначенъ былъ командиромъ Кабардинскаго полка. Молодымъ офицеромъ Экельнъ былъ шалунъ большой руки и въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ объ немъ въ свое время ходило много разсказовъ, какъ объ участникѣ разныхъ, такъ сказать, шелопайскихъ подвиговъ; одинъ разъ, въ ночномъ похожденіи, изъ окна атакованной нѣсколькими шалунами квартиры какой-то полковой дамы, раздался выстрѣлъ и Экельнъ былъ довольно тяжело раненъ дробью. Этотъ случай и былъ поводомъ перевода его изъ Апшеронскаго полка, расположеннаго въ Шурѣ, въ Ширванскій полкъ. Но тамъ онъ исподоволь остепенился, а природный умъ, извѣстная доля свѣтскаго образованія и правила порядочнаго человѣка вскорѣ поставили его въ рядъ хорошихъ офицеровъ и приблизили къ князю Г. Д. Орбельяну, что и повело къ дальнѣйшей карьерѣ. Какъ командиръ полка, Экельнъ, насколько я слышалъ, былъ уважаемъ офицерами за свои безпристрастныя ко всѣмъ отношенія, служебную исполнительность и радушіе. Онъ первый предложилъ ввести въ полку проектированную систему хозяйственныхъ комитетовъ, отказавшись такимъ образомъ отъ всякой личной выгоды. Вслѣдствіе репутаціи отличнаго боевого офицера, вполнѣ пользовался расположеніемъ наивысшихъ Кавказскихъ военныхъ властей и въ чинѣ полковника былъ назначенъ помощникомъ начальника Терской области по званію атамана Терскаго войска. Тутъ произошли какія-то недоразумѣнія между нимъ и начальникомъ области и онъ, вдругъ, съ пути, какъ казалось, къ блестящей служебной карьерѣ, вышелъ въ отставку, уѣхалъ заграницу и куда-то исчезъ— по словамъ однихъ, кончилъ самоубійствомъ въ Висбаденѣ, за неимѣніемъ средствъ къ жизни, по словамъ другихъ — отправился въ Америку искать счастія... Во всякомъ случаѣ, жаль человѣка: ни ума, ни способностей отнять у него нельзя и, несомнѣнно, онъ былъ бы для военнаго дѣла вполнѣ хорошимъ генераломъ, могущимъ съ пользою послужить государству. Повредила ему, слѣдуетъ думать, нѣкоторая самоувѣренность — вслѣдствіе быстраго повышенія и преувеличенныхъ расточаемыхъ ему комплиментовъ и знаковъ особаго отличія, а также отвлеченіе отъ прямой служеб-

ной дороги въ новую сферу казачьяго управленія. Какъ частный человѣкъ, Экельнъ былъ любезный собесѣдникъ, гостепріимный хозяинъ, вообще симпатичный человѣкъ, но страстный игрокъ въ карты на большія суммы. Фамилія Экельна, впрочемъ, не была новою для Кабардинскаго полка: въ формулярныхъ спискахъ 1774 г. значится въ полку прапорщикъ Іоганъ Якобъ фонъ-Экельнъ, 25-ти лѣтъ, принятый въ русскую службу 21-го августа 1773 года изъ капитановъ земскихъ ротъ княжества Изенбургскаго. Безъ сомнѣнія это и былъ предокъ нашего Экельна, полковаго командира.

33) Флигель-адъютантъ полковникъ Михаилъ Ивановичъ Батьяновъ, съ 23-го декабря 1867 по январь 1878 г. Въ службѣ мичманомъ флота съ 1852 г., участвовалъ съ отличіемъ въ защитѣ Севастополя, за что и получилъ Георгія 4-й ст.; въ 1856 году перешелъ въ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, а въ 1858 г. въ Царскосельскій гвардейскій стрѣлковый батальонъ, откуда, будучи штабсъ-капитаномъ, переведенъ въ 1861 году маіоромъ въ Житомірскій егерскій полкъ съ назначеніемъ состоять для особыхъ порученій при главнокомандующемъ Кавказскою арміею. Въ чинѣ подполковника въ 1865 году назначенъ командиромъ, 20-го стрѣлковаго батальона, произведенъ въ полковники въ 1867 г. и вскорѣ принялъ Кабардинскій полкъ, которымъ командовалъ болѣе 10-ти лѣтъ. За дѣятельное участіе въ усмиреніи вспыхнувшаго въ 1877 г. въ Чечнѣ возстанія М. И. Батьяновъ произведенъ въ генералъ-маіоры свиты и назначенъ командиромъ 2-й бригады 1-й гренадерской дивизіи. — Память о себѣ онъ оставилъ въ полку наилучшую.

34) Флигель-адъютантъ полковникъ князь Николай Сергѣевичъ Долгоруковъ, съ 31-го января 1858 по 5-е ноября 1879 г.; службу началъ въ 1858 г. юнкеромъ въ Конной гвардіи, но чрезъ годъ, за дуэль съ графомъ Опперманомъ, по суду разжалованъ въ рядовые въ Кабардинскій полкъ; принявъ участіе въ зимнихъ дѣйствіяхъ съ 1858 по 1859 годъ и въ наступленіи отряда въ 1859 году на Андійскія высоты, а затѣмъ въ 1860—61 годахъ за Кубанью, князь Долгоруковъ получилъ георгіевскій крестъ и въ сентябрѣ 1861 г. произведенъ въ прапорщики; переведенный въ Преображенскій полкъ, съ назначеніемъ вскорѣ флигель-адъютантомъ, онъ въ 1876 г. былъ уже полковникомъ, а въ январѣ 1878 г. назначенъ командиромъ полка. Кратковременное его командованіе совпало съ кровавымъ эпизодомъ (28-го августа 1879 г.) неудач-

наго штурма Ахалтекинскаго укрѣпленія Денгиль-Тэпе, гдѣ князь Долгоруковъ былъ съ 4-мъ батальономъ полка и начальствовалъ авангардомъ. Сдавъ полкъ нынѣшнему командиру, флигель-адъютанту полковнику фонъ-Эндену, онъ получилъ лестное назначеніе состоять при особѣ императора германскаго.

СПИСОКЪ

Офицеровъ Кавардинскаго пѣхотнаго полка, убитыхъ и умершихъ отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіяхъ съ непріятелемъ. (До 1802 года, за всѣми стараніями, свѣдѣній собрать не могъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, уже обозначенныхъ въ самомъ текстѣ исторіи при описаніи сраженій).

1) Габугадзевъ, Петръ, капитанъ, 8-го октября 1802 г. *) убитымъ.

2) Гуляковъ, Василій, генералъ-маіоръ, шефъ полка, 3-го марта 1804 г. убитымъ.

3) Бадировъ, Абрамъ, поручикъ, 3-го марта 1804 г. убитымъ.

4) Занаревскій, подпоручикъ, 3-го марта 1804 г. умершимъ отъ ранъ.

5) Волчановскій, поручикъ, 1-го іюня 1806 г. умершимъ отъ ранъ.

6) Воробьевъ, Алексѣй, поручикъ, 27-го августа 1810 г. убитымъ.

7) Суговской, подпоручикъ, 27-го августа 1810 г. убитымъ.

8) Коноплинъ, прапорщикъ, 27-го августа 1810 г. убитымъ.

9) Горбунъ, Петръ, прапорщикъ
10) Рейхъ, Платонъ, прапорщикъ
} умерли отъ ранъ полученныхъ въ дѣлѣ съ имеретинами, первый 27 іюня, второй 9 августа 1810 г.

11) Чижевскій, штабсъ-капитанъ, 31-го мая 1812 г. убитымъ.

12) Орловъ, поручикъ, 31-го мая 1812 г. убитымъ.

13) Грековъ, поручикъ, 13-го марта 1813 г. умершимъ отъ ранъ.

---

*) Числа эти означаютъ время состоявшагося приказа объ исключеніи изъ списковъ.

14) Данниковъ, подпоручикъ, 13-го марта 1813 г. убитымъ.

15) Лазаревичъ-Шепелевскій, подпоручикъ, 13-го марта 1813 г. убитымъ.

16) Гавриловъ, Павелъ, прапорщикъ, 20-го апрѣля 1833 г. умершимъ отъ ранъ.

17) Ивановъ, Николай, маіоръ, 23-го ноября 1834 г. умершимъ отъ ранъ.

18) Велисарій, Христофоръ, штабсъ-капитанъ, 2-го января 1836 года умершимъ отъ ранъ.

19) Верхоланцевъ, Михаилъ, поручикъ, 25-го іюля 1837 г. умершимъ отъ ранъ.

20) Брянскій, прапорщикъ, убитъ 7-го августа 1837 г.

21) Стіерн-Кранцъ, Ѳедоръ, прапорщикъ, 9-го августа 1838 г. умершимъ отъ ранъ.

22) Балашъ, Яковъ, капитанъ, 17-го іюля 1839 г. убитымъ.

23) Зеленскій, Ѳедоръ, прапорщикъ, 17-го іюля 1839 г. убитымъ.

24) Генушъ, Александръ, штабсъ-капитанъ, 13-го августа 1839 года убитымъ.

25) Мачихинъ, Ѳедоръ, подпоручикъ, 13-го августа 1839 г. умершимъ отъ ранъ.

26) Толмачевъ, Матвѣй, маіоръ, 21-го августа 1839 г. умершимъ отъ ранъ.

27) Орелъ, Василій, капитанъ, 10-го октября 1839 г. убитымъ.

28) Денисенко, Владиміръ, подполковникъ, 7-го ноября 1839 г. умершимъ отъ ранъ.

29) Казначеевъ, Леодоръ, подпоручикъ, 7-го ноября 1839 г. умершимъ отъ ранъ.

30) Ковалевскій, Войцехъ, прапорщикъ, 30-го марта 1840 г. умершимъ отъ ранъ.

31) Билимовъ, Иванъ, штабсъ-капитанъ, 18-го декабря 1804 г. убитымъ.

32) Соколовъ, Дмитрій, штабсъ-капитанъ, 18-го декабря 1840 г. убитымъ.

33) Суринъ, Василій, прапорщикъ, 16-го января 1841 г. умершимъ отъ ранъ.

34) Власьевъ, Всеволодъ, подполковникъ, 29-го ноября 1841 г. умершимъ отъ ранъ.

35) Пересвѣтовъ, Викторъ, прапорщикъ, 14-го декабря 1841 г. убитымъ.

36) Мещеряковъ, Степанъ, штабсъ-капитанъ, 7-го марта 1842 г. умершимъ отъ ранъ.

37) Іевангуловъ, Егоръ, прапорщикъ, 6-го іюля 1842 г. убитымъ.

38) Островскій, Михаилъ, подполковникъ, 6-го іюля 1842 г. убитымъ.

39) Траскинъ, Константинъ, подполковникъ, 10-го іюля 1842 г. убитымъ.

40) Миклашевскій, Никандръ, поручикъ, 8-го іюля 1842 г. убитымъ.

41) Александровичъ, Романъ, капитанъ, 13-го августа 1842 г. умершимъ отъ ранъ.

42) Перепелицынъ, Ануфрій, поручикъ, 18-го августа 1842 г. умершимъ отъ ранъ.

43) Есиповъ, Аркадій, прапорщикъ, 12-го іюля 1843 г. умершимъ отъ ранъ.

44) Оболенскій, Петръ, поручикъ, 18-го февраля 1844 г. умершимъ отъ ранъ.

45) Померанцевъ, Арсеній, прапорщикъ, 18-го февраля 1844 г. умершимъ отъ ранъ.

46) Раздорскій, Игнатій, штабсъ-капитанъ, 22-го сентября 1844 года, убитымъ.

47) Маевскій, Александръ, поручикъ, 21-го іюля 1845 г. убитымъ.

48) Ранжевскій, Іосифъ, полковникъ, 22-го августа 1845 г. убитымъ.

49) Тимоховичъ, Василій, штабсъ-капитанъ, 3-го сентября 1845 года убитымъ.

50) Войниловичъ, Антонъ, прапорщикъ, 3-го сентября 1845 г. убитымъ.

51) Ильинскій, Владиміръ, прапорщикъ, 7-го сентября 1845 г. убитымъ.

52) Базилевичъ-Верховскій, Александръ, прапорщикъ, 7-го іюля 1846 г. убитымъ.

53) Криворучковъ, Михаилъ, прапорщикъ, 11-го августа 1847 г. убитымъ.

53) Ярошевскій, Николай, прапорщикъ, 22-го сентября 1847 г. убитымъ.

55) Гернгросъ, Павелъ, прапорщикъ, 28-го февраля 1848 г. умершимъ отъ ранъ.

56) Мясоѣдовъ, Василій, прапорщикъ, 23-го марта 1848 г. умершимъ отъ ранъ (въ плѣну у горцевъ).

57) Кириленко, Георгій, маіоръ, 9-го августа 1848 г. умершимъ отъ ранъ.

58) Старосельскій, Николай, поручикъ, 9-го августа 1848 г. умершимъ отъ ранъ.

59) Медвѣдевъ, Александръ, прапорщикъ, 14-го сентября 1858 г. умершимъ отъ ранъ.

60) Козинцовъ, Николай, капитанъ, 6-го февраля 1849 г. убитымъ.

61) Качинскій, Антонъ, штабсъ-капитанъ, 6-го февраля 1849 г. убитымъ.

62) Кн. Бебутовъ, Николай, прапорщикъ, 15-го февраля 1852 г. убитымъ.

63) Корсаковъ, Мстиславъ, поручикъ, 17-го марта 1852 г. умершимъ отъ ранъ.

64) Недѣльковъ, Николай, прапорщикъ, 28-го мая 1852 г. умершимъ отъ ранъ.

65) Богдановичъ, Левъ, капитанъ, 19-го сентября 1852 г. убитымъ.

66) Быковскій, Михаилъ, штабсъ-капитанъ, 19-го сентября 1852 г. убитымъ.

67) Апрѣлевъ, Петръ, капитанъ, 30-го декабря 1852 г. умершимъ отъ ранъ.

68) Урусовъ, Викторъ, поручикъ, 1-го августа 1854 г. убитымъ.

69) Ивенсенъ, Генрихъ-Эдуардъ, поручикъ, 24-го мая 1826 г. убитымъ.

70) Фридовскій, Николай, прапорщикъ, 28-го мая 1857 г. умершимъ отъ ранъ.

71) Батыръ-Мурза-Уцміевъ, прапорщикъ, 9-го февраля 1858 г. убитымъ.

72) Кн. Грузинскій, Дмитрій, прапорщикъ, 10-го іюля 1860 г. убитымъ.

73) Камышанскій, Григорій, подпоручикъ, 13 января 1878 г. убитымъ.

74) Михайловъ, Богданъ, капитанъ, 8-го января 1878 г. умершимъ отъ ранъ.

75) Смирновъ, Афонасій, прапорщикъ, 7-го ноября 1879 г. убитымъ.

76) Скорино, Феликсъ, капитанъ, 7-го ноября 1879 г. убитымъ.

Въ полковомъ саду въ Хасавъ-юртѣ есть памятникъ съ надписью: «Кабардинскаго полка въ дѣлахъ съ горцами на Кавказѣ *съ 1839 по 1860 годъ* всѣхъ чиновъ убито 2,131, ранено 3,084; на оборотѣ: «признательный полкъ своимъ павшимъ въ бою сослуживцамъ». Если къ этому прибавить павшихъ до 1839 г. хотя бы только съ 1800 г., да съ 1860 за Кубанью, въ Чечнѣ и Дагестанѣ при усмиреніи возмущеній и наконецъ въ Закаспійскомъ краѣ, то цыфра окажется весьма внушительная.

DATE DUE			
NOV 05 1991	-ILL		

16—

470

